АРХЕОЛОГИЯ СССР

Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время

Ответственный редактор тома
доктор исторических наук
М. Г. МОШКОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ● «НАУКА» ● МОСКВА 1992

ББК 63.4(2)
А 87

Археология СССР
с древнейших времен до средневековья
в 20 томах

* ПАЛЕОЛИТ СССР 1984
* МЕЗОЛИТ СССР 1989
НЕОЛИТ ЮГА СССР. НЕОЛИТ СЕВЕРА СССР
* ЭНЕОЛИТ СССР 1982
ЭПОХА БРОНЗЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАВКАЗА
ЭПОХА БРОНЗЫ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ
* ЭПОХА БРОНЗЫ ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ СССР 1987
* ДРЕВНЕЙШИЕ ГОСУДАРСТВА КАВКАЗА И СРЕДНЕЙ АЗИИ 1985
* АНТИЧНЫЕ ГОСУДАРСТВА СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ 1984
* СТЕПИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР В СКИФО-САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ 1989
СТЕПНАЯ ПОЛОСА АЗИАТСКОЙ ЧАСТИ СССР В СКИФО-САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ
РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ СССР
СЛАВЯНЕ И ИХ СОСЕДИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э.
* ВОСТОЧНЫЕ СЛАВЯНЕ В VI—XIII ВВ. 1982
* ДРЕВНЯЯ РУСЬ, ГОРОД, ЗАМОК, СЕЛО 1985
ДРЕВНЯЯ РУСЬ. ЗОДЧЕСТВО, КУЛЬТУРА, БЫТ
* ФИННО-УГРЫ И БАЛТЫ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ 1987
* СТЕПИ ЕВРАЗИИ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ 1981
КРЫМ И КАВКАЗ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
СРЕДНЯЯ АЗИЯ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

* Звездочкой помечены вышедшие тома. Цифрой обозначен год выхода тома

Том посвящен кочевникам раннего железного века (VII в. до н. э. — IV в. н. э.), населявшим степи Азии от Урала до Забайкалья. В основу издания положен археологический материал, полученный при раскопках погребальных и бытовых памятников. Комплексный анализ археологических источников в совокупности со сведениями древних авторов позволил исследователям реконструировать материальную и духовную культуру древних кочевников, дать представление об их хозяйстве, общественном строе, взаимоотношениях с окружающим оседлым населением, их экономическом развитии. Для археологов, историков, этнографов.

Рецензенты:

кандидат исторических наук
В. В. ВОЛКОВ,

доктор исторических наук
Г. А. КОШЕЛЕНКО

Авторы тома:

Б. В. АНДРИАНОВ
Н. А. БОКОВЕНКО
Э. Б. ВАДЕЦКАЯ
Б. И. ВАЙНБЕРГ
О. А. ВИШНЕВСКАЯ
Н. Г. ГОРБУНОВА
М. П. ГРЯЗНОВ
Ю. А. ЗАДНЕПРОВСКИЙ
М. А. ИТИНА
Л. М. ЛЕВИНА
А. М. МАНДЕЛЬШТАМ
В. А. МОГИЛЬНИКОВ
М. Г. МОШКОВА
М. Н. ПШЕНИЦЫНА
Э. У. СТАМБУЛЬНИК
Н. Л. ЧЛЕНОВА

А $\frac{0504000000\text{-}032}{042(02)\text{-}92}$ Подписное

ISBN 5-02-009916-3

ББК 63.4(2)

© Коллектив авторов, 1992

Предисловие

В настоящем томе «Археологии СССР» рассмотрена история развития кочевых и полукочевых племен, населявших в раннем железном веке просторы степей, полупустынь, предгорных районов и частично пустынь Средней Азии и Казахстана, Алтая, Тувы, Минусинской котловины, лесостепь Зауралья и Западной Сибири, наконец степную зону Восточной Сибири — Забайкалье. По структуре и содержанию он органически связан с предшествующим томом «Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время» и является его продолжением.

Следуя географическому принципу, том состоит из двух частей: первая объединяет памятники ранних кочевников Средней Азии и Казахстана, вторая — ранних кочевников всего Сибирского региона, включая Алтай, Туву и Забайкалье.

Начало I тысячелетия до н. э. на всей территории евразийских степей явилось периодом освоения жившим здесь населением последнего и самого важного металла — железа, сыгравшего революционную роль в истории человечества. С этого момента начинается эпоха, именуемая в исторической науке железным веком. Самая древняя фаза этой эпохи по принятой периодизации называется ранним железным веком.

Рубеж II—I и начало I тысячелетия до н. э. на просторах евразийской аридной зоны ознаменовались еще одним важным событием — становлением кочевых форм скотоводческого хозяйства, бывшего в тех условиях наиболее производительным, а потому и наиболее прогрессивным способом производства. Кочевничество является особым видом производящего хозяйства, в котором доминирующим занятием населения становится экстенсивное, подвижное скотоводство и бóльшая часть населения вовлечена в периодические перекочевки.

Почти повсеместный в евразийских степях переход к новым формам скотоводческого хозяйства мог произойти только благодаря взаимодействию ряда факторов. Среди них исследователи называют изменения природно-климатических условий; совершенствование приемов ведения скотоводческого хозяйства; оформление видового состава стада, оптимально приспособленного к условиям аридной зоны; новый уровень социальных отношений, связанный с возросшей имущественной и социальной дифференциацией, когда скот становится одной из форм накопления богатств, что создает стимул к увеличению стад; расширение обмена; повсеместное распространение колесно-упряжного транспорта; дальнейшее развитие коневодства; появление строгих удил и использование лошади для верховой езды, что произошло по имеющимся данным не позднее второй половины II тысячелетия до н. э. Накопление всех этих факторов подготовило почву для становления кочевого скотоводства, тем более что в некоторых засушливых зонах скотоводство практически изначально могло существовать только как кочевое [1]. Однако представляется справедливым замечание некоторых исследователей [Клейн Л. С., 1979. С. 18—22], что ведущими факторами, приведшими к перестройке хозяйства и быта во всем степном регионе и при этом практически одновременно, являлись, во-первых, особое свойство скота, который благодаря своей мобильности превращался в наиболее легко отчуждаемое богатство (в противоположность, например, запасам зерна), и, во-вторых, то обстоятельство, что именно к началу железного века сформировались оптимальные виды и типы вооружения. Это вкупе с кочеванием обеспечивало преимущество в охране и угоне скота. Война, по выражению К. Маркса, стала видом труда. Все эти условия и создали конкретно-историческую ситуацию, при которой переход к кочевому скотоводству (уже давно существовавшему в самых засушливых районах) в начале I тысячелетия до н. э. как цепная реакция охватил всю территорию степей и полупустынь Евразии. Новая хозяйственная деятельность обусловила существенные изменения почти во всех сферах материальной и духовной жизни скотоводов.

Период развития кочевых обществ с момента их становления и до раннего средневековья (т. е. до V в. н. э.) принято называть эпохой ранних кочевников (в отличие от эпохи поздних кочевников, охватывающей время с V в. н. э. до наших дней), культурам которых на территории Средней Азии, Казахстана, Сибири и посвящается настоящий том. Термин этот, предложенный в конце 30-х годов [Грязнов М. П., 1939а] и поддержанный в 1960 г. [Черников С. С., 1960а. С. 17, 18], выражает суть эпохальных процессов, происходивших на определенной территории, и характеризует продолжительный исторический период развития племенных и этнических образований с присущими им закономерностями [2]. Но территория, которую мы рассматриваем, огромна, и при общности основных природно-климатических параметров каждый географический регион — будь то восточное Приаралье, Центральный или Восточный Казахстан, Семиречье, Алтай,

---

[1] Появление первых элементов кочевого уклада В. П. Шилов относит к ямной эпохе и считает, что в эпоху срубной культуры существовало уже два хозяйственных уклада — оседлый скотоводческо-земледельческий и кочевой [*Шилов В. П.*, 1970. С. 25].

[2] Предложенный позднее термин «эпоха древних кочевников» [*Хазанов А. М.*, 1973. С. 9; 1975. С. 272] отражает суть тех же процессов и в тот же хронологический отрезок. Однако, помимо иной номенклатуры, в основу этой периодизации положены и иные критерии. Автор ее предложил взять за основу всегда существовавшую тесную и детерминированную связь между кочевыми и оседло-земледельческими обществами. Как считает А. М. Хазанов, представляется допустимым разделить историю развития кочевых обществ на три эпохи в соответствии с общей периодизацией всемирной истории: эпоха кочевников древних, средневековых и нового времени [*Хазанов А. М.*, 1975. С. 272].

Тува и т. д.— имеет свои отличительные особенности. Именно они и диктовали жившему там населению различные формы скотоводческого кочевого хозяйства.

Теоретической основой для понимания сущности разнообразных форм хозяйственной деятельности человека является разработанная советскими этнографами концепция хозяйственно-культурных типов, которая дает возможность системного подхода к истолкованию этнографических и археологических источников [Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н., 1955; Андрианов Б. В., 1985). Согласно этой концепции хозяйственно-культурный тип кочевого скотоводства определяется как «хозяйство... высоко специализированное, ...связанное с кочевым образом жизни, что в свою очередь накладывает глубокий отпечаток на всю культуру кочевников. Они разводят главным образом лошадей, крупный и мелкий рогатый скот (особенно овец); в некоторых областях большую хозяйственную роль играет также разведение верблюдов... Основу питания составляет мясная и молочная пища... Способы изготовления молочных продуктов очень разнообразны (различные виды квашеного молока и сыр, приготовление из молока опьяняющих напитков и т. д.). Главный тип жилища — переносной шатер (форма его варьирует), крытый полотнищами из шерсти (тканными или валяными) или реже — кожей. Утварь преимущественно кожаная; гончарство, как правило, отсутствует» [Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н., 1955. С. 9] [3].

В дальнейшем эта характеристика разрабатывалась и уточнялась. Высказано мнение, что ни один хозяйственный тип не существовал в чистом виде и в той или иной степени хозяйство всегда комплексно. Но определяет хозяйственную основу общества доминирующий вид хозяйственной деятельности. У кочевых скотоводов его образует экстенсивное пастбищное скотоводство, при котором разведение животных представляет главный вид занятий населения и доставляет основную часть средств существования [Марков Г. Е., 1981. С. 84]. В рамках этого кочевого хозяйства выделяются хозяйственные подтипы, или виды,— кочевое и полукочевое, принципиальных различий между которыми не существует, ибо отсутствуют универсальные признаки, по которым можно различать собственно кочевое («чистые» кочевники) и полукочевое хозяйство во всех районах распространения кочевничества. Различия между ними относительны и выявляются в каждом отдельном территориально ограниченном регионе [Марков Г. Е., 1973. С. 102; 1981. С. 84]. При собственно кочевом способе хозяйства амплитуда кочевания, как правило, значительна (учитывая местные условия). Скотоводы-кочевники или вовсе не знают земледелия (например, монголы, калмыки, казахи-адаевцы и т. д.), или оно играет минимальную роль в их общем хозяйственном комплексе. Но при этом у них бесспорно существуют другие виды деятельности — охота, военный промысел, торговля. У полукочевников несколько меньшая подвижность, большую роль в хозяйстве играют всякого рода вспомогательные виды деятельности и в первую очередь земледелие [Марков Г. Е., 1981, С. 85]. Археологические культуры кочевников-скотоводов, рассматриваемые в настоящем томе, как раз и демонстрируют широкий спектр разнообразных видов скотоводческого хозяйства с разной степенью подвижности в рамках одного хозяйственно-культурного типа — кочевого скотоводства.

Заслуживает внимания замечание о том, что далеко не всегда мы в состоянии определить хозяйство древних скотоводческих племен и соответственно отнести его к тому или иному типу или подтипу. Поэтому в некоторых случаях по отношению к ранним, или древним, кочевникам целесообразнее применять более общий термин «подвижные скотоводы» [Марков Г. Е., 1973. С. 102].

Итак, в первых веках I тысячелетия до н. э. в евразийских степях произошел повсеместный переход к кочевому скотоводству и сформировались новые археологические культуры, ознаменовавшие начало эпохи ранних кочевников. При всем своеобразии каждой из них все они образуют некое единство, которое обусловлено рядом обстоятельств — это сходная среда обитания и соответственно одинаковый жизненный уклад, мобильность, способствующая установлению культурных контактов с самыми отдаленными территориями, близкий уровень социально-экономического развития и, наконец, общая генетическая подоснова, восходящая в евразийских степях к срубно-андроновскому пласту. Все эти причины послужили основой для сложения близких по многим параметрам культур. Однако существующее между культурами сходство маркируется несколькими неравнозначными терминами: «скифо-сибирское единство», «скифо-сибирская общность» «скифский мир». Последний термин — «скифский мир» — наиболее нейтрален, а потому предпочтителен. В своих характерных чертах близость культур складывается в раннескифскую эпоху, но отдаленные истоки и корни этого явления можно видеть в культурных контактах и связях, которые существовали у древнейших скотоводов еще в бронзовом веке. Сейчас уже можно говорить об ямно-афанасьевских, срубно-андроновских и карасукско-киммерийских культурных параллелях. Кроме того, именно в бронзовом веке в степях Евразии стал распространяться европеоидный антропологический тип населения, который господствует в культурах скифского времени. Наиболее ярко общность культур евразийских кочевников, расселившихся от Дуная до Монголии, проявилась в существовании у этих племен так называемой скифской триады, в состав которой входят близкие формы вооружения, конского снаряжения и своеобразное искусство скифо-сибирского звериного стиля. Однако общих черт в содержании кочевых культур скифо-сибирского мира значительно больше. Сюда могут быть отнесены скифские котлы, отчасти памятники монументального искусства — оленные камни, петроглифы, общие в ряде случаев приемы устройства могильных сооружений, детали погребального обряда. Конкретные природно-географические и исторические условия способствовали формированию в каж-

[3] Надо иметь в виду, что определение это выработано на основе этнографических источников, а потому такой признак, как отсутствие гончарства, практически неприемлем для ранних кочевников скифо-сарматского времени (VII в. до н. э.— IV в. н. э.), которые в большинстве случаев изготовляли свою лепную керамику.

дом отдельном регионе степной зоны ярко индивидуальной культуры кочевого населения. Письменные источники донесли до нас наименования некоторых из этих племен. На западе евразийских степей с VII в. до н. э. господствовали скифы, к востоку от них расселились савроматы и родственные им кочевники южноуральских степей. На территории Средней Азии сложились крупные племенные объединения саков, массагетов, дахов, в состав которых входили и другие более мелкие группировки. Достоверные названия кочевых и полукочевых племен, населявших степные и предгорные районы Алтая, Тувы, Минусинской котловины, нам неизвестны. Лишь для территории Забайкалья со II в. до н. э. можно говорить о племенах хуннов.

Первая периодизация культур раннего железного века для Восточной Европы была разработана на основе скифских памятников Северного Причерноморья, исследование которых началось около середины XIX в. В силу своего географического положения и тесных связей с северопричерноморскими колониями большинство скифских памятников содержало античные вещи, которые на первых порах послужили единственной возможностью для хронологических привязок. В дальнейшем археологические культуры восточных кочевников соотносились уже со скифскими памятниками.

До недавнего времени общепринятой датой начала скифской культуры считалась вторая половина VII в. до н. э. Периодизация раннего железного века европейской, да и всей азиатской территории включала в себя предскифский период VIII—VII вв. до н. э., когда железные изделия употреблялись еще наряду с бронзовыми; скифский VII—III вв. до н. э.— время господства железных орудий труда и оружия; сарматский II в. до н. э.— IV в. н. э. Однако сейчас все чаще высказывается иная точка зрения о начальной дате скифского периода, нашедшая отражение и в настоящем томе. Еще в 1953 г. А. А. Иессен предлагал считать начальным этапом скифской культуры в широком понимании этого термина VIII—VII вв. до н. э. [Иессен А. А., 1953]. Первоначально почти никакой поддержки эта гипотеза не получила. Лишь в 80-е годы, после раскопок знаменитого кургана Аржан (Тува), М. П. Грязнов вернулся к этой идее и вновь сформулировал ее суть. По его мнению, начальной фазой развития скифо-сибирских культур следует считать IX—VII вв. до н. э., поскольку весь инвентарь памятников того времени «принадлежит начальным формам скифских вещей. И хотя эти вещи хорошо отличимы от „раннескифских" VII—VI вв. до н. э., но отличаются они от них в такой же мере, как эти последние отличимы от вещей расцвета скифской культуры V—III вв. до н. э.» [Грязнов М. П., 1983а. С. 3].

Памятники IX—VII вв. до н. э., т. е. начальной фазы развития скифо-сибирских культур, по мнению М. П. Грязнова, представлены в следующих районах евразийского пояса степей: Северное Причерноморье, Северный Кавказ и Предкавказье, восточное Приаралье, Центральный Казахстан, Алтай, степи и лесостепи к западу и северу от него, Минусинская котловина, Тува, Монголия, Ордос [Грязнов М. П., 1983а. С. 3—18]. Исследователи ленинградской школы поддержали точку зрения М. П. Грязнова, в чем можно убедиться, познакомившись с разделами, написанными Ю. А. Заднепровским и Н. А. Боковенко. Отчасти к этой гипотезе присоединился и А. М. Мандельштам. Он датирует комплекс кургана Аржан концом VIII — первой половиной VII в. до н. э. и относит его к заключительной фазе выделенного М. П. Грязновым аржано-черногоровского периода IX—VII вв. до н. э. Позиция А. М. Мандельштама представляется наиболее реальной. Для скифских памятников Северного Причерноморья такая периодизация не привилась, не получила поддержку она и у исследователей приаральских саков, тасмолинской культуры (М. А. Итина, О. А. Вишневская) и древностей Минусинской котловины (Н. А. Членова).

Учитывая эти разногласия, мы сочли правомерным, чтобы в разделе о ранних саках Приаралья (М. А. Итина) был представлен не только Южный Тагискен — могильник сакского времени, но и северный некрополь Тагискена с захоронениями периода поздней бронзы X—VIII вв. до н. э. Материалы последнего хронологически предшествуют раннесакскому комплексу и существенно отличаются от него. Очень важны они и для понимания генезиса раннесакской культуры.

Каждый из двух крупных рассматриваемых в томе регионов — Средняя Азия и Сибирь — имел свою специфику в развитии кочевых и полукочевых народов раннего железного века. Для Средней Азии такое своеобразие определялось соседством и активным взаимодействием кочевников с оседло-земледельческим населением. Близость Ахеменидской державы, северные сатрапии которой частично охватывали и земли, заселенные кочевым населением, Парфянского и Кушанского государств, в создании которых приняли участие кочевые племена, дав, к тому же, начало правящим династиям, наконец, участие в разгроме Греко-Бактрийского царства — все это не могло не отразиться на материальной и духовной культурах среднеазиатских кочевников. Кочевые и оседлые сообщества Средней Азии создавали единую экономическую, а нередко и политическую структуру, всецело зависели друг от друга и были заинтересованы друг в друге.

Если говорить об общих специфических признаках, отличающих историю развития сибирских кочевых и полукочевых племен (исключая Зауралье и Западную Сибирь), то необходимо обратить внимание на очень длительное, в сравнении с западными областями, господство бронзовых орудий труда и оружия. Только в V—III вв. до н. э. начинается вытеснение бронзы железом, но железные изделия не составляют еще большинства. Лишь ко II в. до н. э. железо в этом регионе начинает завоевывать господствующее положение.

Однозначного объяснения этого феномена не существует. Но, видимо, большое значение имели два фактора: мощная сырьевая база с налаженной добычей руды для выплавки бронзы и существование древних и очень живучих традиций производства бронзовых изделий. В сочетании с удаленностью от древних цивилизаций и определенной обособленностью этих районов, особенно Минусинской котловины, оба эти условия могли оказаться решаю-

щими для длительного сохранения бронзовой индустрии.

Что касается сведений письменных источников о племенах, населявших Среднюю Азию и Сибирь, то и в этом отношении регионы находятся не в равном положении. Относительно среднеазиатских кочевников мы располагаем не только несколькими этнонимами отдельных племен или племенных объединений, но и некоторыми вполне конкретными сведениями этнографического и исторического характера.

Данные письменных источников о природе и жителях столь отдаленных территорий, как Алтай, Тува, Минусинская котловина, чрезвычайно скудны и малодостоверны. В несравненно лучшем положении оказались лишь хунны Забайкалья, поскольку хуннские объединения издавна воевали с Китаем, а потому всегда интересовали политиков и географов древнего Китая.

Включение в состав тома культур оседлого населения Зауралья и западносибирской лесостепи обусловлено теснейшими контактами его с южными и западными кочевыми соседями. На протяжении всей истории эти племена были вовлечены в орбиту влияния степных кочевников (а временами, возможно, и подчинялись им), что наложило заметный отпечаток на все стороны их жизни. Близости этих культур способствовал и характер земледельческо-скотоводческого хозяйства лесостепных племен: преобладание скотоводства над земледелием и значительная подвижность, связанная с существованием яйлажно-пастушеской, а иногда и полукочевой форм скотоводства.

В создании настоящего тома принимали участие сотрудники Института археологии и Института этнографии АН СССР. Раздел «Кочевники северо-западной Туркмении» написан Б. И. Вайнберг в соавторстве с Х. Ю. Юсуповым — сотрудником Института истории Туркменской ССР. Раздел «Общие сведения о ранних кочевниках Средней Азии и их группировках» подготовлен научным сотрудником Государственного Эрмитажа Н. Г. Горбуновой по работам А. М. Мандельштама. Ею написана часть раздела по народам, обитавшим в северо-восточной части Средней Азии. Все таблицы к разделам А. М. Мандельштама (табл. 40—43; 71—83) подготовлены и составлены Э. У. Стамбульник, а к разделу М. П. Грязнова (табл. 60—70) — М. Н. Пшеницыной. Карта к тексту М. П. Грязнова составлена Л. С. Марсадоловым, а к тексту А. М. Мандельштама по Туве — Н. А. Боковенко. К остальным разделам все таблицы и карты подготовлены авторами.

Авторы по возможности старались учесть и отразить не только уже опубликованные материалы, но и результаты раскопок последних лет. Мы приносим благодарность всем археологам Средней Азии, Казахстана и Сибири, предоставившим в наше распоряжение свои новые материалы.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Кочевые племена Средней Азии и Казахстана в скифо-сарматское время

Введение

Глава первая
Саки Приаралья

Глава вторая
Семиречье, Тянь-Шань, Фергана и Памир

Глава третья
Ташкентский оазис, средняя Сырдарья
и Среднеазиатское междуречье

Глава четвертая
Левобережный Хорезм
и северо-западная Туркмения

Глава пятая
Центральный и Восточный Казахстан

Введение

Природные условия и хозяйственные зоны

Средняя Азия и Казахстан расположены в центре Евразии, в самой широкой части аридного пояса, где широтные зоны лесов и лесостепей с относительно высоким увлажнением отодвинуты далеко на север, уступая место сухой степи, полупустыне и пустыням — Каракумам и Кызылкумам. Это край обширных, жарких летом и прохладных зимой пустынных низменностей и горных систем, протянувшихся на юге от берегов Каспийского моря и невысоких Копетдагских гор до могучих нагорий и гор Памира, Тянь-Шаня, Джунгарского Алатау и Тарбагатая на самом востоке. На северо-западе степи Казахстана граничат с пустынными берегами Каспия, Волгой, Уральскими горами, а на севере и востоке — с Западно-Сибирской низменностью и Горным Алтаем.

Общая площадь всей территории 4 млн кв. км. Она удалена на тысячи километров от океанов и крупных морей, поэтому отличается континентальностью климата, малым количеством осадков, большими колебаниями температур, обилием безоблачных дней и высокой испаряемостью. Если на вершинах гор круглый год лежит снег, то на равнине, где-нибудь на берегах Амударьи, в песчаных грядах, летние температуры достигают 50° жары, и солнце неумолимо выжигает растительность. Поэтому вся жизнь здесь связана с водой и орошением.

Для каждой из главных природных зон — гор, предгорий и пустынных равнин — характерны свои особенности природы и хозяйственной деятельности обитателей.

Заметны различия в природных условиях между северной зоной со степными ландшафтами и самой южной зоной пустынь и гор Туркмении и Таджикистана с субтропическими ландшафтами и климатом. На западе у Каспийского моря преобладают жаркие и сухие низменности, а на востоке Средней Азии и Южного Казахстана — горы и возвышенности с более прохладным и влажным климатом. Для гор характерна вертикальная зональность ландшафтов. Но существенны и различия между юго-западной субтропической зоной (Копетдаг и южный Таджикистан) и северо-востоком Средней Азии с мощными горными системами центрального и северного Тянь-Шаня. Древние и почти безлесные горы Копетдага отличаются большой сухостью, пустынная растительность здесь поднимается до 1000 м над уровнем океана; выше — полынные и злаковые степи; на высоте 2400 м они сменяются горными лугами и скалистыми вершинами.

Высокие горные системы Тянь-Шаня имеют более богатую растительность. Они многоярусны. В предгорьях культурные земли (поля, сады, селения) постепенно сменяются полосой полупустынных сухих адыров, густо пересеченных оврагами, ручьями и реками. Выше — так называемые прилавки со степной растительностью и хорошими пастбищами. Вдоль рек и ручьев на высоте 1500 м встречаются леса. На сухих скалистых склонах растут лишь колючие кустарники, а травы изреживаются. Лишь там, где много влаги, распространены субальпийские и альпийские луга, это — богатые летние пастбища [Мурзаев Э., 1957. С. 202—207].

Все реки начинаются в горах. Амударья и Сырдарья пересекают обширную пустынную равнину и впадают в Аральское море; Атрек течет в Каспийское море, а реки Или, Лепса, Каратал — в Балхашское озеро. Но многие из рек (Зеравшан, Санзар, Теджен, Мургаб, Сарысу, Чу и др.) не доходят до крупных водоемов, иссякая на равнинах в песках.

На севере Казахстана водораздел, проходящий через Тарбагатай, Каркаралинские высоты и Южный Урал, отграничивает бессточные области Средней Азии и Казахстана от бассейна рек Северного Ледовитого океана, к которому принадлежат текущие по Северному Казахстану и впадающие в Обь реки Ишим, Тобол, Убаган.

Режим среднеазиатских рек разнообразен. Однако бóльшая часть из них, в том числе и самые крупные — Амударья и Сырдарья, имеют паводки в жаркое время года, что с давних времен благоприятствовало развитию в их долинах поливного земледелия. Реки несут с гор обильный ил, песок, мелкие камни. Тысячелетиями они откладывают на равнине аллювий, из которого и сложены песчаные толщи пустынных равнин. Бóльшая часть песков Каракумов — это наносы древней Амударьи, которая до верхнего плейстоцена несла воды в Каспий. Южные и Восточные Каракумы сложены наносами Теджена, Мургаба и Зеравшана. В нижних частях почти все среднеазиатские реки образуют обширные дельтовые области, где непрерывные гидрографические изменения приводят к отмиранию прежних дельтовых протоков и образованию новых. Там, куда устремляются основные протоки, отложение наносов происходит наиболее быстро и интенсивно; на окраинах, в понижениях, которые заросли камышами, воды, напротив, застаиваются и осветляются. Неравномерность отложений — главная причина исторических гидрографических изменений в дельтах рек. В отдельных рукавах вода течет с различной скоростью. Там, где откладывается больше всего наносов, уменьшающиеся уклоны не обеспечивают устойчивости потока, и наступает момент, когда основная масса воды, прорвав боковые валы, образует сначала разливы, а затем и новые русла, устремляясь по наибольшему уклону в новом направлении. На протяжении длительных периодов происходят перемещения районов интенсивного обводнения из одной части дельты в другую. Это можно назвать переме-

щением основного направления реки [Шульц В. А., 1945; Андрианов Б. В., 1951. С. 326].

В дельтовых областях и долинах рек преобладает травянисто-тугайная растительность. Здесь встречаются лугово-болотные, луговые, лугово-солончаковые, солончаковые и песчаные растительные ассоциации. На влажных участках с близкими грунтовыми водами растут обильные камыши, куга, кырк-бугим, юлгун, тал, ажрек и др. Почти все они представляют собой хороший корм для домашних животных. Заросли камышей в низовьях Амударьи и отчасти на Сырдарье поднимались еще недавно на высоту 5—8 м над уровнем разливов. Судя по этнографическим данным, камыши всегда служили не только хорошим кормом для крупного рогатого скота, но и строительным материалом для шалашей, загородок для ловли рыбы и т. п.

Дельтовые районы среднеазиатских рек на равнине окружены пустынями. В растительном покрове пустынных территорий преобладают псаммофитные кустарники, полукустарнички и травы (кустарники — черкеза, кандыма, травы — многие виды полыни, эфемеры, солянки и др.). Пустынно-древесная растительность представлена белым и черным саксаулом. В северной зоне солянково-полынных пустынь и полупустынь со злаками на бурых почвах размещены весенне-летние пастбища, где обычно выпасают и верблюдов. Южнее расположены весенние пастбища, где песчаные гряды покрываются зеленым ковром эфемерной растительности. Это травы — илак, арпаган, а также селин, еркек, кермек и др. Пустыни с грядовыми и бугристыми песками занимают самые крупные площади в Среднеазиатско-Казахстанском регионе. Пустыни пригодны для выпаса овец и верблюдов почти круглый год, хотя относительно малопродуктивны; здесь на зимних пастбищах сохраняются ковыль, жусан, кияк, солянка, биюргун, кокпек. В Центральном и Западном Казахстане, в Прикаспийской низменности сезонная смена пастбищ связана с распределением растительности [Крашенинников И. М., 1927. С. 43, след.].

Окаймляющая с юга пустынные равнины зона предгорий имеет плодородные сероземные почвы на пролювиальных и аллювиальных глинистых лёссовидных наносах. Здесь хорошие весенние пастбища с эфемерами и многолетними травами (мятлик луковичный, лютиковые, осока и др.) сочетаются с культурными оазисами, где природа преобразована тысячелетней хозяйственной деятельностью земледельцев.

На равнинах Средней Азии и Казахстана засушливые климатические условия и аридные ландшафты установились еще с конца третичного периода. Но они не были постоянными. На протяжении плейстоцена и голоцена климат неоднократно менялся в сторону большего или меньшего увлажнения, менялись структура и размещение речной сети. Такие крупные реки, как Амударья, Сырдарья, Зеравшан, Мургаб и Теджен, перемещали свои русла и дельты на десятки и даже сотни километров, обводняя различные районы пустынных равнин [Андрианов Б. В., Кесь А. С., 1967. С. 26].

В позднем неолите и эпоху бронзы западные районы Средней Азии и Казахстана получали значительно больше осадков, чем теперь, особенно в зимнее время, что способствовало обводненности каменистых плато Устюрта, Мангышлака, песчаных равнин, где в долинах рек бродячих охотников в то время сменили скотоводы и скотоводы-земледельцы. Аридизация климата Средней Азии и Казахстана и формирование жестких ксеротермических условий, близких к современным, начались на рубеже III—II тысячелетий до н. э. Это, с одной стороны, способствовало концентрации скотоводческо-земледельческого населения в наиболее увлажненных (дельтовых) областях, с другой — привело к оскудению водных ресурсов зоны предгорий и кризису хозяйства ранних земледельцев южной Туркмении [Виноградов А. В., 1981. С. 38, 39]. Уменьшению водоносности рек и ручьев способствовала и вырубка лесов на скалистых склонах Копетдага оседлыми земледельцами.

Палеогеографические исследования в Фергане показали, что в I тысячелетии до н. э. и первых веках нашей эры здесь после засушливого периода наступило относительное увлажнение, что отразилось на повышении водоносности р. Чирчик и трансгрессии Иссык-Куля. Следующая стадия увлажнения относится уже к IX—XII вв. н. э., когда в Ферганской долине были отмечены леса на очень низких уровнях [Серебряный Л. Ф. и др., 1980. С. 221]. Колебания увлажненности в Среднеазиатско-Казахстанском регионе происходили, однако, в пределах общей аридности климата. Как бы ни было заметно влияние климатических условий (увлажненности, средних температур) на судьбы древнего населения, эти изменения не меняли коренным образом характер главных ландшафтных зон — гор, предгорий и пустынных низменностей, где природные условия во многом определяли характер хозяйственной деятельности обитателей.

Существенное значение на равнинах имели гидрографические изменения течения рек. Наиболее крупная среднеазиатская река Амударья (Окс древних авторов) в нижнем и среднем плейстоцене впадала в Каспийское море, ее притоками служили Зеравшан, Мургаб и Теджен. Аральская впадина обводнялась тогда, видимо, водами Сырдарьи, Чу и некоторых других рек. В самом начале верхнего плейстоцена, в раннехвалынское время, Амударья повернула на север, обводнила и заполнила осадками сначала Хорезмскую впадину, а затем сформировала Южную и Северную дельты Акчадарьи, направив свои воды в Арал. Позже началось формирование Присарыкамышской дельты и обводнение Сарыкамышской впадины, откуда вода, заполнив ее и соседнюю впадину Ассаке-Каудан, по руслу Узбой вновь достигла Каспийского моря, на дне которого зафиксированы долина и конусы выноса этой реки. Они функционировали в периоды регрессии Каспия (8500, 6400, 5200 гг. до н. э.) [Варущенко А. Н. и др., 1980. С. 79—90].

В низовьях Амударьи постепенно сформировались три обширные дельты с системой меняющихся протоков: Акчадарьинская, Присарыкамышская и самая поздняя — Приаральская.

В неолите, в IV—III тысячелетиях до н. э., основной сток амударьинских вод шел по руслам Присарыкамышской дельты в Сарыкамыш, откуда по Узбою поступал в Каспий. Южная Акчадарьинская

дельта в этот период была подтоплена и заболочена. В начале II тысячелетия до н. э. произошел прорыв вод по Акчадарьинскому коридору на север, в Северную дельту. К этому времени сток в сторону Сарыкамыша сократился, и, вероятно, постоянного течения в Узбое уже не было. Во второй половине II тысячелетия до н. э. началась проработка русел современной Приаральской дельты [Итина М. А., 1977]. Во II и I тысячелетиях до н. э. Амударья имела огромную двойную дельту, состоящую из многих протоков, впадающих то в Сарыкамышскую низину, то в Арал. Естественная тенденция вела к отмиранию рукавов верхней части дельт и перемещению главной массы вод и наносов в сторону Арала, но это был длительный процесс. Переполнявшийся неоднократно Сарыкамыш не раз питал сбросы воды по Узбою в сторону Каспия. Геродот [I, 202] сообщает, что Аракс (Амударья?) при устье разделяется на 40 рукавов, из которых один впадает в Каспийское море с востока, а остальные — в болота и лагуны. Сподвижник Александра Македонского Аристобул в III в. до н. э. писал, что амударьинские воды по руслу Узбоя достигают Каспия, а Яксарт (Сырдарья) соединяется протоком с Амударьей [Бартольд В. В., 1965. С. 101].

Открытие Хорезмской экспедицией на русле Узбоя парфянского укрепления Игдыкала и последующие работы на нем выявили периоды жизни этого городища (I в. до н. э.— IV в. н. э.). Кроме того, работы последних лет зафиксировали стабильное размещение археологических памятников IV в. до н. э.— IV в. н. э. вдоль Узбоя. Они представлены многочисленными погребальными сооружениями и остатками кратковременных поселений по берегам Келькора и Узбоя. Все это говорит о существовании в то время более или менее постоянного стока воды по Узбою. Но после IV в. н. э. он прекратился [Юсупов Х., 1979а. С. 58; 1986. С. 37, след., 119, 133, 142].

Не менее сложна историческая динамика дельтовых русел Сырдарьи. В отличие от низовьев Амударьи, где функционировали обособленные друг от друга дельты, связанные со стоком то в Сарыкамыш (и далее, иногда в Каспий), то в Арал, в низовьях Сырдарьи сформировалась одна громадная древняя дельта, которая пересекалась речными протоками как широтного (главным образом в восточной части), так и меридионального (в западной части) направления. В позднем неолите и в эпоху бронзы (конец III — начало I тысячелетия до н. э.) сырдарьинские воды стекали в Арал по системе Инкардарьинских русел вдоль центральных Кызылкумов, расчленяя их северную окраину, а также по руслам Пра-Кувандарьи (Ескидарьялыку) южнее современной Сырдарьи. Как и Амударья в своем нижнем течении, Сырдарья и ее крупные дельтовые протоки текли в собственных наносах. Поэтому нередко паводковые воды переливались через береговые валы, затопляя обширные пространства, образуя озера и болота, давая новое направление потокам. Так, в VII—V вв. до н. э. образовалось крупное русло Жаныдарьи, которая пересекала систему Инкардарьинских более древних русел [Андрианов Б. В., Итина М. А., Кесь А. С., 1974. С. 53]. Однако памятники античного времени на этом русле Жаныдарьи (западнее Бештамкалы) отсутствуют. Это дает основание предполагать, что вода из Жаныдарьи попадала в Арал по меридиональным руслам, расположенным к западу от Чирик-Рабата. Но с XI по XIV в. н. э. крупное русло Жаныдарьи вновь стало функционировать. По системе же русел Пра-Кувандарьи и Ескидарьялыку сток в Арал шел со второй половины I тысячелетия до н. э. вплоть до VIII—IX вв.

Как и в низовьях Амударьи, в низовьях Сырдарьи можно наблюдать постепенное отмирание дельтовых протоков, начиная с наиболее южных и древних (русла Даудана в Присарыкамышской дельте, Инкардарьинские русла). Этому процессу способствовала и хозяйственная деятельность древнего населения, которое активно использовало природные ресурсы хорошо увлажняемых, богатых растительностью дельтовых равнин: паводковые речные разливы — для орошения небольших полей; камыши — в качестве корма для скота; окружавшие речные оазисы пески — для выпаса верблюдов и овец; речные заводи и озера — для ловли рыбы. Обширные дельтовые области и долины крупных среднеазиатских рек (Амударьи, Сырдарьи, Сарысу, Чу, Или и др.) с древних времен стали как бы промежуточной территорией (с преобладанием полуоседлого скотоводческо-земледельческого населения) между широкой зоной кочевых скотоводов казахстанских степей и древними земледельческими оазисами юга Средней Азии (см. ниже карты 1; 4).

Как показали археологические и этнографические исследования, для каждой из главных природных зон Средней Азии и Казахстана — гор, предгорий, крупных речных долин и пустынных равнин — с давних времен были характерны свои особенности использования природных ресурсов и ведения хозяйства. Они-то и отразились на формировании и развитии хозяйственно-культурных типов, различия между которыми были обусловлены как историческими причинами, так и резкими контрастами природных условий. В пределах Среднеазиатско-Казахстанской историко-культурной области сложилось несколько хозяйственно-культурных типов: оседлых пашенных земледельцев (с ирригацией) и скотоводов, полуоседлых скотоводов-земледельцев и, наконец, кочевников и полукочевников—скотоводов степей [Андрианов Б. В., 1962. С. 32—37; 1984. С. 76]. Но внутри каждого хозяйственно-культурного типа скотоводов-кочевников существовали подтипы, что отражало локальную специфику ландшафтных зон. Так, на севере Казахстана суровость зимы (с низкими температурами и сильными ветрами) заставляла скотоводов перегонять скот на юг, в центральные районы, где его укрывали в грядовых или бугристых песках. Скотоводы южных, более теплых, пустынь выпасали скот круглый год или отгоняли его в горы. На востоке под летние пастбища использовались горные степи и луга. Зимой в горах скот укрывали в глубоких долинах, а летом выпасали на альпийских пастбищах. Зимние стоянки с сезонной оседлостью, как правило, использовались из года в год на протяжении многих веков [Акишев К. А., 1972. С. 33].

В Центральном Казахстане в зоне кипчаково-полынных степей ведущая роль принадлежала овцеводству и коневодству с длительными меридиональными перекочевками [Жданко Т. А., 1968. С. 274—281; Акишев К. А., 1972. С. 35, 36]. На юго-западе,

на территории Туркмении, в составе стада преобладали верблюды, овцы и козы. Маршруты перекочевок там были обусловлены расположением водных источников и колодцев [Оразов А., 1975. С. 217]. На юге и востоке, в горах, где были развиты различные формы скотоводства (отгонно-пастбищная, кочевая, выгонная, стойлово-выгонно-яйлажная) [Кармышева Б. Х., 1969], сезонные миграции скотоводов имели преимущественно вертикальный характер. Но почти всюду скотоводство в той или иной степени сочеталось с земледелием.

В дельтовых областях сохранялся архаический хозяйственно-культурный тип с полуоседлым комплексным скотоводческо-земледельческо-рыболовным хозяйством. Каирные (естественно увлажненные) земли обеспечивали обитателей просом, тыквой и дыней; обширные заросли камышей служили кормовой базой для крупного рогатого скота; в протоках и разливах ловили рыбу. Судя по этнографическим материалам XIX в., этот хозяйственно-культурный тип сочетал в разных соотношениях скотоводство и земледелие, элементы кочевой (переносная юрта) и оседло-земледельческой культуры (зимний глинобитный дом и т. п.).

Все эти экологические особенности обусловили специфику археологических комплексов, происходящих из разных регионов Средней Азии и Казахстана.

Общие сведения о ранних кочевниках Средней Азии и их группировках

Сложный и еще недостаточно ясный процесс становления кочевых форм скотоводческого хозяйства завершается в Средней Азии в первой четверти I тысячелетия до н. э. Новая форма хозяйственной деятельности обусловила существенные изменения почти во всех сферах материальной и духовной жизни, которые прослеживаются в то время в пределах всего степного пояса Евразии. Как и в других его частях, на рассматриваемой территории формируются новые культуры, характеризующиеся значительным сходством ввиду однотипности экономической основы и общности или родственности вовлеченных в этот процесс этнических массивов степного населения. Увеличение подвижности привело к племенным передвижениям и установлению разносторонних контактов, что способствовало быстрому распространению и усвоению на больших территориях проверенных практически новшеств. В рамках сложившегося к VIII или VII в. до н. э. (вопрос этот спорен) в степной зоне скифо-сибирского культурного единства ранние кочевники Средней Азии выступают как создатели самобытных черт и посредники в передаче достижений своим соседям.

С этого времени одним из важнейших, постоянно действующих факторов, определявших специфику исторического процесса, становится сосуществование и активное взаимодействие кочевого и оседлого населения региона. Письменные источники содержат прямые указания на ведущую роль кочевников в событиях, приведших к образованию двух крупнейших государств древности — Парфянского и Кушанского, но об их создателях сообщают лишь скудные и отрывочные сведения.

Периодизация древней истории кочевого (и полукочевого) населения Средней Азии на основе каких-либо кардинальных вех внутреннего развития общества сейчас невозможна. Но известные нам факты политической истории дают право условно выделить четыре периода: 1) (VIII?)VII—IV вв. до н. э., условно называемый «сакским» временем (видимо, точнее его следует называть «сако-массагетским»); 2) III—I вв. до н. э.— время, характеризующееся крупными племенными передвижениями и возникновением обширных государств с кочевническими династиями; 3) I—III вв.— время максимальной экспансии и последующего распада этих государств; 4) IV—V вв.— время появления в Средней Азии новых больших групп кочевников и возрастающего давления их на Иран и северную Индию.

Конкретные сведения о кочевниках Средней Азии впервые приводит Геродот, который частично использовал более ранние данные Гекатея, восходящие, как предполагают, к персидским первоисточникам. Здесь четко разделяются две группы племен: массагеты и саки, что повторяется и у более поздних авторов и подтверждается археологическими данными.

Сведения античных авторов о саках ограничены и отрывочны. Но, судя по некоторым указаниям Геродота [VII, 64] и Плиния [VI, 50], сам термин «саки» носил собирательный характер: так персы именовали все кочевые племена Евразии, похожие на «собственно саков» [Пьянков И. В., 1968; 1985]. Но одновременно это было и самоназванием вполне конкретной группы, которая локализуется на правобережье Сырдарьи, за Согдом. В древнеперсидских надписях саки первоначально фигурируют как нечто единое, но затем появляются три их группы: саки-хаумаварга, саки-тиграхауда и «заморские» (парадарайя). «Заморскими» именовались, видимо, европейские скифы, которые к данному тому отношения не имеют. По поводу двух других групп и остальных племен существует много гипотез [Обзор литературы см.: Литвинский Б. А., 1972б. С. 158—174]. Саки-хаумаварга соответствуют, очевидно, племенам, покоренным еще Киром II, тогда как саки-тиграхауда были подчинены в результате похода Дария I в 519/518 г. до н. э. Установить места их обитания затруднительно ввиду отсутствия конкретных данных о маршруте похода. К тому же, мнения исследователей расходятся: чаще всего саков-тиграхауда отождествляют с массагетами, жившими в Закаспии [Herrmann A., 1920; Junge J., 1939; Струве В. В., 1968. С. 51—66; Дандамаев М. А., 1963а], хотя высказывались и соображения о локализации их в северо-восточной части Средней Азии — на территории Шаша (район Ташкента), северной Киргизии и юга Казахстана [Григорьев В. В., 1871. С. 50—59; Акишев К. А.,

Кушаев Г. А., 1963. С. 16—20]. Правда, К. А. Акишев считает, что территория саков-тиграхауда, кроме названных областей, включала на западе южное Приаралье и на востоке — Горный Алтай [Акишев К. А., 1978. С. 5]. Данных для решения этого вопроса еще недостаточно.

Границы земель хаумаварга (амюргийских скифов Геродота) в источниках также не указаны, что при неясности некоторых других сообщений о саках привело к появлению различных гипотез, согласно которым они занимали Памир и даже области до Гиндукуша [Herrmann A., 1920. С. 1772; Junge J., 1939. S. 83; Пьянков И. В., 1985]. Основными аргументами служат упоминание «скифского берега» во фрагменте Гекатея о Каспапире — городе гандаров, указания на саков и каспиев в 15-й сатрапии Ахеменидского государства и упоминание саков вместе с бактрийцами. Однако все эти доводы не являются решающими,так как связь названия в узком значении с населением указанных территорий до II в. до н. э. в источниках не засвидетельствована. В то же время из китайских хроник известно, что до середины II в. до н. э. у северных склонов Тянь-Шаня и в Семиречье обитали племена, наименование которых (сэ или сэван, что может переводиться также как «цари сэ») бесспорно содержит в себе этноним саков [ЦХШ, гл. 96А; Бичурин Н. Я., 1950б. С. 190]. Таким образом, территория северо-восточной группы саков простиралась далеко за пределы среднего течения Сырдарьи, возможно, вплоть до Джунгарии.

Ряд отрывочных и косвенных данных свидетельствует о том, что хозяйство саков основывалось на разведении овец и лошадей; относительно характера кочевания сведений нет. Археологические материалы говорят о том, что уже в раннее время в среде саков сложилось имущественное неравенство. Источники акцентируют внимание, как правило, на военных качествах саков прежде всего как конных лучников, которые часто фигурируют в составе войск Ахеменидов, где (вероятно, вместе с бактрийцами) составляют основную массу кавалерии. Вооружение их по Геродоту [VII, 64] состояло из луков, кинжалов и боевых топоров. Известия о защитных доспехах относятся только ко времени похода Александра Македонского. Военному делу обучались и женщины: они так же, как мужчины, обращаясь в притворное бегство, стреляли на скаку из лука назад.

На территории Средней Азии существовали крупные племенные объединения, о которых античные авторы имели очень смутные сведения. Так, сохранилось сообщение, носящее легендарную окраску, о войнах между саками и мидийцами из-за Парфии и уводе пленных на Сырдарью. Тем не менее, многократные упоминания в Авесте о набегах кочевников с севера подтверждают военную активность их в южном направлении; возможно, именно они фигурируют в тексте в качестве одной из «напастей» Согда. Против саков совершали походы Ахемениды, хотя успехи их не следует преувеличивать: Кир II подчинил лишь какую-то, возможно локальную, группу — саков-хаумаварга. Предполагать распространение его власти на Семиречье оснований нет. Зависимость же кочевников, обитавших в среднем течении Сырдарьи, вероятно, была ограничена; во всяком случае при Дарии III саки были лишь его союзниками, выставлявшими вспомогательный отряд во главе со своим предводителем. Участие их в более ранних военных предприятиях Ахеменидов на западе могло носить подобный же характер. В античной традиции сохранилось представление о распространении власти Ахеменидов только до Сырдарьи [Страбон, XI, XI , 4].

Вопрос о происхождении саков еще не разрешен. Некоторые факты — в частности, особенности физического типа и господство западной ориентировки погребенных — рассматриваются как свидетельство в пользу генетической связи их с носителями андроновской культуры [Бернштам А. Н., 1952. С. 210; Акишев К. А., Кушаев Г. А., 1963. С. 121, след.; Исмагулов О., 1982]. Это следует считать наиболее вероятным, но реальная преемственность в археологических памятниках — с переходными стадиями — не прослежена.

Язык саков принадлежал к числу восточноиранских. Это установлено по дошедшим до нас именам и подтверждается исследованиями более поздних диалектов, распространенных в припамирских областях, где по ряду данных обитали потомки саков. Однако этимология названия неясна (наиболее вероятной следует считать предложенную Бейли — «сильные») [Bailey H. W., 1958. P. 133]. Физический тип саков, установленный по материалам из погребений, был европеоидным (памиро-ферганский и андроновский), но в ряде районов — с незначительной монголоидной примесью [Гинзбург В. В., Трофимова Т. А., 1972. С. 111—141].

Южнее ареала сакских племен, на территории восточного Памира, известны памятники кочевого населения, культура которого также характеризуется «скифскими» чертами, но во многом своеобразна [Бернштам А. Н., 1952. С.286, след.; Литвинский Б. А., 1972б]. Обитани этих племен носило здесь, по-видимому, сезонный характер. Использовались высокогорные летние пастбища, а зимовки располагались, очевидно, где-то восточнее или северо-восточнее [1]. Эти племена отличались от саков по физическому типу: они также были европеоидными, но совершенно другой группы, непредставленной в более северных областях. Различное происхождение отражается и в некоторых, археологических данных, в частности, в господстве скорченного положения погребенных, что, будучи устойчивой и характерной чертой, не может считаться лишь архаизмом.

Массагеты, по сообщению Геродота [I, 201, 202, 204], занимали значительную часть равнины, лежащей восточнее Каспийского моря и за Араксом. Рукав Аракса следует идентифицировать с Узбойским руслом Амударьи, поскольку Геродот пишет что впадает он в Каспийское море. Относительно Аракса указывается также, что на нем имеются большие острова, обитатели которых питаются кореньями, рыбой и одеваются в тюленьи шкуры, а большинство

[1] Исследования двух могильников (Ташкурганский и Алагоу), проведенные в последние годы на территории Восточного Туркестана (Турфанская долина, юго-восточные окраины Тянь-Шаня), позволили некоторым исследователям [*Литвинский Б. А.*, 1985; *Литвинский Б. А., Погребова М. Н., Раевский Д. С.*, 1985] говорить о культурной близости населения этого района с племенами северо-восточной части Средней Азии *(Ред.)*.

русел его теряется в песках. Относил ли Геродот все это население также к массагетам, из текста неясно. Но Страбон [XI, 8, 6, 7], использовавший и данные Гекатея, определенно делит массагетов на четыре группы: равнинную, болотную, островную и горную. Однако, судя по его сведениям, племена последних трех групп не были кочевниками. Можно, правда, предположить их политическую зависимость от массагетов. О восточной границе массагетов имеются несколько более поздние сведения у Эратосфена [Страбон, XI, 8, 8], сообщающего, что массагеты обитают вдоль Окса, западнее Согдианы, и у историков Александра Македонского, упоминающих о соседстве их с Хорезмом. Северные рубежи массагетов неясны, но указание Геродота, что они обитали «напротив исседонов», позволяет искать их даже за пределами Средней Азии. Неудача последнего похода Кира II на массагетов (530 г. до н. э.) свидетельствует о том, что ахеменидское войско встретило здесь сильного противника [Геродот, I, 201—214]. Подробное изложение и анализ разных версий этого похода давались неоднократно [Dunker H., 1877. S. 378 sq.]. Но наиболее вероятной представляется версия, согласно которой поход был направлен в южную часть Закаспия [Herrmann A., 1920. S. 1785; Junge J., 1939; Idem., 1944. S. 37; Пьянков И. В., 1964].

Из сообщений Геродота и Страбона очевидно, что под названием «массагеты» античные авторы объединяли различные группы племен, заметно отличавшихся друг от друга по хозяйству и образу жизни. Точных сведений о большинстве из них явно не имелось, и сам термин носил прежде всего собирательный характер. Но, как и в случае с саками, надо полагать, что одновременно это было также наименование какой-то вполне определенной, ближайшей и наиболее знакомой их части. По словам Геродота, это были кочевники, сходные со скифами по образу жизни и одежде. Основу их хозяйства составляло разведение овец, хотя упоминается также рыболовство, распространенное, очевидно, лишь у племен, обитавших по берегам Каспийского моря и Амударьи. Косвенные данные указывают на значительное количество лошадей у массагетов, упоминаются повозки, в которых жили женщины, что тоже свидетельствует о подвижности и обитании их в равнинной части Закаспия. Страбон специально подчеркивает, что земледелия здесь не было, следовательно, система хозяйства была приспособлена к естественногеографическим условиям.

В представлениях современников массагеты были хорошими конными и пешими воинами. Вооружение их состояло в основном из луков со стрелами, копий, боевых топоров, упоминаются также кинжалы. Об оборонительных доспехах говорит только Страбон, что как будто свидетельствует об относительно позднем их появлении. Но уже Геродот упоминает нагрудные панцири (?) для лошадей. В качестве одной из особенностей массагетов Геродот отмечает господство у них изделий из меди (очевидно, из бронзы) и золота при отсутствии железа и серебра. Но в последние века до нашей эры положение, очевидно, изменилось, так как Страбон сообщает лишь о малочисленности железа.

У Геродота имеются сведения, что массагеты почитали Солнце и приносили ему в жертву лошадей, считая, что быстрейшему из всех богов подобает быстрейшее животное. Этот текст дает основание предположить, что у массагетов существовала какая-то форма поклонения Митре. Относительно языка массагетов можно судить лишь по дошедшим до нас именам и этнониму «массагеты». Они носят восточноиранский характер, хотя этимология названия, несмотря на разные попытки истолкования, остается неясной (два основных толкования — «рыбоеды» и «великие саки» — в равной мере сомнительны) [Henning W. B., 1951. P. 23, note 2]. Согласно античной традиции, в обычаях массагетов сохранялись некоторые архаические пережитки. Так, имеются сообщения относительно общности жен при наличии моногамии, что может быть свидетельством непрочности парной семьи. Однако неясно, в какой мере это было общим явлением. Осторожно следует подходить и к рассказу о том, что лучшей смертью для лиц преклонного возраста было убийство их соплеменниками и последующее съедение вместе с бараниной. Скорее здесь можно видеть отголосок какого-то варианта ритуального каннибализма. Вероятно, более достоверны сведения относительно выбрасывания трупов умерших от болезней на съедение зверям.

Собирательность терминов, которыми античные авторы называли ранних кочевников Средней Азии, выступает в трудах историков походов Александра Македонского, где при описании одних и тех же событий принимавшие в них участие кочевники именуются то скифами, то массагетами, то дахами.

Первое упоминание о дахах имеется в так называемой антидэвовской надписи Ксеркса в Персеполе [Kent R. G., 1937], где они фигурируют в перечне подвластных племен и народов перед саками. Однако это не дает определенных указаний на места их обитания. Геродоту они, очевидно, не были известны, но, может быть, его первоисточники включали их в состав массагетов или саков [2]. Историки походов Александра Македонского неоднократно упоминают дахов в составе войск Дария III и Бесса, а также при изложении событий, связанных с попытками Спитамена, опираясь на поддержку кочевников, освободить Согдиану. Из слов Квинта Курция [VIII, 1, 8], что правитель Хорезма объединился с соседями по территории — массагетами и дахами, очевидно, что они жили вблизи низовьев Амударьи. Имеется также сообщение Арриана [III, 28], что дахи — это народ, живущий у реки Танаиса, т. е. Сырдарьи. Но сравнительно подробные сведения о них впервые приводит Страбон, использовавший более ранние источники (в частности, несомненно, Аполлодора) (Behr A., 1888. P. 10]. По данным Страбона [XI, 7, 1; 8, 1—3; 9, 2], дахи обитали восточнее Каспийского моря — от побережья до неназванной области, лежащей севернее Арии; соседями их на востоке были массагеты; южнее простиралась пустыня, отделявшая их от Гиркании и Парфии. Имелось три племени, из которых самым западным были парны; они переходили пустыню и совершали набеги на Гирка-

[2] Геродот, правда упоминает племя даев [I, 125], что, по мнению исследователей, соответствует персидскому daha [*Струве В. В.*, 1968. С. 51, след.; *Доватур А. И., Калистов Д. П., Шишова М. А.*, 1982] *(Н. Г.)*.

нию, Нисайю и «парфянские равнины». Аршак с кочевавшими по Оху (под которым, несомненно, подразумевается Атрек) парнами завоевал Парфию. Упоминает Страбон также о мнении, что парны переселились сюда из области над Меотидой, но сомневается в его достоверности.

Контекст сообщения Страбона и некоторые детали показывают, что здесь отражено положение, существовавшее перед образованием Парфянского государства. Сопоставление более ранних известий с его сведениями показывает, что места обитания дахов изменились. Более поздние источники как будто указывают на продвижение их еще далее на юг. Так, у Оросия [I, 2, 43] они упомянуты вблизи гор, тянущихся в Парфии и Гиркании, а у Тацита [XI, 10] — у северной границы Арии.

Создателями Парфянского государства были Аршакиды — династия несомненно кочевнического происхождения. Это общепризнано, хотя в интерпретации разных версий возникновения этого государства, приводимых античными авторами, существуют расхождения. Наиболее достоверные сообщения Страбона [XI, 9, 2], восходящие к вполне надежному первоисточнику — Аполлодору, связывают Аршакидов с парнами. О деятельности первых представителей этой династии и в особенности о предшествующих событиях имеются крайне ограниченные и противоречивые известия, что породило множество гипотез, догадок и реконструкций; даже в отношении имени ее основателя нет полного единства мнений, хотя, по всей видимости, это был Аршак I [Wolski J., 1950; Кошеленко Г. А., 1968. С. 53, след.].

Тем не менее, если проанализировать эти известия в аспекте истории Средней Азии, то вырисовывается связь разрозненных фактов, отражающая определенный и, очевидно, закономерный процесс. В конце IV или, вернее, в начале III в. до н. э. севернее Гиркании и Парфии появляется сильная группа дахских племен, передвинувшаяся сюда откуда-то с северо-востока. Сведений о причинах этого перемещения нет, но можно предполагать, что оно было одним из проявлений общей реакции на греко-македонское завоевание Средней Азии. Некоторое время эти племена совершали систематические или периодические набеги на близлежащие земледельческие области. Из сообщения Страбона о своеобразных условиях мирных соглашений можно вывести заключение, что правители этих областей предоставляли дахам право грабежа оседлого населения. При отсутствии иных сведений это заслуживает внимания как показатель характера отношений между коренными жителями и селевкидскими наместниками. Но набеги были лишь первым этапом широкого и, как видно из последующих событий, целенаправленного наступления на юг.

С поворотным моментом второго этапа этого наступления связано начало «парфянской эры» — термин, вошедший в употребление позднее. Принятие его для династийного летосчисления предполагает в качестве исходного события приход к власти первого или во всяком случае наиболее значительного из ранних представителей правящего дома, что произошло в городе Ассаке в области Астауэне в 247 г. до н. э. [Исидор Харакский. Парфянские стоянки, 11], когда Аршак провозгласил себя царем. Таким образом, в это время во всяком случае часть парнов находилась уже не где-то за пустыней, а в земледельческом районе, непосредственно граничащем с Парфией. То, что первый Аршакид принимает царский титул, причем не на далекой кочевнической периферии, а в городе, весьма знаменательно: здесь достаточно ясно выступают цели его действий.

По сообщению Юстина [XVI, 4, 3], при Селевке II (246—226 гг. до н. э.) произошло отпадение Парфии от Селевкидов. Но вскоре в нее вторгся Аршак, убил парфянского правителя Андрагора, захватил власть и завоевал Гирканию, что ознаменовало собой завершение третьего этапа. Однако, когда в 228 г. до н. э. на востоке появился Селевк II, Аршак бежал к апасиакам, обитавшим, по сведениям Полибия [X, 28], между Оксом (Амударья) и Танаисом (Сырдарья). Правда, затем, как сообщает Юстин, ему удалось при помощи апасиаков или каких-либо других кочевых племен победить Селевка II, и день этой победы парфяне праздновали как начало своей независимости.

Так на протяжении сравнительно небольшого промежутка времени было создано первоначальное ядро Парфянского государства. Ведущая роль кочевых племен в этом процессе вполне очевидна. Очень показательно, что о сопротивлении населения земледельческих областей, вошедших в молодое государство, никаких указаний не имеется. Включение в него Парфии рисуется не как результат завоеваний, а как следствие победы над правителем. Очевидно, все эти события третьей четверти III в. до н. э. шли прежде всего в русле ликвидации последствий греко-македонского завоевания.

Следующий период в истории Парфянского государства характеризуется быстрой экспансией его при Митридате I. Вполне естественно, что это не могло быть результатом военных успехов одного племени — парнов — и даже всей дахской группы племен. Обширные завоевания и, главное, удержание подчиненных областей требовали значительных воинских контингентов, которые они вряд ли могли дать. В то же время отчетливая характеристика парфян у античных авторов как кочевников свидетельствует против сколько-нибудь заметной роли оседлого населения в завоеваниях.

Многочисленные примеры активного участия дахов и других племенных групп во внутридинастийных смутах и сменах правителей известны во всяком случае вплоть до середины I в. н. э. Особенно отчетливо выступает их роль при Артабане III (II?) и его преемниках (Kahrstedt U., 1950]. Таким образом, даже отрывочные и случайные по характеру известия письменных источников наглядно показывают, что успехи и неудачи Аршакидов во многом определялись наличием или отсутствием поддержки со стороны не только дахов, но и других, соседних с ними кочевников. Они представляли собой глубокий тыл Парфянского государства, откуда оно постоянно черпало необходимые дополнительные воинские контингенты и в котором представители правящей династии и претенденты на престол находили себе убежище и действенную помощь в случае неудач. Среди племен, так или иначе участвовавших в этих событиях, фигурируют, кроме дахов, массагеты, апасиаки, а также тохары и сакаравлы. Последние от-

носятся к числу племен, пришедших из-за Сырдарьи и обосновавшихся где-то около Парфии и дахов.

Значительная роль кочевников очевидна и в сложении другого крупного государства античной Средней Азии — Кушанского. Дошедшие до нас известия письменных источников очень скудны и не менее противоречивы, чем в случае с Парфянским государством. Специфическую трудность составляет то, что, в отличие от парфян, кушаны фактически оказались вне поля зрения других существовавших в это время государств.

Основные сведения содержатся в китайских хрониках, которые кратко излагают историю переселения на запад больших юечжей, потерпевших поражение в борьбе с сюнну (хунну). Покинув под давлением последних свои земли в современной провинции Ганьсу, юечжи где-то в Семиречье (?) столкнулись с сэван (саками?). Победив их и заставив уйти на юг (в Гибинь — Кашмир), они на какой-то период закрепились здесь. Но вскоре затем появление с востока усуней, поддержанных хунну, вынудило их снова двинуться на запад, где они завоевали Дася (Бактрию) и обосновались севернее Амударьи. Эти сведения, повторяющиеся с разной степенью полноты в Шицзи и Хоуханьшу (ШЦ, 123, раздел о больших юечжах; ЦХШ, 61, биография Чжан Цяня; 96А, разделы о Гибини и больших юечжах; 96Б, раздел об усунях; Бичурин Н. Я., 1950б, С. 151, 179, 183, 184, 190, 191], восходят к отчету Чжан Цяня, направленного императором Уди к юечжам с целью склонить их к союзу против хунну (он возвратился в Китай в 128 г. до н. э., затратив на обратный путь более года).

Зафиксированная в китайских источниках миграция юечжей проходила на территориях, лежавших вне поля зрения античных авторов. Возможно, они имели какие-то подробные сведения о ее конечном этапе и последовавших затем событиях в Средней Азии, но до нас почти ничего не дошло. В античных источниках говорится лишь о том, что власть греков в Бактрии пала под ударами кочевых племен, пришедших из-за Сырдарьи. Страбон [XI, 8, 2] перечисляет четыре племени: асиев, пасиан, тохар и сакаравлов. Его данные, весьма вероятно, восходят к Аполлодору [Behr A., 1888. P. 19]. Юстин [XLI, пролог; XLII, пролог] называет только сакаравлов и асиан, но, кроме того, упоминает об асианах как царях тохар и об уничтожении сакаравлов. Никаких подробностей о гибели Греко-Бактрийского государства нет, не приводится и дата этого события.

Таким образом, имеются определенные свидетельства того, что в движении на юг участвовал целый ряд, очевидно, различных племен. Однако одним из важных и нерешенных вопросов остается согласование между собой данных китайских и западных источников об этих племенах. Все попытки найти, например, для юечжей прямое соответствие в каком-либо из четырех племен, упоминаемых античными авторами в связи с этими событиями, не увенчались успехом, так как предлагавшиеся сопоставления неизменно встречали фонетические трудности. Расширение круга привлекаемых этнонимов и созвучных с ними топонимов натыкалось на те же препятствия и, сильно осложнив вопрос, все же не позволило выйти за пределы шатких гипотез [Обзор главных гипотез, предложенных до 30-х годов нашего столетия, см.: Умняков И. И., 1940; 1946; Фрейман А. А., 1952]. Вопрос о происхождении тохар и сакаравлов по-прежнему следует считать открытым. Упоминания их у Птолемея, взятые сами по себе, ни в коей мере не доказывают, что они составляли часть кочевого населения Средней Азии. Прежде всего, мы не знаем, к какому времени относятся приводимые Птолемеем новые сведения о Средней Азии, но веских оснований считать их ранними нет, вернее, следует предполагать, что они восходят к каким-то первоисточникам I в. н. э. Локализация тохар и сакаравлов между Оксом и Яксартом [Ptolem., VI; VII; VI, 12; VI, 14] явно расходится с данными Страбона о приходе их из-за Сырдарьи. Очевидно, Птолемей отмечает местонахождение каких-то групп тохар и сакаравлов, отделившихся от основной массы в период продвижения на юг или после этого.

В китайских хрониках имеются сведения и о дальнейших событиях истории юечжей [Бичурин Н. Я., 1950б. С. 184, 227]. В них сообщается о том, что юечжи, завоевав южные регионы Средней Азии, разделили свои владения между пятью ябгу. Названия областей приводятся в двух несовпадающих вариантах. Кроме того, неясно, соответствует ли это деление племенному составу юечжей или ранее существовавшему политико-географическому членению завоеванного региона (Дася). Одной из этих областей была Гуйшуань, ябгу которой Киоцзюкю по прошествии более ста лет (после чего — не указывается) победил остальных четырех и провозгласил себя царем. Затем он вторгся в Аньси (Парфию), завоевал Гаофу (Кабул), разбил и подчинил себе Пуда и Гибинь (Кашмир). Преемник его Яньчаочжань завоевал Тяньчжу (северную Индию) и передал затем в управление военачальнику.

Ни один источник не приводит точных дат, и все они устанавливаются лишь приблизительно, путем анализа хода событий на границах Китая, в Средней и Центральной Азии, Афганистане и Индии. Для раннего периода существенное значение имеет частичная синхронизация отдельных этапов движения юечжей на запад со сменой шаньюев у хунну. Однако тут есть неясности, вследствие чего мнения о продолжительности этих этапов в датах расходятся. Время появления юечжей на юге Среднеазиатского междуречья тоже точно неизвестно, но это произошло во всяком случае до 128 г. до н. э., когда Чжан Цянь уже вернулся в Китай. Значительно менее определенные заключения или, вернее, предположения возможны относительно даты возникновения Кушанского государства, поскольку тут мы сталкиваемся с двумя неизвестными: с одной стороны, автором Хоуханьшу не отмечен отправной момент отсчета, а с другой — неясна реальная продолжительность времени, указанного весьма неопределенно,— более чем сто лет. Существенные дополнительные сведения (правда, для более позднего времени) дают индийские надписи. Большую роль играет также нумизматика, позволяющая достаточно твердо установить последовательность чеканивших свои монеты отдельных кушанских царей. Однако до сих пор спорным остается вопрос о времени начала эры

Канишки, от которой во многих случаях идет отсчет [Зеймаль Е. В., 1968].

При современном положении, когда нельзя надеяться на появление каких-либо новых письменных данных о событиях II в. до н. э., первостепенное значение приобретают археологические материалы. Фактически лишь они дают конкретное представление о племенах, которые сыграли в этих событиях решающую роль, и тем самым позволяют подходить к решению вопросов об их происхождении и этнической принадлежности на базе независимых объективных данных [Мандельштам А. М., 1972]. Но это, конечно, не снижает значения письменных источников, поскольку только они содержат сведения о последовательности событий, племенные наименования и, что особенно важно, прямые указания на первоначальные места обитания кочевого населения. Сообщения китайских хроник восходят к отчетам Чжан Цяня, побывавшего в части областей Средней Азии во время своей миссии, целью которой было установление контактов с ушедшими на запад юечжами, поэтому нет никаких оснований сомневаться в их достоверности. Правда, существуют сомнения в том, что сохранился подлинный текст отчета Чжан Цяня, а не интерполированный позднее автором Цяньханьшу [Hulsewé A. F. P., 1979. Introduction. Там же литература вопроса].

Из числа интересующих нас владений (с которыми столкнулся во время путешествия Чжан Цянь), описываемых в хрониках как кочевые, в отчетах фигурируют два — Усунь и Кангюй (Кацзюй) [Мандельштам А. М., 1978б]. С ними постоянно взаимодействуют хунну и Давань.

Усуни обитали первоначально по соседству с юечжами в Центральной Азии и в 176 г. до н. э. попали в зависимость от хунну [Материалы по истории сюнну..., 1968. С. 43. Сведения о них см.: Бичурин Н. Я., 1950б. С. 150, 155, 156, 190—199; Кюнер Н. В., 1961. С. 68—101; Бартольд В. В., 1963. С. 24—26; Зуев Ю. А., 1957; 1974. С. 198—200; 1977. С. 287—291]. Освобождаясь от этой зависимости, они переселяются на земли, которыми ранее владел народ сэ, изгнанный отсюда юечжами. Усуни в свою очередь изгоняют юечжей и поселяются на этих землях, причем среди них остается часть сэ и юечжей. Признано, что речь идет о Семиречье, хотя сама история переселения усуней ввиду некоторого несовпадения данных в китайских хрониках вызывает сомнение [Зуев Ю. А., 1974. С. 199, 200]. Не находит она себе подтверждение и в археологических данных [Бернштам А. Н., 1951. С. 96, след.; Акишев К. А., Кушаев Г. А., 1963]. Границей владения усуней на западе считаются реки Чу и Талас, а центром владения — долина р. Или. Ставка владетеля находилась в городе Чигу, который принято помещать на юго-восточной окраине оз. Иссык-Куль. (В хронике-отчете Чжан Цяня Чигу, однако, не упоминается.) На востоке владение было смежным с хунну, на северо-западе — с Кангюем, на юге — с Даванью (Фергана).

Усунь описывается как крупное кочевое владение. «Усуньцы не занимаются ни земледелием, ни садоводством, а со скотом перекочевывают с места на место, смотря по приволью в воде и траве». «Народонаселение 120 000 кибиток, 630 000 душ, строевого войска 188 800 человек. Земли ровные и травянистые. Страна слишком дождливая и холодная. На горах много хвойного леса» [Бичурин Н. Я., 1950б. С. 190]. В составе стада много лошадей. Хотя данные о численности населения были примерными для народов, удаленных от территории Китая [Hulsewé A. F. P., 1979. P. 30], указанное количество свидетельствует о том, что владение относилось к крупным, с ним сравнимы только Большие Юечжи и Кангюй. Недаром о нем сказано: «Усунь считается одним из сильнейших владений» [Бичурин Н. Я., 1950б. С. 190]. Во главе общества стоял правитель, носивший титул гуньмо, очевидным было социальное расслоение общества, с выделением «богатых». В хрониках приводятся сведения о происхождении и возвышении усуней, их политической истории со II в. до н. э. примерно до III в. н. э. Основное место в хронике занимает изложение династийных распрей у усуней между сторонниками хунну и Ханьского Китая. С последним усуни вели постоянные войны, однако Ханьский Китай был заинтересован в союзе с усунями для борьбы против хунну. Он заключал даже брачные союзы с усунями. Сами усуни тоже вели завоевательную политику, подчиняя себе многие другие владения, среди которых, возможно, было и небольшое кочевое владение Хюсунь [Зуев Ю. А., 1977. С. 290], локализуемое на востоке Алайской долины, вблизи Ферганы [Мандельштам А. М., 1957. С. 57]. О нем говорится, что это «отрасль древних сэсцев», «обыкновения и одеяния сходны с усуньскими» [Бичурин Н. Я., 1950б. С. 188]. Во II в. н. э. один из вождей сянбийского племени покорил на западе все земли до территории усуней [Бичурин Н. Я., 1950а. С. 154]. Позднее, в IV в. н. э., другой сянбийский владетель покорил «древние усуньские земли» [Бичурин Н. Я., 1950а. С. 193], и, наконец, в V в. н. э. племя жужаней заставило их выселиться в «Луковые горы» [Бичурин Н. Я., 1950б. С. 258], под которыми подразумевается не только Памир, но и Тянь-Шань [Бартольд В. В., 1963. С. 30; Кибиров А. К., 1959б. С. 108]. Это — последнее упоминание владения Усунь. Здесь сообщается также об обмене посланниками между Усунь и Китаем.

Кангюй — владение, описываемое в Шицзи как малосильное (90 тыс. войска), признающее на востоке власть хунну, на юге — юечжей [3], смежное с Даванью [Бичурин Н. Я., 1950б. С. 150]. Но в Цяньханьшу [Бичурин Н. Я., 1950б. С. 184—186] оно фигурирует уже как крупное владение: народонаселение состоит из 120 тыс. семейств, 600 тыс. душ, строевого войска 120 тыс. душ, независимое от Ханьского Китая, однако по-прежнему признающее на востоке власть хунну [Бичурин Н. Я., 1950б. С. 184—186; Кюнер Н. В., 1961. С. 174—182; Толстов С. П., 1948б. С. 144—146; Бернштам А. Н., 1949б. С. 90—98; 1952. С. 214, 215; Кляшторный С. Г., 1964. С. 161—171 (там же литература вопроса); Литвинский Б. А., 1967. С. 34—37; Mc Govern, 1939. P. 134, 135; Tarn W. W., 1951. P. 291; Pulleyblank E. G., 1966]. На северо-западе Кангюй граничил с владением Янцай (возможно, сармато-

[3] Возможно, здесь речь идет о другой ветви юечжей, так называемых юечжей дома Чжаову [*Вайнберг Б. И.*, 1977. С. 75—77] *(Н. Г.)*.

аланские племена северного Прикаспия). В Хоуханьшу сообщается, что владение Янь, лежащее к северу от Янцай, платило Кангюю дань пушниной [Бичурин Н. Я., 1950б. С. 229]. Владетель Кангюя пребывал в стране Лоюени, в городе Битянь, и имел летнюю резиденцию в семи днях пути от Лоюени. В подчинении Кангюя находилось пять малых владений: Сусе, Фуму, Юни, Ги и Юегянь. Таким образом, это было политическое объединение ряда кочевых племен. Вопрос о локализации Кангюя и подчиненных ему владений породил много гипотез. Общепризнанными считаются его родство с авестийской Кангхой и расположение основной части на Сырдарье. Из очень скудно изложенной в хрониках политической истории Кангюя можно предположительно установить его восточные пределы. Известно, что кангюйцы принимали косвенное участие в давань-китайской войне [Бичурин Н. Я., 1950б. С. 165, 166], т. е. находились вблизи Ферганы. Особенно подробно изложены события, связанные с походом мятежного шаньюя хунну Чжичжы на запад, на земли Кангюя. Здесь он даже вступает в брачные связи с домом Кангюя, но затем, по своему вероломству, разрывает их, убивает нескольких кангюйцев и возводит город на р. Дулай (Талас) [Материалы по истории сюнну..., 1973. С. 125, 126], что позволяет восточными пределами Кангюя считать территорию вблизи Таласа. Союз с хунну понадобился Кангюю в первую очередь для войны со своими постоянными союзниками — усунями. Есть сведения, что кангюйцы вторгались на территорию усуней даже восточнее города Чигу [Материалы по истории сюнну..., 1973. С. 127]. Что касается южных пределов, то кангюйцы не только граничили с юечжами, но и заключали с ними союзы [Васильев Л. С., 1955. С. 118].

Таким образом, в период своего расцвета на рубеже и в начале нашей эры Кангюй занимал обширную территорию от Таласа по среднему и нижнему течению Сырдарьи. Основным центром, вероятно, была средняя Сырдарья, район Отрара [Кляшторный С. Г., 1964. С. 179]. Что касается локализации пяти малых владений, то основные точки зрения были высказаны С. П. Толстовым и А. Н. Бернштамом. Первый, следуя раннесредневековой китайской традиции, помещал их на территорию всей Средней Азии: Сусе — на Кашкадарье, Фуму — на Зеравшане, Юень (Юни) — в Шаше (Ташкент), Ги — в Бухаре и Юегянь — в Хорезме [Толстов С. П., 1948б. С. 144]. А. Н. Бернштам локализовал их в основном в присырдарьинских районах: Сусе — среднее течение Сырдарьи, Арысь и северные предгорья Каратау, Фуму — район к северо-западу от Яссы-Кургана до Казалинска, Юень — Ташкентский оазис, Ги — низовья Сырдарьи, Юегянь — Хорезм [Бернштам А. Н., 1952. С. 216]. Совпадение здесь касается только Юени и Юегяни. Вопрос о возможности локализации малых владений пока остается дискуссионным [Кляшторный С. Г., 1964, С. 172], и, вероятно, ответ на него скорее всего должна дать археология [Литвинский Б. А., 1967]. Входила ли сюда территория Согда [Mc Govern, 1939. P. 400; Tarn W. W., 1951. P. 307; Литвинский Б. А., 1967. С. 34], остается неясным. Но во всяком случае речь может идти, вероятно, о северных пределах, к которым относилась и часть юго-западной Ферганы. При таком понимании становится более ясным, каким образом Чжан Цянь по дороге к юечжам из Давани прошел через Кангюй.

В источниках Кангюй характеризуется как кочевое владение, в обычаях сходное с юечжами. Однако огромная территория, занимаемая им, упоминание города Битянь позволяют предположить; что в его состав входили не только кочевые, но и оседлые племена [Литвинский Б. А., 1967. С. 35]. В середине V в. Кангюй упоминается как совсем небольшое владение, подчиненное в числе других эфталитам [Бичурин Н. Я., 1950б. С. 269]. В китайской хронике Бэйши перечисляются владения, которые раньше входили в состав Кангюя. Не вдаваясь сейчас в сложный вопрос их локализации, отметим только, что, повидимому, Кангюй к этому времени уже постепенно распался на ряд небольших владений [Mc Govern, 1939. P. 400].

Вопрос об этнической принадлежности кангюйцев решается пока в общем плане — их относят к кругу североиранских скотоводческих племен [Кляшторный С. Г., 1964. С. 174]. Наиболее часто высказываются соображения о генетическом родстве их с сакскими племенами Сырдарьи [Бернштам А. Н., 1952. С. 216; Литвинский Б. А., 1967. С. 35].

Роль хунну, которые неоднократно фигурируют в китайских хрониках в связи с владениями Усунь, Кангюй и отчасти Давань, пока для Средней Азии неясна. Первый поход их в Среднюю Азию относится к 36 г. до н. э., второй — к I в. н. э. В первый раз они достигли района Таласа, где были почти полностью разбиты китайским войском. Второе их движение, более мощное, сдвинуло с места различные племена, и сами хунну в своем постепенном движении на запад оказались на северных границах Средней Азии, в районах расселения племен Кангюйского объединения. Вопрос об их роли в истории Средней Азии уже вызвал однажды дискуссию [Бернштам А. Н., 1951; Сорокин С. С., 1956б; Литвинский Б. А., 1972а. С. 60—65. Там же литература вопроса]. В настоящее время этот вопрос снова привлекает внимание исследователей. В общей форме мнение о возможной роли хунну (сюнну) для истории Средней Азии наиболее удачно сформулировано А. М. Мандельштамом: «Во II—IV вв. н. э. в какой-то области, лежащей сравнительно недалеко от Таласа, средней и нижней Сырдарьи, вполне вероятно, могла обитать какая-то довольно значительная группа сюнну, оказывающих определенное влияние на своих соседей» [Мандельштам А. М., 1975б. С. 236; см. также раздел «Памятники джетыасарской культуры...»].

Из четырех владений Азии, постоянно взаимодействующих на северо-востоке Средней Азии, следует упомянуть еще Давань — небольшое владение, описываемое как земледельческое [Бичурин Н. Я., 1950б. С. 147—151, 161—168, 186—188; Hirth F., 1917. P. 95; Hulsewé A. F. P., 1979. P. 73]. Однако данные о количестве народонаселения и войска в описании владения приводятся по цифровой характеристике, обычной для кочевых владений, по формуле, отмеченной Тарном: «Народонаселение X семейств, 5X душ, строевого войска X» [Tarn W. W., 1951. P. 307, note 1]. Основываясь на этом, а также на фразе из характеристики населения Давани:

«Оружие состоит из луков со стрелами и копий. Искусны в конной стрельбе» и имени правителя Давани — Мугуа, интерпретируемое им как сакское, Тарн предполагает, что во главе Давани стояли кочевые племена саков. С этим согласуется и чтение Давань (Та Юань) как Taxwar (тохары) — кочевой народ, предложенное Паллибланком [Pulleyblank E. G., 1966. P. 22]. К этому следует добавить, что Давань славилась разведением особой породы лошадей, из-за чего и произошло ее военное столкновение с Ханьским Китаем. О роли саков в сложении культуры Давани писал А. Н. Бернштам [1952. С. 211]. Постоянное взаимодействие скотоводческих и земледельческих племен было одной из особенностей истории Ферганы. По-видимому, значительное место занимали кочевые племена и в истории Хорезма, о чем свидетельствуют данные как письменных источников, так и нумизматики, и археологии [Вайнберг Б. И., 1977. С. 76, 77. Там же литература вопроса; 1979б].

Таким образом, кочевники Средней Азии играли большую роль в истории среднеазиатских народов, постоянно взаимодействуя с земледельческим населением. Они принимали участие во всех сколько-нибудь крупных политических событиях ее истории. В мирное время они являлись неразрывной частью комплексного хозяйства, осуществляя постоянный товарообмен. Во время военных потрясений они входили в те или иные группировки. Несомненно, значение их было неодинаково для северных (северо-восточных) и южных районов Средней Азии. В первых они постоянно играли доминирующую роль, то объединяясь против общего врага, то соперничая друг с другом. Время от времени сюда продвигались и новые племена из Центральной Азии. Оседлое население скорее всего занимало подчиненное положение. На границах кочевых и земледельческих районов возникали отдельные более или менее устойчивые государственные образования типа Давани или каких-то владений Кангюя (район Ташкентского оазиса), культура которых обычно длительный период сохраняла устойчивый облик и была сходной у скотоводов и земледельцев. В южных областях Средней Азии кочевое население появилось только в III—II вв. до н. э. в период, характеризовавшийся, с одной стороны, интенсивными процессами формирования новых объединений в степном поясе, вызвавшими значительные этнические перемещения, а с другой — прогрессирующим ослаблением Селевкидского государства, повлекшим за собой отпадение его восточных окраин. Захват кочевыми племенами сначала Парфии и Гиркании, а позднее Согда и Бактрии был непосредственно связан с завершающими фазами двух разных передвижений: в первом случае локального, причины которого пока неясны, во втором — начавшегося далеко на востоке в ходе формирования государства хунну. В то же время этот захват явился этапом ликвидации политических последствий греко-македонского завоевания Средней Азии.

Прямым результатом военных успехов было переселение кочевников в земледельческие области, где они на длительный период стали составной частью населения, политически господствующей, но сохраняющей при этом свою форму хозяйства и свой этнографический облик. В таких условиях сложилось первоначальное ядро сначала Парфянского, а затем Кушанского государства, во главе которых стояли кочевнические династии. Завоеватели не ставили целью уничтожение или даже подрыв хозяйственной основы коренного населения, а наоборот, стремились сохранить ее в полной мере при изменившихся условиях. Внутренняя прочность молодых государств проявилась прежде всего в способности к быстрой и успешной экспансии на обширные территории, завершившейся превращением их в крупнейшие державы своего времени. Масштабы завоеваний указывают на то, что в эту экспансию вовлекались и соседние племена — среднеазиатский кочевнический тыл. В первые века нашей эры тенденция к сосуществованию кочевого и земледельческого населения прослеживается уже на более широкой территории, чем в последние века до нашей эры, что свидетельствует о распространении на кочевые племена воздействия специфики структуры обоих государств.

В последние века до нашей эры и в первые века нашей эры кочевники являлись фактором наиболее активным и даже определяющим ход политической истории в регионе: созданные ими государства сыграли значительную роль в истории не только Средней Азии, но и всего Азиатского континента. Время их существования было периодом экономического и культурного подъема, что отражает прогрессивный характер исторического процесса. Объективная роль в нем кочевых племен определяется прежде всего тем, что они создали предпосылки для длительного объединения больших территорий сначала политически, а затем и экономически. Но при реализации результатов первых военных успехов рядом с ними стояло земледельческое население Средней Азии, существование и союз с которым был, очевидно, необходимой основой для организации государственной власти и экономики.

В III—V вв. в истории народов Средней Азии происходят события, приведшие в конечном счете к коренным изменениям в политической ситуации, упадку государств, вызванному как внутренними причинами, так и появлением новых кочевых племен. Это наиболее «темный» период, плохо освещенный письменными источниками. Начало событий связано с возвышением сасанидского Ирана (226 г.), начавшего наступление на южные районы Средней Азии. Во второй половине IV в. Сасаниды, используя движение кочевников-хионитов, покоряют Кушанское государство. Но в конце IV — начале V в., благодаря деятельности царя Кидары, оно освобождается от этой зависимости. На этот раз хиониты поддерживают Кидару. И только в 40-х годах V в. Сасаниды вновь покоряют Кушанское государство, но теперь среди их основных врагов выступают племена эфталитов. Крупные древние государства на юге Средней Азии окончательно исчезают с политической арены. «Вторжение их (кочевых племен) вызвало глубокое потрясение в земледельческих областях Средней Азии и нанесло основной, может быть решающий, удар Кангюю и Давани, ускорив их окончательный распад» [Дьяконов М. М., Мандельштам А. М., 1958. С. 342].

Вопросы происхождения и политической истории кидаритов (их, вероятно, смешивали с хионитами),

хионитов, эфталитов, с которыми связаны все эти изменения в жизни среднеазиатских народов, все еще остаются дискуссионными [Мандельштам А. М., 1958; Неразик Е. Е., 1963; Маршак Б. И., 1971; Вайнберг Б. И., 1972; Ставиский Б. Я., 1977]. Но появление этих племен уже не привело к созданию новых крупных государств, как это произошло в древности.

Основные проблемы в изучении памятников древних скотоводов Средней Азии и Казахстана

Природные условия Средней Азии [4] и Казахстана неодинаковы в разных частях этого региона. Бóльшую часть его занимают пустыни, на юге, юго-востоке и востоке располагаются горные массивы. Северная граница пустынь расположена вблизи 48° с. ш., где они соседствуют с полупустынной зоной, переходящей на севере в степи. В разные исторические периоды в зависимости от степени увлажненности границы этих зон смещались, что отражалось и на характере хозяйственного использования территории. Пустынные районы Средней Азии и Казахстана различаются не только по степени обводненности, но и по остальным физико-географическим условиям — почвам, растительности, климату [Бабаев А. Г., Фрейкин З. Г., 1977. С. 81, след.].

Восточная часть Средней Азии почти целиком гористая. Здесь расположены горные массивы Тянь-Шаньской и Памиро-Алайской систем с многочисленными хребтами, подгорными и межгорными долинами, орошаемыми многочисленными реками, стекающими с гор. Отсюда берут начало и две магистральные реки Средней Азии — Сырдарья и Амударья, пересекающие пустыни и степи всей ее территории с северо-востока и юго-востока на северо-запад, к Аральскому морю. В северо-восточной части Средней Азии равнины находятся к юго-западу и северо-востоку от хребта Каратау (Голодная степь, Чу-Илийские степи и пески). В верховьях Сырдарьи расположена Ферганская долина, окаймленная горными хребтами со стекающими с них реками. Наиболее крупные реки восточной части Средней Азии, помимо Сырдарьи, это Или, Чу, Талас, берущие начало с Тяньшаньских гор, Кызылсу, или Сурхаб, протекающие по Алайской долине, Карадарья, Сох — по Ферганской. Имеется также много озер, расположенных в степях, песках и горах. Самые крупные из них Балхаш и Иссык-Куль. Берега рек и озер покрыты большей частью тугайной растительностью, камышами, кустарниками. По мере подъема от равнин в горы растительность становится богаче и разнообразнее, а на высоких плато типа Ангренского, Кетмень-Тюбе, Сусамыр, Алайской долины и пр. имеются прекрасные пастбища, служащие постоянными летовками для кочевников.

Эти природные условия, лишь незначительно изменявшиеся в связи с условиями обводнения (прежде всего это относится к дельтовым областям крупных рек), способствовали развитию на территории региона наряду с ирригационным и богарным земледелием равнин и горных долин скотоводческого хозяйства в очень разнообразных формах — от оседлого до кочевого.

Уже с эпохи бронзы в Средней Азии постоянно сосуществуют земледельцы и скотоводы, и между ними возникает межхозяйственный и культурный обмен. Характер взаимодействия этих групп населения зависел от многих причин: степень близости по экологической зоне, зависимость в хозяйственной деятельности, политические взаимоотношения и т. д. Не только археологи и историки, но даже географы уделяли мало внимания хозяйственному использованию пустынных и степных территорий. Не учитывались значительные сезонные изменения среды, характер и изменчивость водных источников, растительности, сезоны и пути перекочевок.

В литературе утвердилось понятие «ранние кочевники Средней Азии и Казахстана», к которым относят обычно разноплеменное скотоводческое население региона VIII—VII вв. до н. э.— III—IV вв. н. э. Но при этом не учитывается, что термин «кочевники» приложим лишь к части скотоводческих племен рассматриваемой территории. Формы скотоводческого хозяйства определялись, как и в недавнем прошлом, в первую очередь природно-климатическими особенностями района и в меньшей степени близостью или отдаленностью от земледельческих оазисов. При районировании пустынь Средней Азии и Казахстана географы выделяют 16 основных зон, различающихся по физико-географическим условиям, определяющим характер хозяйственной деятельности [Бабаев А. Г., Фрейкин З. Г., 1977. С. 155, след. Схема на с. 156]. Ряд особенностей имеют и горные районы с прилегающими к ним подгорными равнинами. Все это обусловливало большое разнообразие видов скотоводческого хозяйства в пределах одного хозяйственно-культурного типа [обзор дискуссионных проблем и вопросы упорядочения терминов, относящихся к скотоводству и кочевничеству в исследованиях этнографов, см.: Марков Г. Е., 1981. С. 83, след.; Семенов Ю. И., 1982. С. 48, след.].

Применительно к археологическому материалу Средней Азии и Казахстана характеристика различных форм скотоводческого хозяйства дана К. А. Акишевым [1972; 1977. С. 200—205]. Первой формой, чисто кочевой, как он считает, было хозяйство скотоводов Центрального и Западного Казахстана, где перекочевки происходили круглогодично по определенным маршрутам на дальние расстояния. Возможно, не всегда были постоянные зимние стойбища, и люди со стадами перекочевывали в зависимости от освоения новых пастбищ. Разводили главным образом овец, верблюдов, лошадей,

[4] Подробнее о понятии Средняя Азия см.: Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985. Сер. Археология СССР. С. 178, 179.

меньше — крупный рогатый скот. Второй формой было полукочевое скотоводство, развитое в районах Восточного Казахстана, Семиречья, предгорных и горных долинах Тянь-Шаня и Памиро-Алая. Стада перегоняли по стабильным маршрутам на небольшие расстояния. Было распространено главным образом вертикальное кочевание — с долин в горы и обратно на постоянные зимние пастбища. Овцеводство и коневодство дополнялось разведением крупного рогатого скота. На призимовочных территориях были небольшие поселки, рядом с которыми обычно выращивали просо, ячмень, пшеницу. Эта пастбищно-кочевая система хозяйства, сложившаяся, как и чисто кочевая, еще в начале I тысячелетия до н. э., характеризуется посезонным распределением пастбищных угодий и водных источников в пределах общинно-родовых и межплеменных границ землепользования [Акишев К. А., 1977. С. 201]. Третья форма — оседлое скотоводство. Оно характерно для мест, богатых сенокосными угодьями, расположенными, как правило, в непосредственной близости к земледельческим центрам, на границах, или даже вклиниваясь на их территорию. В этом случае мог существовать своеобразный хозяйственный симбиоз оседлого земледельческо-скотоводческого и полукочевого скотоводческого населения, основанный на естественном разделении труда. В дальнейшем это приводило к коллективным формам хозяйства (выпас стад земледельцев поручался скотоводам, которые в свою очередь постоянно пользовались результатами труда земледельческого населения), ускорению оседания скотоводов на землю и растворению их в среде земледельцев. Именно эти группы скотоводов принимали наибольшее участие в экономике земледельческих районов, чаще вмешивались в политические события, являясь в сложных ситуациях защитниками земледельцев, и определяли ход событий в древних государствах.

Проникновение скотоводческих племен из северных районов Средней Азии и из Казахстана на юг началось еще во II тысячелетии до н. э., и процесс этот был постоянным. Все новые и новые волны скотоводов, передвигаясь на юг, оседали на границах и в пределах земледельческих оазисов, устанавливали экономические и политические связи с их жителями, увеличивая тем самым количество населения оазисов и являясь одним из существенных факторов в изменениях экономики и политики древнейших среднеазиатских государств. Без понимания этого характерного для Средней Азии процесса история ее населения не может быть правильно понята. Эта мысль красной нитью проходила во всех исследованиях ведущих историков Средней Азии С. П. Толстова и А. Н. Бернштама. С. П. Толстов [1962б] рассматривал с этой точки зрения проблемы истории населения Приаралья и Хорезма. А. Н. Бернштам [1952] посвятил свою жизнь изучению истории населения востока Средней Азии и в связи с этим касался вопросов участия кочевых племен в политических событиях среднеазиатских государств.

Противостояние кочевников и оседлых народов, земледельцев и скотоводов засвидетельствовано в Авесте, где постоянные враги земледельцев именуются турами [Абаев В. И., 1956; Литвинский Б. А., 1972б. С. 156, 157. Там же литература вопроса]. Период, о котором пойдет речь, длителен и достаточно богат историческими событиями, нашедшими некоторое отражение в письменных источниках: надписи ахеменидских царей, античные авторы (Геродот, Арриан, Трог Помпей, Юстин, Квинт Курций Руф, Страбон, Птолемей и др.), китайские хроники Шицзи, Ханьшу, Хоуханьшу, Бейши. Обзору и исследованию этих источников посвящена большая литература [сводки см.: Умняков И. И., 1940; История таджикского народа..., Гафуров Б. Г., 1972; Литвинский Б. А., 1972б; Ставиский Б. Я., 1977; Мандельштам А. М., 1957; Гафуров Б. Г., Цибукидзе Д. И., 1980].

Раскопки памятников ранних кочевников начинались эпизодически еще в дореволюционные годы, и в истории их исследования можно выделить три периода: 1) до Великой Октябрьской социалистической революции; 2) послереволюционный период и до конца Великой Отечественной войны; 3) послевоенные годы и до настоящего времени. Истории изучения памятников скотоводческих племен посвящены две работы О. В. Обельченко [1964; 1965], где хроника раскопок и исследований доведена до 1953 г. Кроме того, отдельные вопросы исследования курганных могильников содержатся в работах К. А. Акишева и Г. А. Кушаева [1963], Б. А. Литвинского [1972а], Ю. А. Заднепровского [1960]. Мы ограничимся краткой характеристикой самих раскопочных работ и подробнее остановимся на основных проблемах истории изучения ранних кочевников Средней Азии и Казахстана.

Для дореволюционного периода характерно случайное вскрытие курганных погребений в основном в северо-восточных районах Средней Азии, Семиречье, Фергане, Таласской долине, Ташкентском районе. Работы проводились Археологической комиссией и членами Туркестанского кружка любителей археологии [Обельченко О. В., 1964. С. 213—219].

После Великой Октябрьской социалистической революции начались более систематические исследования, особенно широко развернувшиеся в 30-е годы [Оболдуева Т. Г., 1951; Жуков В. Д., 1951; Гулямов Я. Г., 1951; Бернштам А. Н., 1941а; 1943]. В конце 20-х годов начинаются целенаправленные исследования могильников ранних кочевников. Первыми были раскопки М. В. Воеводского и М. П. Грязнова Буранинско-Каракольских и Чильпекских курганов (Семиречье и северный берег Иссык-Куля), положившие начало изучению «усуньской» проблемы [Воеводский М. В., Грязнов М. П., 1938; см. также: Тереножкин А. И., 1941]. Затем последовали раскопки курганов в долинах рек Талас и Чу, в районе Ахангарана, Ташкента (Пскентский, Джунский могильники) и в Фергане (Исфаринский могильник). Раскопки проводились А. И. Тереножкиным, А. Н. Бернштамом, М. Е. Массоном, Г. В. Григорьевым, Б. А. Латыниным, Т. Г. Оболдуевой, М. Э. Воронцом [Обельченко О. В., 1964].

В конце 30-х годов А. Н. Бернштам начинает массовое планомерное исследование памятников ранних кочевников. Прекрасное знание географических особенностей северо-восточных районов Средней Азии и этнографии кочевников позволило ему провести многочисленные маршрутные обследования

«по путям кочевников» и необыкновенно точно выявить территории их обитания, насыщенные курганными могильниками. Одни только названия экспедиций, которыми руководил А. Н. Бернштам, отражают сферу интересов этого талантливого исследователя: Казахстанская (1936, 1938—1940 гг.— долины рек Талас, Или, Чу, склоны Каратау), Южно-Казахстанская (1947—1949 гг.— Каратау и средняя Сырдарья), Киргизская (1938—1940 гг.— Чуйская долина, Иссык-Куль), Чуйская (1941 г.); Тяньшаньская (1944—1946, 1949 гг.— центральный Тянь-Шань, Иссык-Куль, восточная Фергана); Памиро-Алайская (1947—1948 гг.— Памир, Алай, Фергана), Памиро-Ферганская (1950—1952 гг.— Памир и Фергана). Одним из его первых замечательных открытий были раскопки Кенкольского могильника (долина р. Талас), оставленного, по его мнению, хунну китайских источников [Бернштам А. Н., 1940б]. В конце 30-х годов им были исследованы Берккаринский и Тамдинский могильники (также долина Таласа), которые он считал «сако-усуньскими» [Бернштам А. Н., 1941а; Бабанская Г. Г., 1956; Маловицкая Л. Я., 1950], курганы Карачоко и Каргалы в Семиречье [Бернштам А. Н., 1941б; 1949б], курганы в урочище Арпа [Бернштам А. Н., 1945].

В годы Великой Отечественной войны В. Ф. Гайдукевич раскопал погребения Ширинсайского могильника [Гайдукевич В. Ф., 1952].

В послевоенные годы возобновляют работу созданные ранее крупнейшие среднеазиатские экспедиции и начинают свою деятельность местные республиканские Академии наук и музеи. Конец 40-х — начало 50-х годов можно считать поворотным моментом в изучении древностей скотоводов Средней Азии, ибо исследования их памятников охватили многие, ранее не изучавшиеся районы.

В 1947—1948 гг. А. Н. Бернштам впервые исследует курганные могильники Памира и открывает первую страницу в истории изучения ранних кочевников этого района. Тогда же он изучает разновременные могильники Алайской долины [Бернштам А. Н., 1952. С. 186—204, 275—333]. В 1949 г., во время маршрутного обследования Тянь-Шаня, проводятся раскопки разновременных (от саков до тюрок) курганов центрального Тянь-Шаня и побережья Иссык-Куля [Бернштам А. Н., 1952. С. 19—94]. В 1950—1952 гг. наряду с продолжением раскопок на Памире А. Н. Бернштам проводит раскопки курганных могильников Ферганы и Чаткала [Сорокин С. С., 1961б; Кибиров А. К., 1959а; Воронец М. Э., 1954].

Широкие комплексные работы развернулись в Хорезме [Толстов С. П., 1952], изучаются памятники кочевников в южной Туркмении [Марущенко А. А., 1959а], Согде [Обельченко О. В., 1956; 1961], Бактрии [Мандельштам А. М., 1966а; 1975а], продолжаются широкомасштабные раскопки курганов в Ферганской долине [Давидович Е. А., Литвинский Б. А., 1955; Баруздин Ю. Д., 1961; Заднепровский Ю. А., 1960; Гамбург Б. З., Горбунова Н. Г., 1957б; Горбунова Н. Г., Гамбург Б. З., 1957]. Как видим, с начала 50-х годов идет накопление материалов по археологии ранних кочевников всей территории Средней Азии, а не только ее восточных районов, как было ранее.

Со второй половины 50-х годов начинаются систематические работы в Центральном Казахстане, где была открыта и исследована так называемая тасмолинская культура [Кадырбаев М. К., 1966]. В Восточном Казахстане памятники кочевников изучает С. С. Черников, раскопавший знаменитый Чиликтинский курган с одним из ранних «царских» захоронений [Черников С. С., 1965]. Не менее активные работы ведутся в Южном Казахстане (Семиречье, Каратау) [Копылов И. И., 1953; Агеева Е. И., 1959; Максимова А. Г., 1960; 1962; 1968]. Особый интерес представляют проведенные К. А. Акишевым раскопки монументальных деревянных погребальных сооружений Бесшатырских курганов и серии рядовых могильников «сакского» и «усуньского» времени [Акишев К. А., Кушаев Г. А., 1963].

Столь же плодотворными оказались 60-е и 70-е годы. Особое место занимают раскопки и изучение кургана Иссык, расположенного в 50 км к востоку от г. Алма-Ата. Там было найдено непотревоженное «царское» захоронение. Набор инвентаря, его разнообразие и художественное исполнение открыли необозримое поле для исследований [Акишев К. А., 1978; Акишев А. К., 1984]. Продолжались работы на территории Киргизии, в том числе в Таласской долине (Кенкольский могильник) и долине Кетмень-Тюбе, где были обнаружены курганы от эпохи бронзы до раннего средневековья [Кожомбердиев И. К., 1960; 1963; 1977; 1983б]. Не прерывались исследования памятников ранних кочевников на Тянь-Шане и Алае, где вели раскопки Ю. Д. Баруздин (материалы остались, к сожалению, не опубликованными), А. К. Абетеков и И. К. Кожомбердиев [Абетеков А. К., 1975а; Кожомбердиев И., 1975в; 1983а].

Раскопки затронули не только восточный, но и западный Памир [Литвинский Б. А., 1972б; Бабаев А. Д., 1965б; 1975]. Активно продолжались исследования на территории Ферганы [Литвинский Б. А., 1972б; 1973а; 1973б; 1978; Кадыров Э., 1975а; Салтовская Е. Д., 1978; Брыкина Г. А., 1981; Gorbunova N. G., 1986] и южного Таджикистана [Литвинский Б. А., Седов А. В., 1984].

Новые материалы по сакам Приаралья дали раскопки Тагискенского и Уйгаракского могильников, проведенные Хорезмской археолого-этнографической экспедицией [Толстов С. П., Итина М. А., 1966; Вишневская О. А., 1973]. В результате исследования Присарыкамышской дельты были открыты памятники куюсайской культуры VII—IV вв. до н. э. [Вайнберг Б. И., 1979а] и исследованы курганы кочевников IV в. до н. э.— III в. н. э. Стали известны курганные погребения вдоль сухого русла Узбоя и прилегающих районов [Юсупов Х. Ю., 1986; Галкин Л. Л., 1983; 1984; 1985; 1986], а также погребальные памятники плато Устюрт [Ягодин В. Н., 1982; Древняя и средневековая культура юго-восточного Устюрта].

В процессе этих многолетних и широкомасштабных работ, выявивших разновременные и разнокультурные памятники ранних кочевников Средней Азии и Казахстана, неоднократно возникали сложные проблемы, касающиеся как хронологии отдельных памятников, так и периодизации их по районам и по всей Средней Азии в целом. Поднимались вопросы культурной принадлежности населения, оставивше-

го их, и возможности отождествления его с племенами, известными по письменным источникам.

Подробнее эти проблемы с разной степенью полноты отражены ниже, при региональном описании итогов археологических исследований памятников скотоводов Средней Азии и Казахстана. В разработке их намечаются различные тенденции.

Если на начальных этапах исследований саки и массагеты, как правило, рассматривались раздельно в силу различий в характеристике их культуры в письменных источниках [см. например: Толстов С. П., 1948а. С. 211, след.], то в настоящее время почти повсеместно в литературе встречается понятие «сако-массагетские племена».

При изучении некоторых регионов происходил отрыв курганных могильников от синхронных и единых им по культуре поселений, рядом с которыми они расположены [см., например: Литвинский Б. А., 1972а; 1973а; 1973б]. Это нашло отражение и в настоящем издании: поселения каунчинской культуры и Ферганы освещены в томе «Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии» [С. 207, след.], а курганы носителей тех же культур характеризуются в настоящем томе. Далеко не все исследователи учитывают природные особенности отдельных регионов, в частности, присырдарьинских районов в древности, и связанные с этим хозяйственные занятия жителей. Как показали раскопки многих памятников от границ западной Ферганы до низовьев Сырдарьи, здесь жили преимущественно оседлые скотоводы. От них остались монументальные сырцовые постройки, у стен которых располагаются курганные могильники, отражающие «кочевнические» традиции этого населения. Второй особенностью памятников, оставленных населением присырдарьинских районов, является ручная выделка (при явном знакомстве с гончарным кругом) стандартизованной керамики, обжигавшейся в гончарных печах. Проследить особенности хозяйственного и культурного развития можно с конца эпохи бронзы (могильник Северный Тагискен), когда в низовьях Сырдарьи зафиксированы сырцовые мавзолеи, местная лепная и круговая керамика в сочетании с импортной земледельческой. Именно с этого момента и вплоть до нового времени дельтовые районы Сырдарьи становятся постоянным центром крупных скотоводческих объединений. Здесь, в наиболее благоприятных условиях обводнения, создаются постоянные поселения скотоводов, к которым на зимовку, очевидно, прикочевывала основная масса населения. Именно в связи с особой ролью этого района в истории скотоводческих племен севера Средней Азии и Казахстана большое внимание в настоящем томе уделено памятникам чирикрабатской и джетыасарской (ранний этап) культур.

Иную модель скотоводческих поселений мы обнаруживаем в левобережном Хорезме (Присарыкамышская дельта Амударьи), в зоне постоянных контактов с цивилизацией древнего Хорезма, а также в Фергане, Бактрии, Согде.

Весь археологический материал в данном томе рассматривается по культурным ареалам. Часто эти ареалы совпадают с экологическими зонами, выделяемыми внутри всего Среднеазиатского-Казахстанского региона. В последнее время появились археологические материалы, характеризующие неизученные ранее районы Устюрта [Древняя и средневековая культура юго-восточного Устюрта; Ягодин В. Н., 1982] и Мангышлака [Галкин Л. Л., 1983; 1984; 1985; 1986].

Хотя в настоящем томе подводятся определенные итоги многолетним исследованиям, авторы четко осознают, что многие проблемы в изучении истории скотоводов Средней Азии и Казахстана не только очень далеки от разрешения, но иногда в полном объеме практически и не поставлены.

Однако основными были и остаются такие проблемы, как сакская культура Средней Азии и Казахстана, ее истоки, хронология памятников, локальные варианты, искусство; памятники усуней, их хронология и проблема происхождения так называемой сако-усуньской культуры северо-востока Средней Азии; подбойно-катакомбные погребения, их хронология, происхождение, соотношение с племенами, известными по письменным источникам; наземные погребальные сооружения, их генезис и этническая атрибуция; хронология и типология отдельных категорий вещей Среднеазиатского и Казахстанского регионов (оружие, керамика и т. д.).

Вопрос о саках, упоминаемых у древних авторов, привлек внимание русских и западноевропейских востоковедов еще в конце XIX в., задолго до изучения археологических памятников Средней Азии и Казахстана. Исследование курганных древностей сопровождалось попытками их этнической атрибуции. Однако впервые вопрос об отнесении целой серии раскопанных могильников к сакам и массагетам был поставлен на реальную основу в трудах А. Н. Бернштама — для востока Средней Азии и С. П. Толстова — для Приаралья [Бернштам А. Н., 1952; Толстов С. П., 1962б]. Маршрутные обследования районов Семиречья, Таласа, Каратау, Кетмень-Тюбе, Тянь-Шаня, Памира, Алая и Ферганы, раскопки могильников в некоторых из этих районов, а также учет случайных находок позволили А. Н. Бернштаму выделить здесь сакские памятники и предложить свою трактовку расселения сакских племен. Он полагал, что к числу сакских относятся прежде всего определенного типа намогильные сооружения (каменные насыпи с кольцевыми каменными выкладками-кромлехами), под которыми находились погребения в каменных ящиках или грунтовых могилах, покрытых плитами. Погребенные лежали в скорченной позе, реже вытянуто. Погребальный инвентарь состоял из лепной глиняной посуды и бронзовых изделий [Бернштам А. Н., 1949б. С. 349, 350].

Считая, что северо-восточная часть Средней Азии (Тянь-Шань и Семиречье, Фергана) была занята саками-хаумаварга персидских надписей (амюргии или заяксартские саки античных авторов), он выделял внутри них три группы: тяньшаньскую, ферганскую и яксартскую (последняя — по среднему течению Сырдарьи в горах Каратау). Каждая из них, полагал А. Н. Бернштам, имела особенности в зависимости от направления связей, но вела свое происхождение от местных культур эпохи бронзы (андроновского круга, с его точки зрения) с учетом влияния культур Южной Сибири. «На Тянь-Шане этот процесс был осложнен локальными различиями и

отчасти центральноазиатскими связями, в Ферано-Алае — взаимоотношениями с носителями анауской культуры, а на Яксарте — массагетскими и сармато-аланскими этнокультурными связями» [Бернштам А. Н., 1952. С. 211, 212]. Ранних кочевников Памира А. Н. Бернштам также относил к числу саков-хаумаварга.

На иных позициях в вопросах локализации кочевых племен стоял С. П. Толстов, который неоднократно обращался к этой теме и при анализе исторических событий в Средней Азии в последние века I тысячелетия до н. э., и в связи с изучением археологических памятников низовьев Сырдарьи [Толстов С. П., 1948а. С. 231, след. 243—245; 1948б; 1950б; 1961; 1962б. С. 136]. Изучая письменные источники, С. П. Толстов пришел к выводу, что сакихаумаварга занимали пространства пустынь Кызылкумов и Каракумов и были одним из самых значительных массагетских племен. Эту же группу саков он отождествлял с сакаравлами, которых помещал, опираясь на данные Птолемея, на восточной периферии Хорезма [Толстов С. П., 1948а. С. 243, 244]. При этом С. П. Толстов поддерживал гипотезу об отождествлении сакаравлов с Кангюем [Gutschmid A., 1888. S. 58, 70], но подчеркивал, что Кангюй — это название страны, а не племени [Толстов С. П., 1948а. С. 244].

Исследования археологических памятников низовьев Сырдарьи привело С. П. Толстого к определению территории расселения четырех крупных племенных объединений саков этого района. В бассейне Жанидарьи он поместил апасиаков (чирикрабатская культура)[5], в бассейне Кувандарьи — тохаров (джетыасарская культура), а в нижнем междуречье Кувандарьи и Сырдарьи — аугасиев (раскопки 1963 г. на Кескен-Кауккале показали, что эта группа памятников относится только к позднему этапу джетыасарской культуры, а потому не может быть связана с племенами сакского времени). После открытия новой группы памятников в бассейне наиболее южного дельтового протока Сырдарьи — Инкардарьи (Тагискен, Уйгарак, «шлаковые» курганы) С. П. Толстов именно с ними связал территорию расселения сакаравлов [Толстов С. П., 1962б. С. 136—204]. Предложенная С. П. Толстовым локализация сакских племен в дельте Сырдарьи не стала общепризнанной [Литвинский Б. А., 1972б. С. 175], как, впрочем, и другие гипотезы.

Б. А. Литвинский предложил свою гипотезу о расселении саков древних авторов. Саков-хаумаварга он локализует в юго-восточной части Средней Азии, полагая, что северной их границей были Алайская долина и Фергана, а саков-тиграхауда — в низовьях Амударьи, включая в их состав и массагетов [Литвинский Б. А., 1972б. С. 163—174]. Отдельно Б. А. Литвинский рассматривает группу «саков, которые за Согдом», отождествляя их с заяксартскими саками и помещая «вдоль верхнего (в том числе в Кетмень-Тюбе), отчасти среднего течения Сырдарьи» [Литвинский Б. А., 1972б. С. 169]. Что касается саков Семиречья, то, по его мнению, они не фигурируют в письменных источниках, но скорее всего связаны с саками-хаумаварга [Литвинский Б. А., 1972б. С. 174]. Им же были рассмотрены локальные группы саков, выделяемые на основании данных археологии и антропологии в Приаралье, Семиречье и Тянь-Шане, Фергане и прилегающих областях, на Памире. Памирские саки, по его мнению, резко отличаются от всех прочих наибольшим числом скорченных погребений, антропологическим типом (долихокранные), связями с Индией. Это, как считает Б. А. Литвинский, позволяет предположить, что в составе конфедерации саков-хаумаварга они занимали особое положение [Литвинский Б. А., 1972б. С. 174—186]. Органической частью обширной группы сакских племен являлось, по мнению Б. А. Литвинского, и население Восточного Туркестана, по крайней мере, его юго-западных районов [Литвинский Б. А., 1985. С. 119].

Совершенно иной позиции в вопросах расселения сакских племен придерживается К. А. Акишев, который в Семиречье, Притяньшанье и Шаше (Ташкентская обл.) помещает саков-тиграхауда [Акишев К. А., 1963. С. 18, 19]. Он присоединяет к этим районам на западе южное Приаралье, а на востоке — Горный Алтай [Акишев К. А., 1978. С. 5].

Неоднозначно решается вопрос и о происхождении саков. Наиболее распространена и аргументирована гипотеза, согласно которой саки Средней Азии и Казахстана были прямыми потомками племен поздней бронзы, обитавших на этой территории. Впервые это мнение было высказано А. Н. Бернштамом и поддержано С. С. Черниковым, Б. А. Литвинским и другими исследователями [Бернштам А.Н., 1949б. С. 349; Черников С. С., 1957а. С. 33; Литвинский Б. А., 1972б. С. 156]. Конкретной разработкой этой версии много занимались К. А. Акишев и М. К. Кадырбаев. Так, К. А. Акишев связывал происхождение саков Семиречья и Южного Казахстана с переселением на юг потомков местных андроновских племен Центрального Казахстана (т. е. носителей тасмолинской культуры, отождествляемых с исседонами) и Южной Сибири. В качестве доказательства выдвигалось два аргумента: существование кажущегося противоречия относительно места расселения исседонов у Геродота и Птолемея и открытие в Таласской долине (Южный Казахстан) памятников особого типа — «курганов с усами» [Акишев К. А., Кушаев Г. А., 1963. С. 15]. Однако М. К. Кадырбаев, исследователь тасмолинской культуры («курганы с усами»), возражая против предполагаемого массового переселения на юг центральноказахстанских племен в VII—VI вв. до н. э., считал, что эта версия не подкрепляется никакими археологическими материалами, в том числе и открытием в Южном Казахстане «кургана с усами» (датированного, кстати, им IV—V вв. н. э.), поскольку отдельные памятники этого типа встречаются изредка в самых отдаленных от Центрального Казахстана районах, например в Поволжье [Кадырбаев М. К., 1966. С. 467]. Но М. К. Кадырбаев подчеркивал особенности восточного очага степных культур скифского времени и предлагал для их обозначения условный термин «сакская культурная общность», происхождение слагаемых которой ба-

[5] Локализация апасиаков в междуречье Амударьи и Сырдарьи основана на данных Птолемея и выводе С. П. Толстова об отсутствии в античный период стока Амударьи в Каспий.

зировалось на одной и той же андроновской основе. Ядром этой культурной общности он называл прежде всего племена Казахстана и Алтая [Кадырбаев М. К., 1966. С. 401].

Последовательным противником версии о происхождении раннесакской культуры Средней Азии и Казахстана на андроновской основе остается Л. Р. Кызласов. По его мнению, прямыми предшественниками саков, в частности семиреченских (Бесшатырская группа), была культура дандыбай-бегазинских памятников, пришлая в Казахстане и лишь благодаря соседству вобравшая в себя небольшое количество «андроновских» элементов. Культура приаральских саков, полагает Л. Р. Кызласов, также восходит к дандыбай-бегазинской культуре, но в ее тагискенском варианте, датируемом VIII — началом VII в. до н. э. В основе культуры саков Восточного Казахстана (Чиликтинский курган) тоже лежат памятники дандыбай-бегазинского типа. Л. Р. Кызласов считает, что носители тасмолинской культуры вытеснили предков саков из степей Центрального Казахстана, после чего саки распространились в Семиречье, Восточном Казахстане и далее на восток, в Туве. Именно саками, пришельцами с запада, из центральноказахстанских степей, сооружен, по его мнению, знаменитый курган Аржан [Кызласов Л. Р., 1977. С. 71—77]. К кругу сакских племен, как считает Н. Г. Горбунова, относилось также население Ферганы времени распространения там эйлатано-актамской культуры VI—III вв. до н. э. [Горбунова Н. Г., 1962; 1979].

По-прежнему дискуссионным остается вопрос о периодизации культур сакского круга, особенно об их формировании и становлении [обзор существующих точек зрения см.: Gorbunova N. G., 1986. P. 48—57].

Почти все исследователи ранних кочевников Средней Азии и Казахстана уделяли большое внимание искусству и верованиям саков. Так, А. Н. Бернштам, специально рассматривая предметы культа (бронзовые котлы, жертвенники), обнаруженные в Семиречье и на Тянь-Шане, связывал их с «шаманистско-зороастрийскими воззрениями» саков и относил к числу образцов сакского искусства [Бернштам А. Н., 1952. С. 48, 49]. Значительное место этим сюжетам отведено в трудах Б. А. Литвинского. В результате всестороннего анализа культов и верований саков и соотнесения их с зороастризмом он пришел к выводу, что «не существовало единой сакской религии», а имелись сходные в основном, но различающиеся в частностях религии отдельных конфедераций или даже племен [Литвинский Б. А., 1972б. С. 155].

Богатейшие находки в кургане Иссык, сакских памятниках Кетмень-Тюбе, Приаралья, Центрального и Восточного Казахстана, новые случайные находки, наскальные изображения позволили различным исследователям вплотную подойти к изучению идеологии и искусства сакских племен. Тесно связанные с идеологией и искусством других кочевых племен степного пояса Евразии, они имели и свои особенности. Новые материалы дали возможность вернуться к вопросам происхождения так называемого скифо-сибирского звериного стиля, исследованию семантики его образов и объяснению сюжетов из иранской мифологии [Артамонов М. И., 1973; Раевский Д. С., 1977; Акишев А. К., 1984].

Не менее дискуссионна усуньская проблема. Большое количество могильников, датируемых III в. до н. э.— V в. н. э., на территории Семиречья Тянь-Шаня, в долине Таласа, на склонах Каратау исследователи относят к числу памятников усуней. Однако эта традиционная точка зрения, существующая и по сей день (История Казахской ССР. Т. 1. С. 293—304), отнюдь не является доказанной и общепринятой. Подобная ситуация объясняется недостаточной разработанностью хронологии и периодизации археологических материалов и различной интерпретацией сведений письменных источников о месте первоначального обитания усуней. По сведениям китайских хронистов, усуни до 176 г. до н. э. обитали в Восточном Туркестане, когда, согласно письму хуннского шаньюя Модэ, были разбиты хуннами наряду с юечжами и другими племенами. Имеются сведения, что примерно в 160 г. до н. э. усуни переселились в районы Семиречья, где разбили юечжей. Следуя этим сообщениям, к памятникам усуней на территории Северо-Восточной Средней Азии могут быть отнесены только те, что датируются временем не ранее середины II в. до н. э. Но не все исследователи принимают изложенные события как реальные и потому к числу «усуньских» относят и более ранние памятники.

Первые «усуньские» могильники (Буранинский, Каракольский и Чильпекский) были исследованы в 1929 г. М. П. Грязновым и М. В. Воеводским и датированы ими временем не ранее III в. до н. э. и до I в. н. э. Эта дата была основана на находках золотых перстней и бляшек, отнесенных исследователями к изделиям греко-бактрийских мастеров (аналогий, правда, им пока нет), фрагментов китайских лаковых изделий, предметов, которые, по предположению, проникали за пределы Китая только с конца III в. до н. э., и, наконец, мелких нашивных золотых фигурных бляшек, сравниваемых, с одной стороны, с сарматскими, а другой — с находками в курганах Катанда и Шибе на Алтае (последние относили ко II в. до н. э.— I в. н. э.).

Археологические материалы и исследования говорят о возможности, во-первых, выделения Чильпекской группы курганов как наиболее поздней и, во-вторых, «удревнения» двух первых групп (Буранинской и Каракольской) по крайней мере до IV в. до н. э., именно на основании алтайских аналогий [Баркова Л. Л., 1978; 1979; 1980; История Киргизской ССР. С. 61]. Все это свидетельствует о том, что механическое отнесение к «усуньским» всех могильников, раскопанных на северо-востоке Средней Азии и аналогичных Буранинскому, Каракольскому и Чильпекскому, вряд ли может быть принято.

Большое значение проблеме усуней придавал А. Н. Бернштам. Поскольку он не принимал версии о переселении усуней в Среднюю Азию только во II в. до н. э. и видел длительную генетическую преемственность в погребальном обряде населения, обитавшего в этих районах, то предложил термин «сако-усуньская» культура для определения всех исследованных памятников. К числу «усуньских» или «предусуньских» А. Н. Бернштам относил на разных территориях несколько различные по харак-

теру памятники. Так, в Семиречье и на Таласе это были, по его мнению, погребения в грунтовых могилах под земляными насыпями, образующими цепочки, вытянутые по линии север—юг. Погребенные лежали вытянуто, головами на запад, в могилах были кости барана и довольно бедный инвентарь, состоящий из лепной глиняной посуды, железных ножей, реже — украшений. Основополагающим памятником подобного рода для Таласской долины считается Берккаринский могильник, в котором выделены две группы захоронений — сакская IV—III вв. до н. э. и усуньская II в. до н. э.— I в. н. э. [Бабанская Г. Г., 1956. С. 203—207]. Однако действительно серьезных оснований для подобного деления, к сожалению, нет, тем более что в могильнике найдены серьги, по-видимому, даже V в. н. э. Следовательно, дата его очень широка. Нет оценки так называемых усуньских памятников и в «Истории Казахской ССР», где Берккаринский могильник без всякой аргументации рассматривается как усуньский.

На Тянь-Шане к «исседонским», или «предусуньским», А. Н. Бернштам относил погребения под каменными насыпями, с кромлехами вокруг, в грунтовых могилах, перекрытых каменными плитами (Аламышик и Джергетал). Погребенные лежали на спине, головами на северо- или юго-запад. Однако сам А. Н. Бернштам неоднократно отмечал, что кромлехи и перекрытие плитами — это пережиточное явление в погребальном обряде еще с эпохи бронзы. К тому же, зеркало, найденное в одном из таких погребений, он сам относил к IV—III вв. до н. э. [Бернштам А. Н., 1952. С. 38—40]. Таким образом, оснований для узкой и поздней даты этих курганов практически не было и правильно было бы относить их просто к сакским.

Еще одна группа памятников выделена А. Н. Бернштамом как «усуне-юечжийская» и датирована II в. до н. э.— I в. н. э. (могильники Соколовка, Джергес, часть курганов в Аламышике и Джергетале) [Бернштам А. Н., 1952. С. 50—60]. К ней он отнес погребения под расположенными «цепочкой» или бессистемно курганными насыпями в грунтовых могилах, перекрытых деревянными настилами. Погребенные лежали вытянуто на спине, головой, как правило, на запад. Однако серьезных оснований для датировки и этой группы памятников II в. до н. э. — I в. н. э. тоже нет. Так, дата могильника Соколовка была основана на сопоставлении деревянных перекрытий из его погребений со срубами Пазырыкских курганов, которые А. Н. Бернштам вслед за С. В. Киселевым датировал III в. до н. э. В настоящее время общепризнано, что не только Пазырыкские курганы, но и такие памятники, как Шибе, Берель, Катанда, следует датировать V—IV вв. до н. э. [Баркова Л. Л., 1978; 1979]. Поэтому, если исходить из сходства погребального обряда Соколовки и Пазырыка, а также учесть лепную керамику Соколовки, ничем не отличающуюся от сакской (ничего другого там не было), то и этот памятник следует относить к сакским. Могильник Джергес пока тоже не может быть определенно датирован, поскольку найденная в нем круговая посуда, вопреки мнению А. Н. Бернштама, не имеет аналогий в Фергане и ее происхождение неясно. Таким образом, необходимой аргументацией для датировки названных памятников II в. до н. э.— I в. н. э. и отождествления их с усунями мы пока не располагаем. Напротив, представляется более вероятным соотнесение их с местными племенами — потомками саков.

Следующим этапом в изучении «усуньских» памятников были работы А. К. Кибирова на Тянь-Шане и Г. А. Кушаева в долине р. Или. А. К. Кибиров раскопал более 100 курганов в 19 могильниках. Исходным моментом для датировки было сходство раскопанных курганов с уже известными ранее и относимыми к усуням. Анализ самих вещей для датировки ничего не давал. Основываясь априори на том, что это курганы усуней, А. К. Кибиров в соответствии со сведениями письменных источников о массовом переселении усуней на Тянь-Шань под натиском жужаней, счел возможным отнести все раскопанные курганы к большому хронологическому этапу до V в. н. э. включительно [Кибиров А. К., 1959б. С. 107]. Работа Г. А. Кушаева явилась итоговой для исследования памятников усуней в долине р. Или. Он выделил три этапа: III—II вв. до н. э.; I в. до н. э.— I в. н. э.; II—III вв. н. э. Основанием для распределения памятников были некоторые изменения в устройстве намогильных и погребальных сооружений и изменения в керамике, в основном увеличение числа плоскодонных сосудов. Выделенные этапы приемлемы для относительной хронологии. Однако абсолютная хронология, созданная путем привлечения отдаленных, не всегда удачных аналогий, не может считаться окончательной.

Курганам ранних кочевников Семиречья и Каратау посвящены работы Е. И. Агеевой и А. Г. Максимовой [Агеева Е. И., 1961; Максимова А. Г., 1962]. В большинстве случаев и даты, и этнические определения этих памятников основаны на существовавших в науке представлениях о том, что это курганы усуней. Правда, авторы отмечали некоторые различия в погребальном обряде этих двух регионов. Так, если в Семиречье основным материалом для перекрытий могильных ям было дерево (около 40%), то в Каратау — каменные плиты (56%) при примерно одинаковом количестве могил, вообще не имевших перекрытий,— соответственно 55 и 40% [Максимова А. Г., 1962]. Несмотря на эти отличия, А. Г. Максимова все же полагала, что и в Семиречье, и в Каратау представлены памятники усуней.

По-прежнему открытым остается вопрос о бургулюкской культуре Ташкентского района, сравниваемой ранее с усуньской. Последние находки «удревняют» ее начало до эпохи бронзы, а время ее конца неясно [Дуке Х., 1982. С. 57].

Остаются пока спорными и вопросы интерпретации памятников ранних кочевников Алая усуньского времени. На сложность положения с усуньскими памятниками впервые обратил внимание Ю. А. Заднепровский [Заднепровский Ю. А., 1971. С. 27—36]. Он справедливо отметил несовпадение письменных и археологических данных, показал неточности датировок некоторых памятников Семиречья и высказал сомнение в правильности отнесения многочисленных погребений в грунтовых могилах к усуням. С его точки зрения, эти захоронения принадлежат племенам сакского круга. Он предложил называть эти памятники Чильпекской группой, что

представляется недостаточно обоснованным, поскольку именно Чильпекские курганы отличаются от массы так называемых усуньских. И. К. Кожомбердиев, исследовавший множество курганов долины Кетмень-Тюбе, также пришел к выводу, что «на всей территории распространения культуры грунтовых ям основной этнический состав населения не меняется (с VIII—VII вв. до н. э.— *Ред.*) по крайней мере до начала нашей эры. Очевидно, речь должна идти об археологических памятниках одного народа, относящихся лишь к разным периодам» [Кожомбердиев И. К., 1975а. С. 174].

Сомнения относительно принадлежности многочисленных могильников северо-востока Средней Азии усуням высказано также А. М. Мандельштамом [1983а. С. 46, 47]. Полагая, что нет оснований считать недостоверными сведения письменных источников о переселении усуней в районы северо-востока Средней Азии во II в. до н. э., он обратил внимание на сходство отдельных элементов в материальной культуре населения сакского периода Средней Азии и «скифского» периода в Туве, а также, видимо, синхронных (II в. до н. э.) изменений в культуре, которые он связывает с передвижением в это время населения с юга, из Центральной Азии. Поскольку очень трудно выделить погребения после III в. до н. э., так как они чрезвычайно бедны вещами и не имеют опорных дат, историческая веха переселения усуней во II в. до н. э. практически не фиксируется в археологии. К тому же, грунтовые могилы существуют на протяжении всего периода раннего железного века этой территории, и оставлены, очевидно, местным населением. Следовательно, несмотря на существование термина «усуньские памятники», только какая-то часть из них (а какая именно, мы пока не знаем) могла принадлежать действительно усуням. Вопрос о «сако-усуньской» культуре и «усуньских» могильниках пока открыт. При его решении следует также учесть, что усуни, судя по сведениям письменных источников, были тесно связаны с Китаем: в «усуньских» погребальных комплексах должны быть китайские вещи. Однако ничего подобного нет в той массе погребений в грунтовых могилах Таласа, Семиречья, Тянь-Шаня, где обычно и помещают усуней. Скорее всего эти памятники оставлены местными племенами скотоводов — потомков саков.

Столь же спорной остается проблема «подбойно-катакомбных» погребений. В середине и конце I тысячелетия до н. э. и первой половине I тысячелетия н. э. в разных районах Средней Азии появляются и широко распространяются погребения в подбойных и катакомбных могилах, находящиеся обычно под земляными или земляно-гравийными насыпями. Подбои различаются по расположению камер в различных стенках входной ямы и ориентировке погребенных, а катакомбы — по длине и устройству дромоса и расположению по отношению к нему катакомбы: перпендикулярно или по одной линии. Эти погребальные сооружения могут составлять отдельные могильники, находиться в пределах одного и того же могильника, наконец, входить в состав могильников с захоронениями в грунтовых ямах. Неоднократно в подбоях и катакомбах зафиксированы погребения в гробах, колодах и на подстилках. Различия же в погребальном инвентаре связаны не с типом погребений, а с районом, в котором они находятся.

Началом продолжительной дискуссии о дате и этнической принадлежности подбойно-катакомбных погребений послужило открытие и толкование А. Н. Бернштамом катакомбных погребений Кенкольского могильника, которые он датировал временем около рубежа нашей эры на основании находок шелковых китайских тканей (аналогичных ноинулинским I в. до н. э.— I в. н. э.), наконечников стрел, отнесенных им к «скифскому типу», керамики, деревянных изделий и некоторых предметов полихромного стиля, считая последние началом развития этого стиля. Привлекая данные китайских хронистов, А. Н. Бернштам полагал, что Кенкольский могильник оставлен хунну Чжичжы шаньюя, откочевавшими на эту территорию после раскола гуннского племенного союза на северный и южный и впоследствии разбитыми здесь китайцами [Бернштам А. Н., 1940б. С. 27—32]. Последующие раскопки «подбойно-катакомбных» могильников в Фергане и на Тянь-Шане дали А. Н. Бернштаму основание утверждать, что проникновение гуннов в районы Средней Азии и воздействие на них культуры местных племен, придали разнохарактерный облик самой гуннской культуре [Бернштам А. Н., 1951. С. 102, след.]. Особенно сильным он считал воздействие культуры земледельцев Ферганы. Правда, позднее он высказал предположение, что эти могильники принадлежали «полуиранским, полутюркским племенам эфталитов» [Бернштам А. Н., 1957. С. 18, 19].

Против интерпретации «подбойно-катакомбных» могильников как гуннских выступил С. С. Сорокин. Проанализировав погребальный инвентарь и в первую очередь керамику, он пришел к выводу о ее местном происхождении [Сорокин С. С., 1954; 1956а]. На основании анализа железных наконечников стрел С. С. Сорокин предложил иную дату Кенкольского могильника — II—IV вв. н. э. [Сорокин С. С., 1956а; 1961а].

Позднее И. К. Кожомбердиев, исследовавший Кенкольский и некоторые другие могильники Таласской долины, предложил для них дату I—V вв. н. э. [Кожомбердиев И. К., 1963], с чем согласилась и Л. М. Левина [1971. С. 192]. И. К. Кожомбердиев выдвинул идею о существовании кенкольской культуры местных племен Таласа и Кетмень-Тюбе и продлил время ее бытования до VII в. н. э. [Кожомбердиев И. К., 1983б. С. 51, 52; 1986. С. 17]. Как памятники местных ферганских племен, но с участием культуры пришлого населения рассматривали «подбойно-катакомбные» могильники Ю. Д. Баруздин, Б. А. Латынин и Т. Г. Оболдуева [Баруздин Ю. Д., Брыкина Г. А., 1962. С. 68; Латынин Б. А., Оболдуева Т. Г., 1959]. В то же время Ю. А. Заднепровский высказал предположение, что среди многочисленных погребений этого типа необходимо выделить отдельные группы, оставленные, по-видимому, разноэтничным населением [Заднепровский Ю. А., 1959. С. 28). В одной из своих работ он связывал эти памятники с движением юечжийских племен [Заднепровский Ю. А., 1960. С. 137, 138], в другой высказывал предположение о возможности отождествления катакомб кенкольского типа с усунями [Заднепровский Ю. А., 1971]. Им же было

предложено выделение внутри «подбойно-катакомбных» могильников нескольких типов погребальных сооружений: Кенкольская группа — катакомба расположена перпендикулярно длинному дромосу со ступеньками; Лявандакская — катакомба служит продолжением дромоса; Тулхарская — подбой в восточной или западной стенке входной ямы; Айгырджальская — подбой в северной или южной стенке входной ямы. Он же рассматривал возможность сопоставления грунтовых могильников с саками, подбойных — с юечжами, катакомбных — с усунями [Заднепровский Ю. А., 1962. С. 159—168]. Ранее Ю. А. Заднепровский выделял локальные группы внутри Ферганы [Заднепровский Ю. А., 1960. С. 128—138].

Исследованию «подбойно-катакомбных» могильников Ферганы посвящены несколько работ Б. А. Литвинского [1972а; 1973а; 1973б; 1978]. Еще в 50-е годы, в самом начале своих исследований, он отметил определенные, с его точки зрения, сарматские элементы в культуре населения, оставившего эти могильники, и затем неоднократно возвращался к этому вопросу [Давидович Е. А., Литвинский Б. А., 1955; Литвинский Б. А., 1968; 1969]. Б. А. Литвинскому принадлежат первый подробный анализ всех известных к началу 70-х годов материалов ферганских «подбойно-катакомбных» могильников, первичные классификации категорий инвентаря, суждения о хронологии могильников и, наконец, рассмотрение всех данных на широком фоне археологии и этнографии. С его точки зрения, основная масса исследованных погребений относится ко II—IV вв., но есть более ранние — I—II вв. и более поздние — вплоть до VII в. н. э. [Литвинский Б. А., 1972а. С. 132]. Погребальные сооружения, по мнению Б. А. Литвинского, не могут служить этническим индикатором [Литвинский Б. А., 1972а. С. 71, 72]. Кроме того, он полагал, что форма катакомбных могил сохранилась в Средней Азии еще с эпохи бронзы и существовала в несколько измененном облике в сакских погребениях типа больших Бесшатырских курганов в Семиречье или Чирик-Рабата в низовьях Сырдарьи [Литвинский Б. А., 1972а. С. 64—72]. Отсутствие истоков погребений нового типа в Средней Азии было главным аргументом Б. А. Литвинского в споре со сторонниками гипотезы о пришлых племенах.

Исследователь подбойных и катакомбных могил Согда О. В. Обельченко отмечал генетическую связь населения, оставившего эти могилы, с сарматской культурой Южного Приуралья и Нижнего Поволжья [Обельченко О. В., 1956. С. 226; 1961. С. 163]. Близость курганных могильников Согда к погребениям сарматов позволяет, как он считал, высказать предположение о появлении подбойных погребений в связи с движением во II в. до н. э. юечжей, тоже относившихся, по его мнению, к кругу сарматских племен [Обельченко О. В., 1961. С. 173—176]. Позднее О. В. Обельченко выделил две группы погребений: более раннюю — II в. до н. э.— I в. н. э., близкую сарматским погребениям, и более позднюю — II—IV вв., материалы которой имеют облик, характерный для культуры южных областей Средней Азии. Первую группу он связывал с племенами, участвовавшими в разгроме Греко-Бактрийского государства [Обельченко О. В., 1974. С. 202—208].

Материалы массовых раскопок могильников с подбойными погребениями в Бактрии привели А. М. Мандельштама к убеждению, что они оставлены теми самыми юечжами, которые сыграли основную роль в разгроме Греко-Бактрии и создании Кушанского государства. Он считал, что несомненное влияние культуры земледельцев на культуру пришлых кочевников свидетельствует о сложении особых отношений между этими двумя группами населения [Мандельштам А. М., 1974. С. 196]. Исследования курганов Хорезма позволили Б. И. Вайнберг высказать предположение, что погребения в подбоях и катакомбах с южной ориентировкой умерших принадлежат юечжийской группе племен, которая отличалась от кушан и относилась к сарматскому кругу в широком понимании этого термина [Вайнберг Б. И., 1977. С. 73]. Близкой точки зрения о катакомбах с южной ориентировкой придерживался и А. М. Мандельштам, полагавший, что они оставлены особой восточной группой сарматских племен [Мандельштам А. М., 1978а. С. 139—141]. Несколько позже Б. И. Вайнберг высказала идею, что курганные могильники, изученные на периферии Хорезма, оставлены постоянными скотоводческими племенами, тесно связанными с оседлым населением Хорезма [Вайнберг Б. И., 1981б. С. 129].

Таким образом, подбойные и катакомбные погребения различаются хронологически и территориально [Горбунова Н. Г., 1981]. Есть районы, где в могильниках явно преобладают те или иные типы погребений (Семиречье, Талас, Кетмень-Тюбе, Бактрия), и районы, где совершенно очевидно представлены могильники более «смешанного» типа (Ташкентский район — средняя Сырдарья, Фергана, отчасти Тянь-Шань), но в пределах каждого района инвентарь однообразен для погребений всех типов.

Помимо грунтовых, подбойных и катакомбных могил с ранними кочевниками связывается обычно еще одна группа погребальных памятников. Это наземные погребения либо просто под курганными насыпями, либо в каменных ящиках и склепах, либо в сырцовых склепах. Датировка их часто затруднена из-за неодновременности коллективных захоронений. Насколько можно судить, наиболее ранние из них — V—III вв. до н. э.— известны в Закаспии [Мандельштам А. М., 1976. С. 21—26]. А. М. Мандельштам отождествлял эти памятники с массагетами Геродота и Страбона. К тому же времени и, по мнению исследователей, к тому же этносу относятся подбойные погребения Устюрта [Древняя и средневековая культура юго-восточного Устюрта. С. 188, 189]. Вопрос о происхождении каменных склепов западной Ферганы подробно рассмотрел Б. А. Литвинский, сопоставивший их с погребальными обычаями эфталитов [Литвинский Б. А., 1976. С. 56]. Для более раннего времени наибольшее количество погребальных наземных сооружений известно в Закаспии, на Узбое и Устюрте, а для первых веков нашей эры — в горных районах западной Ферганы, на Чаткале и средней Сырдарье. Связаны ли между собой эти погребения или их развитие в разных районах шло спонтанно, сказать пока трудно, так как погребальный инвентарь в каждом районе имеет локальные и хронологические различия.

Слабым местом всех исследований остаются вопро-

сы хронологии, для разработки которых необходимы тщательный анализ и типология местных форм всех категорий вещей и в первую очередь оружия. Подавляющее большинство исследователей при датировке памятников Средней Азии и Казахстана обращается к уже имеющимся типологиям савромато-сарматского оружия. Однако накопленный по Среднеазиатскому региону материал свидетельствует о своеобразии местных форм, что показано на примере ранних бронзовых наконечников стрел [Медведская И. Н., 1972], железных кинжалов и мечей [Мандельштам А. М., 1966а; Литвинский Б. А., Седов А. В., 1983]. В археологическом материале второй половины I тысячелетия до н. э. из левобережного Хорезма как будто прослеживаются местные переходные формы для перекрестий длинных мечей и некоторые особенности в хронологии луков с костяными накладками. Все это ставит перед исследователями первоочередную задачу разработки типологии всех видов оружия. Исследование оружия ранних кочевников Средней Азии и Казахстана должно быть проведено с учетом аналогичных материалов из земледельческих областей и данных о развитии оборонительных сооружений региона. В отличие от памятников степного пояса (например, наиболее близких савромато-сарматов Южного Приуралья), в погребениях скотоводов Средней Азии, особенно с VI—V вв. до н. э., нет больших колчанных наборов. Возможно, это объясняется боевой тактикой местных племен. Оборонительные стены крепостей и даже простые сырцовые ограды поселений могли надежно защитить живших там людей от лавины стрел, характерной для наступательной тактики степняков. В условиях Среднеазиатского региона на первый план выступала тактика ближнего боя, что должно было повлечь за собой развитие связанного с ней вооружения. Вероятно, именно это и послужило основой для распространения здесь длинных мечей. Исследователи неоднократно отмечали, что Средняя Азия (во всяком случае Приаралье) входит в зону раннего распространения подобного оружия. Можно отметить ряд особенностей в употреблении оружия этого вида в Среднеазиатско-Казахстанском регионе. Длинные мечи, появляющиеся не позднее V в. до н. э. (Тагискен, Иссык, Чирик-Рабат), всегда встречаются в ненарушенных погребениях в сочетании с коротким кинжалом. Мечей средних размеров практически нет. Короткий кинжал всегда помещен у правого бока и может находиться в могиле без длинного меча, но меч без кинжала не встречается. Длинный (до 1 м и более) меч — это всадническое оружие, он часто помещается в погребениях слева от погребенного и не связан с его амуницией (поясом и т. д.). Он либо поднят на уровень плеча, либо лежит в некотором отдалении. Изредка длинный меч лежит справа от погребенного, чуть в стороне. На смену мечам V в. до н. э. со сложными по форме металлическими перекрестьем и навершием приходят довольно однообразные мечи с прямым металлическим перекрестьем и без металлического навершия, которые повсеместно распространены в Средней Азии в последние века до нашей эры. Эволюция кинжалов, встречающихся с этими мечами, гораздо сложнее. Как правило, кинжалы имеют одинаковое прямое перекрестье, но различные металлические навершия. Уже сейчас можно наметить ряд локальных групп кинжалов, различающихся по формам наверший: кольцевидные навершия — Хорезм и западная Туркмения; волютообразные и рожковидные — Бактрия, юг Среднеазиатского междуречья; брусковидные — вероятно, Ташкентский оазис и Кызылкумы. Согд дает сочетание разных типов, что объясняется его географическим положением.

Приведенные примеры, как нам представляется, достаточно убедительно демонстрируют своеобразие развития местных типов вооружения и особенности их хронологии. Имеется своеобразие и в типологии бронзовых и железных наконечников стрел для всей Средней Азии в целом и, например, Ферганы, в частности [Медведская И. Н., 1972; Брыкина Г. А., Горбунова Н. Г., 1984].

Особого внимания требует изучение керамики из погребений ранних кочевников Средней Азии и Казахстана. Если этнографы иногда считают, что у кочевников нет своей керамики, то археологи, напротив, утверждают, что у всех скотоводческих племен был свой керамический комплекс. Конкретные археологические памятники демонстрируют разнообразные варианты решения этой «проблемы» в быту скотоводов Средней Азии и Казахстана. Обнаруживается явная закономерность: удаленные от земледельческих центров ареалы имеют свою керамику, как правило, ручной выделки и напольного обжига, а памятники скотоводов, соседствующих с земледельческими оазисами, содержат ремесленную керамику этих оазисов. Наиболее ярко этот процесс выявляется в левобережном Хорезме, где самые ранние курганы в подбоях содержат импортную гончарную керамику, чуждую не только Хорезму, но и другим среднеазиатским центрам. Позднее ее сменяет местная гончарная посуда, производство которой вынесено к местам расселения скотоводов, за границы земледельческих оазисов. Близкая картина наблюдается в Фергане, Бактрии и Согде.

Таким образом, только на базе четкой периодизации и хронологии памятников ранних кочевников Средней Азии и Казахстана можно вести дальнейшую работу по выделению локальных групп и их этнической атрибуции [6].

[6] Ср., например, подход к хронологии и этнической атрибуции курганных могильников южного Таджикистана в работах А. М. Мандельштама [1966а. С. 137—162] и Б. А. Литвинского и А. В. Седова [1983. С. 27 и след].

Глава первая
Саки Приаралья

Ранние саки Приаралья

Открытие сакских древностей в низовьях Сырдарьи связано с многолетними комплексными исследованиями Хорезмской экспедиции Института этнографии АН СССР на территории древней Сырдарьинской дельты (Кзыл-Ординская обл. Казахской ССР), которые выявили на ее древних руслах памятники от неолита (III тысячелетие до н. э.) до позднего средневековья (XVI в.), включая и раннесакские (VII—V вв. до н. э.). Работы эти, начатые С. П. Толстовым еще в 1946 г., продолжаются по сей день [Толстов С. П., 1948а, С. 53—62, 123—140; 1962б. С. 77—88, 136—204; Итина М. А., 1981. С. 7, след.; 1984б. С. 57—59].

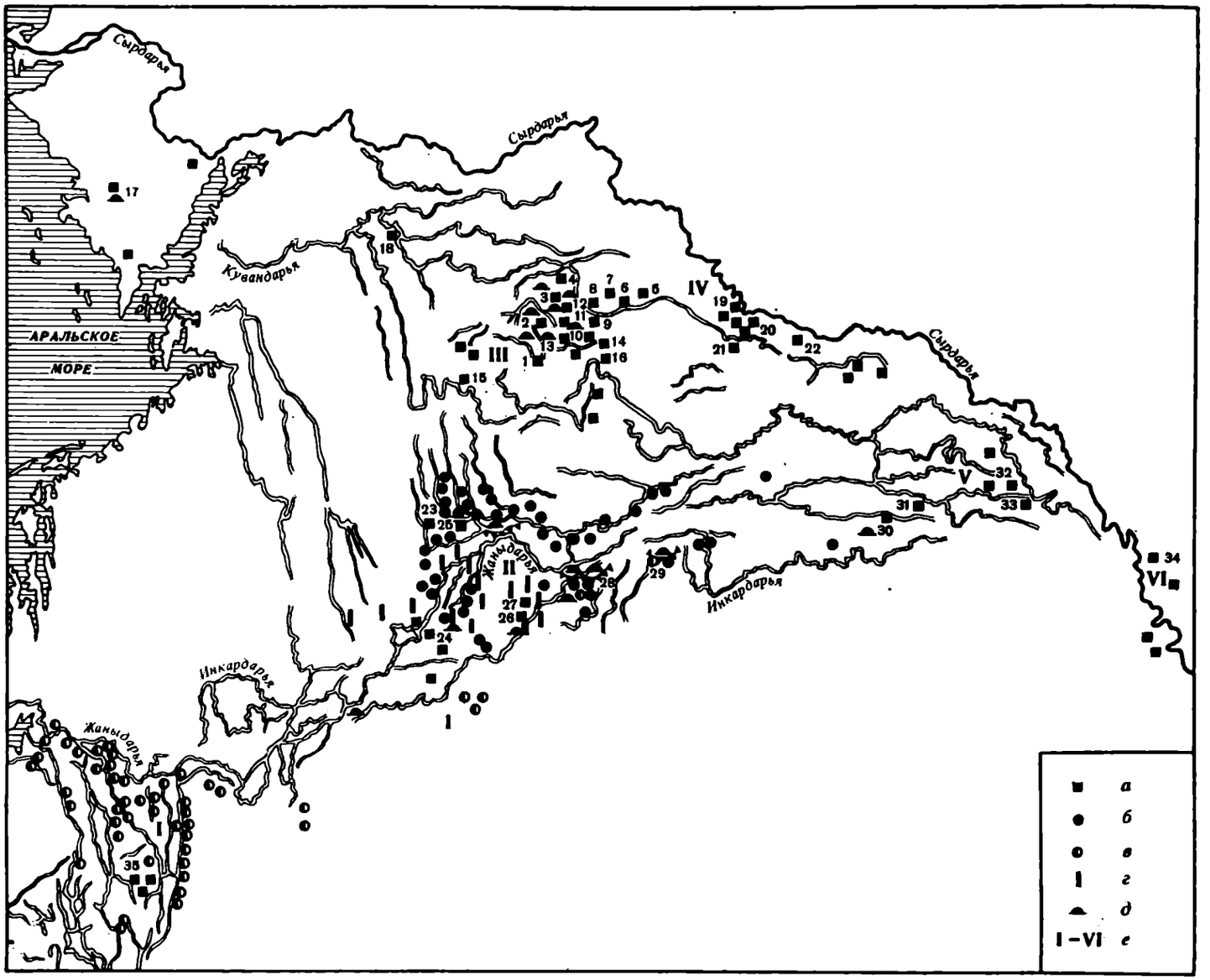
Древняя дельта Сырдарьи расположена между ее современным руслом и самой южной системой сухих русел Инкардарьи (карта 1). Этот огромный треугольник, ограниченный с юга массивом песков Кызылкум, а с запада — Аральским морем, заполнен бесчисленным количеством староречий, тянущихся то в широтном, то в меридиональном направлении. По-видимому, в целом вся система дельтовых протоков в связи с характерным для дельтовых областей непостоянным водным режимом функционировала спорадически в разные хронологические периоды. Так, например, система Инкардарьи (самая южная) и система Пра-Кувандарьи (самая северная, близкая к современному руслу Сырдарьи) функционировали в эпоху неолита и бронзы (III — начало I тысячелетия до н. э.). На Инкардарье открыты и более поздние памятники — сакские курганные могильники (VII—V вв. до н. э.), и средневековые поселения (X в.). На Жаныдарье и Пра-Кувандарье открыты памятники середины I тысячелетия до н. э.— первой половины I тысячелетия н. э., а также, особенно на Жаныдарье, средневековые (XII—XIII вв.) и позднесредневековые (XVI в.). Эти археологические свидетельства наглядно демонстрируют пульсирующий режим Сырдарьинской дельты и связь на протяжении тысячелетий систем расселения человека в этой аридной зоне с естественными водными источниками [Андрианов Б. В., Итина М. А., Кесь А. С., 1974]. Памятники первой половины I тысячелетия до н. э., относящиеся к периоду поздней бронзы и раннего железа, открыты преимущественно в южной части Сырдарьинской дельты. Они представлены множеством развеянных пастушеских стоянок с амирабадской керамикой (X—VIII вв. до н. э.), расположенных по берегам мелких дельтовых протоков, и таких же стоянок с грубой лепной керамикой и трехперыми бронзовыми наконечниками стрел скифского типа (не ранее VI в. до н. э.) — в котловинах выдувания песчаных массивов на внутридельтовом пространстве.

Однако основной материал для исследований дали погребальные памятники, к числу которых относятся курганные могильники и сооружения типа мавзолеев. Все они расположены или на внутридельтовой равнине, или там же, но на уплощенных вершинах (типа плато) останцовых возвышенностей. В отдельных случаях курганы обнаружены на площади городищ (Чирик-Рабат) [Толстов С. П., Жданко Т. А., Итина М. А., 1963. С. 53—56].

На плато Тагискен (200 км к западу от г. Кзыл-Орда) в 1960—1963 гг. раскопано два могильника — Северный Тагискен, относящийся к периоду поздней бронзы (X—VIII вв. до н. э.), и Южный Тагискен — раннесакский (VII—V вв. до н. э.) [Толстов С. П., 1962а; 1962б. С. 79—88; Толстов С. П., Жданко Т. А. Итина М. А., 1963. С. 36—53; Толстов С. П., Итина М. А., 1966]. На плато Уйгарак (30 км к юго-востоку от плато Тагискен) в 60-е годы велись раскопки раннесакского могильника Уйгарак VII—V вв. до н. э. [Вишневская О. А., 1973].

Скопление поблизости друг от друга погребальных сооружений периода поздней бронзы и раннесакских открыло перед исследователями возможность не только изучить культуру раннесакских племен юго-восточного Приаралья, но и рассмотреть проблему ее генезиса, что придало особую значимость раскопкам некрополя Северный Тагискен. Он расположен в северной части плато, на высоком обрывистом берегу одного из протоков Инкардарьи. Первоначально могильник выглядел как группа курганов разной высоты, разбросанных на значительной площади (табл. 1, *1*). Но раскопки показали, что курганы содержат погребальные сооружения разного времени и разного типа. В состав их входили курганы сакского времени, два мавзолея, выстроенные из сырцового кирпича и датирующиеся концом I тысячелетия до н. э., и наиболее интересный и важный комплекс — группа погребальных сооружений, сложенных из прямоугольного сырцового кирпича в виде мавзолеев и прямоугольных оград, относящихся к периоду поздней бронзы. Дискуссионность вопроса о начальной дате раннесакских и раннескифских комплексов заставляет нас достаточно подробно остановиться на характеристике и хронологии погребальных сооружений периода поздней бронзы Северного Тагискена, непосредственно предшествовавших раннесакским курганам Южного Тагискена.

СЕВЕРНЫЙ ТАГИСКЕН — ПАМЯТНИК ПОЗДНЕБРОНЗОВОГО ВРЕМЕНИ. Наиболее ранние среди сооружений периода поздней бронзы Северного Тагискена — мавзолеи 4,5а и 7 (табл. 1, *3*, *4*) построенные из прямоугольного (54×28×10—12, 48×32×10—11 см) сырцового кирпича рыжеватого цвета, сделанного из местной песчаниковой коренной породы. Основой планировки был круг (диаметр 14 м), вписанный в квадрат внешней стены, ориен-

Карта 1. Памятники восточного Приаралья VII в. до н. э.– V в. н. э.

1—14 — городища урочища Джеты-асар (в том числе: *2* — Бедаик-асар, *3* — Алтын-асар, *6* — Коралы-асар, *12* — Томпак-асар); *15* — Карак-асар; *16* — Унгурлы-асар; *17* — Кескен-Куюккала; *18* — Алыб; *19* — Жомпак-асар; *20* — Домолак-асар; *21* — Кара-асар; *22* — Сарлы-асар; *23* — Кабулкала; *24* — Чирик-Рабат; *25* — Бабиш-Мулла; *26* — Сепгиркала; *27* — Баланды; *28* — Тагискен; *29* — Уйгарак; *30* — Коянкала; *31* — Тас-асар; *32* — Ак-курган; *33* — Тобекурган; *34* — Ок-тоган; *35* — Баракгам; *а* — городища и крепости; *б* — поселения; *в* — стоянки; *г* — погребальные сооружения; *д* — могильники; *е* — *I—VI*: *I* — стоянки VII—V вв. до н. э. бассейнов Северной Акчадарьи и Жаныдарьи, *II* — поселения, городища и погребальные сооружения чирикрабатской культуры (конец V—II в. до н. э.), *III* — городища и могильники джетыасарской культуры в урочище Джеты-асар (памятники середины I тысячелетия до н. э.— середины I тысячелетия н. э.), *IV* — восточная группа джетыасарских памятников, *V* — юго-восточная группа джетыасарских памятников; *VI* — ранние городища отрарско-каратауской культуры (II—I вв. до н. э.—V в. н. э.)

тированной сторонами по сторонам света (длина стороны 17,5—18 м). По кольцу, на расстоянии 1,6 м от внешней стены, располагались восемь или 12 прямоугольных (1,2×1,4 м) кирпичных колонн, максимально сохранившаяся высота которых приближалась к 2 м (мавзолей 5а). Далее к центру, на расстоянии 1,3 м от этого кольца, располагались четыре или восемь таких же колонн, образовывавших в плане прямоугольник. По одной такой колонне имелось в каждом из четырех углов внешней стены сооружения (мавзолеи 4 и 5а). Колонны первого, большого, кольца были соединены между собой тонкой кирпичной стенкой (мавзолей 5а) или двумя плетневыми стенками с забутовкой между ними (мавзолей 4), покрытыми глиняной обмазкой. В мавзолее 5а с внутренней стороны к кирпичной стенке пристроены скамейки, заполнявшие пространство между колоннами, причем кирпичная стенка выполняла функцию спинки. Колонны второго ряда, ограничивавшие площадь камеры, в мавзолее 5а между собой никак не соединялись (табл. 1, *5*).

Таким образом, системой колонн погребальное сооружение делилось на два коридора — внешний и внутренний — и расположенную в центре прямоугольную камеру. Последняя в мавзолеях 4 и 5а не углублена, а лишь ограничена колоннами; в мавзолее 7 она углублена на 0,2—0,3 м, и стенки ее обложены горизонтально лежавшими деревянными

плахами, нижние из которых упирались в канавку по периметру ямы. Вход в мавзолеях был в восточной стене и вел прямо во внутренний коридор. Во внешний коридор попасть было невозможно (мавзолеи 5а, 7), так как он был перегорожен двумя тонкими (в один кирпич) стенками, между которыми и находился проход. В других случаях (мавзолей 4) подобной кирпичной стенкой был отсечен вход во внешний коридор лишь с одной стороны. Все мавзолеи были сооружены на материковой поверхности плато, она и служила их полом. В полу по кругу, вдоль колонн, с их внешней и внутренней сторон, равно как и вдоль внутренней стороны внешней стены мавзолеев, отмечены столбовые ямки (диаметр 15—20 см). С конструктивной точки зрения, никакой необходимости в столбах не было, а то, что они были, объясняется, видимо, тем, что «жилище» для умершего подражало дому, в котором он жил при жизни. По-видимому, жилые дома местного населения имели столбовую конструкцию, которая в погребальные сооружения была перенесена традиционно. Обилие дерева в мавзолеях способствовало также осуществлению зафиксированного на Северном Тагискене ритуала — трупосожжения, который предполагал не только сжигание покойника в центральной камере, но и кольцо огня вокруг нее.

В камере и внутреннем коридоре размещался погребальный инвентарь: керамика, орудия из бронзы, бронзовые, золотые и каменные украшения и пр. Необходимым элементом погребального ритуала было захоронение вместе с умершим частей туш животных. Ямы с костями животных, среди которых представлен крупный (преобладает) и мелкий (в частности, козы) рогатый скот, встречались внутри погребальных сооружений и рядом с ними.

Коридоры и камеры мавзолеев были перекрыты, причем есть основания предполагать, что мавзолеи представляли собой цилиндроконические сооружения из сырцового кирпича и дерева. С помощью кирпичных колонн в углах наружной стены квадратное в плане сооружение выше переходило в круглый барабан. Этот прием, видимо, предшествовал появлению тромпов. Таким образом, внешняя, квадратная в плане стена являлась конструкцией, несущей перекрытие, чем можно объяснить и ее весьма значительную толщину. В момент совершения обряда трупосожжения горело все здание. В каком виде оно продолжало существовать в дальнейшем, сказать трудно.

Вокруг каждого из мавзолеев группировались более скромные по масштабам погребения, которые пристраивались к основному с северной и южной сторон, образуя с ним единый комплекс. При такой ситуации предположение о том, что после совершения обряда над мавзолеем насыпался курган, отпадает. С другой стороны, сомнительно, что здание так и оставалось стоять в разрушенном виде. Возможно, что после совершения обряда мавзолей заново перекрывали, причем в этом случае опорой для перекрытия служили кирпичные колонны.

Более поздние, пристроенные места для погребений представляют собой прямоугольные ограды или круглые в плане сооружения (4а, 5в, 15), сложенные из голубовато-белого сырцового кирпича (табл. 1, *3*, *4*). Стены оград толщиной до 1 м поставлены на древней дневной поверхности, причем могильная яма углублена в материк на 0,6—0,8 м, а ее стенки, как правило, идут заподлицо с кирпичными. Площадь оград колеблется от 30 до 50 кв. м. Среди сооружений этого типа особое место занимает комплекс 5б, который пристроен к северной стене мавзолея 5а, но конструктивно с ним не связан. В центральной его камере находилось, видимо, женское захоронение с набором сосудов и украшениями (золотые и сердоликовые бусы, массивная золотая серьга, бронзовая булавка). К западу от камеры находилось помещение, в котором вокруг очага стояло 34 сосуда различных форм и размеров. Это погребальное сооружение, как, впрочем, и все погребения Северного Тагискена, было ограблено еще в древности. Круглые в плане сооружения сочетали в себе почти все основные принципы конструкции больших мавзолеев, но были меньше. Здесь отсутствует внешний квадратный контур, внешняя стена мавзолея круглая, и между ней и прямоугольной камерой есть кольцевой коридор. Вход по-прежнему в восточной стене, система столбовых ям та же, но кирпичных колонн нет, и столбы уже играют в конструкции активную роль. Так же, как и в мавзолеях 6 (см. ниже) и 7, место трупосожжения обрамлено канавкой и имеет вид как бы земляного стола, но центральная камера не всегда углублена (мавзолей 5в).

Видимо, наиболее поздним среди крупных мавзолеев Северного Тагискена является мавзолей 6 (табл. 1, *2*), стоящий особняком, к западу от мавзолея 5а. Это было круглое в плане (диаметр около 25 м) погребальное сооружение, которое состояло из цилиндрического центрального массива (диаметр около 15 м), сложенного из сырцового кирпича (50—60×25—30×10 см), и вписанной в него квадратной погребальной камеры. Массив был охвачен кольцом внешней стены, между ними располагался коридор шириной 2,05 м. С востока внешняя и внутренняя стены прорезаны проходом примерно метровой ширины. Камера (7,8×6,9 м) ориентирована сторонами по сторонам света и углублена на 1,3 м ниже уровня древней дневной поверхности, выше которой шла кирпичная кладка, положенная на тонкий слой камыша. До возведения кладки были вырыты две ямы в земляной части западной стены. Одна из них идет не менее чем на 2 м под стену и содержит множество костей, а возможно, и скелеты коров. Видимо, здесь мы имеем дело с так называемой жертвой закладки. Стены погребальной камеры были обложены толстым слоем камыша и веток — скорее всего это была какая-то плетенка, удерживавшаяся жердями и столбами. У подножия стен на многих участках обнаружены обуглившиеся горизонтальные слеги, очевидно, скреплявшие эту конструкцию понизу. Не исключено, что конструкция служила основным топливом при сожжении умершего в погребальной камере. Именно у стен, а не на полу, где углистый слой, как правило, тонок, следы пожара особенно значительны. Пол камеры — выровненное материковое дно ее котлована — был покрыт тонкой глиняной обмазкой, поверх которой были положены циновки, сплетенные из тонких дранок или луба (сохранились кое-где их обуглившиеся остатки). Периметр камеры охватывает канавка шириной 0,6—0,7 м, углубленная на 0,3 м ниже уровня пола. По

оси север—юг, примерно в 2 м от северной и южной стен, в полу камеры выбиты две круглые ямы (диаметр 0,4 м). По-видимому, в эти ямы были врыты столбы, поддерживавшие плоское перекрытие погребального помещения. Поскольку следы столбовых ям вдоль стен не обнаружены, надо полагать, что концы опиравшихся на столбы стропил и поперечных балок заделывались в гнезда, оставленные в кирпичной кладке.

Вход в камеру прорезал ее восточную стену. Пол древнего проема был наклонным, без ступеней, в виде пандуса. От коридора проход был отделен рядом кирпичной кладки, сохранившейся на два-три кирпича. Стены прохода, покрытые обмазкой, сильно обожжены. Это свидетельствует о том, что в момент пожара внутренняя дверь заложена не была. Пол пандуса обмазан глиной, при входе в камеру хорошо заметен обугливщийся брус деревянного порога, другая плаха на этом участке облицовывала стенку ровика. Судить с уверенностью о характере перекрытия дверных проемов трудно, следы свода, несмотря на значительную высоту стен, не сохранились. Заметно некоторое сужение проема вверху, за счет нависания кирпичей. Возможно, таким образом образовывался ложный свод. Коридор на всю сохранившуюся высоту стен и до самого пола заполнен песчаными намывами. Это дает основание полагать, что он вообще не был перекрыт и внешняя круглая стена мавзолея 6 представляла собой кольцевую ограду. Вокруг мавзолея никаких пристроек не обнаружено.

В погребальной камере, как и в остальных мавзолеях, совершалось трупосожжение. Погребальный инвентарь обнаружен в основном в камере. По ее углам стояли группы сосудов, причем в каждой из таких групп были сосуды определенного назначения. Кроме того, здесь найдены обломки бронзовых серповидного ножа и иглы, бронзовая лунница с отверстиями на концах (табл. 2, *3*, *4*), поделки из золота. Большой интерес представляет находка более 100 бронзовых гвоздей с уплощенными концами, которыми, очевидно, прикреплялись к стенам камеры ковры или кошмы (табл. 2, *5*). Точно такими же гвоздями прикреплялись кошмы к стенам погребальных камер более поздних Пызырыкских курганов 2 и 5 на Алтае [Руденко С. И., 1953. С. 47, 49. Рис. 23].

Мавзолей 6 — погребение очень знатного лица. Об этом прежде всего говорит необыкновенно богатая коллекция посуды (более 60 сосудов), часть которой сделана на гончарном круге (табл. 2, *17*), в то время как в других погребениях круговых сосудов значительно меньше. О том же свидетельствуют и находки обломков золотых вещей. Возможно, здесь была похоронена знатная женщина, поскольку находки иголок связываются, как правило, с женскими погребениями. Очень заманчиво видеть в погребении мавзолея 6 нечто подобное савроматским погребениям жриц в Приуралье, тем более что здесь, как и там, найдена прямоугольная керамическая жаровня, может быть, игравшая роль жертвенника.

Хотя все мавзолеи Северного Тагискена относятся к одной культуре, среди них можно выделить более ранние — 4, 5а и 7, имеющие квадратную внешнюю стену и выстроенные из кирпича зеленовато-рыжеватого цвета, и более поздние — 4а, 5в, 6, 15, имеющие круглую внешнюю стену и выстроенные из голубовато-белого кирпича. К категории поздних относятся и пристроенные к мавзолеям оградки из кирпича того же цвета.

В мавзолеях погребальный инвентарь обнаружен преимущественно во внутренних коридорах и камерах. В пристроенных оградах находки встречались по всей площади погребальных ям. Несмотря на то что мавзолеи и ограды были ограблены еще в древности, коллекции находок весьма представительны. Достаточно сказать, что найдено около 200 целых сосудов самых различных типов. В мавзолеях 6 и 7 сосуды располагались группами в зависимости от их назначения, причем в мавзолее 7 они концентрировались в коридоре, у внешних углов камеры, в мавзолее 6 — в ее внутренних углах. Так, в северо-восточном углу камеры мавзолея 6 стояло 12 мелких и средних сосудов, при этом на 11 горшков и мисок здесь приходится лишь один кувшин. В юго-восточном углу камеры стояли наиболее крупные сосуды, в том числе два хума, хумча, крупный кувшин без ручек и несколько горшочков. Три кувшина найдены в северо-западном углу камеры. В погребении 5б, в помещении к западу от камеры, вокруг очага стояло 34 сосуда — горшки, миски, а среди них — один узкогорлый гончарный кувшин с раздутым туловом и горизонтальным рифлением при переходе от горла к тулову [Толстов С. П., 1962а. С. 135. Рис. 11].

Керамика. Характерной особенностью тагискенского керамического комплекса является его необыкновенное культурное многообразие. Наряду с лепными в нем встречены круговые сосуды, что представлено особенно ярко в мавзолее 6. Какие же элементы выделяются в тагискенском керамическом комплексе? Прежде всего в нем присутствует федоровский (андроновский) культурный компонент, по-видимому местный, который лежит, очевидно, в основе культуры, представленной в Северном Тагискене. Свидетельство тому — керамика в виде открытых горшков или мисок, стенки которых сплошь покрыты резным, реже гребенчатым штампованным орнаментом, спускающимся на тулово в виде фестонов. Отдельный орнаментальный пояс идет чаще всего по горлу сосуда (табл. 2, *21*, *22*, *24*, *28*). Основные орнаментальные мотивы: равнобедренные заштрихованные треугольники, ромбы, меандр, «зеты», незамкнутые треугольники. Нередко орнамент заполнен белой пастой. Эта посуда по таким признакам, как форма тулова, треугольный венчик у некоторых экземпляров, заполнение узоров белой пастой, может быть отнесена к периоду поздней бронзы, к X—VIII вв. до н. э.

Во всех комплексах, в том числе и в комплексах из пристроек, особенно из погребения 5б, обнаружена серолощеная, реже чернолощеная или коричневатолощеная посуда в виде открытых горшков или мисок с плоским, иногда уплощенным дном, нередко с рельефным пояском при переходе от горла к плечикам, без орнамента (табл. 2, *15*, *18*, *23*, *27*). Посуда этого типа широко распространена в амирабадских (X—VIII вв. до н. э.) комплексах Хорезма [Итина М. А., 1977. С. 157. Рис. 75; 76].

Обращает на себя внимание группа сосудов, наиболее богато представленная в мавзолее 6 (табл. 2, *17*) и отсутствующая в мавзолее 4. Это небольшие

горшки с коротким прямым или слегка изогнутым горлом, сильно раздутым, часто сферическим туловом, небольшим плоским, иногда уплощенным, редко — округлым дном. Поверхность имеет светло-коричневый, коричневый или черный цвет, великолепно залощена и покрыта орнаментом, или сплошь заполняющим тулово сосуда, или нанесенным в виде фестонов, причем горло остается неорнаментированным. Орнаментальные мотивы и способы их нанесения (различные штампы) чрезвычайно многообразны. В ряде случаев резные узоры заполнены белой пастой. К этой же группе сосудов следует отнести лощеные горшочки, украшенные полусферическими налепами, сгруппированными по три. Эта керамика находит себе прямые аналогии в дандыбай-бегазинских комплексах Центрального Казахстана [Грязнов М. П., 1952. С. 137—141. Рис. 5—9; Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М., 1966. Табл. XX, *1*; XXI; LIX; Маргулан А. Х., 1979. Рис. 48—50; 58; 63; 84; 85; 97; 98; 108—111), датируемых большинством исследователей X—VIII вв. до н. э. В дандыбай-бегазинских памятниках, как и в Северном Тагискене, керамика этого типа встречается вместе с федоровской (андроновской). По-видимому, она демонстрирует примесь восточного, карасукского, компонента, который здесь гораздо более ощутим, чем в материалах Северного Тагискена.

Выделяются также короткогорлые серолощеные сосуды с округлым туловом и небольшим плоским дном. Они покрыты сплошь или только в средней части горизонтальным рифлением (табл. 2, *19*). Более грубые и, может быть, еще лепные в мавзолее 7, эти сосуды в мавзолее 6 приобретают совершенную форму и сделаны бесспорно уже на круге. Сосуды того же типа, но с прилепленной ножкой (т. е. это уже кубки на полых ножках), найдены в мавзолеях 5а и 6 (табл. 2, *31*).

Еще одну группу сосудов из памятников Северного Тагискена составляют гончарные узкогорлые лощеные кувшины без ручек, с очень сильно раздутым туловом, украшенные или горизонтальным рифлением, или пышным геометрическим орнаментом с заполнением белой пастой (табл. 2, *17*). Они широко представлены в наиболее позднем мавзолее 6, отсутствуют в наиболее ранних — 4 и 7, редки в мавзолеях 5а и 5б.

В мавзолее 6 обнаружено два хума, которые имеют характерное для земледельческих гончарных сосудов глиняное тесто, рифленую поверхность тулова и подкос у дна, типичный для земледельческой керамики юго-западной Туркмении, дельты Мургаба, древней Бактрии (южный Узбекистан и северный Афганистан периода бронзы и раннего железа). Тут же стояла корчага с налепным валиком под венчиком, характерным для периода поздней бронзы северных районов Средней Азии и степей Казахстана [например, Черников С. С., 1960б. Табл. XLVIII].

Оружие. Большой интерес представляют бронзовые наконечники стрел — листовидные со скрытой втулкой и очень узким пером (табл. 2, *7а—г*). Наконечники этого типа известны в низовьях Амударьи (Северная Акчадарьинская дельта), на памятниках Северного, Восточного и Центрального Казахстана и датируются IX—VIII вв. до н. э. [Черников С. С., 1954. Рис. 23, *7*; 1956. Рис. 19, *2*; 1960б. Табл. XXXVI, *3—5*; LXX, *3*; Оразбаев А. М., 1958. Табл. VIII, *10*; Грязнов М. П., 1952. Рис. 3, *26*; Маргулан А. Х., 1979. Рис. 227, *9*]. Еще один наконечник того же типа, но более крупный и с несколько более широким пером находит аналогии в Центральном Казахстане и Фергане и датируется тем же временем [Маргулан А. Х., 1979. Рис. 227, *18*; Гамбург Б. З., Горбунова Н. Г., 1957а. С. 33. Рис. 4].

Очень важна находка бронзового листовидного кинжала (табл. 2, *1*), широко известного в литературе как кинжал киммерийского типа, датируемого концом II — началом I тысячелетия до н. э. [Кузьмина Е. Е., 1966. С. 43, 44]. Однако находки подобных кинжалов или ножей в Замараевском погребении могильника Боровое [Оразбаев А. М., 1958. С. 290. Табл. VIII, *13*], кстати, вместе с обломком наконечника стрелы, аналогичного тагискенскому (IX—VIII вв. до н. э.), а также на Алексеевском поселении (нож с валикообразным уступом) [Кривцова-Гракова О. А., 1948. С. 86. Рис. 20, *1*] позволяют сузить дату тагискенского кинжала до IX—VIII вв. до н. э.

Украшения. Среди найденных в мавзолеях Тагискена украшений обращают на себя внимание серьги нескольких образцов. Назовем прежде всего серьги в виде золотого щитка с крючком, к которому прикреплены три конуса, посаженных на деревянную основу (табл. 2, *9*). Средний конус золотой, с нарезкой, крайние, видимо, серебряные, сохранились плохо. Эти конусы живо напоминают «рожки» на типично андроновских украшениях — браслетах с рожками, распространенных на территории Казахстана и Средней Азии [Кузьмина Е. Е., 1966. С. 77—82. Табл. XIV, *15*, *19—21*; Маргулан А. Х., 1979. С. 316. Рис. 229]. Деревянная основа вводит, к тому же, в круг андроновской техники изготовления украшений. Именно на деревянной основе были сделаны бронзовые украшения Алексеевского могильника в Западном Казахстане [Кривцова-Гракова О. А., 1948. С. 115].

Упрощенный вариант описанного вида дает серьга с одним конусом (табл. 2, *8*), которая, судя по всему, близка серьгам из памятников раннего железного века, в частности тагарским образцам [Киселев С. В., 1949. С. 132]. В памятниках Минусинской котловины подобные серьги известны в комплексах как времени поздней бронзы (IX — начало VIII в. до н. э.), так и в раннетагарских [Членова Н. Л., 1963. С. 56, 62]. По-видимому, этот тип украшений андроновского происхождения продолжал бытовать на территории распространения андроновской культуры и в более позднее время, поскольку аналогичные серьги встречены в могилах большереченской культуры [Грязнов М. П., 1956а. Табл. XIX, *11*], и в сакском могильнике Уйгарак [Вишневская О. А., 1973. Табл. I, *13*].

Своеобразный тип серег, обнаруженных в восточном Приаралье впервые, составляют массивные золотые серьги в виде одного или двух колокольчиков, висящих на крючке, украшенном снаружи двумя или тремя полусферическими бляшками (табл. 2, *10*, *11*). Серьги в виде колокольчика, как и конусовидные (табл. 2, *8*), известны в материалах еловской

культуры Приобья (Еловка 1) [Матющенко В. И., 1974. С. 13], верхней датой которой считается IX век до н. э. [Косарев М. Ф., 1981. С. 162].

К числу украшений Северного Тагискена следует отнести и две булавки — серебряную (ограда 5б) и бронзовую (ограда 4б). Навершие первой сделано в виде двух колечек, в которые вставлены золотые полусферические бляшки (табл. 2, *6*). Форма его подражает, видимо, биспиральным головкам булавок, известных в эпоху бронзы в Передней Азии и Индии. Навершие второй булавки имеет форму ромба с «отростками» по углам (табл. 2, *2*), что напоминает булавку из Хакского клада [Сорокин С. С., 1960. С. 29. Рис. 1, *6*]. Биспиральный и ромбический типы наверший булавок существовали, по-видимому, достаточно долго. Но главное, что оба они характерны для более южных, по сравнению с Приаральем, областей. В то же время прием украшения металлических предметов полусферическими бляшками имеет восточное происхождение, поскольку появляется еще в карасукских древностях и находит широкое распространение в тагарских.

В одном комплексе с серебряной булавкой и серьгой с колокольчиками (ограда 5б) найдены золотые и сердоликовые бусы (последние, несомненно, привозные с юга). В северные районы Средней Азии сердоликовые бусы попали довольно поздно — в последней четверти II тысячелетия до н. э. [Итина М. А., 1961. С. 86—88], но известны они и в VIII в. до н. э. (могильник Боровое).

Хронология и вопросы происхождения. Итак, все найденные в погребениях Северного Тагискена вещи позволяют уверенно относить этот памятник к периоду поздней бронзы и датировать X—VIII вв. до н. э. На вопрос о культурной принадлежности памятника однозначно ответить невозможно. Прежде всего в материалах Северного Тагискена обращает на себя внимание четко проявляющаяся традиция андроновской культурной общности. Это выражается в наличии погребений в оградках, условной (здесь практиковалось трупосожжение) ориентировке покойников головой на запад (ибо выходы всех мавзолеев обращены на восток). Андроновское происхождение конусовидных серег бесспорно, но еще более ярко демонстрирует андроновские, а точнее — федоровские, черты керамика, что проявляется в ее формах, характере и мотивах орнаментации.

Исследования на протоках Сырдарьинской дельты обнаружили немногочисленные стоянки периода развитой бронзы, но все они, особенно в южной части, на протоках Инкардарьи, относятся к андроновской культуре (единицы — к алакульской, большинство — к федоровской). Все это заставляет думать, что федоровский культурный компонент в материалах Северного Тагискена был местным.

Вторым по значимости был амирабадский компонент, который четко проявляется в керамике. Его происхождение объясняется контактами с населением периода поздней бронзы низовий Амударьи, осуществлявшимися по протокам древней Ачкадарьинской дельты, которые сливались с Сырдарьинскими в западной части. Амирабадские стоянки широко распространены на всей территории Сырдарьинской дельты и связаны с развитием отгонного скотоводства в хозяйстве племен — носителей амирабадской культуры.

Нельзя не отметить и черты сходства между архитектурой и культурой мавзолеев Северного Тагискена и дандыбай-бегазинскими памятниками Центрального Казахстана. Они проявляются и в деталях планировки, и в сходстве отдельных форм керамики карасукского облика. Последнее обстоятельство позволяет некоторым исследователям объединять тагискенские и дандыбай-бегазинские комплексы в единую культуру карасукского типа [Грязнов М. П., 1966. С. 238; 1970. С. 42]. Между тем, в числе признаков, противоречащих такому выводу, следует назвать именно керамику карасукского облика. Она доминирует в центральноказахстанских комплексах и представлена сравнительно небольшим числом сосудов в погребениях Северного Тагискена. Вообще, если рассматривать керамические комплексы в этнокультурном аспекте, то центральноказахстанские материалы дают ощутимый федоровский (андроновский) компонент с сильной восточной (карасукской) окраской. В Северном Тагискене отчетливо выделяются федоровский и амирабадский компоненты, к которым лишь примешиваются керамические формы карасукского облика. С последними, видимо, следует связывать и золотые серьги-колокольчики из погребений Северного Тагискена. Наконец, значительное место в культуре Северного Тагискена занимает южный компонент. Это выражается в достаточно сложной архитектуре мавзолеев, выстроенных из сырцового кирпича, что для северных регионов Средней Азии того времени беспрецедентно. К тому же, и прямоугольный стандарт кирпичей, и гончарная посуда, и некоторые типы украшений — все это документирует проникновение элементов южной земледельческой культуры на север. Об истоках ее можно высказать лишь предположения. Успехи бактрийской археологии в последние годы позволяют увидеть связь таких типов тягискенских гончарных сосудов, как хумы с подкосом, узкогорлые кувшины с раздутым туловом, кубки на высокой ножке, с бактрийскими формами эпохи бронзы [Аскаров А. А., 1977. С. 62. Рис. 31. Табл. XVI; XXI XXIII; Сарианиди В. И., 1977. Рис. 25; 29, *3*]. В свете бактрийских контактов, которые, возможно, имеют глубокие корни, интересен вопрос о планировке погребальных сооружений и культовых сооружений. Традиция возведения круглых в плане сырцовых погребальных сооружений в низовьях Сырдарьи прослеживается от мавзолеев Северного Тагискена до мавзолеев последних веков до нашей эры [Толстов С. П., 1962б. Рис. 117].

Сложный культурный конгломерат, представленный в мавзолеях Северного Тагискена, с одной стороны, подчеркивает уникальность, престижность этого памятника. Вероятно, это кладбище крупных вождей, стоявших во главе соплеменностей [1]. Не

[1] Последнее время в зарубежной и советской этнографии проводились исследования по уточнению самих понятий племя, конфедерация или союз племен, что и привело к их переосмыслению. С. А Арутюнов и Н. Н. Чебоксаров предложили заслуживающую внимания аргументацию в пользу того, что еще в первобытном обществе основными этносами были не племена, а их группы, или соплеменности [*Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н.*, 1972]. Это особенно спра-

исключено, что выявленные в мавзолеях 5б и 7 (там, где они сохранились in situ) отдельные группы федоровской, амирабадской и сходной с карасукской посуды являются погребальными приношениями различных этнических групп, входящих в состав этой соплеменности. С другой стороны, мавзолеи Северного Тагискена демонстрируют на археологическом материале сложные социальные и этнокультурные процессы, происходившие в среде населения Великого пояса степей в период поздней бронзы. Они связаны с интенсивным развитием скотоводческого хозяйства, ростом избыточного продукта, неравномерным распределением сырья, увеличением роли обмена, что в свою очередь приводит к разложению первобытнообщинных отношений, появлению имущественного и социального неравенства, и, наконец, активизации контактов между передовыми южными земледельческими цивилизациями и их северной, «варварской», периферией.

РАННЕСАКСКИЕ ПАМЯТНИКИ. Обращаясь к анализу раннесакских памятников в низовьях Сырдарьи, датирующихся VII—V вв. до н. э., и рассматривая их в качестве одного из компонентов историко-культурного понятия «скифский мир», мы неизбежно столкнемся с вопросом, насколько правомерно на современном уровне знаний искать истоки формирования столь грандиозного в географическом, этническом и идеологическом планах явления, как скифская культурная общность, в одном регионе, пусть даже достаточно обширном. Сторонники центральноазиатского происхождения скифов основываются, в частности, и на сырдарьинских материалах. Не правильнее ли рассматривать эту общность как систему, черты единообразия звеньев которой возникли как следствие примерно одинакового уровня социально-экономического развития, близости экологических условий и ираноязычности населения не только в рассматриваемое время, но и раньше, в эпоху бронзы.

С другой стороны, не следует ли искать объяснение чертам своеобразия отдельных культур «скифского мира» в той относительно пестрой этнокультурной основе, которую представляло собой ираноязычное население — носители культур степной бронзы Евразии [Itina M. A., 1978; Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности: статьи Б. А. Литвинского, Е. Е. Кузьминой]. Иными словами, речь идет об отнюдь не новой гипотезе, связывающей генезис культур скифо-сакского круга со срубной и андроновской (в широком плане) культурами, ираноязычность носителей которых выявляется теперь и на археологических материалах [Генинг В. Ф., 1977; Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е., 1977], а не как прежде, лишь ретроспективно, исходя из ираноязычности скифов. При таком подходе анализ раннесакских древностей низовий Сырдарьи в плане их генезиса, и места их среди культур «скифского мира» может, как нам представляется, дать фактический материал в пользу гипотезы об автохтонном происхождении этноса и культуры населения отдельных регионов «скифского мира», основанной на их генетической связи с населением и культурой предшествующего периода — эпохи бронзы. В этой ситуации наиболее полным выразителем традиционных идеологических представлений и их живучести в среде ираноязычного населения на протяжении длительного отрезка времени является погребальный обряд. (Хотя он же в ряде случаев служит индикатором неоднородности племенного состава сакского объединения в низовьях Сырдарьи.) Погребальный инвентарь раннесакского времени не дает столь ощутимых параллелей в материалах периода поздней бронзы, поскольку именно он отражает качественное изменение уровня производительных сил общества при переходе к раннежелезному веку. Но как раз погребальный инвентарь показывает сравнительное единообразие культур «скифского мира» и принадлежность их к разным историко-культурным провинциям. На примере раннесакских древностей низовий Сырдарьи (Тагискен, Уйгарак) видно, что включение того или иного региона в сферу культурных связей или влияний обусловлено тем же направлением этих связей еще в эпоху бронзы.

В раннесакском могильнике Южный Тагискен открыто около 50 курганов, из них раскопано 38 [Толстов С. П., Итина М. А., 1966], в Уйгараке — около 80, из них раскопано 70 [Вишневская О. А., 1973]. Сходство погребального ритуала, наблюдаемое, за немногими исключениями, при анализе погребений обоих могильников, позволяет относить их к близкородственным этническим группам и рассматривать материалы в едином комплексе.

Могильник Южный Тагискен (табл. 1, *1*) находится к югу от Северного Тагискена и небольшой ложбиной (ширина около 100 м) делится на два комплекса. Первый из них, ближайший к мавзолеям, содержит 12 курганов, второй — самый южный — 29. Девять курганов расположено на территории некрополя Северный Тагискен. Южный Тагискен датируется VII—V вв. до н. э. причем курганы V в. до н. э. группируются в самой южной части могильника, а более ранние — в северном его конце, ближе к древним мавзолеям. Курганы могильника Уйгарак (VII—VI вв. до н. э.; курганы V в. единичны) сосредоточены в трех группах — восточной (около 30), центральной (27) и западной (21).

Погребальный обряд. Погребения в Южном Тагискене и Уйгараке совершались на древнем горизонте и в грунтовых ямах по обряду трупоположения, изредка — трупосожжения, во всех случаях сверху насыпался курган. Сохранившаяся высота курганов 0,3—2 м, диаметр 10—40 м.

Погребения на древнем горизонте наиболее широко распространены в Уйгараке (30), в Южном Тагискене их мало (три). Совершались они по обряду трупоположения и трупосожжения. Последний обряд представлен наиболее четко именно в этой группе погребений и особенно в Уйгараке (семь из 30). Судя по захоронениям с трупоположением, покойников, как правило, клали на камышовую подстилку вытянуто на спине, головой на запад или юго-запад, внутри легкой деревянной каркасной постройки, переплетенной прутьями и камышом. Следы пост-

ведливо в отношении возникающих на закате первобытной истории, в ходе процессов потестаризации и интеграции этносов, объединений родственных племен. Это тем более верно в отношении кочевнических общностей с их относительно частыми перегруппировками при относительной однородности культуры [*Першиц А. И.*, 1982. С. 166, 167] *(Ред.)*.

ройки сохраняются в виде круглых столбовых ямок с остатками сгнивших или сгоревших столбов. В трех случаях (Уйгарак, курганы 2, 59, 66) обнаружены остатки сгоревшей погребальной постройки. Характерно, что дневная поверхность вокруг погребальных сооружений часто бывает покрыта слоем хвороста и камыша. В плане эти постройки круглые, овальные, реже — прямоугольные. Обычно кольцо столбовых ям было одинарным, но внутри него располагалась как бы камера, образованная четырьмя столбами, стоявшими по углам прямоугольника или квадрата. Иногда кольцо столбовых ям было двойным (табл. 3, *4*). В Уйгараке встречены погребения, где есть столбовые ямки, но можно уверенно говорить об отсутствии погребальной постройки. Эти ямки были элементом ритуала и никакой функциональной нагрузки не несли.

Основную массу курганных захоронений Южного Тагискена и Уйгарака составляют погребения в крупных прямоугольных грунтовых ямах, среди которых можно выделить четыре типа.

К первому, наиболее распространенному, относятся погребения в ямах размерами 2,7×2,3—4,5× ×3,7 м и глубиной 1—2 м, ориентированных в большинстве по оси восток—запад или восток—северо-восток—запад—юго-запад (Южный Тагискен — 19, Уйгарак — 28). Обычно погребальная яма имела поперечное перекрытие из деревянных балок. Поверх этой конструкции настилали слой камыша или мелких сучьев. Камышом устилали могильный выброс и древнюю дневную поверхность вокруг ямы, затем возводили курган. В ряде случаев поверх наката набрасывали слой земли толщиной 0,3—0,4 м, затем настилали еще слой камыша и уже после этого насыпали курган. Иногда вокруг ямы, на некотором расстоянии от нее, шел неглубокий ровик (или его отрезки), также перекрытый слоем камыша. В Южном Тагискене чаще, чем в Уйгараке, встречаются следы ритуала, связанного с огнем. Нередко деревянный накат ямы поджигали, но при этом тут же заваливали землей насыпи, что приводило к неполному сгоранию. Погребенного огонь не затрагивал. В некоторых случаях под насыпью вокруг ямы обнаружены горелые пятна — следы костров или разбросанных углей. Покойник в яме лежал вытянуто на спине, головой на запад с отклонением на юго-запад, реже — северо-запад, на камышовой подстилке или носилках из жердей, часто покрытых или переплетенных камышом. Иногда погребенного накрывали камышовой циновкой (табл. 3, *5*). В некоторых могилах по периметру стен ямы выкопана канавка, так что покойник лежал как на земляном «столе». В большинстве погребений по четырем углам могильной ямы обнаружены ямки типа столбовых, но ни в одной из них остатков столбов не оказалось. Более того, в этих ямках встречались предметы погребального инвентаря, а иногда их перекрывала подстилка, на которой лежал покойник. По-видимому, и здесь мы имеем дело с элементом традиционным, а не функциональным. Погребения первого типа датируются VII—V вв. до н. э.

Погребения второго типа встречены только в Тагискене, причем не в раннесакской группе Южнотагискенских курганов, а на площади некрополя Северный Тагискен (курганы 8, 9, 13), близ мавзолея 6. Грунтовые прямоугольные ямы или камеры этих трех курганов были окружены невысокими валами (ширина 2—4 м, высота 0,5—0,7 м), насыпанными на древней поверхности, на расстоянии 4—5,5 м от могильных ям. Насыпи курганов возводились в пределах кольца вала и в настоящее время практически не сохранились. Снаружи вала кургана 8 был вырыт еще и неглубокий ровик (ширина по дну 0,5 м, по верху — 1,8 м, глубина 0,25—0,35 м) [Итина М. А., 1984а. С. 79. Рис. 1, *III*]. Все могильные камеры ориентированы по оси восток—запад с небольшим отклонением или по оси северо-восток—юго-запад. Они имели по углам ямки типа столбовых, которые функционально никак не использовались. Все могилы потревожены, но, судя по заполнению, они были перекрыты деревянным накатом. Курганы 9 и 13 содержали трупоположения, курган 8 — очевидно, трупосожжение, поскольку здесь яма (3,9× ×2,6 м, глубина 2,7 м) была заполнена мощным (толщина до 1,65 м) горелым слоем, а всю площадь древней дневной поверхности в пределах вала покрывал слой интенсивного горения. Канавка-ровик вокруг вала этого кургана также была забита хворостом, и, таким образом, кольцо огня пылало вокруг всего сооружения.

Конструкция этих погребений напоминает поздние мавзолеи Северного Тагискена (в частности, мавзолей 6): квадрат ямы вписан в круг земляного вала (а не кирпичного массива), ровик — вместо обходного кольцевого коридора (курган 8). Не исключено, что внушительные развалины мавзолея 6 были восприняты людьми, хоронившими своих покойников в курганах 8, 9 и 13, как святое место, вокруг которого они и возвели курганы. Погребения второго типа датируются VI в. до н. э.

Погребальные сооружения третьего типа известны только в Уйгараке, где их раскопано 13 [Вишневская О. А., 1973. С. 61]. Бóльшая часть (10) расположена в западной курганной группе. Это сравнительно узкие прямоугольные, близкие к овальным грунтовые ямы размерами 1,75×1,4—3×1,63 м. Глубина их колеблется в пределах 0,62—1,35 м, но встречаются и совсем мелкие могилы. Они были перекрыты не плахами, как могилы первого и второго типов, а хворостом и камышом, лежавшим на основе из жердей. В могилах совершали трупоположения по тому же обряду, что и в погребениях первого типа. Погребения третьего типа датируются VII—VI вв. до н. э.

Погребения четвертого типа известны лишь в Южном Тагискене и представлены богатыми захоронениями (раскопано шесть). Это были прямоугольные могильные ямы (2,5×3—3×3 м, глубина 2,2—2,5 м), ориентированные углами по сторонам света и имевшие с юго-восточной стороны длинный (5—12 м) дромос (табл. 3, *1*). Яма и ближайшая к ней часть дромоса обычно перекрыты деревом, которое нередко поджигали и тут же засыпали землей. В одном случае на дневной поверхности вокруг могилы видны следы кострищ. Устройство самой камеры близко напоминает устройство могильных ям первого типа. По углам вырыты ямы типа столбовых, а покойник лежит на земляном «столе», отделенном от стен могилы канавкой. Во всех могилах, кроме одной (яма

кургана 66 имела углистое заполнение), были трупоположения. Покойник похоронен головой на восток—северо-восток, вытянуто на спине, по диагонали ямы, в «позе всадника», которая, правда, не во всех случаях четко выражена (табл. 3, *2*).

Огромная дромосная могила обнаружена в Чирикрабатском кургане [Толстов С. П., 1962б. С. 139, 144. Рис. 74—76]. Как разновидность дромосных сооружений следует рассматривать еще одно захоронение Южного Тагискена (курган 59). Это была деревянная наземная постройка, возведенная на древнем горизонте в виде квадратной камеры (5,5×5,5 м), ориентированной углами по сторонам света, и подходящего к ней с северо-востока коридора-дромоса длиной 8 м (табл. 3, *3*). Захоронение было совершено, очевидно, по обряду трупосожжения. Следы пожарища сохранились и на месте сгоревшей постройки, и на древней дневной поверхности вокруг нее. Все дромосные могилы датируются V в. до н. э.

Устройство погребальных сооружений и некоторые элементы обряда в курганах Южного Тагискена и Уйгарака находят параллели в мавзолеях периода поздней бронзы Северного Тагискена (табл. 1, *3*, *4*). Это в первую очередь относится к погребениям на древнем горизонте. Одинарная и двойная система столбовых ямок в виде кольца или овала, нередкие внутри них четыре столбовые ямки, как бы образующие прямоугольник, напоминают планировку некоторых мавзолеев Северного Тагискена (4а, 5в, 15) в несколько упрощенном виде. Хотя последние сооружены из сырцового кирпича, все они имели по внутреннему кольцу стен более или менее четкую систему столбовых ямок. Не исключено, что сакский обряд захоронений в деревянных постройках на древнем горизонте уходит корнями в период поздней бронзы, а возможно, и в более раннее время. Обращает на себя внимание еще одна особенность. В мавзолеях Северного Тагискена вход во внешний кольцевой коридор бывает заложен кирпичами справа или слева от входа в мавзолей. Курган 66 Уйгарака имел двойное кольцо столбовых ямок, образующих как бы погребальную камеру и внешний коридор, который слева от входа также отгорожен системой ямок (табл. 3, *4*). Увязывается с ранним тагискенским ритуалом и ориентировка покойников головой на запад в раннесакских захоронениях VII—VI вв. до н. э.

Вероятно, генетическую связь с конструкциями эпохи бронзы демонстрируют курганы 32 и 42 Южного Тагискена, датируемые по бронзовым наконечникам стрел VII—VI вв. до н. э. [Толстов С. П., Итина М. А., 1966. С. 155. Рис. 3; С. 156. Рис. 4]. Грунтовые ямы обоих курганов (42 — круглая, 32 — четырехугольная) имели вдоль стен столбовые ямки (соответственно 10 и 8) с остатками дерева. Можно думать, что на этих столбах покоились шатровые или цилиндроконические деревянные перекрытия, составлявшие элемент конструкции и в мавзолеях Северного Тагискена. Связующим звеном между погребальными сооружениями Северного и Южного Тагискена и Уйгарака являются также канавки, выкопанные по периметру всех или только двух стен могильных ям. В наиболее раннем мавзолее (7) такая канавка использовалась для закрепления нижней деревянной плахи в обшивке земляной стены камеры. В более позднем (VIII или, может быть, начало VII в. до н. э.) мавзолее 6 она носила чисто традиционный характер — в ней in situ находилась погребальная посуда. Ту же роль — старой традиции — играли канавки и угловые ямы в грунтовых могилах Южного Тагискена и Уйгарака.

Как представляется, особое место в погребальном обряде саков занимали погребения на древнем горизонте. Не исключено, что захоронение по этому обряду было связано с социальным положением умершего. Поэтому, может быть, не случайно, что именно в восточной группе Уйгаракских курганов, где локализуется половина погребений на древнем горизонте, четко фиксируется и большинство погребений жриц с каменными алтариками, т. е. лиц, стоявших на более высокой ступени иерархической лестницы. Захоронением на древнем горизонте оказалось и погребение (Уйгарак, курган 25), в составе инвентаря которого были предметы, несомненно составлявшие прерогативы власти (бронзовые сферическая булава, копье-секира с головкой хищной птицы) [Вишневская О. А., 1973. С. 139. Табл. VII]. По-видимому, знатный воин, в могиле которого найден длинный меч с золотой накладкой на ножнах с изображением в зверином стиле, был похоронен и под курганом 59 Южного Тагискена (табл. 3, *3*; 5, *8*).

Итак, погребения на древнем горизонте, может быть, следует рассматривать как наиболее устойчиво хранящие и отражающие очень древние идеологические представления, уходящие корнями в эпоху бронзы (тип погребального сооружения, обряд трупосожжения). Большая значимость, которую играли эти представления в мировоззрении кочевников «скифского мира», хорошо отражена в том, что по этому обряду хоронили наиболее почитаемых лиц. Достаточно вспомнить курган Аржан [Грязнов М. П., 1980], который условно может быть отнесен к числу погребений на древнем горизонте (хотя погребения были сооружены на трех-четырех метровой платформе), гробницы Бесшатыра [Акишев К. А., 1963. С. 37. Рис. 15], наземные деревянные постройки с богатыми захоронениями у савроматов Южного Приуралья [Смирнов К. Ф., 1964. С. 88, 89], наконец, собственно скифские захоронения в Северном Причерноморье [Тереножкин А. И., 1971. С. 19].

Большинство погребений Южного Тагискена и Уйгарака ограблено, однако, благодаря значительному количеству раскопанных курганов, мы располагаем довольно большой коллекцией сакских древностей и можем восстановить некоторые элементы погребального ритуала.

Как правило, во всех ограбленных захоронениях в непотревоженном состоянии сохранились лишь кости нижних конечностей, остальная часть костяка и череп обычно разбросаны или выброшены грабителями. Это заставляет думать, что наиболее ценные вещи помещали у головы, груди и рук погребенных. По-видимому, покойника клали в могилу в одежде и головном уборе, которые в богатых могилах (это особенно относится к Южному Тагискену) могли быть украшены и обшиты мелкими бусинками и золотыми бляшками. В кургане 54 Тагискена (V в. до н. э.) обнаружены, например, узорчатые накладки на пояс типа аппликации, вырезанные из золотой

фольги. Во многих погребениях встречены бусы из сердолика, бирюзы, халцедона (с содовым орнаментом) и других пород камня. В Уйгараке у женщин обнаружены браслеты, у мужчин — серьги. Бронзовые и железные ножи лежали как в мужских, так и в женских погребениях, у ног. Конская сбруя, имитировавшая, видимо, захоронение коня, встречена более чем в 100 погребениях обоих могильников. Ее в большинстве случаев клали в ногах погребенных мужчин и женщин.

Керамика есть и в женских, и в мужских погребениях, но далеко не во всех. Обычно это один лепной горшок, иногда два. Как правило, они стояли в ногах покойника.

Типичной принадлежностью мужского инвентаря является оружие: бронзовые наконечники стрел (иногда, видимо, в колчане, иногда просто пучок стрел), бронзовые и железные кинжалы, обычно сопровождаемые каменным оселком, железные длинные мечи. Один раз (Уйгарак, курган 84) обнаружен биметаллический клевец.

В инвентаре женских погребений встречаются бронзовые дисковидные зеркала, каменные алтарики, плоские обработанные кости, на которых с помощью каменных терочников растирались румяна, кусочки реальгара и киновари, а также хозяйственные предметы — зернотерки и пряслица.

Керамика. Местный керамический комплекс приаральских саков VII—V вв. до н. э. представлен лепными сосудами (табл. 4, *20—30*, *32*, *35*). Все гончарные привозные (табл. 4, *31*, *33*, *34*). Лепные сосуды сделаны из глины с примесью шамота и мелких известковых частиц, имеют серый или коричневатый цвет поверхности, иногда покрыты жидкой глиняной облицовкой, на которой встречаются подтеки красной краски (Уйгарак). Поверхность сосудов затерта. Черепок довольно грубый, обжиг плохой. По форме это чаши, миски, горшки, кружки, кувшины с ручками и без них, сосуды с трубчатым носиком — все плоскодонные. Одна из ведущих форм лепной керамики — грушевидные горшки (табл. 4, *24*, *32*), в единичных случаях имеющие небольшую ручку. Характерны также горшки типа банок, снабженные широким трубчатым носиком (табл. 4, *26*, *29*), и кружки с ручкой, форма тулова которых варьирует от чашевидной до баночной (табл. 4, *22*, *23*). Все эти типы сосудов широко известны в материалах раннесакских среднеазиатских памятников, но не характерны для центральноказахстанских комплексов. Горшки с трубчатым носиком бытуют в Средней Азии с неолита, грушевидные, очевидно, восходят генетическим к дандыбай-бегазинским и тагискенским сосудам периода поздней бронзы [Маргулан А. Х., 1979. С. 116. Рис. 84; Толстов С. П., Итина М. А., 1966. С. 159].

Достаточно хорошо известны, особенно по материалам Уйгарака, лепные чаши и миски, но находки баночных сосудов и в Уйгараке, и в Южном Тагискене единичны. Обнаружена одна небольшая чашечка на ножке типа кубка [Итина М. А., 1984 а. С. 81. Рис. 2, 5]. И этот тип посуды известен в комплексах периода поздней бронзы Северного Тагискена и дандыбай-бегазинских, так что находка из Южного Тагискена продолжает раннюю традицию.

Гончарная посуда представлена пятью импортными сосудами, найденными в погребениях Уйгарака. Это две светлоангобированные чаши; цилиндроконический сосуд очень характерной формы (табл. 4 *33*), покрытый желтовато-белым ангобом; биконический сосуд с резким перегибом при переходе к дну (табл. 4, *34*) и сероглиняный кувшинчик с ручкой (табл. 4, *31*). Кроме последнего, все сосуды находят аналогии в комплексе Яздепе II в Маргиане (южная Туркмения) и датируются VII—VI вв. до н. э. [Массон В. М., 1959. С. 48. Табл. XXIX, *16*; XXX, *4*; XXXVIII, 7]. Открытие сакских древностей в более южных районах, на территории Присарыкамышской дельты Амударьи (Северная Туркмения), где также встречена посуда типа Яздепе II [Вайнберг Б. И., 1979а. С. 16. Табл. IX, *1—8*], подтверждает подвижность кочевых сакских племен, их контакты с земледельцами юга Средней Азии и между собой.

Не исключено, что в Южном Тагискене была и деревянная посуда, от которой сохранилась лишь бронзовая оковка ее края (курган 29).

Орудия труда. Из орудий труда в погребениях Южного Тагискена и Уйгарака широко распространены железные однолезвийные ножи, клиновидные в сечении, с прямой спинкой и прямым лезвием (табл. 4, *16*). Они имеют плоскую или овальную в сечении рукоять, отделенную от лезвия небольшим уступчиком. Находки бронзовых ножей единичны.

Только в Уйгараке обнаружены кельты [Вишневская О. А., 1973. С. 72, 73]. Их всего четыре и принадлежат они к категории кельтов-тесел с квадратным верхним сечением втулки, валиком по краю, отходящим от края ушком на лобной стороне, клиновидным профилем (табл. 4, *18*, *19*). Все они изготовлены в двусоставной форме и отличаются друг от друга размерами и соотношением длины втулки и рабочей части. Совместные находки этих кельтов и стремевидных удил с дополнительным отверстием или без него позволяют датировать их VII—VI вв. до н. э.

Украшения. Среди украшений, найденных в погребениях, наиболее часты серьги и бусы. Браслеты редки, они железные с несомкнутыми концами, известны лишь в Уйгараке.

Бусы изготовлялись из различных пород камня: сердолика, лазурита, бирюзы, халцедона. Большинство из них имело эллипсоидно-сегментовидную форму, все они сверленые. Широко распространены бирюзовые цилиндрические бусины, известные по раннеантичным памятникам Хорезма [Вишневская О. А., 1973. С. 83]. Однако и в Хорезме, и в низовьях Сырдарьи бусы из бирюзы изготовлялись на месте, а источник сырья для них мог быть единый — Кызылкумская горная система [Виноградов А. В., Лопатин С. В., Мамедов Э. Д., 1965. С. 131]. Найденные в Южном Тагискене (курган 9) веретенообразные халцедоновые бусы с наведенным содовым орнаментом (табл. 5, *1*, *2*), несомненно, индийского происхождения, что признает большинство исследователей [Трудновская С. А., 1979б. С. 83; Литвинский Б. А., 1972б. С. 80—82]. Встречаются в курганах и мелкие пастовые бусинки, которыми, очевидно, украшали одежду. С одеждой связана и находка двух парных ажурных накладок из золотой

фольги, видимо, нашитых на пояс в кургане V в. до н. э.

Довольно часты серьги, которые, как правило, находятся в каждой отдельной могиле в единичном экземпляре, причем по наблюдению О. А. Вишневской, только в мужских погребениях [Вишневская О. А., 1973. С. 82]. Они золотые и представлены двумя основными типами. К первому относятся серьги в виде несомкнутого кольца с грибовидной подвеской (табл. 5, *3*). Аналогии им известны на Алтае [Грязнов М. П., 1956а, Рис. 7, *6*, *7*; 8, *9*. Табл. V, *9*, *21*). Второй тип — незамкнутое проволочное кольцо и припаянный к нему вершиной вверх усеченный конус с каплевидной вставкой, чаще всего бирюзовой (табл. 5, *4*). Вершину конуса закрывает золотой диск. Единственная найденная в Южном Тагискене серьга принадлежит именно к этому типу, прототипом которого, но без каменной вставки (может быть, не сохранилась), являются серьги из погребений Северного Тагискена (табл. 2, *8*).

Предметы туалета и культа. Зеркала, найденные в женских захоронениях, принадлежат к широко распространенному в восточных областях «скифского мира» типу бронзовых круглых зеркал с бортиком и петелькой на обороте (табл. 4, *36*). Находки подобных зеркал (меньших размеров и без бортика) в комплексах степной бронзы Средней Азии (середина — вторая половина II тысячелетия до н. э.) дают возможность предположить генетическую связь этих двух форм [Кузьмина Е. Е., 1966. С. 67, 68; Членова Н. Л., 1967. С. 88—90; Итина М. А., 1977. С. 133, 134].

Характерны для раннесакских погребений Приаралья каменные алтарики или жертвенники, которые существовали на протяжении VII—V вв. до н. э. в двух типах: на ножках и без ножек. Первый тип представлен двумя экземплярами: один — с чуть выделенными, в виде полусферических утолщений, ножками, другой — с четко выделенными ножками (табл. 4, *38*). Остальные жертвенники без ножек и по форме делятся на овальные и клювовидные, причем первые преобладают. Около них в могилах нередко лежат гальки со следами краски, на самих жертвенниках встречаются пятна краски или кусочки реальгара, имитирующие огонь. Овальные жертвенники хорошо известны по находкам в раннесакских погребениях Казахстана, в то время как клювовидные, в виде стилизованной головы хищной птицы (табл. 4, *37*), характерны лишь для Приаралья. Женские могилы с алтариками рассматриваются О. А. Вишневской как погребения жриц, а находки в этой же группе захоронений зеркал заставляют ее предположить, что этот вид погребального инвентаря, помимо бытового, имел и магическое значение [Вишневская О. А., 1973. С. 85].

Вооружение и конское снаряжение. Наиболее распространенным видом оружия у ранних саков Приаралья были лук и стрелы. Остатки луков не найдены, но наконечники стрел встречены во множестве (табл. 4, *1*, *2*). В могилах стрелы обычно лежали в колчане. В Тагискенском кургане 53 V в. до н. э. обнаружены остатки одного из колчанов, где находилось примерно 50 стрел с древками длиной 70 см. Колчан был кожаным. Его нижний край украшен золотыми нашивными бляшками. Сверху он, по-видимому, имел клапан, застежкой которого служила золотая бляха, но более массивная [Толстов С. П., Итина М. А., 1966. С. 168—171]. Положение находок в Уйгараке и Южном Тагискене позволяет заключить, что колчан носили на левом боку, а стрелы в него, как правило, клали остриями вниз.

В большинстве захоронений встречены преимущественно бронзовые наконечники стрел и лишь пять костяных (Южный Тагискен — 1, Уйгарак — 4).

Костяные стрелы представлены двулопастным ромбическим в сечении черешковым наконечником со срезанным в нижней части черешком (Южный Тагискен, курган 30) и круглыми пулевидными втульчатыми (табл. 4, *1*). Оба типа датируются достаточно широко, однако здесь они встречены в ранних комплексах, в погребениях на древнем горизонте, вместе с бронзовыми втульчатыми и черешковыми наконечниками VII в. до н. э.

Для курганов VII—VI вв. до н. э. типично сочетание втульчатых и черешковых металлических наконечников — особенность, характерная для всего восточного ареала «скифского мира» и, как показали находки последних лет, уходящая корнями в период поздней бронзы [Аванесова Н. А., 1975; Медведская И. Н., 1972; 1980; Акишев К. А., 1973. С. 48—50; Литвинский Б. А., 1972б. С. 89; Итина М. А., 1977. С. 160—162]. Типология втульчатых наконечников стрел в целом совпадает с классификацией савроматских стрел этого времени. Типология черешковых вполне самостоятельна, выработана на местном, в частности казахстанском, материале. Наиболее ранние комплексы, относящиеся к VII в. до н. э. возможно, к его началу, содержат втульчатые двулопастные листовидные и ромбические в сечении наконечники, наконечники с асимметрично ромбической головкой, а также черешковые трехлопастные (редко двулопастные) и трехгранные (тоже редко) (табл. 4, *1*). В VI в. до н. э., возможно в его начале, появляются втульчатые трехперые наконечники скифского типа (табл. 4, *2*). На всем протяжении VI в. до н. э. продолжают бытовать трехгранные втульчатые и черешковые наконечники. Втульчатые трехлопастные, приобретая более массивную форму, и трехгранные наконечники постепенно, к V в. до н. э., вытесняют черешковые, хотя отдельные экземпляры черешковых трехлопастных и трехгранных наконечников спорадически еще встречаются. По-видимому, появление втульчатых трехлопастных и трехгранных наконечников в Южном Приаралье раньше, чем в более восточных районах степей Азии, следует отнести за счет контактов с кочевниками Южного Приуралья.

Сочетание втульчатых листовидных и асимметричноромбических форм, характерное для предскифских и раннескифских западных комплексов, датирующихся VIII—VII вв. до н. э., наблюдается и в южном Приаралье. Однако здесь речь может идти лишь о VII веке до н. э., поскольку верхняя дата Северного Тагискена — VIII в. до н. э.— как бы «подпирает» сакские курганы Южного Тагискена, а генетическая связь между этими памятниками по погребальным конструкциям и ритуалу прослеживается довольно четко. Но в мавзолеях Северного Тагискена встречены наконечники стрел только одного типа — двулопастные листовидны

со скрытой втулкой и очень узким пером (табл. 2, *7*). Они известны на территории Казахстана, и большинство исследователей не выводит стрелы этого типа за пределы VIII в. до н. э., а некоторые относят их к VIII или VIII—VII вв. до н. э. [Кузьмина Е. Е., 1970. С. 46; 1974. С. 18—20; Членова Н. Л., 1967. С. 128; 1972а. С. 59]. Но в сакских захоронениях Южного Тагискена и Уйгарака, которые по другим видам вещей датируются временем не ранее VII в. до н. э., наконечники этого типа не встречены. В то же время в Северном Тагискене нет черешковых трехлопастных наконечников, которые в сакских погребениях Южного Тагискена и Уйгарака найдены в комплексе с втульчатыми листовидными. Все это позволяет нам относить раннесакские колчанные наборы к периоду не ранее VII в. до н. э.

Кинжалы — редкая находка в погребениях. Среди них выделяются два, найденных в Уйгараке [Вишневская О. А., 1973. С. 96, 97]. Один (курган 50) — бронзовый, с грибовидным навершием и валиком под ним, с перекрестьем в виде полукруглых асимметричных выступов и клиновидным обоюдоострым клинком (табл. 4, *17*) — по комплексу встреченных с ним предметов и аналогиям датируется VII—VI вв. до н. э. Другой (курган 26) железный, сохранился неполностью, но бесспорно принадлежит к распространенному типу кинжалов с бабочковидным перекрестьем (табл. 4, *16*), датирующихся VI в. до н. э. Еще один кинжал, тоже железный, имеет грибовидное навершие, овальную в сечении рукоять и дуговидное перекрестье. Аналогии ему в бронзе известны в карасукских и раннетагарских древностях Сибири. Не исключено, что для уйгаракского экземпляра они послужили прототипом [Вишневская О. А., 1973. С. 97].

С «савроматским миром», его влиянием, а может быть, и непосредственными заимствованиями следует связывать находки длинных железных мечей в курганах V в. до н. э. Южного Тагискена. Один из них имел длину 1,25 м, брусковидное или овальное навершие и бабочковидное перекрестье (табл. 5, *9*). Он лежал в деревянных ножнах, поверх которых была обкладка из золотой фольги. На ней, в области перекрестья, вытеснена голова архара. В средней части клинка — фантастические животные, более всего походящие на волков (табл. 5, *10*, *11*). Рукоять еще одного железного меча (длина 1,1 м) имела два боковых валика, почковидное перекрестье и, очевидно, когтевидное навершие (обломано; табл. 5, *8*). Ножны до нас не дошли, но обломок прямоугольной золотой пластины с тисненым изображением в зверином стиле может быть фрагментом их обкладки. К числу редких находок следует отнести биметаллический (бронза, железо) клевец (Уйгарак, курган 84).

Отличительной особенностью раннесакской конской узды считается превалирование в ее составе удил со стремевидным окончанием, дополнительным отверстием или без него. Еще А. А. Иессен справедливо отнес их к восточному, азиатскому, типу [Иессен А. А., 1953. С. 105]. Сейчас можно уверенно говорить, что этот тип удил наиболее широко распространен именно в восточных областях «скифского мира». На Сырдарье, в частности, лишь в одном случае встречены удила с кольчатым окончанием (Уйгарак, курган 16), которые отнесены к V в. до н. э. в связи с находкой вместе с ними массивных втульчатых трехперых наконечников стрел скифского типа.

Типологически наиболее ранней формой конской узды из Южного Тагискена и Уйгарака следует считать роговые трехдырчатые псалии, сочетающиеся со стремевидными бронзовыми удилами (табл. 4, *12*). Такие же удила с дополнительным отверстием найдены в Южном Тагискене в комбинации с бронзовыми изогнутыми трехдырчатыми трубчатыми псалиями с лопастью на одном из концов, явно подражающими роговым. Подобная комбинация является одной из наиболее ранних разновидностей конской узды. По-видимому, параллельно с ней существовало соединение стремевидных удил с дополнительным отверстием или без него с крюкастыми бронзовыми псалиями (табл. 4, *8*), известное по находкам в Уйгараке, на Алтае [Грязнов М. П., 1947. С. 9, 10] и в Туве [Грач А. Д., 1980. Рис. 83].

В Уйгараке встречены также трехпетельчатые псалии (табл. 4, *9*), прямоугольные в сечении, вместе с удилами с нечетко выраженными стремевидными окончаниями. Этот тип псалиев характерен для западного ареала «скифского мира», причем известен он еще в предскифское время — на черногоровской ступени, но бытует и в раннескифское время [Тереножкин А. И. 1976. С. 192—195]. В Средней Азии и Казахстане такие псалии встречаются спорадически.

Еще один этап развития конской узды — появление стремевидных удил со стремечком прямоугольной формы. Они уже не скреплялись с псалиями с помощью ремня, пропущенного через среднее отвертие, а продевались в широкое прямоугольное отверстие или скобу, расположенные в другой плоскости по отношению к двум крайним отверстиям псалия (табл. 4, *3—6*). Для того чтобы удила не проскакивали, они при переходе от стержня к окончанию имеют упор. Этот тип узды характерен для восточного региона «скифского мира» и зарегистрирован на территории Казахстана и Средней Азии, в ареале расселения сакских племен. Примечательно, что на Персепольском рельефе у лошадей, которых ведут саки, изображены псалии со скобой [Ghirshman R., 1963. P. 184. Fig. 213]. Вариант этой узды — цельнолитые удила и псалии тех же типов — встречен и в Южном Тагискене, и в Уйгараке в комплексах VII—VI вв. до н. э. Уздечные наборы сопровождются множеством разновидностей всякого рода бляшек, подпружных пряжек, пронизей, которые обычно богато украшены орнаментом или изображениями в зверином стиле. Набор из каждого погребения выполнен в одной манере, образуя своеобразный гарнитур (табл. 5, *5*).

Анализ принципов конструкции конской узды VII—VI вв. до н. э. у всадников-саков низовий Сырдарьи, так же как и анализ их вооружения, приводит нас к выводу, что при всей общности элементов материальной культуры «скифского мира» каждый входящий в него регион имел свои, присущие только ему особенности. Помимо стремевидных удил, на территории восточного ареала «скифского мира» встречаются и крюкастые псалии, а

вот псалии со скобой как будто являются специфическим элементом конской узды южного Приаралья. Наконец, очень существенный момент: хотя в погребениях Южного Тагискена и Уйгарака VI в. до н. э. есть изделия из железа, вся конская узда с ее атрибутами изготовлена из бронзы и лишь в V в. до н. э. появляются экземпляры из железа.

Звериный стиль. На предметах конского убора, золотых нашивных бляшках и золотых обкладках изображены олень, сайга, лошадь, горный козел, кабан, лев, барс или пантера, хищная птица, верблюд (табл. 5). Все эти предметы местного изготовления, и изображаемые животные в большинстве случаев известны местным мастерам. Манера, в которой выполнены изображения, вводит саков Приаралья в мир скифо-сибирского звериного стиля, причем и здесь выявляются черты единства, с одной стороны, и местного своеобразия — с другой.

Распространенный во всем огромном ареале образ кошачьего хищника [Ильинская В. А., 1971] известен и на Сырдарье. Это бронзовые бляхи в виде свернувшегося в кольцо барса или пантеры, найденные в Уйгараке (табл. 5, *20*, *23*). Аналогии им в восточном ареале «скифского мира» широко распространены. Они есть в Туве (Аржан), Восточном Казахстане (Чиликта, Майэмир), Минусинской котловине и среди предметов Петровской коллекции [Грязнов М. П., 1980. Рис. 15; Черников С. С., 1965. Табл. XV; XVI, *1*; Членова Н. Л., 1967. Табл. 27, *1—3*; Руденко С. И., 1960. С. 11. Рис. 3, *в*; 1962а. Табл. VI, *1*]. На западе — это находки из Зивие, Келермесского кургана и Темир-горы [Ильинская В. А., 1971. Рис. 5, *7*; Артамонов М. И., 1966. Рис. 7, *16*. Табл. 22]. Все приведенные аналогии подчеркивают ранний возраст уйгаракских блях, датируемых временем в пределах VII в. до н. э. По-видимому, несколько более поздний, уже достаточно стилизованный вариант мотива свернувшегося хищника дают находки в других курганах Уйгарака (табл. 5, *22*) [Вишневская О. А., 1973. Табл. IX, *6—8*; X, *10—12*). Они, однако, не выходят за пределы VI в. до н. э.

В искусстве саков Приаралья одним из наиболее устойчивых является образ льва, который нашел выразительное воплощение в предметах искусства из погребений Южного Тагискена. Самые ранние из них (VII—VI вв. до н. э.) — четыре золотые тисненые пластинки в виде сидящих львов (табл. 5, *26*, *27*) и, по-видимому, такие же изображения на бронзовых подпружных пряжках (табл. 5, *29*, *30*). Мотив кошачьего хищника с поджатыми ногами был широко распространен в собственно скифских древностях, причем великолепные образцы изображений этого типа при бесспорной каноничности формы в целом часто отличались друг от друга в отдельных деталях. Как нам представляется, наиболее близко нашим пластинам изображение льва с поджатыми ногами из курганов Ульского аула [Артамонов М. И., 1966. С. 16. Рис. 17]. К этому же времени относится золотая бляшка в виде идущего льва [Толстов С. П., Итина М. А., 1966. Рис. 17, *5*]. Если фигурки сидящих львов свидетельствуют о том, что мастер, по-видимому, модели никогда не видел и подражает каким-то готовым образцам, то идущий лев выполнен в удивительно реалистической манере и бесспорно узнаваем. Подражанием этому типу изображений можно считать фигурки стоящих львов (табл. 5, *25*) на бляшках из обрамления колчана (V в. до н. э.). Мотив стоящего хищника, хорошо известный по раннескифским памятникам звериного стиля [Ильинская В. А., 1971. С. 70—72], судя по находкам из Восточного Казахстана [Черников С. С., 1965. С. 60. Рис. 9, *3*], Тувы [Грач А. Д., 1980. С. 88, 89. Рис. 88] и Приаралья, широко распространяется в восточной части «скифского мира» в V в. до н. э. Застежка тагискенского колчана в виде фигурки сидящего льва, положившего голову, которая изображена в фас, на лапы (табл. 5, *28*), также датируется V в. до н. э., тем более что к этому времени относятся и золотые бляшки из сакских погребений Тасмолы (Центральный Казахстан), удивительно напоминающие эту застежку [Кадырбаев М. К., 1966. С. 398. Рис. 63].

Популярный в скифо-сибирском искусстве образ хищной птицы нашел отражение и в искусстве саков низовий Сырдарьи. Он хорошо представлен в коллекции из Уйгарака, причем в большинстве случаев на предметах конского убора [табл. 5, *12*). Как правило, изображалась лишь птичья голова, выполненная с большей или меньшей степенью стилизации. Стилизация достигает апогея в форме бронзовых бляшек (табл. 5, *14*) и каменных клювовидных алтариков из погребений жриц.

Столь популярный в «скифском мире» мотив коня, вариации воплощения которого в искусстве звериного стиля необычайно многообразны, встречен на отдельных предметах из Южного Тагискена и Уйгарака. Особое внимание обращают на себя две бронзовые бляхи: геральдически поставленные лошадиные головы с кнопкой-крючком в виде лошадиного копыта на одной из них (табл. 5, *6*). Знаменательно, что во всех остальных случаях, и это в первую очередь относится к Уйгараку, образ коня передан именно этой деталью.

Образ оленя встречен на мастерски выполненной золотой пластине, где изображены два оленя с подогнутыми ногами на фоне более крупной фигуры кошачьего хищника (табл. 5, *32*). Если морды оленей и форма глаз напоминают изображения на ранних переднеазиатских печатях [Herzfeld E., 1941. P. 162—164, Fig. 277—279], то трактовка рогов сближает этот образец искусства саков с казахстано-сибирским культурным кругом скифского времени. С ним связывается и фигурка оленя стоящего на «цыпочках» (табл. 5, *19*; VI в. до н. э.). Очень распространенный в скифо-сибирском зверином стиле мотив оленя с подогнутыми ногами представлен в Южном Тагискене золотыми бляшками в виде фигурок сайги (табл. 5, *31*). Манера и техника изображения сходны с той, в которой изготовлены бляшки в виде фигурок льва (табл. 5, *25*). Оба погребения, содержавших эти бляшки (курганы 66 и 53), одного типа и времени — ямы с дромосом V в. до н. э., и можно предположить, что, во-первых, те и другие бляшки изготовлены на месте и, может быть, одним мастером; во-вторых, в обоих случаях они были элементом художественного оформления колчана.

Широко известные в культурах «скифского мира» изображения горного козла и кабана тоже встре-

чены в искусстве саков Приаралья и, как и изображения головки верблюда, могут быть отнесены к местным мотивам (табл. 5, *15*, *16*, *18*).

В искусстве звериного стиля нередки образы фантастических животных, изображения которых обычно сочетают детали, характерные для различных представителей животного мира. Великолепный образец такого искусства дает фрагмент золотой обкладки деревянных ножен железного меча из кургана 53 Южного Тагискена (табл. 5, *10*). Изображены два припавших к земле фантастических зверя, лежавших друг за другом. Крупы и хвост с характерным завитком напоминает о животных из семейства кошачьих, голова похожа на лошадиную, а пасть с оскалом зубов — на волчью. На плечи нанесен орнамент в виде треугольников — может быть, условное изображение мускулатуры. По манере изображения тела и ряду деталей звери походят на хищника с золотой бляшки из Сусловского могильника, датируемой VI в. до н. э. [Смирнов К. Ф., 1964. С. 225. Рис. 78, *1*]. Закрученные спиралью нос и губы животного, подчеркнутые спиральными завитками отдельные сочленения тела, зубастая пасть — стилистические приемы, широко известные по савроматским и ананьинским древностям [Збруева А. В., 1952. С. 78. Табл. XVII, *4*; Бортвин Н. Н., 1949. С. 119. Рис. 48, *4*; Смирнов К. Ф., 1961. Рис. 8, *1*; 52, *10а*, *б*]. В той же манере выполнено изображение на золотой пластине из кургана 59 Южного Тагискена, где у свернувшегося в кольцо зверя — закругленный в спираль кончик хвоста, когтистые лапы и зубастая пасть. Явно «савроматская» манера в изображениях на ножнах длинных мечей (курганы 53, 59) говорит, на наш взгляд, о существовании тесных связей между приаральскими саками и кочевниками савроматского времени Южного Приуралья и Нижнего Поволжья.

Границы ареала скифо-сибирского звериного стиля, благодаря исследованиям последних десятилетий, значительно расширились в восточном направлении. Отчетливо фиксируются два момента: во-первых, многие восточные, азиатские, памятники определяют раннюю дату появления звериного стиля — VII—VI вв. до н. э., а в ряде случаев, видимо, даже начало VII в. до н. э.[2]; во-вторых, сейчас уже можно говорить об отдельных культурных провинциях распространения этого стиля, причем это прослеживается как на ранних, так и на более поздних материалах. Совершенно очевидно, например, что Тува, Алтай, Южная Сибирь и бóльшая часть территории Казахстана образуют особую провинцию, отличную от скифо-савроматской европейской и приуральской. Как бы промежуточное положение между этими двумя регионами занимают памятники звериного стиля саков Приаралья, имеющие явно западную, приуральскую, ориентацию, но содержащие немало типично азиатских черт. Кроме того, саки Приаралья могли выступать культурными посредниками между азиатским миром распространения звериного стиля и юго-западными районами Азии. Высказывавшееся ранее предположение, что некоторые изобразительные мотивы переднеазиатского происхождения могли через Среднюю Азию попасть в искусство Алтая и Южной Сибири скифского времени [Грязнов М. П., 1959. С. 136], в наших материалах находит свое подтверждение. В комплексах Южного Тагискена и Уйгарака отчетливо прослеживаются связи сакского мира с южносреднеазиатским и переднеазиатским (образы льва и пантеры в изобразительном искусстве, импортная керамика, бусы и т. д.). Находки из раннесакских памятников восточного Приаралья подтверждают и мнение, высказанное когда-то А. А. Иессеном и убедительно развитое К. Ф. Смирновым, о переднеазиатском происхождении некоторых изображений, обнаруженных в савроматских памятниках, и о посредничестве Средней Азии в их передаче [Иессен А. А., 1952. С. 227; Смирнов К. Ф., 1976. С. 74, 80, 83].

С накоплением новых материалов и особенно в связи с массовыми находками в восточных областях «скифского мира» предметов искусства, датирующихся VII в. до н. э., казалось бы, переднеазиатская концепция происхождения звериного стиля [Артамонов М. И., 1968; 1971. С. 24; 1974. С. 45] должна была уступить свое место центральноазиатской [Тереножкин А. И., 1976. С. 184, 185. 209—212]. Однако, как нам представляется, и та и другая не отражают полностью существа дела. Вряд ли сейчас, когда мы знаем, сколь велик регион, включающий памятники звериного стиля, можно думать, что стиль этот распространялся из единого центра. Вероятно, правильнее говорить не о происхождении, а о формировании звериного стиля.

Д. С. Раевский высказал предположение, что применительно к культуре скифов «возросший на почве тотемизма зооморфный код как одно из символических выражений модели мира надолго переживает тотемизм, и именно эту роль... выполнял звериный стиль в скифской культуре». Он полагает, что для других частей «скифского мира» вопрос в каждом случае должен решаться самостоятельно, но с учетом сказанного выше [Раевский Д. С., 1983. С. 13]. Признавая правомерность такой постановки вопроса, можно сформулировать эту проблему и следующим образом. Можно предположить, что на определенном этапе исторического развития у племен со сходными хозяйственно-культурным типом (полукочевое или кочевое скотоводство), формами общественной организации и уровнем производительных сил, к тому же, на базе установленной лингвистами общей ираноязычной основы существовали сходные идеологические представления, одним из выражений которых и был звериный стиль в искусстве. Такая постановка вопроса, естественно, совершенно не исключает культурные связи и взаимовлияния внутри этого обширного региона, равно как и влияние передовых цивилизаций на эту степную варварскую его периферию. Так что, если не о переднеазиатском происхождении, то о переднеазиатском влиянии говорить необходимо. Более того, переднеазиатское влияние следует рассматривать не только и не столько как явление, синхронное распространению звериного стиля, а как процесс, уходящий корнями в глубокую древность,

[2] Датировка кургана Аржан IX—VII или IX—VIII вв. до н. э. [*Грязнов М. П.*, 1983а. С. 3; *Ильинская В. А.*, *Тереножкин А. И.*, 1983. С. 14] нам представляется заниженной.

в эпоху бронзы, чему за последнее время получено немало археологических свидетельств [Кузьмина Е. Е., 1977б]. Ряд явно заимствованных переднеазиатских мотивов, своеобразно переработанных местными мастерами на востоке «скифского мира», может быть объяснен именно таким образом.

Упомянутая общность идеологии ираноязычного кочевого и полукочевого населения Великого пояса степей находит подтверждение и при сравнительном анализе письменных и археологических источников [Раевский Д. С., 1977]. Это — общество подвижных скотоводов и земледельцев, коневодов, освоивших колесный транспорт, мифологические представления которого были теснейшим образом связаны с культом солнца, огня, коня.

Иранская принадлежность саков Приаралья ярко проявляется на материалах Южного Тагискена и Уйгарака. Это прежде всего роль огня в погребальном ритуале, выражающаяся в сжигании погребальных построек и трупосожжении, поджоге перекрытия могильной ямы, угольках или красной краске, имитирующей огонь, на поверхности каменных алтариков. К этой же категории явлений, судя по данным письменных источников, следует относить обычай устилать древнюю дневную поверхность вокруг могильной ямы камышом (ведические арии расстилали траву или солому).

Семантика изображений на предметах, выполненных в зверином стиле, соответствует мифологическим представлениям иранских племен. При этом, как и в скифском искусстве, в основе сакского лежали, видимо, магические представления, выражавшиеся в форме парциальной магии. Образы хищной птицы и коня, связанные с солнечным культом [Кузьмина Е. Е., 1977а. С. 96], встречены, что тоже примечательно, преимущественно на предметах конской сбруи, на них же есть характерный солярный знак в виде квадрата с вписанным в него кругом (табл. 5, *21*, *24*), они же включают изображение четырех птичьих голов в виде солнечного колеса (табл. 5, *14*). Символично, видимо, изображение копыта лошади не только на подпружных пряжках, но и, например, на фигурке оленя из Уйгарака, равно как замена когтистых лап изображением копыт на фигурках сидящих львов из Южного Тагискена (табл. 5, *26*). К категории каких-то общих для всего ираноязычного мира магических представлений относится и повсеместное распространение изображений оленя, который, возможно, был семантически связан с образами птицы и коня [Кузьмина Е. Е., 1977а. С. 105].

В свете всего сказанного интересен комплекс (VII в. до н. э.) из кургана 55 Южного Тагискена. Там обнаружены уздечный набор с бляшками, украшенными солярным знаком, и две подпружные пряжки с геральдически расположенными головками коней (табл. 5, *6*). Помимо значимости роли коня в религиозных представлениях саков Приаралья, эти пряжки могут служить доказательством существования у них общеиндоевропейского близнечного культа [Кузьмина Е. Е., 1977б. С. 106, 107; Иванов В. В., Топоров В. Н., 1980. С. 528, 529]. Специфический характер комплекса этого кургана подчеркивает находка в нем пары длинных, чуть изогнутых бронзовых однолезвийных ножей без выделенной рукояти с отверстием типа ушка в верхней части (табл. 4, *13*). По свидетельству И. В. Яценко, в раннескифских комплексах Северного Причерноморья бронзовые ножи клали в могилы парами. Учитывая, что железо было уже освоено, изготовление ножей из бронзы и помещение их в могилы парами, по ее мнению, может служить свидетельством их специального, возможно культового, назначения [Яценко И. В., 1959. С. 48]. Это тем более интересно, что пара бронзовых ножей найдена в кургане 21 Уйгарака вместе с железным кинжалом [Вишневская О. А., 1973. Табл. VI]. Один из ножей имеет кольцевое навершие (табл. 4, *14*), другой — диск, который служил, видимо, зеркалом, на его обороте были процарапаны изображения животных. Сочетание пары бронзовых ножей с зеркалом, по мнению О. А. Вишневской, еще более подчеркивает магическую роль зеркала в представлениях саков, равно как и неординарность всего комплекса в целом [Вишневская О. А., 1973. С. 72]. Такая же пара бронзовых ножей найдена в разрушенном захоронении у с. Чистый Яр в Восточном Казахстане, где ее сопровождали бляшки с солярным знаком [Арсланова Ф. Х., 1972б. С. 255. Рис. 1]. Погребения, описанные И. В. Яценко и упомянутые нами,— мужские. Учитывая особый набор предметов из кургана 55, можно предположить, что у саков Приаралья наряду с женщинами какие-то жреческие функции могли выполнять и мужчины.

Вопросы происхождения, хозяйство, общественный строй. Наиболее явно черты преемственности между саками низовий Сырдарьи и населением эпохи бронзы прослеживаются при анализе погребальных сооружений и обряда, в то время как погребальный инвентарь такой преемственности в целом не дает, но очень ярко демонстрирует общность культуры и идеологических представлений ираноязычного «скифо-сакского мира». Сходство в конструкциях погребальных сооружений, обряд трупосожжения, единая западная ориентировка погребенных, своеобразный план мавзолеев Северного Тагискена — круг, вписанный в квадрат, ориентированный по сторонам света, или просто круг — и вероятная связь его с солярной символикой — все это свидетельствует в пользу индоиранской основы религиозных представлений тех, кто был погребен в мавзолеях Северного Тагискена. Но при всем своеобразии материальной культуры этого памятника ее местный и доминирующий компонент — федоровский (андроновский). Это выражается и в керамике, и в некоторых видах украшений, наконец, в такой детали планировки, как система оградок, пристроенных к мавзолеям. Таким образом, даже беглый анализ добавляет еще один довод в пользу индоиранского происхождения носителей андроновской культурной общности и заставляет еще раз высказать предположение, что именно они оказались одним из основных компонентов в энтогенезе саков [см. также: Акишев К. А., 1963. С. 121; Кузьмина Е. Е., 1970] [3].

[3] Против этой точки зрения выступает Л. Р. Кызласов, утверждающий что культура саков генетически связана с дандыбай-бегазинской, к которой он относит и мавзолеи Се-

Близость культур ранних саков Приаралья, Центрального и Северного Казахстана и Семиречья вполне закономерна, поскольку все они восходят к андроновскому пласту. Однако обращает на себя внимание западная, «савроматская», направленность культурных контактов сырдарьинских саков. Но, оказывается, и она обусловлена близкой культурно-генетической основой (андроновской и отчасти срубной) [Смирнов К. Ф., 1964. С. 182 и след.], территориальной близостью и бесспорными непосредственными контактами [Мошкова М. Г., 1972. С. 75—78]. Эти контакты имели длительную предысторию, и в частности, прямой приток населения в эпоху бронзы с северо-запада на юго-восток [Итина М. А., 1977. С. 232 и след.]. В период раннего железного века здесь также, по мнению К. Ф. Смирнова, могли быть и взаимная прямая инфильтрация населения, и вхождение отдельных племен в состав племенных союзов той или другой стороны [Смирнов К. Ф., 1964. С. 277—280], что и должно было сказаться на облике культуры. И. В. Пьянков пошел дальше, высказав мысль о принадлежности саков Приаралья и «савроматов» Южного Приуралья к единому племенному союзу массагетов [Пьянков И. В., 1975. С. 67], что, однако, представляется не бесспорным.

Итак, при несомненно сходных чертах культуры сакского населения Средней Азии и Казахстана, выявляемых археологически и позволяющих говорить о существовании сакской этнической общности [Литвинский Б. А., 1980. С. 83], все же отдельные племена, упоминаемые письменными источниками, несомненно, разнились спецификой материальной и духовной культуры. Эти различия археологически прослеживаются. Дискуссионным остается вопрос о принадлежности археологической культуры к тому или иному этносу и локализации последнего [Литвинский Б. А., 1972б. С. 158 и след.].

Положение саков Приаралья как бы на западных рубежах «сакского мира» и их «западные связи и ориентация» еще не исчерпывают признаков, которые отличают их культуру от культуры других сакских племен. Население степей Приаралья на протяжении тысячелетий находилось в постоянных контактах с населением земледельческих оазисов Средней Азии. Блестящим проявлением этих связей стали мавзолеи Северного Тагискена, выстроенные из прямоугольного сырцового кирпича древнейших стандартов и содержавшие в погребальном инвентаре керамику, сделанную на круге. Строительство из сырцового кирпича с сохранением некоторых строительных приемов, связанных с эпохой бронзы, продолжает играть важную роль в архитектуре жилых и погребальных сооружений саков низовий Сырдарьи и позже, включая вторую половину I тысячелетия до н. э. Природные условия дельты Сырдарьи, равно как и культурные связи с территориально близким земледельческим населением низовий Амударьи, где в VII—VI вв. до н. э. было уже достаточно высоко развито ирригационное земледелие, способствовали усилению роли земледелия в хозяйстве приаральских саков и развитию у них полукочевого хозяйства с более прочной оседлостью. Примечательно, что при обязательности конской узды в погребениях саков Приаралья в них ни разу не обнаружены погребения коней или кости животных, за исключением двух курганов V в. до н. э. в Уйгараке, где в одном случае с умершим были положены два бараньих черепа, в другом — крестец барана. Однако в одном из уйгаракских погребений встречен обломок куранта.

По-видимому, саки Приаралья выполняли функцию посредников при передаче элементов культуры средне- или переднеазиатского происхождения племенам казахстано-сибирского круга, с которыми, при всех локальных особенностях, их связывала общность культуры. С другой стороны, типично казахстанский тип узды, некоторые элементы звериного стиля и определенные формы оружия приаральских саков тянут, несомненно, на восток. В этом плане примечательна и монголоидная примесь в краниологических, в целом европеоидных, сериях Южного Тагискена и Уйгарака, которая наиболее ярко проявляется в женских черепах. Антропологи связывают происхождение этой примеси в сакских сериях Казахстана со смешанными браками, говоря о ее центральноазиатских истоках и проникновении со стороны Алтая [Гинзбург В. В., Трофимова Т. А., 1972. С. 118, 119].

Обширный круг этнических и культурных связей, который наблюдается при анализе культуры ранних саков низовий Сырдарьи, особенности хозяйства, антропологического типа заставляют рассматривать их как особую группу, видимо, нескольких родственных сакских племен, входивших в большой племенной союз. О том, что таких племен было несколько, свидетельствует погребальный обряд.

В Южном Тагискене и Уйгараке для VI в. до н. э. фиксируются погребения в грунтовых ямах, окруженные земляным валом и ровиком, забитым хворостом (горючий материал), и в грунтовых ямах, перекрытых деревом и камышом. Те и другие содержат трупоположения и трупосожжения. Наконец, на Южной Инкардарье встречаются курганы еще одного племени, входившего, видимо, также в состав приаральского сакского племенного союза. Эти курганы отличаются от курганов Тагискена и Уйгарака, хотя роль огня в ритуале, несомненно, роднит их. Речь идет о так называемых шлаковых курганах [Левина Л. М., 1979б. С. 178, след.], для которых характерен ровик вокруг насыпи, заполненный глыбами керамических шлаков. Погребение совершалось не в яме, а на искусственной подсыпке, по обряду трупосожжения. Эти курганы по бронзовым трехлопастным наконечникам стрел датируются VI—V вв. до н. э.

Общественной организацией раннесакских племен Южного Приаралья, по-видимому, была военная

верного Тагискена. Культура эта, по его мнению, была в Казахстане пришлой и лишь благодаря соседству вобрала в себя некоторые андроновские элементы [*Кызласов Л. Р.*, 1977. С. 71]. Помимо того что решение об отнесении Северного Тагискена к дандыбай-бегазинской культуре представляется мне, автору раскопок, чересчур прямолинейным, тот пришлый компонент, который очень заметен в культуре мавзолеев, отнюдь не свидетельствует о ее пришлом характере в целом. Основой ее, и притом местной, была андроновская культура в ее позднем феодоровском проявлении, что очень заметно при анализе керамических комплексов.

демократия с сильной властью племенных вождей, накопивших уже значительные богатства. Об этом можно судить по погребениям Южного Тагискена, почти полностью ограбленным, что, кстати, свидетельствует об их былой пышности, но все же сохранившим выразительный набор золотых вещей. Вообще создается впечатление, что на бугре Тагискен и в период поздней бронзы (Северный Тагискен), и в сакское время хоронили в основном лиц, выделяющихся имущественным и социальным положением в обществе. О выделении погребений племенных вождей свидетельствует и огромный «шлаковый» курган на бугре Сенгиртам [Толстов С. П., 1962б. С. 182, 184. Рис. 105], расположенный неподалеку от основного скопления «шлаковых» курганов.

В Уйгараке погребальные инвентари скромнее и, что показательно, там встречены нерабленные могилы. Это обстоятельство и анализ топографии могильника позволили О. А. Вишневской разделить погребения Уйгарака на три группы — восточную, центральную и западную — и выяснить социальный состав погребенных в каждой из них [Вишневская О. А., 1973. С. 129]. Так, центральная группа содержала в основном погребения вооруженных всадников, среди которых были вожди, сочетавшие военную власть со жреческими функциями (курганы 21 и 25). В восточной группе были похоронены в основном женщины-жрицы. Наконец, западная группа содержала главным образом рядовые захоронения. По мнению О. А. Вишневской, такое членение захоронений могильника, с одной стороны, свидетельствует о родо-племенной структуре данного общества с устойчиво сохраняющимися родовыми связями, с другой — доказывает существование в нем социального расслоения [Вишневская О. А., 1973. С. 129]. В свою очередь Е. Е. Кузьмина предположила, что речь может идти не о трех родовых, а о трех социальных группах внутри одного рода, и тогда материалы Уйгарака могут служить еще одним доводом в пользу гипотезы о трех классах, или кастах, в обществе древних иранцев, в том числе саков [Кузьмина Е. Е., 1975. С. 291, 292].

Чирикрабатская культура в низовьях Сырдарьи

Историко-географическое изучение низовьев Сырдарьи началось в XIX в. и базировалось на данных античных и средневековых географов и путешественников, а также на путевых записках купцов и исследователей XVIII в., проезжавших через эту область в Бухару [Краткий обзор и литературу см.: Левина Л. М., 1971. С. 8, 9].

С 1946 г. Хорезмская экспедиция АН СССР начала археологическое изучение этого района [Толстов С. П., 1948б; 1949; 1958а; 1958б; 1962б]. Уже в результате первых разведочных работ в бассейне одного из крупнейших древних русел Сырдарьи — Жаныдарьи — был выделен особый комплекс археологических памятников, самым крупным из которых является городище Чирик-Рабат, расположенное в 300 км к юго-западу от г. Кзыл-Орда, в пустыне Кызылкум.

В 1957—1960 гг. были осуществлены раскопки на городищах Чирик-Рабат, Бабиш-Мулла, Баланды (карта 1) и могильниках около этих памятников, открыты новые памятники и проведены исследования ирригационных сооружений [Толстов С. П., Воробьева М. Г., Рапопорт Ю. А., 1960. С. 14—62; Толстов С. П., Жданко Т. А., Итина М. А., 1963. С. 53—58; Толстов С. П., 1961; 1962б. С. 134—154; Андрианов Б. В., 1969. Гл. V].

Очевидно, между VII и V вв. до н. э. произошли существенные гидрографические изменения — извилистое русло Инкардарьи, самого южного и древнего протока Сырдарьинской дельты, было спрямлено, и сформировалось русло Жаныдарьи. Часть отрезков Инкардарьи превратилось в старицы и озера. Здесь, как и на Жаныдарье, обнаружены остатки поселений и ирригации античного времени [Толстов С. П., 1962б. С. 78; Андрианов Б. В., 1969. С. 189, след.].

II век до н. э. стал новой поворотной вехой в обводнении Жаныдарьи. С этого времени и до раннего средневековья в этом русле не было постоянного течения воды, берега его не осваивались.

Материалы, полученные в результате исследования античных памятников в бассейне средней Жаныдарьи, охватывают период от конца V — рубежа V—IV вв. до н. э. до II в. до н. э. и по ряду существенных признаков (тип расселения, керамический комплекс, погребальный обряд и сооружения) объединяются в одну компактную группу, названную чирикрабатской культурой*.

ПОСЕЛЕНИЯ. СТРОИТЕЛЬНАЯ ТЕХНИКА, АРХИТЕКТУРА. В настоящее время для характеристики поселений имеются значительные, но явно недостаточные материалы. Мы располагаем общим описанием шести укрепленных поселений (Чирик-Рабат, Бабиш-Мулла, Баланды, Кабулкала (Чагырлы), Чирик 3 и Сенгиркала) и около 200 неукрепленных, сильно размытых, бо́льшая часть которых связана с зоной довольно архаических ирригационных сооружений. Известно более двух десятков наземных погребальных сооружений, небольшое количество курганных насыпей, два грунтовых могильника и несколько ремесленных комплексов — обжигательные печи, производство и обжиг лепных статуэток. Из всех перечисленных памятников лишь

* Название «чирикрабатская культура» предлагается в литературе практически впервые. С. П. Толстов выделял ее как жаныдарьинский вариант кокчатенгизской культуры [*Толстов С. П.*, 1962б. С. 136, 137]. Под последней он имел в виду культуру всех «варварских» племен периферии Хорезма как в дельте Амударьи, так и на Сырдарье. Эта точка зрения не получила подтверждения. Открыта куюсайская культура в левобережном Хорезме, резко отличная от памятников по Акчадарье в правобережном Хорезме и от сырдарьинских. Поэтому само понятие кокчатенгизской культуры представляется устаревшим и в литературе больше не отмечается. Название «чирикрабатская культура» предложено по крупнейшему ее памятнику — городищу Чирик-Рабат (табл. 6, *4*).

немногие подверглись раскопкам [Толстов С. П., 1962б; Трудновская С. А., 1963; Лоховиц В. А., 1963].

Памятники IV—II вв. до н. э. на Жанадарье сложились на базе культуры сакских племен низовьев Сырдарьи предшествующего времени (могильники Уйгарак, Южный Тагискен, поселения и «шлаковые» курганы) [Левина Л. М., 1979б. С. 178—190] и сильного культурного влияния земледельческих оазисов юга Средней Азии, которое проявляется в приемах строительной техники, особенностях архитектуры, формах гончарной керамики. Ирригация и земледелие были известны и в низовьях Амударьи с эпохи бронзы. Однако сильная «варваризация», заметная во всех этих областях культуры, не дает основания говорить о переселении в низовья Сырдарьи сколько-нибудь значительного населения. Скорее всего это были группы ремесленников, передавших местному населению основные навыки производства. Подобные явления характерны для периода ахеменидского господства в Средней Азии и связаны, очевидно, с политикой центральной власти по отношению к окраинным владениям. Несмотря на то что южные влияния придали культуре сакских племен IV—II вв. до н. э. в низовьях Сырдарьи совершенно иной облик, преемственность ее по отношению к более ранним сакским памятникам прослеживается не только в керамике [Левина Л. М., 1979б], но и в погребальном обряде. Так, С. П. Толстов отмечал генетическую связь между круглыми мавзолеями этой эпохи с их первоначальным обрядом трупосожжения и мавзолеями Тагискена [Толстов С. П., 1962б. С. 201—203. Рис. 117], а грунтовых подкурганных камер Южного Тагискена с дромосом — с Чирикрабатским курганом. Обряды трупосожжения и трупоположения, сосуществовавшие на этой территории уже в раннесакское время, продолжают жить вплоть до III в. до н. э. Позднее их сменяет обряд трупо-выставления, возможно, проникший сюда из древнего Хорезма, где оссуарные захоронения известны уже с рубежа V—IV вв. до н. э. [Вайнберг Б. И., 1979а; 1979б].

Топография памятников чирикрабатской культуры показывает, что расселение шло оазисами, располагавшимися в зоне примитивных ирригационных систем (табл. 6, *1*, *3*, *7*) [Андрианов Б. В., 1969. С. 192—202]. Крупные оросительные сооружения типа магистральных каналов были довольно редки. Орошение базировалось на воды Жанадарьи. Очевидно, большое значение имело использование паводков, когда вода собиралась в водохранилища, созданные в руслах-старицах. В условиях живой дельты гидрографический режим был очень неустойчивым, но обилие русел-стариц давало возможность маневрировать и накапливать водные запасы до необходимого для орошения уровня на более засушливые периоды и случаи заиления или усыхания питающих протоков. Общая площадь оазисов (территорий, на которых обнаружены ирригационные сооружения) очень различна. Так, один из самых крупных — Бабишмуллинский — достигал 10 тыс. га, а Баландинский — около 150—200 га. Каналы, как правило, брали воду из небольших боковых протоков. Орошение чаще всего осуществлялось по схеме: река — старица — оросительное поле. Мелкая ирригационная сеть имела весьма архаические прямоугольные очертания.

Поселения располагались у каналов либо русел, вблизи орошавшихся участков. Данных об их характере и планировке почти нет, так как большинство из них сильно размыто, а раскопки на них не проводились. Некоторые оазисы включали в себя укрепленные усадьбы или маленькие крепости типа Баланды 1, Сенгиркалы или даже крупные укрепления типа Бабиш-Муллы 1. Городище Чирик-Рабат находится на берегу основного русла Жанадарьи. Вблизи него обнаружен оазис, оросительные системы которого базировались на боковом протоке русла [Андрианов Б. В., 1969. С. 199]. По характеру оросительных сооружений (лиманно-озерного типа) и архаичности распределителей жанадарьинская ирригация не отличается от подобных сооружений, характерных для полуоседлых скотоводов и земледельцев дельтовой зоны в Средней Азии [Андрианов Б. А., 1969. С. 200, 227].

Описанный тип расселения — преобладание оазисов из неукрепленных поселений — отличает чирикрабатскую культуру от других, по преимуществу тоже «скотоводческих», культур по Сырдарье — джетыасарской, отрарско-каратауской и каунчинской. Для последних характерно сочетание укрепленных поселений и могильников (с курганным обрядом захоронения), располагавшихся, как правило, рядом с поселениями. Неукрепленные поселения отсутствуют там даже в зоне примитивной ирригации (джетыасарская культура). Это различие представляется существенным и, возможно, указывает на несколько более высокий уровень развития земледелия у саков Жанадарьи в IV—II вв. до н. э. Но тем не менее, развитой тип ирригации здесь не сложился, так как отсутствовали исторические предпосылки и прежде всего, очевидно, сколько-нибудь прочное государственное объединение [Андрианов Б. В., 1969. С. 227].

Все шесть названных выше укрепленных поселений довольно своеобразны по характеру, поэтому целесообразно вкратце описать их (табл. 58, *2*, *3*).

Крупнейшее городище Чирик-Рабат расположено на возвышенности (высота 15 м) на берегу Жанадарьи (табл. 6, *4*). Овальное в плане, оно занимает всю поверхность холма (850×600 м), где обнаружены остатки нескольких разновременных поясов укреплений. Древнейшая крепость, овальная в плане (IV—II вв. до н. э.), площадью свыше 40 га, была окружена двойным поясом укреплений. К этому же времени относится прямоугольное укрепление в центральной части городища (12,4 га), примыкающее на юго-западе к внутренней крепостной стене. Южная часть памятника отсекается стеной времени средневековья, в которую был включен и древний круглый мавзолей. Тогда же была сооружена и более поздняя прямоугольная цитадель. Городище было окружено рвом (ширина около 40 м, глубина более 4 м от основания стен). В древней крепостной стене (толщина 4,5 м) расположена стрелковая галерея (ширина 1,8 м). Стена усилена башнями прямоугольных очертаний, выступающими за ее плоскость на 6 м. Башни, как и стена, имели стреловидные бойницы одинаковой высоты на входе и

выходе (около 50 см) при почти горизонтальном дне. Бойницы располагались на одном уровне. Жилые слои на городище вскрывались лишь в небольшом раскопе в южной части памятника, вблизи внутренней оборонительной стены. Общая мощность культурного слоя более 2 м, верхние напластования относятся к XII—XIII вв., а нижние — к IV—II вв. до н. э. Существенно, что часть культурных напластований уходит под укрепления.

Наиболее древняя группа памятников на территории городища включает шесть земляных курганов, четыре из которых находятся в пределах центрального прямоугольного укрепления, раскопан один. На городище вскрыты также два погребальных здания, а в окрестностях его обнаружено несколько характерных погребальных памятников — так называемых крестовин (один из них — Чирик 2— раскапывался).

Первоначально Чирик-Рабат скорее всего был укрепленным городищем-убежищем местных племен, на территории которого располагались погребения вождей, вначале — в курганах, а позднее — в мавзолеях. Внутренние обводы укреплений могли возникнуть несколько позже, когда на территории городища формировалось постоянное поселение. Какова была площадь застройки и ее характер, нам неизвестно.

На другом берегу Жанысдарьи открыто укрепленное поселение Чирик 3, в плане прямоугольное (108×122 м) со скругленными углами. Местами на высоту около 1,5 м сохранились остатки крепостной стены (ширина чуть более 3 м) со стреловидными бойницами, дно которых идет наклонно к внешнему краю стены. Высота бойниц на внешней плоскости стены 1,3 м, на внутренней — 1,2 м, входного отверстия — 0,45—0,50 м. Расположены бойницы в один ряд, расстояние между ними 1,95 м. Внутри крепостной стены есть следы застройки. Материал из шурфов принадлежит к чирикрабатскому комплексу.

В Бабишмуллинском оазисе рядом расположены городище Бабиш-Мулла 1 и монументальный мавзолей Бабиш-Мулла 2 (табл. 6, *1—3*; 8, *2*). Городище укрепленное, неправильных очертаний, обнесено крепостными стенами. В северной части выделяется квадратная «цитадель» (100×100 м, первоначально вся территория крепости ограничивалась только ею), окруженная пахсовыми стенами с небольшими округлыми башнями в виде сплошных массивов на углах и в середине восточной стены. Стены «цитадели» прорезали стреловидные бойницы, располагавшиеся, как правило, веером по три штуки так, чтобы один стрелок мог обслуживать сразу все три бойницы, находившиеся на высоте 1,15 м над уровнем стрелковой площадки, у подножия стены. Высота бойниц около 40 см. Образованы они двумя наклонно поставленными кирпичами. Дно бойниц горизонтальное, поэтому обзор из них был минимальным.

В центре «цитадели» расположены развалины квадратного здания (44×44 м), получившего название «Большой дом». Здание имело сплошную застройку и было окружено пахсовой стеной с бойницами и башнями-массивами по углам и у входа в середине южной стены. От входа здание делилось на две половины коридорообразными помещениями. Раскопаны северо-восточная часть здания и часть примыкающего к нему с юга двора или зала. Стратиграфически в «Большом доме» выделено три периода [Толстов С. П., 1962б. С. 162—165]. Нижний стратиграфический горизонт, отмеченный на плане пунктиром (табл. 6, *3*), содержит незавершенную постройку. Это был комплекс помещений, примыкающий с севера к большому залу или дворику с парадным айваном и своеобразными нишами с уступами в стенах, покрытых тонкой побелкой по штукатурке. Два симметрично расположенных входа из айвана вели в находившиеся по бокам от него помещения, в свою очередь сообщавшиеся с комплексом помещений к северу от айвана. После краткого периода частичного запустения недостроенное здание было забутовано. Со временем запустения и забутовки связаны обжигательные двухъярусные керамические печи, образующие второй стратиграфический горизонт. Затем на слое забутовки было возведено здание третьего (верхнего) стратиграфического периода, следующее основному принципу нижней планировки, но в гораздо более грубом исполнении.

На городище полностью раскопан объект, получивший название «донжон». Это мощное (30×30 м) предвратное укрепление, расположенное близ юго-западного угла «цитадели». Стены его сохранились на высоту 4—5 м, внутри массива оказались заложенные сводчатые помещения первого этажа. При раскопках «донжона» выявлено тоже три строительных периода, внутри которых отмечается еще некоторое количество перестроек и ремонтов [Толстов С. П., 1962б. С. 161]. В основании стен «донжона» обнаружены остатки первоначальной стены предвратного сооружения с бойницами. Во втором строительном периоде, по времени мало удаленном от первого, предвратное сооружение было превращено в укрепленное здание с центральным открытым входом-коридором на «цитадель» и сводчатыми помещениями по сторонам от него. Арочные проходы выводили из помещений в коридор, в южном конце которого обнаружены остатки ворот в «цитадель» (обвязка ворот, следы от их движения на полу, подпятник). Южный внешний фасад «донжона» в это время был украшен пилястрами, выступавшими на 20 см от плоскости стены (по три с каждой стороны от осевого коридора). Поскольку сводчатые помещения были жилыми, раскопки их дали хороший археологический комплекс, на основании которого выделяется ранний период чирикрабатской культуры. Если во втором строительном периоде и был второй этап застройки, он уничтожен при перестройках третьего строительного периода, когда частично разрушенные сводчатые помещения были засыпаны или забутованы и образовали мощный стилобат, поднимавшийся на высоту 5 м. Кирпичная облицовка закрыла стены центрального коридора со входами и внешние стены всего комплекса. На стилобате был возведен ряд помещений, почти полностью смытых. К ним выводил неширокий пандус в восточной половине здания, параллельный осевому коридору, тоже превращенному в двусторонний пандус из-за наросшего культурного слоя. У северного конца малого пандуса, выводившего на верх стилобата, была расчищена площадка на одном

уровне с помещениями, на углу ее в кладке сохранилась часть крученой веревки от перекидного моста, с помощью которого через осевой коридор попадали в западную половину здания. Таким образом, в последний период существования «донжона» он был превращен, очевидно, в хорошо укрепленную входную башню.

С поздним периодом существования городища связано и сооружение пристройки («города»?) с южной стороны памятника. Она обнесена мощной (толщина до 5,3 м) крепостной стеной с полукруглыми, выступающими за линию стены башнями, стены которых прорезали стреловидные бойницы. Застройка в этой части памятника прослежена в основном в его юго-западной части, где обнаружены остатки отдельно стоящего сырцового здания, возможно полуземлянки, или крупные ямы с остатками производства глиняных плохо обожженных грубых статуэток и шариков. Вдоль крепостных стен находился ряд помещений с каркасно-столбовой конструкцией стен.

Вход на пристройку и к воротам «цитадели» шел вдоль западной половины «донжона» по пандусу, который в последний период с юга был ограничен пахсовой стеной с бойницами. Сохранилась лишь нижняя их часть. По уровню это могли быть бойницы только для стрельбы с колена. Против осевого коридора «донжона» находился вход на пристройку.

Нижний стратиграфический горизонт «Большого дома» по строительным приемам и керамическому комплексу соответствует первому и второму строительным периодам «донжона». Второй и третий горизонты «Большого дома» могут быть синхронизированы с третьим строительным периодом «донжона» и «городской» застройкой. Все постройки последнего периода по качеству и приемам довольно резко отличаются от ранних, что особенно хорошо видно на «городской» пристройке.

В непосредственной близости от городища находится монументальный мавзолей Бабиш-Мулла 2, а на некотором расстоянии — погребальные сооружения разных типов (табл. 6, *1*; 8, *2*).

Урочище Баланды расположено в 40 км к юго-востоку от Чирик-Рабата. Его центральный комплекс включает три памятника: небольшую крепость Баланды 1, прилегающее к ней поселение и два погребальных сооружения — Баланды 2 и 3.

Баланды 1 [Толстов С. П., 1962б. С. 172, след.].— Прямоугольное в плане укрепление (80×130 м), окруженное стенами из сырцового кирпича, сохранившимися местами на высоту до 3 м. По углам и вдоль длинных стен расположены неглубокие полукруглые башни со стреловидными бойницами (табл. 6, *7—9*). Вход в укрепление находился, очевидно, в северо-западной стене. На памятнике были проведены небольшие разведочные раскопки, позволившие заключить, что Баланды 1 — большой укрепленный дом, в комплексе которого было несколько парадных, украшенных цветной штукатуркой помещений.

По керамическому материалу памятник относится ко второму этапу существования чирикрабатской культуры.

С севера и северо-запада к укреплению примыкает поселение, состоящее из отдельных домов (табл. 6, *7*, *8*).

Укрепление Сенгиркала расположено в урочище Баланды, в 7 км к юго-западу от центрального комплекса (табл. 6, *6*). Это большой дом-усадьба, почти квадратный в плане (32×31,5 м), ориентированный углами по сторонам света. На поверхности довольно четко видна внутренняя планировка. Вокруг центрального помещения или двора (15×18 м) по внутреннему периметру стен дома расположены правильные ряды помещений. Высота развалин местами достигает 4 м. Рекогносцировочными раскопками в 1972 г. вскрыто несколько жилых и хозяйственных помещений, материал которых позволяет относить дом-усадьбу к наиболее позднему, третьему этапу существования чирикрабатской культуры.

На северной периферии чирикрабатской группы расположена еще одна небольшая крепость Кабулкала, или Чагырлы 1 (табл. 6, *5*). Она находится в 155 км к юго-западу от станции Джусалы и в 45 км к северу от Чирик-Рабата. В плане крепость имеет вид неправильного прямоугольника (55×50 м). Стены ее, сложенные в нижней части из пахсы, а с уровня бойниц — из сырцового кирпича, сохранились местами на высоту до 4—5 м. Стреловидные бойницы (с ложной стрелкой) расположены в два ряда в шахматном порядке, расстояние между ними около 2 м, башни отсутствуют. В юго-восточной стене находится предвратное сооружение, возможно с пандусом. По подъемному материалу памятник относится к чирикрабатской культуре— бабиш-муллинскому комплексу. Но здесь встречается уже и джетыасарская керамика, так как Кабулкала расположена по соседству с территорией джетыасарской культуры, памятники которой базируются в зоне Кувандарьи и других восточных староречий дельты Сырдарьи (карта 1).

Описание поселений показывает, что гигантское городище Чирик-Рабат уникально и, возможно, было наиболее древним памятником этого региона. Не исключено, что по мере того как из городища-убежища оно превращалось в постоянное поселение, стали появляться и внутренние укрепленные стены, защищавшие его.

Обычны для чирикрабатской культуры укрепленные дома-усадьбы площадью от 1000 кв. м до 1 га (Сенгиркала, Кабулкала, «Большой дом» Бабиш-Муллы 1, Баланды 1 и, возможно, Чирик 3), располагавшиеся в центре оазиса, чаще всего по соседству с монументальными погребальными сооружениями. На Бабиш-Мулле 1 такой укрепленный дом включен в качестве основного и центрального элемента в систему крепости, уникальной по конструктивным приемам в этом районе. В отличие от остальных укрепленных домов-усадеб, имевших, как правило, застройку вдоль стен, вокруг центрального двора или помещения, планировка «Большого дома» Бабиш-Муллы 1 отличается осевой анфиладой помещений, начинавшихся от входа, обрамленного двумя массивными ложными башенками. Вскрытая часть планировки в восточной половине дома дает основание считать, что здесь строился большой парадный комплекс для приемов или особых церемоний. Принцип планировки этого комплекса характерен для ахеменидской архитектуры парадного

типа и восходит еще к дворцу приемов Кира в Пасаргадах [Francovich G. de, 1966. P. 201 a. o.]. Наиболее близким по планировке бабишмуллинскому комплексу представляется дворец приемов сокровищницы Персеполя, с которым уже сопоставлялась планировка части дворцового здания на городище Калалыгыр 1 в Хорезме [Schmidt E. F., 1939. Fig. 11; 1953; Рапопорт Ю. А., Лапиров-Скобло М. С., 1963. С. 145]. Точка зрения Ю. А. Рапопорта, что Калалыгыр 1 является недостроенной резиденцией ахеменидского сатрапа в Хорезме, убедительно обоснована. Знаменательно также, что с концом ахеменидской эпохи связано строительство резиденции сатрапа и на Арин-берде в Армении [Оганесян К., 1961; Тирацян Г. А., 1964. С. 64—78], где был большой гипостильный зал, подражавший парадным ахеменидским залам.

Представляется, что и постройку «Большого дома» Бабиш-Муллы 1 можно рассматривать в ряду позднеахеменидских сатрапских резиденций, строительство которых было предпринято, вероятно по единому принципу, в самых северных сатрапиях Ахеменидской державы незадолго до ее крушения. Только с включением территории низовьев Сырдарьи в состав Ахеменидской державы можно связывать появление здесь в IV в. до н. э. монументальных сырцовых построек, гончарного комплекса керамики, находящего себе аналогии в южных районах Средней Азии (Согд, Парфия и, возможно, Бактрия), окраинных земледельческих областях державы Ахеменидов на востоке. Таким образом, археологический материал как будто бы позволяет локализовать одну из поздних сатрапий Ахеменидского государства на крайнем северо-востоке его владений, на землях полуоседлых скотоводов в древней дельте Сырдарьи.

Следует отметить главные черты строительной техники и архитектуры чирикрабатских памятников. Основным строительным материалом были сырцовый кирпич и пахса (битая глина). Довольно часто встречается комбинированная кладка из этих материалов. Иногда пахса образует основание стен, но чаще ряды пахсы чередуются с несколькими рядами кирпичной кладки. Сырцовый кирпич представлен достаточным разнообразием форм и размеров: квадратный, прямоугольный и трапециевидный (в сводах). Каких-либо веских оснований для хронологического разделения строительных материалов нет. В бесспорно ранних постройках «донжона» Бабиш-Муллы 1 встречается квадратный кирпич стандарта 45×45×10 см и прямоугольный — 40—45×31—38×10—12 см. Клинчатый трапециевидный кирпич сводов при высоте 45 см имеет основание 26—30 см и верхнюю грань 32—36 см. Но в большинстве памятников квадратный кирпич в основном следует стандарту 40×40×10 см (Баланды, укрепления и жилые постройки Чирик-Рабата, Бабиш-Мулла 2). Прямоугольный кирпич как будто бы твердого стандарта не имеет. Однако можно отметить, что кирпича с соотношением сторон 1 : 2 в постройках на Жанысарье нет. Чаще всего встречается кирпич, близкий к стандарту 50×30 см (круглое погребальное здание Чирик-Рабата, Чирик 2 и Асар), но во многих случаях при одной стороне кирпича, близкой или равной 30 см, другая варьирует от 40 до 45—48 см. Подобные строительные материалы известны на юге Средней Азии с конца эпохи бронзы [Сарианиди В. И., 1977. С. 123, 126; Аскаров А. А., Альбаум Л. И., 1979. С. 19, 24; Массон В. М., 1959. С. 14. 34, 70], а также в мавзолеях Тагискена и джетыасарских постройках. Но в античных памятниках прямоугольный кирпич стандарта, близкого к 50×30 см, неизвестен. Отсутствие сколько-нибудь значительных материалов по строительству и архитектуре ахеменидской эпохи на юге Средней Азии не дает возможности определить истоки приемов и форм, прослеженных в памятниках чирикрабатской культуры. Правда, керамический комплекс позволяет предполагать, что это были районы юга Средней Азии, а не более удаленные. Лишь в трех жанысарьинских памятниках встречены сводчатые перекрытия: в «донжоне» Бабиш-Муллы 1, мавзолеях Бабиш-Муллы 2 и Баланды 2. Своды были одинарные и двойные. Обычно они клались наклонными поперечными отрезками, чаще всего из клинчатого кирпича, применялась также расклинка крупными кусками керамики. Кривые сводов, как правило, трехцентрового построения, высокого подъема. Стены и своды покрывались глиняной штукатуркой. При пересечении сводов в анфиладах пересекающихся помещений или коридоров они рассекались на изолированные отрезки стенами, в которых делались арочные проходы. Все арки сооружались в уровне ниже пяты свода.

Сооружение мощного предвратного комплекса («донжон» Бабиш-Муллы 1) восходит к строительной традиции, возникшей в Средней Азии еще в эпоху бронзы. Там же мы находим первые полукруглые и прямоугольные башни в оборонительных стенах [Массон В. М., 1981. С. 30, след. Рис. 11; Сарианиди В. И., 1977. С. 34, след.]. Широко применявшийся еще на Древнем Востоке прием оформления монументальных зданий пилястрами также получил широкое распространение в Бактрии в эпоху бронзы [Сарианиди В. И., 1977. С. 42—50].

Наиболее своеобразен по архитектурному облику мавзолей Баланды 2, где центральный круглый зал, заключенный в обвод анфилады сводчатых помещений, разделенных на две изолированные части, перекрыт ложным куполом. Оригинальна и обработка внешней поверхности стены памятника — треугольными выступами.

При сравнении строительно-архитектурных приемов чирикрабатских памятников с материалами из соседнего Хорезма обращает на себя внимание довольно значительное различие их, проявляющееся как в строительном материале (в Хорезме архаического периода есть прямоугольный кирпич только стандарта 50×25 см, отсутствующий в низовьях Сырдарьи), так и в конструкциях (на Кой-Крылганкале своды иного построения, нет предвратных построек типа «донжона» Бабиш-Муллы 1, бóльшим совершенством и разнообразием отличаются фортификационные сооружения Хорезма). В то же время строенные бойницы крепостной стены «цитадели» Бабиш-Муллы 1 напоминают бойницы Джанбаскалы [Толстов С. П., 1948а. С. 88, след.], но они гораздо примитивнее последних. Не исключено, что прототипом для тех и других послужили фортификационные сооружения

Бактрии, где аналогичные формы зафиксированы в оборонительной стене Балхского оазиса античного времени, там же встречены и ложные «стрелки» бойниц, известные и в чирикрабатских памятниках [Пугаченкова Г. А., 1976. С. 137—140]. Все это свидетельствует о том, что строительство монументальных зданий и крепостных сооружений на Жаныдарье велось скорее всего с помощью мастеров и ремесленников из южных районов Средней Азии, а влияние Хорезма могло быть минимальным. Аналогичная картина фиксируется и по керамическим материалам.

Обращает на себя внимание недостаток строительного мастерства у древних зодчих этого региона. Так, например, бойницы в крепостных стенах Чирик-Рабата и Бабиш-Муллы 1 не имеют уклона дна, что ограничивает возможности стрельбы и обзора до минимума. Своды «донжона» Бабиш-Муллы 1, судя по всему, очень скоро дали трещины или частично обрушились, что послужило причиной их засыпки и забутовки. Мавзолей Бабиш-Муллы при четкой симметрии и сложности композиции планировки построен со значительными отклонениями внутренних стен от основного плана, своды в помещениях также несут следы быстрого разрушения.

Монументальным постройкам и укрепленным поселениям чирикрабатской культуры в низовьях Сырдарьи предшествовали постоянные или временные поселения сакских племен [Левина Л. М., 1979б], где нет следов сырцовых построек. Косвенные данные могут свидетельствовать, что там были каркасные строения, так как традиция их прослеживается и в некоторых памятниках более позднего времени чирикрабатской культуры. Следы каркасных построек обнаружены в раскопе у оборонительной стены пристройки Бабиш-Муллы 1. В круглом погребальном сооружении на Чирик-Рабате массивная сырцовая кладка стен сочетается со своеобразным обмазанным глиной деревянным каркасом, в который были заключены все стены внутри здания [Трудновская С. А., 1963]. Есть все основания видеть в этом приеме пережиток местных традиционных строительных приемов. Близкий вариант, вероятно, был встречен при раскопках на Сенгиркале, где вдоль сырцовых стен помещений обнаружены ямки от столбов, на которые, возможно, опиралось перекрытие.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ. В довольно сложных и многообразных погребальных памятниках чирикрабатской культуры также прослеживается известный синкретизм местных традиций и внешних влияний. Всю серию их можно разделить на две группы: грунтовые погребения и наземные мавзолеи. Однако в обеих группах исследовано лишь незначительное количество из ныне известных памятников. На основной территории чирикрабатских оазисов в силу климатических, гидрографических условий и процесса дефляции грунтовые погребения выявляются слабо, так как от них не сохранились наземные, вероятно земляные, сооружения. Поэтому пока мы знаем лишь несколько памятников этой первой группы.

Наиболее ранние из них представлены большими курганами, расположенными на городище Чирик-Рабат. Один курган раскопан. Под насыпью его (диаметр 60 м, высота 3,5 м), в материковом грунте, обнаружена большая, почти квадратная (7,5×7,2 м, глубина 2,5 м) погребальная камера с длинным (16,5 м) и узким (0,9 м) дромосом с южной стороны. Дно дромоса, куда вели шесть крутых широких ступеней, находилось на 0,5 м выше дна камеры. Стены всего сооружения были покрыты тонким слоем глиняной обмазки с побелкой. Дромос и погребальная камера оказались перекрыты настилом из шести слоев камыша толщиной по 2—3 см. Курган был разграблен еще в древности, и человеческие кости не сохранились. Среди остатков инвентаря — фрагменты двух гончарных кувшинов и лепной посуды, небольшая поделка из золота, бронзовый втульчатый трехперый наконечник стрелы и железный меч (длина 85 см) с массивным широким лезвием, плоской рукоятью, вероятно, бабочковидным перекрестьем и овальным навершием.

Рядовые захоронения в курганах располагались скорее всего вне поселений, но земляные насыпи их не сохранились. Очевидно, свидетельством тому является погребение, раскопанное в могильнике Баланды 4 (табл. 7, *3*), расположенном поблизости от урочища Баланды, на левом береговом валу средней Инкардарьи [Толстов С. П., Жданко Т. А., Итина М. А., 1963. С. 72; Толстов С. П., 1962б. С. 179, 181]. Само погребение было сильно размыто. Сохранилась лишь нижняя часть могильной ямы на глубину 40 см, представлявшей собой овал (5,3× ×3,8 м), вытянутый с юго-востока на северо-запад. В южной стенке могильной ямы замечены следы ступенек, возможно, от дромоса. В яме находилось семь погребенных, ориентированных головами на юго-восток. Все они лежали на спине, с вытянутыми руками и ногами, лишь у одного ноги были раскинуты ромбом. Погребальный инвентарь состоял из 11 глиняных сосудов, железного кинжала, ножей, трех бронзовых втульчатых трехлопастных наконечников стрел, бронзовых спиралевидных колец, стеклянных бус и подвесок (табл. 9, *53*, *54*; 15, *52*, *93*, *94*). Из 11 сосудов лишь два изготовлены на гончарном круге — красноангобированный кувшин и чаша с белым ангобом (табл. 12, *3*, *32*), остальные относятся к керамике домашней выделки кострового обжига: восемь сероангобированных горшков и одна красноангобированная чаша (табл. 10, *6*, *7*, *14—17*).

Еще один тип грунтовых захоронений — погребальное сооружение, раскопанное в 800 м к северу от Бабиш-Муллы 2. Оно расположено на небольшой естественной возвышенности (2,7 м над уровнем современного такыра) и представляет собой квадратную в плане (такырную) площадку (5,5×5,5 м) со ступенчатыми краями, постепенно спускавшимися в вырытые со всех сторон неглубокие (ширина до 2,5 м и глубина от уровня площадки 1,3 м) рвы (табл. 7, *1*). Площадка, ориентированная углами по сторонам света, была сооружена так, что две стороны ее параллельны каналу, проходящему с северо-востока от нее.

На верхних ступеньках (ширина 70—75 см) около углов площадки (устьем к углу) и у середины сторон сохранилось шесть крупных горшкообразных лепных сосудов кострового обжига (табл. 10, *33*, *34*, *74*, *75*), в которых лежали детские костяки (в ана-

томическом порядке). На второй ступени вскрыто три захоронения в ямах. Первое погребение, расположенное в 1,5 м к северо-западу от площадки и разрушенное сильным смывом, принадлежало взрослому человеку, лежавшему скорченно, головой на юго-запад. Два других, находившихся в 70—75 см от площадки и ориентированных параллельно ее северо-восточной стороне, содержали захоронения взрослого и подростка. Оба погребенных были вытянуты на спине, один обращен головой на северо-запад, другой — на юго-восток. Рядом с головой подростка сохранился кувшиновидный красноглиняный гончарный сосудик обычного для чирикрабатской культуры типа. Судя по заполнению некоторых сосудов и ямы в центре площадки, сама площадка и ее верхняя ступенька длительное время стояли открытыми, а позднее (вероятно, после совершения ямных захоронений) вместе с ровиками были перекрыты курганной насыпью (диаметр 18—20 м). В заполнении рвов найдены два бронзовых втульчатых трехлопастных наконечника стрел, обломки тальковых курильниц и фрагментированная керамика.

Вторую группу погребальных памятников чирикрабатской культуры составляют наземные мавзолеи (табл. 8). Известно более двух десятков этих сооружений. Расположены они изолированно друг от друга и на расстоянии от поселений (0,5—10 км).

По внешнему виду их можно разделить на два типа: квадратные и круглые в плане. Известно лишь два памятника первого типа (Бабиш-Мулла 2, Чирик-Рабат) и более двух десятков — второго. Внутренний планировочный принцип, обязательное расположение входа с южной стороны и основные строительные приемы обоих типов мавзолеев одинаковы.

1. Квадратные в плане мавзолеи. Сооружение Бабиш-Мулла 2 представляет собой монументальное погребальное здание (21×21 м, высота до 7 м). В основании его — цоколь (30×30 м, высота 3,5 м) из шести рядов пахсовых блоков (табл. 8, *2*). Планировка здания симметрична — два пересекающихся сводчатых коридора ограничивают угловые погребальные камеры, перекрытые сводами. У торцов коридоров расположены помещения типа айванов, связанные с коридорами арочными проходами и в свою очередь открывавшиеся, вероятно, в обводной коридор, следы которого обнаружены на северном склоне памятника. Стены помещений были покрыты алебастровой штукатуркой. Погребения по обряду трупоположения совершались прямо на полу или суфах, возможно, на погребальных носилках или помостах. Умерших сопровождал богатый инвентарь. Даже после древнего ограбления остались золотые бляшки, пронизи, серьги, бусы (золотые и каменные) и другие предметы (табл. 14, *16—37*). Керамический комплекс, обнаруженный в мавзолее, аналогичен керамике городища и синхронен материалам его второго (а отчасти и первого) строительного периода. Среди керамики мавзолея было несколько фрагментов глиняных оссуариев или гробов с налепными валиками и пальцевыми защипами под простым краем.

На территории городища Чирик-Рабат раскопано еще одно, квадратное в плане (19,5×19 м) погребальное здание с мощными (толщина до 5—5,5 м) стенами из сырцового кирпича квадратного (38—40×35—38×8—10 см) или прямоугольного (40—48×35—38×8—10 см) стандарта, с камышом в слоях раствора [Толстов С. П., 1962б. С. 150, 151; Лоховиц В. А., 1963]. Внутреннее пространство его разделено мощной четырехметровой стеной на два помещения, соединенных сдвинутым от центра проходом (табл. 8, *8*). Входной коридор был в юго-восточной стене. Глиняные с большим количеством соломы полы подстилались двумя рядами кирпичной кладки. Этот мавзолей также был ограблен в древности, но часть инвентаря сохранилась: золотые пронизки, стеклянные и каменные бусы, нашивные бляшки, фрагменты костяного гребня, бронзового зеркала, бронзовые и железные наконечники стрел, тальковая курильница, керамика (табл. 14, *1—15*).

2. Круглые в плане мавзолеи. Очевидно, наиболее ранним среди погребальных сооружений является здание (диаметр 38,5 м, сохранившаяся высота 8,5 м), расположенное в юго-восточной части городища Чирик-Рабат. Внутреннее пространство его разделено на четыре квадратных (каждое 5,9×5,9 м) помещения двумя пересекающимися в центре стенами (толщина 3 м), ориентированными по сторонам света. Северные помещения обособлены, но соединены с южными проходами, сдвинутыми к центру здания. В юго-восточное помещение вел с юга 10-метровый входной коридор. В толще внешней стены на высоте 7,25 м шел квадратный в плане коридорчик (ширина 0,5 м), каждая сторона которого имела по два прямоугольных расширения (4×1,3 м), откуда узенькие проходы выводили в небольшие камеры (табл. 8, *1*). Этот коридорчик опоясывал по периметру всю внутреннюю планировку. Здание было сложено из крупного (47—55×29—31×9,5—11 см) сырцового кирпича на глиняном растворе, при этом в кладке стены прослежено несколько камышовых прослоек [Трудновская С. А., 1963. С. 205; Толстов С. П., 1962б. С. 146, 147]. Вдоль стен, покрытых тонким слоем обмазки, был поставлен каркас из вертикальных жердей, скрепленных камышовой веревкой. Под зданием возведен небольшой цоколь [Трудновская С. А., 1963. С. 208], полы помещений подстилались кирпичной выкладкой, а в узком входном коридоре был пандус. Вдоль стен помещений тянулись широкие и высокие суфы, на которые и были положены тела умерших в сопровождении богатого инвентаря (табл. 14, *51—76*). Затем было совершено трупосожжение на месте — на суфах северо-западной камеры.

Основная масса круглых в плане мавзолеев представляет собой постройки (диаметр 15—20 м), возведенные из пахсовых блоков и прямоугольных сырцовых кирпичей (преобладающий стандарт 50×30×12 см) и сохранившиеся в высоту на 3—5,5 м от уровня современной поверхности.

Центральная часть этих сооружений воздвигалась на стилобате из битой глины. Внутреннее пространство разделено по диаметру зданий стеной и во многих случаях идущей перпендикулярно ей второй стеной, образующей вместе с первой подобие крестообразной планировки. У некоторых таких памятников вокруг центральной, поставленной

на стилобат части шел обходной коридор, у других — ров (табл. 8, *1*, *3—7*, *10*).

Исследования мавзолеев показали, что значительная часть их подвергалась внутренней перестройке и все они многократно использовались для захоронений, причем иногда в одних и тех же мавзолеях производились и кремация, и трупоположение в деревянных гробах, на носилках или циновках.

Таким неоднократно перестраивавшимся памятником является мавзолей Кзылтепе, расположенный в 8 км к востоку от городища Баланды 1 (табл. 8, *4*). Вокруг круглого в плане сооружения (очевидно, на цоколе) при рекогносцировочных раскопках обнаружен коридор шириной до 3 м, ограниченный с обеих сторон стенами из пахсовых блоков и заполненный спаявшимися в результате интенсивного горения глыбами кирпичей и глины. Часть коридора на южной стороне отсекалась радиальными стенами, образующими вход в центральную часть. Следы горения связаны как с верхним, так и с нижним строительными периодами, но внизу их больше.

Вероятно, близкую планировку имел и мавзолей 2 могильника Тагискен. Вокруг круглого в плане здания шел обводной коридор со следами интенсивного горения. Стоящая на глиняном цоколе центральная часть здания была разделена двумя перекрещивающимися стенами на четыре камеры, с проходами вблизи центра [Толстов С. П., 1963. С. 35. Рис. 8]. Вход в здание находился с южной стороны и был отсечен от коридора стенами.

Такой же обводной коридор зафиксирован в мавзолее Тышкантепе (табл. 8, *5*). Стены его сложены из пахсовых блоков и сырцовых кирпичей (39—41 × × 39—41 см), но следы горения в коридоре не обнаружены. Здание неоднократно перестраивалось. Крутой пандус выводил ко входу на юго-восточной части памятника.

В 6 км от Чирик-Рабата расположен один из наиболее характерных мавзолеев этого типа — Чирик 2. Это круглое в плане (диаметр 17,5 м) здание, сохранившееся на высоту 5 м, со входом с южной стороны, возведено на стилобате из крупных комков глины. Стены его сложены из чередующихся слоев пахсовых блоков (высота 60—70 см) и рядов сырцового кирпича (преобладающий стандарт 50 × × 30 × 12 см). Сооружение перестраивалось. Можно говорить по крайней мере о двух строительных периодах с частичными перестройками в каждом из них.

Первоначально здание имело обходной коридор, обмазки стен и пола которого сильно замыты (табл. 8, *6*). Затем внутренняя пахсовая стена обходного коридора была срезана, все пространство внутри здания забутовано глиной и кусками кирпичей, поверх которых выложены два нивелировочных горизонтальных ряда кирпичей кладки. Затем вся внутренняя площадь сооружения вновь поставленными стенами была поделена на четыре неравные камеры. Северные секторы разделялись стеной, отходящей от северной стенки, южные — коридорчиком-пандусом, ведшим через проход в центральной стене ко входу (табл. 8, *7*). В дальнейшем, несмотря на частичные перестройки, изменявшие размеры и форму камер, бесконечные подновления полов и выкладки под ними, принцип этой планировки сохранялся.

Следы интенсивного горения зафиксированы особенно четко на нижних полах. На верхнем уровне следы горения отмечены лишь частично в северо-восточном секторе и «коридорчике-пандусе». Наряду с обгорелыми обломками человеческих костей были встречены (над прослойками песчано-глинистых намывов) не тронутые огнем и разрозненные кости вместе со слоями камыша и прутьев. Остатки погребального инвентаря составляли керамика, каменная курильница, многочисленные бусы, украшения, костяная туалетная ложечка, бронзовый трехлопастный наконечник стрелы и другие предметы (табл. 14, *38*, *39*, *44*, *45*, *50*).

Мавзолей Баланды 3 уже лишен обходного коридора. Все здание со стенами из чередующихся рядов пахсовых блоков и сырцовых кирпичей (28—30 × 48—50 × 10 см) поставлено на полутораметровый цоколь (табл. 8, *3*). Внутреннее пространство разделено на четыре сектора проходящей по диаметру основной стеной с проходом и перпендикулярными ей стенками с проходами вдоль основной стены. Следы интенсивного горения зафиксированы лишь в северных секторах, все здание заполнено песчано-глинистыми намывами (рис. 8, *3*).

Поздний тип мавзолеев представлен погребальным сооружением Асар (табл. 8, *10*). Вокруг мавзолея прослежен ров, а сам он воздвигнут на невысоком (0,5 м) цоколе. Стены здания построены из чередующихся рядов пахсовых блоков и сырцовых кирпичей (50 × 30 × 12 см) на толстом слое раствора с примесью большого количества самана. Вход в мавзолей, как обычно, вел с юга, где в стене сохранились две ступеньки. Все внутреннее пространство разделено на две половины проходящей по диаметру стеной с проходом, сдвинутым от центра к югу. На глиняных с саманом обмазках пола и стен зафиксированы мощные слои песчано-глинистых натеков и намывов. В заполнении мавзолея, состоящем из перегнивших органических остатков, большого числа разрозненных человеческих костей, перемешанных с кусками камышово-тростниковых настилов и обломков дерева (в том числе фрагментов деревянных гробов и носилок с резными плашками; табл. 7, *2*), практически не имелось следов огня, за исключением северо-восточного угла, где был найден единственный обгорелый череп. Среди остатков погребального инвентаря сохранились бронзовые наконечники стрел, керамика, каменные и костяные бусы, деревянные и тыквенные сосуды, плетеные корзинки и другие вещи (табл. 7, *2*, *5*, *6*).

Среди круглых в плане погребальных сооружений выделяется купольный мавзолей Баланды 2 (диаметр 16 м, сохранившаяся высота 4,5 м; табл. 8, *9*). Вход в него расположен в южной части здания и оформлен в виде намечающегося портала с арочным перекрытием. Центральное круглое (диаметр 5,5 м) помещение, перекрытое ложным куполом, заключено в обвод анфилады из семи сводчатых помещений, разделенных на две части. Внешняя поверхность стен здания обработана 25 выступающими треугольными лопатками [Толстов С. П., 1962б. С. 174—177]. Мавзолей был ограблен еще в древности, по-

этому сохранились лишь остатки погребального инвентаря, керамический комплекс (в основном из расклинок сводов) и фрагменты деревянных гробов или носилок, подобных найденным на Бабиш-Мулле 2 и Асаре.

Исследование мавзолеев чирикрабатской культуры дает возможность считать, что среди основной их массы, вероятно, к наиболее ранним относятся сооружения с обходным коридором, где первоначально происходило горение (Кзылтепе, мавзолей 2 могильника Тагискен, нижний строительный горизонт Чирик 2 и др.) Центральная часть мавзолеев, возведенная на стилобате, делилась на четыре камеры. Впоследствии эти обходные коридоры могли выродиться во рвы, прослеживаемые вокруг подобных, но самых поздних зданий (например, Асар). Внутренняя планировка также постепенно меняется, теряя свою «крестообразность» и сохраняя лишь деление на две половины. Судя по натекам на обмазках стен и полов, большинство таких мавзолеев не имело постоянного перекрытия. Несмотря на размеры, большие мавзолеи чирикрабатской культуры, несомненно, предназначенные для захоронения знати (Бабиш-Мулла 2, Чирик-Рабат — круглое и квадратное сооружение), во многом сохраняют конструктивные особенности, свойственные основной массе мавзолеев. Так, в круглых погребальных зданиях Чирик-Рабата и Бабиш-Муллы 2 сохраняются крестообразная внутренняя планировка, обходной коридор, цоколь. Квадратное погребальное сооружение Чирик-Рабата с более поздними круглыми мавзолеями сближают двухкамерная планировка, невысокий цоколь и большой процент самана в обмазке стен и пола.

Планировка круглых мавзолеев с внутренним крестообразным пересечением стен могла иметь глубокие местные корни. Представляется несомненной связь чирикрабатских погребальных сооружений типа Кзылтепе, мавзолея 2 Тагискена и других со «шлаковыми» курганами и некоторыми ранними мавзолеями могильника Тагискен (мавзолей 6, планировка, обряд кремации), характерными для более раннего сакского населения этих районов [Толстов С. П., 1962б. С. 201, след.]. Однако в погребальном обряде чирикрабатской культуры нельзя исключить определенные, вероятно южные, влияния, поскольку переход от кремации к трупоположению наблюдается иногда в одних и тех же памятниках (мавзолей Чирик 2). Но наряду с этим отмечено и сосуществование обоих обрядов в разных одновременных памятниках. Сам факт перехода в погребальных сооружениях одного и того же типа от традиционного трупосожжения к трупоположению мог происходить либо под влиянием каких-то изменений в религиозных представлениях, либо с появлением новой этнической группы населения.

ХРОНОЛОГИЯ. На современном уровне знаний относительная хронология памятников чирикрабатской культуры может быть представлена в следующем виде: Этап I: нижний слой застройки и ранние укрепления на городище Чирик-Рабат, курган 1 и, может быть, круглое погребальное здание на городище (датировано концом IV или рубежом IV—III вв. до н. э.) [Толстов С. П., 1962б. С. 148; Трудновская С. А., 1963], нижний слой «Большого дома» и два нижних строительных периода «донжона» на Бабиш-Мулле 1, могильник Бабиш-Мулла 6, начало строительства, а возможно, и завершение постройки мавзолея Бабиш-Мулла 2. Этап II: Баланды 1 и 2, слой печек и частично верхний слой «Большого дома», а также верхний строительный период «донжона» на Бабиш-Мулле 1, Бабиш-Мулла 2, верхний слой Чирик-Рабата, часть мавзолея типа Баланды 3, Чирик 2, могильник Баланды 4. Этап III: частично верхний слой Бабиш-Муллы 1 и Чирик-Рабата, Сенгиркала, квадратное погребальное здание на Чирик-Рабате, мавзолей Асар.

Общая датировка памятников чирикрабатской культуры в пределах IV—II вв. до н. э., предложенная С. П. Толстовым [1962б. С. 136, след.], достаточно убедительна. Однако имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют внести некоторые уточнения.

По аналогиям в материалах сарматской культуры (особенно в близких территориально памятниках Южного Приуралья) предметам вооружения для начала раннего этапа может быть предложена дата рубеж V—IV вв. (курган на Чирик-Рабате, и возможно, начало строительства на Бабиш-Мулле 1).

Архитектурно-планировочные данные позволяют связывать начало постройки Бабиш-Муллы 1 с эпохой Ахеменидов. Тот факт, что постройка сатрапской резиденции (по нашему предположению) осталась незавершенной и была заброшена (на какое-то время), скорее всего можно связать с крахом Ахеменидской державы. В таком случае верхней границей этапа I условно может быть признан 330 г. до н. э. Керамические аналогии этому комплексу имеются в слоях Афрасиаб IБ (последняя четверть IV в. до н. э.) и Афрасиаб II (III в. до н. э.) [К исторической топографии древнего и средневекового Самарканда. С. 57, 58. Даты, предлагавшиеся ранее Г. В. Шишкиной, немного расходятся с указанными в этом издании], а также в кроющем слое Елькендепе III, верхняя дата которого IV в. до н. э. [Марущенко А. А., 1959б. С. 71].

Для датировки этапа II культуры существенны находки предметов греческого импорта на Баланды 1, 2 и Бабиш-Мулле 2. Датировка их определяется в пределах IV—III вв. до н. э., но исходя из исторической ситуации, время их появления в низовьях Сырдарьи может быть отнесено к последней трети IV в. до н. э., самое позднее — к началу III в. до н. э. Общая дата этого этапа — от последней трети IV в. до н. э. условно до середины III в. до н. э.

Для определения верхней границы этапа III и вообще верхней даты культуры особых данных нет. Протяженность этого этапа, судя по малой мощности культурных наслоений и малому количеству памятников, вряд ли была большой. Поэтому нет основания определять верхнюю границу их временем позже начала II в. до н. э., но нельзя исключить, что развитие ее завершается полностью в пределах III в. до н. э.

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА. Керамика. Наиболее массовый и выразительный материал в археологическом комплексе чирикрабатской культуры — керамика. Отсутствие публикаций заставляет нас остановиться на характеристике керамики несколько подробнее. В основу стратиграфического анализа

керамического комплекса положены материалы, полученные при раскопках городища Бабиш-Мулла 1 (прежде всего его «донжона»), стратиграфического и иных раскопов городищ Чирик-Рабат, Баланды, Сенгиркала, и лишь затем привлекались материалы исследования многочисленных поселений и погребальных памятников. В результате анализа удалось распределить чирикрабатскую керамику по трем хронологическим этапам. По технологическим признакам она делится на две группы: 1 — сосуды грубой ручной лепки, кострового обжига, домашнего изготовления; 2 — сосуды, сформованные с помощью гончарного круга, горнового обжига, ремесленного производства.

Керамика группы 1 составляет 32,4% всех имеющихся в нашей коллекции сосудов. Можно говорить о 1936 сосудах, целых, археологически целых и фрагментированных, в составе многотысячной (около 60 тыс.) коллекции чирикрабатской керамики. Среди них представлены горшки, котлы, чаши, миски, сковороды-жаровни.

Горшки (табл. 10) составляют 77,3% (486 экз.) общего числа сосудов группы 1. Они имеют плоское дно, диаметр которого близок или чуть меньше диаметра устья, вытянутое округлое тулово и отогнутый наружу простой, иногда чуть утолщенный или же утонченный край венчика. Преобладание лепных горшков того или иного типа по этапам не устанавливается. Подобные формы распространены на значительной территории в широкий хронологический период, но наиболее близкие аналогии находим в сакских памятниках VII—V вв. до н. э. средней Жанысарьи и Инкардарьи [Толстов С. П., 1962б. Рис. 104; Левина Л. М., 1979б. Рис. 7, 8], памятниках савроматской и сарматской культур Нижнего Поволжья и Южного Приуралья [Смирнов К. Ф., Петренко В. Г., 1963. Табл. 7, 8; Мошкова М. Г., 1963. Табл. 7], а также в памятниках этапа I соседней джетысасарской культуры (см. табл. 19).

Среди горшков выделяется серия небольших сосудов усеченнобиконической формы, с резким перегибом тулова или горизонтальным валиком посредине (их всего 0,9%). Они покрыты темно-серым ангобом и слегка подлощены. Найдены главным образом в погребальных сооружениях. Часть из них орнаментирована наколами и прорезными линиями (табл. 10, *1—3*, *8—10*).

Следует отметить горшковидные сосуды с цилиндрическими сливами, изредка встречаемые на поселениях в районе городища Чирик-Рабат, в могильнике Бабиш-Мулла 6 (табл. 10, *12*). Эти сосуды, очевидно, непосредственно связаны с близкими формами, широко распространенными в более ранних сакских памятниках той же территории бассейна средней Жанысарьи и Инкардарьи [Левина Л. М., 1979б. С. 187. Рис. 9, *1*, *2*, *10—12*].

Котлообразные сосуды встречаются гораздо реже, чем горшки. Они имеют относительно широкое устье, плоский или уплощенный бережок, иногда снабжены сплошными или петлеобразными ручками. В коллекции есть фрагменты полутора десятка таких сосудов.

Менее 3,2% сосудов группы 1 составляют широко открытые миски с плавно округлыми стенками и утонченным краем. Близкую форму имеют немногочисленные невысокие чаши (табл. 10, *26—30*). Аналогичные миски и чаши характерны и для керамического комплекса сакских памятников VII—V вв. до н. э. той же территории Жанысарьи [Вишневская О. А., 1973. С. 154, Табл. XXII; Левина Л. М., 1979б. С. 187. Рис. 9]. Тождественные чаши представлены в Актамском могильнике V—III вв. до н. э. в Фергане [Горбунова Н. Г., 1962] и памятниках Тянь-Шаня и Памиро-Алая, подобных сакскому могильнику Шарт [Бернштам А. Н., 1952]. Различного размера сковороды-жаровни — относительно частая находка (10,2%) на всех поселениях.

Лишь 30% лепных сосудов украшены орнаментом. Он представлен прочерченными, волнистыми, зигзагообразными или угловыми узорами на плечиках и тулове сосудов, иногда дополненными точечными вдавлениями, а также насечками по бережку (табл. 10, *8—10*, *37—42*, *46*, *61*, *82*). К этапу I относится лишь два сосуда с узором в виде насечек по венчику.

Удельный вес керамики группы 1 понижается от этапа к этапу. Так, на этапе I она составляет 39%, а на этапе III — менее 27%.

Сосуды группы 2 (ремесленного производства) изготовлены в подавляющем большинстве на гончарном круге быстрого вращения из хорошо промешенной и отмученной глины. Они имеют ровный обжиг и покрыты жидким беловатым или красно-коричневым ангобом.

По назначению и форме гончарной керамики выделяются хумы, хумчи, крупные горшковидные или корчаговидные сосуды, горшки, котлообразные сосуды, кувшины, фляги, миски, чаши и др.

Крупные толстостенные сосуды, предназначенные для хранения жидкостей и зерна (хумы, хумчи, крупные горшковидные или корчаговидные сосуды), отнесены нами к одному виду. Они изготовлены ленточной техникой и в подавляющем большинстве покрыты снаружи красно-коричневым ангобом (изредка — поверх беловатого), часто ангоб есть лишь в верхней части. Эти сосуды составляют 30% гончарной керамики. По форме тулова и венчика они делятся на два типа, каждый из которых в свою очередь подразделяется на подтипы и разновидности. К типу 1 относятся сосуды с раздутым яйцевидным туловом, без шейки, с Т-образным венчиком и плоским бережком (табл. 11, *1*, *3*, *8*, *9*, *24*). В высоту они достигают 1,5—1,8 м. Обычно наибольший диаметр тулова в полтора-два раза превышает диаметр венчика (25—50 см), который всегда несколько больше диаметра днища. Эти сосуды господствуют в материалах слоев этапа I, составляя там более 78% керамики этого вида. Подтипы 1А и 1В с оттянутым внутрь венчиком и очень широким плоским бережком (ширина последнего у сосудов подтипа 1А — до 10—11 см), найдены главным образом в слоях этапа I (сосуды подтипа 1А — только там), гораздо реже — в слоях этапа II, составляя там менее 9% сосудов данного вида. Сосуды подтипа 1С — с выступающим лишь наружу венчиком — распространены на этапе II (табл. 11, *13—15*).

Сосуды типа 2 характеризуются меньшей раздутостью тулова, выраженной горловиной и округлым или треугольным в сечении венчиком. Этот тип также

подразделяется на подтипы и разновидности. Тип 2 составляет 61,5% форм данного вида и резко преобладает в материалах этапов II и III (соответственно 71 и 90,2% сосудов данного вида). Отдельные экземпляры сосудов типа 2 зафиксированы и на этапе I, в материалах верхних слоев (табл. 11, *2*, *5—7*, *16*, *19*, *20*).

Если сосуды типа 1 находят множество прямых аналогий в слоях VI—IV вв. до н. э. памятников южной Туркмении [Марущенко А. А., 1959б. Табл. XXVIII, *1—6*; Пилипко В. Н., 1975. Рис. 35, *3*; 1984. Рис. 4, *1*], в слоях Афрасиаба IA — Б, II и Согда [Кабанов С. К., 1969. Рис. 3, *25*; 13, *17*, *18*; 1981. Рис. 19, *1—3*; 22, *5—7*; Тереножкин А. И., 1950. Рис. 69, *III*, *9*; Шишкина Г. В., 1969. Рис. 7, *83—85*, *93*, *146*, *154*; 1974. Рис. 8—10], то сосуды типа 2 таковых не имеют. Поэтому можно думать, что форма сосудов типа 2 могла развиться и на месте. Однако не исключено, что она ведет происхождение от сосудов, известных в материалах памятников южной Туркмении доахеменидского и ахеменидского времени [Массон В. М., 1959. Табл. XXXIX, *4*].

Основная масса сосудов рассмотренного вида лишена орнамента. Лишь незначительная их часть украшена валиком с насечками, опоясывающим сосуд ниже венчика, насечками по венчику или пальцевыми вдавлениями по наружной стороне венчика (табл. 11, *11—13*, *15*, *17*). Последние обнаружены на сосудах, характерных для этапа II и имеющих аналогии в материалах Бухарского Согда, в памятниках ранней фазы актепинского этапа, синхронного стадии Афрасиаб II [Ураков Б., 1982. С. 5].

Очень небольшую группу (2,8%) гончарной керамики составляют невысокие приземистые красноангобированные горшки с характерной плавной усеченнобиконической формой тулова (табл. 12, *19—21*). По форме верхней части и венчику этот вид делится на два типа. Тип 1 представлен горшками без горловины, с утолщенным чуть выступающим наружу венчиком с плоским бережком, горизонтальным валиком, опоясывающим сосуд на 2 см ниже венчика (табл. 12, *21*). 70% горшков этого типа найдены в материалах этапа I, остальные 30% — этапа II. Близкие этим горшкам формы отмечены в материалах Согда, в слоях Афрасиаба I и II [Шишкина Г. В., 1969. Рис. 3, *10*; 7, *145*]. Горшки типа 2 имеют выраженную горловину, отогнутый наружу простой край либо небольшой округлый или треугольный в сечении венчик. Часть горшков типа 2 снабжена горизонтальным валиком под горлом. Горшки обнаружены в слоях всех этапов, начиная с самых ранних.

Около 1% гончарной керамики составляют толстостенные котлообразные сосуды, с крупным Т-образным венчиком, подобным венчикам хумов типа 1 (табл. 11, *24*). Обнаружены они в материалах этапа III. Аналогичные сосуды известны в керамическом комплексе Елькендепе в южной Туркмении [Марущенко А. А., 1959б. Табл. XXIX, *9*] и в Согде [Кабанов С. К., 1981. Рис. 23, *4*].

Самая распространенная форма гончарной керамики — кувшины (32%). Несмотря на значительные расхождения в размерах, 88% их составляют один тип (1) — горшкообразные кувшины без ручек, с яйцевидным туловом, выделенной горловиной и отогнутым наружу простым краем либо маленьким округлым или треугольным в сечении венчиком. Диаметр устья равен или меньше диаметра плоского днища и в два-три раза меньше диаметра тулова (табл. 12, *1—7*, *10—36*, *60*, *80*). 22% этих кувшинов найдены в материалах этапа I; 51,5% — этапа II; 14,5% — этапа III. Хотя полных аналогий таким кувшинам в южных среднеазиатских районах пока нет, по отделке и общему облику (прежде всего верхней части) их можно сравнить с сосудами, известными из материалов парфянских, бактрийских, согдийских и хорезмийских памятников IV—II вв. до н. э. [Мандельштам А. М., 1966а. Табл. XIX, *2*; Пилипко В. Н., 1975. Рис. 35, *2*; Кабанов С. К., 1981. Рис. 21, *17*; Воробьева М. Г., 1967. Табл. II, *46*].

Кувшины типа 2 характеризуются прямым высоким горлом, отделенным от тулова уступом или валиком, иногда с рифлением на горле. Часть из них имеет петлеобразную ручку, верхний конец которой прикреплен к горлу или к округло треугольному в сечении венчику (табл. 12, *8*, *9*). Основная масса этих кувшинов ремесленного производства, горнового обжига изготовлена тщательной ручной лепкой без применения гончарного круга. Они покрыты густым красно-коричневым или темно-серым (до черного) ангобом и залощены. Вероятно, эти кувшиновидные сосуды, как и такие же горшкообразные, представляют собой импорт, очевидно, памятников соседней джетыасарской культуры, где они типичны для керамического комплекса (см. ниже табл. 21, *6*, *11*, *12*).

Немногочисленной серией в гончарной керамике представлены крупные красноглиняные фляги со светлым ангобом (табл. 11, *28*, *29*). По форме они сближаются с флягами, найденными на памятниках Парфии [Пилипко В. Н., 1975. Рис. 35] и Хорезма [Воробьева М. Г., 1959. Вклейка. Рис. 31; 32], но в отличие от хорезмийских, лишены орнамента. В чирикрабатской культуре фляги встречены лишь на этапах II и III.

Миски составляют 20% гончарной керамики. Это широко открытые сосуды с прямыми или слегка округлыми стенками и плоским дном, диаметр которого в два-три раза меньше диаметра края. Они покрыты красным или красно-коричневым ангобом, иногда лишь внутри. Размеры их различны. По форме венчика различается несколько типов с подтипами и вариантами (табл. 12, *45—52*, *61—79*).

Различные типы мисок — с простым утонченным или утолщенным краем; плоским бережком; с венчиками — профилированным снаружи; отогнутым наружу удлиненным плоским, иногда наклоненным книзу; Г- и Т-образным; сложным «клювовидным» и др.; с простым плоским дном; дисковидным и кольцевидным поддоном — все они находят полные аналогии в керамических комплексах южной Туркмении V—II вв. до н. э. [Массон В. М., 1959. Табл. XI, *1*; XII, *6*, *22*; Марущенко А. А., 1959б. Табл. XII, *7*, *8*; XXXI, *1—6*, *8—10*; Пилипко В. Н., 1975. Рис. 35, *5*, *17*, *18*; Усманова З. И., 1963а. Рис. 21, *11—13*, *15*, *17—19*; 23, *40*; 13, *37*, *45*, *49*; 1963б. Рис. 30, *11*; Кацурис К., Буряков Ю., 1963. Рис. 4, *13*], в материалах Ай-Ханум [Schlumberger D., Bernard P., 1965. P. 606—659], в памятниках древней Бактрии [Gardin J. C., 1957. Pl. VII, *23a(1)*, *a(2)*, *24b*; III, *15b*; IV, *15a*, *17*, *19b*, *c*; *18a*, *b*; XIII, *3*; Дьяко-

нов М. М., 1953. Табл. XII, *30*, *34*. Рис. 20], Согда этапов Афрасиаб IБ и II [Шишкина Г. В., 1975. Рис. 3; 4; 10; Кабанов С. К., 1981. Рис. 17, *5—17*; 18, *10*]. Некоторые типы мисок аналогичны распространенным в Хорезме в кангюйский период [Воробьева М. Г., 1967. С. 316. Табл. III. *10—16*, *26*, *27*]. Так называемые рыбные блюда, одна из характернейших форм согдийской керамики этапа Афрасиаб II, встречены в чирикрабатском керамическом комплексе конца этапа I. Практически миски всех типов зафиксированы в том или ином количестве на всех трех хронологических этапах.

Среди гончарной керамики 12% составляют глубокие красноангобированные чаши с небольшим плоским дном, простым утонченным краем, изредка выделенным венчиком, слегка округлым туловом или перегибом на его середине или на уровне верхней трети (табл. 12, *25—33*). По степени округлости тулова, резкости перегиба, степени изгиба стенок верхней части чаш и направленности края можно выделить несколько подтипов и проследить их динамику. Большинство подтипов сосуществует, но замечено, что более открытые чаши со слегка отогнутым наружу краем и перегибом ниже середины тулова появляются лишь на этапе II. Чирикрабатские чаши находят аналогии в тех же районах и памятниках, что миски и другие формы гончарной керамики [Массон В. М., 1959; Марущенко А. А., 1959б; Пилипко В. Н., 1975; Шишкина Г. В., 1969; 1975; Кабанов С. К., 1969; 1981]. Однако, в отличие от упомянутых районов Средней Азии, где встречено подавляющее большинство аналогичных чирикрабатским форм, в рассматриваемом гончарном комплексе отсутствуют бокалы на ножке. Пока известен лишь один бокал ручной лепки напольного обжига, серого ангоба, происходящий из мавзолея.

В другом мавзолее, относящемся к этапу III, обнаружены две фрагментированные чаши, сероангобированные и подлощенные, изготовленные тщательной ручной лепкой. Тулово полушарной формы завершается слегка отогнутым наружу, маленьким, округлым в сечении венчиком. Подобные чаши чрезвычайно характерны для керамического комплекса соседней джетыасарской культуры.

Найденные на чирикрабатских памятниках крышки — хорошей выделки, в основном красноглиняные, реже сероглиняные, с темно-серым ангобом, конической или округлоконической формы, с простым или профилированным венчиком — имеют аналогии в тех же материалах древней Парфии и Согда, что и остальные формы гончарных сосудов чирикрабатского комплекса [например: Кацурис К., Буряков Ю., 1963. Рис. 4, *4*, *14*, *22*].

Сравнение гончарной керамики чирикрабатской культуры с материалами других среднеазиатских районов выявляет необычайную близость ее особенно с древнепарфянской и согдийской. Некоторые чирикрабатские формы сосудов находят аналогии и прототипы в слоях южнотуркменских памятников более раннего времени, чем согдийские с подобной керамикой.

Сходство чирикрабатской и согдийской керамики разрешает предположить общность ее происхождения и вероятность существования единого «центра», находившегося в позднеахеменидский период, возможно, на территории Парфии или Бактрии и давшего чрезвычайно близкий керамический комплекс обоим районам. Однако уже со второй четверти IV в. до н. э. развитие керамических комплексов в каждом из этих районов шло своими путями. Несмотря на относительно короткий период существования чирикрабатской культуры, в керамике ее все-таки можно отметить важные изменения. Так, например, в ее комплексе происходит иная, чем в Согде, динамика развития хумов с Т-образным венчиком (кстати, в Хорезме их вообще не было), которые вскоре вытесняются хумами и хумчами другого типа, не имеющего аналогов в южных районах.

Отсутствие в чирикрабатской керамике кубков на ножке объясняется, вероятно, появлением их в Согде позже первой трети IV в. до н. э. Находки сосудов типа «рыбных блюд» уже на этапе I существования чирикрабатской культуры, возможно, свидетельствуют о более раннем, чем III в. до н. э., появлении их в афрасиабском материале.

Вполне вероятно, что гончарная ремесленная керамика появилась в жанадарьинских районах не без участия согдийских мастеров.

Среди чирикрабатской керамики незначительно число лощеных сосудов. Лишь на поздних памятниках, вроде Сенгиркала, распространяется зеркальное лощение, характер которого свидетельствует о контактах с хорезмийскими мастерами.

В отличие от материалов из нижних слоев городища Афрасиаб в Согде и верхнего слоя Елькендепе в Парфии, в которых находит аналогии чирикрабатская гончарная керамика, в последней отсутствуют баночные формы с подкосом в нижней части сосуда, характеризующие так называемый ахеменидский комплекс посуды. Этот момент представляется весьма существенным, потому что и Афрасиаб, и Елькендепе — крупные археологические памятники со сложной стратиграфией, где выделить хронологически «чистые» слои, несомненно, более трудно, чем на однослойных или относительно простых по стратиграфии чирикрабатских. Исчезновение баночных форм с подкосом служит, вероятно, хронологическим индикатором. В то время, когда складывалась чирикрабатская культура, куда вошел практически весь набор гончарных форм из южных районов Средней Азии (Согд и Парфия во всяком случае; для Бактрии мы не имеем синхронных материалов), баночные формы с подкосом уже вышли или выходили из употребления. Но поскольку есть основания связывать сложение чирикрабатской культуры с последним этапом существования Ахеменидской державы, можно думать, что именно в IV в. до н. э. произошла полная смена керамических форм на юге Средней Азии. Возможно, это связано с какой-то реорганизацией сатрапий и изменением их культурной и экономической ориентации. Хотя Хорезм входил в ареал, где бытовали в ахеменидское время баночные формы керамики с подкосом, с IV в. до н. э. они исчезают там полностью, и на смену им приходит яркая и индивидуальная в Средней Азии керамика кангюйской культуры. Видимо, процесс смены керамического комплекса и в Хорезме, и на юге Средней Азии происходил синхронно [5].

[5] Среди неопубликованных материалов из раскопок В. Н. Пилипко на территории северной Парфии (к востоку от Аш

Если происхождение чирикрабатской гончарной керамики можно связать с южными районами Средней Азии, то дальнейшее ее развитие происходило в иной исторической обстановке, когда культурные связи с югом значительно ослабели. Одновременно активизировались связи с Хорезмом, что фиксируется на этапе III культуры в отдельных заимствованиях, например, приемов обработки керамики лощением. Вероятно, тем же объясняется и наличие с конца этапа I и особенно на этапе II чирикрабатской культуры значительного числа форм, характерных для соседней джетыасарской культуры. Последнее свидетельствует не только о связях, но и о синхронности существования чирикрабатского и джетыасарского комплексов.

Остатки производственной деятельности и орудия труда. Следы развития местного гончарного ремесленного производства обнаружены неоднократно. В 6 км к юго-востоку от Бабиш-Муллы 1 на поселении найдены развалины гончарных обжигательных печей. Они открыты также в слое между двумя строительными горизонтами «Большого дома» Бабиш-Муллы 1.

Повсеместно на поселениях встречаются следы обработки кварцита, из которого изготовлялись зернотерки, каменные ядра, терочники. По мнению С. П. Толстова [1962б. С. 156, 157. Рис. 87], часть кварцитовых сколов использовалась в качестве простейших домашних орудий. Большое количество кварцита на поселениях он считал отличительной чертой чирикрабатской культуры. Следы бронзолитейного производства обнаружены на Бабиш Мулле 1.

С изготовлением и обжигом грубых лепных статуэток и шариков (типа головок к статуэткам; табл. 13, *35*, *36*) связаны два производственных комплекса — на поселении к северу от Бабиш-Муллы (точка 254) и на пристройке этого же памятника.

Из орудий труда, кроме зернотерок и оселков (табл. 13, *33*), изредка встречаются фрагменты железных ножей с прямой и дуговидной спинкой и выделенным черенком. Иногда ножи имеют костяные резные рукояти (табл. 13, *16*, *17*; 14, *15*). На памятнике Баланды 2 засвидетельствована необычная для этих мест находка — костяное веретено греческого типа (табл. 13, *1*). Это полая костяная резная трубка, внутри которой находился граненый железный стержень. Концы его выходили за пределы трубки и могли снабжаться дополнительными костяными деталями, фрагменты которых найдены рядом. Подобные веретена известны в скифских памятниках IV—III вв. до н. э. [Яковенко Э. В., 1973; Мелюкова А. И., 1975. С. 172].

Оружие и конское снаряжение. Оружие представлено ограниченным количеством предметов, так как в рядовых мавзолеях его практически нет, а богатые — разграблены. Наиболее массовой категорией находок этой группы являются наконечники стрел (табл. 9, *2—58*). Все они принадлежат к типам, характерным для сарматских памятников IV—III вв. до н. э. [Смирнов К. Ф., 1961; Мошкова М. Г., 1963]. Преобладают трехлопастные и трехгранные стрелы с выступающей и скрытой втулкой. Найденный в слое Бабиш-Муллы 1 экземпляр двулопастного листовидного наконечника (табл. 9, *3*) вряд ли может служить основанием для «удревнения» всего набора бабишмуллинских стрел, укладывающегося в рамки IV—II вв. до н. э. Железные наконечники стрел единичны (табл. 9, *11*, *47*, *48*). Отсутствие археологически «закрытых» комплексов не позволяет надежно сузить датировки. Особый интерес представляет костяной наконечник из Бабиш-Муллы 1, имитирующий втульчатый бронзовый (табл. 9, *10*).

Единственный меч, найденный в кургане на городище Чирик-Рабат (табл. 9, *1*), по аналогиям из Приуралья, Западного Казахстана и других районов [Граков Б. Н., 1928, Рис. 1; Синицын И. В., 1952. Рис. 27; Смирнов К. Ф., 1964. Рис. 22, *40*; Мошкова М. Г., 1963. Табл. 18, *3*] датирован рубежом V—IV вв. до н. э.

Плохой сохранности и неясной формы кинжал обнаружен вместе с фрагментами пластинчатого железного доспеха (табл. 9, *59*, *60*) в круглом погребальном здании на Чирик-Рабате [Толстов С. П., 1962б. С. 148—150; Трудновская С. А., 1963]. Кинжал найден также в погребении Баланды 4.

Из предметов конского снаряжения встречены лишь один целый двудырчатый роговой псалий и один фрагментированный (Бабиш-Мулла 1; табл. 9, *61*, *62*).

Украшения. Наиболее полно комплекс украшений представлен в погребальных сооружениях, особенно в мавзолеях Бабиш-Муллы 2, Чирик 2, Асар, круглом и квадратном мавзолеях Чирик-Рабата. Здесь были найдены золотые, серебряные и бронзовые бляшки, серьги, подвески, перстни, пронизи, колокольчики, каменные скарабеоиды и халцедоновая ахеменидская печать (табл. 14). Особенно разнообразен и многочислен набор всевозможных бус: из стекла (крупные синие бусы с белыми глазками; такие же, обведенные красными ободками; мелкий синий бисер; подвески; табл. 14, *75*), бусы из стекла с внутренней позолотой, золота (массивные бусы с зернью; табл. 14, *11*, *12*, *35*), кости (бусины и подвески-пронизи цилиндрической и усеченноконической формы; табл. 14, *40*, *42*, *47*), камня (яшма, гагат, сердолик, янтарь, ляпис-лазурь, халцедон, черный камень с белым орнаментом).

Многие украшения, в том числе и бусы, имеют достаточно близкие аналогии в инвентаре раннесарматских (прохоровских) погребений Нижнего Поволжья и Южного Приуралья [Мошкова М. Г., 1963. Табл. 29, *1—4*; 30, *16*, *23*, *26*; 31, *12*, *16*; 32, *10—12* и др.]. Костяные подвески-пронизи почти тождественны находкам Актамского могильника в Фергане [Горбунова Н. Г., 1962. Рис. 3, *41*]. Бабишмуллинские серьги со вставками (табл. 14, *32*) очень близки экземплярам, обнаруженным в одном из ранних погребений Тулхарского могильника [Мандельштам А. М., 1966а. Табл. I; IX, *6*], а серьги с жемчужинками и веточками кораллов подобны семиреченским (могильник Коктул) [Акишев К. А., 1983, С. 140]. Все приведенные аналогии чирикрабатским украшениям укладываются в рамки IV—II—I вв. до н. э., а халцедоновая ахеменидская печать датируется V—IV вв. до н. э. [Трудновская С. А., 1963. С. 213].

хабада) есть керамический комплекс усадьбы, наиболее близкий жаныдарьинскому материалу. Баночные формы с подкосом там тоже отсутствуют. В. Н. Пилипко датирует этот памятник IV—III вв. до н. э.

Предметы туалета. Дошедшие до нас предметы туалета чирикрабатской культуры представлены костяными и бронзовыми туалетными ложечками, обломками деревянных точеных сосудиков типа античных пиксид (Бабиш-Мулла 2, Асар; табл. 7, *5*), костяными гребнями, бронзовыми зеркалами, обычно с утолщенным валиком по краю диска и боковой ручкой-штырем, реже — в виде плоских дисков с выпуклостью в центре и валиком вокруг нее (табл. 13, *13*, *14*). Часть из этих вещей находит аналогии в раннесарматских памятниках [Мошкова М. Г., 1963. Табл. 11, *20*, *26—28*], а деревянные пиксиды близки по форме костяным северопричерноморским, характерным с IV—III вв. до н. э. вплоть до рубежа нашей эры [Сокольский Н. И., 1971. Табл. XXVIII, *12*].

Особый интерес представляет набор костяных орнаментированных пластин и выточенных из слоновой кости небольших наверший и столбиков с глубокими кольцевыми пропилами, заполненными синей пастой. Все эти костяные детали украшали деревянную парадную шкатулку с усеченноконической крышкой (Баланды 1; табл. 13, *2—8*). Деревянные плоскости стенок шкатулки имели роспись (сохранились пятна алого цвета и следы позолоты) и были обложены с обеих сторон слюдой. Обнаруженные рядом со шкатулкой вещи составляли, очевидно, ее содержимое. Это были обломки золотых и серебряных ювелирных изделий, жемчужины, фрагменты маленьких стеклянных сосудов с росписью, позолотой и рельефными узорами (вероятно, сирийское производство). Поблизости от шкатулки найдена небольшая каменная скульптура фантастического зверя (табл. 13, *34*).

Предметы культа. Грубые лепные обожженные статуэтки, несомненно, связаны с весьма архаической местной традицией (табл. 13, *35*, *36*). Большинство из них схематически передает человеческое туловище с грубо выделенными конечностями, чаще всего без головы. Встречаются странно изогнутые части фигурок, но, может быть, это бракованные изделия, так как они найдены на месте их производства. Вместе с фигурками встречаются глиняные гладкие обожженные шарики. По размерам они могут соответствовать «головкам» статуэток, но все же назначение их неясно. Скорее всего это культовые предметы. Какую-то роль в культовых церемониях играли и курильницы из серого и светло-серого талька — салицитового сланца.

Несомненно, с местными верованиями связана и находка черепа собаки, раскрашенного пятнами красной краски (под стеной пристройки Бабиш-Муллы 1).

Для отождествления носителей чирикрабатской культуры с одним из известных по письменным источникам племен или народов существенное значение имеет не только географическое положение памятников этой культуры, но и ряд выводов, которые можно сделать на основании их изучения. Во-первых, преемственность чирикрабатского археологического комплекса по отношению к культуре саков низовьев Сырдарьи (Уйгарак, Южный Тагискен, «шлаковые» курганы и поселения), что предполагает по крайней мере значительное этническое единство населения с VII до II в. до н. э. на этой территории. Во-вторых, включение носителей чирикрабатской культуры в административно-хозяйственную систему Ахеменидской империи, что нашло свое отражение в постройке сатрапской резиденции (Бабиш-Мулла 1) и распространении на этой территории достижений строительного дела и гончарного ремесла из более южных районов державы. Разгром Ахеменидов Александром Македонским имел существенные последствия и для этого региона, хотя прямо не затрагивал его. Осталась недостроенной сатрапская резиденция, очевидно, прекратился приток ремесленников из южных районов, оборвались многие культурные связи, что повлекло явное огрубление и изменение традиций в строительстве и гончарстве. В третьих, полное исчезновение памятников чирикрабатской культуры в низовьях Сырдарьи ко II в. до н. э. (процесс этот мог происходить и ранее, но на материале изучаемого региона мы не имеем критериев для выделения в пределах III—II вв. до н. э. более дробных хронологических периодов). Связан этот процесс с изменением гидрографической сети Сырдарьинской дельты. Вероятность такого объяснения подтверждается отсутствием здесь памятников, преемственных по отношению к чирикрабатской культуре.

Учитывая все это, можно с достаточным основанием предложить отождествление комплекса чирикрабатской культуры с даями (дахами). Они появляются на исторической арене не позже середины I тысячелетия до н. э. [Ср.: Junge J., 1939. S. 71; Струве В. В., 1968. С. 61, примеч. 76]. Имя этого иранского кочевого племени Δαχi встречается у Геродота [I, 125], его отождествляют с daŋha Авесты [Jšt, 13, 143; Nyberg H. S., 1938. S. 249]. В качестве подданных Ахеменидской империи dahā упоминаются в «Антидевовской» надписи Ксеркса [XPh, 26; Herzfeld E., 1938; Струве В. В., 1968. С. 119] наряду с саками-хаумаварга и саками-тиграхауда. Последние две группы кочевых племен Средней Азии локализуются большинством исследователей на юго-востоке Средней Азии по соседству с Бактрией и Согдом: это саки-хаумаварга, или амюргийские, и к востоку от Каспийского моря — саки-тиграхауда, отождествляемые с массагетами [Литвинский Б. А., 1972б. С. 158—174]. В. В. Струве отождествлял dahā с «саками, которые за морем» Накширустемской надписи Дария I [DNa, 28—29; Струве В. В., 1968. С. 111], и «саками за Согдом» в надписях на документах основания дворцов Дария I в Персеполе и Экбатанах [Herzfeld E., 1938. S. 19; переводы: Струве В. В., 1968. С. 58; Абаев В. И., 1980. С. 36], а также со «страной саков, достигающей предела земли», или «саками болот и долин» из надписи на Суэцком перешейке [Струве В. В., 1968. С. 113, 114; Эдаков А. В., 1976. С. 91—97] и считал их саками-массагетами.

В настоящее время в науке господствует мнение об отождествлении «саков, которые за морем» с европейскими скифами [Литвинский Б. А., 1972б. С. 158]. Массагеты же по общему признанию локализуются к востоку от Каспийского моря. Открытие и исследование многочисленных памятников на Узбое и в Закаспии делают эту локализацию весьма обоснованной и соответствующей данным Геродота, Страбона и других древних авторов о массагетах за рекой Оксом (Араксом) к востоку от Каспийского (Гирканского) моря. С. П. Толстов [1961; 1962б. С. 136] связывал

территорию чирикрабатской культуры на Жанысдарье с апасиаками. Согласно данным письменных источников, апасиаки локализуются в низовьях каспийского рукава Амударьи.

Б. А. Литвинский [1960; 1972б. С. 169] предложил локализовать владения «саков, которые за Согдом», на правобережье средней Сырдарьи. Подобная локализация, на наш взгляд, противоречит устойчиво сохраняемым античной традицией сведениям о том, что Яксарт был границей державы Ахеменидов [Страбон, XI, XI, 4; Солин, X, IX, 6]. Страна «саков, которые за Согдом», определяет крайние северные или северо-восточные пределы Ахеменидской державы, так как она противопоставляется южному пределу — Кушу [Herzfeld E., 1926. S. 2107; Kent R. J., 1943. P. 305]. Интересные сведения о локализации кочевых племен сохранили сподвижники Александра Македонского. Они приводятся в описаниях его похода у Арриана и Квинта Курция Руфа. Согласно Арриану [IV, 5, 3—4], на север от Согдианы простирается «равнина около скифской пустыни», что дает основание считать Кызылкумы «Скифской пустыней». Если же учесть приведенные выше данные о недостроенной, очевидно, сатрапской резиденции в низовьях Сырдарьи, то можно локализовать там и владения «саков, которые за Согдом». У Квинта Курция [VII, VII, 32; VIII, I, 8] есть дополнительные сведения: скифы — союзники Спитамена, действующие в районе Мараканды и на севере Согда,— названы дагами, которые в свою очередь являются соседями Хорезма наряду с массагетами. Территория массагетов локализуется на запад от Хорезма. Поэтому, учитывая приведенные выше данные, есть все основания поместить даев (дагов) на восток от Хорезма, в низовья Сырдарьи, что подтверждает, как нам представляется, точку зрения В. В. Струве об их тождестве с «саками, которые за Согдом» [Струве В. В., 1968. С. 58, 113, 114]. Эта локализация согласуется и со сведениями Страбона [XI, 9, 2] о том, что даи первоначально (до их переселения к границам Парфии) жили «выше Меотиды» [6]. По Арриану, даи жили «за Танаисом» или «по Танаису», что опять же отвечает их локализации на Жанысдарье, бывшей в IV—II вв. до н. э., очевидно, главным дельтовым руслом Сырдарьи [7]. Переселение даев в Прикаспий, на границы Парфии, происходит в первой половине III в. до н. э. [Herrmann A., 1914. S. 48; Пьянков И. В., 1964. С. 124, 125]. Археологические материалы чирикрабатской культуры этому не противоречат, так как в III в. до н. э., после этапа II чирикрабатской культуры, памятники ее почти полностью исчезают на Жанысдарье, и к началу II в. до н. э. чирикрабатская культура заканчивает свое существование. Племена, населявшие берега Жанысдарьи, покидают свои земли в связи с изменением гидрографического режима дельты. Со II в. до н. э. основной сток в Аральское море происходит по системе более восточных и северных Пра-Кувандарьинских русел, где находилась территория племен джетыасарской культуры. Можно допустить, что переселение даев к границам Парфии произошло с согласия, а может быть, даже по приглашению Селевкидов. Даи были союзниками Александра [Арриан, V, 12, 2] и принимали участие в его Индийском походе [Квинт Курций Руф, VIII, XIV, V]. Вероятно, по традиции они сохранили союзнические отношения с Селевкидами и были поселены на северной границе Селевкидской державы для защиты от набегов других кочевых племен [8]. К тому же, это сдерживало самих даев и защищало владения Селевкидов от их вторжения [Толстов С. П., 1948б. С. 231].

[6] Об отождествлении в данном случае Меотиды с Аральским морем см.: *Gutschmid A.*, 1888. S. 31; *Бартольд В. В.*, 1965. С. 30.

[7] О локализации даев в этом же районе Приаралья в целом см.: *Литвинский Б. А.*, 1972б. С. 173. Там же сводка литературы.

[8] О взаимоотношениях дахов (даев) с массагетами в Прикаспии по данным археологии см. ниже (гл. четвертая. Раздел «Кочевники северо-западной Туркмении»). Обзор литературы по этому вопросу см.: *Литвинский Б. А.*, 1972б. С. 173.

Памятники джетыасарской культуры середины I тысячелетия до н. э.— середины I тысячелетия н. э.

Основной комплекс памятников джетыасарской культуры расположен в восточном Приаралье, в бассейне наиболее северных из древних русел нижней Сырдарьи — Кувандарьи и Пра-Кувандарьи, на обширной дельтовой аллювиальной равнине, обводненной озерами, речными разливами, изрезанной многочисленными дельтовыми протоками древней Кувандарьи. Южная граница распространения джетыасарских памятников проходит к северу от сухого русла Жанысдарьи (карта 1). Природные условия характеризовались здесь непрерывными изменениями гидрографических режимов дельтовых протоков. Джетыасарские памятники впервые были исследованы и выделены в отдельную культуру в 1946 г. [Толстов С. П., 1947г. С. 55—107; 1948б. С. 125—140]. Она получила название по имени урочища, где сосредоточено большинство памятников.

Области низовьев Сырдарьи, восточного и северо-восточного Приаралья известны не только как место контактов древнейших скотоводческих племен и земледельцев древних оазисов Средней Азии, но и как районы, игравшие значительную роль в этногенезе многих евразийских народов [Толстов С. П., 1947, С. 55—102; 1948б. С. 124, след.; 1950а; 1961. С. 143—145]. Обитателей джетыасарских городищ С. П. Толстов соотносил с племенем тохаров [Толстов С. П., 1948б. С. 125, 137—140; 1962б. С. 186—196; 1963]. Сама тохарская проблема чрезвычайно сложна и запутана. Учитывая степень изученности джетыасарской культуры, в настоящее время решить ее не представляется возможным. Многие исследователи связывают с районами восточного Приаралья еще одну из интереснейших и весьма сложных проблем — кангюйскую [Кляшторный С. Г., 1964. С. 166—179]. Представляется, что независимо от локализации центра Кангюя, районы распространения джетыасарской

культуры входили в это государственное объединение [Левина Л. М., 1971. С. 7; Андрианов Б. В., Левина Л.М. 1979. С. 96].

Общее историко-географическое изучение области, где распространены памятники джетыасарской культуры, началось лишь в XIX в. [Макшеев А. И., 1856. С. 516; Лерх П. И. 1868. С. XXII—XXXI]. Упоминания о джетыасарских городищах находим в относящихся к рубежу нашего века сообщениях членов Туркестанского кружка любителей археологии [Смирнов Е. Т., 1897. С. 11, 12; Симонов А. И., 1900; Руднев Н., 1900]. Но первые научные исследования джетыасарских памятников были осуществлены С. П. Толстовым лишь в 1946 г., а в 1948 г. он дал описание джетыасарской культуры с систематизацией ее материалов [Толстов С.П., 1948б. С. 125—140]. Так начались планомерные раскопки и разведки джетыасарских памятников: Джеты-асар 3 (Алтын-асар), Джеты-асар 9 [Толстов С. П., 1949. С. 246—254; 1950б. С. 521—531; 1952; 1954; 1958б; разведки: Толстов С. П., Жданко Т. А., Итина М. А., 1963. С. 31;Андрианов Б. В., 1969. С. 13, 14; Левина Л. М., 1971. С. 19]. С 1973 г. Хорезмская экспедиция возобновила систематические исследования джетыасарских городищ и погребений вблизи них [Левина Л. М., 1974; 1975; 1977; 1979а; 1980; 1981а; 1983; 1986; Яблонский Л. Т., 1983а]. Эти работы позволили уточнить первоначальную периодизацию, предложенную С. П. Толстовым, и внести в нее некоторые коррективы. Удалось выделить не менее трех крупных этапов в развитии джетыасарской культуры и определить верхнюю границу ее существования в рассматриваемом районе — до IX в. [Левина Л. М., 1967. С. 6; 1971. С. 10—86, 241]. В данном разделе речь пойдет лишь о памятниках первого этапа — Джеты-асар I.

Два последних этапа джетыасарской культуры (IV—VI и VII — конец VIII — начало IX в.) четко отличаются как от этапа I, так и друг от друга по материальной культуре, планировке городищ и их фортификации. Гораздо сложнее обстоит дело с памятниками этапа I, охватывавшими большой хронологический период и очень однородными по внешнему виду и материальной культуре (табл. 15, *1—10*). Остается неуточненной начальная дата джетыасарской культуры. Крайне затруднено также деление памятников этапа I на более дробные хронологические периоды не только из-за внешнего однообразия, недостаточной изученности культуры, но и потому, что даже на самых маленьких джетыасарских городищах культурные наслоения составляют многометровые толщи. Все это делает попытки хронологического деления внутри этапа I, как и определение начальной даты, предварительными. Основываясь на стратиграфии нескольких памятников, мы попытались разделить этап Джеты-асар I на три хронологических периода: Ia, Iб, Iв. Первый из этих периодов, вероятно условно, можно датировать временем в пределах с середины до конца I тысячелетия до н. э.; второй — последними веками до нашей эры—первыми веками нашей эры; третий — возможно, II—IV вв. Но это разделение носит гипотетичный характер.

С. П. Толстов возводил истоки джетыасарской культуры к началу железного века и отмечал аналогии между керамикой кизилкобинской культуры Крыма и джетыасарской [Толстов С. П., 1952. С. 23, 24]. Раскопки могильника Северный Тагискен выявили новые материалы, которые дают основания относить истоки джетыасарской культуры к концу эпохи бронзы.

ФОРТИФИКАЦИЯ, СТРОИТЕЛЬНАЯ ТЕХНИКА. В восточном Приаралье, к югу от современного русла Сырдарьи, известно 47 городищ джетыасарской культуры. Все они многослойные и хорошо укреплены. Многолетние разведывательные работы не выявили здесь неукрепленных поселений.

Все городища расположены в непосредственной близости от русел и окружены курганными полями. Судя по подъемному материалу и рекогносцировочным раскопкам, более $^2/_3$ ныне известных городищ могут быть отнесены к этапу Джеты-асар I (табл. 15).

Обычно пять-шесть небольших городищ, тяготеющих к одному протоку или участку русла и находящихся на расстоянии 2—8 км друг от друга, составляют группу, в которой одно городище выделяется своими размерами. Расстояния между городищами и между отдельными группами городищ позволяли передавать световые сигналы в случае опасности по всему урочищу.

Если на более поздних этапах культуры можно выделить несколько типов планировки городищ, то на этапе I планировка их удивительно однообразна.

Все джетыасарские городища этого времени представляют собой двухъярусное тобе округлой или овальной в плане формы, высотой 8—20 м над уровнем современной поверхности и площадью 0,5—10 га.

Ядро каждого городища, его верхняя площадка, составляет многослойный дом-массив с мощной и сложной фортификационной системой. Обычно верхняя площадка с трех сторон (реже — со всех сторон) окружена второй, более низкой площадкой, тоже обнесенной крепостной стеной. Степень исследованности городищ не дает возможности относительно полно представить первоначальный облик нижней площадки, но некоторые косвенные данные позволяют говорить о том, что в период Джеты-асар Ia на нижней площадке существовали значительные по размерам каркасные строения и, возможно, загоны для скота. Позднее, в периоды Iб и Iв, нижняя площадка, как и верхняя, была плотно застроена жилыми секциями. Вместе они составляли увеличенный по площади единый дом-массив. Лишь два городища имели и третью часть, пристроенную с севера и также огражденную мощными стенами. Исследования их наводят на мысль, что подобная пристройка могла быть сооружена в период Iб. Как показали раскопки на одном из таких городищ (Джеты-асар 2), в центре пристроенной третьей части первоначально был искусственный водоем, и лишь позднее его территория, подобно двум первым частям, была сплошь застроена жилыми секциями.

Все постройки возведены из блоков битой глины-пахсы неустановившегося стандарта и прямоугольных в плане сырцовых кирпичей большого формата.

Фортификационные сооружения периода Ia выполнены из пахсовых блоков, иногда в сочетании с кирпичной кладкой. Зафиксированы случаи, когда тонкие ряды пахсы, чередовавшиеся с рядами сырцовых кирпичей (50×30×9 и 60×30×9 см), были нарезаны

таким образом, что создавалось впечатление каменной кладки. Помещения этого периода большей частью имели сводчатые перекрытия. Своды сооружены из крупных трапециевидных в плане сырцовых кирпичей (45—50×23—25×25—30 см), положенных без наклона или же с незначительным наклоном и перевязкой колец. Помещения сообщались перекрытыми арками-проходами, углы которых были оформлены специальными лекальными кирпичами. Крупные помещения, дворы и, вероятно, постройки второй площадки имели плоские перекрытия. Деревянные столбы поддерживали кровлю. Дерево употреблялось и в дверных конструкциях.

В период Iб крепостные сооружения, как и платформы под ними, возведены только из рядов сырцовых кирпичей более мелкого формата (40—42×26—30×9—10 см). Сводчатые перекрытия башен сделаны из таких же крупных, как и в период Iа, трапециевидных кирпичей с небольшим наклоном колец. В отличие от более ранних, длинные стены башен и стрелковых коридоров сооружены таким образом, что каждый вышележащий ряд кирпичей стены слегка выступает вперед и помещение плавно сужается кверху до уровня пяты свода. Своды всех отсеков стрелкового коридора на городище Джеты-асар 12 — высокого подъема, возведены из сырцовых трапециевидных кирпичей того же формата, что и своды башен, но имеют гораздо больший наклон колец, сделаны чрезвычайно небрежно и без перевязки рядов колец.

Стены жилых помещений периодов Iб и Iв также построены из сырцового прямоугольного в плане кирпича (40×25; 40×30; позднее 40—42×26—30 см). Толщина стен такова, что речь может идти лишь о плоских перекрытиях. Лежанки (суфы), очаги, камины сооружены из поставленных на ребро сырцовых кирпичей или их обломков, а затем обмазаны глиняным раствором. При возведении суф ряд положенных на ребро кирпичей ставился лишь по краям лежанки, внутренность ее заполнялась комками глины, обломками кирпичей, различным мусором и поверху также обмазывалась глиной. В мелких перегородках в качестве каркаса применялось дерево. В конструкциях дверных проемов, помимо деревянных планок, в качестве дверного подпятника обычно использовалась суставная кость животного. Стены, полы помещений, очаги, суфы тщательно обмазывались глиной. При различных перестройках внутри жилой секции и в разделяющих их коридорах нижележащие планировки частично разрушались и плотно забивались кирпичным бутом. Гораздо реже в качестве нивелирующей подбутовки употреблялись кирпичные выкладки. В период Iв применялись закладки и выкладки из сырцового кирпича, квадратного в плане, иного формата (около 40×40 см).

Джетыасарская строительная техника, несмотря на внешне архаический облик, достигла высокого уровня, о чем свидетельствует хотя бы своеобразная конструкция сводов.

В слоях периодов Iб и Iв прослеживаются ухудшение качества строительства и явный упадок строительной техники, хотя прежние традиции сохраняются.

Все джетыасарские городища имели мощную оборонительную систему, при которой каждая площадка внутри городища была ограждена своими крепостными стенами. Раскопки позволили выявить динамику развития фортификационных сооружений на двух городищах — Джеты-асар 2 (Бедаик-асар) и Джеты-асар 12 (Томпак-асар). В последнем случае (речь идет о самом маленьком городище урочища) ядро — верхняя площадка городища овальной формы — первоначально было очень небольшим (примерно 25×50 м) и по периметру защищалось возведенной непосредственно на материке крепостной стеной. Стена эта имела ряд бойниц, расположенных на такой высоте от пола стрелкового коридора, которая предполагала стрельбу лишь в положении стоя или с использованием специальных деревянных помостов. Входной комплекс в период Iа находился на северной оконечности городища Джеты-асар 12 (табл. 16, *6*).

После перерыва жизни на памятнике, вероятно, в период Iб, к первоначальной крепостной стене снаружи пристроили выступающие башни, в плане прямоугольные с закругленными углами, две из которых фланкировали вход в крепость с западной ее стороны. Все башни были поставлены на пахсово-кирпичный цоколь, перекрыты сводами и снабжены бойницами (табл. 16, *3*, *4*).

Позднее, но, очевидно, в тот же период Iб, между выступающими башнями вдоль первоначальной крепостной стены была встроена сводчатая стрелковая галерея, возведенная отдельными глухими отсеками на кирпичной платформе, высота которой почти на 1 м превышала высоту цоколя западных башен. Стенами галереи была закрыта часть боковых бойниц башен. Спустя определенное время, было построено следующее кольцо стрелкового коридора, такого же узкого, также перекрытого сводами и поставленного на еще более высокую кирпичную платформу глухими отсеками. Затем была возведена еще одна оборонительная система со стрелковыми коридорами, пристроенная снаружи и целиком поглотившая более ранние башни. Позднее были выстроены новые, овальные в плане башни, частично на забутованных ранних фортификационных сооружениях, а частично — за внешними их пределами, путем многократной пристройки извне к крепостным стенам. Так, на городище Джеты-асар 12 удалось проследить до девяти крупных перестроек фортификационной системы крепости, совершенных по описанному принципу (табл. 16, *1*—*5*).

Не меньшее число раз подвергались кардинальной перестройке и оборонительные сооружения соседнего городища Джеты-асар 2. Первоначально овальное в плане ядро крепости, также небольшое (примерно 45×50 м), по периметру было защищено мощными стенами, возведенными непосредственно на материке из пахсовых блоков и сырцовых кирпичей (60×30 и 50×30 см). Крепостные стены были снабжены тремя или двумя рядами бойниц, расположенных в шахматном порядке, но нерегулярно. Внутри крепости в два этажа размещались узкие сводчатые помещения (табл. 15, *11*). Позднее к крепостным стенам снаружи были пристроены башни и стрелковые галереи на высоком цоколе, к последним — снова башни, но уже на более высокой платформе, а к этим башням приставлены новые крепостные стены и т. д. Фортификационные сооружения на городище Джеты-асар 2

неоднократно капитально перестраивались, при этом некоторые крепостные сооружения полностью закладывались и использовались лишь в качестве фундамента, другие — функционировали и дальше, к третьим пристраивались снаружи новые стрелковые коридоры.

Все крепостные стены исследованных городищ (за исключением некоторых башен Джеты-асар 12) имели однотипные бойницы примитивной прямоугольной формы, высотой на входе — 40 см, на выходе — 110—140 см, шириной 15—20 см, с небольшой площадочкой у внутреннего края и значительным уклоном снаружи. Подобные бойницы известны и на архаических городищах типа Кюзелигыр [Толстов С. П., 1958а. С. 144. Рис. 54; 55], и на многих раннесредневековых среднеазиатских крепостях. Лишь в выносных башнях городища Джеты-асар 12 встречен иной тип бойниц — трапециевидной формы с закругленным узким верхом и широким основанием.

Что представляли собой в период Iа оборонительные сооружения изначального входного комплекса рассматриваемых городищ, восстановить сейчас трудно. Однако можно говорить, что в крепостных стенах на высоте 3,5—5 м и более существовали лазы, явно предусматривающие приставные лестницы, и системы ловушек с использованием ложных бойниц.

Вероятно, в период Iб на городище Джеты-асар 12 входной комплекс защищался двумя фланкирующими башнями.

ЖИЛИЩЕ. Как было сказано, джетыасарские городища представляют собой крепости со сплошной внутренней застройкой. Но степень изученности этих городищ не дает пока достаточно четкого представления об их первоначальной планировке в период Iа. Однако последние раскопки джетыасарских памятников рассматриваемого этапа позволяют говорить о двух типах самой ранней внутренней планировки городищ, правда, существовавших, вероятно, неодновременно. Так, известно, что на верхней площадке городища Джеты-асар 2 внутри первоначальной крепости были ряды длинных узких сводчатых помещений, частью в два этажа, сообщавшихся друг с другом арочными проходами. А на городище Джеты-асар 12, очевидно, в том же периоде Iа, но чуть позже, имелась планировка в виде системы параллельных и перпендикулярных оборонительным галереям жилых коридоров, больших квадратных в плане помещений и дворов (табл. 16, *6*). Все они были возведены на пахсово-кирпичной платформе, построенной строго с учетом будущей планировки. Судя по характеру кирпичных стен и внутреннему заполнению, жилые помещения имели сводчатые перекрытия, а во дворе вдоль стен были сооружены деревянные навесы. Вторая же низкая площадка обоих упомянутых городищ, вероятно, была частично застроена крупными помещениями с плоскими перекрытиями типа сараев и дворов.

Из-за отсутствия больших раскопанных площадей пока невозможно проследить динамику развития жилой планировки внутри первоначального ядра на безусловно ранних памятниках, подобных городищу Джеты-асар 2. К тому же, очевидно, существовал и переходный период, когда часть ранних помещений продолжала бытовать, а часть была забутована и использована в качестве фундамента для помещений иной планировки — с высокими и узкими суфами по периметру стен, с двухкамерными очагами и каминами.

Вероятно, к периоду Iб относится появление совершенно иной внутренней планировки, которая без значительных изменений существовала и в период Iв, а возможно, и позднее. Эта планировка хорошо прослежена на раскопанном широкими площадями городище Джеты-асар 12. Здесь, на разрушенных до определенного уровня и плотно забутованных помещениях ранней планировки, было построено множество однотипных жилых секций. Вся внутренняя территория высокой площадки городища оказалась разделенной на две половины меридионально расположенным узким коридором. Более дробное деление создавалось отходящими от него под прямым углом несколькими короткими боковыми коридорами, в свою очередь связанными неширокими проходами с одной или несколькими жилыми секциями. Секции состояли из двух-трех функционально различных помещений (табл. 16, *3—5*). Интерьер основного жилого помещения — с низкими широкими суфами вдоль двух (реже — трех) стен и центральным открытым очагом — чрезвычайно характерен для всех последующих слоев периодов Iб и Iв (табл. 17). Такая же секционная планировка с типовым интерьером основного жилого помещения отмечается и для внутренней застройки второй низкой площадки в периоды Iб и Iв. Но расположение самих секций в этих случаях диктуется конфигурацией внутренних и внешних крепостных стен (радиально или по периметру).

Почти каждая секция была соединена с каким-либо одним отсеком стрелкового коридора, используемого в мирное время, очевидно, в качестве дополнительного жилого или хозяйственного помещения. После возведения второго и третьего колец стрелковых коридоров функции жилого и хозяйственного помещения для отсеков более ранних стрелковых коридоров оставались единственными (табл. 16, *3—5*; 17, *1—3*).

На всем протяжении дальнейшей жизни на городище, в периоды Iб и Iв, жилые секции внутри многократно перестраивались, менялись число и расположение помещений, их размеры и конфигурация, но основная площадь каждой секции оставалась неизменной. Капитальные перестройки внутри одной секции обычно не совпадали по уровням и количеству с соседними. Вероятно, уже в период Iв помещения внутри многих секций часто располагались на разных уровнях и сообщались друг с другом узкими лестничными проходами (табл. 17, *1—5*, *7*, *11*).

Основные или главные жилые помещения в каждой секции — всегда самые большие по площади — имели в центре открытый очаг, обычно овальный или прямоугольный в плане, с закругленными углами, углубленный ниже уровня пола, с глиняными бортиками, часто соединенными маленькими дугообразными глиняными валиками с предвходовыми валикообразными краями суф, расположенных вдоль стены по обе стороны прохода. Вместе с такими же маленькими валиками, отделяющими торцовые части суф от прохода в помещение, очаговые валики отделяли предвходовое пространство, получившее название «лоткового входа». В местах соединения этих валиков с бортиками очагов помещались два симметрично

расположенных «рогатых» кирпича усеченноконической формы, или «очажные подставки» (табл. 17, *2—15*). Низкие и широкие суфы чаще всего строились вдоль двух противоположных стен и в центральной части перерезались проходами. От проходов площадь суфы отделялась невысокой загородкой, изготовленной или из поставленных на длинное ребро сырцовых кирпичей, дополнительно обмазанных глиной, или на каркасе из дерева и прутьев, также обмазанных глиной. Иногда на суфе (ширина обычно 1—1,3 м, высота 10—20 см) помещался пристенный очаг-камин с отражателем из поставленного на ребро кирпича. В основных жилых помещениях встречались подставки для зернотерок в виде своеобразных спиралевидных в плане глиняных конструкций, которые, как и специальные сырцовые сосуды (зернохранилища), неоднократно отмечены в интерьере основного жилого помещения каждой секции.

Существовала иная планировка основного жилого помещения секции, зафиксированная примерно на трети всех раскопанных секций городища Джеты-асар 12. При этом варианте внутренней планировки основного жилого помещения проход в него располагался не в центре одной из стен, а в углу (так называемый скользящий проход). Предвходовое пространство, своеобразный тамбур, отделялся от остальной площади помещения высокой (1,5 м и более) узкой кирпичной стеночкой (длина 1,5—2 м). Вдоль трех стен помещения тянулась П-образная суфа, более узкая и высокая, чем суфы в помещениях с первой планировкой. В центре помещения располагался углубленный ниже уровня пола открытый очаг, круглый в плане, с высокими бортиками и пристроенной трапециевидной в плане площадочкой, на которой поставлены две «очажные подставки» усеченноконической формы (табл. 17, *7*, *8*, *11*, *12*).

При неоднократных перестройках внутри основного жилого помещения секций в первую очередь обычно менялись местоположение и размеры суф. Что же касается центрального очага, то даже при капитальных перепланировках изменялась лишь ориентировка его длинной оси, но центр оставался неизменным.

Помимо основного жилого помещения, в каждой секции были и одно-два подсобных, возможно, также жилых, но совмещавших и хозяйственные функции. Внутреннее пространство этих помещений, как правило, было занято несколькими пристенными очагами, хозяйственными ямами, выгородками-хранилищами. Часто в качестве емкости для хранения (обычно зерна) использовались большие толстостенные сосуды из необожженной глины, овальные или круглые в плане. Эти сырцовые сосуды характерны для джетыасарской культуры и встречены на всех ранних памятниках во всех строительных горизонтах и периодах. Иногда в подсобных хозяйственно-жилых помещениях были и невысокие лежанки-суфы, на которых часто находились одно- или двухкамерные очаги. Размеры площадей, занимаемых разными секциями, варьируют в незначительных пределах.

Исследование секционной планировки слоев периодов Iб и Iв при уже отмеченном ее однообразии позволяет говорить и об относительном имущественном равенстве населения этих маленьких крепостей. Незначительные различия в деталях суф, очагов и т. д. носят скорее хронологический характер, но окончательное выяснение этого вопроса — дело будущего. Однако уже теперь ясно, что в течение всего времени существования типовой секционной планировки одна из жилых секций, не разделенная на отдельные отсеки, служила культовым или общественным помещением. В середине такого относительно крупного помещения находился глубокий очаг, вокруг которого располагалась часто круглая в плане суфа, занимавшая бóльшую часть помещения. По форме очаг аналогичен очагам в основных жилых помещениях второго варианта планировки (табл. 17, *15*). Подобные общественные или культовые помещения вначале располагались у северного конца центрального меридионального коридора городища Джеты-асар 12, непосредственно перед входом в северную башню городища. Позднее на месте этого помещения находилась обычная жилая секция, а аналогичное общественное или культовое помещение было сооружено рядом с восточной башней и соединено с ней. Через значительный промежуток времени на месте и этого помещения была построена обычная жилая секция, а перед входом в северную башню вновь возведено общественное или культовое помещение.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ И ОБРЯД. Вокруг каждого джетыасарского городища располагается могильник, насчитывающий сотни и тысячи погребальных сооружений, которые представлены двумя видами — подкурганными грунтовыми захоронениями и склепами (табл. 18).

Курганные насыпи практически не сохранились и выявляются на современной поверхности в виде цветовых пятен или концентрации растительности во рвах, окаймлявших курганы. Диаметры рвов варьируют в пределах 8—20 м. В южной их половине имелась перемычка (ширина 1,2—2 м). Под каждой насыпью находилась обычно одна могила, но неоднократно отмечены случаи с двумя или более грунтовыми захоронениями (табл. 18, *9—24*). Могильные ямы ориентированы длинной осью по линии север—юг. В подавляющем большинстве случаев в восточной стене могильной ямы были небольшие ниши, где устанавливалась часть сосудов и лежали кости животных (баранов или коров). В нескольких могильных ямах по периметру были выкопаны небольшие и неглубокие ровики (табл. 18, *19*, *20*). Простые могильные ямы без ниш и ровиков единичны (табл. 18, *18*). Тело погребенного, завернутое в камышовую циновку, клали на подстилку из коры или переплетенного камыша в вытянутом положении на спине, головой на север. Погребальный инвентарь составляют один — три сосуда, при этом обязательны «кухонный» горшок, кувшин, кружка или чаша. Часть сосудов находилась в нише, часть — в ногах погребенного. Но отмечены случаи, когда сосуды (обычно горшки или кувшины) были поставлены около головы покойного. В погребение воина, помимо ножа и кинжала, нередко клали сложный лук с костяными концевыми и срединными накладками и стрелы. В женских погребениях часто встречаются бронзовые зеркала, брусочки мела, речные раковины, серьги, бусы, браслеты.

Вторую группу джетыасарских погребальных сооружений составляют склепы, которые подразделяются на два типа — подземные и наземные. Склепы

обоих типов сооружены из прямоугольного в плане сырцового кирпича и перекрыты кирпичными сводами.

Подземные склепы (табл. 18, *1—4*, *6—8*) представляют собой кирпичную камеру, встроенную в специально вырытый котлован. Прямоугольная (в среднем 5,5×4 м) или квадратная (5×5 м) в плане камера углублена в землю более чем на $^3/_4$ высоты (т. е. не менее чем на 1,6 м от уровня современной поверхности) и перекрыта поверх кирпичного свода земляной насыпью. В нескольких случаях удалось проследить идущую над стенами и частично над сводом камеры выкладку из двух горизонтально положенных рядов кирпичей, перекрытых земляной насыпью. Внешние края выкладки отстояли на 3,5—4,5 м от линии стен камеры. Внутренняя часть камеры в плане прямоугольна (в среднем 3,6×2 м), вдоль двух или трех ее стен располагались суфы-лежанки. С южной стороны в камеру вел коридорообразный арочный ступенчатый проход, выступающий на 1—1;5 м за пределы стен склепа. Своды склепов сооружались из трапециевидного сырцового кирпича (40×25×20×8; 42—46×24—25×27—28×9—10 см) наклонными отрезками. Пяты сводов обычно находились на высоте 1—1,1 м от уровня пола, а замки сводов — на высоте 1,8—2 м от пола. Полы, стены и суфы внутри камеры тщательно обмазывались глиной.

Погребенных, завернутых в войлочные кошмы или камышовые циновки, клали на суфы в вытянутом положении на спине. Рядом с ними на суфах и на полу размещали погребальный инвентарь: керамику, орудия труда и оружие. Около женщин клали брусок мела, раковины, бронзовое зеркало, обычно в матерчатом чехле. На полу между суфами разжигали огонь.

Склепы использовались для неоднократных захоронений, в каждом склепе было несколько погребенных. После каждого захоронения арочный проход закладывался кирпичами и замазывался.

Наземные склепы (табл. 18, *5*), также прямоугольные в плане (9×6 м), с коридорообразным входом с южной стороны, выступающим на 1,5 м за пределы стен камеры, были поставлены на уровне древнего горизонта на стилобат (высота до 80 см) из пахсовых блоков и нескольких рядов сырцовых кирпичей (40×30×9 см). Вдоль стен внутри камеры (5,6×2,6 м) сооружались высокие лежанки-суфы. Арка входа образована постепенным наплывом кирпичей и толстым слоем глиняной обмазки. Возможно, что и наземные склепы перекрывались земляными насыпями. Судя по остаткам камышовых циновок, погребенные в наземных склепах также помещались на суфах.

Погребенные в склепах обоих типов сопровождались, вероятно, богатым набором инвентаря. Но все исследованные склепы ограблены в древности, причем, судя по положению некоторых костяков, ограбление совершалось вскоре после захоронения. Однако в некоторых склепах уцелели остатки одежды с серебряными и бронзовыми бляшками, нашивками из позолоченной кожи, украшения из золота, серебра, бронзы. В одном случае сохранились остатки матерчатого головного убора, расшитого и украшенного металлическими бляшками, подвесками и стеклянным бисером.

Были ограблены в древности и грунтовые подкурганные могилы. Так, из 34 раскопанных курганов в могильнике близ городища Джеты-асар 12 лишь четыре погребения не потревожены грабителями. Все это чрезвычайно затрудняет сравнение погребального инвентаря с материалами из культурных слоев городищ и заставляет обратить особое внимание на местоположение каждого погребального памятника. Расположение их на берегах более ранних или более поздних протоков и каналов, на береговых валах или в ложе русел, перекрытие одних курганов другими — все это позволяет судить об относительной хронологии погребений.

Судя по погребальному инвентарю, захоронения в простых могильных ямах совершались уже в период Джеты-асар Iа.

В таких же ямах, с той же ориентировкой и набором инвентаря продолжали хоронить и в периоды Iб и Iв.

Начало строительства склепов относится, вероятно, к более позднему времени. Параллели в строительной технике и сохранившийся инвентарь погребений подземных склепов дают возможность датировать их строительство периодом I в. В наземных склепах не сохранилось никакого погребального инвентаря, однако аналогии строительной технике позволяют предполагать, что возводить их могли также в период Iв, возможно, в конце его.

По антропологическому типу население Джетыасарского урочища относилось к европеоидам. Во всех захоронениях периодов Iб и Iв зафиксирована сильная «башенная» деформация черепов.

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА. Керамика. Материальная культура древнего населения Джетыасарского урочища отличается своеобразием, что проявляется прежде всего в керамическом производстве. Существование гончаров не вызывает сомнения, поскольку обнаружены гончарные обжигательные печи. Они строились в стороне от жилья, в брошенном доме или вне стен городища. Керамика — наиболее массовый и выразительный материал джетыасарской культуры. Для нее, как и для всей культуры в целом, характерны необычайная целостность и своеобразие комплекса, устойчивость пропорций, орнаментальных приемов, особый архаизм и консерватизм, распространяющиеся на все формы посуды и проявляющиеся на всем протяжении существования культуры в данном районе.

Хотя нельзя с уверенностью указать нижнюю дату джетыасарской культуры, следует отметить находки в соседнем могильнике Тагискен (конец эпохи бронзы и ранний железный век) некоторых форм керамики, обнаруживающих безусловные генетические связи (по форме, выделке, орнаментации) с отдельными характерными типами джетыасарских сосудов.

Вся джетыасарская керамика делится на две группы: 1 — сосуды напольного обжига, грубой лепки, с небрежно промешенным и слабо отмученным тестом, безусловно, домашней выработки; 2 — сосуды горнового обжига, с хорошо промешенным и отмученным тестом, в большинстве случаев выполненные ручной лепкой при помощи вращающейся подставки, ремесленного производства. Основная масса сосудов изготовлена ленточной техникой. Исследование керамики джетыасарской культуры не оставляет сом-

нения в том, что носители ее были знакомы с гончарным кругом (о чем говорят находки единичных типичных по форме и отделке сосудов, сделанных на таком круге), но по каким-то причинам практически не пользовались им, а применяли укрепленную подставку и изредка — круг медленного вращения для подправки отдельных частей.

Сосуды группы 1 (несколько сотен) имеют ангоб серого цвета и следы копоти на поверхности. Основную массу их составляют горшки с плоским дном, диаметр которого равен или (чаще) гораздо меньше диаметра края. Простой край обычно чуть утолщен или заканчивается маленьким венчиком. Прямое горло иногда отделено от тулова четко выраженным уступом или валиком (одним или несколькими). Большинство горшков не орнаментировано, но уже в слоях периода Iа найдены сосуды с насечками по бережку (табл. 19, *2*, *3*, *22*, *23*, *25*), а также сосуды с орнаментом на тулове или плечиках в виде налепных шишечек (одной-трех) и полулунных валиков, иногда сочетающихся с шишечками (табл. 19, *1—5*, *12—15*, *24—28*, *37*). Подобные по форме горшки распространены чрезвычайно широко, но близкие пропорции, технология изготовления встречаются прежде всего в материалах тасмолинской культуры Центрального Казахстана [Кадырбаев М. К., 1966. Рис. 61], памятников савроматского и раннесарматского времени Южного Приуралья и Поволжья [Смирнов К. Ф., 1964. Рис. 61, *8*, *10—13*, 62, *5—20*; 63, *10—16*; Мошкова М. Г., 1963. Табл. 7, *21*, *22*], памятников того же времени Северного Кавказа (например, на Змейском поселении) [Крупнов Е. И., 1960. Табл. XXIII, *4*]. Аналогичный налепной орнамент известен по малоазийским и северокавказским материалам с бронзового века, широко распространен в скифское время на обширной территории от западной Монголии и Алтая и бытует в отдельных районах (в том числе на Северном Кавказе и в восточном Приаралье) вплоть до средних веков [Левина Л. М., 1971. С. 66, 67].

Описанные горшки группы 1 самых различных размеров (табл. 19, *1—32*, *37*, *38*) составляют абсолютное большинство посуды, встреченной в слоях периода Iа. Среди других форм керамики группы 1 в слоях периода Iа следует отметить кружки той же формы, что и горшки, но с одной прикрепленной к краю вертикальной ручкой (рис. 19, *39—42*), глубокие миски, своеобразные сковороды-жаровни овально-прямоугольной в плане формы и дисковидные крышки (рис. 19, *33—36*).

В слоях периодов Iб и Iв найдены сосуды всех названных форм группы 1, но количество их гораздо меньше, чем сосудов группы 2. Орнаментация горшков та же, что и у сосудов периода Iа, но значительно увеличивается число горшков с налепным орнаментом в виде полулунных валиков и шишечек на тулове. В слоях периода Iб получают широкое распространение открытые с одной стороны жаровни овально-прямоугольной формы с двумя-тремя налепными шишечками на бортике (табл. 19, *48*).

В слоях периода Iв число таких жаровен еще более увеличивается, некоторые из них дополнительно украшены рядами насечек по бережку (табл. 19, *49*, *50*, *55*). К концу периода Iв появляются горшки с венчиками, увеличенными в размерах по сравнению с более ранними. Венчики слегка вытянуты, часто орнаментированы снаружи рядами насечек. Тогда же распространяются невысокие, широкие в основании котлообразные сосуды, иногда орнаментированные налепным узором, имитирующим металлические ручки (табл. 19, *46*, *47*). В самых верхних слоях периода Iв и в начале этапа II появляются сосуды, полностью повторяющие форму металлических гуннских котлов (табл. 19, *43*).

Сосуды группы 2 (горнового обжига) представлены значительно большим количеством форм. В процентном отношении к концу этапа I доля их в несколько раз больше, чем сосудов группы 1.

Находки наиболее крупных сосудов группы 2, типа горшков и горшковидных хумчей, отмечены во всех периодах рассматриваемого этапа. Снаружи они покрыты густым красно-коричневым ангобом и лощением. Все они имеют раздутое, близкое к шаровидной форме тулово, прямое горло, маленький венчик, диаметр которого в полтора—два раза превышает диаметр днища. Часть этих сосудов снабжена прикрепленными к краю вертикальными ручками (табл. 20, *1—10*, *14—21*).

Подобные сосуды периода Iа отличаются от таких же из слоев периодов Iб и Iв более высоким прямым горлом, гораздо резче отделенным уступом или валиком от тулова (рис. 20, *5—10*).

Бытовали и горшки с невысоким горлом и относительно широким дном (диаметр иногда почти равен диаметру края), ручками-ушками на плечиках. Часть их орнаментирована по тулову и плечикам резными волнистыми или зигзагообразными линиями, иногда в сочетании с точечными и пунсонными вдавлениями (рис. 20, *11*, *19—21*). В конце периода Iв у этих горшков появляется несколько более крупный венчик с рифлением снаружи или четкой профилировкой одной или двумя ложбинками по наружной стороне. Аналогична профилировка кольцевидных ручек, прикрепленных на верхней части тулова (рис. 20, *18*).

Характерные для джетыасарского керамического комплекса фляги (сосуды для перевозки жидкостей) фиксируются с конца периода Iа. Внешний вид их, за исключением небольших деталей, почти не меняется до конца этапа I (табл. 20, *22—27*). Фляги имеют яйцевидное тулово (форма которого напоминает характерные джетыасарские кувшины), плоский бок относительно большого диаметра, прямое горло, отделенное от тулова уступом или валиком, и маленький венчик с одним или двумя сливами по краю.

Наиболее распространенной формой среди джетыасарских сосудов группы 2 были кувшины. На всех этапах большинство их покрыто густым красно-коричневым ангобом и лощением, но встречено значительное число сосудов с темно-серым, иногда почти черным ангобом и лощением. В период Iа все кувшины имели раздутое тулово, прямое высокое горло, отделенное от тулова четким уступом или одним-двумя валиками, простой край либо обычный маленький треугольный или округлый в сечении венчик с одним (при наличии ручки), двумя сливами по краю. По форме тулова можно различить два типа кувшинов: с шаровидным и яйцевидным корпусом. Тулово кувшинов иногда украшено нелепными шишечками или

валиками (табл. 21, *24—27*), а для горла характерно горизонтальное рифление (табл. 21, *2*, *11*, *22*, *28*, *31*, *36*). Наряду с кувшинами с одной вертикальной ручкой существовали экземпляры с двумя ручками, посаженными на плечики шаровидного тулова (табл. 21, *36*, *37*).

Фрагменты подобных кувшинов — довольно частая находка среди керамики соседней чирикрабатской культуры этапа II (вторая половина IV—III в. до н. э.).

В слоях периода Iб распространяются кувшины с несколько иными пропорциями яйцевидного тулова (более широкое дно) и со светлым ангобом на поверхности. Единичные находки таких кувшинов отмечены в культурных слоях соседней чирикрабатской культуры этапа III, датируемого III—II вв. до н. э.

Для того же периода отмечено появление кувшинов с характерным мелким горизонтальным рифлением на тулове и одним или двумя горизонтальными валиками на горле (табл. 21, *4*, *5*, *18*). Часть этих кувшинов, в отличие от таких же, найденных в слоях более позднего времени, изготовлена на ножном гончарном круге.

Близкие по форме кувшины с рифленым туловом и валиком на горле известны в верховьях р. Арысь, в нижнем слое городища Актобе 2 близ Чардары [Вайнберг Б. И., Левина Л. М., 1968. С. 58. Рис. 24, *2*].

Вероятно, к концу периода Iб и началу периода Iв относятся небольшие кувшины с плавным переходом от горла к тулову (без уступа или валика), характерным покрытием поверхности ангобом красного цвета, но столь низкого качества, что он напоминает плохо положенную «пачкающуюся» краску.

Период Iв знаменуется появлением кувшинов с более вытянутым туловом и венчиком, имеющим желобок по наружной стороне. К самому концу периода Iв относятся единичные экземпляры кувшинов с рифленым венчиком (табл. 21, *11*, *32*, *33*), а также с геометрическим лощением поверх серого ангоба (табл. 21, *35*).

Миски и чаши также широко представлены в культурных слоях джетыасарских городищ и в погребальных памятниках. Все они открытые, полушарной формы, с плоским или уплощенным дном. Как и все другие сосуды группы 2, миски и чаши покрыты густым красным или темно-серым ангобом и залощены.

Стенки мисок и чаш обычно гладкие, но в слоях периодов Iа и Iб встречены такие сосуды с вертикальными глубокими полосами или вертикальным рифлением снаружи, обычно с хорошим, «зеркальным», лощением (табл. 22, *36*, *37*, *50*, *64*, *65*). Для периодов Iб и Iв отмечено несколько мисок с дисковидным поддоном (табл. 22, *58*, *59*).

Кружки на джетыасарских памятниках — почти такая же частая находка, как кувшины. Все они тонкостенные, хорошо залощены, с серо-черным или густым красно-коричневым ангобом, нанесенным с обеих сторон. Большинство кружек имеет близкое к шаровидной форме тулово с уплощенным или плоским дном, диаметр которого в несколько раз меньше диаметра края. Сам край или маленький венчик выделен снаружи прочерченной горизонтальной полосой. На некоторых кружках полосой отделена от тулова и прямая шейка. Кольцевидная ручка, иногда с небольшим выступом в верхней части, прикреплялась к средней части тулова (рис. 22, *15—23*). Уже в слоях периода Iа в центре днища появляется пальцевая вмятина (табл 22, *16*, *18—20*). Большинство кружек не орнаментировано, но в слоях периодов Iа и Iб на отдельных экземплярах встречается такое же, как на мисках и чашах, вертикальное рифление с тщательным «зеркальным» лощением поверх темно-серого и черного ангоба (табл. 22, *36*, *37*, *50*). Уже в материалах периода Iа есть кружки обычной формы, но с резным геометрическим орнаментом на верхней части тулова (табл. 22, *44*). Орнаментированные подобным образом кружки бытуют на протяжении всех периодов рассматриваемого этапа (табл. 22, *43—49*).

В слоях периода Iб появляются единичные светло-ангобированные кружки горшковидной формы с относительно широким дном (табл. 22, *38*, *41*), которые имеют аналогии в материалах нижних слоев среднесырдарьинских культур [Левина Л. М., 1971. С. 132. Рис. 44, *70*]. Характерные джетыасарские сероангобированные лощеные кружки с шаровидным туловом и маленьким выделенным снаружи венчиком в небольшом количестве встречены в материалах последнего этапа (до II в. до н. э.) соседней чирикрабатской культуры.

Возможно, к концу периода Iб или началу периода Iв относится появление кружек с усеченноконическим туловом, прикрепленной к средней части тулова кольцевидной ручкой, покрытых, как и кувшинчики, легко снимающимся красным ангобом или краской (табл. 22, *24—26*). Край горла у них выделен линией, прочерченной снаружи.

Небольшие горшковидные сосуды горнового обжига зафиксированы во всех культурных слоях городищ и погребальном инвентаре. Большинство имеет раздутое тулово, прямое горло, отделенное от плечиков уступом или валиком (табл. 22, *9—12*). Часть таких горшков из ранних слоев изготовлена на гончарном круге.

Вероятно, к периоду Iа можно отнести небольшие кувшиновидные горшки с биконическим туловом, высоким горлом, отделенным от тулова обычным уступом или валиком (табл. 22, *87*), покрытые серым ангобом и лощением, иногда с резным геометрическим орнаментом на плечиках. Эти сосуды находят аналогии на обширной территории от Монголии до крымских степей в материалах памятников скифо-сарматского времени [Novgorodova E. A., Volkov V. V., Korenevskij S. N., Mamonova N. N., 1982, Abb. 53, *3*; 63; 65, *15c*; Грач А. Д., 1980. Рис. 49, *5*; Мошкова М. Г., 1963. Табл. 6, *36*; Крис Х. И., 1981. Табл. 31, *10—12*].

Уже в нижних слоях джетыасарского комплекса встречаются сосуды, украшенные резным пояском из штрихованных и незаштрихованных треугольников, со сплошным и зонным штампованным орнаментом, в частности, с полосой треугольных штампованных вдавлений, пунсонным и резным зигзагообразным узором (табл. 22, *51—56*, *70—85*). Сосуды с подобной орнаментацией есть и в слоях этапа II. Это прежде всего относится к сосудам с геометрическим орна-

ментом в виде сочетания прямых и зигзагообразных линий.

В культурных слоях городищ и погребальных комплексах периодов Iб и Iв довольно часто встречаются кувшины и кружки, снабженные ручками с зооморфными налепами или в виде зверька с проработанными лапами и даже пальцами (табл. 25, *1—30*).

За исключением керамики, весь остальной вещевой комплекс джетыасарской культуры связан главным образом с периодами Iб и Iв. Это объясняется рядом причин и в первую очередь тем, что верхние слои городищ исследованы несравненно лучше нижних. Кроме того, более поздние погребальные памятники выявляются намного легче и раскопаны в гораздо большем количестве, чем часто перекрытые ими ранние.

Оружие, конская упряжь. На джетыасарских памятниках найдены бронзовые, костяные и железные наконечники стрел (табл. 23, *1—36*), костяные накладки сложного лука, плохо сохранившиеся кинжалы. Немногочисленные бронзовые втульчатые трехлопастные наконечники аналогичны характерным для прохоровской культуры IV—II вв. до н. э. Редки и находки небольших железных черешковых трехлопастных наконечников. Они встречены в верхних горизонтах городища Джеты-асар 12 (период Iв) и в двух погребениях могильника Джеты-асар 12. В отличие от бронзовых и железных наконечников, костяные распространены достаточно широко и в погребениях, и в культурных слоях городищ. Все они тщательно залощены и отполированы. Некоторые имеют пулевидную форму (рис. 23, *22*, *23*). Один мелкий черешковый трехгранный наконечник является полной копией такого же бронзового. Но основная масса находок представлена черешковыми наконечниками с ромбовидным или трехгранным сечением пера, иногда с двумя лопастями, часто с насечками на выступающем черешке (табл. 23, *1—21*). Ареал и хронологический период бытования костяных наконечников описанных типов очень широки: от VIII—VII вв. до н. э. почти до середины I тысячелетия н. э., от Западной Сибири до прикамских и причерноморских районов [Бернштам А. Н., 1952. С. 307. Рис. 133; 1956; Грязнов М. П., 1956а. С. 45, 79, 115; Збруева А. В., 1952. С. 29. Табл. 19, *28*; Киселев С. В., 1951. С. 252. Табл. XXVI, *18*; Кожин П. М., 1972. С. 83. Рис. 3, *22*; Кызласов Л. Р., 1960. С. 87, 173; Мелюкова А. И., 1964. Табл. I, *A20*; Мошинская В. И., 1965. С. 41, 49. Табл. 1, *17*, *18*, *30*; Мошкова М. Г., Генинг В. Ф., 1972. С. 94, 109, 111. Рис. 5, *6*, *7*; 6, *8*; 7, *3*; Членова Н. Л., 1967. С. 264. Табл. 14, *36*, *42—45*]. Наиболее близкие джетыасарским костяные наконечники найдены среди материалов второго этапа (V—III вв. до н. э.) тасмолинской культуры Казахстана [Кадырбаев М. К., 1966. Рис. 66, *29—31*].

Джетыасарские костяные наконечники стрел, как и костяные накладки луков, встречены в слоях периодов Iб и Iв.

На городище Джеты-асар 12 в одном из помещений жилой секции, стратиграфически относимой к периоду Iв, обнаружена халцедоновая скоба для прикрепления ножен меча (табл. 23, *66*). Находки подобных скоб многократно зафиксированы на территории Дальнего Востока (Корея), в погребениях эпохи Хань, и в районах Поволжья — в погребальных памятниках сармат [Jetts W. P., 1926. P. 197—201; Rau P., 1927. S. 39; Кушева-Грозевская А., 1929. С. 160—165; Rostovcev M., 1930. P. 339, 341; Синицын И. В., 1936. С. 74; Хазанов А. М., 1971. С. 25—27. Табл. XV]. Отдельные находки таких скоб отмечены на памятниках восточноевропейских степей до V в. [Амброз А. К., 1981. С. 109. Рис. 5, *7*].

В слоях периодов Iб и Iв найдены двудырчатые роговые и костяные псалии (табл. 23, *50*, *51*), аналогичные псалиям из материалов памятников середины и второй половины I тысячелетия до н. э. [Смирнов К. Ф., 1961. Рис. 45, *48*; Мошкова М. Г., 1963. Табл. 21, *6*]. Помимо псалиев, к предметам конской упряжи относятся и части седел, изготовленные из костей крупных животных и, возможно, составлявшие внутреннюю основу передней луки седла (табл. 23, *58*, *59*, *67*).

Изделия из кости, камня и металла. Если пока еще нельзя говорить о собственном ювелирном или стеклянном производстве древнего джетыасарского населения, а о металлургическом производстве свидетельствуют лишь скопления шлаков, обломки бракованных бронзовых предметов, то о существовании косторезного ремесла и мастерских по изготовлению предметов из костей животных и рыб свидетельствует немало фактов. Такую мастерскую удалось проследить в одной из заброшенных башен городища Джеты-асар 12. Очевидно, в период Iв, когда первоначальные оборонительные функции башни из-за неоднократных перестроек и пристроек крепостных стен, поглотивших ее, были утрачены, в ней была организована мастерская, где изготовляли костяные и роговые накладки сложных луков, наконечники стрел и другие предметы. Множество роговых и костяных лощил, скребков, проколок, рукояток ножей и шил, псалии, великолепно отполированные наконечники стрел разной формы (пулевидные, трехгранные черешковые, ромбического сечения черешковые, ланцетовидные и др.), пряжки и подвески, кольца и тончайшие цепочки-бусы — все это подтверждает высокое мастерство джетыасарских косторезов.

Постоянными находками в культурных слоях джетыасарских городищ являются костяные проколки, каменные оселки, лощила, терочники, зернотерки. Зернотерки вытянуто овальной или прямоугольной в плане формы — принадлежность почти каждого жилого помещения всех строительных горизонтов во все периоды этапа II. Почти так же часто встречаются глиняные и каменные пряслица усеченнобиконической, округлой или уплощенно округлой формы (табл. 24, *5*). Немало фрагментов плохо сохранившихся железных ножей с прямым лезвием и плавно изогнутой спинкой. Единичны находки крупных железных рыболовных крючков и тростниковых сачков с деревянной рукоятью.

Одежда и украшения. Об одежде «джетыасарцев» можно судить по найденным в могильных ямах и подземных склепах остаткам полотняных и шелковых тканей от платьев, кафтанов и головного убора. Женский шелковый (ткань типа тафты по определению А. К. Елкиной) кафтан золотистого цвета из склепа 1 могильника Джеты-асар 2 имел геометриче-

ский узор зеленого цвета и был украшен нашивками в виде ромбов и треугольников из позолоченной кожи и рядами нашивных серебряных полушарных бляшек.

В склепе 1 могильника Джеты-асар 12 женский кафтан желтовато-коричневатого цвета был орнаментирован кожаными и полотняными аппликациями красного цвета и обшит по вороту и бортам (до пояса) рядами металлических полушарных бляшек (табл. 24, *42*), а на рукавах — вертикальными рядами синих стеклянных бисерных бусин сирийского производства (не менее трех рядов по 10 штук). Серебряные и бронзовые полушарные бляшки часто украшали нагрудную сторону одежды, сохранившуюся и в других погребальных сооружениях, а иногда обрамляли и рукава. Зафиксирован геометрический орнамент в виде концентрических кругов из полушарных металлических бляшек разного диаметра, нашитых на плотную полотняную ткань (курган 31 могильника Джеты-асар 12). В нескольких случаях можно предполагать, что под кафтаном было длинное женское платье красного цвета. В одном из склепов могильника Джеты-асар 12 сохранились фрагменты головного убора из темно-красной ткани с обшивкой из серебряных и бронзовых полушарных бляшек и, возможно, кожаной аппликацией по нижнему краю. По бокам к этому убору были привешены на полотняных нитках с синими стеклянными бисеринками круглые плоские металлические подвески в виде тонких литых пластинок — по 12 с каждой стороны (табл. 24, *34*). Остатки кожаных поясов и сапог (в одном случае с разноцветной аппликацией), бронзовых сапожных пряжек и бляшек-заклепок свидетельствуют об обычае «джетыасарцев» носить высокие кожаные сапоги.

К украшениям джетыасарской культуры относятся бусы, серьги, браслеты, кольца, подвески, бляшки (табл. 24, *1—53*). Почти все они происходят из культурных слоев городищ периодов Iб и Iв и синхронных погребений. Учитывая характер культурных напластований, нельзя исключить возможности попадания части предметов из нижних слоев в более верхние. Прежде всего это относится к таким предметам украшения, как бусы (табл. 24, *1—4*, *6*, *7*, *9—17*, *27*, *35*, *52*, *53*). Довольно часты в погребениях и культурных слоях городищ находки янтарных бус округлой или чаще уплощенно округлой формы (табл. 24, *7*, *10*, *52*). Широко распространенные в джетыасарских комплексах, они имеют аналогии в инвентаре сакских погребений Тагискенского могильника. Округлоребристые бусы бирюзового цвета из египетского фаянса, коралловые цилиндрические, пастовые и стеклянные округлые, стеклянные глазчатые (синие с белым), халцедоновые круглые известны с IV—III вв. до н. э. и в первые века нашей эры на широкой территории [Мошкова М. Г., 1963. Табл. 30, *5—8*, *16*, *28*, *29*, *35—37*, *45—50*; Алексеева Е. М., 1975. Табл. 5, *26*, *28*; 15; 16]. Удлиненная бочковидная сердоликовая бусина с белыми содовыми полосками (табл. 24, *11*) характерна для периода Iа и соотносится с сарматскими находками IV—III вв. до н. э. [Мошкова М. Г., 1963. Табл. 30, *13—15*; Смирнов К. Ф., Петренко В. Г., 1963. Табл. 27; 28].

К концу периода Iб можно отнести сердоликовые бусы в форме фигурки сидящего зверька [Алексеева Е. М., 1975. Табл. 13, *3*, *12*]. Большинство каменных, стеклянных, костяных бус, а также бус из раковин каури имеет аналогии в материалах различных памятников, охватывающих широкий хронологический период. К периоду Iв относятся крупные бусины шаровидной формы из желтого прозрачного стекла и стеклянные бусины цилиндрической формы с желтыми и белыми прожилками египетского производства.

Находки перстней (бронзовых и каменных, в том числе сердоликовых простой формы) на джетыасарских памятниках единичны. Бронзовые, каменные и хорошо отполированные костяные кольца встречаются гораздо чаще. Браслеты представлены фрагментами костяных, железных и бронзовых. Последние — пластинчатые или круглые в сечении, литые. В женском погребении склепа 1 могильника Джеты-асар 12 (склеп расположен в ложе русла позднего канала и по находке фибулы относится к самому концу периода Iв) найден бронзовый литой браслет с семью строенными выступами-шишечками (табл. 24, *28*), аналогичный браслетам и кольцам, распространенным в материалах III—IV вв. пшеворской культуры западной Польши, в зарубинецкой и именьковской культурах [Матвеева Г. И., 1981. Рис. 16, *1*, *2*].

Основную массу бронзовых серег джетыасарского комплекса можно отнести к двум типам: 1 — в виде кольца с чуть заходящими друг за друга концами; 2 — в виде колечка с утолщенной средней частью (табл. 24, *21*, *22*, *24*). Серьги типа 2 встречены в культурных слоях городища периода Iв и синхронных погребениях.

К концу периода Iв относится захоронение, где найдены крупные серьги из низкопробного золота с бронзовой дужкой и стеклянными вставками (табл. 24, *33*). Серьги имели вид лунницы с симметрично напаянными семью зерненными шариками. С обеих сторон лунницы прикреплено по три гнезда для вставок, а с лицевой стороны между гнездами и на ребристой нижней поверхности — группы зерни.

Очевидно, к периоду Iв можно отнести серебряные и бронзовые наконечники ремней (табл. 24, *50*, *51*), основную массу круглых и овальных в плане бронзовых и железных пряжек с подвижным языком, небольшие бронзовые сапожные пряжки (табл. 24, *29*).

Возможно, в конце периода Iб было совершено захоронение (курган 34 могильника Джеты-асар 12), где найдена небольшая бронзовая пластинчатая коленчатая фибула ромбовидной формы с пластинчатым приемником и пружинкой, украшенная пунсонным орнаментом (табл. 24, *47*). Аналогичные фибулы известны в материалах памятников сарматской культуры Нижнего Поволжья первых веков нашей эры [Скрипкин А. С., 1984. С. 184. Рис. 12, *35*].

К концу периода Iв (склеп 1 в Джеты-асаре 12) относится пластинчатая фибула с двойной пружиной (табл. 24, *44*), аналогичная распространенным в пшеворской культуре Польши в IV в. н. э. [Монгайт А. Л., 1974. С. 357. Рис. 14), а также причерноморским конца IV — первых десятилетий V в. [Каменецкий И. С., Кропоткин В. В., 1962. Рис. 1, *2*; Амброз А. К., 1971. Рис. 3, *2*].

Бронзовые зеркала найдены и в погребениях, и в культурных слоях городищ (табл. 24, *54—60*). Обычно это плоские диски, часто с небольшим утолщением по краю и черешковой ручкой, отлитой вместе с диском. В одном из подземных склепов периода Iв встречено крупное зеркало, орнаментированное пунсонными вдавлениями на черешке и по краю диска.

Вероятно, с предметами культа следует связать изображения животных и антропоморфные, распространенные в материалах джетыасарской культуры (табл. 25).

Привлекает внимание вотивное, раскрашенное белой и красной краской глиняное изображение двух животных, развернутых в противоположные стороны и соединенных одной подставкой (рис. 25, *36*). К культовым предметам, вероятно, принадлежат бронзовые подвески-амулеты в виде птиц и животных. Изображение птицы, найденное в культурных слоях городища Карак-асар, по аналогии с таким же из материалов этапа I среднесырдарьинских культур (первые века нашей эры), можно отнести к периоду Iв. Бронзовые изображения животных, найденные в развеянных слоях и погребениях, скорее всего могут быть датированы этапом Джеты-асар II, т. е. серединой I тысячелетия н. э.

Изображения животных вообще характерны для джетыасарской культуры. Они выполнены в различной технике и в разном материале. Так, известны прочерченные и процарапанные на дереве изображения рыб, лошадей, животных типа сайгака и тапира (табл. 25, *50*); изображение сайгака (?), прочерченное на стенке крупного красноангобированного сосуда (табл. 25, *45*); примитивно выполненная статуэтка животного с седлом; горло сосуда, оформленное в виде головы барана (табл. 25, 29); многообразные зооморфные ручки кружек и кувшинов (табл. 25, *1—30*, *37*). В отличие от сарматских и аланских зооморфных ручек Северного Причерноморья, Прикаспия и Северного Кавказа [Скалон К. М., 1941. С. 173; Виноградов В. Б., 1961. С. 32—46], а также ручек среднесырдарьинских культур [Левина Л. М., 1971. С. 129, 130, 232, 235], где господствует изображение барана, джетыасарские зооморфные ручки демонстрируют гораздо большее разнообразие видов животных. Это и собаки, и лошади, и сайгаки, и бараны, и, наконец, медведи.

В культурных слоях джетыасарских городищ периодов Iб и Iв найдены глиняные и алебастровые идольчики в виде примитивных изображений человека, часть из которых была раскрашена (табл. 25, *31*, *32*). В поздних слоях периода Iв встречены сосуды с налепными изображениями мужских фигурок [Левина Л. М., 1968. С. 167—178]. Некоторые из них напоминают «танцующие» фигурки (табл. 25, *46—49*, *52—55*). Один из таких налепов (верхний строительный горизонт городища Джеты-асар 12, конец периода Iв) можно считать явной попыткой изобразить воина с луком и стрелой (табл. 25, *51*).

К периоду Iв относятся культурные слои, в которых найдена каменная парфянская гемма (определение В. Г. Луконина; табл. 25, *40*). В кургане конца периода Iв (возможно, начало этапа II) найдены халцедоновые геммы (с прорезным растительным орнаментом и сценой охоты хищника на зебу) сасанидского происхождения (табл. 25, *41*, *44*) [Борисов А. Я., Луконин В. Г., 1963. С. 184].

Находки каменных и стеклянных бус египетского, сирийского, индийского происхождения, шелковых тканей, позднепарфянских и сасанидских гемм свидетельствуют о широких торговых связях джетыасарского населения.

ХОЗЯЙСТВО, СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ. Хозяйство обитателей городищ носило комплексный характер — скотоводство и земледелие сопровождались рыболовством и охотой. «Джетыасарцы» пытались максимально использовать природные ресурсы: паводковые речные разливы — для орошения полей, камышовые заросли — в качестве корма для скота, окружавшие оазис пески — для выпаса овец и верблюдов, многочисленные озера и речные заводи — для ловли рыбы. Скотоводство, игравшее преимущественную роль в хозяйстве, характеризовалось сочетанием разных видов скота при общем преобладании в стаде крупного рогатого скота. Интересна находка в одном из жилых помещений городища Джеты-асар 12 костей верблюдов и домашних свиней.

Немалое значение для жителей имело и земледелие. Следы ирригационных сооружений, зафиксированные по всей территории Кувандарьинского бассейна, обилие зернотерок во всех культурных слоях, многочисленные находки зерен проса и ячменя — все это подтверждает важность земледелия. Преобладали лиманно-озерные формы орошения с использованием нерегулярных речных паводков, обводненных стариц, неболь[illegible]их систем, не требовавших значительных трудовых затрат [Андрианов Б. В., 1969. С. 202—207, 227]. В окрестностях некоторых городищ сохранились остатки водосборных бассейнов, постройкой которых жители пытались остановить и замедлить процесс исчезновения воды, вызванный заилением и отмиранием речных протоков.

Множество находок костей и чешуи рыб, рыболовных крючков и плетеных сачков, а также обилие костей диких животных в раскопанных помещениях свидетельствуют и о значительной доле рыболовства и охоты в комплексном натуральном хозяйстве «джетыасарцев».

Социальную организацию обитателей Джетыасарского оазиса можно попытаться реконструировать по характеру расселения, по внутренней застройке городищ и жилым секциям. Планировка городищ и форма расселения, возможно, свидетельствует о родо-племенной организации. Однотипная жилая внутренняя застройка, бесконечная повторяемость планировок соседних секций по всей площади городища и на протяжении многих десятилетий и даже столетий, связь каждой жилой секции с определенным глухим участком оборонительного коридора, отсутствие видимой имущественной дифференциации говорят о прочности патриархально-общинных отношений.

Это не могло не отразиться и на всем облике джетыасарской материальной культуры, придав особую архаическую окраску, консерватизм и традиционность. Необычайная устойчивость и консерватизм выразились в повторяемости на протяжении тысячелетия определенных форм и пропорций керамики, деталей орнамента, технологии изготовления сосудов

и, наконец, почти полном отказе от известного гончарам ножного гончарного круга.

Трудно сказать что-либо определенное о религиозных верованиях жителей Джетыасарского урочища. Распространенный здесь тип антропоморфных изображений, вероятно, связан с фаллическим культом, а статуэтки и рисунки животных свидетельствуют об архаических воззрениях джетыасарского населения.

Джетыасарская культура на этапе I была связана с культурами соседних среднеазиатских районов. В период Iа жители Джетыасарского урочища поддерживали контакты с населением соседнего Жаныдарьинского бассейна, саками средней Жаныдарьи, оставившими памятники чирикрабатской культуры (конец V—II в. до н. э.). В периоды Iб и Iв джетыасарская культура была теснейшим образом связана с культурами среднесырдарьинских районов (каунчинской и прежде всего отрарско-каратауской). С двумя последними джетыасарскую культуру объединяет немало общих черт в типах расселения, близком внешнем облике городищ и даже характерном наборе посуды с близкой технологией ее изготовления. Эти общие черты в определенной степени могут быть объяснены одинаковым типом хозяйства, в значительной мере обусловленного спецификой физико-географических условий [Левина Л. М., 1981б. С. 170—175]. Длительные и теснейшие культурные связи населения джетыасарской и отрарско-каратауской культур свидетельствуют о политических и, очевидно, этнических контактах.

Глава вторая
Семиречье, Тянь-Шань, Фергана и Памир

Ранние кочевники Семиречья и Тянь-Шаня

Горные долины Семиречья и Тянь-Шаня на протяжении почти всего I тысячелетия до н. э. населяли ираноязычные кочевые племена, известные под общим названием «саки». Эти два соседних региона в древности были тесно связаны. Семиречье — историко-географическая область, охватывающая юго-восточный Казахстан и часть северной Киргизии. В долинах Или, Каратала, Лепсы, Чу, Таласа и других рек располагаются сотни могильников ранних кочевников. Среди них выделяются огромные могильные поля, насчитывающие по нескольку сот курганов, относящихся иногда к разным хронологическим этапам. Но основную массу памятников составляют могильники из нескольких курганов или нескольких десятков курганов. В некоторых группах курганы располагаются правильными цепочками, вытянутыми в меридиональном направлении. Именно в Семиречье чаще, нежели в других районах, встречаются насыпи чрезвычайно больших размеров, называемые обычно «царскими» курганами, в которых погребены, очевидно, племенные вожди.

Точное количество раскопанных курганов указать невозможно. Ориентировочно можно говорить, что исследовано более 1 тыс. курганов сако-усуньского времени (карта 2).

В истории изучения кочевников Семиречья и Тянь-Шаня можно выделить четыре периода. Первый (конец XIX в.— 1928 г.) был временем первоначального накопления археологического материала, полученного благодаря поступлению случайных находок и проведению небольших раскопок курганов любителями древности.

Второй период (1928—1942 гг.) начался с первых научных раскопок М. В. Воеводского и М. П. Грязнова в 1928—1929 гг. в долине Чу и в котловине Иссык-Куля. Раскопанные могильники исследователи сопоставили с усунями, обитавшими здесь, по сведениям письменных источников, во II—I вв. до н. э. Результаты этих работ были опубликованы в 1938 г. и сразу же привлекли внимание [Воеводский М. В., Грязнов М. П., 1938]. Однозначное определение этнической принадлежности памятников вызвало критику А. И. Тереножкина [Тереножкин А. И., 1941], который отметил, что в рассматриваемое время в Семиречье обитали разные племена и поэтому только часть курганов может быть отнесена к усуням. Споры возникли также о форме хозяйства, роли земледелия [Бернштам А. Н., 1941б] и социальном строе [Толстов С. П., 1938]. Позднее спорные положения были забыты, и исследованные курганы стали рассматривать как эталонные памятники культуры кочевых усуньских племен. В 1929 г. А. И. Тереножкин обследовал Чуйскую долину и обнаружил к северу от г. Фрунзе поселение усуньского времени Аламедин [Тереножкин А. И., 1935], расширив тем самым круг изучаемых памятников.

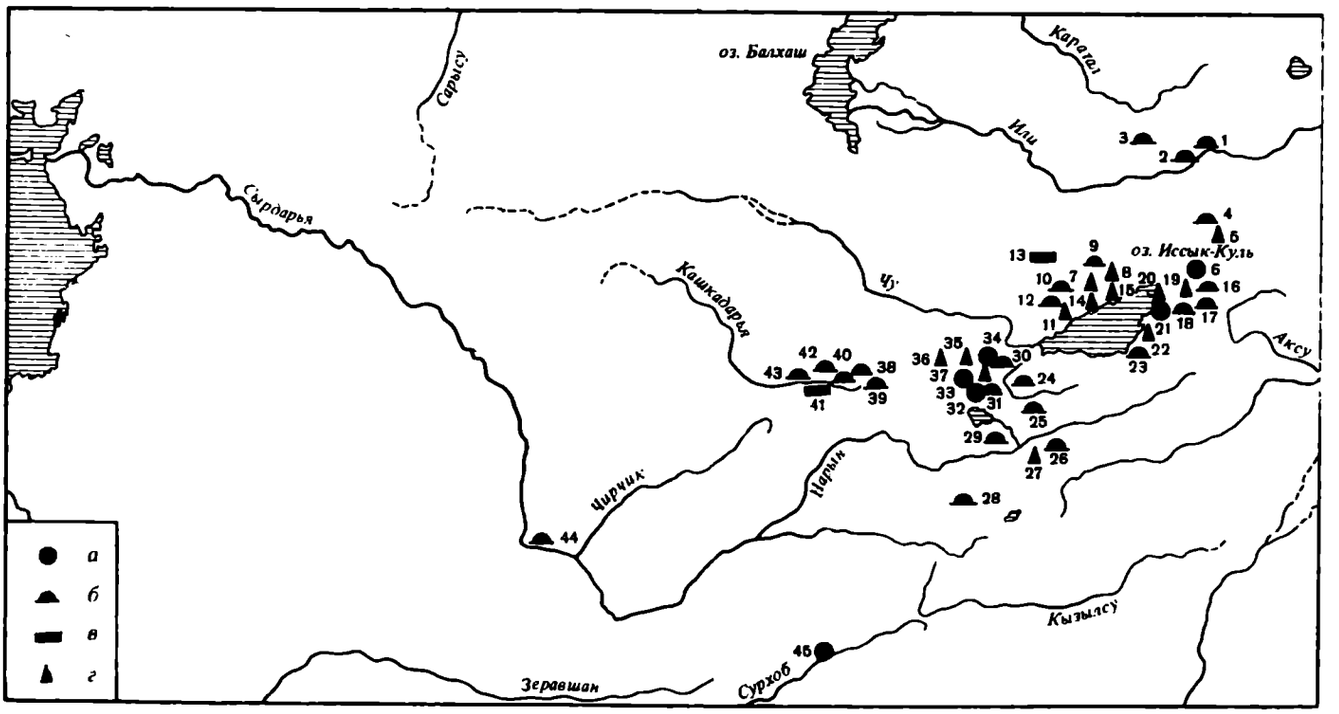
Много внимания уделялось также изучению сакских памятников. В этой связи большое значение имела статья А. С. Стрелкова [1934], посвященная анализу бронзового жертвенника — культового памятника сакских племен Семиречья. С 1937 г. археологические исследования здесь проводил Б. М. Зима. Позднее он опубликовал замечательный клад сакских котлов и жертвенников [Зима Б. М., 1941]. Важные результаты были получены в ходе планомерных работ Семиреченской экспедиции Института истории материальной культуры АН СССР, работавшей под руководством А. Н. Бернштама в 1938—1940 гг. на территории юго-восточного Казахстана и северной Киргизии, где в нескольких пунктах исследовались курганы сакского и усуньского времени. Был опубликован ценный памятник прикладного искусства усуней — каргалинская диадема [Бернштам А. Н., 1940а]. В это же время в могильнике Кенкол (Таласская долина) было начато изучение курганов с захоронениями в катакомбах [Бернштам А. Н., 1940б]. В 1941 г. крупные археологические работы были проведены на строительстве Большого Чуйского канала (БЧК).

Первые обобщающие исследования по истории кочевников Семиречья принадлежат М. П. Грязнову и А. Н. Бернштаму [Грязнов М. П., 1939б; Бернштам А. Н., 1941а; 1941б]. Завершился этот период в истории изучения кочевников Семиречья и Тянь-Шаня в 1942 г., когда А. Н. Бернштам в работе по древней истории Киргизии суммировал все накопленные материалы по культуре древних кочевников [см.: Бернштам А. Н., 1950; 1952]. Это определило дальнейшее развитие исследований на следующем этапе.

Для третьего периода (1943—1967 гг.) характерно органическое единство двух направлений в изучении истории кочевников. С одной стороны, подводились первые итоги археологического изучения региона, с другой — начиналось систематическое и планомерное обследование памятников кочевников, создавались крупные комплексные экспедиции.

Во второй половине 40-х — начале 50-х годов на Тянь-Шане и в южной Киргизии работала экспедиция под руководством А. Н. Бернштама. А в опубликованных в эти годы работах [Бернштам А. Н., 1943; 1948; 1949а; 1949б; 1949в; 1950; 1951; 1952] были представлены первые сводные таблицы по культуре саков и усуней, где нашли отражение археологические материалы Алмаатинской обл. и северной Киргизии. Но главная их ценность заключалась в разработке классификации и создании периодизации памятников кочевников Семиречья, Тянь-Шаня и Алая. Труды А. Н. Бернштама не утратили значения и по сей день и лежат в основе современной периодизации истории ранних кочевников этих районов.

В 1953—1955 гг. Киргизская комплексная экспе-

Карта 2. Основные памятники Семиречья VIII в. до н. э.— первых веков нашей эры

1 — Бесшатыр; *2* — Кылауз; *3* — Биже; *4* — Джувантобе; *5* — Теплик; *6* — Актас; *7* — Иссык; *8* — иссыкские клады; *9* — Талгар; *10* — клады Алма-Аты; *11* — Каргалинский комплекс; *12* — Каргалы; *13* — Тамгалы; *14* — Кырчинский комплекс; *15* — клад Каменка; *16* — Джергес; *17* — Соколовка; *18* — Чильпек; *19* — Чильпекский комплекс; *20* — Тюпский клад; *21* — Тюпское поселение; *22* — клад Барскоон; *23* — Туура-Су; *24* — Кыз-арт; *25* — Турасу; *26* — Аламышик; *27* — нарынский жертвенник; *28* — Джергетал; *29* — Айгырджал; *30* — Бурана; *31*, *32* — Кум-арык; *33* — Карабалты; *34* — Аламедин; *35* — отдельные находки в долине Чу; *36* — беловодский алтарь; *37* — Шамши; *38* — Ташарык; *39* — Тош-башат; *40* — Кенкол; *41* — Талас; *42* — Караша 2; *43* — Кзыл-Кайнартобе; *44* — Актобе 2 (Чардара); *45* — Дараут-Курган; *а* — поселения; *б* — курганы; *в* — петроглифы; *г* — отдельные находки

диция АН СССР провела массовые исследования курганов Тянь-Шаня [Кибиров А. К., 1959б]. С 1954 г. работала Илийская экспедиция Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР, вскрывшая множество курганов в долине р. Или и исследовавшая поселение Актас усуньского времени. Все эти работы нашли отражение в ряде статей, внесших существенный вклад в разработку археологии кочевников Семиречья [Агеева Е. И., 1959; 1960; 1961; Акишев К. А., 1956; 1959а; 1963; 1969; Копылов И. И., 1958; Кушаев Г. А., 1956; 1963; Максимова А. Г., 1959; 1960]. В 1953 г. появляется первая работа, в которой суммируются материалы по культуре саков Сырдарьи и Семиречья [Копылов И. И., 1953]. Исследуются отдельные категории сакских вещей, в частности котлы и другие металлические изделия [Копылов И. И., 1957а; 1957б; Мартынов Г. С., 1955; Спасская Е. Ю., 1956; 1958].

Особое значение имел обобщающий труд по культуре саков и усуней долины Или [Акишев К. А., Кушаев Г. А., 1963]. В нем были систематизированы большие материалы, уточнена периодизация истории культуры, исследованы вопросы хозяйства, общественного строя, а также происхождения этих народов.

В те же годы в долине р. Талас развертываются исследования курганов ранних кочевников [Абетеков А. К., Баруздин Ю. Д., 1963], продолжается изучение могильника Кенкол и других аналогичных памятников [Кожомбердиев И. К., 1960; 1963]. В 1963–1968 гг. исследованы памятники на северных склонах Киргизского хребта, прилегающих к долине Таласа [Максимова А. Г., 1970; 1972; 1975]. Возобновляются раскопки в долине Чу [Абетеков А. К., 1966; 1967] и в котловине Иссык-Куля.

Завершающим моментом третьего периода явились статьи, подводящие общие итоги археологического изучения Казахстана и Киргизии за 50 лет советской власти. В них значительное место уделено культуре кочевников Семиречья и Тянь-Шаня [Акишев К. А., 1967; Винник Д. Ф., 1967].

Начало четвертого периода (с 1968 г. по настоящее время) знаменуется проведением Всесоюзной (Ленинград, 1968 г.) и Международной (Душанбе, 1968 г.) конференций, на которых результаты широких и массовых полевых исследований были резюмированы и осмыслены на более высоком научном уровне, с учетом материалов, полученных к этому времени при изучении кочевого населения всей степной зоны Евразии. Исследователи подняли ряд проблем об особенностях исторического развития кочевников [Черников С. С., 1975а], о роли у них земледелия, связях с окружающим оседлым населением, региональной классификации кочевнических памятников Средней Азии и др. [Абетеков А. К., 1970; 1975а; Заднепровский Ю. А., 1975а; 1975б; Кожомбердиев И. К., 1975а; 1975б; 1975в].

Как и на предшествующих этапах, полевые археологические работы ведутся в самых широких масштабах. Исследуются могильники в котловине Иссык-Куля [Винник Д. Ф., 1975; Мокрынин В. П., Гаврюшенко П. П., 1975]. В Чуйской долине вскрыты сакские курганы и курганы кенкольского типа

(могильник Кум-Арык) [Кожомбердиев И. К., 1976]. Возобновляются исследования курганов на Тянь-Шане [Ташбаева К. И., 1983]. Одним из ярчайших событий в археологии стали раскопки знаменитого кургана Иссык [Акишев К. А., 1974], содержавшего «царское» захоронение. Открытие Иссыка представляет одно из важнейших достижений советской археологии последнего времени в изучении культуры кочевников Евразии.

Характерной особенностью, последнего периода в истории изучения кочевников Семиречья и Тянь-Шаня явились усиление внимания к разработке общих проблем истории и археологии кочевого населения и пересмотр некоторых старых представлений. Так, критический анализ накопленных материалов дал основание оспорить традиционное отождествление с усунями погребенных в могильниках, исследованных М. В. Воеводским и М. П. Грязновым, и выдвинуть положение о принадлежности их местным позднесакским племенам, входившим в состав Усуньского союза [Заднепровский Ю. А., 1971]. Появились специальные исследования об оседлости усуньских племен [Акишев К. А., 1969; 1970; Абетеков А. К., 1970; 1975б], о специфике исторического развития саков Средней Азии [Акишев К. А., 1973]. В обобщающей работе о петроглифах [Шер Я. А., 1980] дана наиболее полная сводка наскальных рисунков Семиречья времени ранних кочевников. Фундаментальная монография о кургане Иссык [Акишев К. А., 1978] ввела в научный оборот ценный комплекс по культуре, идеологии и искусству сакских племен Семиречья. Еще одна монография, в основе которой также лежит материал из кургана Иссык, стала первым специальным трудом, посвященным искусству и мифологии саков [Акишев А. К., 1984].

Важным этапом в изучении истории кочевых народов Средней Азии явился созыв специального совещания «Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана» (Ленинград, 1975 г.), целиком посвященного спорным проблемам хронологии и периодизации. Материалы его полностью опубликованы [Успехи среднеазиатской археологии. Л., 1975. Вып. 3; КСИА. М., 1978. Вып. 154]. В 1983 г. в Государственном Эрмитаже была проведена Всесоюзная конференция по истории культуры Киргизии и издан каталог, содержавший новые материалы ранних кочевников Киргизии и широко известного Шамсинского погребения [Памятники культуры и искусства Киргизии].

Не менее важным событием оказался и выход в свет первого тома «Истории Казахской ССР» [1977], в котором использованы археологические материалы по ранним кочевникам Семиречья, высказаны и аргументированы последние концепции по вопросам хронологии, периодизации, этнической и социально-экономической интерпретации археологических памятников. Вышел первый том «Истории Киргизской ССР» [1984]. В нем впервые всесторонне представлены основные археологические комплексы края, дана характеристика особенностей хозяйства, культуры, социального строя и исторических судеб кочевого населения, обитавшего на территории Киргизии в раннем железном веке.

Следует отметить спорность и противоречивость этнических определений археологических комплексов, особенно тех, что соотносятся с усунями, юечжами, кангюйцами и хунну. Поэтому совершенно необходимы дальнейшие исследования.

Остается насущной задачей разработка самостоятельной (независимой от скифо-сарматских аналогий) хронологии археологических памятников кочевников Средней Азии, основанной на эволюции местных предметов, особенно вооружения, конского снаряжения и др. Работа в этом направлении уже началась и дала положительные результаты [Сорокин С. С., 1956а; Литвинский Б. А., 1965; Медведская И. Н., 1972; Акишев К. А., 1973].

По-прежнему дискуссионен вопрос о хронологии памятников кенкольского типа, и Кенкольского могильника в частности. После пересмотра С. С. Сорокиным первоначальной даты этих памятников в литературе долгое время господствовала точка зрения об отнесении Кенкола ко II—IV вв. [Сорокин С. С., 1956а; 1956б]. Однако последние раскопки Кенкольского могильника позволили несколько расширить хронологические рамки памятника, выделить более ранние и более поздние захоронения и отнести его к I—V вв. [Кожомбердиев И. К., 1963. С. 76]. Но и сейчас нельзя считать этот спор окончательно решенным.

Нет единства в вопросах периодизации истории кочевников Средней Азии, и Семиречья в частности, хотя всеми выделяются сакский и усуньский периоды. Две первые периодизации сако-усуньских памятников были предложены А. Н. Бернштамом [1950; 1952]. Позднее Е. И. Агеева [1961] и Г. А. Кушаев [1963] дали более дробное членение памятников усуньского времени.

Более всего соответствует современным представлениям периодизация, принятая в первом томе «Истории Казахской ССР» [1977. С. 272, 310] и являющаяся по существу модификацией археологической схемы А. Н. Бернштама и Е. И. Агеевой. Оговаривая относительность абсолютных дат, мы в настоящем разделе придерживаемся в основном именно этой периодизации, которая имеет следующий вид: I — раннесакский период (VIII—VI вв. до н. э.); II — сакский период (V—III вв. до н. э.); III — усуньский период (III в. до н. э.— V в. н.э.) с тремя этапами: ранний (III—I вв. до н. э.), средний (I—III вв.), поздний (III—V вв.) [1] и вносим в нее лишь некоторые коррективы.

В первую очередь это касается «удревнения» самого раннего этапа сакской культуры и включения в него VIII века до н. э. Надо сказать, что в первой периодизации А. Н. Бернштама также фигурировал VIII век до н. э., интуитивно выделенный на крайне малочисленных фактах. В настоящее время VIII век до н. э. выделяется более обоснованно [Акишев К. А., 1973; Акишев К. А., Акишев А. К., 1978; Грязнов М. П., 1983а], хотя до сих пор в Средней Азии еще не открыты наиболее ранние памятники, подобные курганам Аржан и Высокая Могила.

Использование в названии периодов этнических наименований связано с желанием исследователей

[1] Названия периодов условны. Особенно это касается усуньского периода, поскольку начало его мы относим к III в. до н. э., а массовое появление усуней, как и юечжей, на этой территории датируется серединой II в. до н. э.

увязать археологические памятники с определенными этническими образованиями, известными по письменным источникам, что, к сожалению, не всегда согласуется с хронологией. Поэтому надо иметь в виду относительность этих отождествлений, тем более что этнический состав среднеазиатских кочевников представлял собой гораздо более сложную картину.

РАННЕСАКСКИЙ ПЕРИОД (VIII—VI вв. до н. э.). В Семиречье, как и в других частях евразийского пояса степей, раннесакские памятники изучены недостаточно. Они представлены единичными могилами с довольно бедным инвентарем, а также отдельными находками изделий «скифской триады».

Могилы имеют три разновидности: обычные грунтовые ямы, подбои и каменные ящики. Последние можно рассматривать, видимо, как пережиточное явление, связанное с эпохой бронзы. Захоронения различаются также ориентировкой погребенных: на запад, северо-запад и северо-восток. Все это указывает, быть может, на этнокультурную разнородность саков Семиречья. Иногда умершего сопровождало погребение верхового коня в отдельной яме. В могилу ставили ритуальную пищу — мясо барана. Инвентарь погребений беден и однообразен, оружие отсутствует. В могилах находят предметы конской упряжи с характерными стремевидными удилами, пряжками и ворворками. В этот период, особенно к концу его, в Семиречье уже были известны изделия прикладного искусства, выполненные в так называемом зверином стиле. В быту население употребляло простые бронзовые ножи, деревянные и костяные гребни. Лепная круглодонная посуда, частично изготовленная на матерчатом шаблоне, резко отличалась по форме и отсутствию орнамента от керамики позднебронзового века. Случайно найденные бронзовые и железные акинаки с бабочковидным перекрестьем, а также наконечники стрел ромбовидной формы со втулкой и некоторые другие изделия по аналогии с раннескифскими относят к раннесакскому периоду. Таким образом, все три компонента знаменитой «скифской триады» — оружие, уздечный набор, звериный стиль — уже представлены в культуре саков Семиречья раннего периода.

Памятники этого периода встречены в четырех пунктах Семиречья и Тянь-Шаня (Тюп). Следует отметить близость культуры саков Семиречья культурам Центрального Казахстана (Тасмола), Приаралья (Уйгарак) и Алтая (Майэмир). Скифо-сакская культура появилась, как считают некоторые археологи [Грязнов М. П., 1983а], в сложившихся формах в разных частях Великого пояса степей Евразии, от Тувы (Аржан) до Украины (Высокая Могила), почти одновременно, в VIII в. до н. э. Этот процесс сложения культуры ранних кочевников захватил, очевидно, Семиречье и Тянь-Шань.

Наиболее ранние погребения периода обнаружены в могильниках Каргалы и Биже. Первый находится в ущелье, в 50 км к западу от г. Алма-Ата. Под насыпью из камней обнаружены захоронения в каменных ящиках, перекрытых плитами. В одной из могил на большой глубине лежал костяк, черепом на северо-восток. Рядом найдены бронзовый листовидный нож длиной 10 см, круглое в сечении шило и небольшой круглодонный лепной горшок. А. Н. Бернштам [1941б] датировал могильник VIII—VII вв. до н. э. Другие исследователи относят его к VII—VI вв. до н. э. [Акишев К. А., 1977]. Малочисленность раскопанных курганов и найденных вещей затрудняет определение абсолютной даты.

В долине р. Биже, в 40 км к юго-западу от г. Талды-Курган, раскопано пять ограбленных еще в древности курганов. Как и в Каргалы, захоронения находились в каменных ящиках, погребенные лежали головой на запад. Возле курганов найдено четыре уздечных набора: бронзовые удила со стремевидным завершением и дополнительным отверстием, трехдырчатые изогнутые псалии, два навершия, заканчивающихся головами горных козлов (табл. 26, *2*, *3*), разные ворворки и подвески, а также многочисленные бронзовые колечки, украшавшие ремни поводьев. Эти находки достаточно обоснованно отнесены к VIII—VII вв. до н. э. [Акишев К. А., Акишев А. К., 1978]. Можно думать, что и захоронения в курганах Биже также относятся к этому времени.

В долине р. Чилик, притока р. Или, в большом разновременном могильнике Джувантобе раскопано несколько сакских курганов. Под насыпью одного из них обнаружены две расположенные рядом могилы, перекрытые деревом и ветками. В северной яме лежал полный скелет лошади спиной вверх, с подогнутыми ногами. В зубах ее находились бронзовые стремевидные удила, а рядом — бронзовые ворворки и две подпружные пряжки. В соседней могиле был погребен человек в вытянутом положении на спине, головой на запад. Рядом найден бронзовый нож с небольшой петлей на рукояти, а под ним — костяной гребень с фигурным навершием в виде завитков. В других курганах обнаружены единичные круглодонные лепные сосуды, бронзовый пластинчатый нож, кости барана, бусы. Эти могилы датированы VII—VI вв. до н. э. [Максимова А. Г., 1960]. Все исследованные курганы содержали захоронения рядовых общинников раннесакского времени.

В трех курганах могильника Караша 2, у подножия Киргизского Алатау, в средней части долины р. Талас, оказались захоронения в узких подбоях, вырытых в северо-восточной стенке входной ямы (табл. 26, *35*). Подбои были закрыты вертикальными каменными плитами. На древней поверхности могилы были окружены каменными кольцами. Погребенные лежали вытянуто на спине, головой на северо-запад. В могилах найдено немного вещей, но достаточно выразительных: длинные железные булавки с круглым навершием, лепной кувшин с носиком и ручкой, бронзовый пластинчатый нож, фигурная рукоять которого имеет форму головы животного с оскаленной пастью (табл. 27, *6*), серебряные украшения из проволоки и бусы. На основании находок курганы датированы VI—V вв. до н. э. [Максимова А. Г., 1969], что разрешает считать подбойные погребения могильника Караша 2 одними из наиболее ранних у кочевого населения Средней Азии.

Особого внимания заслуживает Тюпский клад, найденный еще в конце прошлого века на восточном берегу оз. Иссык-Куль. Он состоит из 20 бронзовых предметов конской упряжи и, очевидно, происходит из разрушенной могилы (табл. 26, *4—11*). В него входят наиболее характерные для раннего периода стремевидные удила (без дополнительного отверстия),

близкие аналогии которым известны в материалах Биже и Джувантобе в Семиречье, а также Тасмолинских курганов Центрального Казахстана, Уйгаракского могильника Приаралья и майэмирских комплексов Алтая. С удилами связан бронзовый изогнутый псалий с большим центральным отверстием, весь покрытый рельефным узором (табл. 26, *4*). Замечательный образец звериного стиля представляет бронзовая кольцевидная бляшка с изображением бегущих козлов и хищников (табл. 26, *11*). Имеются бляшки для перекрещивающихся ремней узды с рельефным узором на щитке, подпружные пряжки. Набор предметов конской сбруи, а также бронзовый нож типичны для VIII—VI вв. до н. э. [Бернштам А. Н.; 1949б; Грязнов М. П., 1983а].

К раннесакскому периоду отнесены некоторые случайные находки бронзовых и железных акинаков с бабочковидным перекрестьем и зооморфным навершием, бронзовый кинжал из Текели (табл. 26, *1*) [Акишев К. А., Акишев А. К., 1978], а также втульчатые и черешковые наконечники стрел [Акишев К. А., 1973]. Во время строительства БЧК были найдены двуперые втульчатые наконечники стрел ромбической формы, характерные для памятников VII—VI вв. до н. э. [Бернштам А. Н., 1950].

САКСКИЙ ПЕРИОД (V—III вв. до н. э.). По сравнению с раннесакским периодом количество археологических памятников сакского времени увеличилось во много раз, что свидетельствует о значительном росте численности населения края. Почти все основные районы Семиречья и Тянь-Шаня были обжиты саками именно в это время. Такой крупный демографический скачок стал возможен в результате развития производительных сил кочевых общин. В ходе накопления богатств появились условия для создания колоссальных погребальных сооружений, подобных курганам Иссык и Бесшатыр.

Сакские памятники выявлены во многих долинах и изучены значительно лучше, чем раннесакские. Можно выделить несколько групп могильников, часть которых в дальнейшем, по мере накопления материалов, вероятно, составит самостоятельные археологические культуры.

Иссыкская группа объединяет могильники и многочисленные клады, обнаруженные в долинах рек на северном склоне Заилийского Алатау, включая современную территорию г. Алма-Ата. Здесь находились один из крупнейших районов сосредоточения сакских племен и важный центр сакской металлургии. Именно здесь обнаружено наиболее богатое из всех известных на территории Средней Азии и Казахстана погребение знатного сака в кургане Иссык.

Могильник Иссык находится на левом берегу р. Иссык, на северной окраине одноименного города, в 50 км к востоку от г. Алма-Ата. Это большой могильник, вытянутый вдоль реки и состоящий преимущественно из крупных, так называемых царских, курганов. Всего их 40. Знаменитый курган Иссык (16) был раскопан под руководством К. А. Акишева в 1969—1970 гг. Размеры кургана (диаметр 60 м, высота 6 м) впечатляют. Насыпь состояла из чередующихся слоев гальки и щебня с глиной. Под ней оказались две могилы — центральная, полностью разрушенная при ограблении в древности, и непотревоженная, южная, в 15 м от первой. Погребальная камера вкопана в материк и представляет собой прямоугольный сруб из пяти рядов бревен (2,9×1,5××1,5 м). Сверху сруб был перекрыт накатом из бревен. На деревянном полу, на матерчатой подстилке, украшенной золотыми бляшками, лежал погребенный в богатом парадном одеянии и при полном вооружении (табл. 26, *14*, *15*). Покойник был положен вытянуто на спине, головой на запад, левая рука чуть откинута, а правая прижата к туловищу. По сохранившимся на месте золотым украшениям были детально реконструированы одежда, обувь и замечательный головной убор (табл. 26, *13*). Всего в могиле оказалось около 4 тыс. золотых высокохудожественных изделий. На погребенном был короткий кожаный кафтан, сплошь обшитый фигурными украшениями, а под ним — нательная рубаха, рукава которой были украшены мелкими золотыми бляшками. Поверх кафтана был надет парадный пояс с массивными бляхами и к нему подвешены железный меч — справа, кинжал — слева. Штаны по швам и сапоги с длинными голенищами также украшены золотыми бляшками.

В западной и южной частях камеры вдоль стен стояли группами глиняные, деревянные, бронзовые и серебряный сосуды (31) с заупокойной пищей. Глиняные краснолощеные кувшины и круглодонные миски с различной профилировкой закраин изготовлены на гончарном круге. Из дерева сделаны прямоугольные блюда с невысоким бортиком, миски и черпак. Особый интерес вызывает серебряная чаша с надписью из 26 знаков (табл. 26, *16*), которая, по заключению В. А. Лившица [1980], по всей вероятности, представляет первую надпись на сакском языке. В кургане был похоронен мужчина 16—18 лет, относящийся к европеоидному типу с примесью монголоидных черт. К. А. Акишев [1974; 1978] датировал погребение V в. до н. э. А. К. Акишев [1984], основываясь на анализе художественных изделий, предложил иную дату — рубеж IV—III вв. до н. э. Уникальность материалов кургана Иссык не позволяет однозначно определить время его сооружения. Заметим только, что новая дата не выходит за пределы хронологии сакского периода.

Другой исследованный в Иссыке курган по размерам не уступает описанному выше. Несмотря на ограбление, в нем сохранились бляшки из золотой фольги, два глиняных кувшина и бронзовая курильница (табл. 27, *32*), внутри которой находились угольки, зола и обгоревшие щепки. Здесь также было богатое захоронение [Максимова А. Г., 1978]. Иссыкские курганы дают наглядное представление о глубоком социальном неравенстве у саков Семиречья. Об этом можно судить по богатству и пышности погребального обряда. Сооружение подобных усыпальниц стало возможным в результате накопления огромных богатств в руках родовой знати. Получены достоверные данные об одежде, обуви и головном уборе, а также об оружии и украшениях, бытовой утвари того времени. Особенно важное символическое значение имел головной убор из кургана Иссык — сложного устройства, украшенный множеством золотых фигурок коней, барсов, горных козлов, птиц и деревьев. Вся эта композиция олицетворяла главное солнечное божество сакского пантеона. Иссыкский вождь — «золотой человек» — в парадном

сверкающем облачении и ритуально-магическом головном уборе — это солнечный бог-воин, «широкий как мир» [Акишев А. К., 1984. С. 99, 100].

В кургане Иссык обнаружены ценные материалы, выполненные в зверином стиле, которые раскрывают особенности прикладного искусства саков Семиречья. Большое значение имеет находка чаши с надписью. Можно думать, что общество саков, возглавляемое «золотым человеком», являлось союзом племен (вроде авестийской «дахью»), раннегосударственным объединением, в котором власть верховного сакрального вождя еще ограничивалась родовыми учреждениями и не была абсолютной [Акишев А. К., 1984. С. 70].

В 1953 г. в долине Иссыка, поблизости от могильника, найдены три медных котла, чугунный котел, медные блюда и бронзовый, а также железные светильники (табл. 27, *31*), украшенные фигурками сидящего человека и лошади [Мартынов Г. С., 1955]. Имеются основания полагать, что часть предметов этого клада одновременна погребению в кургане Иссык. В другом иссыкском кладе находились втульчатый наконечник копья, кинжал с бабочковидным перекрестьем, кольчатые удила, медный котел (табл. 27. *7*, *45*) [Акишев К. А., 1963].

В долинах Заилийского Алатау и на территории, ныне занятой городом Алма-Ата, найдены десятки кладов и отдельные предметы сакского периода, в том числе металлические котлы (табл. 27, *18—21*, *37*, *40*, *43*, *44*) [Археологическая карта Казахстана; Акишев К. А., 1963; Савельева Т. В., 1980].

Вторая группа могильников — Бесшатырская — включает памятники долины рек Или и Чарын. В этом районе насчитывается до 100 крупных могильников, а общее количество курганов достигает нескольких тысяч. Особенно выделяется Бесшатырский могильник. Он находится на правом берегу Или, в 100 км к востоку от г. Илийск и в 180 км от г. Алма-Ата. Могильник состоит из 31 кургана, которые подразделены на три группы: большие (диаметр 45—105 м при высоте 6—18 м), средние (диаметр 25—28 м) и малые (диаметр 6—18 м). Эти группы, очевидно, отражают социальную стратификацию общества кочевников того времени. Большие курганы — захоронения вождей, в курганах средних размеров хоронили представителей племенной знати, а в малых — рядовых воинов и общинников.

Под насыпью одного из больших (диаметр 52 м) курганов открыто наземное деревянное сооружение из погребальной камеры (3,6 × 4 м), тамбура и коридора. Вход в сооружение был с востока (табл. 26. *12*, *17*). Стены камеры сделаны из семи-восьми рядов плотно подогнанных бревен. С обеих сторон они удерживались вертикально поставленными столбами. Плоское перекрытие состояло из бревен наката и слоя камышовых матов. После захоронения вход в камеру, а также коридор заложили крупными валунами и затем насыпали огромную насыпь. Усыпальница была ограблена в древности. В других курганах Бесшатыра наземные деревянные сооружения несколько отличались по конструктивным особенностям.

В средних курганах также имелись деревянные сооружения. Один курган оказался по устройству необычным: стены большой погребальной камеры были глинобитными с примесью щебня. Перекрывал ее накат из бревен и чередующихся слоев камня и кустарника.

Все большие и средние курганы были ограблены и не содержали каких-либо вещей. Датирующие находки обнаружены только в малых курганах, где захоронения находились в грунтовых могилах или каменных ящиках, сооруженных на дне грунтовых могил. В одном из курганов было похоронено два человека, лежавших головами на запад (табл. 26, *18*). У каждого справа находился железный кинжал, а слева — остатки колчана с бронзовыми наконечниками стрел. Всего было 50 черешковых и втульчатых наконечников 12 типов. Около северного костяка лежали железный умбон и остатки небольшого деревянного щита. У пояса найдена простая железная пряжка (табл. 26, *18—24*). Анализ этого комплекса позволил отнести весь могильник Бесшатыр к V в. до н. э.

Хотя площадь могильника достигает 2 кв. км, памятники, связанные с Бесшатырскими курганами, разбросаны гораздо шире. К ним относятся каменные ограды в окрестностях курганного некрополя. По-видимому, Бесшатырский комплекс был священным местом семиреченских саков, обитавших в долине р. Или. Сюда саки приходили на поклонение, приносили многочисленные жертвы, совершали тризны и различные культовые обряды, устраивали поминки. Места отправлений таких религиозных торжеств и обрядов отмечены сооружением грандиозных оград из менгиров и валунов [Акишев К. А., 1977. С. 268].

Погребальные сооружения рядовых общинников изучены в нескольких пунктах долины Или. Курганы обычно вытянуты цепочкой. Захоронения совершены в грунтовых могилах, которые перекрыты деревянным накатом. Преобладают одиночные погребения, но имеются парные и коллективные (табл. 26, *26*). Большинство погребенных ориентировано головой на запад. В могилы клали части туши барана. Погребальный инвентарь, как правило, включает один-два сосуда (табл. 26, *27—34*), единичные предметы быта и украшения из железа и бронзы. В некоторых курганах обнаружены зернотерки [Акишев К. А., 1963]. Такие курганы известны, например, в могильнике Кзылауз I, расположенном на правобережье Или, в 80 км к востоку от г. Илийск и примерно в 20 км от Бесшатыра.

Группа сакских памятников Чуйской и Таласской долин представлена лишь захоронениями рядовых общинников, погребальный обряд которых аналогичен обряду рядовых погребений долины р. Или. Сопровождающий покойников инвентарь составляют один-два сосуда, украшения, бронзовые наконечники стрел, среди которых встречаются трехперые черешковые и трехгранные втульчатые.

В разных пунктах долины Чу обнаружены случайные находки бронзовых изделий сакского времени: несколько кинжалов с прямым клинком, бабочковидным перекрестьем и брусковидным или антенным навершием (табл. 27, *4*), а также литые бронзовые котлы на коническом поддоне с двумя вертикальными ручками. Возле Сокулука на БЧК найдена поделка из рога длиной 17 см (табл. 27, *41*). Она заканчивается тупой мордой хищника с открытой зубастой

пастью Поделка украшена полосой резных треугольников. Верхний острый конец не орнаментирован. Подобные предметы, служившие амулетами, известны в памятниках савроматской культуры Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. И там иногда реалистически изображенная голова хищника сочетается с геометрическим узором.

Последняя группа сакских памятников может быть выделена на Тянь-Шане, широко заселенном в то время. В котловине Иссык-Куля и во всех горных долинах Центрального Тянь-Шаня разбросаны правильными цепочками и бессистемно курганы саков, составляющие нередко крупные могильники.

В них наряду с обычными погребениями в грунтовых ямах (табл. 26, *36*, *38*) открыты курганы с каменными ящиками. Так, в могильнике Туура-Суу в долине р. Тон на южном берегу Иссык-Куля обнаружены погребальные сооружения в форме ящика, сложенного из крупных плит и больших валунов (табл. 26, *37*). Они вытянуты по линии запад—восток. С северной стороны к ним примыкают небольшие пристройки из таких же камней. В них, возможно, помещали сосуды. Ящики перекрыты большими плитами, поверх которых возведены насыпи. Инвентарь курганов включает поделки из бронзы (бусы) и железа (нож, кольцо), золотые бляшки, украшения и др. Замечательна золотая фигурка бегущего джейрана. Она укреплена на прямоугольных пластинках, имеющих отверстия (табл. 27, *42*). Концы рогов загнуты вверх, а вся фигура выполнена в реалистической манере сакского искусства. Еще одна выразительная находка — костяная пластинка с изображением хищника, вероятно волка, с поджатым хвостом. В 15 раскопанных могилах оказалось всего лишь три глиняных сосуда [Мокрынин В. П., Гаврюшенко П. П., 1975].

Высокогорные долины внутреннего Тянь-Шаня также были широко освоены сакскими племенами. Погребальные памятники исследованы в нескольких пунктах. В Нарынской долине, к западу от г. Нарын, в могильнике Аламышик вскрыто четыре кургана (табл. 26, *38*). Погребения совершены в простых грунтовых могилах, перекрытых жердями и каменными плитами. Умерших хоронили в скорченной позе, видимо, следуя погребальной традиции бронзового века. Возле них находились бронзовые ножи и каменные оселки. Такие же бедные погребения оказались в Джергетальском могильнике в долине Ала-Бука (табл. 26, *36*). Лишь в одном из них найдено несколько вещей — лепная чаша, бронзовый нож и проколка [Бернштам А. Н., 1952].

В могилах рядовых общинников в долине Кара-Гуджур наряду с лепными сосудами встречены единичные бронзовые предметы — например, круглое зеркало с петлевидной ручкой (табл. 27, *16*). Наибольшее количество металлических изделий было в одном из курганов могильника Турасу: два бронзовых браслета, булавка и два перстня, а также золотая бляшка. В курганах Внутреннего Тянь-Шаня очень редко встречаются железные изделия [Кибиров А. К., 1959б]. Отсутствие заметных различий в устройстве могил и в погребальном обряде, а также общая бедность и однообразие инвентаря не позволяют выделить четкие локальные особенности культуры саков Центрального Тянь-Шаня.

Котловина Иссык-Куля служила крупным центром металлургии сакских племен. Об этом красноречиво свидетельствуют многочисленные находки кладов и отдельных бронзовых предметов. Здесь встречены специальные жертвенно-поминальные комплексы, связанные с культовыми церемониями древних саков. Такой комплекс найден в 1937 г. в небольшой долине Кырчин, к северу от с. Семеновское, на северном берегу Иссык-Куля. Все предметы лежали на глубине 1,5—2 м. Наверху находились два котла. Под одним из них были две курильницы-светильники. Под всеми этими предметами обнаружены два жертвенных стола. Большой жертвенный стол имел форму прямоугольного подноса на четырех ножках с бортиком. Под бортом — две горизонтальные ручки. По углам — отверстия для крепления скульптурных фигурок лежащего длиннорогого быка (типа зебу?). Одна из фигурок была отломана и уцелела (табл. 27, *39*). Другой стол меньше и незначительно отличается в деталях. Обнаруженные в комплексе светильники также различаются по форме. Один из них — в виде четырехугольного подноса на ажурной конической подставке. На поверхности подноса укреплены три трубки со сквозными отверстиями. В углу у бортика сохранились две одинаковые скульптурные группы, изображающие нападение хищника на копытное животное. Всего таких фигур было раньше 12 (табл. 27, *30*). Другой светильник — в форме круглой чаши, также на ажурной конической подставке. В центре чаши — две трубки с отверстием наверху. На бортике чаши — 11 скульптурных фигурок идущих барсов (табл. 27, *29*). Из двух котлов полностью сохранился только один. На тулове его крестообразно расположены две горизонтальные и две вертикальные ручки. Все эти культовые предметы использовались в религиозных церемониях, связанных с культом священного огня и солнца. Они раскрывают некоторые особенности религиозных представлений саков [Зима Б. М., 1941; 1982]. Возможно, что в долине Кырчин находилось одно из святилищ сакского времени под открытым небом. Сюда саки периодически съезжались для совершения культовых обрядов, жертвоприношений и поклонения священному огню и солнцу.

Специальных храмов у кочевников Семиречья и Тянь-Шаня не было, но, как и у скифов, у них существовали священные места, где находились бронзовые котлы особо больших размеров и совершались культовые обряды. Следы святилища на открытом воздухе недавно выявлены у с. Чильпек на юго-восточном берегу Иссык-Куля. Здесь найден сакский жертвенник прямоугольной формы с бортиком и двумя ручками для переноса. Из четырех ножек сохранились две в виде одинаковых женских фигур (табл. 27, *35*). Хорошо переданы черты лица явно монголоидного облика — с раскосыми глазами и большим широким носом. На голове — диадема. Обнаженные почти до плеч руки подняты вверх и касаются головы. На запястье — широкие браслеты. Одежда состоит из кофты с короткими рукавами, украшенной вертикальной широкой полосой с елочным узором, и юбки со складками, расширяющейся книзу. Ножки в виде женских фигурок обнаружены на семиреченских жертвенниках впервые. Рядом находились обломки трех бронзовых котлов с ручками. На

одном из них сохранилось изображение лежащего животного (зебувидного быка?; табл. 27, *36*). Имелись также обломки железного котла. Все предметы залегали на глубине 1,5 м. При раскопках здесь обнаружили остатки долговременного костра и обломки массивной жаровни. В культурном слое оказалось много битой лепной посуды, в том числе украшенной вертикальными полосками красной краски, кости барана. На этом участке, таким образом, удалось впервые выявить длительно существовавшее сакское святилище огня. Примечательно, что оно находилось недалеко от известного Чильпекского могильника более позднего, усуньского, времени [Винник Д. Ф., 1977].

В качестве переносных алтарей иногда использовали более простые предметы, изготовленные из камня. У с. Беловодское, на трассе БЧК, найден каменный алтарь в виде небольшого овального столика на четырех массивных ножках (табл. 27, *33*) [Бернштам А. Н., 1950]. Внешняя сторона бортика украшена рельефными узорами в виде «запятых». Такие же узоры имеются на ножках. На горизонтальной поверхности есть неглубокое углубление. Подобные переносные алтари или жертвенники нередко встречаются в памятниках савроматского времени Южного Приуралья и Западного Казахстана. Как правило, их находят в женских погребениях. Использовались эти предметы для различных культовых церемоний и прежде всего как алтари священного огня.

Иной состав предметов содержит клад из с. Каменка на северном берегу Иссык-Куля (табл. 27, *10—13*, *17*). Он состоит из четырех пар двукольчатых удил, втульчатого наконечника копья, обломанного бронзового кинжала, который по форме похож на кинжалы Чуйской долины. Клад включает также дисковидное зеркало и кельт-тесло с ушком. Все предметы находились в котле сакского типа. Они также могут рассматриваться как жертвенно-поминальный комплекс [Кызласов Л. Р., 1972].

В Таласской долине и во многих долинах вокруг Иссык-Куля встречены большие скопления наскальных рисунков. Особенно многочисленны они в районе Чолпон-Ата, в Тонской долине. Выделяются выразительные образцы рисунков сакского звериного стиля — изображения козлов, оленей и хищников [Гапоненко В. М., 1963; Шер Я. А., 1980].

В районе высокогорных долин Внутреннего Тянь-Шаня также известны случайно найденные сакские культовые предметы. Особый интерес вызывает найденный в Нарынской долине бронзовый жертвенник [Памятники культуры и искусства Киргизии]. Он прямоугольной формы, с высокими бортиками на ножках и двумя ручками. На бортике были укреплены 22 скульптурные фигурки хищников (тигров?). Изображение шествия зверей, несомненно, имеет магическое значение. Этот жертвенник — лучший из всех обнаруженных в Киргизии (табл. 27, *34*), и он мало чем отличается от известного семиреченского алтаря. В верованиях саков, принадлежавших к иранским кочевым народам древности, было много общего с соседними кочевыми и оседлыми ираноязычными народами Средней Азии, а также со скифами и савроматами. Некоторые различия проступают при сравнении памятников искусства, в которых запечатлены религиозные и идеологические представления саков. Саки обожествляли явления природы. Главным божеством было Солнце. Поклонение Солнцу связано с почитанием огня. Конь выступал как культовый зооморфный символ главного божества. Широко был распространен культ предков. В целом религиозные представления саков являют собой причудливое смешение разнообразных верований, которые не сложились еще в единую упорядоченную систему.

К наиболее высоким культурным достижениям сакских племен Семиречья и Тянь-Шаня следует отнести создание высокохудожественных произведений прикладного искусства, выполненных в зверином стиле (табл. 27, *29*, *30*, *34*, *36—44*). Из разных материалов они создавали изображения хорошо знакомых животных, а также экзотических зверей, таких как лев и тигр.

В сакский период произошли изменения в форме хозяйства, условиях жизни, быта и во всей культуре сакского населения. Резко изменился тип жилища. Были созданы разборные, легкоперевозимые войлочные юрты, наиболее приспособленные к новому образу жизни. Одежда и утварь соответствовали условиям кочевой жизни. Исключительно важную роль в хозяйстве и жизни саков играл верховой конь. Конь сопровождал кочевника с раннего детства. Каждый свободный общинник был в то же время воином, и поэтому столь большое значение саки придавали качеству и надежности конского снаряжения и боевого оружия. Именно в них с наибольшей силой проявились специфические особенности культуры, и в них наглядно проступают прогрессивные усовершенствования.

Материалы свидетельствуют о большом развитии металлургии у сакских племен Семиречья и Тянь-Шаня и о ее высоком техническом уровне (табл. 27). Можно говорить о совершенствовании приемов обработки дерева, кости и камня, а также шерсти и войлока.

Мастерство местных ювелиров демонстрирует замечательный набор штампованных бляшек сакского периода, происходящий из разрушенного кургана (V—IV вв. до н. э.) у сел. Барскоон на южном берегу Иссык-Куля. Сохранилось около 150 предметов и среди них куски металла, составляющие отходы производства. Имеются прямоугольные бляшки с изображением головы тигра с оскаленной пастью, окаймленные вертикальными планками, с отверстиями для нашивки. На других бляшках изображены голова волка анфас или кабана в таком же обрамлении. Среди фигурных бляшек геометрической формы встречены экземпляры с рельефным растительным орнаментом (табл. 27, *22—28*). В этом наборе есть заготовка для прямоугольной бляшки, которая после штамповки была вновь прокована, а также обломки и обрезки металла. Бляшки предназначались для украшения одежды. Поскольку все они изготовлены из бронзы, то могли украшать одеяние не столь знатного сака, как похороненный в кургане Иссык. Находки вместе с ними отходов производства дают основание предположить, что здесь был похоронен ремесленник. Возможно, эти находки образуют клад ремесленника. В любом случае Барскоонский комплекс дает возможность изучать особенности производства ювелира-торевта эпохи саков [Памятники культуры и искусства Киргизии. С. 31].

УСУНЬСКИЙ ПЕРИОД, РАННИЙ ЭТАП (III—I вв. до н. э.). На рубеже III—II вв. до н. э. в истории Семиречья и Тянь-Шаня наступает новый этап, связанный также и с переселением в середине II в. до н. э. кочевых племен юечжей и усуней из Центральной Азии. Усуни вскоре подчинили местные сакские племена и часть юечжей. Но в большинстве юечжи продвинулись на юг Средней Азии и создали там основы будущего Кушанского государства. Сложившийся Усуньский племенной союз можно рассматривать как более или менее устойчивое раннеклассовое образование. Усуни обитали в Семиречье до середины V в. н. э., а точнее, до вхождения их в состав Тюркского каганата в середине VI в. н. э.

Об усунях довольно подробно сообщается в письменных источниках. Они активно участвовали в политической истории Восточной и Средней Азии, были противниками хунну и поддерживали дружеские отношения с соседними кочевыми владениями Кангюй и Давань. Союз с усунями, направленный против хунну, заключило Ханьское государство. Саки и юечжи также принимали участие в важнейших исторических событиях эпохи, связанных с движением кочевых народов против Греко-Бактрии, закончившимся ее крушением и созданием новой могущественной Кушанской империи. Таким образом, кочевые народы Семиречья и Тянь-Шаня с последних веков до нашей эры начали выступать как важная сила на мировой исторической арене.

Усуньское владение было раннегосударственным объединением кочевников. Ставка усуней — город Чигу (Город красной долины) — находился в котловине Иссык-Куля. Он был административным и торговым центром. Правда, местоположение его пока точно не установлено, и о локализации Чигу существуют разные суждения.

По хуннскому образцу Усуньское владение было, очевидно, разделено на три части. Во главе их стояли правитель и два его сына. Каждый из них имел личную дружину по 10 тыс. конников. Функционировал довольно развитой аппарат управления из 16 высоких должностных лиц. В своей деятельности правитель опирался на совет старейшин.

Имущественное неравенство во владении скотом и пастбищами достигло значительного уровня. Социальное расслоение устанавливается по археологическим данным и сведениям письменных источников. Имеются сообщения о закреплении преимущественного права пользования отдельными пастбищами. По уровню социально-экономического развития общество усуней было примерно равно хунну. Усуньский союз представляет собой пример достаточно высокого развития социальной организации кочевого общества.

После включения в состав Усуньского союза местных сакских племен, а также юечжей численность объединения достигла 630 тыс. человек [Бичурин Н. Я., 1950б. С 190]. Однако вполне вероятно, что основную массу населения Семиречья и Тянь-Шаня в то время по-прежнему составляли местные племена саков — потомки древних саков ахеменидской эпохи. Преобладание местного населения должно было отразиться на составе археологических памятников. Согласно письменным источникам, население Семиречья и Тянь-Шаня в этническом отношении было разнородным. Здесь обитали три народности — саки, юечжи и усуни. Не противоречат этому и археологические материалы, которые представлены одновременными памятниками разного типа. Так, некоторые исследователи насчитывают до 12 различных вариантов погребальных сооружений [Агеева Е. И., 1960; 1961]. Возникает трудная задача сопоставления археологических памятников с конкретным этносом. Первоначально, как уже говорилось, все курганы III—I вв. до н. э. относили к памятникам усуней [Воеводский М. В., Грязнов М. П., 1938]. Позднее была высказана мысль, что только захоронения в курганах, расположенных цепочками и отличающихся большим богатством, могли принадлежать господствующим племенам усуней. Погребения же, обнаруженные в беспорядочных группах курганов, могут быть связаны с племенами сэ (саками античных авторов) или юечжи [Тереножкин А. И., 1941. С. 75]. Критический разбор материалов и гипотез приводит к заключению, что памятники с грунтовыми могилами составляют основную массу захоронений местного населения усуньского периода. В них можно проследить непосредственное развитие от сакских комплексов середины I тысячелетия до н. э. Это видно при сопоставлении материалов могильника сакского периода V—IV вв. до н. э. Кзылауз I и раннеусуньского памятника III—II вв. до н. э. Капчигай III. Оба памятника находятся в долине р. Или. В обоих могильниках курганы располагаются цепочками. У основания насыпи, под ней или на ней находятся каменные кольца. Основную массу погребений составляют грунтовые могилы (в Капчигай III только пять подбойных из 30), перекрытые деревом. Захоронения в обоих могильниках, как правило, одиночные (Кзылауз I — $^2/_3$ всех могил), ориентировка — головой на запад или северо-запад. В могилах находят кости овцы, один-два сосуда и в небольшом количестве поделки из железа и бронзы.

Как видим, сходство в погребальном обряде очень значительно. Только разное количество железных и бронзовых изделий в могилах и некоторое отличие форм посуды позволяют хронологически разграничить рассматриваемые памятники. Проведенное сопоставление говорит о преемственном развитии местных племен в сакское и более позднее, усуньское, время.

Тесные генетические связи культуры и памятников сакского и усуньского периодов отмечены всеми исследователями. Этим и объясняется появление терминов «сако-усуньская культура», «сако-усуньские памятники» [Бернштам А. Н., 1941а; 1941б; Кушаев Г. А., 1963]. Все данные указывают на длительное сохранение у ранних кочевников Семиречья одинаковых простых могильных сооружений, одних и тех же или очень близких погребальных обрядов и на значительное сходство инвентаря. Из этого следует вывод, что население, оставившее наиболее массовую группу памятников усуньского времени, правомерно отождествлять с потомками местного сакского населения, а сами могильники рассматривать как позднесакские памятники [Заднепровский Ю. А., 1971; Заднепровский Ю. А., Кожомбердиев И. К., 1984].

Можно предполагать, что погребальный обряд у пришлых юечжийских и усуньских племен отличал-

ся от обряда местного, подчиненного ими населения. И действительно, появление усуней и юечжей, а также, вероятно, и других пришлых племен, имена которых не сохранились в источниках, совпадает во времени с широким распространением в Семиречье и на Тянь-Шане могильников с захоронениями в катакомбах и подбоях. Естественно предположить, что они могли быть оставлены усунями и юечжами. Однако убедительных доказательств для однозначного решения вопроса об этнической атрибуции этих памятников нет [Заднепровский Ю. А., 1971; 1975б]. Пришлое население в Семиречье постепенно смешивалось с местным, и на протяжении 600—700 лет совместного проживания создалось определенное единство.

В Семиречье и на Тянь-Шане археологи выделяют две основные и наиболее распространенные группы памятников. Первая — позднесакские (т. е. местные) могильники с захоронениями в грунтовых могилах, которые отличаются однообразным устройством и малочисленностью инвентаря. В разных частях Семиречья и Тянь-Шаня они исследованы неравномерно. Эти памятники объединяют в чильпекскую группу по могильнику, исследованному в 1928 г. М. В. Воеводским и М. П. Грязновым. Ареал памятников охватывает все Семиречье и долины Тянь-Шаня. Характерно расположение курганов правильными цепочками. На позднем этапе такое размещение сменяется бессистемным. Устойчивым признаком служит каменное кольцо в основании кургана. Захоронения совершали в простых грунтовых могилах, стенки которых изредка укрепляли деревом. Сверху они перекрыты деревянным накатом или каменными плитами. Погребенные положены вытянуто на спине, головой, как правило, на запад (табл. 28, *1*), иногда с отклонениями. Почти во всех могилах находится по одному костяку. Иногда встречаются курганы, под насыпью которых имеются две-три могилы. Все умершие лежат не в гробу, а непосредственно на дне могилы. В ней обычно находят один-два сосуда, изредка железный или бронзовый нож (табл. 28, *11*, *12*, *14—16*; *29*, *2*, *3*), а в женских захоронениях — предметы туалета и украшения: зеркала, железные иглы и булавки, иногда с фигуркой птицы наверху (табл. 28, *8*, *9*, *13*; 29, *42—45*, *48*, *49*), перстни, подвески, железные браслеты, бусы (табл. 28, *10*; 29, *33—41*, *50—58*). Оружие бывает очень редко. В поздних погребениях обнаружены меч и костяные наконечники стрел (табл. 29, *1*, *4*, *6*). Во многих могилах находят кости барана — остатки ритуальной пищи [Кушаев Г. А., 1963]. Исключительно редки привозные вещи и изделия из драгоценных металлов. Из 500 известных курганов лишь в четырех-пяти могилах встречены подобные вещи. В нескольких могилах найдены зернотерки.

Глиняная посуда — лепная, часто изготовленная на матерчатом шаблоне. Почти вся она круглодонная и обычно без украшений (табл. 28, *18—33*). В курганах Чуйской долины было всего несколько явно привозных сосудов (гончарных) с росписью (табл. 28, *17*; 29, *59—61*) [Абетеков А. К., 1966]. Такие же имеются и в долине Или. Типичные формы местной посуды — это полусферические чаши и миски с разной профилировкой закраины, горшки грушевидной формы, изредка снабженные петлевидными ручками [Воеводский М. В., Грязнов М. П., 1938; Агеева Е. И., 1961; Кибиров А. К., 1959б; Кушаев Г. А., 1963; Абетеков А. К., Баруздин Ю. Д., 1963; Абетеков А. К., 1967]. Достаточно широко были распространены посуда из дерева и деревянные столики (табл. 29, *62—65*).

В усуньское время по-прежнему плотно были заселены горные долины Тянь-Шаня. На юго-восточном берегу Иссык-Куля расположены эталонные памятники чильпекской группы, прежде всего Чильпекский могильник около г. Пржевальск. В грунтовые могилы умершего укладывали на подстилку из коры деревьев или камышовую и покрывали такой же циновкой. В могилу, как правило, клали куски мяса барана или быка. В одном погребении вместе с костями человека лежал полный скелет лошади. Кроме глиняных сосудов, единичных металлических предметов, найдено деревянное блюдо для резания мяса. Из предметов туалета особое значение имеют находки бронзового зеркала с короткой ручкой в виде головы грифона и булавки с массивным навершием в форме птички (табл. 29, *44*, *48*). Отметим костяные накладки на лук, каменный жернов. Чильпекские курганы по обряду погребения и составу керамики сходны с могильником Бурана. Остатки богатых захоронений выявлены в двух курганах каракольской группы на окраине г. Пржевальск [Воеводский М. В., Грязнов М. П., 1938].

Судя по большому количеству памятников в долинах рек Заилийского Алатау и Или в усуньское время, здесь продолжался рост численности населения. В этих районах насчитывается более 20 мест крупных скоплений могильников, отделенных друг от друга свободными пространствами [Агеева Е. И., 1960; Кушаев Г. А., 1963]. Такое распределение можно рассматривать как отражение родо-племенной группировки населения. Всего здесь вскрыто более 370 могил с однообразными рядовыми погребениями, в большинстве случаев довольно бедными.

Однако среди памятников Семиречья выделяется огромный Талгарский могильник (на окраине г. Талгар), где захоронения совершали в больших грунтовых могилах, стены которых выложены камнем. Ямы перекрыты накатом из бревен. Большинство могил ограблено, но все же сохранились золотые украшения, железные ножи и глиняные сосуды. В одной могиле оказалось около 500 бляшек из золотой фольги, нашитых некогда на одежду из красной кожи (табл. 29, *13*, *16*, *18*). Здесь же найдена глиняная печать, на которой изображено крылатое животное с головой козла. В другой могиле была бляшка полихромного стиля со схематическим изображением лица человека [Максимова А. Г., 1980]. Необоснованно «удревненная» дата могильника (IV—III вв. до н. э.) в настоящее время определена в рамках II—I вв. до н. э. [Акишев К. А., 1983. С. 242].

Особый интерес вызывает Каргалинское погребение женщины-шаманки. Оно случайно обнаружено в 1938 г. в Каргалинском ущелье, примерно в 30 км от г. Алма-Ата. Захоронение в расщелине скалы содержало набор украшений одежды и головного убора. Всего там оказалось около 300 предметов из золота с инкрустацией из бирюзы, в том числе два перстня со скульптурными фигурками двугорбого верблюда (табл. 29, *30*, *31*) и разнообразные пластин-

ки (табл. 29, *9*). Знаменита диадема (табл. 29, *7*) в виде прямоугольной пластинки (длина около 40 см, ширина 4,7 см), все поле которой заполнено изображениями зверей, птиц и людей, окруженных сложным растительным орнаментом. Среди них на подставке стоят крылатая лошадь и фигура дракона, на котором верхом сидит человек. Некоторые детали инкрустированы сердоликом, альмандином, бирюзой. Сочетание реальных и мифических персонажей, развитой орнаментализм характеризуют высокое мастерство древних мастеров [Бернштам А. Н., 1940а]. Погребение датируется I в. до н. э.— II в. н. э. Представляется более реальной недавно предложенная датировка II в. до н. э.— I в. н. э. [Кузьмина Е. Е., Сарианиди В. И., 1982. С. 22; ср.: Акишев К. А., 1983 — II—I вв. до н. э.].

Богатое захоронение III—II вв. до н. э. выявлено в одном из курганов могильника Тенлик в долине р. Каратал в восточном Семиречье. Одежда знатного кочевника была украшена сотнями золотых художественных бляшек, в том числе с изображением всадника в плаще (табл. 29, *10*). Здесь же найдены жезловидные заколки или булавки, обтянутые золотым листом и богато орнаментированные розетками (табл. 29, *46*, *47*). Кроме того, найдены бронзовое зеркало, деревянная шкатулка, украшенная полосками золота [Акишев К. А., 1977; 1983].

Изображения коня на бляхах из Тенлика дают представление о породе местных лошадей. Они отличались общей массивностью, сильно развитой грудью и крупной головой на толстой шее. Эти изображения выделяются среди всех известных изображений лошадей Евразии, но близки изображениям усуньских лошадей, представленным на ханьской черепице последних веков до нашей эры [Заднепровский Ю. А., 1962].

В других районах Семиречья также имеются памятники усуньского периода. Так, для Чуйской долины наиболее характерен Буранинский могильник к югу от г. Токмак. В больших овальных грунтовых могилах находилось от одного до трех погребенных, лежавших головами на запад. Умерших снабжали большим количеством сосудов, очевидно, с молоком и жидкой пищей, а также кусками мяса барана, лошади и быка. Все могилы ограблены. Сохранилось до 50 золотых украшений (перстни, бусы, различные бляшки; табл. 29, *32*, *35*). Разнообразны по форме фигурные накладки, вырезанные из золотой фольги (табл. 29, *8*, *11*, *15*, *21*, *25—27*). В нескольких могилах найдены остатки красного лака. Довольно много железных предметов, в том числе наконечников стрел. Все сосуды лепные. Особый интерес вызывает кувшин, украшенный мазками красной краски (табл. 28, *17*). Могильник Бурана по находкам привозных украшений эллинистического производства датирован в пределах III в. до н. э.— I в. н. э. [Воеводский М. В., Грязнов М. П., 1938]. Он может рассматриваться как типичный памятник поздних сакских племен, обитавших в усуньский период в долине Чу.

К чильпекской группе относится ряд могильников в западной части Чуйской долины [Абетеков А. К., 1967]. Здесь преобладают захоронения в грунтовых ямах с бедным инвентарем, но обнаружены и немногочисленные захоронения в подбойных могилах. В этом отношении наблюдается большое сходство с памятниками долины Или.

В Таласской долине к этому времени относится более 100 исследованных курганов. Своеобразием отличаются курганы Таш-Арыка. Под насыпью, на уровне дневной поверхности, находился небольшой каменный холм, окруженный кольцом из крупных камней. Под ним была грунтовая могила, перекрытая каменными плитами и слоем камыша. В одном кургане могильника Тош-Башат грунтовая яма также была перекрыта каменными плитами. В стенке могилы выкопана ниша, в которой стояли глиняный круглодонный котел с налепными горизонтальными ручками и горшок, изготовленный на матерчатом шаблоне. Во всех могилах инвентарь беден, но встречаются и исключения. Так, в могильнике Джеле-Тюбе в одной могиле было два костяка. Возле одного найдены два бронзовых браслета со схематическими изображениями головы животного, бронзовый крючок, раковины каури, а также золотые бляшка и медальон со вставкой цветного камня. В этой могиле было три лепных сосуда [Абетеков А. К., Баруздин Ю. Д., 1963].

Более 60 курганов раскопано в четырех могильниках у северного подножия Киргизского Алатау (в средней части долины Таласа). Захоронения совершали в грунтовых могилах, перекрытых каменными плитами или деревом. Иногда под одной насыпью находились две, реже — три могилы. Характерную особенность составляют небольшие ниши, в которых помещены сосуды (табл. 28, *3—5*). Эта деталь свойственна и памятникам верхнего течения Таласа и, видимо, является признаком локальной группы племен, обитавших в долине этой реки [Абетеков А. К., Баруздин Ю. Д., 1963; Максимова А. Г., 1970; 1972; 1975]. В могилах долины Таласа найдены остатки ритуальной пищи — кости барана. Инвентарь беден: единичные изделия из железа (ножи, булавки), украшения и обычная лепная круглодонная посуда, сходная с керамикой усуньского времени других районов Семиречья. В одном кургане могильника Караша обнаружена глиняная печать с рельефным узором (табл. 29, *29*) — редкая находка, указывающая, как и печать из Талгарского могильника, на распространение в то время обычая метить личную собственность.

Среди памятников Иссык-Кульской котловины резко выделяется могильник Соколовка в долине р. Джаргелан (табл. 28, *7*). Здесь в одном кургане обнаружена большая погребальная камера с деревянным срубом, стены которого сооружены из вертикально поставленных плах, а потолок — из двух рядов бревен. Остальная часть камеры забита землей и камнем и сверху перекрыта деревянным накатом. Возле погребенного находилось 15 сосудов. По устройству курганы Соколовки напоминают могильник Джергес около г. Пржевальск. Большая грунтовая могила в Джергесе также была перекрыта деревянным накатом. Найденная в Джергесе керамика своеобразна по форме и отличается от обычной усуньской поверхностью красного цвета и орнаментом, подражающим узорам на изделиях из кожи. Своеобразие этих двух курганов и отличие лепной посуды выделяют их среди других памятников, и не случайно возникло предположение о принадлежности их восточ-

ноюечжийским племенам [Бернштам А. Н., 1952].

Памятники усуньского периода с захоронениями в подбоях, исследованные в долинах Или и Чу, а также на Тянь-Шане, объединены в айгырджальскую группу [Заднепровский Ю. А., 1971; 1975б]. Захоронения в могилах с подбоями встречаются в тех же могильниках, где обнаружены простые грунтовые могилы (табл. 28, *2*). Погребения в подбоях появляются уже в памятниках III—II вв. до н; э., но основная их масса датируется первыми веками нашей эры (до V в. н. э. включительно). Следовательно, на протяжении длительного времени памятники этой группы сосуществовали с чильпекскими. В Семиречье и на Тянь-Шане обе разновидности погребальных сооружений распространены на одной и той же территории и часто в одних и тех же могильниках. В долине Или грунтовые могилы составляют 76,7%, а подбойные — 19% [Кушаев Г. А., 1963]. Но если объединить усуньские памятники последних веков до нашей эры и первых веков нашей эры, то получится, что подбои составляют 30%. В долине Таласа раскопано 115 грунтовых и 73 катакомбных и подбойных могил [Абетеков А. К., Баруздин Ю. Д., 1963; Кожомбердиев И. К., 1963], что составляет примерно 60 и 40%. Приблизительно такое же соотношение на Тянь-Шане, где изучено более 100 грунтовых и около 50 подбойных и катакомбных курганов [Кибиров А. К., 1959б]. Катакомбно-подбойные памятники генетически не связаны с могильниками сакского периода, хотя в ранних сакских комплексах на территории Казахстана известны единичные могилы с подбоями [Кадырбаев М. К., 1966; Кушаев Г. А., 1968; Максимова А. Г., 1969], которые по набору инвентаря мало отличаются от грунтовых. Обычно грунтовые и подбойно-катакомбные погребения встречаются вместе. Так, могильник Айгырджал, находящийся к западу от г. Нарын, содержал курганы с грунтовыми, подбойными и катакомбными могилами. Подбои закрыты вертикально поставленными бревнами (табл. 30, *3*). Умершего, как правило, сопровождают заупокойная пища (кусок барана), железный нож и несколько лепных сосудов. В некоторых могилах найдены железные наконечники стрел и костяные накладки на лук. Имеются деревянные столики, блюда для резки мяса и деревянные чаши. Очень мало украшений. В одном кургане обнаружено захоронение в катакомбе. Оно примечательно находкой железного котла на трех ножках с горизонтальными ручками (табл. 30, *27*). Такие котлы чрезвычайно редки в памятниках усуньского времени. Кроме того, в могиле оказались костяные накладки на лук, обломки железного меча и другие вещи. Еще один железный котел найден в подбойном захоронении. Особо отметим, что у одного из погребенных вместо малой берцовой кости был деревянный «протез» [Кибиров А. К., 1959б].

Курганы с подбоями принадлежали рядовым общинникам и не составляли обособленных кладбищ. Это вполне естественно в условиях начального этапа смешения населения разного происхождения. Памятники айгырджальской группы практически одновременны и близки памятникам карабулакской группы на юге Киргизии и тулхарской — в южных областях Средней Азии (см. ниже), хотя датировка первых менее аргументированна. Исследователи южных областей Средней Азии считают, что могильники тулхарской группы с захоронениями в подбоях оставлены юечжами. Общее сходство айгырджальской и тулхарской групп послужило основанием для предположения, что айгырджальские памятники также связаны с юечжами. В таком случае распространение могил с подбоями можно рассматривать как отражение процесса передвижения и расселения юечжийских племен по территории Средней Азии [Заднепровский Ю. А., 1975б].

Природные условия Семиречья и Тянь-Шаня благоприятствовали развитию скотоводства. Судя по находкам костей животных в могилах и костным остаткам в исследованных поселениях усуньского времени, население, обитавшее здесь, разводило все виды домашних животных. Ведущая роль принадлежала овцеводству и коневодству. Значительное развитие специализированного коневодства отмечают источники.

Усунь в источниках называют кочевым владением и о хозяйстве сообщают кратко: «Усуньцы не занимаются ни земледелием, ни садоводством, а со скотом перекочевывают с места на место, смотря по приволью в траве и воде. В обыкновениях сходствуют с хуннами. В их владениях много лошадей, и богатые содержат их от 4000 до 5000 голов» [Бичурин Н. Я., 1950б. С. 190]. Однако информаторы не смогли разобраться в специфике хозяйства усуней. Своеобразие природных условий Семиречья предопределило особенности развития скотоводческого хозяйства, которое должно быть охарактеризовано как вертикально-сезонное полукочевое. Население последовательно, по сезонам, сменяло пастбища, расположенные в разных географических зонах в пределах Семиречья. Здесь не было условий для непрерывного кочевания. К тому же, в Семиречье скотоводство сочеталось с земледелием.

Открытие археологами поселений усуньского времени внесло существенные изменения в наши представления о хозяйственной деятельности этого народа. В Чуйской долине обнаружено два таких поселения. Одно, у сел. Аламедин, к северу от г. Фрунзе, было сильно разрушено, и на нем удалось собрать только керамику [Тереножкин А. И., 1935]. Другое поселение — Кара-Балта (60×40 м), к западу от г. Фрунзе, также сильно разрушено. Сохранилось лишь одно округлое в плане наземное помещение (5,2×4,4 м). Стены глинобитные, на ровном полу — остатки очага. На вскрытом участке было несколько круглых хозяйственных ям. В культурном слое найдены почти целый сосуд и много обломков керамики, а также глиняное пряслице. Много костей домашних животных. В керамике преобладали большие хозяйственные сосуды, характерные для оседло-земледельческого населения. О занятиях земледелием позволяют говорить также хозяйственные ямы и зернотерки. По керамическому материалу поселение Кара-Балта датируется III в. до н. э.— III—V вв. н. э. А. К. Абетеков, исследовавший памятник, считает, что в III в. до н. э. — I—II вв. н. э. основу хозяйства жителей поселения составляло скотоводство, связанное с кочевым образом жизни, а примерно со II в. н. э. доминирующую роль стало играть земледелие [Абетеков А. К., 1970. С. 69, 70].

Еще одно поселение усуньского периода выявлено

в Тюпском заливе, на юго-восточном берегу Иссык-Куля. Под водой собраны обломки крупных хозяйственных сосудов, более свойственных оседлому населению. Керамика Тюпского поселения сходна с карабалтинской и с находками на поселении в Кум-Арыке в той же долине Чу, в 20 км от г. Кара-Балта. Таким образом, известно уже четыре поселения в долине Чу и на Иссык-Куле. Следует добавить к этому и древний город Чигу в котловине Иссык-Куля.

Значительно лучше сохранилось поселение Актас, обстоятельно изученное казахскими археологами в долине р. Кегень в восточном Семиречье. В небольшой горной долине выявлено скопление малых поселений I—III вв. В среднем их размеры 80×40 м. На Актасе II раскопана $^1/_3$ поселения. Обнаружено пять жилых помещений с хозяйственными пристройками. От постройки прямоугольной формы (площадь 126 кв. м) сохранились каменные фундаменты стен (толщина 1,5—2 м). В помещениях имеются остатки очагов и хозяйственные ямы (?). На поселении найдено много глиняной посуды, целые и обломанные зернотерки, песты, пряслица. На полу лежал обломок бронзового серпа. Среди находок — бронзовые нож и проколка, железные кинжалы, нож, костяные черешковые наконечники стрел [Акишев К. А., 1969]. Это поселение исключительно важно по ряду обстоятельств. Прежде всего бросается в глаза необычный для кочевых племен характер монументальной постройки на каменном фундаменте.

В этом отношении поселение Актас II похоже на Дараут-Курганское поселение усуньского времени в Алайской долине [Заднепровский Ю. А., 1962]. Здесь также открыта часть большой постройки прямоугольной формы с каменным основанием стен. Совпадают размеры стен и характер кладки, а также керамика со своеобразными налепными ручками. На обоих поселениях найдены обломки сосудов с отпечатками ткани и со следами краски. Одинаковы зернотерки и другие каменные орудия. Следовательно, оба поселения, расположенные на большом расстоянии друг от друга (около 800 км), сходны по типу построек, а по составу и характеру находок относятся к одному и тому же усуньскому периоду.

Однако соотношение костей домашних животных на этих поселениях показывает существенное различие. В Дараут-Кургане преобладают кости овец и коз и очень мало костей лошадей и коров. В Актасе кости мелкого рогатого скота составляют только половину остеологических материалов; костей лошади здесь почти в 10 раз, а коров — более чем в три раза больше, чем в Дараут-Кургане.

В Актасе выявлены неоспоримые доказательства занятия населения земледелием (каменные мотыги для обработки земли и серп для уборки урожая). О том же говорит многочисленность зернотерок. Кроме того, в окрестностях поселения в долине Кегеня открыты остатки оросительных арыков и небольших полей, обрабатывавшихся в древности. Все эти данные позволяют утверждать, вопреки сведениям письменных источников, известное развитие земледелия среди усуней.

Со II—I вв. до н. э. на территории Семиречья и Тянь-Шаня шел активный процесс смешения местного ираноязычного сакского населения с пришлыми племенами юечжей и усуней, имевшими центральноазиатское происхождение. В рамках усуньского союза совершались интеграция и консолидация кочевого населения страны. Появление пришлого населения не прошло бесследно. Заметно увеличился монголоидный компонент в европеоидной основе населения. Имеющиеся данные указывают на неоднородность населения в расовом отношении, хотя по-прежнему преобладающим был европеоидный брахикранный (памиро-ферганский) тип Среднеазиатского междуречья [Исмагулов О., 1962; Гинзбург В. В., Трофимова Т. А., 1972; Трофимова Т. А., 1974; Алексеев В. П., Гохман И. И., 1984].

УСУНЬСКИЙ ПЕРИОД, СРЕДНИЙ И ПОЗДНИЙ ЭТАПЫ (I—V вв.). В историческом развитии кочевников Семиречья и Тянь-Шаня первые века нашей эры представляют следующий этап, связанный с появлением здесь новых кочевых племен центральноазиатского происхождения, известных под собирательным именем гунны (хунны). В этой пестрой по этническому составу группе пришлых племен ведущая роль принадлежала тюркоязычным монголоидам. Еще более дробной и пестрой становится палеоэтнографическая карта расселения племен. Происходят изменения в культуре и быте всего населения.

Однако несмотря на приток нового населения и заметные изменения в культуре, в археологических материалах наблюдается преемственное развитие на протяжении всей первой половины I тысячелетия н. э. Об этом можно судить по памятникам поздней группы усуньских могильников в долине Или, которые датируются I—III [Кушаев Г. А., 1963] и даже I—V [Агеева Е. И., 1959; 1961; История Казахской ССР] вв. Устройство могил, погребальный обряд и сопровождающий инвентарь генетически связаны с предшествующими во времени памятниками.

Аналогичная картина выявлена на Тянь-Шане. Открытые здесь позднеусуньские могильники дали основание заключить, что Тянь-Шань был местом обитания значительной массы позднеусуньских племен вплоть до IV—V вв., времени включения этой территории в состав Тюркского каганата [Кибиров А. К., 1959б]. В культуре их было много традиционных черт, представляющих прямое развитие особенностей, характеризующих местное сакское население в составе усуньского союза.

По археологическим данным в предтюркский период усуньская культура была распространена на обширной территории восточного Семиречья. К этому времени относится вторичное обживание усуньского поселения Актас II и появление ряда могильников — Актасы и Сарытау.

Наряду с позднеусуньскими памятниками культура кочевников Семиречья первых веков нашей эры представлена могильниками типа Кенкол. Кенкольский могильник находится в верховьях долины Таласа, на левом берегу р. Кенкол. Из 100 курганов раскопана почти половина, в большинстве из них обнаружены катакомбные могилы. Устройство их одинаково: длинный (2—8 м) входной коридор-дромос завершается погребальной камерой-катакомбой, которая, как правило, располагается перпендикулярно дромосу. Круглый вход в катакомбу закрывался каменными плитами или деревянными плахами, очень редко — сырцовым кирпичом. Камеры были боль-

ших размеров и имели сводчатый потолок (табл. 31, *1*, *2*).

В могилах встречены одиночные и коллективные захоронения. Умершие положены на деревянное ложе или в деревянный (из арчи) гроб. Иногда они лежат на земляном полу, на подстилке из кошмы или циновке, изредка — на каменных плитах, которыми выложен пол камеры. Устойчивой ориентировки для покойников не было. Погребенных хоронили в полном одеянии. Особые условия местности способствовали сохранению одежды — штанов и шелковой рубашки, прямой, с высоким стоячим воротом и слегка суживающимися рукавами, которые оторочены красным узорчатым шелком. Это древнейшие известные нам образцы одежды населения Семиречья (табл. 31, *28*, *29*).

Погребенных мужчин снабжали оружием: железным двулезвийным мечом в деревянных ножнах, кинжалом, луком со стрелами. Удалось полностью восстановить сложносоставной лук с роговыми накладками. Железные черешковые трехперые наконечники стрел были небольшими и крупными (длина 6—8 см; табл. 31, *5—8*). Имеются также костяные наконечники (табл. 31, *3*, *4*).

Женщинам клали бронзовые зеркала, щипчики, сурьматаш с кусочком графита, кольца, серьги, бляшки, бусы, деревянное веретено с пряслицем (табл. 31, *11—19*, *25—27*). В каждой могиле были один-два глиняных сосуда, до пяти деревянных сосудов (чаши, тарелки, кружки, кувшины), деревянные столики на ножках (для резания мяса), плетеные корзинки (табл. 30, *30—34*). Изредка ставили глиняную курильницу (табл. 31, *36*). Кроме того, полагалась ритуальная пища — мясо барана, рядом — железный нож. В Кенколе найдены обломки деревянной детской колыбели (бешик), которую удалось реконструировать, и сумак — мочеотводная трубка (табл. 31, *24*, *35*). В могилах встречены железные удила, ножи, пряжки, точильные бруски (табл. 31, *9*, *10*, *20*, *21*, *23*).

Глиняные сосуды, в отличие от керамики предыдущего периода, как правило, плоскодонные. Часто поверхность их украшена резным орнаментом из волнистых линий. Типы сосудов своеобразны. Значительно большее число их изготовлено на гончарном круге (табл. 31, *37—42*). Некоторые из них могут быть местного производства. Большие кувшины с петлевидными ручками, вьючные фляги и курильницы в предшествующий период не встречаются.

Среди украшений выделяются золотые серьги со вставками белой пасты, украшенные зернью. Имеются золотые бляшки с цветным камнем, также окаймленные зернью. Среди привозных вещей — ханьские бронзовые зеркала (табл. 31, *26*), раковины каури и др. [Бернштам А. Н., 1940б; 1951; Кожомбердиев И. К., 1960; 1963].

У большинства погребенных в Кенколе отмечена искусственная деформация черепа. Погребенные принадлежали к европеоидному типу, но со значительной примесью монголоидных черт [Миклашевская Н Н., 1964; Гинзбург В. В., Трофимова Т. А., 1972; Перевозчиков И. В., 1967; Трофимова Т. А., 1974]. Отмечена практика мумифицирования.

Могильники, подобные Кенколу, обнаружены в разных частях долины Таласа, и стало быть, можно говорить о сплошном заселении ее племенами, оставившими памятники кенкольского типа.

Кенкольский могильник и культуру в целом А. Н. Бернштам связывал с гуннами и рассматривал как памятник начального этапа монголизации физического типа населения и его тюркизации. Синхронизация этих процессов вызвала споры. Вопрос об этнической принадлежности «кенкольцев» остается и поныне открытым. Но как бы он ни решился, этот памятник и вся культура отражают важный переломный момент в истории прежде всего кочевого населения края, связанный с появлением здесь крупных масс кочевников из Центральной Азии, возможных носителей тюркского языка.

Племена, сходные с «кенкольцами» по образу жизни и культуре, обитали и в Чуйской долине, о чем свидетельствуют материалы могильника Кум-Арык, расположенного в 20 км к юго-западу от г. Кара-Балта. Обнаруженные здесь захоронения в катакомбах по устройству, погребальному обряду и материальной культуре близки кенкольским. У большинства погребенных также были деформированные черепа. Среди находок — великолепные ювелирные изделия с инкрустацией и зернью. Особо отметим находку бронзовой монеты с квадратным отверстием [Кожомбердиев И. К., 1976].

Кенкольские памятники резко отличаются от грунтовых погребений Семиречья и в значительной мере — от подбойно-катакомбных захоронений Тянь-Шаня. Особенно заметны эти отличия в погребальном обряде. У «кенкольцев» господствуют катакомбные сооружения; нестабильна ориентировка погребенных; хоронят на деревянном ложе, каменных плитах или в гробу; кладут оружие; больше привозных вещей. Все эти признаки, как правило, отсутствуют в других курганах позднеусуньского времени. Кроме того, резко отличаются формы посуды из катакомб. В них больше керамики, изготовленной на гончарном круге, чаще встречаются деревянная посуда и столики. Кенкольские могильники выделяются и довольно широким распространением обычая прижизненной деформации головы [Гинзбург В. В., Трофимова Т. А., 1972. С. 152].

Преемственность в развитии культуры кочевников Семиречья и Тянь-Шаня в сакский и усуньский периоды, вплоть до конца IV — начала V в., свидетельствует об этногенетических связях в среде основной массы населения на протяжении по крайней мере тысячи лет. Вместе с тем спорадические появления кочевых племен центральноазиатского происхождения создавали основу для смешения различных этносов. Но только после массовой миграции гуннских (?) племен в эпоху великого переселения народов сложились условия, которые привели в конце концов к кардинальному изменению этнического состава скотоводов-кочевников Средней Азии. Среди памятников, фиксирующих момент массовых гуннских (?) миграций (конец IV — начало V в.), назовем богатое женское погребение, обнаруженное в ущелье Шамси (Чуйская долина) [Памятники культуры и искусства Киргизии], и погребения воинов, впущенные в культурный слой поселений Кзыл-Кайнартобе (Таласская долина) [Мерщиев М. С., 1970] и Актобе 2 (правобережье Сырдарьи, район Чардары) [Древности Чардары. С. 71—79]. Представля-

ется неправомерной датировка всех этих памятников, включая Кенкол, V—VII вв. [Амброз А. К., 1981]. Систематические передвижения центральноазиатских кочевников в Среднюю Азию, особенно усилившиеся к середине I тысячелетия н. э., способствовали процессу постепенной монголизации физического типа ранее европеоидного сакского населения, а также тюркизации местных ираноязычных кочевых племен. Процесс этот был длительным и сложным, и только в VI—VII вв. в Семиречье и на Тянь-Шане широко распространилось тюркоязычное население. В обстановке политического господства Тюркского каганата на этой территории происходят коренные изменения в этническом составе кочевников и складывается ядро современных тюркоязычных народов Средней Азии.

Ранние кочевники Кетмень-Тюбе, Ферганы и Алая

ПАМЯТНИКИ САКСКОГО ВРЕМЕНИ. Памятники кочевников-скотоводов сакского времени [2] выявлены во всех основных горных долинах, окружающих равнинную Фергану на севере, востоке и юге (карта 3). Лучше всего изучены сакские могильники в обособленной Кетменьтюбинской котловине, в среднем течении р. Нарын, в центре западного Тянь-Шаня, на расстоянии около 100 км к северо-востоку от Ферганской долины. Здесь в 50—70-х годах экспедициями под руководством И. К. Кожомбердиева раскопано более 300 курганов в 15 могильниках, расположенных в разных частях котловины [Кожомбердиев И. К., 1972; 1975а; 1977б]. Более 100 из этих курганов исследовано в Джал-Арыке, и поэтому культура сакского периода Кетмень-Тюбе (табл. 32) названа джаларыкской [Кожомбердиев И. К., 1979; Заднепровский Ю. А., Кожомбердиев И. К., 1984].

Могильник Джал-Арык II находится на левом берегу р. Чичкан, на месте современного г. Токтогул. В нем насчитывалось 150 курганов. Большинство из них раскопано. В настоящее время это единственный так полно исследованный сакский могильник на территории Тянь-Шаня.

Небольшая часть курганов, преимущественно больших размеров, располагалась цепочками, но большинство их разбросано без системы на узком участке протяженностью более 1 км. В могильнике выделяются курганы диаметром до 40 м, вокруг которых группируются насыпи диаметром 6—8 м с каменными выкладками. Устройство и погребальный обряд одинаковы в больших и малых курганах. Погребения совершали в простых грунтовых могилах, вытянутых с запада на восток. Насыпи и могилы различались по размерам, что, по всей вероятности, соответствовало социальному положению умершего. В больших курганах могилы (глубина до 2 м) почти всегда перекрыты накатом из бревен арчи. В них находился, как правило, один костяк (табл. 32, *1*). В других могильниках изредка встречаются двойные захоронения или две-три могилы под одной насыпью [Ташбаева К. И., 1981]. Погребенные лежат вытянуто на спине, обычно головой на запад. Мужчинам в могилы клали оружие: железные кинжал, чекан, стрелы в колчане (табл. 32, *2—11*), от которого сохранился бронзовый крючок (табл. 32, *12*). Женщин сопровождали разнообразные предметы туалета, зеркала, а также украшения: серьги, булавки, кольца, подвески-амулеты, раковины каури и разнообразные бусы (табл. 32, *14—18*, *47*). Несмотря на ограбления, обнаружены единичные украшения из золота, серебра и бронзы, выполненные в скифском зверином стиле (табл. 32, *26—31*). Имеются также различные поделки из бронзы и серебра, иногда с узорами (табл. 32, *19—24*).

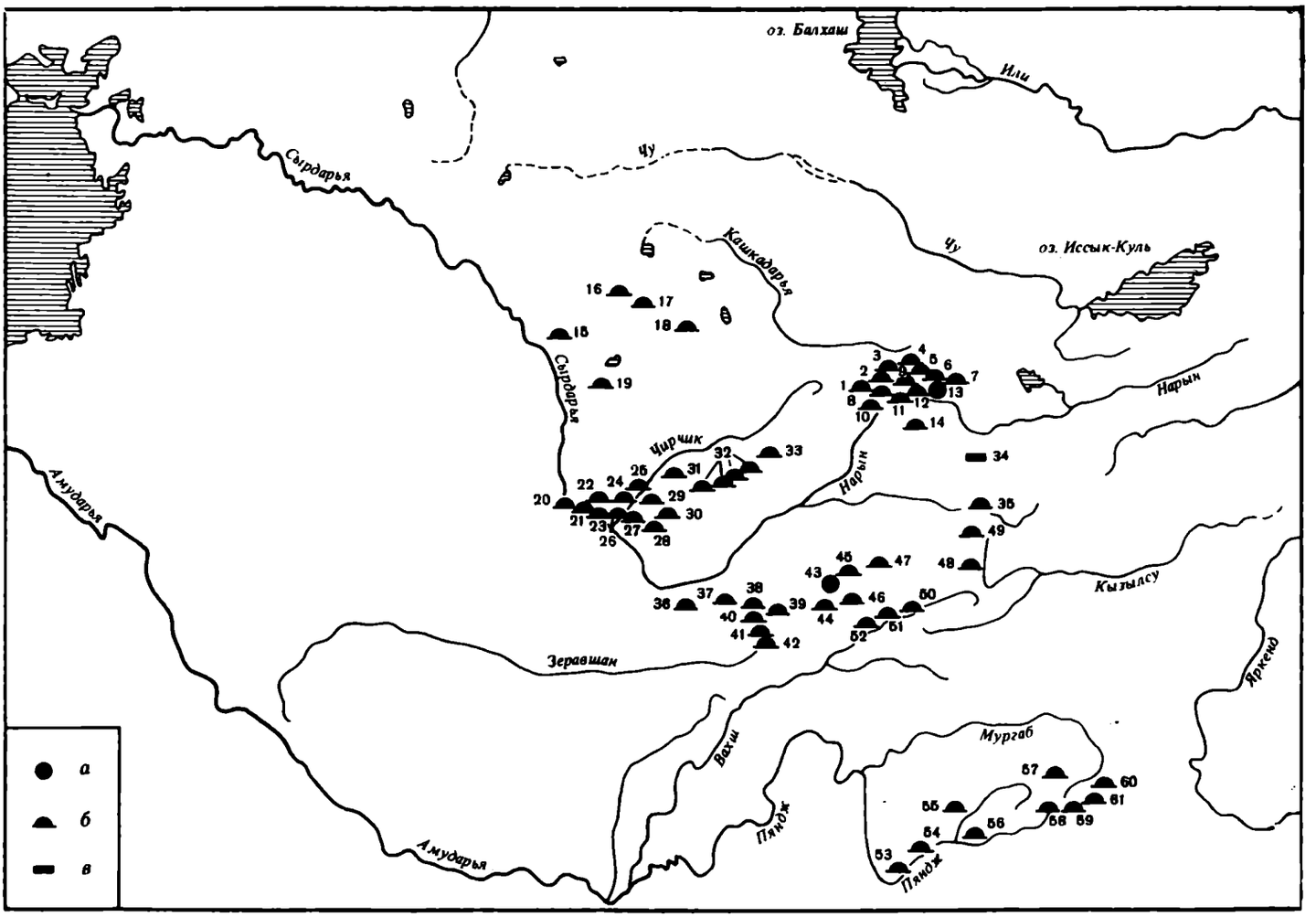
Во многих могилах найдено по одному сосуду, а в некоторых — до пяти-шести. В четырех курганах встречены каменные зернотерки. Особо отметим находку каменного жертвенника в виде овального камня с углублением (табл. 32, *25*). Он относится к широко распространенному типу переносных алтарей без ножек.

Очень редки кости барана от ритуальной мясной пищи. Только в одной могиле оказался крестец лошади. Примерно в 30 раскопанных курганах под каменными выкладками не было могильной ямы, а находили лишь обломки глиняных сосудов. Видимо, эти сооружения являлись поминальными курганами — кенотафами.

Самыми массовыми находками в Джал-Арыке и других сакских могильниках Кетмень-Тюбе являются глиняные сосуды. Преобладают лепные круглодонные чаши, горшки, кувшины грушевидной формы и кружки с петлевидной ручкой. На некоторых имеется прочерченный узор в виде треугольников с точечными вдавлениями (табл. 32, *43*). Особую группу составляют привозные лепные сосуды (табл. 32, *32*, *33*), окрашенные карминно-фиолетовой и красной краской, сходные с сосудами эйлатанской культуры Ферганы (VII—IV вв. до н. э.) [Заднепровский Ю. А., 1962]. Бесспорно привозными были светлофонные чаши и миски, изготовленные на гончарном круге, типичные для эйлатанского комплекса (табл. 32, *42*). Крашеные, расписные и станковые эйлатанские сосуды вместе составляют около $^1/_3$ всех находок керамики. Небольшая часть сосудов расписана геометрическими узорами. Имеется чаша с полосой заштрихованных треугольников (табл. 32, *33*), аналогичная чашам Кунгайского могильника Ферганы [Горбунова Н. Г., 1961]. Плоскодонный кувшин с несколькими полосами треугольников, заштрихованных решеткой (табл. 32, *38*), по форме необычен для местной сакской керамики и, очевидно, также является привозным. Само количество всех этих сосудов говорит о тесных связях скотоводов-кочевников с племенами земледельцев соседней Ферганы.

Простыми расписными узорами покрыты глиняные сосуды, типичные для саков (табл. 32, *36*, *37*). Роспись на этих сосудах появилась, по всей вероятности, в результате подражания привозным ферганским образцам. Особую группу составляют очень большие кувшины с узким горлом, носиком-сливом,

[2] Мы придерживаемся той же периодизации, что была предложена в предыдущем разделе: сакский период — VIII—III вв. до н. э.: усуньский — III в. до н. э.—V в. н. э.

Карта 3. Основные памятники Кетмень-Тюбе (*1—14*), Южного Казахстана и Ташкентского оазиса (*15—31*), Ферганы (*32—52*), Памира (*53—61*) VIII в. до н. э.— первых веков нашей эры

Кетмень-Тюбе: *1* — Теке-таш; *2* — Бос-Тектир; *3* — Джал-арык; *4* — Джал-арык II; *5* — Джаргата; *6* — Торкен; *7* — Алмалу; *8* — Кайрак; *9* — Сары-жон; *10* — Джалпак-таш; *11* — Акчий-Карасу II; *12* — Акчий-Карасу; *13* — Алмалу, поселение; *14* — Джаныш-Булак; *15* — Кок-Мордан; *16* — Кенсай; *17* — Тамды; *18* — Беркара; *19* — Боржар; *20* — Шаушукум; *21* — Актобе; *22* — Жаман-Тогай, курган I; *23* — Жаман-Тогай; *28* — Куль-ата; *29* — Апартак; *30* — мугхона Катта Килкисая; *31* — Бурч-Мулла; *32* — группа мугхона на севере Ферганы; *33* — Гурмирон; *34* — Саймалы-Таш; *35* — Кош-Этер; *36* — Кайрагач; *37* — Карамуйнак; *38* — Исфара; *39* — Калантархона; *40* — Сурх; *41* — Чарку; *42* — Ворух; *43* — Баткен; *44* — Карабулак; *45* — Боркорбаз; *46* — Тура-таш; *47* — Хангиз; *48* — Караджар; *49* — Шарт; *50* — Джалпактобе; *51* — Маашан; *52* — Кызыл-Туу; *53* — Касвир; *54* — Чильхона; *55* — Аличур II; *56* — Гамдинский; *57* — Жарты-Гумбез; *58* — Шаймак; *59* — Можугаш; *60* — Тегермансу; *61* — Акбеит; *а* — поселения; *б* — курганы; *в* — петроглифы

петлевидной ручкой и ручками-выступами, покрытые красным ангобом (табл. 32, *44—46*) [Кожомбердиев И. К., 1977а. Рис. 5]. Они не находят аналогий. Ничего определенного нельзя сказать и о происхождении чернолощеных кувшинов с прочерченным орнаментом (табл. 32, *38*).

Оружие в Джал-Арыке представлено железными кинжалами с бабочковидным перекрестьем и бруковидным навершием, чеканом и бронзовыми трехперыми наконечниками стрел (табл. 32, *2—11*). К изделиям сакского звериного стиля относятся серебряная бляха с изображением крылатых коней (табл. 32, *20*), объемная фигурка стоящего льва из тонкой золотой пластинки. В других могильниках обнаружены замечательные произведения прикладного искусства — золотая серьга с изображением двух соколов, вставками из голубого стекла и зернью. Из могильника Кайрак происходит золотая фигурка петушка на подставке, выполненная в реалистической манере (табл. 32, *31*). Имеются также золотая пластинка, на которой рельефом выполнено изображение фигуры женщины с кубком в руках (табл. 32, *26*); золотые пластинки в виде фигурки тигра, бронзовая бляшка с головой тигра с оскаленной пастью (табл. 32, *27*, *28*), золотая лента с орнаментом (табл. 32, *30*). Все эти находки свидетельствуют о высоком художественном мастерстве ювелиров сакской эпохи.

В Джал-Арыке погребены представители европеоидного физического типа, а также европеоиды с примесью монголоидности. Методом графической реконструкции восстановлен облик двух мужчин (табл. 59). Джаларыкская культура в целом достаточно аргументированно датируется V—III вв. до н. э. [Кожомбердиев И. К., 1979].

Аналогичные могильники сакского периода недавно исследованы в непосредственной близости от до-

лины Кетмень-Тюбе, к югу от нее, в долине р. Карасу [Кожомбердиев И. К., 1980; 1981].

К югу от Ферганы, в горных долинах Алайского хребта и в Алайской долине, также встречены могильники сакского времени. Экспедициями А. Н. Бернштама, Ю. Д. Баруздина и А. К. Абетекова исследовано более 200 сакских курганов. Опубликована только небольшая их часть [Бернштам А. Н., 1952; Заднепровский Ю. А., 1960а]. Захоронения совершали в простых грунтовых ямах, а также в могилах с каменными ящиками. Обе разновидности могил одновременны. Наряду с одиночными погребениями встречены коллективные, насчитывающие до шести костяков, располагавшихся ярусами. Так, в могильнике Шарт в одной могиле оказалось четыре костяка. При них найдены лепной горшок с двумя петлевидными ручками и чаша с расписным узором в виде заштрихованных решеткой треугольников в комплексе с железным ножом и двумя бронзовыми наконечниками стрел — трехперым черешковым и со сложной втулкой из трех «лапок» [Заднепровский Ю. А., 1962].

Инвентарь сакских погребений Алая довольно беден и однообразен. Он включает глиняные сосуды, единичные изделия из бронзы и железа, а также украшения. В алайских могильниках в закрытых комплексах встречены наконечники стрел скифского времени и расписная эйлатанская керамика из оседлых поселений Ферганы. В этом отношении они сходны с джаларыкскими памятниками Кетмень-Тюбе.

Курганы с каменными ящиками в Алае немногочисленны. Ящики сооружены из поставленных на ребро больших плит или крупных валунов. Внутри них находился один погребенный или несколько. Состав инвентаря и прежде всего керамики тот же, что в грунтовых могилах. Из могил с ящиками происходят бронзовые колоколовидное навершие с изображением рогов горного козла или барана, золотые серьги и подвески с зернью. Аналогичные по устройству могилы с каменными ящиками обнаружены в сакских памятниках котловины Иссык-Куля.

Рассмотренные памятники Алая и Кетмень-Тюбе по ряду признаков устройства погребального сооружения, обряду погребения и частично по сопровождающему инвентарю сходны с могильниками Актамской группы Ферганы, которые принадлежат осевшему земледельческому населению [Горбунова Н. Г., 1962; Заднепровский Ю. А., 1962]. Обычно основное внимание обращали на черты сходства, и это приводило к тому, что затушевывалось принципиальное различие этих памятников. В ферганских могильниках нет изделий скифского звериного стиля, предметов конского снаряжения, очень мало предметов вооружения. Они отличаются также необычными по устройству «длинными» курганами и небольшими размерами насыпей. На основании этих специфических особенностей можно разграничить памятники, принадлежащие кочевым или полукочевым сакским племенам Кетмень-Тюбе и Алая, и близкие им памятники оседло-земледельческого населения Ферганы.

Особый интерес представляет курган сакского времени в местности Кошэтер, в долине р. Яссы, в Узгенском оазисе на востоке Ферганы. Центральная могила была полностью ограблена. Во второй, грунтовой, могиле на глубине 4 м находился костяк взрослого мужчины, лежавшего головой на северо-восток. Часть лица покрыта пластинками листового золота. В могиле обнаружены серебряный кувшинчик, бронзовый котелок с двумя ручками, два железных ножа, бронзовые пряжки и наконечник стрелы. Здесь же был шаровидный кувшин, покрытый красным ангобом,— самый древний образец гончарной красноангобированной посуды, известной в Ферганской долине. Это захоронение — одно из самых богатых в рассматриваемом районе — датировано VI—IV вв. до н. э. [Винник Д. Ф., 1970].

На окраинах Ферганы, как и в других районах распространения сакской культуры, известны случайные находки того времени. Среди них — два бронзовых котла на конической ножке и с двумя горизонтальными ручками. Еще один котел, несколько отличающийся по форме, найден в Узгенском оазисе [Заднепровский Ю. А., 1962].

Замечательным памятником искусства сакских племен является грандиозное скопление наскальных рисунков в Саймалы-Таше на Ферганском хребте. Среди них выделяются прекрасно исполненные в скифском зверином стиле изображения животных [Бернштам А. Н., 1952; Шер Я. А., 1980].

ПАМЯТНИКИ УСУНЬСКОГО ВРЕМЕНИ. Памятники усуньского периода Кетмень-Тюбе изучены мало, и их отличие от предшествующих сакских очень трудно проследить, что указывает на преемственное развитие культуры кочевого населения края на протяжении всей второй половины I тысячелетия до н. э.

Резкие изменения в культуре кочевого населения рассматриваемого района происходят в последние века до нашей эры, с началом нового исторического этапа. В середине II в. до н. э., как уже говорилось, на исторической арене Средней Азии появились усуни и юечжи — кочевые племена центральноазиатского происхождения.

К усуньскому периоду в Кетмень-Тюбе относится небольшой, почти полностью раскопанный могильник Джаныш-Булак на левом берегу р. Нарын [Абетеков А. К., 1977]. Здесь имеются захоронения в грунтовых могилах и в подбое. По устройству, обряду и глиняной посуде они во многом сходны с усуньскими памятниками долины р. Или в Семиречье. В большой серии сосудов преобладают полусферической формы чаши, миски, кружки с петлевидной ручкой. Аналогичная посуда найдена в могильнике Теке-Таш на левом берегу р. Чичкан, на правобережье Нарына. Этот памятник датирован IV в. до н. э.— I в. н. э. [Мокрынин В. П., 1977; Кожомбердиев И. К., 1977б. С. 220]. Помимо погребений в грунтовых могилах и подбоях, в Кетмень-Тюбе изучены могильники первых веков нашей эры с захоронениями в катакомбах. Эти памятники выделены нами как торкенская группа [Заднепровский Ю. А., Кожомбердиев И. К., 1984]. Большие материалы для ее характеристики получены при раскопках более 500 курганов [Кожомбердиев И. К., 1977б]. Могильники располагаются в межгорных ущельях, на расстоянии 5—10 км друг от друга, на всей территории Кетмень-Тюбе. Они сосредоточены в пяти географических районах: в долине Чичкана, междуречье Чичкана и Торкена, долине Торкена и двух районах на левом берегу Нарына. Такое расположение в из-

вестной мере отражает родо-племенные группировки полукочевого населения первых веков нашей эры.

В ряде могильников выделяются огромными размерами единичные курганы (диаметр 30—40 м). Могильные сооружения состоят из катакомбной камеры, иногда очень большой, и длинного узкого дромоса, расположенного перпендикулярно катакомбе (табл. 30, *1*). По устройству катакомбы сходны с могилами, типичными для Кенкола. Вход в катакомбу закрывали камнем, сырцовыми кирпичами, гуваляком (овальными комками глины) и изредка керамическим шлаком. Имеются одиночные, парные и коллективные погребения. Умершие лежат в вытянутом положении на спине, головой на запад, северо-запад и северо-восток. Ориентировка, как видим, не была устойчивой. Захоронения совершали на земляном полу камеры, в арчовых гробах и на арчовых ложах.

Как размеры погребальных сооружений, так и количество и качество сопровождающего инвентаря указывают на значительное имущественное и социальное расслоение общества, на выделение в нем слоя богатых людей, принадлежавших к господствующей верхушке.

В больших катакомбах умершего мужчину-воина хоронили в арчовом гробу, который обивали дорогими тканями, часто в железной кольчуге или пластинчатом панцире. Рядом с ним находились большой (длина до 165 см) сложный лук, стрелы с железными наконечниками (длина древка 85—95 см; табл. 30, *5—7*), железные меч (табл. 30, *4*), палаш и кинжал. В изголовье ставили деревянный столик на четырех ножках (табл. 30, *33*) с кусками мяса (голова, таз и задние ножки барашка с воткнутым в них железным ножом). Поблизости находились деревянные кружки, тарелки (табл. 30, *29—34*) и два-три глиняных сосуда. Очень часто вместе с воином погребена женщина в богатом одеянии с разнообразными украшениями — золотыми серьгами, перстнем, бусами, а также с бронзовым зеркалом, каменными туалетными палочками для сурмления бровей (сурьматаш) и другими предметами туалета (табл. 30, *14—20*, *22—24*, *37*).

Изредка в богатых захоронениях встречаются погребальные маски из листового золота, которые состоят из отдельных частей — наротника и наносника (табл. 30, *21*).

Состав погребального инвентаря единообразен по всей долине Кетмень-Тюбе. Наиболее многочисленна глиняная посуда. Преобладают лепные плоскодонные кувшины, горшки с ручками, кружки (табл. 30, *38—47*). В небольшом количестве представлены гончарные сосуды. Среди них особо выделяются изделия, покрытые красным ангобом. Имеются также сосуды, украшенные процарапанным орнаментом, характерным только для ферганской керамики. Следовательно, и в этом период в Кетмень-Тюбе привозили сосуды из Ферганы. В целом комплекс керамики резко отличается от посуды предшествующего периода. К тому же, в катакомбах встречаются сосуды своеобразных, ранее неизвестных форм, таких, как вьючные фляги (табл. 30, *45*), курильницы, кувшины с носиком в форме головы животного (табл. 30, *38*), миниатюрные сосудики.

В нескольких могилах обнаружены осколки стеклянных сосудов и целые бокалы с волнистым орнаментом (табл. 30, *35*, *36*). Довольно часто встречаются дисковидные бронзовые плоские зеркала местного производства, а также привозные ханьские. Очень разнообразны украшения и детали одежды — пряжки, подвески (табл. 30, *10—13*). Попадаются скульптурные и плоские фигурки животных (табл. 30, *25*, *26*). Значительную часть украшений составляют предметы полихромного стиля — серьги, перстни, медальоны из золота и серебра с инкрустацией из драгоценных камней и цветного стекла, обрамленные зернью (табл. 30, *14—20*).

Среди орудий труда — ножи, тесло (табл. 30, *8*, *9*). Значительно больше, чем в могилах сакского времени, каменных зернотерок. В одной катакомбе на деревянном блюде лежали четыре просяные лепешки.

В нескольких погребениях обнаружены шелковые ткани и ткани полотняного плетения. Найдены также железные кольчатые удила, в том числе с фигурными псалиями.

У скотоводов, хоронивших в катакомбах, был распространен обычай кольцевой и конусовидной деформации черепа. По сравнению с сакским периодом в антропологическом типе населения стали заметнее монголоидные признаки.

Племена, жившие в долине Кетмень-Тюбе и оставившие катакомбные захоронения, занимались преимущественно отгонным скотоводством. У них были и поселения, судя по развалинам, обнаруженным возле могильника Алмаллу в долине Торкена и около могильника Джаныш-Булак на левом берегу Нарына. Об оседлости говорят также находки сырцового кирпича, которым закрывали вход и камеру, керамических шлаков и зернотерок.

Памятники торкенской группы датируются I—V вв. [Кожомбердиев И. К., 1960; 1975в; 1977б]. Они резко отличаются от памятников предшествующих периодов и по устройству могил, и по погребальному обряду, и по всему облику материальной культуры. Они принадлежат пришлому населению, которое появилось в Кетмень-Тюбе в последних веках до нашей эры и надолго обосновалось в этой долине, исключительно благоприятной для занятия скотоводством. По всей вероятности, население Кетмень-Тюбе было родственно кенкольским племенам соседних Таласской и Чуйской долин.

Памятники этой эпохи отражают важный этап в истории кочевого населения степей Евразии, связанный с появлением крупных масс кочевников из глубин Центральной Азии. Среди них ведущая роль принадлежала хуннам. Вопрос об этнической принадлежности населения, хоронившего в катакомбных могилах и прежде всего оставивших памятники кенкольской культуры, все еще остается открытым и дискуссионным. Однако возможность отождествления населения кенкольской культуры с гуннами (хуннами) нельзя исключать [Засецкая И. П., 1982. С. 74; Алексеев В. П., Гохман И. И., 1984].

На территории Ферганской долины памятники полукочевого населения первой половины I тысячелетия н. э. встречены во многих местах и образуют несколько географических групп. Среди них особо выделяются памятники карабулакской группы, скон-

центрированные в междуречье Соха и Ляйляка на юге Ферганы. Раскопки могильника Карабулак [Баруздин Ю. Д., 1956; 1957а; 1957б; 1961; Баруздин Ю. Д., Брыкина Г. А., 1962] выявили своеобразные материалы, которые позволили выделить самостоятельную карабулакскую культуру. К ней принадлежат также могильники долины Исфары [Латынин Б. А., Оболдуева Т. Г., 1959; Литвинский Б. А., 1972а] и такие памятники, как Боркорбаз [Сорокин С. С., 1961б] и Карамуйнак [Заднепровский Ю. А., 1960]. В начале 70-х годов известные тогда материалы были объединены Б. А. Литвинским и названы карабулакско-ворухской культурой [Литвинский Б. А., 1972а. С. 129]. Н. Г. Горбунова предложила называть эту культуру кугайско-карабулакской [Горбунова Н. Г., 1983], объединив памятники оседло-земледельческого и полукочевого населения Ферганы, что, на наш взгляд, вряд ли допустимо.

Исследовано более 500 курганов карабулакской культуры. Большинство из них содержало захоронения в подбоях, довольно много грунтовых могил и мало — катакомбных. Почти во всех могильниках обнаружены погребальные сооружения всех трех разновидностей, что, очевидно, отражает смешение населения разного происхождения. Несмотря на некоторое различие в деталях обряда погребения, составе и характере сопровождающего инвентаря, всем карабулакским памятникам свойственно определенное единство.

Могильник Карабулак, давший название культуре, расположен в Баткентской долине. В нем насчитывается более 900 курганов, пятая часть которых раскопана [Мокрынин В. П., Лубо-Лесниченко Е. И., Шер Я. А., 1977]. Преобладают подбойные могилы (табл. 33, *1*, *2*). Умерших клали в дощатые гробы, колоды или на доски. Вход в подбойную нишу закладывали плетнем или плахами. Обычно погребенных хоронили головой строго на юг. В могиле, как правило, находится один костяк. Погребения мужчин сопровождает оружие: железные мечи (длина 80 см), кинжалы, ножи, большой лук (табл. 34, *15*), стрелы с железными черешковыми наконечниками и хорошо сохранившимися деревянными древками (табл. 34, *1—14*).

Женщинам клали плетеные корзинки (табл. 34, *31*) с маленькими сосудами для косметики, сурьматаш с куском графита, деревянные гребни, бронзовые зеркала, ожерелья из разнообразных бус и другие украшения (табл. 34, *16—20*, *27—30*). Кроме того, в могилы ставили несколько глиняных и деревянных сосудов, а также деревянные столики для резания мяса (табл. 34, *32—35*, *38—56*). Во многих погребениях имеются остатки ритуальной пищи — кости барана.

При благоприятных почвенных условиях в Карабулакском могильнике сохранилось много предметов из органических материалов. До нас дошли образцы привозных шелковых тканей с замечательными узорами (табл. 34, *26*). В некоторых могилах обнаружены мумифицированные останки погребенных.

Отметим также деревянный прибор для добывания огня, деревянный крюк (табл. 34, *36*, *37*) и шелковый наглазник (табл. 34, *25*).

Среди редких находок — диадема в виде шелковой повязки с бронзовыми бляшками, на которых изображены мужская голова в венце, символизирующая солнечное божество, и женская голова с полумесяцем — символ лунного божества. Эти бляшки чередуются с другими — в форме шестилепестковых розеток и полусфер (табл. 34, *28*). Бляшки диадемы свидетельствуют о распространении астрального культа [Баруздин Ю. Д., Беленицкий А. М., 1961]. В Карабулаке найдены привозные ханьские зеркала и уникальное зеркало с ручкой в виде фигурки индийской танцовщицы (табл. 34, *19*, *21*) [Баруздин Ю. Д., Подольский А. Г., 1961]. Все эти импортные предметы характеризуют устойчивые связи с Восточным Туркестаном, Китаем и Индией.

Религиозные представления людей, оставивших памятники карабулакской культуры, отражены в алебастровых идолах из могильников Тураташ и Ворух (табл. 34, *24*; 35, *11*) и бронзовых фигурках человека (табл. 34, *22*, *23*).

Бытовая утварь, характерная для карабулакской культуры, прежде всего глиняные сосуды, близка изделиям ремесленных центров древней Ферганы. В этом отношении особенно показательны сосуды, изготовленные на гончарном круге, покрытые красным или коричневым ангобом и украшенные процарапанным орнаментом (табл. 34, *42*, *47*).

Поблизости от могильников располагались связанные с ними поселения. Так, разрушенное поселение с керамикой, одинаковой по форме с сосудами могильника Карабулак, выявлено у сел. Баткен. К северу от сел. Булак-Баши располагается еще одно такое же поселение с керамикой и зернотерками. Третье обнаружено около родника в местности Субаши, к югу от Карабулака. Еще одно поселение — Актепе — находится близ Карабулака [Баруздин Ю. Д., Брыкина Г. А., 1962].

Аналогичные поселения имеются в долине Соха, поблизости от могильника Боркорбаз и на левом берегу р. Кштут, а также в долине Исфары (селище Гор-и Муг). Все перечисленные поселения и могильники, очевидно, принадлежали одному народу, для которого был характерен полукочевой образ жизни [Заднепровский Ю. А., 1960]. Можно полагать, что жители наряду со скотоводством занимались и земледелием.

Основная масса захоронений карабулакской культуры относится к I—IV вв.

Вторая группа погребальных памятников полукочевого населения расположена к западу от карабулакских и занимает юго-западную часть Ферганской долины. Здесь преобладают погребения в катакомбах с длинным дромосом. Наиболее полно исследован могильник Кайрагач в долине р. Ходжа-Бакырган, неподалеку от земледельческого оазиса Ленинабада. Из 200 курганов раскопано более 50 [Заднепровский Ю. А., 1960; Брыкина Г. А., 1982]. Преобладают захоронения в катакомбах (табл. 33, *3—5*; 35, *21—44*), известно пока только одно погребение в подбойной могиле. Следует отметить большое сходство с могильником Ширинсай у Беговата (Гайдукевич В. Ф., 1952] и памятниками юго-восточных районов Ташкентского оазиса. Изученные в Кайрагаче курганы датированы первыми веками нашей эры [Заднепровский Ю. А., 1960]. Г. А. Брыкина

[1982] выделяет в могильнике две группы: I—III и V—VI вв.

Третья локальная группа полукочевого населения оставила могильники в некоторых долинах северного склона Алайского хребта — от Шахимардана до Ошского оазиса. Захоронения здесь совершали в своеобразных катакомбах, состоящих из больших овальных камер, вытянутых с запада на восток, и небольшой перпендикулярно расположенной входной ямы, как бы сильно укороченного дромоса (табл. 33, *9*). Этот тип катакомб назван хангизским.

Необычная форма катакомбы, широтная ориентировка погребенных, в отличие от Кайрагача, большое количество гончарных сосудов с красным ангобом — все это позволило выделить памятники района в самостоятельную группу (табл. 35, *46—59*). Хотя преобладают здесь катакомбы хангизского типа, но в небольшом количестве встречаются курганы с подбоями и грунтовыми могилами [Заднепровский Ю. А., 1960; Горбунова Н. Г., Гамбург Б. З., 1957; Горбунова Н. Г., 1981].

Яркой самобытностью отличается культура полукочевого населения в долинах Чаткальского хребта и Кара-Мазара в северо-западной Фергане и на прилегающих участках Ташкентского оазиса. В этом районе, охватывающем территорию от долины Ахангерана на западе до Падша-Ата на востоке, встречены наземные каменные склепы — мугхона — и каменные ящики. Такие погребальные сооружения известны только в этом районе. За его пределами они обнаружены в небольшом количестве лишь в юго-западной Фергане. Известное сходство с ними имеют также курганы, изученные на южных склонах Каратау [Максимова А. Г., 1973].

Эти необычные погребальные сооружения располагаются иногда большими скоплениями, но чаще небольшими группами в узких ущельях и на вершинах невысоких хребтов и гряд. Точное количество их не учтено, ориентировочно можно говорить о нескольких тысячах. Исследовано более 200 сооружений, преимущественно на таджикской территории Кара-Мазара [Воронец М. Э., 1954; Литвинский Б. А., 1972а (памятники мугхона выделены в аштскую культуру с двумя вариантами)].

Мугхона представляет собой овальную наземную постройку из хорошо подогнанного камня, с купольным, сводчатым или плоским перекрытием и узким входом-лазом (табл. 33, *11*, *12*). Внутри погребальная камера обычно прямоугольная. Эти склепы различаются по устройству, количеству кольцевидных стен и размерам. Они служили семейными усыпальницами для неоднократных захоронений. В них находят, как правило, останки нескольких погребенных с большим количеством инвентаря. В одних могильниках с мугхона есть сложенные из камня курганы, в которых погребенные уложены в каменные ящики (табл. 33, *10*). Ящики сооружены из нескольких, часто необработанных плит и поставлены на уровне древнего горизонта. Сверху они также перекрыты плитами, на которые набросаны камни насыпи. В исследованных памятниках имеются погребальные сооружения, в которых типичные черты выражены нечетко. Это как бы переходные формы между мугхона и каменными ящиками. Население, которое оставило эти памятники, несомненно обладало довольно высокими строительными навыками в возведении каменных построек и было хорошо знакомо с приемами сырцового строительства, традиционного для оседлых жителей Ферганы и Ташкентского оазиса.

Рассматриваемые памятники принадлежали одному населению: полукочевым горнопастушеским племенам [Воронец М. Э., 1954]. В их обиходе была лепная, а также гончарная с красным ангобом посуда. Полусферические чаши, бокалы на маленькой ножке-подставке, миниатюрные горшочки и другие сосуды являются продукцией ремесленных центров Ферганы. Найдены обломки деревянных сосудов. В мужских погребениях обнаружены железные наконечники стрел, в женских — сурьматаши, украшения и бусы. Имеются ханьские медные монеты у-шу, такие же, как в Гурмироне. Весь комплекс находок позволяет датировать ранние мугхона и каменные ящики I—II вв. (табл. 35, *60—68*), основную же массу погребений — II—IV вв., а некоторую часть — V—VII вв. н. э. [Литвинский Б. А., 1972а. С. 132].

Керамика из мугхона резко отличается от керамического комплекса карабулакской культуры, прежде всего по процентному соотношению сосудов разных групп. В мугхона значительно больше кружек, одноручных кувшинов, чашек и меньше кувшинов без ручек и миниатюрных сосудов [Литвинский Б. А., 1973б]. Все это подтверждает правомерность выделения самостоятельной культуры горнопастушеских племен. Но вряд ли целесообразно выделять внутри нее два варианта — западный и восточный — и рассматривать первый из них как горный вариант каунчинско-джунской культуры [Литвинский Б. А., 1972а. С. 212, 213]. Это заключение основано на некотором различии в ассортименте керамики и на находках в памятниках, расположенных на западе, сосудов с зооморфными ручками, характерных для Ташкентского оазиса. Своеобразие керамики достаточно ясно прослежено, но оно говорит не о двух вариантах культуры, а об основных направлениях торговых связей местного населения с Ташкентским оазисом и с Ферганой.

По ряду признаков отличается культура кочевого населения, обитавшего на севере Ферганы. В этом районе не обнаружены захоронения в подбойных могилах. Здесь известно три могильника первых веков нашей эры, из которых наиболее широко исследован только Гурмиронский, расположенный к югу от г. Касансай. Его копали А. Н. Бернштам, Ю. Г. Чуланов, С. Рахимов и Э. Кадыров [Бернштам А. Н., 1951; Кадыров Э., 1975б]. Из 60 курганов раскопано более 40. Преобладают курганы с катакомбами и только два — с грунтовыми могилами. Катакомбы имеют прямоугольную или овальную форму (табл. 33, *6—8*). Прямоугольный или квадратный дромос расположен перпендикулярно камере. Катакомбы Гурмирона несколько отличаются от катакомб Кенкола, для которых характерны длинные и узкие дромосы. Возможно, они представляют собой промежуточный вариант между кенкольским и хангизским типами.

В основании курганов Гурмирона есть каменные кольца, что вообще характерно для более ранних

сооружений сако-усуньского времени. Погребения в могильнике одиночные, реже — парные. Костяки лежат на подстилке или подсыпке из гальки. Комплекс керамики своеобразен (табл. 35, *12—20*). В нем много форм, типичных для ремесленных центров Ферганы [Сорокин С. С., 1954]. Ряд погребений Гурмирона датирован последними веками до нашей эры, основная часть — I—II вв. Основанием для датировки служат находки мелких трехперых железных наконечников стрел, ханьские монеты и другие предметы (табл. 35, *1—10*; *12—20*) [Кадыров Э., 1975б].

По устройству погребальных сооружений и находкам, прежде всего по керамике, Гурмирон отличается от памятников соседних долин Таласа (Кенкол) и Кетмень-Тюбе (Акчий-Карасу). Он имеет определенное сходство с могильником Кайрагач на юго-западе Ферганы. В Кайрагачском и Гурмиронском могильниках найдена сходная керамика, одинаковы типы трехлопастных железных наконечников стрел, бронзовых застежек, перстней, бобовидных серег, ханьских монет и др. Однако ориентировка погребенных различна: в Гурмироне — на восток, в Кайрагаче — меридионально, с отклонениями.

В нескольких пунктах Алайской долины и прежде всего в местностях Маашан и Кызыл-Туу около сел. Дароо-Коргон открыты могильники с подбойными захоронениями [Бернштам А. Н., 1949а]. В них обнаружены одиночные и коллективные погребения. Умершего укладывали в гроб или на подстилку, часто головой на север. Сопровождающий инвентарь беден и однообразен — железные ножи, пряжки, скромные украшения. В бедных могилах нет даже глиняных сосудов.

Но обнаружены и захоронения, отличающиеся большим богатством (табл. 35, *69—81*). В Джалпакдепе, в могиле без костяка, найдена маска из тонкого листа золота. Глаза, рот и ноздри на ней обозначены отверстиями. В этом же могильнике, датируемом III—IV вв., встречена великолепная импортная стеклянная чаша с ручками в виде головы льва, возможно римского производства, попавшая сюда издалека. Из алайских курганов происходит серия прекрасных ювелирных изделий: золотой медальон с гранатом, окаймленный зернью; различные золотые бляшки, украшенные зернью; золотой перстень со щитком, на котором изображена розетка с инкрустацией красным камнем и голубой пастой]Абетеков А. К., 1975а; Памятники культуры и искусства Киргизии]. Эти художественные изделия полихромного стиля не уступают по мастерству и качеству лучшим ювелирным произведениям своего времени.

Основную массу памятников всех рассмотренных групп полукочевого населения окраин Ферганы исследователи относят к одному периоду — первым векам нашей эры (I—IV вв.). Однако вопросы датировки могильников все еще остаются спорными. Положение осложнено тем, что трудно опираться на анализ керамики — самой многочисленной категории находок. До сих пор нет надежной хронологии красноангобированной керамики поселений Ферганы, так же, как и обоснованной периодизации. Наиболее вероятно, что время ее изготовления охватывает период с III—II вв. до н. э. по III—IV вв. н.э. [Оболдуева Т. Г., 1951]. Но установлено также, что керамика с красным ангобом доживает до VI в. [Козенкова В. Н., 1964]. После исследований Н. Г. Горбуновой [1979] весь этот комплекс стали относить только к I—IV вв. Эта ситуация сразу сказалась на датировке могильников.

Узловым вопросом остается определение нижней границы, т. е. времени появления, рассматриваемых памятников. Напомним, что в могильнике Карабулак на основании находок зеркал раннесарматских типов и железных кинжалов с прямым перекрестьем выделены захоронения, относящиеся к последним векам до нашей эры, хотя основная часть курганов датирована II—IV вв. [Баруздин Ю. Д., 1961]. Возможность выделения ранних комплексов II—I вв. до н. э. в могильниках Тура-Таш и Кок-Таш доказывала в свое время Н. Г. Горбунова [1966]. Однако эти материалы не учтены в обобщающей работе Б. А. Литвинского [1972а], предложившего омоложенные даты для всех карабулакских памятников, которые он делит на три хронологические группы: I—II, II—IV и V—VII вв.[3]

Первый исследователь курганов с каменными ящиками относил их к последним векам до нашей эры [Воронец М. Э., 1954. С. 63], а мугхона, — к I—II вв. Б. А. Литвинский [1972а. С. 195] суммарно датировал эти памятники I—II — VI—VII вв. К ранним памятникам можно отнести и погребение в Караджаре на востоке Ферганы с зеркалом раннесарматского типа (утолщенный валик, ручка-штырь) и шурабашатской керамикой. Таким образом, выделяется небольшая группа ранних захоронений, обнаруженных в разных местах Ферганы: на северо-западе, востоке и на юге.

Следует также обратить внимание на различие комплексов керамики сакских и актамских могильников Ферганы V—III вв. до н. э., с одной стороны, и керамики из катакомбных могильников и подбойных погребений — с другой. Смена керамики произошла, по всей вероятности, на рубеже III—II вв. до н. э. Можно думать, что памятники последних веков до нашей эры со временем будут выделены среди катакомбно-подбойных могильников, ибо могильники другого типа, которые можно было бы отнести к этому времени, здесь пока не обнаружены. У нас нет оснований допускать, что кочевое или полукочевое население на окраинах Ферганы почему-то исчезло в III—I вв. до н. э. и появилось затем только в на-

[3] Датировка, предложенная Б. А. Литвинским, как нам кажется, более всего приближается к истине. Ссылки Ю. Д. Баруздина и Ю. А. Заднепровского на раннесарматские зеркала и мечи не могут служить достаточным аргументом. Мечи без навершия с прямым перекрестьем, о которых пишет Ю. А. Заднепровский, встречаются в сарматских погребениях вплоть до II в. н. э. включительно. Ситуация с зеркалами еще сложнее. Во-первых, среднеазиатские зеркала не идентичны сарматским ни в деталях, ни по размерам. Во-вторых, среднеазиатские зеркала (в частности, зеркало из кургана в Келесской степи, на которое ссылается Ю. Д. Баруздин) датируются (по римской фибуле Avcissa) временем не ранее I в. н. э. В-третьих, среди огромной серии зеркал в могильнике Алтын-асар 4 (восточное Приаралье) обнаружены как архаические формы, так и раннесарматские. Л. М. Левина датирует Алтын-асар 4 III в. до н. э.—VI в. н. э. После этой находки остро встала проблема создания региональных датировок каждой категории вещей. Особенно это касается зеркал и оружия *(Ред.)*.

чале нашей эры. Наоборот, конкретные исторические факты говорят о тесных связях древней Ферганы с соседними усунями и кангюйцами. О том же свидетельствует и общее сходство рассматриваемых памятников Ферганы и могильников усуньского времени Семиречья и Тянь-Шаня. Надо учитывать также отсутствие данных о местных корнях катакомбно-подбойных памятников. В Фергану они, очевидно, привнесены пришлым населением. Следовательно, вопрос о происхождении и времени появления этих памятников в Фергане следует рассматривать на широком историческом фоне.

Катакомбные могильники в Фергане распространяются на рубеже II—I вв. до н. э., судя по материалам Гурмирона. Здесь в захоронениях обнаружено много монет у-шу, причем имеются экземпляры выпуска 118 г. до н. э. и одна — 73—47 гг. до н. э. [Кадыров Э., 1975б]. Следовательно, часть катакомбных погребений могла появиться уже на рубеже II—I вв. до н. э., хотя период их максимального распространения приходится на I—IV вв.

Основанием для определения нижней хронологической границы рассматриваемых памятников следует считать появление на Тянь-Шане и в Семиречье пришлых племен юечжей и усуней и распространение во II—I вв. до н. э. катакомбных и подбойных могильных сооружений на территории Средней Азии. Однако, учитывая состояние разработки хронологии, мы вынуждены по-прежнему оперировать суммарной датировкой II—I вв. до н. э.— I—IV вв. н. э.

К сожалению, отсутствуют критерии для твердого определения и верхней границы рассматриваемых памятников. Исследователи датируют поздние могильники по-разному: IV—VI или IV—VII, V—VI или V—VII вв. В качестве определенной вехи для обозначения верхней даты исследуемых памятников можно принять появление на рубеже IV—V вв. на исторической арене Средней Азии новых кочевых племен — хионитов и эфталитов — и все памятники V—VII вв. относить к иному историческому периоду.

Период первых веков нашей эры был временем наибольшего распространения и наибольшей плотности скотоводческого населения на периферии Ферганы.

Обнаруженные в курганах находки позволяют охарактеризовать основные направления культурных связей полукочевников Ферганы. Ряд изделий указывает на тесные культурные и торговые отношения с Восточным Туркестаном и Ханьским государством (ханьские зеркала и монеты, шелковые ткани), а также со странами, расположенными к юго-западу от Ферганы, например, с Индией или Восточным Средиземноморьем (ручка в виде фигурки индийской танцовщицы, изделия из египетской пасты и др.). Некоторые предметы вооружения, а также туалета (зеркала) имеют сходство с изделиями, характерными для сарматских племен. Многочисленные данные свидетельствуют о широких культурных связях полукочевых племен с оседло-земледельческим населением Ферганы, от которого они получали бóльшую часть орудий труда, домашней утвари и украшений.

Приведенные материалы позволяют предполагать, что первые захоронения в подбойных могилах на юге и востоке Ферганской долины, а также курганы с каменными ящиками и мугхона — на северо-западе появились в последние века до нашей эры (II—I вв. до н. э.). Если это так, то могильники карабулакской культуры и некоторые другие погребальные памятники Ферганы были частично синхронны первому этапу (III—I вв. до н. э.) усуньского периода Семиречья [История Казахской ССР. С. 310] или ранним комплексам айгырджальской группы. Последние отличаются расположением подбоя в северной стенке могилы и широтной ориентировкой погребенных (в Карабулаке преобладает меридиональная). Правда, различаются они и по инвентарю, главным образом по керамике. С другой стороны, карабулакские памятники близки и частично синхронны памятникам тулхарской группы в южном Таджикистане на территории северной Бактрии [Мандельштам А. М., 1966а]. Датировка Тулхарского могильника временем от последней трети II в. до н. э. до начала I в. н. э. наиболее аргументирована для комплексов подбойных захоронений Средней Азии.

Выделение одновременного пласта сходных памятников в Семиречье, Фергане и северной Бактрии важно для понимания исторических процессов в среде кочевого населения [Заднепровский Ю. А., 1971; 1975б]. Однако при интерпретации этого явления одинаково возможны две версии: либо все эти памятники с подбойными могилами на обширной территории от Семиречья и Тянь-Шаня до южных районов Средней Азии представляют собой локальные варианты единой культуры кочевников, принадлежавшей этнически родственному населению, либо это не связанные между собой археологические комплексы.

На наш взгляд, имеются известные основания рассматривать распространение могильников с захоронениями в подбойных могилах как отражение единого процесса передвижения и расселения юечжийских племен на территории Средней Азии. А. М. Мандельштам, исследовавший могильники тулхарской группы, достаточно обоснованно связывал их с кочевыми племенами, которые вторглись на земли северной Бактрии во II в. до н. э. [Мандельштам А. М., 1966а. С. 160—162].

Памятники карабулакской группы, сходные с тулхарскими, очевидно, также можно сопоставить с юечжами, принимая во внимание прямые указания письменных источников, что они в своем движении на юг прошли через Фергану. Нам представляется, что и айгырджальские памятники можно связывать с этими племенами, поскольку на территории Семиречья юечжи обитали вместе с саками и усунями. Разумеется, такое определение этнической принадлежности рассматриваемых памятников можно считать лишь предположением.

В ходе значительных передвижений кочевых племен на рубеже нашей эры, захвативших и Ферганскую долину, были перекроены ранее существовавшие границы племенных объединений и созданы новые.

О культурной принадлежности и происхождении населения, оставившего в Фергане рассмотренные погребальные памятники, об особенностях его хозяйства существуют разные суждения. Их можно свести к двум основным точкам зрения. Одни счи-

тают могильники памятниками местного населения, отмечают тесные связи этого населения с оседлыми земледельцами и считают его также оседлым [Сорокин С. С., 1956а; 1961б; Литвинский Б. А., 1972а; Брыкина Г. А., 1982]. Другие полагают, что обычай захоронения в катакомбах и подбойных могилах привнесен пришлым населением, что сходство погребального инвентаря с материалами поселений отражает торговые и культурные связи, а общность с культурой местного населения является следствием ассимиляции пришельцами местных племен и освоения их культуры [Бернштам А. Н., 1951; 1952; Заднепровский Ю. А., 1960].

Пришлые кочевые племена надолго обосновались в Ферганской долине, о чем можно судить по крупным могильникам. Такие могильники, как Карабулак, где насчитывается 900 курганов, и Тура-Таш — 1500 курганов, создавались в течение трех-четырех столетий. За столь длительный период в хозяйстве и культуре населения происходили крупные изменения. В условиях сплошного заселения Ферганской долины, что ограничивало возможности скотоводческого хозяйства, полукочевые племена под влиянием земледельческого населения частично перешли к оседлости. Именно об этом свидетельствуют остатки поселений, обнаруженные по соседству с могильниками [Заднепровский Ю. А., 1960]. Поселения эти, очевидно, были приурочены к местам зимовок. Некоторые из них со временем превратились в укрепленные поселки, мало отличавшиеся от памятников земледельческого населения Ферганы. Примером может служить Кайрагачская усадьба [Брыкина Г. А., 1982].

Ведущая роль в хозяйстве пришлых племен принадлежала скотоводству, особенно на начальных этапах. Однако конкретная физико-географическая обстановка Ферганы, а также плотная заселенность этого района земледельческим населением создавали условия лишь для своеобразной вертикально-сезонной полукочевой формы скотоводческого хозяйства, сходного с тем, что было распространено среди усуней Семиречья [Кушаев Г. А., 1963; Акишев К. А., 1972; Петров К. И., 1981]. Напомним, что «чистые» кочевники — редкое явление в древней истории.

На окраинах Ферганы полукочевое население меняло зимние пастбища на летние в традиционной последовательности, в соответствии с вертикальной зональностью их расположения. Оно передвигалось в строго установленных пределах, определяемых родо-племенными границами. В этих условиях полукочевое скотоводство постоянно сочеталось с земледелием и охотой.

Тесные связи между населением, ведущим разное хозяйство, имеющим разные культуру и образ жизни, отмечаются в Фергане на протяжении всей древней и средневековой истории.

Итак, на окраинах Ферганской долины обитало полукочевое население, оставившее группы одновременных погребальных памятников, несколько отличающихся друг от друга. Возникает вопрос о причинах этих различий.

Локализация памятников, своеобразие погребальных сооружений и обряда, а также некоторые особенности инвентаря позволяют усматривать в намеченных археологических культурах и группах памятники отдельных родо-племенных подразделений полукочевого населения. Наблюдается определенная закономерность в расположении могильников: на северо-западе — наземные склепы и каменные ящики; на юге, главным образом в междуречье Соха и Ляйляка,— подбойные могилы; во всех частях Ферганы — катакомбные могильники. Учитывая, что погребальный обряд является устойчивым палеоэтнографическим признаком, можно высказать предположение об этнической разнородности населения [Заднепровский Ю. А., 1960; Горбунова Н. Г., 1981]. Пестрота этнографической картины находит подтверждение и в палеоантропологических материалах. Большинство погребенных относится к европеоидному типу, в частности, к типу Среднеазиатского междуречья — памиро-ферганскому, свойственному современным таджикам и узбекам. Встречены останки людей смешанного типа, с монголоидными чертами, привнесенными из Центральной Азии. Для рубежа — первых веков нашей эры отмечается широкое распространение в Средней Азии населения метисированного типа с монголоидными признаками [Гинзбург В. В., Трофимова Т. А., 1972; Кияткина Т. П., 1976, 1977; Миклашевская Н. Н., 1964; Ходжайов Т. К., 1980]. Такое население было и во всех частях Ферганской долины. Какую-либо закономерность распределения расовых типов по территории и памятникам проследить не удается. Приведенные данные характеризуют магистральное направление этнических процессов, заключавшихся в смешении местного европеоидного населения с пришлым.

На современном уровне археологического изучения возможность этнических отождествлений памятников с конкретным племенем или народом, известным в письменных источниках, весьма проблематична. Можно лишь надеяться, что дальнейшие исследования позволят более полно охарактеризовать палеоэтнографию древних скотоводов окраин Ферганы.

Ранние кочевники Памира

Памир — одно из высочайших нагорий нашей планеты, обособленная область, резко выделяющаяся в Средней Азии и мало приспособленная для обитания человека. Условия жизни в долинах, расположенных на высоте 3600—4000 м, чрезвычайно суровы.

Начало систематическому исследованию памятников Памира положили работы А. Н. Бернштама, имевшего большой опыт изучения горных районов Тянь-Шаня и Алая. Пять его экспедиций на протяжении 1946—1956 гг. охватили основные долины Памира и практически все типы памятников. Первые раскопки курганов Памирского I (Тамды) (1948 г.) и Акбеитского (1948, 1952, 1956 гг.) могильников на юге восточного Памира дали значительный материал по культуре кочевого населения сакской эпохи. Было раскопано около 60 курганов. Исследованные памятники А. Н. Бернштам связал с саками и отметил сходство курганов Памира с синхронными

памятниками Семиречья, Алтая и Минусинского края. Было начато также изучение каменных крепостей западного Памира — замечательных памятников древней фортификации. Итогом этих работ явилось создание историко-археологической периодизации Памира. Публикацию материалов Памирского I могильника можно считать образцовой для своего времени [Бернштам А. Н., 1952]. Материалы 1952 г. только частично были введены в оборот, предварительный отчет о раскопках 1956 г. опубликован А. Н. Бернштамом [1956] и его учениками [Бабанская Г. Г., Заднепровский Ю. А., 1959].

С 1958 г. изучение Памира проводили археологи АН Таджикской ССР под руководством Б. А. Литвинского, который внес большой вклад в изучение ранних кочевников. В течение четырех сезонов осуществлено детальное обследование региона и в разных частях вскрыто около 260 курганов. Однако полноценных комплексов оказалось мало. Так, в 1960 г. из 129 раскопанных курганов только в 23 найдены захоронения. В могильниках Памира вообще встречается очень много кенотафов. Результаты работ отражены в ряде публикаций [Литвинский Б. А., 1961а; 1961б; Литвинский Б. А., Бубнова М. А., 1962] и обобщены в монографии [Литвинский Б. А., 1972б]. В книге кратко охарактеризованы могильники и погребальные сооружения. Основную часть ее занимают классификация находок, анализ особенностей культуры, хозяйства, верований и вопросов этнической принадлежности памирских кочевых племен.

Новый этап в изучении ранних кочевников Памира связан с деятельностью А. Д. Бабаева, который в 1962 г. открыл на западном Памире могильник Чильхона сакского времени. Это существенно изменило первоначальное представление о локализации саков исключительно на восточном Памире. В 60-х — начале 70-х годов на западном Памире обнаружены новые могильники и вскрыто около 100 курганов, среди которых много грабленых и кенотафов. Особый интерес вызывают впервые обнаруженные здесь памятники II в. до н. э.— III в. н. э. [Бабаев А. Д., 1965б; 1968; 1971; 1973а; 1973б; 1976; 1978].

Небольшие раскопки в 1957—1958 гг. провел на западном Памире, в долине Ишкашима, А. Н. Зелинский. В своеобразных погребальных сооружениях он обнаружил погребения начала I тысячелетия н. э. [Зелинский А. Н., 1960; 1965].

Особо отметим работы по изучению наскальных рисунков Памира, среди которых выделяются изображения скифского стиля [Ранов В. А., 1960; 1976; Ранов В. А., Гурский А. В., 1966].

В итоге многолетнего изучения памятников Памира советскими археологами обнаружено около 100 могильников ранних кочевников, где раскопано более 400 курганов. Значительная часть добытых материалов, к сожалению, еще не опубликована, что затрудняет изучение исторических процессов в сакскую эпоху.

Для понимания истории края весьма полезна сводная работа А. М. Мандельштама [1957].

Расположение памятников на Памире обусловлено природными условиями, прежде всего наличием удобных пастбищ для кочевого скотоводства. Преобладают небольшие могильники, типична их рассредоточенность (карта 3). Все это указывает на редкое и немногочисленное население. Могильники сакской эпохи сосредоточены в нескольких районах, главным образом по верховьям рек (Аксу, Истык, Памир, Аличур, Кокуйбель) и в приозерных впадинах (Зоркуль, Яшилькуль). На юго-восточном Памире зарегистрировано около 30 могильников, в которых изучено более 240 курганов, в том числе достаточно полно исследованный могильник Акбеит (51 из 100 курганов) и раскопанная полностью небольшая группа Тамды (16 курганов). Более 100 насыпей зафиксировано на восточном Памире, но раскопано лишь 10. Очень немного курганов (15) исследовано и в центральных районах Памира, в долине Мургаба. Наконец, на южном и юго-западном Памире в 20 могильниках раскопано около 150 курганов. Приведенные цифры приблизительны.

О датировке памятников Памира высказаны разные суждения. Так, Памирский I (Тамды) могильник был сначала датирован А. Н. Бернштамом V—IV вв. до н. э., а наиболее поздние его захоронения — II в. до н. э. Затем, при анализе материала из могильника Акбеит (раскопки 1952 г.), обнаружившего отличия от тамдинского комплекса, последний был отнесен к VI—IV вв. до н. э. [Бернштам А. Н., 1956. С. 130]. Однако новые находки в Акбеите (раскопки 1956 г.) дали основания некоторым исследователям говорить о большем сходстве этих памятников и датировать оба V—IV вв. до н. э. [Бабанская Г. Г., Заднепровский Ю. А., 1959].

В монографии Б. А. Литвинского [1972б] вопросам хронологии отведено, к сожалению, слишком мало места [см.: Сорокин С. С., 1975; Заднепровский Ю. А., 1975в]. Исследованные курганы растянуты во времени на протяжении восьми веков (VIII—I вв. до н. э.). Очень немногие погребения датированы VII—VI вв. до н. э. и лишь два кургана — VIII—VII вв. до н. э. Основная масса памирских захоронений совершенно справедливо и убедительно отнесена к V—III вв. до н. э. Выделены и могилы IV—III и II—I вв. до н. э. [Литвинский Б. А., 1972б. С. 28, 29]. Более реальна, на наш взгляд, менее дробная периодизация памирских памятников, где два первых этапа были бы объединены в один — VIII—VI вв. до н. э., а последний этап (II—I вв. до н. э.) на основании новых материалов западного Памира был бы продлен до III в. н. э. В таком виде периодизация памирских памятников более соответствует хронологическим этапам, выделенным на соседних территориях.

ПАМЯТНИКИ VIII—VI ВВ. ДО Н. Э. Самым ранним памятником кочевников Памира считается курган 10 Памирского I могильника (Тамды). Под небольшой насыпью находилась простая грунтовая могила, перекрытая сверху четырьмя парами рогов архара. Умерший воин положен на левый бок в скорченной позе, головой на восток (табл. 36, *1*). Перед туловищем лежал деревянный колчан, обшитый кожей. В нем находились стрелы с бронзовыми (19 экз.), железным, костяным и деревянными (20 экз.) наконечниками (табл. 36, *10—16*). Хорошо сохранились части древков, обмотанных сухожилиями. На колчане лежало два железных акинака. Здесь же найдены обломок деревянного прибора для добывания

огня (табл. 36, *22*), кусок кожи с бронзовой фигуркой горного козла (табл. 36, *37*), а также бронзовые украшения одежды, изображающие медведя, пряжка (табл. 36, *21*, *33*, *34*) и др. За спиной погребенного лежали бронзовые удила и псалии с остатками кожаной уздечки (табл. 36, *20*).

В комплексе кургана представлены полностью все элементы «скифской триады». От конского снаряжения дошли удила древнейшего типа со стремевидным окончанием и дополнительным отверстием, которые были распространены в Южной Сибири (Алтай и Минусинская котловина), Центральном Казахстане и Приаралье (Уйгарак). Псалии тамдинского уздечного набора имели вид массивных прямых стержней, четырехгранных в сечении, с рельефным зигзагообразным узором на одном и зубчатым — на обломке другого. В средней части псалиев — три выступа с круглыми отверстиями, через которые протянуты ремни. Форма трехдырчатого псалия не находит аналогий в материалах других памятников Средней Азии. Наиболее близок один из псалиев Уйгарака [Вишневская О. А., 1973. Табл. XVII, *18*].

Бронзовые черешковые и втульчатые двулопастные наконечники принадлежат к ранним типам. В набор деревянных стрел входят боевые и охотничьи. Железные акинаки сохранились плохо, но, по-видимому, относятся к отделу мечей с почковидным перекрестьем. Изображения животных — горного козла и медведя — исполнены в лучших традициях скифо-сибирского звериного стиля.

Курган 10, как и весь могильник, первоначально был датирован А. Н. Бернштамом V—IV вв. до н. э., а затем VI—IV вв. до н. э. В исследовании о вооружении савроматов комплекс кургана 10 отнесен к VII—VI вв. до н. э. [Смирнов К. Ф., 1961. С. 64]. С этой датой позднее согласились Н. Л. Членова [1967] и М. К. Кадырбаев [1966]. Б. А. Литвинский [1972б] остановился на VI в. до н. э. М. П. Грязнов [1983а. С. 8] увязал комплекс кургана 10 Памирского I могильника с кругом памятников аржано-черногоровской фазы VIII—VII вв. до н. э. Еще в одном кургане Памирского I могильника погребенный лежал скорченно на правом боку в сопровождении железного акинака, бронзовой и деревянных чаш, деревянного столика и др. (табл. 36, *2*, *6*, *46*).

К раннесакскому периоду относятся также курганы могильников Айдынкуль, Кальта-Тур, Можуташ II (курган 4), Яшилькуль II, Шаймак (курган 1), Тегермансу I (курганы 7 и 9А) и некоторые другие. Захоронения в них находятся в прямоугольных неглубоких могилах, вытянутых, как правило, в широтном направлении. Сверху ямы перекрыты каменными плитами и жердями. Иногда костяк положен на дерновой подстилке. Большинство погребенных скорчено на боку. Преобладает ориентировка на восток с небольшими отклонениями. Некоторые костяки окрашены. Изредка в могилах бывают кости барана — остатки заупокойной мясной пищи. Глиняные сосуды не были обязательной принадлежностью погребального обряда. Единичные сосуды, редко два-три, встречены в мужских и женских захоронениях. Наряду с глиняными употребляли деревянные и бронзовые сосуды. В могилу мужчинам обычно клали оружие и конскую упряжь. Небольшой серией представлены биметаллические акинаки. Особенно замечателен акинак (длина 35 см) с железным клинком и бронзовой рукоятью с сердцевидным перекрестьем (курган 3 Акбеита). У обоих краев рукояти располагаются рельефные головы козлов, а верхний конец украшен лежащей фигуркой козла (табл. 36, *5*). Похожие железные акинаки с бронзовым сердцевидным перекрестьем происходят из кургана 7 могильника Тегермансу I и из кургана 4 могильника Можуташ II [Литвинский Б. А., 1972б. С. 113].

Умерших хоронили в одежде, от которой уцелели бронзовые украшения. Кроме того, в могилах находят железные и бронзовые браслеты, обломки стеклянных браслетов, предметы быта и деревянные приспособления для добывания огня. Женские захоронения отличаются более разнообразным набором украшений и бус, среди которых встречены сердоликовые с гравированным орнаментом индийского происхождения. В ранних погребениях есть наглазники из крупных раковин с отверстием в центре и узором. Они также индийского происхождения.

ПАМЯТНИКИ V—III ВВ. ДО Н. Э. К этому периоду истории ранних кочевников Памира относится большинство исследованных курганов и самый крупный из известных могильников — Акбеитский. Погребения по-прежнему совершали в простых грунтовых могилах. Но намогильные сооружения отличаются большим разнообразием. В Акбеите встречены круглые или овальные сплошные каменные насыпи с кольцом из камней (кромлехом) — непременным элементом погребальных сооружений сакского времени, который обычно связывают с солярными представлениями. Имеются прямоугольные каменные насыпи, окаймленные одним или двумя рядами камней, отражающие какие-то иные культовые представления (табл. 36, *4*). Третья разновидность представлена овальными или круглыми каменными выкладками.

Особый интерес вызывают захоронения в грунтовых ямах, где умерший воин прикрыт щитом из многочисленных деревянных планок, обтянутых кожей (табл. 36, *3*).

В отличие от сакских захоронений Семиречья и Приаралья, почти все погребенные в курганах Памира положены скорченно на боку. Отмечено, что женщины иногда лежат на правом боку, головой на запад, а мужчины — на левом, головой на восток. Большинство могил содержит по одному погребенному, изредка встречаются два и еще реже три. Известно парное захоронение мужчины и женщины, причем оба положены на правый бок и обращены головами в одну сторону — на запад (Аличур II, курган 3). В одном кургане, в верхнем захоронении, умерший (пол не установлен) лежал головой на запад, а в нижнем (мужчина) — на восток (Акбеит, курган 45). Сохранялся обычай окрашивать труп красной краской. Иногда окрашен не весь скелет, а только один череп (Можуташ II, курган 4). Заупокойная мясная пища — часть туши барана — обнаружена не во всех могилах.

Как и в ранний период, значительное количество курганов оказалось без следов захоронения. Так, в Акбеите примерно треть всех раскопанных насыпей (51) составляют кенотафы.

В сопровождающий погребальный инвентарь входили глиняная посуда, ножи и бусы, которые встречались как в мужских, так и в женских захоронениях. Но только в мужских погребениях найдено оружие и конское снаряжение, а в женских — украшения, предметы туалета и косметика.

Большинство могил бедно находками, но выделяются богатые захоронения (Акбеит, курган 3; Аличур II, курган 3 и др.). В них с мужчинами-воинами, перекрытыми боевым щитом, положены, как обычно, колчан со стрелами, железные кинжал и клевец, а также нож. У некоторых погребенных перед лицом поставлены бронзовая плоскодонная чаша и деревянная тарелка с остатками пищи. Погребенных хоронили в одежде из шерсти, кожи и войлока. К поясу подвешивали кожаные мешочки с бронзовыми украшениями. Конская сбруя, чаще всего уздечка, заменяла захоронение коня.

Очень редко встречаются мумифицированные останки погребенных (Акбеит, курган 94). Изделий из благородных металлов мало. Так, в кургане 47 Акбеита найдена золотая серьга. Богатые захоронения, которые с уверенностью можно считать женскими, не обнаружены.

В погребальном обряде и в составе сопровождающего инвентаря наблюдается преемственность между памятниками раннего (VIII—VI вв. до н. э.) и более позднего (V—III вв. до н. э.) периодов. Однако последние имеют существенно новые черты. Это прежде всего разнообразие намогильных сооружений. Значительные различия проявляются и в основных категориях предметов материальной культуры. Отметим, что среди наконечников стрел на позднем этапе количественно преобладают железные черешковые. Только в Акбеите обнаружен один бронзовый трехлопастный черешковый наконечник наряду с костяным и деревянными. Деревянные наконечники стрел были широко распространены на Памире и у ранних кочевников, и хронологически их различить невозможно.

Ассортимент железных изделий в этот период сильно увеличился и включал ножи, кинжалы, акинаки, клевцы, удила и браслеты. Большая доля железных предметов в инвентаре служит показателем более позднего времени. В курганах этого периода найдены железные акинаки с сегментовидным навершием и таким же перекрестьем, а также с бабочковидным перекрестьем (табл. 36, *7*, *8*). Именно в V—III вв. до н. э. широко распространяются боевые чеканы, представленные несколькими разновидностями (табл. 36, *9*) [Литвинский Б. А., 1972б. С. 120]. На смену бронзовым приходят железные двухпетельчатые удила. Псалии были железными и бронзовыми в виде плоского стержня с двумя отверстиями. Бронзовый псалий с одним отверстием найден в могильнике Акбеит [Литвинский Б. А., 1972б. Табл. 46].

Особый интерес представляют четыре ритуальных бронзовых котелка. На одном из них имеются две горизонтальные кольцевидные ручки, между которыми помещена рельефная голова грифона (табл. 36, *49*). На другом — две такие же ручки и между ними две вертикальные ручки в виде фигурок горных баранов (табл. 36, *48*). Третий котелок — с двумя горизонтальными и двумя вертикальными ручками (табл. 36, *47*). Четвертый — бронзовый бокал конической формы (табл. 36, *44*). Большой серией представлены глиняные сосуды (табл. 36, *40—43*). Имеются также сосуды из дерева (табл. 36, *45*). Относительное обилие сосудов из бронзы составляет отличительную особенность захоронений рассматриваемого периода.

Замечательные образцы звериного стиля происходят из могил этого времени (табл. 36, *32*, *35*, *36*, *38*, *39*).

Отметим украшение в форме «лягушки» (табл. 36, *23*). Своеобразны ажурные украшения из могильника Акбеит с пламевидными отростками (табл. 36, *24*, *25*), которые имеют аналогии в Южной Сибири и Ордосе [Членова Н. Л., 1967. Табл. 34; Бернштам А. Н., 1956]. По-прежнему встречаются сердоликовые бусы индийского происхождения (табл. 36, *26—30*). Есть украшения из раковин (табл. 36, *31*).

История ранних кочевников Памира восстанавливается главным образом на основе данных археологии, а также палеоантропологических материалов. Антропологи пришли к заключению, что в то время на всей территории Памира население было однородным. Оно относилось к долихокранному европеоидному типу и характеризовалось длинной, узкой и высокой черепной коробкой, узким и высоким лицом. Этот расовый тип — средиземноморский — был характерен для древнего населения Передней Азии и юга Средней Азии. Очевидно, кочевники Памира были генетически связаны с населением эпохи бронзы, обитавшим к юго-западу от Памира.

Ранние кочевники Памира по антропологическому типу резко отличались от саков Тянь-Шаня, Семиречья и Приаралья [Гинзбург В. В., 1960; Гинзбург В. В., Трофимова Т. А., 1972; Кияткина Т. П., 1976]. Одно это заставляет предполагать их иное происхождение и иные пути развития.

Археологические материалы указывают на культурные связи с северо-восточными и восточными областями степей Евразии, включая Центральную Азию и Туву. Об этом прежде всего свидетельствуют устройство погребального сооружения и появление в V—III вв. до н. э. прямоугольных каменных выкладок, находящих аналогии в Туве [Кызласов Л. Р., 1979; Грач А. Д., 1980].

Преобладание скорченной позы и восточной ориентировки также отличает погребальный ритуал Памира от обряда среднеазиатских саков и сближает с ритуалом скифского времени Тувы. Добавим еще обычаи окрашивания трупов, а также трепанации черепа. В отличие от среднеазиатских памятников, на Памире необычайно велико количество изделий из железа, наиболее ранние из которых встречены в комплексе кургана 10 Памирского I могильника. Отметим сочетание в этом комплексе черешковых и втульчатых наконечников стрел, что особенно типично для восточных областей Евразии [Мандельштам А. М., 1978б]. Еще одна характерная особенность культуры кочевников Памира — широкое распространение боевых чеканов-клевцов. Напомним также о своеобразии художественных изделий звериного стиля, об особой манере стилизации животных и об украшениях явно восточного происхождения из могильника Акбеит (табл. 36, *23—25*, *38*, *39*).

Немаловажное значение имеет своеобразие керамического комплекса, на что обратил внимание еще А. Н. Бернштам. Большинство форм сосудов имеет не среднеазиатское происхождение. В связи с этим напомним, что и бронзовые котелки с кольцевидными ручками находят близкие аналогии в памятниках Тувы и Минусинской котловины. В целом в погребальном обряде и сопровождающем инвентаре у кочевников Памира много общего с населением Тувы, особенно для V—III вв. до н. э.

Все приведенные факты приобретают важное значение в вопросе о происхождении ранних кочевников Памира. В литературе уже было высказано сомнение в том, правомерно ли рассматривать это малочисленное население как «памирские сакские племена» [Сорокин С. С., 1975. С. 22]. Основываясь на том, что у памирцев в культуре мало общего со среднеазиатскими саками, но имеются многочисленные черты сходства с населением восточных районов, было высказано предположение, что памятники Памира принадлежали «кочевым обитателям соседних областей Центральной Азии, временами использовавшим эти высокогорные пастбища» [Мандельштам А. М., 1978б. С. 20]. С этим вполне можно согласиться.

Проникновение кочевников из Центральной Азии на Памир и освоение высокогорных пастбищ восточного Памира стало возможным с началом использования коня как верхового животного. Учитывая аржанские параллели, это можно отнести к VIII—VII вв. до н. э. Более основательно кочевники осваивают Памир на следующем этапе — в V—III вв. до н. э. В это время кочевое население появляется в долинах западного Памира, о чем свидетельствуют могильники Чильхона, Рычив и др. [Бабаев А. Д., 1968; 1973а; 1973б].

О проникновении на Памир собственно среднеазиатских саков можно говорить лишь по сообщениям письменных источников и только со II в. до н. э. Под давлением юечжей, вторгшихся на Тянь-Шань и в Семиречье, саки двинулись на юг и прошли через Памир. Об этом прямо свидетельствует китайская хроника: «Первоначально сия страна (Тянь-Шань и Семиречье.— *Ред.*) принадлежала народу сэ. Большой юечж на западе разбил и выгнал сэского владетеля. Сэский владетель перешел на юг за Висячий переход; Большой юечж удалился на запад и покорил Дахя» [Бичурин Н. Я., 1950б. С. 190, 191]. В другом месте сказано, что сэский владетель занял на юге государство Гибинь где-то в северо-западной Индии [Бичурин Н. Я., 1950б. С. 179]. «Висячий переход» А. Н. Бернштам [1956. С. 132] отождествлял с Лянгарским спуском. Но Б. А. Литвинский вслед за А. Н. Зелинским считает, что невозможно точно определить его местоположение. Ясно только, что путь в Гибинь через «Висячий переход» мог проходить лишь через южное Припамирье.

Из всего сказанного вытекает, что сакские племена, проникшие на Памир и затем вторгшиеся в северо-западную Индию, приняли активное участие в важнейшем событии древней истории, каким явился разгром в 140 г. до н. э. Греко-Бактрийского царства на юге Средней Азии и северной Индии.

Кроме китайских источников, о саках на Памире имеются сведения у античных авторов, в частности у Птолемея. На рубеже нашей эры весь Памир был заселен саками [Мандельштам А. М., 1957. С. 84].

ПАМЯТНИКИ II В. ДО Н. Э.— III В. Н. Э. В первые века нашей эры Памир входил в орбиту влияния Кушанского государства, но археологических материалов этого времени на Памире очень немного. К поздней группе II—I вв. до н. э. Б. А. Литвинский отнес курганы могильников Рангкуль I и Аличур I, курган 11 Памирского I могильника и несколько других.

Захоронения в Рангкуле отличаются главным образом вытянутым положением умершего. В раскопанных четырех курганах оказалось мало находок: фрагменты бронзовой и глиняной чаш, бронзовый проволочный браслет и др. Все вещи существенно не отличаются от предметов, встреченных в захоронениях предшествующего периода. Среди них нет никаких специфических находок, датирующих эти погребения именно II—I вв. до н. э. В могильнике Аличур I под насыпью трех раскопанных курганов оказались ямы, несколько похожие на могилы с подбоем [Литвинский Б. А., 1972б. С. 12]. Устройство кургана 1 напоминает катакомбу-подбой. Погребенный лежал скорченно на боку, головой на восток. Такое положение костяка продолжает раннюю традицию. Погребения в курганах 7, 11, 12 Памирского I могильника А. Н. Бернштам предположительно отнес ко II—I вв. до н. э. Они незначительно разнятся устройством могилы, окруженной валунами. Кстати, подобная особенность обнаружена и в могильнике Акбеит. В составе находок нет ничего, указывающего на более позднюю дату перечисленных курганов. Поэтому нам представляется, что они, по-видимому, не отличаются от большинства курганов Памирского I могильника, которые относятся к V—IV вв. до н. э.

Курганы II в. до н. э.— III в. н. э., изученные А. Д. Бабаевым преимущественно в долинах западного Памира, полностью не опубликованы. Отрывочные сведения о них, к которым добавим описание могил, раскопанных А. Н. Зелинским, дают возможность отметить лишь некоторые особенности погребальных обрядов. Погребения совершали в мегалитических сооружениях, которые отмечены на поверхности очень большими камнями или врытыми плитами в окружении валунов меньших размеров. В простых неглубоких грунтовых могилах, обычно разрушенных и ограбленных, находят обломки костей человека, иногда двух-трех. Встречены (например, в могильнике Змутк) и останки коллективных погребений в круглых (диаметр 3,4 м) наземных сооружениях. Стены их выложены из камней. Все они сильно разрушены [Бабаев А. Д., 1973б]. В погребальном инвентаре представлены точно не датируемые железные ножи и пряжки, бронзовые проволочные браслеты с утолщенными краями, бронзовые колокольчики, каменные острия для сурмления, украшения.

В могильнике Касвир захоронения совершали в каменных ящиках в вытянутом положении, реже — в скорченном, головой, как правило, на восток. В могилах найдены железные кинжалы с прямым перекрестьем, бокаловидные кубки, покрытые красным ангобом, терракотовая статуэтка лошади. Могиль-

ник относится к рубежу нашей эры, ко времени вхождения Памира в состав кушанских владений [Бабаев А. Д., 1976]. Из датирующих находок заслуживает внимания бронзовое зеркало (диаметр 6 см) с валиком по краю и небольшой боковой ручкой-выступом. Это зеркало найдено в могильнике Чильхона на южном Памире [Бабаев А. Д., 1968]. По классификации сарматских зеркал [Хазанов А. М., 1963) оно ближе всего к типу IV (I в. до н. э.— I в. н. э.).

Железный кинжал из могильника Рычив относится к типу двулезвийных с прямым перекрестьем [Бабаев А. Д., 1978. Рис. 13]. Навершие разрушено, и трудно составить представление о его первоначальной форме. Найденная в курганах керамика резко отличается по форме от посуды сакского времени. Преобладают сосуды с плоским дном в виде конических бокалов. Они украшены росписью, которая ранее совсем не встречалась на памирской керамике. В узорах преобладают геометрические мотивы. Известна и плоскодонная чаша с изображением козла, выполненным желто-белой краской по коричнево-красноватому фону [Зелинский А. Н., 1960. Рис. 3, *1*].

Материалы по памирским памятникам II в. до н. э.— III в. н. э. явно недостаточны, чтобы сделать обоснованные выводы. Можно отметить переживание древних традиций в погребальном обряде, выразившееся в сохранении скорченной позы. Наглядно выступают хронологические отличия в инвентаре (появление железных кинжалов с прямым перекрестьем, зеркал с валиком и небольшой ручкой). Своеобразие культуры проявляется в самобытной расписной керамике.

Глава третья
Ташкентский оазис, средняя Сырдарья и Среднеазиатское междуречье

Ранние кочевники Южного Казахстана и Ташкентского оазиса

В последних веках до нашей эры и в первых веках нашей эры на большей части Средней Азии господствующее положение занимали кочевые племена и созданные ими государства, прежде всего Парфянское и Кушанское. Важная роль в истории Среднеазиатского междуречья (Сырдарьи и Амударьи) принадлежала и Кангюю. По сведениям китайских хроник, это кочевое владение во II в. до н. э. располагалось к северо-западу от Давани (Ферганы), к западу от территории усуней и к северу от юечжей. На северо-западе оно граничило с владением Яньцай (Приаралье). В зависимости от Кангюя находилось пять небольших владений [Бичурин Н. Я., 1950б. С. 184—186, 229]. Указанные сведения позволяют предположительно определить местонахождение этого государства, в состав которого бесспорно входили Ташкентский оазис, граничивший с Ферганой (области средней Сырдарьи), и прилегающие районы Среднеазиатского междуречья. Но они не дают основания наметить конкретные границы Кангюя, и по этому вопросу среди историков нет единого мнения. О локализации пяти зависимых владений также высказаны разные суждения. Среди этих владений, как полагают, был и Хорезм [Толстов С. П., 1948а; Бернштам А. Н., 1949в (1950); Кляшторный С. Г., 1964].

Жители Кангюя, в отличие от соседних кочевых усуней и юечжей, которые первоначально обитали в Центральной Азии и лишь во II в. до н. э. переселились в Среднюю Азию, являлись коренным местным кочевым населением Среднеазиатского междуречья. Имеются достаточные основания считать кочевых «кангюйцев» прямыми потомками сако-массагетских племен предшествующего периода и относить их к кругу ираноязычных кочевых народов Евразии [Бернштам А. Н., 1949в (1950); Кляшторный С. Г., 1964; Литвинский Б. А., 1968. С. 14].

Кангюйское владение объединяло ряд областей с оседло-земледельческим и кочевым населением. Существовало оно до V в. н. э. В источниках рассказывается о посольстве из этой страны, отправленном в 436 г. Следовательно, Кангюй сохранял политическую самостоятельность более 700 лет. Многочисленные оседлые поселения времени Кангюя изучены археологами в Ташкентском оазисе и на средней Сырдарье и отражают значительное развитие здесь земледельческой культуры (эти материалы рассмотрены в кн.: Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Сер. Археология СССР. М., 1985). В свете исторических и археологических данных Кангюй представляет собой яркий пример особо тесного сосуществования в рамках единого объединения населения, разнородного по хозяйству, культуре и образу жизни. О кочевой его части можно составить представление преимущественно по археологическим материалам.

В рассматриваемых районах обследованы сотни могильников, насчитывающих порой по нескольку тысяч курганов. В них раскопано большое количество погребений древнего периода (карта 3). Этот регион по насыщенности памятниками кочевников мало уступает таким кочевым центрам, как Семиречье и Тянь-Шань.

Изучение курганов в Ташкентском оазисе, в окрестностях Ташкента, было начато Н. П. Остроумовым еще в конце XIX в. Систематические научные исследования ведутся здесь с 1934 г., когда ленинградский археолог Г. В. Григорьев осуществил первые раскопки на городище Каунчи, выделил своеобразную культуру древних земледельцев Ташкентского оазиса и разделил ее на три этапа — Каунчи I, II, III. Одновременно он зафиксировал несколько могильников в долине р. Чирчик и около городища Каунчи (на арыке Джун). В 1937—1938 гг. Г. В. Григорьев раскопал 13 курганов с захоронениями в катакомбных камерах. В 1940 г. А. И. Тереножкин исследовал подобные курганы в зоне Ташкентского канала. В 1948 г. появилась статья Г. В. Григорьева, в которой раскопанные курганы были датированы I—III вв. и отнесены к памятникам кочевников. По находкам керамики Г. В. Григорьев сопоставил их с этапом Каунчи III, а также с известным Кенкольским могильником [Григорьев Г. В., 1948]. Тогда же анализ материала из курганов Ташкентского оазиса, раскопанных главным образом Г. В. Григорьевым, был проделан Т. Г. Оболдуевой [1948]. Она разбила все известные памятники на две группы — каунчинскую (синхронную этапу Каунчи II) и джунскую. Первая группа датирована рубежом нашей эры; джунская, названная культурой,— III—IV вв. Последняя, по мнению Т. Г. Оболдуевой, принадлежит местному оседлому населению, а не кочевникам. Так возникли разные подходы к изучению курганов Ташкентского оазиса, разные суждения об их хронологии и культурной принадлежности.

Разделение курганов на две хронологические группы поддержал А. И. Тереножкин [1950], который, однако, предложил иные датировки. Время существования этапов I и II культуры Каунчи он определил в пределах II в. до н. э.— I в. н. э. (при этом Каунчи I—II—I вв. до н. э.), а джунскую культуру отнес к I—IV вв., допуская, следовательно, частичное сосуществование памятников обеих групп. В отличие от Т. Г. Оболдуевой, А. И. Тереножкин «удревнил» и расширил хронологические рамки джунской культуры. Он впервые высказал предположение, что комплекс Каунчи и изученные курганы

характеризуют культуру древнего объединения Кангюй, существовавшего, по данным китайских источников, как раз в указанный период.

В итоге раскопок в 1938—1939 гг. могильника Берккара в Южном Казахстане А. Н. Бернштам выдвинул гипотезу о принадлежности этого памятника кочевому населению Кангюя. Обстоятельно кангюйская проблема была поставлена в более поздней его работе [Бернштам А. Н., 1949в (1950)]. На основе исследований в Южном Казахстане А. Н. Бернштам выделил кангюйско-каратаускую культуру, считая открытые им могильники на склонах хребта Каратау кангюйскими, как и ранее изученный могильник Берккара. Широко привлекая данные китайских источников и открытые им поселения и могильники, А. Н. Бернштам первым поставил вопрос о существовании кочевого и оседлого населения Кангюя. Он отметил важнейший факт сходства материалов синхронных могильников и поселений. Кочевое население Кангюя, по заключению А. Н. Бернштама, было сакского происхождения и тюркоязычно. Последнее утверждение, выдвинутое априорно, не было обосновано и не получило признания.

Новый этап изучения памятников Ташкентского оазиса охватывает 40—60-е годы. В 1947 г. небольшие раскопки курганов с катакомбами провел М. Э. Воронец [1951]. В 1957—1960 гг. изучением погребальных памятников занимался Т. Агзамходжаев, раскопавший в нескольких пунктах около 100 разнотипных курганов [Агзамходжаев Т., 1961; 1966а; 1966б].

А. Н. Бернштам, продолжая исследования в Южном Казахстане, зафиксировал большое количество могильников в долинах Каратау и на правом и левом берегах Сырдарьи, вплоть до г. Кзыл-Орда. В 1947 г. на северном склоне Каратау его экспедиция раскопала несколько курганов в Тамдинском могильнике [Бернштам А. Н., 1949в (1950); Маловицкая Л. Я., 1949 (1950)]. Дальнейшие исследования памятников кочевников в этом районе были предприняты в 1957—1959 гг. археологами Казахстана [Максимова А. Г., 1962; Мерщиев М. С., 1962]. Одновременно А. Г. Максимова продолжила раскопки могильника Берккара и датировала вскрытые ею курганы I—III вв. [Максимова А. Г., 1962. С. 115].

Особенно значительные материалы по культуре кочевников получены в 1959—1963 гг. на правобережье Сырдарьи, в зоне строительства Чардаринской ГЭС. Здесь исследованы поселения и несколько крупных могильников [Максимова А. Г., 1968].

В 60-е годы начато систематическое изучение курганов древнего периода на средней Сырдарье и особенно в Отрарском оазисе. Работы продолжаются до настоящего времени [Нурмуханбетов Б. Н., 1974; 1975; 1976; 1978].

Накопление новых материалов вызвало и попытки их обобщения. В интерпретации рассматриваемых памятников значительная роль принадлежит монографии Л. М. Левиной [1971], в которой обобщены материалы по трем культурам в долине Сырдарьи — джетыасарской, отрарско-каратауской (кангюйско-каратауской, по А. Н. Бернштаму) и каунчинской. Основу работы составляет детальная хронологическая классификация керамического материала по трем периодам, даты которых, в отличие от всех предыдущих исследований, значительно омоложены (Каунчи I — от рубежа нашей эры или I в. до н. э. до конца III — начала IV в.; Каунчи II — конец III—V в.; Каунчи III — VI — начало VIII в.). В работе широко использована керамика из могильников и в связи с этим охарактеризованы основные виды погребальных памятников региона. В целом исследование Л. М. Левиной составляет важный этап в археологическом изучении района. Характеристика трех локальных вариантов, а возможно, и культур не вызывает сомнения. Однако изменение дат, в частности Каунчи II, по сравнению с хронологией А. И. Тереножкина почти на 200—500 лет недостаточно обосновано.

Б. А. Литвинский в статье о памятниках джунской культуры [1967] вслед за Т. Г. Оболдуевой и А. И. Тереножкиным, в отличие от Л. М. Левиной, датирует их I—III или более узко — II—III вв., что означает возврат к дате Г. В. Григорьева. Большое внимание Б. А. Литвинский уделяет историко-культурным аспектам. Не рассматривая ранее высказанных суждений, он выдвигает свою гипотезу о принадлежности каунчинско-джунской культуры населению древнего Кангюя.

С начала 70-х годов начинается современный этап изучения. В ходе сплошного обследования Ташкентского оазиса в связи с составлением археологической карты проводятся небольшие раскопки курганов в разных районах. Обобщенная характеристика и перечень погребальных памятников даны в публикациях Ю. Ф. Бурякова, М. Р. Касымова и О. М. Ростовцева [1973] и в книге Ю. Ф. Бурякова [1982].

Этот краткий обзор показывает, что раскопки погребальных памятников проводились спорадически, материалы их опубликованы только частично и в полном объеме еще не систематизированы. Сейчас известно во много раз больше памятников по сравнению с начальным периодом, когда на очень небольших материалах были намечены определения археологических культур. Особое внимание обратим на слабую аргументацию изменений в датировке памятников. Целесообразно провести заново систематизацию погребальных памятников в масштабе всего региона. Некоторые вопросы истории кочевого населения Кангюя вообще мало разработаны. На основе одних и тех же данных население, оставившее могильники, считают то оседлым, то кочевым. Нет единого мнения не только о культурно-хозяйственной принадлежности создателей курганов, но и об их этнической принадлежности. До сих пор не выделены погребальные памятники земледельческого населения Кангюя. Необходимо учесть открытие в последние годы оседло-земледельческих поселений бургулюкской культуры начала I тысячелетия до н. э., которая в своем развитии прошла ряд этапов и послужила основой для сложения культуры Каунчи.

Надо учитывать также, что в рассматриваемом регионе распространены захоронения в катакомбных и подбойных могилах, которые по форме во многом сходны с аналогичными памятниками кочевого населения соседних районов Средней Азии.

ПАМЯТНИКИ VII—VI—III ВВ. ДО Н. Э. Наряду с земледельческим населением бургулюкской культуры [Дуке Х., 1982] в первой половине I тысячелетия до н. э. на окраинах Ташкентского оазиса и в соседних районах Южного Казахстана от Сырдарьи до хребта Каратау обитали кочевые племена сакского круга. Известны единичные памятники.

Наиболее ранним является комплекс находок в кургане 1 могильника Жаман-Тогай в районе Чардары, на правом берегу Сырдарьи. В курганной насыпи на слое камыша внутри угольного кольца обнаружены остатки тризны. Здесь найдены железный кинжал с бронзовым брусковидным навершием и бабочковидным перекрестьем (табл. 37, *5*), восемь бронзовых наконечников стрел, в том числе пять черешковых (двух- и трехлопастные и ромбические в сечении) и три двулопастных втульчатых (табл. 37, *12—19*). Они достаточно твердо датируются VII—VI вв. до н. э. [Максимова А. Г., 1968; Медведская И. Н., 1972]. Кроме них, найдены каменные точильные бруски, железный нож, бронзовые пряжка и кольцо (табл. 37, *5*, *9*, *26*, *27*). Все эти изделия типичны для раннего этапа скифской эпохи степей Евразии и имеют аналогии в сакских памятниках Средней Азии. Можно говорить о распространении на территории Южного Казахстана предметов вооружения — одного из ведущих компонентов «скифской триады». Об изделиях скифского звериного стиля — второго элемента «триады» — можно судить по случайной находке литого бронзового ножа с изображением головы птицы на рукояти (табл. 37, *8*) [Ставиский Б. Я., 1955]. Очевидно, к этому времени относится и бронзовый кельт (табл. 37, *10*).

Все эти материалы явно недостаточны для каких-либо определенных заключений. Можно лишь утверждать, что в VII—VI вв. до н. э. рассматриваемый регион был заселен сакскими племенами.

К более позднему времени — V—III вв. до н. э.— принадлежит курган на правом берегу р. Чаткал, у с. Бурчмулла. Под каменной насыпью находились две могилы. В одной из них в грунтовой яме лежал костяк в вытянутой позе на спине, головой на юго-восток. В ногах стоял грушевидный лепной кувшин, украшенный треугольниками, заполненными насечками (табл. 37, *51*) [Древности Чарвака]. Аналогичный орнамент известен на сосуде сакского времени из Центрального Тянь-Шаня [Кибиров А., 1959б]. Обнаруженный в насыпи кургана бронзовый втульчатый наконечник стрелы дает некоторое основание относить это захоронение к сакскому периоду. В том же могильнике найдены украшения и бронзовый наконечник стрелы (табл. 37, *21*, *22*, *43*).

В западной части хребта Каратау выявлена группа «царских» курганов. Огромные каменные насыпи в плане имеют вид многолучевой звезды. С восточной и западной сторон к ним примыкают каменные выкладки длиной 100 м [Акишев А. К., 1976].

В этом же районе обнаружены курганы «с усами», сходные с памятниками тасмолинской культуры эпохи саков в Центральном Казахстане. Открытие этих курганов свидетельствует о распространении на территории отрарско-каратауской культуры типичных для саков сложных намогильных сооружений.

ПАМЯТНИКИ III—I ВВ. ДО Н. Э. В могильнике Беркара на северо-восточных склонах хребта Каратау насчитывается более 30 групп курганов, общее количество которых доходит до 450. В 1938—1939 гг. А. Н. Бернштам раскопал более 40 могил [Бернштам А. Н., 1939], в 1957 г. вскрыто еще 10 курганов [Максимова А. Г., 1962]. Насыпи резко различаются по величине: диаметр крупных достигает 50 м, средних — 25 м, малых — 4—12 м. Насыпи часто сопровождаются выкладками из камней в виде колец, полумесяца или дорожек (табл. 37, *1*, *2*). Могилы выбиты в твердом каменном грунте. Они вытянуты с запада на восток. Погребенные положены на спину, головой на запад, иногда с отклонением к северу. Разнообразен погребальный инвентарь: лепные глиняные сосуды, железные ножи, предметы вооружения и украшения, хотя в результате ограблений находок оказалось мало (табл. 37, *3*, *23—25*, *28—30*, *32—34*, *36—42*).

Выделены две хронологические группы погребений: более ранняя (I) — IV—III вв. до н. э. и более поздняя (II) — II в. до н. э.— I в. н. э., к которой относится бóльшая часть исследованных курганов. Ранняя группа выделена главным образом по типам глиняной посуды, среди которой преобладают круглодонные чаши, кружки с ручкой и чайникообразные сосуды с носиком (табл. 37, *57—64*). Дата, предложенная для этой группы могил [Бернштам А. Н., 1947; Бабанская Г. Г., 1956; Агапов П., Кадырбаев М. К., 1979], опиралась в основном на находку бронзовой пряжки с изображением льва, держащего в пасти птицу (табл. 37, *20*). Представляется более вероятным временем ранних могил Беркары III—II вв. до н. э.

Материалы III—I вв. до н. э. обнаружены в могильнике Тамды на северном склоне Каратау [Бернштам А. Н., 1949в (1950); Маловицкая Л. Я., 1949 (1950)]. Курганы выделяются каменной выкладкой — «усиками» (табл. 37, *44*). Захоронения совершены в больших грунтовых ямах, перекрытых деревянным накатом. В некоторых могилах оказалось до четырех погребенных, положенных головами на северо-запад. В мужских захоронениях Тамды найдены железные акинаки в обломках, набор железных черешковых трехперых наконечников стрел с опущенными жальцами (табл. 37, *45*, *46*), железный втульчатый наконечник копья листовидной формы, предмет неизвестного назначения и крючок от колчана (табл. 37, *49*, *50*). Лепной круглодонный горшок с двумя ручками и чайникообразный кувшин с носиком (табл. 37, *47*, *48*) сходны с сосудами Беркары.

В других могильниках III—I вв. до н. э. обнаружены железные булавка с круглым навершием и ножи, каменная мотыга (табл. 37, *6*, *7*, *11*, *31*, *35*, *37*), круглодонные чаши, кувшины и кружки (табл. 37, *52—56*).

В рассмотренных памятниках заметны традиции погребального обряда сакских племен предшествующего времени. Вместе с тем наблюдается значительная близость с синхронными памятниками типа Буранинского могильника раннеусуньского времени в Семиречье. На материалах Беркары и Тамды подтверждается установленное для Семиречья положение о сходстве погребальных сооружений, обряда и основных видов инвентаря сакского времени и части памятников последующего, усуньского периода.

Применяемый в литературе термин «сако-усуньский период» отражает преемственность в развитии культуры ранних кочевников на юге Казахстана во второй половине I тысячелетия до н. э.

ПАМЯТНИКИ ПЕРВЫХ ВЕКОВ НАШЕЙ ЭРЫ. В истории кочевого и полукочевого населения рассматриваемого региона существенные изменения происходят на рубеже нашей эры. Во много раз возрастает количество памятников и они становятся разнообразнее. Широко распространяется, как и в других районах Средней Азии, обряд захоронения в катакомбных и подбойных могилах [Сорокин С. С., 1956а]. К этому периоду относятся могильники I—IV вв. Имеются достаточные основания считать их кангюйскими памятниками. В отличие от ранних комплексов Берккара I и Тамды, их следует именовать позднекангюйскими.

Местным кочевым племенам Южного Казахстана времени существования Кангюя принадлежат могильники северных склонов Каратау (Берккара II, Кенсай и др.). А. Г. Максимова [1962] датирует их II в. до н. э.— III в. н. э. На наш взгляд, имеется больше оснований относить эти могильники только к первым векам нашей эры. Продолжается традиция захоронения в простых грунтовых могилах под курганной насыпью. Появляются могильные ямы, перекрытые каменными плитами. Умершие вытянуты на спине, головой на запад, иногда с небольшим отклонением к северу (табл. 38, *13*). Формы лепной керамики сходны с сосудами, характерными для III—I вв. до н. э. Впервые появляются единичные станковые сосуды — плоскодонные горшки и чаши. В некоторых сосудах сохранились остатки пригоревшей пищи. Изредка в могилах встречаются кости барана — остатки мясной заупокойной пищи. Оружие представлено обломками железных мечей, железными черешковыми трехперыми наконечниками стрел. Украшения включают железные булавки, спиралевидные серьги из золота, раковины каури. В позднем комплексе Берккара II найдены обломок китайского бронзового зеркала и нефритовая чашечка. Подобные привозные вещи появились у кочевников на рубеже нашей эры в результате установления связей с Ханьским государством.

Отмечая значительное сходство погребального обряда и материальной культуры могильников Каратау с памятниками усуньского времени Семиречья, А. Г. Максимова пришла к выводу о принадлежности их, включая Берккару и Тамды, Усуньскому племенному союзу. Она рассматривает северные склоны Каратау как периферию усуньских земель [Максимова А. Г., 1962. С. 100]. Следовательно, ныне существуют две основные точки зрения о принадлежности этих памятников: А. Н. Бернштам считает их кангюйскими, другие исследователи — усуньскими. Заключение о расположении Кангюя к западу от р. Талас, а усуней — к востоку от нее основано на сообщениях китайских источников, данных традиционной китайской картографии и главным образом на сведениях о пребывании шаньюя Чжичжы на восточных землях Кангюя, в долине Таласа. Эти основания достаточно серьезны. К сожалению, археологические данные пока недостаточны для того, чтобы разграничить усуньские и кангюйские памятники. Следует учитывать определенное их сходство, хотя нельзя говорить о полной идентичности. Добавим к этому, что усуни в ходе междоусобной борьбы иногда откочевывали в Кангюй, что также способствовало нивелировке культуры. Окончательное решение вопроса будет возможно лишь после накопления археологических материалов.

Многочисленные ценные материалы для изучения культуры полукочевого населения Кангюя первых веков нашей эры получены при раскопках могильников, расположенных на правом берегу Сырдарьи, в зоне Чардары. Наибольшее количество курганов (57) изучено в Шаушукуме. Здесь представлены все основные разновидности захоронений: 1) катакомбы типа I (кенкольского), в которых камера располагается перпендикулярно дромосу (29 курганов; табл. 38, *1*, *2*); 2) катакомбы типа II (лявандакского), где камеры являются продолжением дромоса (семь курганов; табл. 38, *9*); 3) подбойные могилы (12 курганов; табл. 38, *11*); 4) простые грунтовые могилы (шесть курганов; табл. 38, *14*). Сочетание могильных сооружений разного устройства на одной территории, часто в одних и тех же могильниках, является характерной особенностью эпохи и встречается во многих районах, в том числе на Сырдарье и в Семиречье [Заднепровский Ю. А., 1971].

Поскольку захоронения аналогичных видов широко известны у кочевого и полукочевого населения в степях Евразии и в Средней Азии, то можно думать, что курганные могильники Южного Казахстана и Ташкентского оазиса принадлежат полукочевникам, так как здесь наблюдается тесная связь населения, оставившего могильники, с населением синхронных поселений, расположенных часто поблизости. Надо иметь в виду, что большинство памятников датируется несколькими веками, и на протяжении этого длительного периода кочевое по происхождению население могло переходить к полукочевому образу жизни, сохраняя некоторые специфические особенности прежнего типа хозяйства и культуры. В условиях симбиоза земледельческого и кочевого скотоводческого населения в рамках государства Кангюй, политическая власть в котором принадлежала кочевникам, обряды и вкусы последних могли влиять на оседлых земледельцев. Однако погребальные памятники оседлого населения здесь не выделены.

Захоронения в катакомбах типа I выявлены в районе Чардары в трех пунктах. Наиболее близок к Ташкентскому оазису могильник Жаман-Тогай на правом берегу Сырдарьи. Здесь в четырех курганах обнаружены катакомбы со ступенчатым дромосом (табл. 38, *4*). Особенно интересны находки в разрушенном кургане 9 (табл. 38, *3*). В камере обнаружен медный котел с прямоугольными ручками, на поддоне и с толстым слоем копоти. Котел по форме сходен с хуннскими котлами рубежа нашей эры (табл. 39, *67*). В другой катакомбе оказался необычный для среднеазиатской керамики глиняный кувшин с узкой горловиной и налепным спиралевидным узором (табл. 39, *68*), также характерный для хуннской посуды. Там же найдены костяные пряжки с резным изображением животного (табл. 39, *65*, *66*).

В кургане 14 умерший лежал в катакомбе на камышовой подстилке (табл. 38, *4*), с левой стороны был положен длинный железный меч без металли-

ческого навершия и перекрестья [тип 2 по: Хазанов А. М., 1971]. Три кургана, за исключением кургана 14, датированы рубежом нашей эры [Максимова А. Г., 1968]. Исследователи считают, что могильник Жаман-Тогай и одиночное, более позднее впускное погребение на поселении Актобе 2, возможно, принадлежат хуннам. Они основываются на сведениях о движении хунну (Чжичжы) в Кангюй в I в. до н. э., допуская, что какая-то их часть достигла в это время среднего течения Сырдарьи. При этом А. Г. Максимова оговаривает, что близок только погребальный инвентарь, тогда как устройство погребальных сооружений различно.

Во всех раскопанных курганах могильника Актобе захоронения находились также в катакомбах типа I. Могильник расположен возле поселения, примерно в 25 км к северо-западу от могильника Жаман-Тогай. В отличие от других могильников, вход в катакомбу заложен здесь сырцовыми кирпичами (40×40×12; 35×35×12 см). В могилах оказалось по два и четыре костяка, погребенных не одновременно. Умершие лежали вытянуто на спине, головами на восток, с отклонением к северу или северо-востоку. Возможно, катакомбы служили семейными усыпальницами. Курганы ограблены, и погребальный инвентарь беден. Найденная здесь керамика аналогична посуде городища Актобе 2. Горшки и кувшины с ручками и без ручек часто украшены резным волнистым орнаментом, сходным с орнаментом сосудов Кенкола. Применялся прием украшения мазками краски. Разнообразны кружки с ручками — банковидные, кувшинообразные и конические.

По устройству могил, погребальному обряду и отчасти инвентарю захоронения в катакомбах близки курганам Ташкентского оазиса первых веков нашей эры. На основании сходства глиняной посуды и предметов быта из могильника Актобе с материалами соседнего и одновременного ему поселения Актобе 2 высказано предположение, что могильник принадлежал оседлым жителям этого поселения в I—III вв. [Максимова А. Г., 1968].

Наибольшее количество катакомб типа I обнаружено в могильнике Шаушукум, расположенном рядом с поселением Шаушукум, на расстоянии 15 км к северо-западу от могильника Актобе. Катакомбы овальной формы вытянуты по линии запад — восток. Дромосы прямоугольные узкие длинные. Они, как правило, ступенчатые и подходят к камере с южной стороны. Почти все захоронения одиночные. Погребенные вытянуты на спине, головой чаще всего на восток (с отклонением к северу или югу), реже — на запад. Умершего сопровождают богатый инвентарь и заупокойная мясная пища (баран). В одной могиле найдены кости сома.

По составу инвентаря достаточно определенно различаются мужские и женские захоронения. В погребениях мужчин-воинов находят железные двулезвийные мечи и кинжалы без металлического перекрестья и навершия. Только у одного меча есть прямое бронзовое перекрестье. На клинках сохранились остатки деревянных ножен, обтянутых изнутри тканью. От сложного большого лука так называемого гуннского типа уцелели костяные накладки. Железные наконечники стрел черешковые трехлопастные (табл. 39, *1*, *2*, *5—7*). Предметы быта представлены простыми ножами и железными пряжками с подвижным язычком (табл. 39, *3*, *4*, *12*, *13*). От конского снаряжения сохранились железные удила со стержневидными псалиями с закруглением на концах. Псалии инкрустированы золотой фольгой (табл. 39, *8*). В женских погребениях обнаружены предметы туалета и украшения: бронзовые плоские зеркала с ручкой-стержнем для насадки деревянных или костяных рукоятей, амулеты из костей животных, глиняные пряслица и разнообразные бусы, железные кольца, серьги (табл. 39, *9—11*, *16—18*). Глиняные сосуды встречены и в мужских, и в женских могилах. Количественно преобладают лепные плоскодонные сосуды — чаши, курильницы, горшки и кувшины без ручек. Довольно много станковых кувшинов, украшенных потеками краски. Особенно характерны кувшины с зооморфными ручками, каннелюрами на горловине и мазками краски, а также кружки с двумя ручками и спиральными налепами наверху (табл. 39, *20—30*). Найдены также бронзовые чаши (табл. 39, *19*).

Катакомбы типа I Шаушукума А. Г. Максимова справедливо сопоставляет с памятниками II—IV вв. Ташкентского оазиса. Несмотря на это, она датирует могильник в целом III—V вв., указывая на невозможность выделить более ранние захоронения. Верхняя дата установлена по находке сасанидской монеты. А. Г. Максимова рассматривает Шаушукумский могильник как памятник, в котором произошло смешение местного и пришлого населения, синкретизация культур, что связано с событиями великого переселения народов [Максимова А. Г., 1968]. С последним заключением можно согласиться, так как оно учитывает сложную картину исторических процессов в долине Сырдарьи. Все три могильника — Жаман-Тогай, Актобе и Шаушукум, хотя и датированы по-разному, по-разному определена их хозяйственно-культурная принадлежность, относятся к одной культуре — по нашему мнению, кенкольской [Бернштам А. Н., 1940; 1951; Заднепровский Ю. А., 1975а]. Все они, очевидно, отражают разные стадии смешения культуры местного и пришлого, хуннского, населения.

Аналогичные захоронения в катакомбах обнаружены также в Борижарском могильнике в долине р. Арысь, где представлены могилы разного устройства и разного времени, включая и средневековые [Нурмуханбетов Б. Н., 1975].

Очевидно, локальный вариант кенкольской культуры намечается в Ташкентском оазисе. Здесь захоронения в катакомбах, аналогичные кенкольским и шаушукумским, изучены в Янгиюльском и Вревском могильниках, в Туябугузе [Григорьев Г. В., 1948; Воронец М. Э., 1951; Агзамходжаев Т., 1961; Крашенинникова Н. И., 1966; Древности Туябугуза]. Эти памятники выделяются своеобразным комплексом керамики, в котором ведущая роль принадлежит сосудам с зооморфными ручками [Левина Л. М., 1971]. Из Янгиюльского могильника происходят костяное навершие гребня и фибула типа Avcissa (табл. 39, *14*, *15*).

Курганы с катакомбами типа II обнаружены только в Шаушукумском могильнике. Ориентировка катакомб и дромосов меридиональная. Камера слу-

жила продолжением дромоса, вход в нее закрывался камнем или камышом. Преобладают одиночные захоронения, в которых погребенные лежат вытянуто на спине. Ориентировка меридиональная, в одном случае южная. Курганы разграблены. Инвентарь беден. Несмотря на несопоставимость по количеству находок, комплекс керамики, обнаруженной в этих катакомбах, несколько отличается от керамики катакомб типа I. Выделяются необычные по форме курильницы, а также фляга своеобразной формы. Вместе с тем встречен кувшин, украшенный мазками краски (табл. 39, *40—43*). Из предметов вооружения найдены длинный узкий меч и кинжал без металлического навершия и перекрестья, а также трехлопастные наконечники стрел с черешком (табл. 39, *32—34*). Все они сходны с оружием, обнаруженным в катакомбах кенкольского типа. В кургане с катакомбой типа II обнаружена железная острога с двумя зубцами (табл. 39, *31*). Интересны бронзовые зеркала с утолщенным валиком по краю диска и боковой ручкой-выступом (табл. 39, *35*). Своеобразна по форме прямоугольная костяная пряжка с циркульным узором (табл. 39, *39*) [Максимова А. Г., 1968]. Из других находок назовем пряжку к ножнам, каменное точило и поделку из астрагала, употреблявшуюся в приспособлении для добывания огня (табл. 39, *36—38*).

Катакомбы типа II встречены в Средней Азии в небольшом количестве, наряду с другими, и не образуют отдельных кладбищ. Если катакомбы кенкольского типа охватывают долину средней Сырдарьи, Ташкентский оазис, Талас, юго-западную часть Чуйской долины, Кетмень-Тюбе и юго-западную Фергану, то ареал катакомб типа II иной. Они открыты в Бухарском оазисе, южной Туркмении и южном Хорезме [Заднепровский Ю. А., 1975а].

Третья группа погребальных памятников в Южном Казахстане и Ташкентском оазисе (древнем Кангюе) представлена захоронениями в подбойных могилах. В Шаушукуме раскопано 12 курганов, в которых оказалось 13 могил с подбоями. Все они вытянуты в меридиональном направлении, с небольшим отклонением к западу или востоку. Ниши подбоя выкопаны вдоль западной или восточной стен входной ямы. Вход в подбой закладывался камнем или сырцовыми кирпичами (39×39×12—15 см). Только в двух могилах найдены предметы вооружения — железные кинжал и трехлопастные черешковые наконечники стрел, а также костяные накладки на лук. Из предметов туалета интересны железные щипчики (табл. 39, *44—46*). Комплекс керамики, несмотря на ее малочисленность, отличается своеобразием, хотя набор ее обычен: плоскодонные простые горшки, кружки с ручкой, курильница. На станковых кувшинах с ручкой и без нее нанесен узор мазками краски (табл. 39, *47*, *52—54*). А. Г. Максимова отмечает сходство подбойных погребений Шаушукумского могильника с позднесарматскими памятниками Нижнего Поволжья II—IV вв. и с памятниками Ферганы, Ташкентского и Бухарского оазисов [Максимова А. Г., 1968].

Аналогичные могилы выявлены в Ташкентском оазисе, в долине р. Ахангаран, около городища Куль-Ата. Могилы узкие и глубокие, ориентированы по линии север—юг или юго-восток—северо-запад. Все подбои вырыты в западной стенке (табл. 38, *11*, *12*) и заложены сырцовыми кирпичами (50×25×10 см). Погребенные лежат головой на север. Черепа деформированы и имеют явные монголоидные признаки. В нескольких могилах погребального инвентаря нет. Керамика отличается от шаушукумской. Обращает на себя внимание большой лепной кувшин с носиком и ручкой, украшенный мазками краски. Имеется также кружка с зооморфной ручкой (табл. 39, *48—51*). Захоронения в подбоях связываются с населением, оставившим каунчинскую культуру [Аминов В., Буряков Ю. Ф., Ходжайов Т. К., 1978].

На территории Ташкентского оазиса насчитывается не менее шести групп погребальных памятников, включающих разные по устройству курганы первых веков нашей эры. Только дальнейшее изучение позволит определить локальное своеобразие каждой из них. Среди них выделяются каменные подземные склепы в долине р. Ахангаран, возле г. Ангрен. Они раскопаны в 1960 г. Т. Агзамходжаевым [1966б]. Под округлыми насыпями (диаметр до 20 м) находились прямоугольные погребальные камеры, перекрытые куполом. В них было по нескольку костяков. Склепы представляли собой семейные усыпальницы. В составе погребального инвентаря — кувшины с зооморфными ручками, а также кувшины, украшенные геометрической росписью коричневой краской по светло-желтому фону. Раскопки здесь были продолжены в 1974 и 1979 гг. Обнаружены материалы периода Каунчи II и раннесредневековые [Буряков Ю. Ф., 1982]. Вопрос о том, принадлежали ли эти склепы полукочевому или оседлому населению, остается открытым.

В северо-восточной части Ташкентского оазиса, в верховьях р. Ахангаран, обнаружены каменные наземные склепы — мугхона первых веков нашей эры [Буряков Ю. Ф., 1982]. Основной ареал этих своеобразных погребальных сооружений — северо-западная Фергана.

Наконец, необходимо остановиться на захоронениях в простых грунтовых могилах, которые в небольшом количестве встречены в рассмотренных могильниках наряду с погребальными сооружениями других типов. В двух курганах Шаушукумского могильника из шести под лёссовыми насыпями на древней поверхности обнаружены каменные кольца (табл. 38, *14*). Могильные ямы содержали по одному захоронению. В одном мужском захоронении (курган 28) найдены обломки железного меча, бронзовая серьга и два сосуда — кувшин и круглодонная чаша (табл. 39, *55—61*). Керамика отличается от посуды в катакомбах и подбоях, хотя некоторые из сосудов также украшены мазками краски (табл. 36, *62—64*).

Рассмотренными разновидностями не исчерпывается все многообразие погребальных памятников региона. Известны и другие виды. Но они или представлены единичными курганами, или еще не опубликованы.

Заканчивая обзор памятников Южного Казахстана и Ташкентского оазиса (древнего Кангюя), подчеркнем, что проблема выделения памятников кочевников Кангюя еще не решена. С известным основанием можно считать памятниками раннекангюйского периода могильники типа Беркара I и Там-

ды, тесно связанные с сакской традицией. Дальнейшее развитие их, представленное комплексами I—III вв. Берккара II и Кенсай, указывает на преемственность культуры кочевого населения на протяжении длительного периода — с IV—III вв. до н. э. до I—III вв. н. э. Но таких поздних памятников по сравнению с Семиречьем, где грунтовые захоронения составляют до 80% памятников первых веков нашей эры, известно мало. Они сосредоточены главным образом в долинах Каратау и почти отсутствуют в южной, равнинной, части региона. Здесь количественно преобладают захоронения в катакомбных и подбойных могилах, а также в склепах. Если последние имеют местные истоки, восходящие еще к Тагискену периода поздней бронзы, то подбойные и катакомбные памятники являются инновацией. Именно эти памятники количественно преобладают в Кангюе в первой половине I тысячелетия н. э.

Тесное сосуществование оседлого и полукочевого населения, характерное для древнего Кангюя, было свойственно также и Фергане (Давани). Но в Давани это были пришлые кочевые племена (юечжи, саки). В Фергане не было кочевой части собственного населения, как в Кангюе, где этническая карта отличалась особой пестротой. Здесь определенно засвидетельствовано появление или культурное влияние хуннских племен (Жаман-Тогай, Кенкол). К этому добавим, что в джетыасарской культуре, в низовьях Сырдарьи, известны глиняные сосуды, воспроизводящие форму хуннских металлических котлов [Толстов С. П., 1962б; Левина Л. М., 1966]. Все это указывает на реальное пребывание в долине Сырдарьи хуннов. Таким образом, на территории Южного Казахстана и Ташкентского оазиса смешивались племена разного происхождения. Это наглядно отражено в палеоантропологических материалах [Гинзбург В. В., Трофимова Т. А., 1972; Аминов В., Буряков Ю. Ф., Ходжайов Т. К., 1978; Ходжайов Т. К., 1980; Алексеев В. П., Гохман И. И., 1984]. У европеоидного населения первых веков появляется монголоидная примесь, причем у погребенных в подбойных захоронениях с северной ориентировкой (могильник Куль-Ата) отмечается ярко выраженная монголоидность.

В процессе метисации победили племена центральноазиатского происхождения, и это привело к коренному изменению этнического состава. Произошла монголизация прежде европеоидных кангюйских племен. Затем население Кангюя было тюркизировано, и в результате в долине Сырдарьи сложилось ядро одного из крупнейших массивов тюркоязычного населения Средней Азии.

Кочевое население Среднеазиатского междуречья в последние века до нашей эры и первые века нашей эры

Дошедшие до нас сообщения письменных источников и известные сейчас археологические материалы свидетельствуют о том, что на территории Среднеазиатского междуречья кочевое население было пришлым. Следует различать относительно ранние, эпизодические, проникновения сюда кочевников и передвижения значительных масс их, которые начались с последней трети II в. до н. э. Это было одним из результатов сложных процессов, протекавших в степном поясе Евразии и вызвавших в разных его частях крупномасштабные племенные перемещения.

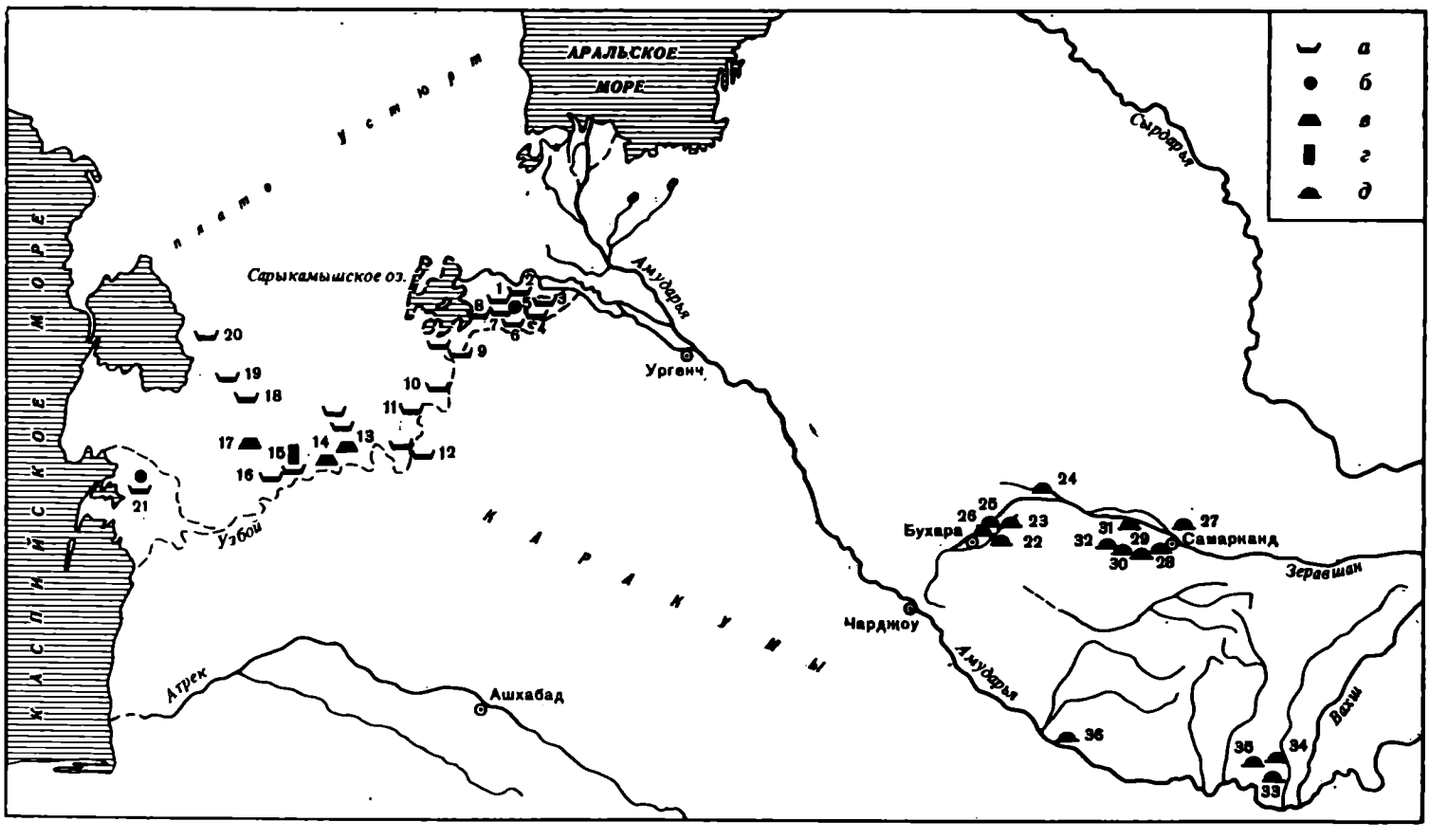
Одно из таких передвижений, вызванное экспансией державы сюнну (хунну) в восточной части степного пояса, привело к вытеснению из Центральной Азии многочисленной группы племен, известной в источниках под общим наименованием юечжей. В результате длительной миграции, сопровождавшейся столкновениями с местными кочевниками, в том числе саками в Семиречье, а затем с двигавшимися также из Центральной Азии усунями, они достигли в последней трети II в. до н. э. Амударьи. Одним из прямых следствий их появления здесь было падение Греко-Бактрийского царства — событие, ставшее крупной вехой в истории Средней Азии.

Западные авторы античного времени говорят о четырех племенах, участвовавших в наступлении на Греко-Бактрию, но не сообщают никаких подробностей. Очевидно, состав кочевников был неоднороден, что важно для интерпретации археологических памятников. В последующий период ведущую роль играло одно из этих племен, создавшее обширную империю, получившую наименование Кушанской. В период ее существования в северных областях Средней Азии происходили новые племенные перемещения, о которых нам известно только по археологическим данным; они частично затронули и рассматриваемую территорию.

Изучение кочевнических могильников в Среднеазиатском междуречье началось лишь в 50-х годах нашего столетия в древней Согдиане и северной Бактрии. В Согдиане они известны на окраинах Самаркандского и Бухарского оазисов. Большинство могильников содержит незначительное число курганов, что, возможно, обусловлено уничтожением насыпей при распашке земель. В северной Бактрии могильники сосредоточены в районах, близких к Амударье. Часть из них составляют крупные некрополи, которые, однако, подверглись ограблению в древности. Здесь также наблюдается четкая тенденция к расположению могильников кочевников вне зоны возделывавшихся в древности земель.

Степень изученности памятников этих двух областей различна: в Согдиане проводились преимущественно небольшие раскопки во многих могильниках, в Бактрии преобладали многолетние работы в крупных могильниках.

ПАМЯТНИКИ СОГДИАНЫ. Окраины Самаркандского и Бухарского оазисов следует рассматривать как разные районы и в археологическом плане (карта 4). Самаркандский район изучен менее: тут проведены раскопки в четырех могильниках — Ага-

Карта 4. Основные памятники скотоводов левобережного Хорезма, северо-западной Туркмении, бассейна Зеравшана и Бишкентской долины

1 — Тузгыр; *2* — Мантыркала; *3* — Яссыгыр; *4* — Сакарчага; *5* — Куюсай 2; *6* — Шахсенем; *7* — Тумек-кичиджик; *8* — Тарым-кая; *9* — Чарышлы; *10* — Чечгельды; *11* — Баланшем; *12* — Талайханат; *13* — Каплангыр; *14* — Игдыкала; *15* — Дордуль, Ичянлы; *16* — Чолюнгыр; *17* — Койmат; *18* — Чагыл; *19* — Туэртыр; *20* — Джанак; *21* — Кельkор; *22* — Кую-Мазар, Лявандак; *23* — Кизилтепе; *24* — Калкансай; *25* — Хазара; *26* — Шахри-Вайрон; *27* — Акжар; *28* — Аталык; *29* — Миранкуль; *30* — Сазаган; *31* — Янги-Курганча; *32* — Аксай; *33* — Тулхарский; *34* — Аруктауский; *35* — Коккумский; *36* — Бабашовский; *а* — могильники с преобладанием курганных погребений; *б* — поселения; *в* — склепы; *г* — культовый комплекс; *д* — курганы

лыксайском, Акджартепинском, Миранкульском и Сазаганском (более 40 курганов) [Обельченко О. В., 1962а; 1966; 1967; 1969; 1972; 1973]. Как наиболее ранние выделены три кургана (Агалыксай, курганы 9 и 10; Акджартепе, курган 4). В них под земляными насыпями обнаружены ограбленные погребения в вытянутых по линии юг—север грунтовых ямах (в одном случае — с заплечиками в нижней части). Ориентировка скелета — южная — установлена лишь в одной могиле (табл. 40, *33*). Инвентарь представлен верхней частью железного меча с дуговидным перекрестьем и округлым (?) навершием, фрагментами двух мечей с прямым перекрестьем и серповидным навершием (у одного — рукоятка с имитацией прорези; табл. 41, *5*), обломками стилетообразного кинжала, мелкими железными трехперыми наконечниками стрел и большим бронзовым зеркалом с черешком и выпуклым бортиком. На основании аналогий оружию прохоровской культуры эти погребения отнесены к IV в. до н. э. [Обельченко О. В., 1978. С. 116, 117]. Однако нельзя исключить и более позднюю дату. Остальные исследованные курганы этого района относятся к последующим периодам. Второй половиной II—I в. до н. э. датируется курган 5 Агалыксайского могильника [Обельченко О. В., 1967. С. 187], где в подбойной могиле обнаружено ограбленное погребение с комплексом железного оружия. Скелет лежал вытянуто, черепом на юг. При нем найдены железные меч с прямым перекрестьем и дисковидным навершием (у левой голени; табл. 41, *13*), восемь трехперых наконечников стрел (у правой голени), два уплощенных кольца (одно — с кнопкой) с остатками ремней, крючок (табл. 42, *50*), обломок острия, обломок восьмеркообразной пряжки с длинным язычком, покрытым бронзой, узкий, слегка изогнутый нож, а также полусферическая костяная пуговица. Около черепа стоял глиняный кувшин с шаровидным туловом, покрытый серым ангобом.

Большинство других курганов может быть ориентировочно отнесено ко II—IV вв. [Обельченко О. В., 1962а; 1966; 1969; 1972]. Основанием для датировки служат многочисленные аналогии устройству могил и инвентарю в памятниках этого периода в северо-восточных областях Средней Азии. Для этой группы курганов характерны могилы двух, очевидно сосуществовавших, типов: катакомбы, расположенные перпендикулярно к дромосам, и грунтовые ямы. Количественно преобладают первые, они всегда вытянуты с запада на восток, вход в них иногда закладывали сырцовыми кирпичами. Дромосы бывают пологими и ступенчатыми (табл. 40, *25*).

Все погребения, как правило, одиночные. Покойники лежат вытянуто, в катакомбах — головой на восток, в ямах — на север (с разными отклонениями). Под ними часто обнаруживают остатки подстилки из войлока, дерева или камыша. Сопровождаю-

щий инвентарь невелик и сохранился лишь частично из-за ограбления большинства могил. Это преимущественно керамика, некоторые предметы вооружения (все — из железа), а также иные изделия. Керамика, как правило, изготовлена на круге, но ассортимент форм очень ограничен: кувшины с низким яйцевидным туловом, безручные кувшины с аналогичным или раздутым туловом и плосковыпуклые фляги (табл. 40, *34—36*). Поверхность сосудов покрыта желтым или серым ангобом, а в верхней части — дополнительно темным, образующим подтеки. Лепная посуда представлена горшками с яйцевидным туловом, плоско-выпуклыми флягами и курильницами вазообразной и горшкообразной формы. В качестве курильниц употреблялись также обломки сосудов (в частности, лепного котла).

Оружие весьма немногочисленно: длинные двулезвийные мечи без металлического перекрестья, кинжалы того же типа (табл. 41, *1*, *12*, *16*) и различные по величине трехперые наконечники стрел. Принадлежностью одежды являются железные кольцевидные пряжки. К предметам бытового назначения относятся железные ножи и обломки зернотерок. Украшения представлены очень немногочисленными бусами и тремя изделиями из листового золота: наременной обоймой, бляшкой в виде фигурки стоящей птицы и бляшкой в виде двух параллельных полосок, соединенных парой зигзагообразных перемычек.

Для датировки указанных курганов имеет значение находка серебряной монеты с изображением лучника на оборотной стороне. Она обнаружена в кургане 1 Сазаганского могильника на грудной клетке погребенного [Обельченко О. В., 1966. С. 68]. Характер изображений позволяет отнести ее к сравнительно поздней серии монет этого типа, во всяком случае ко времени после I—II вв. [ср.: Зеймаль Е. В., 1972]. К такому же заключению приводит сопоставление керамики с известной по раскопкам на Афрасиабе: в ней нет форм, характерных для этапов Афрасиаб II и III, аналогии могут быть лишь среди более поздних. Важна также специфика ангобного покрытия, распространение которой прослеживается на поселениях с этапа Афрасиаб IV [Шишкина Г. В., 1969]. Однако установить точные хронологические рамки здесь невозможно.

Бухарский район изучен полнее, здесь велись раскопки семи могильников — Калкансайского, Куюмазарского, Кызылтепинского, Лявандакского, Хазаринского, Шахривайронского и Янгикурганского (более 150 курганов). Соответственно существуют более надежная периодизация и классификация материалов [Обельченко О. В., 1956; 1957; 1961; 1962б; 1963; 1968; 1974; 1978].

Четко выделяются курганы, относящиеся к последней трети II в. до н. э.—I в. н. э. Для них характерно сочетание могил трех типов: подбойных (подбой в одной из длинных стенок, чаще всего в западной при наличии вдоль противоположной стенки ступеньки; табл. 40, *31*); катакомб, лежащих на продолжении оси дромоса (табл. 40, *30*); грунтовых ям. Количественно преобладают первые. Все могилы вытянуты в направлении север—юг (с разными отклонениями). Вход в подбой закладывался подобием циновок из тростника и частично кусками гипса (грунт, в котором вырыты эти могилы). Вход в катакомбу обычно закрывался несколькими слоями сырцовых кирпичей квадратной формы или их обломков.

В подбоях имелись только одиночные погребения, в том числе и детей. Исключением является единственное парное захоронение: погребенные лежали валетом, головами в противоположные стороны. В катакомбах, по-видимому, совершались многократные захоронения, число которых достигало семи. Последовательность их не устанавливается ввиду ограбления.

Оружие включает в себя большую серию (20 экз.) длинных двулезвийных мечей, принадлежащих к двум исходным типам: а) с коротким прямым перекрестьем и дисковидным навершием, б) с коротким прямым обоймообразным перекрестьем без навершия (табл. 41, *14*, *15*). Первый тип представлен лишь одним экземпляром, второй преобладает. Для всех мечей характерны узкий, чечевицеобразный в сечении клинок и прямое обоймообразное перекрестье: обычно оно железное, но у двух бронзовое. Значительно меньше кинжалов (4 экз.), причем они, в отличие от мечей, все разнотипны: с прямым перекрестьем и схематизированным антенным навершием, с изломанным перекрестьем и сердцевидным навершием, с полулунным перекрестьем (имеющим загнутые внутрь концы) и кольцевидным навершием, без перекрестья (?) и с дисковидным навершием (табл. 41, *2—4*). Найден обломок костяной концевой накладки от лука (табл. 42, *57*). Многочисленны наконечники стрел. Все они однотипны — черешковые трехперые с оттянутыми жальцами, но различны по размерам, однако все варианты встречаются вместе (табл. 42, *38—44*).

Принадлежности одежды представлены главным образом составными элементами поясов (и, возможно, подвесов для оружия). Это железные кольцевидные и фигурные, близкие к восьмеркообразным, пряжки с подвижным язычком (табл. 42, *53*, *55*, *58*), железные кольца (иногда с кнопками), железные, бронзовые и костяные прямоугольные пластинчатые пряжки с прорезью и крючком (табл. 42, *54*, *59*), бронзовые обоймы, своеобразная бронзовая ажурная пряжка с крюком (табл. 42, *51*). Очень интересны две бронзовые пластинчатые ажурные пряжки с изображением сцены терзания верблюда тигром [Обельченко О. В., 1968].

К предметам бытового назначения (табл. 42, *45—49*, *61*) относятся железные ножи с прямой и изогнутой спинкой (последние преобладают), железные шилья, каменные точила с отверстием для подвешивания, железные иголки и костяные игольники. В эту же категорию изделий входят круглые бронзовые зеркала с боковым штырем, утолщенным бортиком и выпуклостью посредине. Одно из них снабжено цилиндрической костяной ручкой.

Украшения сравнительно немногочисленны. Это бронзовые браслеты с несомкнутыми концами, железные и бронзовые перстни, кольца и серьги, а также бусы, обнаруженные лишь в нескольких погребениях. Среди бус преобладают стеклянные шаровидной формы с внутренней позолотой и рубчатые, часто встречаются сердоликовые. В ожерельях имеются также подвески амфоровидной формы с вали-

ком в верхней части, в виде «кукиша» и бутылочковидные. Обнаружена и костяная подвеска-лунница (табл. 42, *60*). Единичны золотые серьги желудеобразной формы и золотая плакетка с изображением женской головы (табл. 43, *16*). Особого упоминания заслуживает фрагмент костяной пластины с изображением воина (табл. 43, *21*).

Датировка этих курганов установлена на основе параллелей оружию в сарматских памятниках и керамике из поселений Согдианы античного времени. Подкреплена она также находками двух монет: чекана Гелиокла (курган 14 Кызылтепинского могильника) и подражания чекану Евтидема I (курган 12 того же могильника). Однако хронологические рамки (последняя треть II в. до н. э.) остаются в известной мере условными в силу тех неясностей, которые существуют до сих пор в абсолютной датировке материалов поселений.

В последующий период — II—IV вв.— продолжали сооружать могилы двух основных типов, характерных для более раннего времени,— подбойные и катакомбы, являвшиеся продолжением дромоса. Вход у тех и других закладывался несколькими слоями сырцовых кирпичей или их обломков. Скелеты также лежат на спине вытянуто, но ориентированы черепом на север. В катакомбах такие захоронения «впускные». Наряду с ними здесь имеются смещенные кости скелетов и остатки связанного с ними сопровождающего инвентаря, относящиеся к предшествующему периоду. Достаточных данных для уточнения момента изменения ориентировки погребенных нет.

К рассматриваемому периоду относится еще один, третий, тип могил: прямоугольная или овальная катакомба, расположенная перпендикулярно к длинной оси дромоса, как у южного, так и у северного его конца. Вход в эти катакомбы также закладывался сырцовыми кирпичами. В таких катакомбах прямоугольного варианта известны захоронения в дощатых гробах с креплением железными скобами. Скелеты во всех случаях лежат на спине вытянуто, черепом на восток.

Сопровождающий инвентарь в могилах всех трех типов ограничен и однообразен. Он состоит в основном из керамики и украшений; оружия здесь нет. Керамика преимущественно изготовлена на круге, ассортимент ее форм ограничен (табл. 40, *26*, *27*, *32*). Это небольшие кувшины с шаровидным туловом; некоторые сходны с кружками; безручные кувшины с раздутым в верхней или нижней части туловом (табл. 40, *29*); миски с изломанным профилем; вьючные фляги с выпукло-вогнутым профилем. Поверхность большинства сосудов закрытых форм покрыта темно-серым или черным ангобом или окрашена (в верхней части) краской того же цвета с потеками. Для мисок характерно покрытие внутренней поверхности красным ангобом, а наружной (в верхней части) — черным. Лепная керамика представлена курильницами в форме перевернутого конуса с конической ножкой, в которой иногда имеется отверстие. Встречаются ножи и точильные камни (табл. 42, *62*). Среди украшений — бронзовые браслеты с несомкнутыми концами, подвески, серьги и колокольчики (табл. 42, *52*, *56*). Интересна женская статуэтка из алебастра (табл. 43, *22*), найденная в Хазаринском могильнике [Обельченко О. В., 1974. С. 207].

Основания для датировки этой группы курганов те же, что и для установления времени поздних курганов в Самаркандском районе (см. выше). Хронологические рамки ее также условны.

ПАМЯТНИКИ СЕВЕРНОЙ БАКТРИИ. ЮЖНАЯ И ЗАПАДНАЯ ГРУППЫ. Данные относительно кочевнических памятников северной Бактрии сравнительно более полны, что позволяет детализировать их характеристику. Имеется возможность, во всяком случае в предварительном порядке, наметить их территориальное размещение, очевидно, отражающее расселение новых групп населения. Кроме того, здесь получены некоторые материалы, позволяющие судить относительно характера взаимоотношений пришельцев кочевников и коренного земледельческого населения. Все это имеет значение для объективного понимания экономической, политической и культурной ситуации в последние века до нашей эры и первые века нашей эры.

Подавляющее большинство курганных могильников расположено в южной части северной Бактрии, в районах, тяготеющих к среднему течению Амударьи. Здесь сосредоточены наиболее крупные из них, насчитывающие по нескольку сот курганов. Чаще всего они находятся в полупустынных местностях, не использовавшихся под земледелие. Небольшие могильники известны также около окраин локальных оазисов, опять-таки вне возделываемой в древности территории.

Имеющиеся данные — в частности, некоторые различия курганов, исследованных в разных местах,— позволяют условно разделить памятники северной Бактрии на три географические группы: 1 — западная — в районах, ограниченных с востока р. Сурхандарья; 2 — центральная — на территории между Сурхандарьей и р. Вахш; 3 — восточная — в районах восточнее р. Вахш. Границы и соответственно размеры требуют уточнений, однако само такое деление целесообразно, поскольку отражает реальные факты и облегчает характеристику археологических комплексов, периоды бытования которых не везде были одинаковы.

Для западной группы памятников характерна специфическая конструкция наземной части погребального сооружения — каменная ограда относительно правильной формы (табл. 40, *16*). Чаще всего она круглая, но нередко овальная или несколько неправильных очертаний. Основание ее всегда составляет слой наиболее крупных уплощенных камней (или обломков плитняка). На него укладывали, по-видимому, не более трех-четырех слоев камней меньшей величины. Внутри ограды расположена каменная выкладка, перекрывающая могилу. Такие ограды господствуют в самом крупном и пока единственном исследованном могильнике данной группы — Бабашовском [Мандельштам А. М., 1975а], но они зафиксированы и в других местах, в частности у Кухитанга. В упомянутом могильнике их насчитывается 345 (раскопано 150), причем имеются могилы трех типов: прямоугольная грунтовая яма; прямоугольная яма со ступеньками вдоль обеих длинных стенок; прямоугольная яма с подбоем (табл. 40, *2*, *16*). Подбой представлен тремя вариан-

тами: 1 — прямоугольный в западной стенке ямы; 2 — овальный, охватывающий частично торцы, в западной стенке; 3 — прямоугольный в восточной стенке ямы. У могил последнего типа часто вдоль стенки, противоположной подбою, имеется узкая и низкая ступенька. Вход в подбой при первом и третьем вариантах заложен иногда несколькими рядами сырцовых кирпичей.

Могилы всех типов, как правило, вытянуты с юга на север, иногда с определенным отклонением к западу или востоку; лишь в нескольких случаях (подбои первого варианта) они вытянуты с запада на восток. Погребения почти везде одиночные, имеется лишь два парных: одно — мужчины и женщины и одно — женщины и ребенка. Скелеты лежат на спине вытянуто, черепом на север (в упомянутых подбоях широтного направления — на восток). Сопровождающий инвентарь сравнительно немногочислен и однообразен. Он состоит из керамики, оружия, предметов туалета, предметов, связанных с одеждой, орудий труда, а также украшений. Почти всегда имеются остатки мясной пищи: ребра или ножка и лопатка овцы. Обычно они лежат около глиняных сосудов, но в трех случаях найдены в мисках.

Керамика. Вся керамика изготовлена на гончарном круге. Это в основном сосуды открытой формы, относящиеся к группе столовой посуды. Характерны следующие:

1. Бокалы с туловом различной формы: цилиндроконическим, выпуклоконическим, колоколовидным и рюмкообразным. Все имеют профилированные ножки с дисковидным основанием. Поверхность покрыта красно-коричневым или, значительно реже, коричневым ангобом; на многих есть полосы вертикального лощения (табл. 40, *4*, *28*). Количественно преобладают бокалы с туловом последних двух вариантов, представленные почти равным числом экземпляров; имеющие тулово первых двух вариантов единичны.

2. Кубки, похожие на небольшие бокалы без ножки, с разной формой тулова: цилиндроконической, усеченноконической, цилиндрической и округлой. Поверхность большинства покрыта красно-коричневым ангобом, но у кубков с туловом первого варианта ангоб белый (табл. 40, *12*).

3. Миски двух групп: а) без поддона — полусферические низкие и высокие, а также усеченноконические; все они имеют прямые края, поверхность всегда покрыта красно-коричневым ангобом; б) на поддоне — полусферические низкие с прямыми, вогнутыми и отогнутыми краями, а также близкие к биконическим (но с плавным профилем); поверхность покрыта красно-коричневым, коричневым или белым ангобом (табл. 40, *3*, *6*).

Найдено одно большое толстостенное блюдо с отогнутым краем.

Среди сосудов закрытых форм выделяются: 1) небольшие горшки с приземистым шаровидным туловом, которое завершается широким устьем с отогнутыми краями (табл. 40, *11*); большинство покрыто белым ангобом; 2) горшки с высокой горловиной (представлены только обломками); 3) кружки с низкой широкой горловиной и петлевидной ручкой на верхней части тулова; их мало, но они различны по форме — с яйцевидным, биконическим и полусферическим туловом; поверхность всех покрыта красно-коричневым ангобом (табл. 40, *13*, *21*).

Оружие. Оружие очень немногочисленно. Найден лишь один меч — длинный двулезвийный, без перекрестья и навершия, притом в согнутом состоянии (табл. 41, *18*). Три кинжала принадлежат к двум типам: с прямым перекрестьем и навершием в виде двух сильно расходящихся дуг, отчасти сходным с рожковидным; без перекрестья и навершия (табл. 41, *17*, *19*). Наконечники стрел представлены двумя железными — трехперым и трехгранным с опущенными жальцами (табл. 42, *11*).

Пряжки и предметы туалета. Встречены железные, латунные и бронзовые пряжки. Железные: кольцевидные с подвижным язычком и крючком (табл. 42, *32*, *33*) и овальновытянутые с некоторым сужением в средней части и подвижным язычком. Латунные: кольцевидные с крючком и без него, петлевидные и фигурная прорезная с двумя зигзагообразными фигурами внутри рамки (табл. 42, *19—21*). Бронзовые: кольцевидные с крючком и пластинчатые с изображением фигуры лежащего верблюда. Последние представлены парой, одна из них имеет реставрированный железной полоской конец (табл. 43, *14*, *15*). С украшением одежды связаны, по-видимому, и две роговые пластины, найденные около плечевых костей погребенного (табл. 43, *10*).

К предметам туалета относятся зеркала и булавки. Зеркала двух типов — с выпуклым бортиком вдоль края и без него. У части из них черешки для насада были отломаны в древности, и ручки крепились при помощи просверленных около края отверстий (табл. 43, *19*). Наряду с целыми зеркалами в могильнике найдены также их обломки. Булавки известны бронзовые, латунные и железные. Бронзовые имеют плоские фигурные завершения в виде протомы фантастического крылатого животного, напоминающего сэнмурва (табл. 42, *23*), и в виде уплощенной лопаточки. У латунных — завершения в виде небольшой лопаточки и полушаровидное (табл. 42, *27*). Завершения железных, по-видимому, шаровидные и в виде четырехгранного утолщения.

Орудия труда. Из орудий труда встречаются ножи, шилья и точила. Ножи железные однолезвийные черешковые, с прямой и изогнутой спинкой (табл. 42, *26*). Шилья четырехгранные в средней части, с утолщенным верхним концом. Рукоятка (очевидно, деревянная) была закреплена кольцом. Каменные точила — вытянутые сланцевые бруски трапециевидной формы с прямыми торцами, снабженные отверстием для подвешивания.

Украшения. Украшения в основном относятся к группе личных. Браслеты бывают бронзовыми и латунными, все с несомкнутыми концами, часто оформленными в виде сильно стилизованных (объемных и плоских) головок животных или змей. Изготовлены они из округлого или плоско-выпуклого в сечении прута (табл. 42, *15*). Один браслет изготовлен из широкой тонкой латунной полоски и украшен на концах сложными геометрическими фигурами, включающими в себя зеленые и белые вставки из стекловидной массы (табл. 42, *14*). Среди перстней есть бронзовый, латунный и железные. Первый имеет овальное гнездо для несохранившейся вставки; вто-

рой — плоский овальный щиток, на котором вырезано изображение стоящей фигуры женского божества с длинным посохом или копьем в левой руке (табл. 42, *3*). Железные перстни, по-видимому, также имели плоские щитки. Кольца — латунные и железные, без декоративных элементов. Серьги — бронзовые, латунные и серебряные — относятся в основном к простейшему кольцевидному типу, иногда с насаженными бусами или дисковидной подвеской. Имеются также листовидные подвески (от несохранившихся серег), изготовленные из тонкой золотой фольги (табл. 42, *25*). Выделяются серебряная незамкнутая серьга с овальным щитком и пара медных, у которых колечко сочетается со сравнительно большим диском выпукло-вогнутого профиля. Бусы — каменные и стеклянные, разнообразные по форме — употреблялись как в ожерельях, так и в браслетообразных низках, надевавшихся на руки. Подвески использовались главным образом в составе ожерелий или для украшения кос. Они были бронзовыми и латунными кольцевидными или в виде бубенчиков. Есть также стеклянные перстневидные, каменные дисковидные и раковины каури.

Украшения, связанные с одеждой, малочисленны. Это золотая фибула с двумя щитками, украшенными зернью и цветными вставками (табл. 43, *7*); обломки зооморфного украшения головного убора и золотые бляшки от него же (?), близкие по форме к парам геральдически расположенных стилизованных лепестков; наконец, латунные фигурные бляшки со штырями на тыльной стороне — очевидно, украшение пояса.

ПАМЯТНИКИ СЕВЕРНОЙ БАКТРИИ. ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГРУППА. В центральную группу памятников северной Бактрии входит большинство известных сейчас курганных могильников. Почти все исследованные расположены в Бишкентской долине, между низовьями Сурхандарьи и Вахша. Наиболее крупные из них — Тулхарский, Аруктауский и Коккумский — находятся на сравнительно небольшом расстоянии друг от друга, в средней части этой долины. Могильники меньших размеров имеются как в южной, так и в северной ее части. Небольшие группы курганов известны также на окраинах Кобадианского оазиса (низовья р. Кафирниган) и на правобережье р. Вахш. Общая черта всех — четкое преобладание каменных и каменно-земляных насыпей небольших размеров.

Наиболее полно изучен Тулхарский могильник (348 курганов, раскопано 219), состоящий из 18 обособленных групп различной величины [Мандельштам А. М., 1966а]. Все насыпи здесь каменно-земляные диаметром около 3 м и высотой до 0,3 м.

При единообразии насыпей встречаются могилы трех типов: 1. Прямоугольная яма с подбоем прямоугольной или, реже, трапециевидной формы, обычно расположенным в ее восточной стенке или, изредка, в западной (табл. 40, *1*); 2. Прямоугольная яма сравнительно больших размеров, на дне которой вдоль всех четырех стенок имеется каменная выкладка, обрамляющая узкое внутреннее пространство (табл. 40, *8*); 3. Прямоугольная грунтовая яма.

Могилы всех типов вытянуты в направлении с юга на север, часть — с отклонениями на запад или (реже) восток. Вход в подбой всегда заложен несколькими рядами камней. Погребения в могилах всех типов одиночные. Исключением является лишь один случай захоронения женщины с ребенком. Скелеты, как правило, лежат вытянуто на спине, черепом на север, лишь в единичных случаях кости ног раскинуты, образуя ромб. Очень редко встречается положение на левом боку и ничком. Имеется также одно захоронение (ребенка) в хуме.

Сопровождающий инвентарь сравнительно многочислен и однообразен. Для некоторых категорий предметов прослеживается стандартность мест нахождения. Инвентарь состоит из керамики, оружия, предметов, связанных с одеждой и обувью, изделий бытового назначения и украшений. Как правило, имеются остатки мясной пищи — ножка и лопатка (иногда ножка и ребра) овцы, лежащие около глиняных сосудов или, в нескольких случаях, внутри них. Лишь в одном случае около костей находился железный нож.

Керамика. Вся керамика (за исключением одного сосуда) изготовлена на гончарном круге. Это только столовая посуда, в которой почти в равных количествах представлены закрытые и открытые формы. Поверхность всех сосудов покрыта красно-коричневым, коричневым или белым ангобом. Среди закрытых форм есть малые и большие: кувшины с шаровидным, яйцевидным и грушевидным туловом (табл. 40, *19*, *22*, *23*); двуручные кувшины с грушевидным туловом (табл. 40, *20*); горшки с шаровидным и яйцевидным туловом (табл. 40, *14*); горшки на трех ножках с приземистым шаровидным туловом и венчиком с уступом, в горловине под венчиком расположены друг против друга две пары отверстий (табл. 40, *17*). Сюда же относятся фляги с двояковыпуклым профилем и низкой узкой горловиной (табл. 40, *24*) и сосуды с боковым носиком, шаровидным и грушевидным туловом и узкой горловиной, причем носик расположен на верхней части тулова с наклоном около 45° (табл. 40, *18*).

Открытые формы представлены бокалами, вазами и мисками. Бокалы — с цилиндроконическим, выпуклоконическим, колоколовидным, усеченноконическим и рюмкообразным туловом. Все они имеют ножку — коническую цельную (при тулове первого и второго типов) или профилированную полую с дисковидным основанием (при всех типах, кроме первого). Часть бокалов снабжена вертикальным полосчатым лощением (табл. 40, *7*, *9*, *10*, *15*). Для ваз (или мисок на ножке) характерно полусферическое тулово. Миски распадаются на две группы: А) без поддона — полусферические низкие с небольшим донцем и прямыми приостренными краями; близкие к усеченноконическим с прямыми, отогнутыми и вогнутыми краями; Б) на поддоне — полусферические с отогнутыми и вогнутыми краями (табл. 40, *5*).

Единственный лепной сосуд представляет собой миниатюрный кувшинчик с яйцевидным туловом и широкой, очень низкой горловиной, ручка у него отбита в древности.

Глиняные сосуды составляют значительную часть сопровождающего инвентаря. Часто в могилах имеется по два сосуда. Типично сочетание кувшина и бокала. Наряду с глиняной посудой, очевидно, была

и деревянная, от которой в некоторых случаях сохранились округлые скопления трухи.

Оружие. Предметы вооружения, найденные в Тулхарском могильнике, изготовлены из железа. Среди них два длинных двухлезвийных меча с короткими перекрестьями без металлического навершия (табл. 41, *6*). Рукоятки были снабжены деревянной обкладкой, закрепленной железной заклепкой. В одном случае сохранились следы шаровидного деревянного навершия, покрытого черным лаком (?). В процессе расчистки выявлены остатки деревянных ножен, окрашенных в красный цвет и с росписью, выполненной черной краской. Мотивы ее растительные и зооморфные. Кинжалы (27 экз.) имели прямое перекрестье, но различные по форме навершия: серповидные, сердцевидные (табл. 41, *7*, *8*, *10*) и волютообразные (табл. 41, *9*, *20*). Некоторые из наверший могут быть охарактеризованы как рожковидные (табл. 41, *11*). Почти на всех кинжалах сохранились остатки деревянных ножен, окрашенных в красный цвет и с росписью черной краской. Узоры были геометрическими и зооморфными.

Наконечники стрел — все черешковые. Они или трехгранные с опущенными жальцами, или трехперые, из которых небольшие имеют опущенные жальца, а крупные — закругленные нижние концы перьев (табл. 42, *10*, *12*).

Пряжки. Предметы, связанные с одеждой и обувью, представлены практически только пряжками, различными по форме и изготовленными из разных материалов. Железные пряжки — кольцевидные с подвижным язычком; трапециевидная с подвижным язычком; петлевидные без язычка; «лировидные» с крючком; пластинчатые прямоугольные (табл. 41, *22*). Наиболее крупные из кольцевидных, возможно, служили для подвешивания оружия. Латунные пряжки — кольцевидные без дополнительного устройства, с крючком (табл. 42, *18*) или железным подвижным язычком; петлевидные или «лировидные» и фигурные, в числе которых одна украшена противостоящими протомами фантастических животных с крыльями (табл. 43, *11—13*). Бронзовые пряжки — кольцевидные с крючком и в виде трех сопряженных колец (табл. 42, *30*). Роговые пряжки — пара трапециевидных пластинчатых, украшенных заклепками из серебра, причем одна из них имеет поперечную прорезь у широкого конца и отверстия для закрепления серебряного крючка (табл. 43, *5*).

Предметы туалета. К ним относятся бронзовые зеркала с выпуклым бортиком и центральным выступом (табл. 43, *20*), а также не имеющие этих деталей. Они встречены в могилах целыми и в обломках (в одних и тех же местах). Найдены свинцовые палочки — сравнительно длинные, слегка изогнутые, круглые в сечении, один конец слегка заострен, другой в одном случае расплющен и снабжен отверстием. Назначение их неясно, но можно предполагать связь с косметикой (аналогично сурьматашам). Железные булавки с маленькой шаровидной головкой встречены около черепов, что позволяет предполагать их связь с прической или головными уборами.

Орудия труда. Из орудий труда назовем железные ножи. Они однолезвийные черешковые, с прямой или выпуклой спинкой (табл. 42, *34*). Шилья также железные, сравнительно массивные, четырехгранные в сечении, плавно сужающиеся к острию (табл. 42, *24*, *28*). Найдена одна железная игла. Плоские каменные трапециевидные бруски с прямыми торцами использовались как точила. Около верхнего конца у них имеется отверстие для подвешивания, выполненное двусторонним сверлением на конус (табл. 42, *35*). Наконец, упомянем ложечковидные предметы из латуни и железа, представляющие собой короткую цилиндрическую втулку, заканчивающуюся округлой или вытянутой «чашечкой» (табл. 42, *13*).

Украшения. Обнаруженные в курганах украшения относятся преимущественно к категории личных. Это прежде всего латунные и железные браслеты. Латунные разделяются на три типа: а) с несомкнутыми концами, оформленными в виде сильно стилизованных головок животных или змей (табл. 42, *17*) или в виде группы геометрических фигур; б) с находящими друг на друга концами, имеющими совпадающий облик; в) замкнутые, с «замочком» в виде витка. Железные браслеты (все плохой сохранности), по-видимому, сходны с бронзовыми первого типа (табл. 42, *16*). Перстни — латунные и железные, почти все с овальными плоскими щитками. У большинства латунных на щитках имеются вырезанные изображения божеств и животных (табл. 42, *4*). Железные перстни с овальными крупными щитками часто имеют бронзовые вставки (табл. 42, *1*, *2*). Кольца — латунные, бронзовые и железные — относятся к простейшему типу, однако они представлены несколькими вариантами, различающимися в деталях. В числе латунных имеются: а) несомкнутые; б) замкнутые равномерной ширины (табл. 42, *5*); в) замкнутые с расширением в средней части (табл. 42, *6*). Бронзовые кольца относятся к варианту «а», железные — к варианту «в». Серьги — латунные, золотые и серебряные — делятся на несколько типов. Латунные — простые кольцевидные, замкнутые, несомкнутые и с находящими друг на друга концами, а также кольцевидные «с замками» и в виде витков (табл. 42, *7—9*). Иногда серьги обоих типов имеют амфоровидные подвески, основу которых составляет золотой стержень, завершающийся наверху кольцом с двумя лапками, охватывающими насаженную на стержень вставку. «Лапки» у некоторых из них представляют собой стилизованные фигурки дельфинов (табл. 43, *6*, *8*). Среди золотых серег встречены кольцевидные, кольцевидные с «замком» в виде короткой трубочки, вблизи которого бывает круглое гнездо для вставки, и фигурные. Последние представляют собой плоские схематичные фигурки птиц с распростертыми крыльями, украшенные разноцветными вставками и четырьмя подвесками на цепочках (табл. 43, *4*). Серебряные серьги все кольцевидные. Бусы — каменные и стеклянные — весьма многочисленны и разнообразны по форме. Употреблялись они в ожерельях, иногда в сочетании с раковинами каури, в браслетообразных низках и для украшения кос (табл. 43, *1—3*, *18*). Подвески изготовлялись из различных материалов и имели разное назначение. Так, бронзовые в виде сердцевидной пластинки и массивного бубенчика или колокольчика служили украшениями кос (табл. 42, *31*), а в виде простого и решетчатого кольца входили в состав ожерелий.

Среди редких украшений из золота можно назвать фибулу, пряжку и головной убор типа диадемы. Центральную часть последнего составляли две симметрично расположенные, сравнительно крупные бляхи лировидной формы с цветными вставками. По обе стороны от них располагались два ряда небольших «сигмообразных» бляшек (табл. 43, *17*). Фибула состоит из двух щитков, украшенных зернью и цветными вставками и напаянных на П-образную основу из проволоки (табл. 43, *9*). Фигурная пряжка имеет две симметричные части, каждая из которых оформлена в виде рельефного изображения кабарги с длинным, слегка изогнутым рогом (табл. 42, *36*).

Монеты. Особую группу находок составляют монеты. Это четыре серебряных обола: три — подражания чекану Евкратида; один — чекан Герая. В трех случаях они находились во рту погребенных.

Аруктауский и Коккумский могильники исследованы меньше. Кроме того, они подверглись интенсивному ограблению, что обусловило ограниченность находок. В них также преобладают подбойные могилы (подбои разных форм в западной стенке) и сравнительно редко встречаются грунтовые ямы (менее чем в 10 % курганов). Обряд погребения здесь тот же, что в Тулхарском могильнике. Весьма сходен, хотя и беднее, сопровождающий инвентарь.

Об остальных могильниках центральной группы имеются лишь предварительные данные, позволяющие, однако, говорить об их большом сходстве с охарактеризованными выше [Седов А. В., 1979]. В одном из них отмечен своеобразный тип могил — каменный ящик с перекрытием в виде ложного купола [Медведская И. Н., 1977].

Восточный район северной Бактрии исследован еще слабо. Хотя курганы зафиксированы здесь в ряде пунктов, но только в могильнике Ксиров раскопано около 30 курганов с каменными кольцами. Преобладают грунтовые ямы, редко встречаются подбойные могилы [Денисов Е. П., 1979; 1981]. Все они ориентированы по линии запад—восток. Погребенные лежат вытянуто, головой чаще всего на запад. Керамика и другие предметы из могил близки к инвентарю могильников Бишкентской долины. Особенностью могильника Ксиров является обилие подражаний оболам Евкратида разных серий (шесть).

ДАТИРОВКА. Датировка могильников северной Бактрии сопряжена с рядом трудностей, главная из которых — отсутствие надежной хронологической классификации керамики и других материалов из поселений. Хронологические «колонки» для отдельных памятников характеризуются лакунами и определенными расхождениями, что свидетельствует о локальных особенностях развития глиняной посуды. Находки из поселений заметно отличаются от находок из могильников фрагментарностью, а это мешает проследить эволюцию некоторых форм сосудов. В области абсолютной хронологии сохраняется неясность в отношении «ключевой» даты — времени начала правления наиболее известного из кушанских царей — Канишки. Мнения исследователей расходятся. Существует тенденция к акцентированию поздних датировок и скептическому отношению к информативности находок ранних монет в слоях.

Крайняя малочисленность в материалах поселений иных изделий, кроме керамики, заставляет обращаться к аналогиям из других областей, притом географически удаленных. Привлечение оружия и других предметов из сарматских погребений закономерно ввиду многих черт сходства, но прямая синхронизация приводит к противоречивым результатам. В особенности это касается заключений исторического характера, не согласующихся с известиями письменных источников. Использование для суждений по аналогии некоторых категорий вещей (например, украшений), распространенных в эллинистическом мире, требует осторожности, так как необходимо учитывать воспроизведения их на месте с упрощением деталей.

Наиболее полный комплекс находок происходит из Тулхарского могильника. Нижний предел его даты определяется по цилиндроконическим кубкам, близким к найденным на городище Ай-ханум в Афганистане [Bernard P., 1973. P. 142], а также в соответствующих слоях Дальверзинтепе и других памятников [Пугаченкова Г. А., 1978. С. 114]. К керамике греко-бактрийского периода близки также некоторые миски, горшки и вазы. Верхний предел даты может быть установлен по отсутствию бокалов с рюмкообразным туловом и кружек: они имеются лишь во «впускных» погребениях (т. е. моложе) и господствуют в материалах из близлежащих поселений Бишкентской долины (не сочетаясь с бокалами других типов). По материалам Дальверзинтепе такие бокалы появляются в I в. н. э. [Пугаченкова Г. А., 1978. С. 151]. Таким образом, бесспорно местная керамика позволяет определить вероятный период существования Тулхарского могильника в пределах последней трети II в. до н. э.— I в. н. э. С этим полностью согласуются упомянутые монеты, а также предметы других категорий, находящие себе аналогии в памятниках степного пояса Евразии, в частности в Центральной Азии.

В тех же пределах датируются остальные могильники центральной группы, хотя вполне вероятно существование в них отдельных курганов более позднего времени.

Бабашовский могильник по находкам рюмкообразных бокалов, кружек, меча и кинжалов без наверший и перекрестий, очевидно, должен быть датирован в более широких пределах: последней третью II в. до н. э.— II, может быть, III в. н. э. Могильник Ксиров относится к тому же времени, что и памятники центральной группы.

Сравнительно многочисленные курганные могильники в Среднеазиатском междуречье подтверждают известия античных авторов о ведущей роли кочевников в событиях, происходивших в последние века до нашей эры и первые века нашей эры. Они свидетельствуют также о расселении кочевников в пределах земледельческих областей (вероятно, в соответствии с племенным делением), что обусловило их постоянные контакты с коренным населением оазисов. Следствием этих контактов можно считать обилие изделий местных ремесленников в погребениях кочевников. Это практически вся найденная в них глиняная посуда, большинство украшений и определенная часть предметов, связанных с одеждой и имевших бытовое назначение. Бактрийские ремесленники из-

готовляли некоторые изделия, характерные для культуры кочевников, из местных материалов (латуни). Имеются свидетельства о распространении этих изделий и за пределами Средней Азии, в восточной части степного пояса. Все это отражает специфику ситуации, которая сложилась в результате перехода политического господства к кочевникам. Отражением ее является и относительная малочисленность в погребальном инвентаре изделий, принадлежащих к культуре собственно кочевого населения. Это прежде всего оружие, значительная часть изделий, связанных с одеждой, и некоторые украшения. Большое сходство этих вещей с материалами из сарматских памятников закономерно ввиду того, что в этот период, как и в скифскую эпоху, в степном поясе существовала определенная близость культур различных племенных группировок. Вместе с тем в могильниках юга Средней Азии обнаружен ряд изделий, специфических для восточных областей степного пояса. К ним относятся ложечковидные предметы (застежки?), поясные кольца, различные пряжки и др. На востоке (Алтай, Тува) известны прототипы характерных для памятников Бишкентской долины кинжалов с сердцевидным навершием.

Глава четвертая
Левобережный Хорезм и северо-западная Туркмения

Памятники скотоводческих племен в левобережном Хорезме

Географическое положение Хорезма обусловило особые отношения этого оазиса с кочевыми племенами и объединениями окружающих пустынь и полупустынь. С. П. Толстов в своих трудах показал, что Хорезм был частью сако-массагетского мира Средней Азии [Толстов С. П., 1948а. С. 20—27, 202, след., 211, след.; 1948б. С. 37—62, 91, след.; 1962б. С. 77, след., 93, след., 136, след., 273, след.].

Не меньшее значение для политической и хозяйственной жизни оазиса в низовьях Амударьи имели и скотоводческие племена, находившиеся непосредственно в пределах Хорезма [Вайнберг Б. И., 1981б. С. 121—130]. Особенно благоприятные природные условия для обитания скотоводов представляло левобережье дельты Амударьи. Здесь, на площади более 7 тыс. кв. м, в пределах живой Присарыкамышской дельты, довольно обильно обводнявшейся в период от VII в. до н. э. до IV в. н. э., камышовые тугаи и заболоченные низины давали в изобилии корм для скота, а расположенные у южной границы дельты пески Заунгузских Каракумов удачно дополняли зимними пастбищами этот комплекс скотоводческих угодий.

В пределах Присарыкамышской дельты, в непосредственной близости с зоной расселения скотоводов, располагались вытянутые узкой полосой вдоль каналов земледельческие оазисы, население которых находилось в постоянных хозяйственных и культурных контактах со скотоводами.

Бóльшая часть памятников скотоводов (курганные могильники в первую очередь) была обнаружена на останцовых возвышенностях, расположенных в пределах дельты, среди переплетения древних русел и протоков (карта 4).

ПАМЯТНИКИ ПРИСАРЫКАМЫШСКОЙ ДЕЛЬТЫ. Археологическое изучение Присарыкамышской дельты началось еще в 1939 г. [Низовья Амударьи, Сарыкамыш, Узбой... С. 148, карта Присарыкамышской дельты]. Первый курганный могильник — Чаштепе — был открыт авиаразведкой в 1947 г. на краю плато Устюрт [Толстов С. П., 1948а. С. 312, примеч. 8]. В 1963 г. археологический отряд Хорезмской экспедиции провел там рекогносцировочные работы [Рапопорт Ю. А., Трудновская С. А., 1979. С. 151, след.].

В середине 60-х годов на останцовой возвышенности Тузгыр был открыт большой курганный могильник — 200—250 курганов [Андрианов Б. В., 1969. С. 167]. Разведочные раскопки в его южной части выявили сильно разрушенные курганы с обрядом трупосожжения, предположительно датированные VI—IV вв. до н. э. [Лоховиц В. А., 1968. С. 156]. Практически полностью исследованная юго-западная часть могильника (39 курганов) [Лоховиц В. А., Хазанов А. М., 1979; Трофимова Т. А., 1968] содержала захоронения в подбоях и катакомбах I—III вв. и два погребения в ямах, которые выделялись среди остальных не только по обряду захоронения, но и по составу инвентаря. Все это позволило датировать их более ранним временем — IV—II вв. до н. э. [Трудновская С. А., 1979а. С. 101—110].

Вторая половина 60-х и 70—80-е годы ознаменовались особенно интенсивными разведочными работами и раскопками, проводимыми сотрудниками Хорезмской экспедиции Института этнографии АН СССР (Б. И. Вайнберг, О. А. Вишневская, В. А. Лоховиц, Л. Т. Яблонский) совместно с археологами Института истории им. Ш. Батырова АН Туркменской ССР (Х. Юсупов, Д. Дурдыев). Особое внимание было уделено обследованию западной части Присарыкамышской дельты с целью выявления памятников скотоводческого населения. В результате этих работ была обнаружена новая культура оседлых и полуоседлых скотоводов, получившая название куюсайской — по крупнейшему поселению Куюсай 2 [Вайнберг Б. И., 1979а].

Не менее важными оказались исследования погребальных памятников, одна часть которых принадлежала населению, оставившему куюсайскую культуру (VII—IV вв. до н. э.), другая — каким-то иным объединениям, сосуществовавшим с «куюсайцами» или с теми, кто жил на этой территории в более позднее время. Среди наиболее крупных могильников из большого числа одиночных курганов или небольших некрополей можно назвать Шахсенем, Тумекичиджик и Тарым-кая I—III. На юго-западном мысу возвышенности Тарым-кая был обнаружен целый комплекс памятников (Тарым-кая I) — поселение-укрепление рубежа V—IV вв. до н. э., куюсайский могильник VI—V вв. до н. э., курганы с захоронениями сосудов-оссуариев начала IV в. до н. э. (или рубежа V—IV вв. до н. э.) и подбойные захоронения с северной ориентировкой [Вайнберг Б. И., 1979а; 1979б]. В 1985 г. Л. Т. Яблонский полностью раскопал группу с подбойными захоронениями и соседствующими с ними оссуарными погребениями в сосудах. Поблизости от них находились также одиночные курганы, а в 2—3 км к югу, тоже на краю возвышенности, располагались могильники Тарым-кая II и III, из которых могильник II был вскрыт полностью, а могильник III — лишь частично [Юсупов Х., 1979б; Яблонский Л. Т., 1986б]. При обследовании протоков крупного сухого русла у подножия возвышенности Тарым-кая, непосредственно вблизи могильников, было обнаружено несколько групп поселений, относящихся к IV—II вв. до н. э. и первым векам нашей эры. Все они располагались непосредственно на руслах, примитивная ирригация

отмечена только на поздних поселениях [Вайнберг Б. И., 1984]. Развалины поселений даже без раскопок дают основание говорить о своеобразии их планировки (малое количество жилых помещений, большие дворы) и строительной техники (обилие камня, игравшего часто роль каркаса сырцовой постройки).

Как и погребальные памятники Тарым-кая, могильники Тумек-кичиджик и Шахсенем содержали разновременные захоронения в курганах. Но в первом были вскрыты также камеры с коллективными погребениями (I в. до н. э.— II в. н. э.), практически не имевшие насыпей [Лоховиц В. А., 1979]. (Возможно, дата их несколько «удревнена».) В могильнике Шахсенем I, одном из наиболее крупных, преобладающими захоронениями оказались погребения в подбоях, бóльшая часть которых датируется III—V вв. [Юсупов Х., 1978б; 1984]. Интересен еще один комплекс памятников. На возвышенностях Яссыгыр между Кюзелигыром и Калалыгыром I обнаружены курганные группы и укрепление на мысу. В самой крупной курганной группе могильника Яссыгыр II раскопан один курган, содержавший захоронение в катакомбе с южной ориентировкой. Особенностью этих курганных групп было их близкое соседство с древними земледельческими оазисами по Чермен-ябу и около крепости Куня-Уаз.

Куюсайская культура. История освоения скотоводами левобережья Амударьи представляется в следующем виде. Впервые человек освоил территорию Присарыкамышской дельты Амударьи в эпоху неолита. В эпоху бронзы, вероятно, в силу недостаточного обводнения, население покинуло этот район.

С VII в. до н. э. начинается следующий этап ее освоения, связанный с появлением здесь нового населения, оставившего памятники куюсайской культуры: поселения и курганные могильники. Первоначально хронологические границы куюсайской культуры были определены в пределах VII—IV вв. до н. э. [Вайнберг Б. И., 1979а], но работы последних лет выявили более поздние поселения и могильники в западной части Присарыкамышской дельты, которые, несомненно, связаны генетически с куюсайскими памятниками.

О происхождении куюсайской культуры существуют две точки зрения. Б. И. Вайнберг, открывшая памятники этой культуры, высказала мнение о принадлежности ее к кругу сакских культур в широком смысле этого понятия, но обратила внимание на существенные отличия куюсайского погребального обряда от собственно сакского [Вайнберг Б. И., 1979а][1], а также на находки импортной гончарной посуды, происходящей из двух земледельческих центров — южной Туркмении и северного Ирана (район Копетдага и юго-восточный Прикаспий). Анализ местного керамического комплекса позволяет отметить влияние южных среднеазиатских центров на выработку ряда весьма оригинальных форм куюсайской посуды (бомбовидные и близкие к ним бокалы, крупные сосуды для хранения) и на технику их отделки (красный ангоб и лощение). К сожалению, конкретный керамический комплекс, послуживший прототипом для куюсайского, указать пока нельзя, но типологическое сходство керамики вахшской и бишкентской культур поздней бронзы в Таджикистане и куюсайской (прежде всего из погребений) вряд ли подлежит сомнению.

Все эти материалы дали основание Б. И. Вайнберг высказать гипотезу о приходе «куюсайцев» в Хорезм с юга в VII в. до н. э. По ее мнению, они входили в группу иранцев-скотоводов, которые к VII в. до н. э. уже продвинулись к северным границам Ирана [Вайнберг Б. И., 1979б. С. 45—52]. Поддержавшая ее в этом Е. Е. Кузьмина считает возможным связывать данные о борьбе Мидии с саками с материалами куюсайской культуры [Кузьмина Е. Е., 1977б. С. 79—81].

Согласно второй точке зрения, высказанной М. А. Итиной, основой куюсайской культуры послужил местный сакский компонент. Однако при этом М. А. Итина признает возможность инфильтрации этнических групп из южных районов. По ее мнению, «именно конгломерат этих двух начал и дал то, что мы называем куюсайской культурой» [Итина М. А., 1979. С. 5, 6].

В настоящее время можно говорить о нескольких этапах развития этой культуры. Ранний этап — середина VII — середина VI в. до н. э. (верхняя дата определяется сменой наборов стрел в Средней Азии [Медведская И. Н., 1972; Вайнберг Б. И., 1979б. С. 42—44]) — выделяется прежде всего по материалу поселения Куюсай 2 (площадь 12 га) и могильнику Тумек-кичиджик (табл. 44; 45). Люди, оставившие куюсайскую культуру, были скотоводами, разводившими преимущественно крупный рогатый скот, лошадей и имевшими оседлые поселения, где зафиксировано развитие местного ремесленного производства (металлургия, гончарство, обработка кости, камня и т. д.). Поселения располагались непосредственно на берегах обводненных русел, ирригационных сооружений не обнаружено. Жилища представлены наземными каркасными постройками и глубокими землянками. Площадь тех и других достигала 100 кв. м. Хозяйственные и производственные комплексы обнаружены за пределами жилищ.

К раннему этапу относятся куюсайские погребения могильника Тумек-кичиджик и, вероятно, часть погребений из ранних групп могильников на возвышенностях Сакар-чага и Шахсенем. Судя по этим материалам, преобладали небольшие (до 20 насыпей) могильники с маленькими курганными насыпями. В могильнике Тумек-кичиджик доминировал обряд трупоположения в небольшой яме с ориентировкой погребенного головой на запад (табл. 45, *I*). Могилы перекрывали иногда деревом и камышом, поверх которых в насыпи находилась небольшая каменная наброска, со временем проседавшая в могилу. В погребениях у головы помещались лепные сосуды куюсайского типа. Различаются сосуды мужских и женских погребений — бокалы в первых (табл. 44, *VIII*, *1—5*), кружки и горшочки (табл. 44, *VIII*, *7—12*) — во вторых. Изредка встречались бусы и подвески. В женских погребениях, кроме того, обнаружены обломки зернотерок (табл. 45, *V*), кусок плоской кости с пятном красной краски, пряслица. Представленные в небольшом количестве на перифе-

[1] В 1982, 1986 гг. Л. Т. Яблонский в могильнике Сакар-чага 6 обнаружил детали конской узды и предметы с прекрасными изображениями в зверином стиле в сочетании с большими наборами бронзовых наконечников стрел конца VIII—VII в. до н. э.

рии могильника Тумек-кичиджик коллективные погребения на древнем горизонте и трупосожжения тоже на горизонте оказываются основными в могильниках на возвышенности Сакар-чага. Вероятно, это свидетельствует о достаточной пестроте населения (этнической или религиозной).

Куюсайскую культуру на раннем этапе характеризует яркий комплекс керамики ручной лепки (табл. 44, *VII*, *VIII*, *1—12*). На поселении набор посуды разнообразен (табл. 44, *VII*) — от больших сосудов для хранения (типа среднеазиатских хумов и хумчей) до разнообразных столовых (кружки, бокалы, миски). Кухонная посуда представлена горшками разных типов, чайниками. Для всей керамики характерна ленточная техника лепки шаровидного тулова. Довольно часто встречаются круглодонные сосуды, сосуды на небольших кольцевидных или сплошных поддонах, закрывающих округлое дно. Вместе с тем преобладают плоскодонные формы. Другая отличительная черта керамического комплекса — красная поверхность всех сосудов, получавшаяся за счет ангобного покрытия и особого режима кострового обжига. Орнамент на сосудах практически отсутствует, венчики тоже, край всегда прямой, изредка слегка отогнут наружу, не характерны и налепные валики.

В погребениях встречены только сосуды из столовой группы: бокалы, кружки, мелкие горшочки и редкие мисочки типа плошек.

Набор наконечников стрел (около 60 штук) с поселения Куюсай 2 (табл. 44, *I*) отражает, вероятно, как временны́е, так и территориальные особенности комплекса [Вайнберг Б. И., 1979а. С. 42, 43]. Около половины всех экземпляров составляют двулопастные втульчатые наконечники стрел (табл. 44, *I*, *1—12*), среди которых весьма значителен процент архаических типов. Около трети комплекса составляют черешковые трехлопастные наконечники, которые принято связывать прежде всего с Казахстаном и низовьями Сырдарьи. Довольно много ромбических наконечников с ромбическим сечением головки (табл. 44, *I*, *16—20*), также очень характерных для ранних комплексов низовьев Сырдарьи (Уйгарак). Трехлопастных втульчатых наконечников в куюсайском наборе мало. Отсутствуют типы, характерные для ахеменидского времени, широко представленные в материалах городища Кюзелигыр, крупного центра в Хорезме, расположенного в 25 км от поселения Куюсай 2. Очевидно, именно кюзелигырским комплексом наконечников стрел в середине VI в. до н. э. был сменен куюсайский. На поселении Куюсай 2 найден фрагмент бракованного звена стремевидных удил (табл. 44, *IV*, *4*) широко распространенного в Евразии в VI в. до н. э. типа [Вишневская О. А., 1973. С. 103. Табл. XXVI, *4*, *5*].

Для раннего этапа куюсайской культуры характерны ювелирные украшения из бирюзы (бусы, серьги с каплевидными подвесками, ромбические подвески), лазурита, белого камня (подвески в виде маленького клыка; табл. 44, *II*).

Следующий этап развития куюсайской культуры — середина VI — рубеж V—IV вв. до н. э.— ознаменован прежде всего взаимодействием с кюзелигырской (архаической) культурой Хорезма, памятники которой располагаются в непосредственной близости с куюсайскими. Сложением кюзелигырской культуры начался новый этап в хозяйственном освоении Присарыкамышской дельты. Появились ирригационные сооружения, крепости, распространилась сырцовая архитектура, широкое применение получил гончарный круг. Но, несмотря на большую роль земледелия в хозяйстве этой эпохи, преобладание в стаде «кюзелигырцев» крупного рогатого скота, лошадей и верблюдов дало основание С. П. Толстову сделать вывод о господстве у них полукочевого скотоводства [Толстов С. П., 1962б. С. 104], что особенно сближает их с «куюсайцами». Не совсем еще ясны все стороны взаимодействия куюсайской и кюзелигырской культур, хотя сам факт этого взаимодействия не вызывает сомнения. На Кюзелигыре при господстве сырцовой архитектуры сохраняются традиции каркасных построек, встречается керамика куюсайского типа.

Все обнаруженные до сих пор поселения «куюсайцев» VI—V вв. до н. э. в западной части дельты и около крепости Кюзелигыр не сохранили культурного слоя. Но в подъемном материале наряду с преобладанием лепной куюсайской посуды с красной поверхностью в некотором количестве встречается гончарная кюзелигырская керамика. К этому этапу относится крепость-убежище на мысу возвышенности Канга 2. С того времени крепости-убежища скотоводов вообще становятся характерными для левобережного Хорезма, особенно на его окраинах.

VI—V вв. до н. э. датированы куюсайские погребения могильника Тарым-кая I и часть погребений на возвышенности Сакар-чага.

Лепная куюсайская керамика могильника Тарымкая I свидетельствует о некоторых изменениях в пропорциях столовой посуды (уменьшается высота бокалов) и появлении в ее тесте примеси из толченых гончарных сосудов (табл. 44, *VIII*, *13* и след.).

Происходят некоторые изменения в обряде трупоположения (табл. 45, *II*, *1—3*). Встречается как западная, так и восточная ориентировка. Часто фиксируются вторичные подхоронения, при этом первоначальное захоронение слегка сдвигается. Отмечены захоронения частично расчлененных скелетов. В двух погребениях рядом с изголовьем погребенного на древнем горизонте обнаружены очаги. Все это свидетельствует о «ломке» традиционных куюсайских погребальных обрядов и, может быть, о процессе сложения нового обряда, который отмечен в более поздних памятниках этого района.

Как показали работы последних лет, оседлые и полуоседлые скотоводческие племена заселяют Присарыкамышскую дельту до IV—V вв. н. э., пока сохраняется живой характер этой дельты и по ряду ее притоков осуществляется сток в Сарыкамыш.

Памятники IV—II вв. до н. э. В IV—II вв. до н. э. в дельте функционируют еще все основные русла. На Южном Даудане, в юго-западной части дельты, обнаружено большое число поселений на берегах действующих русел, вне зоны ирригации [Вайнберг Б. И., 1983; 1984]. Наиболее интересно поселение Гяур 3, расположенное в 6 км к востоку от крепости Гяуркала 1. На площади около 4 кв. км выявлен комплекс одновременных построек, расположенных рассредоточенно. Поселение состоит минимум из полутора десятков сильно разрушенных домов-усадеб, большинство которых включает большой прямо-

угольный дом из сырца (или пахсы). В центре поселения расположена крупная, возможно, обнесенная стеной усадьба, на территории которой открыто круглое культовое здание [Вайнберг Б. И., 1981а. С. 464, 465; Коляков С. М., 1983; 1984].

В аналогичных поселениях у подножия возвышенности Тарым-кая есть дома-усадьбы с усложненной планировкой, но основу дома, как правило, составляет одно большое жилое помещение. При отсутствии ирригационных систем в зоне поселений можно отметить первые попытки сооружения узких (до 50 см) канальчиков, соединявших параллельные протоки, что, вероятно, делалось в борьбе с отмиранием отдельных русел.

К рубежу V—IV или началу IV в. до н. э. относятся поселение-убежище на юго-западном мысу возвышенности Тарым-кая (табл. 45, *IV*, *VII*) [Вайнберг Б. И., 1979а] и группа курганов в могильнике Тарым-кая I, где встречены захоронения очищенных костей в сосудах-оссуариях (гончарные хорезмийские и лепные куюсайские; табл. 45, *III*).

Представляется, что именно в связи с активным включением населения западных окраин Хорезмского оазиса в систему хорезмийской государственности и культуры, что нашло свое отражение и в преобладании оссуарного обряда захоронения в курганных погребениях на рубеже V—IV вв. до н. э., была заложена в этом районе крупная крепость Кангакала, ставшая до IV в. н. э. несомненным центром этого скотоводческого по преимуществу района. Кангакала расположена на возвышенности против более древнего укрепленного поселения местного населения — крепости Канга 2 (около VI—V вв. до н. э.) и связана с системой действовавших протоков древних русел. С западной стороны крепости Кангакала есть неукрепленное поселение, где встречена почти исключительно лепная керамика куюсайского облика.

Усиление влияния культуры оазисов древнего Хорезма на скотоводов окраины оазиса с V в. до н. э. бесспорно. Кроме перехода к оссуарному обряду захоронения (хотя и под курганами), явно пришедшему из основных районов Хорезма, о чем свидетельствуют хорезмийские сосуды-оссуарии, отметим широкое употребление в быту хорезмийской гончарной посуды. Формы лепной посуды, сохраняющей куюсайские традиции в отделке внешней поверхности, форме венчиков, характере теста, обжига, стали копировать гончарные хорезмийские, что приводит к изменению пропорций (более вытянутые формы, почти полное исчезновение шаровидности) и замене одних типов другими (на смену шаровидным и стакановидным бокалам приходят конические кубки, подражающие гончарным). Подобной посуды нет в синхронных памятниках хорезмийской цивилизации. Наиболее яркий пример для сравнения дают два одинаковых культовых здания: на поселении Гяур 3, где массовым материалом является лепная керамика описанного типа, и в крепости Калалыгыр 2, где такой керамики почти совсем нет, а находки лепной посуды вообще единичны.

Памятники первых веков нашей эры. Для выделения памятников I в. до н. э.— I в. н. э. мы не имеем объективных оснований. В керамических материалах из основных районов Хорезма, на которые опирается датировка памятников скотоводов, этот период четко не выделяется. Несомненно лишь, что перерыва в освоении скотоводами окраинных районов в это время не было.

Известны поселения первых веков нашей эры на протоках между возвышенностями Кангагыр и Тарым-кая, вблизи восточного берега Сарыкамыша. Здесь встречаются небольшие участки мелкой ирригационной сети, поля типа бахчи. Каналы шириной от 0,4 до 0,7—0,8 м берут начало в руслах, куда в свою очередь вода попадала из канала Чермен-яб, заменившего отмершее ко II в. до н. э. русло Южного Даудана. Л. Т. Яблонский раскопал большое количество погребений оссуарного типа в гончарных и лепных сосудах куюсайского облика в могильниках Тарым-кая I и II. Часть из них относится и к первым векам нашей эры [Яблонский Л. Т., 1986б]. Традиционными остались тип хозяйства, характер расселения и некоторые приемы гончарства (лепная керамика домашнего производства с характерной красной поверхностью, отсутствие на ней выделенных венчиков). Какие-либо другие этнографические детали по имеющимся материалам не улавливаются.

Наряду с памятниками, продолжающими традиции куюсайской культуры, и курганами с оссуарными захоронениями в Присарыкамышской дельте широко представлены курганные насыпи с погребениями иных типов (табл. 46, *I*). Они известны и в виде небольших групп (от двух до 10 курганов), и в крупных скоплениях (например, могильники Шахсенем и Яссыгыр 2). Изредка встречаются небольшие цепочки курганов (Гяургыр). В ряде могильников одновременные или разновременные погребения разных типов и культур представлены вперемежку (Тумек-кичиджик, Тарым-кая I, Сакар-чага и т. д.). Преобладают погребения в подбоях (табл. 46, *II*), но по материалам Хорезма нет оснований выделять их в отдельную культуру. Объединяет эту группу памятников тип погребальной камеры: узкая входная яма, ориентированная, как правило, меридионально, с западной или восточной стороны которой находится узкий подбой, дно которого обычно глубже дна входной ямы. В большинстве случаев вход в подбой закрывался камнями, деревянной решеткой, сырцовыми кирпичами. В могильниках Присарыкамышской дельты преобладают подбойные захоронения с южной ориентировкой погребенного (Тумек-кичиджик, Тузгыр — только южная ориентировка) [Лоховиц В. А., Хазанов А. М., 1979; Лоховиц В. А., 1979], но встречаются и с северной (Тарым-кая I, Сакар-чага) [Яблонский Л. Т., 1983б; 1984].

Наиболее ранние подбойные захоронения (как с южной, так и с северной ориентировкой погребенных) датируются по находкам гончарной керамики раннекангюйского (хорезмийского) и согдийского комплексов IV—II вв. до н. э. (круглодонная чаша в подражание ахеменидским образцам, чаша с ребром, конические гончарные бокалы). В погребениях с гончарными сосудами не обнаружен другой инвентарь (например, вооружение), по которому можно было бы проверить дату комплексов. До появления новых данных время самых ранних погребений в подбоях левобережного Хорезма можно ограничить III—II или даже II в. до н. э. Не противоречит этой дате и возможная хронология оружия (табл. 46, *IV*),

найденного в других погребениях могильников Тумек-кичиджик и Гяур 4. Здесь встречены кинжалы с прямым перекрестьем и кольцевым навершием, иногда в сочетании с длинным (до 1 м) мечом с прямым или (в двух случаях) дуговидным перекрестьем (концы дуги обращены вверх) без навершия (табл. 46, *IV*, *1*, *2*). В могильнике Гяур 4 есть и длинные мечи с прямым перекрестьем и без металлического навершия, что дает основание рассматривать дуговидное перекрестье как предшествующее прямому.

Не исключено, что эти погребения оставлены первой группой кочевого населения, появившейся в левобережном Хорезме. (Интересно отметить, что для ранних могильников Тумек-кичиджик и Гяур 4 характерна гончарная посуда нехорезмийского типа.) Но поскольку существуют могильники, различающиеся по ориентировке погребенных, можно предполагать, что принадлежали они двум различным группам населения. Тем более что в других районах Среднеазиатского междуречья и в Фергане захоронения в подбоях с северной и южной ориентировкой связываются исследователями с разными группами племен [Мандельштам А. М., 1966а. С. 80, 160—162].

Нельзя отделить от подбойных погребений небольшое количество катакомб, встреченных в могильнике Тумек-кичиджик, и значительное — в могильнике Тузгыр (табл. 46, *III*). Камеры катакомб располагались по одной оси с дромосами, к югу от них. Погребенные в камерах лежали головами на юг. В первые века нашей эры подбойные и катакомбные погребения распространены особенно широко: они встречаются практически на всей территории Присарыкамышской дельты.

По деталям обряда все три типа погребальных памятников не различаются. Для них характерны часть бараньей туши (обычно передней ноги, лопатки), гончарная керамика (преобладает хорезмийская, но есть и из других гончарных центров), небольшое количество сосудов ручной лепки. Среди последних — в основном курильницы, типы которых широко представлены как в среднеазиатских, так и в сарматских (табл. 46, *XI*) памятниках [Обельченко О. В., 1957. С. 114, 118; 1961. Рис. 17; Юсупов Х. Ю., 1986; Шилов В. П., 1959. С. 450, 480; Вязьмитина М. И., 1954. С. 227. Табл. III, *4*]. Предметы вооружения принадлежат в основном к сарматским или близким типам.

Многие погребения потревожены, но не всегда это связано с ограблением: чаще всего первоначальное погребение сдвигали, а на его место помещали новое. В могильнике Сакар-чага 1 кости первоначального погребения вместе с инвентарем помещены в крупный сосуд, который остался в подбое около головы второго погребенного. Отмечены случаи вторичного помещения во входную яму, или в подбой, или в катакомбу очищенных от мягких тканей костей (Тумек-кичиджик, Яссыгыр I, Тузгыр), иногда даже в оссуарии (Сакар-чага 1). Особенно широко практиковались оссуарные захоронения в курганах наиболее поздней группы (юго-восточная в могильнике Шахсенем). Здесь среди разнотипных захоронений преобладают погребения в подбоях с северо-восточной или северо-западной ориентировкой. По инвентарю (в основном керамика) могильник датируется III—V вв. Таким образом, можно констатировать, что под влиянием культуры и религии оседлого населения Хорезма группа кочевников, проникших сюда в III—II вв. до н. э., осваивает, как некогда «куюсайцы», местный погребальный обряд.

Вопрос о соотношении куюсайских памятников и подбойно-катакомбных могильников не совсем ясен. Можно думать, что в ряде случаев «куюсайцы», вероятно, были вытеснены пришедшими в Присарыкамышскую дельту племенами. Так, на возвышенностях Тумек-кичиджик, Сакар-чага и, возможно, Тузгыр куюсайские погребальные памятники частично сменяются захоронениями в подбоях и катакомбах. Однако в могильниках Тарым-кая I, II погребения под курганными насыпями в сосудах-оссуариях, содержавшие и куюсайскую керамику, некоторое время сосуществуют с подбойными захоронениями. Отметим, что в подбойном погребении южной группы могильника Тузгыр встречен большой фрагмент куюсайского горшка [Лоховиц В. А., Хазанов А. М., 1979. С. 118]. В зоне господства подбойно-катакомбных памятников в левобережном Хорезме, как правило, нет поселений оседлых скотоводов, которых связывают с потомками «куюсайцев». Такие поселения обнаружены в основном в юго-западной части Присарыкамышской дельты, вблизи Сарыкамышского озера.

Могильники с захоронениями в подбоях и катакомбах с южной ориентировкой, обнаруженные в Хорезме, предположительно связывают с юечжийской группой племен, отличной от кушан и принадлежавшей к «сарматскому» кругу племен (в расширительном толковании этого понятия) [Вайнберг Б. И., 1977. С. 73—77; 1981б. С. 128]. Это предположение находит поддержку в точке зрения А. М. Мандельштама о восточной группе «сарматских» племен [Мандельштам А. М., 1978б. С. 139—141; Вайнберг Б. И., 1981б. С. 128, 129][2].

Обращает на себя внимание, что подбой с северной ориентировкой, которые А. М. Мандельштам [1966а. С. 80, след.] связывал с кушанами, появляются в левобережном Хорезме не позже III—II вв. до н. э. Курганные могильники левобережного Хорезма еще мало изучены. Но уже сейчас можно отме-

[2] Понятия «сарматский круг племен» (Б. И. Вайнберг) и «восточные сарматы» (А. М. Мандельштам) условны. Сарматские племена Восточной Европы, Нижнего Поволжья и Южного Приуралья, оставившие единую археологическую культуру в ее локальных вариантах, по большинству параметров погребального обряда и инвентаря отличаются от кочевников и полукочевников Средней Азии, Восточного Туркестана и Центральной Азии. Близкие, но не тождественные по устройству погребальные сооружения — подбои и катакомбы (они отличаются от сарматских формой и размерами входных ям, камер, деталями обряда), сходство оружия, некоторых форм пряжек, зеркал и т. д. не доказывают единство происхождения или этническое единство. Речь может идти лишь об общих эпохальных явлениях, свойственных кругу кочевых и полукочевых племен, населявших евразийскую аридную зону. Как в скифское время их объединяла так называемая скифская триада, так в сарматскую эпоху обнаруживаются параллели в формах погребальных сооружений (за счет близости религиозно-идеологических представлений) и некоторых категорий инвентаря (оружие, отдельные формы пряжек, зеркал). Близкие черты в формах культуры этих племен связаны, очевидно, с примерно одинаковым уровнем развития производительных сил и единым хозяйственно-культурным типом этих обществ *(Ред.)*.

тить погребения новых типов, обнаруженные в отдельных могильниках.

В могильнике Сакар-чага 1 раскопано несколько крупных ям с меридиональной ориентировкой и дромосом с южной стороны. В них находились разновременные «коллективные» захоронения [Яблонский Л. Т., 1983б]. При позднейших подхоронениях тела ранее погребенных сдвигались и разрушались. Погребения совершались в несколько слоев до окончательного заполнения камеры, которая скорее всего имела какое-то перекрытие, позволявшее неоднократно проникать в нее через дромос. Ориентировка погребенных различная. Инвентарь представлен единичными хорезмийскими лепными и гончарными сосудами, позволяющими предварительно датировать погребения V—IV вв. до н. э.

Интересную группу коллективных захоронений первых веков нашей эры можно отметить в могильнике Тумек-кичиджик [Лоховиц В. А., 1979]. Это слега углубленные в землю квадратные (около 3,5××3,5 м) камеры с узким дромосом в середине северной стороны. Дромос, как правило, перегораживался камнем. Многократно совершавшиеся погребения не имели определенной ориентировки. В наиболее сохранившемся кургане обнаружены остатки носилок с двумя погребенными, лежавшими один на другом, но головами в разные стороны. Часть ранних погребений повреждена и сдвинута. Инвентарь тот же, что в подбойных погребениях первых веков нашей эры, но нет кинжалов и мечей (табл. 46, *IX*). Возможно, что у этих камер были какие-то наземные деревянные конструкции. Курганные насыпи над ними не превышали 40—50 см.

Погребения в грунтовых ямах под курганными насыпями встречены в разных могильниках. Часто они не имеют инвентаря и поэтому не могут быть датированы (Тумек-кичиджик, Мангыр), иногда по деталям обряда и инвентарю сходны с подбойными либо выделяются в отдельные хронологические группы (Тузгыр) [Трудновская С. А., 1979]. Какие-либо устойчивые сочетания пока не могут быть выделены.

На возвышенностях Тузгыр и Мангыр встречаются крупные курганы с каменными кольцами внутри насыпи. Они расположены как одиночно, так и в составе курганных групп. Раскопки одного из таких курганов в Мангырском могильнике (Х. Юсупов) показали, что каменное кольцо сооружалось вокруг богатого катакомбного захоронения. Датируется оно, очевидно, IV в. н. э. (меч без перекрестья) и отличается уникальной для известных курганных памятников Хорезма деталью — рядом с погребенным находилась часть конской туши с седлом. Детали погребения неясны, так как оно разрушено грабителями (катакомба обычного типа с южной ориентировкой).

Погребения с трупосожжениями различаются довольно существенно. Наиболее ранние из них (VII—V вв. до н. э.) связаны с куюсайской культурой. Поздние (IV—V вв. н. э.) отражают, вероятно, уже иной этнический пласт. Обряд трупосожжения обнаружен в грандиозном могильнике Чаштепе, расположенном на возвышенности Устюрт, у северных границ Присарыкамышской дельты [Рапопорт Ю. А., Трудновская С. А., 1979]. Датируется он ориентировочно первой половиной — серединой I тысячелетия н. э.

Если принять во внимание данные этнографии, свидетельствующие, что кочевники, зимовавшие на окраине Хорезма, у чинков Устюрта, перекочевывали далеко на север через Устюрт к Эмбе [Особенности сельского хозяйства Адаевского уезда. С. 87; Васильева Г. П., 1952. С. 453], то, вероятно, можно сделать вывод, что Чаштепе — могильник кочевников, хозяйственная территория которых в основном располагалась за пределами Присарыкамышской дельты. Аналогичным образом трактует памятники, найденные вдоль чинка Устюрта, на северной границе Хорезма, и В. Н. Ягодин [1982. С. 78].

С конца V в. н. э. территория Присарыкамышской дельты подверглась запустению на несколько веков. Здесь нет не только курганных могильников скотоводов, но и поселений земледельцев. Вероятно, резко изменился водный режим дельты.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КОЧЕВНИКОВ И ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ. Рассматривая проблему взаимоотношений кочевников с земледельческим населением Хорезмского оазиса, следует отметить, что границы Хорезма на западе с IV в. до н. э. и до конца античности довольно четко определяются по пограничным крепостям, расположенным на возвышенностях. С юга на север это Кангакала, Бутентау I и II и ранний Дэв-кескен [Толстов С. П., 1958б. С. 70, 81].

Таким образом, отмеченные памятники древних скотоводов в Присарыкамышской дельте расположены внутри границ оазиса и, очевидно, в пределах древнехорезмийского государства. Если куюсайские могильники всегда соседствуют с поселениями, то вблизи подбойно-катакомбных могильников никаких следов оседлых поселений нет, хотя велись их интенсивные поиски. Ряд курганных могильников этого времени в восточной части дельты (Яссыгыр I—III) расположен в 5—6 км от ближайших земледельческих поселений, в полосе пустыни между двумя древними одновременными им оазисами. Передвижение скота на зимние пастбища в пески Заунгузских Каракумов могло происходить только через земледельческий оазис вдоль Чермен-яба. Это указывает на весьма добрососедские отношения скотоводов и земледельцев.

Наиболее удаленные от земледельческих оазисов могильники Тумек-кичиджик и Тузгыр находятся от них всего на расстоянии 15 км (крепости Шахсенем, Тузгыр и Акчегелин). Нет каких-либо оснований связывать отмеченные курганные могильники с оседлым земледельческим населением, для которого характерен оссуарный обряд захоронения. Оссуарные могильники известны в этой зоне на развалинах Калалыгыр 1 и 2, около Гяуркалы и в ряде других мест. Кроме того, для наиболее ранних подбойно-катакомбных погребений характерна нехорезмийская гончарная керамика.

Интересный комплекс памятников дает возвышенность Сакар-чага (Куюсайгыр). Здесь, по соседству с крепостью Куюсайкала (IV—II вв. до н. э.— IV в. н. э.), обнаружены остатки разрушенного оссуарного могильника и ряд курганных могильников, что, вероятно, отражает смешанный характер населения крепости.

Следует констатировать, что к первым векам нашей эры у скотоводческого населения, поселившегося в пределах левобережной части Хорезмского оазиса,

во-первых, установились прочные экономические отношения с населением соседних земледельческих микрооазисов, и, во-вторых, оно было включено в систему хорезмийской государственности. Отсутствие поселений у этой группы скотоводов, вероятное преобладание в стаде мелкого рогатого скота могут указывать на кочевой, скорее всего полуоседлый, образ жизни. Природные ресурсы Присарыкамышской дельты в период даже самого минимального ее обводнения были достаточны для круглогодичного выпаса скота лишь в ее пределах, и обводненное или заболоченное Сарыкамышское озеро препятствовало перекочевкам в западном (и северо-западном, и юго-западном) направлении. Судя по слоям первых веков нашей эры в таких памятниках, как Кангакала, Бутентаукала I и II, Каладжикбаба и Курганкала, обеспечивавшихся водой только из естественных русел и расположенных на периферии дельты, в это время русла Дарьялыка и Даудана, бесспорно, были обводнены и давали сток в Сарыкамышское озеро. Кроме того, сами эти обводненные русла могли служить препятствием для перекочевок за пределы дельты.

Можно предположить, что весь цикл перекочевок этой группы населения в то время мог сводиться к передвижениям в пределах западной части Присарыкамышской дельты (восточные районы в основном были освоены земледельческим населением), охватывавшей площадь примерно 80×80 км. Если признать район расположения могильников Тузгыр и Тумекичиджик местом зимовок, то радиус максимальных перекочевок не мог превышать 40—50 км. Никаких данных о каком-либо развитии земледелия у этих племен мы не имеем. Вероятно, и надобности в нем не было, так как при близком соседстве земледельческих оазисов (15—20 км) и тесных экономических связях разделение хозяйственных функций между скотоводами и земледельцами давало больший эффект. Именно в последние века до нашей эры и первые века нашей эры в оазисах к югу от Тузгыра получает широкое распространение гончарное производство. Развалины гончарных печей встречаются на многих, даже изолированно расположенных сельских поселениях [Неразик Е. Е., 1976. С. 17, след.; Вайнберг Б. И., 1983]. Окраинное расположение этих комплексов можно объяснить лишь экономическими нуждами кочевого населения: ремесленное производство перемещалось к окраинам оазисов, чтобы приблизиться к потребителю. В III—V вв. аналогичные поселения с большим количеством гончарных печей были распространены в окрестностях Гяуркалы 1 и 2 на Чермен-ябе [Неразик Е. Е., 1976. С. 17].

Вероятнее всего, тесные и постоянные контакты кочевников и земледельцев отражают случаи захоронения очищенных от мягких тканей костей в некоторых курганных погребениях, что свидетельствует об обрядовом и религиозном синкретизме.

Для III—V вв. соседство курганных могильников с крупными крепостями довольно наглядно иллюстрируется Шахсенемским и Мангырским комплексами [Вайнберг Б. И., 1981б. С. 126]. Территориальная близость синхронных памятников скотоводческого и земледельческого населения (курганный могильник у стен крепости Мангыркала и в 1 км от Шахсенема), вероятно, свидетельствует о продвижении скотоводов непосредственно в оазисы и, может быть, об оседании их на землю, что неоднократно уже отмечалось исследователями по другим материалам [Толстов С. П., 1958б. С. 216—218; 1926б. С. 230; Неразик Е. Е., 1966. С. 122; 1976. С. 48; Ягодин В. Н., Ходжайов Т. К., 1970. С. 162—166; Ягодин В. Н., 1982. С. 80].

Знаменательно, что в левобережном Хорезме получил распространение архаический тип поселения — поселение или крепость-убежище на возвышенности, сходные с отмечаемыми античными источниками «скалами»-убежищами [Страбон, XI, XI, 4; Арриан, IV, 18, 21, 28 и др.] и дожившие в кочевой среде до позднего средневековья [История Туркменской ССР. С. 382]. Представляется, что подобные памятники именно в левобережном Хорезме связаны с его хозяйственной спецификой — проживанием скотоводческих племен на западной периферии Хорезма.

Проблема разделения труда между земледельцами и скотоводами в Хорезме требует еще разработки. Следует обратить внимание на постоянное увеличение удельного веса мелкого рогатого скота в стаде, отмеченное В. И. Цалкиным по материалам памятников Хорезма (например, Кой-Крылганкала и Топраккала) [Цалкин В. И., 1966. С. 150, 151]. Это обстоятельство, может быть, находит объяснение в специализации скотоводческого хозяйства и активном развитии обмена между скотоводами и земледельцами Хорезма.

Природные возможности правобережного Хорезма были иными. Там в пределах оазиса не было таких крупных пастбищных зон, иными были и условия обводнения. Хотя выделение скотоводческих групп населения фиксируется уже по материалам эпохи бронзы и раннего железа [Итина М. А., 1977. С. 167—172, 185], мы почти не знаем бесспорных памятников скотоводческих племен более позднего времени на этой территории [о единственной курганной группе см.: Манылов Ю. П., 1975], хотя некоторые данные о материальной культуре первых веков нашей эры, возможно, свидетельствуют об оседании и здесь кочевых племен [3].

[3] Имеется в виду комплекс лепной светлоангобированной керамики, выявленный в материалах Кой-Крылганкалы и характерный для памятников первых веков нашей эры правобережного Хорезма [Кой-Крылганкала — памятник культуры древнего Хорезма... С. 122, 126, 130].

Кочевники северо-западной Туркмении

Территория восточного Прикаспия делится на два географических региона древним, ныне сухим руслом Узбоя (рукав Амударьи, впадавший в Каспийское море). К востоку и югу от него расположены практически не изученные археологами песчаные массивы Заунгузских и Низменных (Центральных) Каракумов, к северу — каменистые плато и возвышенности, смыкающиеся с Устюртом на севере и Балханскими горами на юго-западе. Среди этих возвышенностей (гыров) располагаются ограниченные

песчаные массивы (Уч-таган, Кум-себшен, Чильмамедкумы). В зоне возвышенностей, особенно в районе, прилегающем к горам Большие Балханы, встречаются родники и колодцы с пресной или почти пресной водой. В периоды обводнения Узбоя резко улучшались природные условия, что, вероятно, способствовало общему увеличению здесь населения (карта 4).

Причины изменения стока Амударьи до конца не установлены и в наше время. Известный итог дискуссиям подвели работы С. П. Толстова на Узбое [Низовья Амударьи, Сарыкамыш, Узбой...], когда был сделан вывод об отсутствии оседлого населения на его берегах в период античности. Географически положение русла Узбоя отличается от остальных дельтовых рукавов Амударьи, оно располагается на более низких отметках, чем окружающая местность, поэтому самотечное орошение здесь невозможно. А разнообразие сезонных пастбищ (на гырах и в песках) при обводнении Узбоя создавало благоприятные условия для развития скотоводства. Эта особенность данного региона Средней Азии (отсутствие земледелия и развитие скотоводства у реки) была отмечена еще древними авторами [Геродот, I, 216; Страбон, XI, VIII, 7]. По письменным источникам обводнение Узбоя отмечалось лишь для двух исторических периодов — античности и средневековья (послемонгольская эпоха) [Бартольд В. В., 1965]. Именно этим временем датируются и открытые на берегах Узбоя археологические памятники, что заставляет относиться с доверием к приводимым в исторических и географических сочинениях сведениям. Природные особенности этой территории (пустыни, полупустыни, степи) уже в I тысячелетии до н. э. обусловили развитие здесь различных форм кочевого скотоводства.

Наиболее ранние памятники древних скотоводов в Закаспии обнаружены А. М. Мандельштамом у северных склонов Больших Балхан (Патмасай и Гараалемсай) и у северо-западных склонов Копетдага (Парау I, II, Газылгыгум). Относятся они к позднебронзовому веку и связываются автором раскопок с носителями срубной культуры, продвинувшимися сюда с юго-восточной окраины ее ареала. А. М. Мандельштам не исключает возможности, что именно это население стало основой, на которой сложились известные позднее по данным античных авторов массагеты [Мандельштам А. М., 1976. С. 21].

К концу эпохи бронзы (IX—VIII вв. до н. э.) относится и единственное пока среди раскопанных вблизи Узбоя погребение на возвышенности Чолингыры, на правом берегу Узбоя, в могильнике Ялкым 3 [Юсупов Х., 1982. С. 63]. Это погребение как бы предшествует каменным погребальным сооружениям более позднего времени, в могильнике которых оно и было обнаружено.

Памятники скотоводов античного времени на Узбое относятся к периоду от конца V в. до н. э. до IV в. н. э. Изучение памятников кочевого населения древности на территории южного Туркменистана было начато только в 50-х годах Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедицией и Институтом истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР. А. А. Марущенко раскопаны курганные погребения сарматского времени (Хаскяриз, Гызылчешме) в подгорной полосе южного Туркменистана [Марущенко А. А., 1959а]. Раскопки могильников на побережье Амударьи (Бабашов), в подгорной полосе Копетдага (Пархай, Мешрепитахта, Чукур и др.) проводились археологическим отрядом Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР и Ленинградского отделения Института археологии АН СССР под руководством А. М. Мандельштама [1963; 1971; 1975а].

В первой половине 60-х годов исследования памятников кочевого населения Закаспия к северу от Узбоя проводил А. М. Мандельштам, который в могильниках Гек-Даг 2 и Джанак 2 раскопал каменные наземные сооружения V—III вв. до н. э. [Мандельштам А. М., 1976; 1981].

В 1969 г. Б. И. Вайнберг и Х. Юсупов обнаружили подобные сооружения на возвышенности Дордуль на берегу Узбоя и на Каплангыре [Вайнберг Б. И., Юсупов Х., 1970]. С 1970 г. разведками и раскопками таких памятников занимается Узбойский археологический отряд Института истории им. Ш. Батырова АН Туркменской ССР (Х. Юсупов). Работами этого отряда на берегах Узбоя и прилегающих участках Заузбойского плато открыто большое количество погребальных памятников древних скотоводов — около 30 могильников с несколькими сотнями сооружений, значительная часть которых раскопана [Юсупов Х., 1986]. Большинство исследованных памятников связано с районами древнего русла Узбоя, на воде которого образовалось хозяйство населения [Юсупов Х., 1972; 1977; 1978а; 1978б; 1981; 1982]. Остатки развеянных стоянок скотоводов античного времени на берегах Узбоя и Келькора (древнее озеро в дельте Узбоя) фиксировались ранее [Низовья Амударьи, Сарыкамыш, Узбой... С. 316—319]. Новые поселения на берегах Келькора были открыты в 80-х годах [Вайнберг Б. И., Юсупов Х., 1985].

Как показали раскопки погребальных памятников, культового комплекса Ичянлыдепе и материалы с развеянных стоянок, к середине I тысячелетия до н. э. на территории северо-западной Туркмении сложилась своеобразная группа памятников скотоводческого населения. К IV в. до н. э., очевидно, скотоводами были заселены и активно освоены берега Узбоя, так как именно с этого времени здесь появляются наземные каменные сооружения, характерные для скотоводов Закаспия вплоть до северного Устюрта [Юсупов Х., 1986; Мандельштам А. М., 1976; 1981; Древняя и средневековая культура юго-восточного Устюрта. Гл. 3].

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ. Погребальные сооружения (одиночные, парные, группами от трех-четырех до нескольких десятков) располагаются, как правило, на возвышенных каменистых местах, на возвышенностях вблизи русла или на высоком коренном берегу Узбоя. Территория их распространения может быть очерчена от восточного берега Каспия на западе до западных окраин Хорезма (Присарыкамышская дельта Амударьи) на востоке и от Узбоя и Больших Балхан на юге до северного чинка Устюрта на севере. В современном виде это округло-овальные каменно-земляные «насыпи» диаметром от 4 до 14—15 м и высотой от 0,2 до 1,5—2 м. Иногда встречаются развалины и сооружения удлиненно-овальной формы. В предварительных публикациях эти сооружения по их современному внешнему виду часто на-

зывают курганами. Раскопки же показали, что «насыпь», как правило, образовывалась в результате разрушения древнего наземного сооружения типа склепа. На древнем горизонте сооружалась прямоугольная, трапециевидная, квадратная, круглая или овальная, обычно глухая камера с каменными стенами толщиной в среднем 0,5—1,5 м (кладка из крупных плит рваного камня без раствора). Горизонтальная кладка сочетается с обкладкой из вертикально поставленных крупных плит, иногда углубленных краем в грунт. Встречается конструкция стен из двух каменных обводов с заполнением пространства между ними мелким камнем и щебенкой. В большинстве случаев плашмя уложенные плиты стен внутри камеры положены с напуском в каждом ряду, образуя конструкцию типа ложного свода. Плиты от перекрытия чаще всего находятся в завале камеры. Камеры служат коллективной усыпальницей. Захоронения были многократными. Покойников помещали внутрь камеры, которую преднамеренно не засыпали землей. Внутри камер зафиксированы скелеты, лежащие в анатомическом порядке с различной ориентировкой и частично потревоженные; кости скелетов, собранные в кучи или сложенные в сосуды-костехранилища типа оссуариев, как специально сделанные (керамические и алебастровые), так и приспособленные для этой цели бытовые. Значительная часть костей обычно беспорядочно разбросана по всей камере. Судя по черепам, в большинстве случаев в камерах находились останки 10—15 погребенных, но нередки камеры с 20—30 погребенными.

В камерах встречен довольно бедный археологический материал, который пока дает основание разделить все раскопанные комплексы только на две хронологические группы: IV—II вв. до н. э.; II в. до н. э. (последние века до нашей эры) — IV в. н. э. Следует учесть, что многократность захоронений и длительное использование практически открытых склепов способствовали смешению разновременного материала.

Первая хронологическая группа довольно четко определяется по предметам вооружения (кинжалы с прямым перекрестьем и серповидным навершием, бронзовые и железные наконечники стрел) и другим изделиям из металла (пряжки, колчанные крючки) и кости (туалетные ложечки), которые находят близкие аналогии в инвентаре раннесарматских (прохоровских, IV—II вв. до н. э.) захоронений, особенно на территории Южного Приуралья. Как правило, нет оссуарных захоронений. Очевидно, этот обряд появляется только в конце раннего этапа. Особенно показательно в этом отношении сооружение 1 на возвышенности Ялкым, где обнаружен сосуд-оссуарий, вкопанный в материк, что позднее не практиковалось (дата сооружения — IV—II вв. до н. э.— определяется по бронзовым наконечникам стрел и восьмеркообразной пряжке сарматского типа) [Юсупов Х., 1982. С. 62, 63. Рис. 3].

Бесспорно ранних сооружений сейчас известно немногим более 10 и примерно столько же могут быть определены как переходные ко второй хронологической группе. Отсутствие датирующих предметов во многих сооружениях заставило отнести их к поздней группе памятников. В первой хронологической группе выделяются разнотипные погребальные сооружения.

Первый из таких типов — сооружения из плит, уложенных плашмя в правильное по очертанию кольцо, кладка его имела два обвода — внутренний и внешний, пространство между которыми заполнено мелкими камнями (Дордуль 1, Гек-Даг 2, Чырышлы 25/1, Джанак-Чанак 2). Второй тип — круглые сооружения из плашмя уложенных плит, чередующихся с плитами, поставленными на ребро и частично углубленными в материк (Дордуль 10, Мелегоч 3; табл. 47, *3*). Третий тип представлен сооружениями только из плит, поставленных на ребро (три-четыре ряда) и дополнительно закрепленных мелкими камнями или землей (Гараязы 3; табл. 47, *1*). Четвертый тип — квадратные сооружения из плашмя уложенных плит, облицованных плитами, поставленными на ребро; иногда камера разделена поперечной стенкой-перегородкой (Балаишем 4, 5, 7, 8). Пятый тип — прямоугольные сооружения с выходом у южной стены (Ялкым 6). Шестой тип — сооружения имеют в центре прямоугольную глухую камеру; выступающие снаружи южные углы образуют подобие вытянутых ложных башенок, северная половина сооружения чуть суживается, образуя прямоугольную площадку (Акяйла 1, Ханалы 10, Зенгибаба 1; табл. 47, *5*).

Особого внимания заслуживает погребальный обряд. Первоначально покойника помещали внутри камеры склепа на древней поверхности (практически обряд выставления). Затем происходит постепенный переход от этого обряда к оссуарному (очищенные от мягких тканей кости складываются в сосуды, которые остаются здесь же, в склепе). Таким образом, одно и то же сооружение выполняет функции дахмы (место выставления трупов) и науса (место помещения оссуариев с очищенными костями).

Ю. А. Рапопорт, исследуя истоки оссуарного обряда захоронения в Средней Азии, обратил особое внимание на данные письменных источников об обряде выставления у массагетов и других восточноиранских народов (племен). Его вывод о том, что истоки оссуарного обряда находятся не в зороастрийском богословии, «а в каких-то верованиях восточноиранских племен» [Рапопорт Ю. А., 1971. С. 35], находит яркое подтверждение в погребальном обряде описываемых памятников.

Вероятно, сходный процесс происходил и в низовьях Амударьи несколькими веками ранее, так как в соседнем с Узбоем районе левобережного Хорезма оссуарные захоронения под курганными насыпями, пришедшие на смену трупоположению, зафиксированы у другой группы скотоводов на рубеже V—IV или в начале IV в. до н. э. [Вайнберг Б. И., 1979а. С. 37, след. Табл. XXII; XXVI; Юсупов Х., 1979б. С. 94—100].

В связи с тем, что в погребальных и культовых сооружениях часто встречается инвентарь широкого хронологического диапазона или несопоставимых форм (например, столовая посуда — в ранних памятниках и хозяйственная — в поздних), далее дано общее его описание с указанием выделяемых в настоящее время хронологических особенностей для каждой группы предметов и памятников.

Склепы второй группы имеют широкие хронологи-

ческие рамки из-за малочисленности четко датирующих вещей. Здесь отсутствует вооружение, инвентарь состоит в основном из керамики, украшений, единичных зеркал. Среди украшений выделяется местная, очевидно, форма серег из круглой проволоки с незамкнутыми расширяющимися (утолщающимися) концами.

Погребальные сооружения второй группы часто отличаются монументальностью, встречаются крупные могильники (Дордуль, Кемальский и др.; табл. 47, *2*). Сооружены они, как правило, из крупных и средних плит камня, уложенных плашмя, с небольшим напуском внутрь камеры в каждом следующем ряду (особенно в верхней части стен камер), что и образовало перекрытие типа ложного свода. В глухие камеры попадали через отверстие наверху, закрывавшееся крупными плитами. Встречены прямоугольные, квадратные, трапециевидные и круглые в плане камеры. Преобладают глухие, но есть и с различными по ориентировке входами (табл. 47, *6*, *7*). В камерах наряду с почти непотревоженными скелетами найдены кучи костей с черепом наверху, беспорядочные кучи костей, сосуды-оссуарии, среди которых, кроме местных и импортных крупных бытовых сосудов, использовавшихся в качестве оссуария, отмечено значительное количество специально сделанных лепных керамических корытообразных оссуариев (иногда они имеют крышки и часто — алебастровую обмазку). В некоторых костехранилищах содержались кости нескольких погребенных. Как и в левобережном Хорезме, череп в оссуарии, как правило, лежал поверх костей. Большие скопления оссуарных захоронений можно отметить в могильнике Дордуль на среднем Узбое (Дордуль 7 — 16 сосудов-оссуариев; Дордуль 14—22).

Среди всех известных на берегах Узбоя могильников бесспорно выделяется Дордульский, расположенный на правом высоком берегу русла, вблизи края обрыва Заузбойского плато (150 км к северу от г. Кизыл-Арват, 300 км к востоку от г. Небит-Даг; табл. 47, *2*). На некоторых участках погребальные сооружения концентрируются по четыре-пять, изредка они расположены по одному или по два. Всего обнаружено и раскопано более 20 каменных склепов и несколько курганов с насыпью. В ряде склепов насчитывалось 20—30 разновременных захоронений, часть из них (13) дополнительно имеет погребения оссуарного типа в больших бытовых сосудах или специально изготовленных корытообразных сосудах-оссуариях. Ввиду длительности существования склепов в них представлен инвентарь широкого хронологического диапазона — от V—IV вв. до н. э. до первых веков нашей эры. Оссуарные захоронения относятся, вероятно, к первым векам нашей эры, а появляются, возможно, во II—I вв. до н. э.

КУЛЬТОВЫЕ ПАМЯТНИКИ. Почти в центре Дордульского могильника, на юго-западной сопке возвышенности, господствующей над руслом Узбоя, и находящимися южнее и восточнее песками Низменных Каракумов, обнаружены развалины обширного культового сооружения, сложенного из необработанных плит песчаника всухую (табл. 47, *4*). Комплекс этот получил название Ичянлыдепе [Юсупов Х., 1986]. Сооружение размерами около 36×40 м при высоте до 3 м (в центральной части) содержало ряд своеобразных по технике строительства и назначению помещений и построек. Самую высокую часть (площадь 16×30 м) занимала мощная и сложная по конструкции выкладка из камней (6×5 м), на которой долгое время горел интенсивный огонь. Весь известняк и ракушечник под ним перегорели на большую (более 0,5 м) глубину и превратились в центре в известковый порошок, а по краям — в разного типа шлаки. После разборки верхнего перегоревшего слоя камней была обнаружена конструкция в виде прямоугольной камеры (5×4,5 м), окруженной поставленными на ребро камнями с лазом-проходом в южной стенке у юго-западного угла (ширина 1,3 м).

Центром комплекса, бесспорно, являлась камера, которая была обложена камнем и обведена коридорообразными помещениями с южной и западной сторон. По контуру эти помещения были огорожены крупными поставленными на ребро плитами камня. Перекрытий они иметь не могли из-за недостаточной высоты (не более 2 м) и слабой прочности стен. В середине одного из помещений была обнаружена выложенная из вертикальных камней камера (3×3,4 м), в развалинах которой найдены сосуд и кости овцы. За этими помещениями, очевидно, располагался ряд более мелких (раскопаны проходы в них в южной части комплекса). С северной стороны к центральному возвышенному массиву примыкает выкладка типа алтаря, а севернее расположен еще один округлый отдельно стоящий алтарь-выкладка. Оба алтаря находятся на одной оси с центральной камерой, строго к северу от нее. На алтарях горение было менее интенсивным, чем в камере. Остатки костров, которые возжигались здесь, не выбрасывались, а перемещались на периферию комплекса (особенно на восточную сторону), где «захоранивались» — обкладывались камнями. Сохранилось большое количество подобных остатков. Кроме того, по склону сопки Дордуля, где расположен памятник, и вплоть до русла Узбоя встречаются крупные куски ошлакованного камня.

Судя по всему, комплекс был связан прежде всего с культом огня. Южная и западная части памятника, где нет следов горения, очевидно, предназначались для совершения культовых церемоний. Поскольку помещения Ичянлыдепе не перекрывались и здесь не образовывалось обычных культурных отложений, находки не представляют каких-либо замкнутых хронологических комплексов, а относятся ко всему периоду функционирования сооружения или к наиболее позднему его этапу. Набор бронзовых втульчатых наконечников стрел, обнаруженный в святилище, весьма выразителен (табл. 50, *IX*). Все типы их представлены в хорошо датированных комплексах вооружения савроматского и раннесарматского времени [Смирнов К. Ф., 1961. С. 37, след.; Мошкова М. Г., 1963. С. 30, 31. Табл. 14—16]. Наиболее ранними являются двулопастные наконечники с листовидной головкой и выступающей втулкой. У одного экземпляра верхняя часть пера четырехгранная. Единичные двулопастные втульчатые наконечники стрел встречаются в памятниках еще V в. до н. э. [Смирнов К. Ф., 1961. С. 38—40]. Все остальные наконечники относятся к группе втульчатых трехлопастных и трехгранных. Среди них есть экземпляры с выступающей втулкой и базисные, со сводчатой и

треугольной головкой. Все они принадлежат к широко известным типам сарматских стрел прохоровского времени [Мошкова М. Г., 1963]. М. Г. Мошкова не отмечает находок двулопастных наконечников стрел в прохоровское время, что позволяет нам датировать набор наконечников стрел с Ичянлыдепе V—II вв. до н. э. Не противоречит этому и находка фрагмента железного трехгранного наконечника стрелы.

С культовым характером памятника согласуются находки курильниц и их фрагментов и специального сосуда типа ритона с двумя отверстиями в дне, а также довольно большое количество импортной посуды (Средняя Азия, Иран, Закавказье и т. д.; табл. 48, *3*).

Среди находок, происходящих, как правило, из южной и юго-восточной частей, выделяются копыта и черепа лошадей.

Комплекс Ичянлыдепе может быть сопоставлен по устройству с персидскими святилищами огня и жертвоприношения, описание которых мы находим у Геродота [I, 131], Страбона [XV, III, 13—16], Аппиана [66]. Вероятно, здесь горел негасимый огонь или несколько огней в честь почитаемых божеств.

Находки копыт и частей черепов лошадей указывают в первую очередь на культ солнца у массагетов, с которым были связаны эти жертвенные животные [Геродот, I, 216]. Жертвоприношения, возможно, совершались и в камере, в юго-восточном помещении, где были найдены кости барана.

Расположение святилища в центре могильника дает основание считать, что мелкие очаги горения на северо-западной периферии памятника могли возжигаться в связи с погребальным культом или связанными с ним жертвоприношениями.

С большой долей вероятности можно предположить, что значительное место в верованиях занимал здесь культ воды — Окса, на берегах которого было расположено святилище.

Культовый комплекс на Дордуле показывает единство религиозных представлений и, вероятно, обрядов древних иранцев (в частности, персов) и массагетов.

Значительное количество импортных сосудов говорит, как нам представляется, об особом почитании святилища, а также о широких связях населения этого района не только с соседними земледельческими районами, но и с более отдаленными областями Ирана и Закавказья.

В центре самого крупного горного массива северо-западной Туркмении — Больших Балхан, на господствующей над ними сопке, начато исследование еще одного святилища древних скотоводов — Гараулдепе [Вайнберг Б. И., Юсупов Х., 1985]. Этот культовый комплекс состоит из развалин каменного здания, около десятка округлых каменных оград с отдельно стоящими стелами и длинного «коридора», ограниченного двумя каменными валами-стенами, подводившего с запада ко всему комплексу. К югу от каменного здания было место священного огня того же типа, что раскопано в святилище Ичянлыдепе. Вновь на большой площади встречены шлаки от перегоревшего камня.

В каменном здании раскопано полностью одно и частично два помещения, проведен ряд стратиграфических траншей, выявлено три строительных периода с существенными перепланировками. На одном из верхних полов найдено шесть бронзовых трехлопастных и трехгранных наконечников стрел III—II вв. до н. э., а в верхнем слое разрушения — лощеный кувшин парфянского типа, кувшинчик-цедилка и фрагменты стеклянного сосуда, а также фрагменты местной лепной посуды и кусочки медных листовых обкладок. Позже первых веков нашей эры памятник не функционировал. Назначение каменного здания пока неясно. В одной из раскапывавшихся оград обнаружено много костей животных и фрагменты лепной посуды. Возможно, что это остатки приношений или трапез, проводившихся в ритуальных целях.

ПОСЕЛЕНИЯ. Вблизи берегов Узбоя было обнаружено несколько древних и средневековых естественных крепостей-убежищ на возвышенностях, где в моменты опасности местные скотоводы укрывались с семьями и скотом. Наиболее древним, относящимся, судя по подъемной керамике, к античному времени, было одно из убежищ в урочище Афаджиклар на правом берегу Узбоя, к западу от возвышенности Чолюнгыр [Вайнберг Б. И., Юсупов Х., 1970. С. 427]. Небольшая возвышенность округлых очертаний (диаметр около 1 км) с обрывистыми краями имела с одной стороны узкий перешеек, выводивший к спуску. Этот перешеек был перегорожен каменной стеной с воротами и предвратным лабиринтом. Убежище располагалось в стратегически важном месте — к северу от русла Узбоя, против возможного брода или переправы через реку.

О характере рядовых поселений, одновременных склепам, данных почти нет. На месте развеянных поселений находятся обгорелые камни от очагов, керамика, наконечники стрел, украшения и т. д. Жилища скорее всего были сделаны из легких материалов (может быть, плетеные или каркасные). Наибольшие по площади поселения с остатками размытого золистого культурного слоя встречены на западном берегу солончака Келькор. Все поселения располагались непосредственно у воды (Узбой, Келькор). Скопления керамики встречены также у родников к северу от Больших Балхан и на Заузбойском плато. Как правило, по соседству всегда имеются на возвышенности погребальные памятники.

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА. Керамика. Для памятников древних скотоводов на Узбое характерен своеобразный комплекс местной лепной посуды кострового обжига с серой, серо-желтой или коричневой поверхностью. Техника лепки ленточная, в тесте — примеси дресвы и иногда раковины. Известно довольно большое количество форм. Набор их достаточно случаен в связи с особенностями погребального обряда: для первой группы — это преимущественно столовая посуда (табл. 48, *1*, *2*), для второй — крупные сосуды, использовавшиеся в качестве оссуариев (табл. 49, *I*). В подавляющем большинстве сосуды круглодонные. Для крупных характерна шаровидность. Венчики, как правило, не выделяются. В ранней группе преобладают полусферические чаши и миски. Кружки в небольшом количестве есть в основном в поздней группе (табл. 49, *II*). Форма кувшина, как и вообще узкогорлых сосудов, представлена единичными экземплярами. Основная масса керамики не орнаментирована. Встречено небольшое ко-

личество сосудов с прочерченным, прорезным или пунсонным орнаментом (чаще — в столовой посуде ранней группы; табл. 48, *1*). В поздней группе представлены сосуды (довольно крупные) типа чайников с трубчатым носиком и ручкой. Наиболее часто встречаемая (особенно в погребальных памятниках) импортная гончарная посуда (табл. 48, *4*; 49, *III—IX*) — парфянская или сходная с ней по облику; более редкая — хорезмийская (чаще всего на памятниках верхнего Узбоя).

Оригинальную группу местных гончарных изделий образуют корытообразные оссуарии с крышками и без них (табл. 49, *XII*). Сделаны они из того же теста, что и бытовая керамика, обжиг костровый, попадаются образцы со следами ремонта. Изредка встречаются оссуарии такой же формы из алебастра (табл. 49, *XIII*).

Оружие. Оружие в памятниках по Узбою представлено довольно ограниченным набором. Бронзовые и железные наконечники стрел найдены в культовых комплексах и погребальных сооружениях (табл. 50, *III*, *IV*, *IX*). Они принадлежат к сарматским типам, характерным в то время для всей Средней Азии [Медведская И. Н., 1972]. Среди железных наконечников иногда встречаются образцы с длинными черешками, что принято связывать с восточными влияниями (табл. 50, *XIV*) [Смирнов К. Ф., 1961. С. 64; Мошкова М. Г., 1963. С. 32].

В поздней группе погребальных сооружений оружие не обнаружено, так что данных о его развитии у нас нет. В ранних склепах встречено несколько железных кинжалов и коротких мечей с прямым перекрестьем и серповидным или близким навершием, либо с прямым перекрестьем и без металлического навершия (табл. 50, *I*, *1*, *2*, *II*). Часть из них была разбита или свернута при помещении в склеп. Эти типы кинжалов и мечей характерны как для раннесарматских прохоровских памятников, так и для памятников с котоводов в Средней Азии [Хазанов А. М., 1971]. Длинных мечей в узбойских материалах нет.

Среди характерных для узбойских памятников предметов должны быть названы глиняные курильницы. Часть из них по форме совпадает с подобными же предметами из сарматских погребений и подбойно-катакомбных памятников Хорезма [Мошкова М. Г., 1963; Лоховиц В. А., Хазанов А. М., 1979]. Преобладают они в склепах поздней группы (табл. 49, *XVI*, *XVIII*).

Алебастровые сосудики удлиненной, часто усеченнояйцевидной формы, с толстыми стенками — местного производства. Как правило, они встречаются в склепах поздней группы (табл. 49, *XVII*). Во многих погребальных сооружениях на Узбое и Заузбойском плато найдены белые антропоморфные статуэтки, выполненные с разной степенью стилизации из мела, алебастра (гипса) и других мягких пород камня (табл. 49, *XIV*). Среди них, возможно, были мужские и женские изображения [Юсупов Х., 1977. С. 132. Рис. 3, *1*, *2*; Мандельштам А. М., 1981. Рис. 4]. Все они типологически похожи на «каменную бабу» из белого известняка, найденную у берега Узбоя, под обрывом возвышенности, на которой расположено святилище Ичянлыдепе. Изображение сильно повреждено, различаются лицо, узкая шея и согнутая в локте левая рука. Находка другой «каменной бабы» связана с Красноводским полуостровом.

Украшения и предметы туалета. Предметы туалета и украшения, встреченные в склепах, разнообразны, хотя и не очень многочисленны. Серьги из медной (бронзовой) проволоки в полтора оборота характерны для сарматских и многих среднеазиатских памятников (в частности, обычны в Хорезме). В поздних склепах, как уже отмечалось, известна как будто местная, не имеющая аналогий форма серег из проволоки с утолщенными в виде раструба несомкнутыми концами (бронза, медь; табл. 50, *XVII*, *XX*). Набор бус отличается разнообразием. Наряду с обычными для среднеазиатских памятников стеклянными и каменными бусами встречаются пестрые глазчатые, характерные для сарматских памятников Приуралья. С этим же регионом, очевидно, следует связывать и происхождение костяных туалетных ложечек (табл. 50, *XVIII*). Медные кольца из проволоки со щитком и вставками стекла довольно широко распространены в среднеазиатских памятниках [Литвинский Б. А., 1973а], поэтому вряд ли могут иметь местное происхождение. Бронзовые зеркала (большинство — в обломках) также принадлежат к широко распространенным сарматско-среднеазиатским типам, как правило, первых веков нашей эры (табл. 50, *X*, *XI*).

Весь набор инвентаря дает основание констатировать, что местное ремесленное производство вряд ли было сколько-нибудь широко развито. Бесспорно, на месте производились лепная керамика кострового обжига, корытообразные и алебастровые оссуарии, алебастровые туалетные сосудики, глиняные курильницы, алебастровые и меловые культовые статуэтки и, вероятно, бронзовые проволочные серьги с утолщенными концами. Остальные предметы были получены путем обмена. Можно отметить постоянное поступление гончарной керамики из Парфии. Предметы вооружения, пряжки, костяные туалетные ложечки и часть украшений поступали из районов Южного Приуралья, с которым могли соседствовать северные группы закаспийского объединения племен (имеется в виду совсем не изученный район северного Устюрта). Более ограниченными были связи с соседним Хорезмом (керамика, украшения и т. д., а также находки алебастровых сосудов в Хорезме).

Для полной характеристики памятников северо-западной Туркмении необходимо отметить большую роль узбойского водного пути для установления широких торговых связей. На материалах Ичянлыдепе отмечались связи с Закавказьем. В одном из склепов (8) первых веков нашей эры на Ханалы встречен стеклянный сосуд типа алабастра [Юсупов Х., 1982. С. 59. Рис. 4, *26* (в подписи к рисунку ошибочно отнесен к склепу 10)], происходящий из Сирии или Закавказья, где они были распространены в то время довольно широко [Саганашвили М. Н., 1977. С. 129].

ПАМЯТНИКИ ЗАПАДНЫХ РАЙОНОВ ЗАКАСПИЯ. В последние годы появились материалы из наиболее западных районов Закаспия, говорящие о некотором своеобразии этих комплексов. Прежде всего это относится к погребальному обряду. На Красноводском полуострове и западном берегу Келькора встречены погребения оссуарного типа в крупных гончарных и лепных сосудах, врытых в землю,

а также захоронения очищенных костей в небольших ямах. Иногда погребения обоих типов содержат мелкие лепные сосуды и предметы туалета. Возможно, что такие захоронения получили распространение в тех районах, где не было камня для сооружения традиционных склепов.

Однако здесь же, на западном берегу солончака Келькор, в могильнике Келькор 2 обнаружено несколько захоронений, не связанных с узбойскими памятниками. Это размытые, возможно подкурганные, погребения в меридиональных ямах, расширяющихся к голове погребенного (ориентировка — север—северо-восток и северо-восток—восток, широтная отмечена в одном случае). Скелет лежал вытянуто на спине. Сопровождающий инвентарь: слева — длинный (95—98 см) меч с прямым перекрестьем без навершия, заходивший на плечо, железный стержень типа шила и некоторое количество железных трехлопастных черешковых наконечников стрел; справа у бедра — железный кинжал с прямым перекрестьем и кольцевидным навершием.

На основной территории распространения памятников узбойского типа (у северных склонов Больших Балхан и у Агиныша, вблизи Дордульского комплекса на Узбое) встречено небольшое количество насыпных курганов с материалами иного типа. Под курганами обнаружены подбойные и катакомбные захоронения с южной ориентировкой погребенного. Датируются они по инвентарю первыми веками нашей эры.

Выше отмечалось, что и А. М. Мандельштам, раскопавший первые каменные склепы в Забалханье, и авторы настоящего раздела считают правомерным связывать памятники северо-западной Туркмении с массагетами и племенами, входившими в это объединение (дербики и др.).

По данным Геродота [I, 20, 204—216], Страбона [XI, VIII, 6, 7] и ряда других древних авторов, массагеты жили к востоку от Каспийского (Гирканского) моря, за древним Оксом (Араксом), впадавшим одним рукавом в это море [Пьянков И. В., 1964; 1975]. Отсутствие археологических данных об обводнении Узбоя вызвало у некоторых исследователей (С. П. Толстов, В. В. Струве) недоверие к сведениям письменных источников и заставило их локализовать массагетов в более восточных районах, к востоку от современного русла Амударьи [сводку мнений о локализации саков и массагетов см.: Литвинский Б. А., 1972б. С. 158, след.]. Многочисленные археологические материалы, полученные в 70—80-х годах на Узбое (как памятники скотоводов, так и материалы парфянской крепости Игдыкала, датируемой со II—I вв. до н. э. до IV в. н. э.), позволяют отнестись с полным доверием к сведениям письменных источников об обводнении Узбоя в античности, а соответственно и к данным о расселении массагетов и их потомков на Заузбойском плато.

В период похода Кира на массагетов (VI в. до н. э.) владения их находились только за рекой [Геродот, I, 204—216]. Это согласуется с археологическими материалами, которые показывают, что освоение берегов Узбоя скотоводами началось не ранее конца V в. до н. э. Возможно, что в VI—V вв. до н. э. только формировался регулярный сток по руслу, так как начало стока Амударьи в Присарыкамышскую дельту и соответственно заполнение Сарыкамышской впадины датируется VII в. до н. э. (памятники куюсайской культуры).

С IV в. до н. э. до IV в. н. э. наблюдается стабильное размещение памятников вблизи реки и вместе с тем постепенное развитие их в этот период. Поэтому представляется неверным предположение о том, что дахи (даи) вытеснили массагетов с их территории между Каспием и Амударьей [Пьянков И. В., 1975. С. 68]. По данным Страбона [XI, VIII, 2], даи обитали вблизи Каспийского моря отдельно от массагетов. Археологические материалы из низовьев Сырдарьи, которые с известными основаниями могут быть связаны с дахами, не обнаруживают никакого сходства с узбойскими. Скорее всего памятники даев в Туркмении ждут еще своего открытия. Они могут находиться у северной границы подгорной полосы Копетдага от Каспийского моря вплоть до Амударьи, так как по данным Помпония Мелы [III, 42] Окс, первоначально текущий с востока на запад, «впервые» поворачивает на север «вблизи дагов».

По мере знакомства древних авторов с народами Средней Азии в их сочинениях начинают появляться имена отдельных массагетских племен, заменившие единое имя массагетов.

Так, у Ктесия в качестве противников Кира вместо массагетов фигурируют дербики (дербии, дирбеи) [Пьянков И. В., 1975. С. 89—91]. М. А. Дандамаев [1963б. С. 116] объясняет это расхождение тем, что дербики были частью большого и могущественного массагетского союза племен. Это подтверждается данными Квинта Курция Руфа при описании подготовки войска Дария к сражениям с Александром Македонским. По его сведениям [III, 2, 7], дербики снарядили в лагерь Дария у Вавилона 40 тыс. пехотинцев и 2 тыс. всадников. Даже если эти цифры преувеличены, можно отметить, что после персов и мидийцев это было наиболее крупное воинское соединение в ахеменидской армии. В другом месте Квинт Курций называет 2 тыс. всадников бесспорно тех же дербиков массагетами [IV, XII, 6].

У Страбона [XI, 8,8; XI, 11,8] данные о дербиках не смешиваются с описанием массагетов и их обычаев. Это характерно и для многих других античных авторов. У Плиния [VI, 48], по сравнению с другими авторами, помещающими дербиков у восточного берега Каспия, есть существенное уточнение: «дребики [4], местность которых пересекает река Окс, вытекающая из озера Оакса (Оахо)». Если с этим озером отождествить огромное Сарыкамышское озеро, то территория расселения дербиков совпадет с основными памятниками по верхнему и среднему течению Узбоя.

У устья каспийского рукава Окса Помпоний Мела [III, 42] отмечает песиков. У Плиния [VI, 50] в перечне скифских народов Средней Азии встречаются пестики, которых В. В. Латышев считал возможным отождествлять с апасиаками Страбона [XI, 8,9] и пасикаями Птолемея [Geographie, VI, 12,4; ВДИ. 1949. № 1. С. 284, 285, примеч. 9]. Птолемей помеща-

[4] По мнению В. В. Латышева, «дребики» — то же, что дербики (дербаки) (Страбона [XI, 8,8], Курция [III,2] и Мелы [III, 39]. См.: ВДИ. 1949. № 2. С. 305.

ет пасикаев вдоль Оксийских гор, расположенных между устьями Окса и Яксарта, вблизи их впадения в Каспийское море. Если предположить, что за устье Яксарта древние авторы и их информаторы принимали современный Комсомольский залив (или Мертвый Култук) к северу от полуострова Бузачи, то под Оксийскими горами Птолемея нужно видеть систему гор и возвышенностей от Больших Балхан на юге до Мангышлака на севере. При плавании по Оксу от верховьев до Каспия на всем протяжении его от Бактрии и ниже нет ни одной крупной горной системы, кроме Балхан, которым предшествуют (по течению) возвышенности Чолюнгыр и Текеджик на правом берегу [5]. Поэтому нам представляется правомерным отождествление прежде всего Больших Балхан с Оксийскими горами Птолемея. Тогда группа западных памятников, еще недостаточно выявленная археологически, может быть отнесена к апасиакам. Это согласуется и с данными Полибия [X, 48,1] о том, что апасиаки живут между Оксом и Танаисом и что, переходя Окс, они совершают походы на Гирканию.

Если принять предложенную локализацию дербиков и апасиаков, то, вероятно, Ичянлыдепе можно рассматривать как племенное святилище дербиков, а Гараулдепе — апасиаков.

Несмотря на большие пробелы в наших знаниях о культуре древних племен Закаспия, можно уже сейчас отметить ее своеобразие по сравнению с культурой других кочевых племен евразийских степей вообще и саков Средней Азии и Казахстана в частности. Оригинальный погребальный обряд, отсутствие каких-либо следов жертвоприношения лошадей и, вероятно, вообще скота при совершении погребального обряда — вот основные признаки, характерные для памятников древних скотоводов северо-западной Туркмении, которые выделяют их среди сакских и сарматских комплексов соседних регионов.

[5] Самая высокая точка Султануиздагских гор в правобережном Хорезме практически совпадает по высоте с Чолюнгыром и Текеджиком и много ниже Балханских гор.

Глава пятая
Центральный и Восточный Казахстан

Центральный Казахстан

Территорию Центрального Казахстана в раннем железном веке населяли скотоводческие племена, от которых до нас дошли многочисленные курганные могильники, следы горных разработок меди, золота, олова и наскальные изображения. Обязательной принадлежностью могильников являются своеобразные монументальные сооружения — так называемые курганы с «усами», т. е. курганы с отходящими от них каменными грядами.

Первые сведения о курганах с «усами» относятся к концу 20-х — началу 30-х годов нашего века. В 1927 г. краевед Л. Ф. Семенов при обследовании археологических памятников Акмолинской обл. в урочище Сым-Тас обратил внимание на курган с отходящими от него в восточном направлении каменными грядами. Тремя годами позже он же обследовал подобный курган у с. Каратал [Семенов Л. Ф., 1930. С. 77—87]. Раскопки курганов с «усами» были начаты в 1930 г. экспедицией ГАИМК. В Шетском р-не Карагандинской обл. вскрыли один курган, оказавшийся пустым. В 1933 г. М. И. Артамонов, работавший в составе Нуринской экспедиции ГАИМК, на р. Шерубай-Нура в урочище Дандыбай раскопал еще один курган с «усами». Под насыпью были обнаружены следы разведения огня [Рыков П. С., 1935, С. 49]. В 1940 г. С. В. Киселев и Л. Ф. Семенов зафиксировали курганы с «усами» при обследовании могильника Бес-оба под Карагандой. Таковы немногочисленные сведения о погребальных сооружениях Центрального Казахстана периода раннего железа, которыми располагала созданная в 1946 г. Центральноказахстанская экспедиция Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР. С этого года экспедиция, возглавляемая А. Х. Маргуланом, начала планомерное исследование археологических памятников Центрального Казахстана, в том числе и курганных могильников периода раннего железа.

Материалы разведок и раскопок курганов с «усами» позволили А. Х. Маргулану прийти к выводу, что археологические памятники этого типа распространены преимущественно в Центральном Казахстане, на территории от «Чингизского хребта до р. Тобола» [Маргулан А. Х., 1950. С. 9]. Как и прежде, курганы с «усами» продолжали считать ритуальными, культовыми сооружениями [Маргулан А. Х., 1948. С. 122; 1951. С. 32]. Отсутствие вещевого материала делало невозможным определение времени их создания.

М. П. Грязнов в своей статье [1956б] в числе других материалов опубликовал неизвестные долгое время результаты раскопок курганов с «усами» геологом Б. Н. Жуковым. В 1930 г. тот исследовал два кургана с отходящими от них к востоку каменными грядами на берегу Большого Чебачьего озера в Щучинском р-не Кокчетавской обл. Под насыпью северного кургана на древнем горизонте были обнаружены обломки глиняного сосуда и кости лошади. Под южным курганом находилось погребение женщины в грунтовой яме, перекрытой каменными плитами. На основании погребального инвентаря, в состав которого входило круглое бронзовое зеркало с высоким бортиком и петлевидной ручкой на оборотной стороне, М. П. Грязнов датировал погребение временем не позднее V в. до н. э. Он пришел к выводу, что памятники этого типа оставлены племенами с культурой скифского типа [Грязнов М. П., 1956б. С. 9, 10, 16. Рис. 1, *2*; 2].

В 1957 г. в составе Центральноказахстанской экспедиции был организован отряд по изучению памятников времени раннего железа во главе с М. К. Кадырбаевым. В результате интенсивных работ в руках исследователей оказался большой материал, позволивший определить характер и особенности памятников периода раннего железа и культуры племен, населявших этот регион в то время (карта 5).

Наиболее ярко особенности погребального обряда и ряда категорий инвентаря проявились при раскопках курганных групп могильника Тасмола в Павлодарской обл. Это позволило М. К. Кадырбаеву выделить на территории Центрального Казахстана археологическую культуру, названную им тасмолинской. Ареал ее охватывает на западе район Улутауских гор и верховьев р. Ишим, на севере — южные районы Кокчетавской обл., до Щучинска и оз. Боровое, на востоке — зону плоских увалов и низкого мелкосопочника Павлодарской обл., до Чингизского хребта и его обрамлений. Южная граница доходит до северных районов Прибалхашья и Бетпак-Далы [Кадырбаев М. К., 1966. С. 303, 307]. Одним из характерных признаков тасмолинской культуры являются курганы с каменными грядами. Изредка они встречаются и за пределами указанной территории: в Алмаатинской и Джамбульской областях Казахской ССР, на Южном Урале и даже в Поволжье [Рыков П. С., 1936. С. 274]. В самом Центральном Казахстане выявлено более 30 могильников, включающих курганы с каменными грядами, и около 20 подобных сооружений, стоящих отдельно. Результаты исследований М. К. Кадырбаева отражены в ряде его работ [особенно: 1966]. Предлагаемый раздел написан на основе трудов М. К. Кадырбаева.

ТАСМОЛИНСКАЯ КУЛЬТУРА. Погребальный обряд. Время существования племен, оставивших в Центральном Казахстане памятники тасмолинской культуры, определяется комплексами погребального инвентаря. В них в качестве датирующих выступают категории предметов, хронология которых хорошо разработана на других территориях скифо-сакского мира. Среди предметов конского снаряжения это

удила и псалии, в вооружении — наконечники стрел, мечи и кинжалы. В ряде случаев датирующими оказались бронзовые зеркала и отдельные предметы звериного стиля. На основании анализа археологического материала М. К. Кадырбаев датировал тасмолинскую культуру VII—III вв. до н. э., выделив при этом два этапа ее развития.

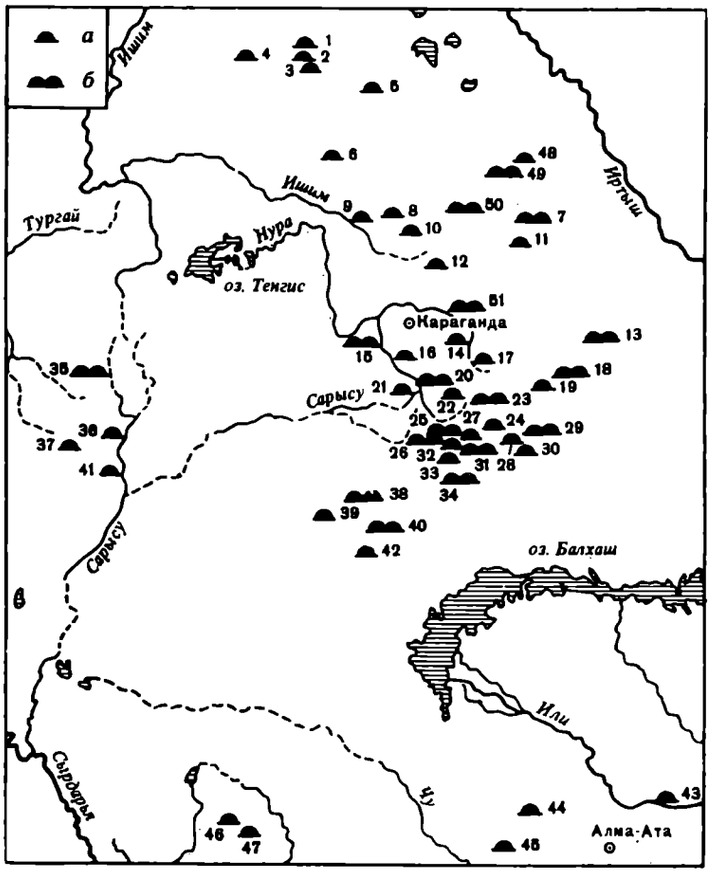
К начальному, первому, этапу относятся погребения VII—VI вв. до н. э., наиболее полно представленные в могильниках Тасмола I, V, VI, Карамурун I, Нурманбет IV. Среди предметов вооружения для этого этапа характерны бронзовые двулопастные и трехлопастные черешковые наконечники стрел, а также бронзовые кинжалы особого типа с навершием в виде бруска или с грибовидной шляпкой и овальным перекрестьем. В конском снаряжении распространены удила со стремевидным окончанием внешних колец в сочетании с трехдырчатыми псалиями, бронзовыми и роговыми.

Зеркала этого этапа большие дисковидные, с высоким бортиком и петлевидной ручкой на тыльной стороне. Для изобразительного искусства типичны полные или частичные изображения зверей в статичных позах.

Погребения второго этапа датируются V—III вв. до н. э. Нижнюю его дату определяют бронзовые трехлопастные и трехгранные наконечники стрел с выступающей втулкой, а верхнюю — вытеснившие их в конце III в. до н. э. железные черешковые трехлопастные наконечники, найденные в комплексе с железным мечом, который имел навершие в виде выступающих рожков. Железо вытесняет бронзу и в конском снаряжении: удила этого этапа железные с кольчатыми окончаниями.

Зеркала V—IV вв. до н. э. небольшие с гладким диском и короткой рукояткой. В отдельных случаях они украшены изображениями животных в зверином стиле или снабжены петелькой на оборотной стороне. В прикладном искусстве усиливаются стилизация и схематизация образов животных, происходит дальнейшее развитие многофигурной композиции [Кадырбаев М. К., 1966. С. 311, 401, 402].

Погребальные сооружения и обряд на всем протяжении рассматриваемого времени (VII—III вв. до н. э.) сохраняют большую устойчивость. Могильники обычно небольшие — по 10—15 курганов, насыпи которых состоят из камня, земли или земли с камнем. Часты одиночные курганы. Насыпи курганов, как правило, небольшие (диаметр 10 м, высота 0,2—1 м). Количество более крупных (диаметр до 20 м, высота 2 м) невелико. Под насыпью, по краю, выкладывалось кольцо из крупных камней. В каменных насыпях оно выделяется неотчетливо. Основание земляных и смешанных насыпей, как правило, опоясано рвом. Кроме обычных курганов, в могильниках находится один или несколько курганов с каменными грядами, с «усами». Наибольшая концентрация могильников, содержащих курганы с «усами», приходится на юго-восточные районы Карагандинской обл. Курганы с «усами» М. К. Кадырбаев рассматривал как сложный погребальный комплекс каменных сооружений, состоящий из трех элементов: «большого» кургана, «малого» кургана и отходящих от него к востоку двух полудуг каменных гряд [Кадырбаев М. К., 1966. С. 309]. «Большой» курган,

Карта 5. Памятники тасмолинской культуры. Распространение курганов с усами

1 — оз. Большое Чебачье; *2* — оз. Котуркуль; *3* — Маденият; *4* — пос. Зеренда; *5* — Кзылбиит; *6* — пос. Алексеевка; *7* — колхоз «20-летие Казахстана»; *8* — горы Ерейментау; *9* — Койсайган; *10* — р. Каратал; *11* — совхоз «Кокдомбак»; *12* — колхоз «Алгабас»; *13* — колхоз им. Карла Маркса; *14* — Сиезтобе; *15* — Коянды; *16* — Дандыбай; *17* — Бес-оба; *18* — северо-западное подножие Кентских гор; *19* — р. Кызылсу; *20* — совхоз «Нураталдинский»; *21* — Бугулы; *22* — Был-кылдак; *23* — Сыпра-оба и Егиз-Койтас; *24* — Былкылдак; *25* — Каргалы; *26* — р. Аксу-Аюлы; *27* — колхоз им. Тельмана; *28* — Бегазы; *29* — горы Кзыл-Арай; *30* — р. Джанишке; *31* — Канаттас; *32* — колхоз им. Чапаева; *33* — комплекс «37 воинов»; *34* — Толагай; *35* — Орезаир; *36* — р. Кенгир; *37* — Домбаул; *38* — Дарат; *39* — р. Аксай; *40* — р. Кииксу; *41* — в 20 км к юго-востоку от г. Джезказган; *42* — Дюйсен-Булак; *43* — Бесшатыр; *44* — р. Ащисай; *45* — пос. Отар; *46* — р. Коктал; *47* — Акшикур; *48* — Тасмола; *49* — Карамурун и Нурманбет; *50* — Ак-Булак; *51* — Ботакара; *а* — курганы; *б* — группы курганов

обычно самый крупный в могильнике, содержит захоронение человека в могильной яме, совершенное по обряду, ничем не отличающемуся от обряда погребения в обычных курганах. В «малом» кургане в классическом варианте на древнем горизонте, в центре, совершали захоронение коня, а в восточной части клали один, реже — два глиняных сосуда. Но обычно в «малом» кургане находят лишь отдельные кости коня (череп, ноги) и раздавленный сосуд или же только раздавленный сосуд. Под насыпями некоторых «малых» курганов обнаружены остатки кострищ.

Каменные гряды, длина которых достигает 200 м, а ширина — 1,5—2 м, часто ограничены по концам невысокими округлыми каменными насыпями, иногда со следами кострищ под ними. Раскопки камен-

ных гряд показали, что это не сплошные вымостки, а прерывистые ряды сложенных из камня обособленных сооружений, округлых или прямоугольных. В урочище Карабие прямоугольные звенья были ограничены врытыми в землю плитами, а пространство между ними забито камнем. В урочище Дандыбай каменная гряда состояла из примыкающих друг к другу 15 колец (диаметр 1,5—2 м) из положенных плашмя крупных камней. Вся площадь колец была забита камнями.

В размещении отдельных элементов комплекса кургана с каменными грядами М. К. Кадырбаев выделил четыре варианта (табл. 51, *5*). В наиболее распространенном первом варианте «малый» курган располагался к востоку от «большого», иногда на значительном расстоянии. В комплексах, отнесенных ко второму варианту, «большой» и «малый» курганы расположены по оси север—юг. В этом случае курганы, как правило, одинаковы по размерам, и погребение человека совершено в северном кургане (только в кургане у Большого Чебачьего озера — в южном). Третий вариант представлен комплексом кургана 1 могильника Карабие. В нем насыпь «малого» кургана, под которой лежал раздавленный сосуд, сооружена на вершине «большого». В кургане 19 могильника Тасмола I, отнесенном к четвертому варианту, функции обоих курганов выполнял один — «большой». Под его насыпью, в центре, в могильной яме, находилось погребение человека, а под восточной полой на древнем горизонте лежали обломки двух сосудов. Встречаются и другие варианты. Так, в комплексе кургана 4 могильника Нурманбет IV раздавленный глиняный сосуд лежал под восточной полой «большого» кургана, а «малый» курган оказался пустым. Разновидностью совмещения функций «большого» и «малого» курганов в одном является комплекс кургана 4 могильника Егиз-Койтас. «Малого» кургана здесь не было, и каменные гряды отходили от кургана с погребением подростка, около ног которого в могиле стоял глиняный сосуд. В комплексе кургана 5 того же могильника каменные гряды шли от расположенных по оси север—юг двух «малых» курганов с обломками сосудов под насыпями (одного — в северном и двух — в южном). Основным для этого комплекса М. К. Кадырбаев считает ограбленный с помощью широкой траншеи «большой» (диаметр 30 м) курган 6, расположенный на расстоянии 80 м от «малых» [Кадырбаев М. К., 1959. С. 186, 188, 189. Рис. 22]. Есть комплексы, где погребение человека отсутствует. Это курганы 48 и 55 могильника Ботакара. В кургане 48 гряды отходили от двух курганов, расположенных по оси север—юг, каждый из которых содержал захоронение коня на древнем горизонте и сосуда — в восточной части. Под насыпью кургана 55 лежали остатки черепа лошади и раздавленный сосуд. К востоку от него шли каменные гряды.

Относительно семантики каменных гряд пока нет единого мнения. Первые исследователи их, П. С. Рыков и И. В. Синицын, считали возведение каменных гряд одним из элементов погребального ритуала [Рыков П. С., 1936. С. 274; Синицын И. В., 1948. С. 158]. А. Х. Маргулан определял их как ритуальные или культовые сооружения [Маргулан А. Х., 1948. С. 122; 1951. С. 32]. М. К. Кадырбаев расширил и уточнил это толкование. По его мнению, курганы («малые») вместе с открытыми на восток, к солнцу, каменными грядами «носят сугубо ритуальный характер и являются отражением культа, вероятнее всего солярного» [Кадырбаев М. К., 1966. С. 431, 432]. С. С. Сорокин придерживается другого взгляда на эти сооружения. Не соглашаясь с мнением М. К. Кадырбаева о единовременности захоронения человека в «большом» кургане и сооружения «малого» кургана с каменными грядами, он приходит к выводу, что комплекс с грядами связан не с обрядом погребения, а с поминальными торжествами, которые могли происходить и значительно позже. При установлении семантики этих сооружений он придает большое значение структуре каменных гряд. Привлекая данные этнографии, С. С. Сорокин видит в отдельных составляющих ее звеньях «обозначение места старейших представителей семейных, родовых или иных общественных групп» на поминальных торжествах [Сорокин С. С., 1981. С. 24, 25].

Погребения в курганах тасмолинской культуры всегда одиночные. Совершены они в овальных грунтовых ямах, перекрытых каменными плитами, поверх которых возводили насыпь. Размеры могильных ям колеблются от 1,5×0,8 до 2,5×1,3 м при глубине 0,7—2 м. Большей длиной ям (до 3,5 м) отличается группа могил VII—VI вв. до н. э. в могильниках Тасмола I, V, VI. В кургане 1 могильника Нурманбет IV низ стен погребальной камеры облицован каменными плитами (табл. 51, *12*). Захоронения в могилах других типов единичны. Это большая прямоугольная яма и два подбойных погребения (табл. 51, *1*, *9*) [Кадырбаев М. К., 1959. С. 179].

Положение погребенных вытянутое на спине, головой на север или северо-запад. В том же направлении ориентированы продольными осями и могильные ямы. Камышовая подстилка под погребенным зафиксирована только в кургане 19 могильника Тасмола I. В трех курганах головы покойников лежали на каменных плитах.

От одежды в мужских погребениях сохранились бронзовые наборные пояса и поясные пряжки, в том числе выполненные в зверином стиле. Украшением одежды в богатых мужских и женских погребениях служили оттиснутые из золота фигурки кошачьих хищников и бусы. В женских погребениях бусы встречаются и в виде ожерелий. В одной могиле по обеим сторонам черепа лежало по золотой проволочной серьге с изумрудной бусиной (курган у Большого Чебачьего озера). В нескольких женских погребениях в области черепа найдены костяные шпильки. Одна костяная проколка обнаружена в носовой перегородке черепа.

Наиболее распространенными предметами погребального инвентаря, независимо от пола погребенного, являются ножи и оселки. Оселки, обычно вместе с ножом, всегда лежат слева от скелета, у пояса. Ножи иногда находят справа у пояса. Для мужских погребений характерны предметы вооружения, обычно наконечники стрел. В могилу клали колчан со стрелами или несколько стрел, всегда слева от покойника, остриями в сторону ног. Находки других предметов вооружения единичны. Это кинжалы, которые лежат справа у пояса.

В могилы женщин клали зеркала и каменные жерт-

венники. Зеркала находят справа от скелета, в области тазовых или локтевых костей. Вместе с ними в двух погребениях обнаружены застежки. Жертвенники стоят чаще всего слева, около головы или верхней половины туловища. В мужских погребениях каменные алтарики встречены только в двух случаях.

В погребальном ритуале курганных могильников северо-восточных районов Центрального Казахстана (Тасмола I, V, VI) в VII—VI вв. до н. э. существовал обычай класть в ногах покойника отрезанные и завернутые в лошадиную шкуру взнузданные конские головы и головы баранов, а также лопатки этих животных. Этот элемент обряда особенно четко выражен в одном из курганов. В южной части могилы, в ногах погребенного, мордами на юг лежали два лошадиных черепа, а между ними — пять черепов баранов. Вместе с ними найдены и лопатки. Черепа перекрывал лежавший поперек могилы скелет барана (табл. 51, 7).

В северном и северо-восточном районах распространения памятников тасмолинской культуры известны курганные могильники, оставленные, очевидно, другой, но близкородственной этнической группой. От тасмолинских погребений их отличает главным образом погребальный обряд. В могильнике Айдабуль II (Кокчетавская обл.) раскопано три кургана с каменными насыпями, обнесенными каменными кольцами [Акишев К. А., 1959б. С. 19—21]. В могильнике Жол-Кудук (Павлодарская обл.) раскопано восемь курганов с земляными насыпями из 19 [Агеева Е. И., Максимова А. Г., 1959. С. 39—42, 45]. Обряд и инвентарь могильников очень близки. Погребения совершали или в подбое, сделанном в северной стене входной ямы и отгороженном от нее каменными плитами, или в овальных грунтовых ямах. В могильнике Жол-Кудук в подбоях хоронили женщин, а мужчин — в грунтовых ямах. Деревянное перекрытие одной такой могилы было сожжено. В могильнике Айдабуль и мужское, и женское погребения совершены в подбое. Положение погребенных везде вытянутое на спине, ориентировка западная.

По составу инвентаря и его месту в могиле эти памятники в основном совпадают с погребениями тасмолинской культуры. Отличается главным образом инвентарь рядовых мужских погребений в могильнике Жол-Кудук. Около плеча погребенного клали только часть тушки барана, а на нее — короткий железный нож. В мужском погребении кургана 1 могильника Айдабуль II справа у пояса лежал железный кинжал, слева — оселок, еще левее — пять бронзовых наконечников стрел остриями к ногам (табл. 51, 8).

Инвентарь женских погребений обоих могильников составляли зеркала и жертвенники. Место их в могилах то же, что и в тасмолинских захоронениях. Встречены и украшения: бусы, височные кольца.

Первоначально могильники датировались V—IV вв. до н. э. [Акишев К. А., 1959б. С. 21]. Впоследствии на основании анализа наконечников стрел могильник Айдабуль II был передатирован и отнесен к рубежу VI—V вв. до н. э. [Акишев К. А., 1963. С. 120]. М. К. Кадырбаев продолжал придерживаться первоначальной датировки этого памятника [Кадырбаев М. К., 1966. С. 380].

Большой вещевой материал, полученный при раскопках могильников Центрального Казахстана, особенно Тасмолы, дает представление о хозяйстве и культуре скотоводческих племен, обитавших здесь в период раннего железа. При своеобразии погребального обряда этот материал обнаруживает значительное сходство с инвентарем погребений культур сакского круга.

Вооружение и конское снаряжение. Наиболее распространенным видом вооружения скотоводов Центрального Казахстана был лук со стрелами. Остатки луков не найдены, хотя, вероятно, их клали в могилы. Сохранились лишь наконечники стрел, в отдельных погребениях — с древками. Иногда они лежали в колчанах из кожи или бересты, чаще же — в виде небольшого пучка. Количество стрел в могилах невелико, обычно несколько экземпляров. Исключение составляет лишь колчан из погребения в кургане 5ж могильника Карамурун I (табл. 51, 9). На дне могилы, слева от погребенного в ней мужчины, лежали остатки колчана со стрелами. От колчана, сделанного из лошадиной шкуры, сохранились нижняя расширенная часть, выструганная из березы, прямоугольная изогнутая накладка с пазом и бронзовая ребристая ворворка, по-видимому застежка. Длина колчана со стрелами 65 см. В нем тремя рядами лежало 46 наконечников стрел, у 30 сохранились древки длиной 60 см. Древки выструганы из местной березы, на некоторых из них прослеживается техника насадки наконечников. Для насадки втульчатых наконечников конец древка заострялся в виде конуса. Для прикрепления черешковых конец древка расщепляли, в расщеп вставляли черешок стрелы и затем конец туго обматывали тонким сухожилием. На концах древков некоторых стрел сохранились пазы от оперения и следы окольцовки двумя-тремя полосками красной охры, расположенными ниже пазов [Кадырбаев М. К., 1966. С. 337—339. Рис. 34]. Из этих наконечников 42 были бронзовыми (22 втульчатых, 20 черешковых), три — костяными и один — деревянным. Втульчатые бронзовые наконечники стрел представлены тремя типами (табл. 52, *51—53*). Наиболее многочисленны наконечники первого типа — с листовидной головкой и шипом на выступающей втулке. Ко второму принадлежат наконечники с асимметрично ромбовидной головкой и доходящей до острия выступающей втулкой. Третий тип — ромбовидные наконечники ромбического сечения с внутренней втулкой — представлен одним экземпляром. Черешковые наконечники распределяются также по трем типам (табл. 52, *54—58*). К первому относятся трехлопастные со сводчатой или треугольной головкой, у которой лопасти доходят почти до острия. Наиболее многочисленны наконечники второго типа — со сводчатой головкой и овальной выемкой в ее основании. У них трехгранное острие переходит в образованные выемками лопасти. У наконечников третьего типа выемки зубчатые (табл. 52, *54—58*). Один черешковый наконечник — двулопастный с головкой ромбического сечения.

Для восточных районов Евразии, в частности Казахстана, в раннескифское время характерны колчаны, содержавшие одновременно двулопастные втульчатые и трехлопастные черешковые наконечники стрел. Ярким примером служит рассмотренный

комплекс, хорошо датируемый VII—VI вв. до н. э. Своими корнями эта особенность уходит в период поздней бронзы, когда на территории Центрального и Восточного Казахстана одновременно бытовали двулопастные наконечники с шипом на втулке и трехлопастные черешковые [Акишев К. А., 1963. С. 118]. Тем же временем датируются комплексы наконечников из могильников Нурманбет I (курган 1; табл. 52, *44—46*), Нурманбет IV (курган 1; табл. 52, *41—43*), Тасмола V (курган 3; табл. 52, *50*) и Ак-Булак I (курган 1; табл. 52, *47—49*).

Анализируя форму наконечников стрел из других погребений, М. К. Кадырбаев пришел к выводу, что во второй половине VI в. до н. э. в Центральном Казахстане появляются трехлопастные втульчатые наконечники, которыми в V в. до н. э. были сменены две ранние группы втульчатых и черешковых наконечников. При этом он допускал, что черешковые наконечники применялись до начала IV в. до н. э. Основываясь на этой схеме, все комплексы, кроме перечисленных выше, М. К. Кадырбаев относил к V — началу IV в. до н. э. [Кадырбаев М. К., 1966. С. 380. Рис. 66]. Против такой датировки наконечников стрел из могильников Кииксу и Канаттас (курганы 5 и 16) возражал К. А. Акишев. Он датировал эти курганы VI в. до н. э. [Акишев К. А., 1963. С. 119], в чем его поддержала И. Н. Медведская. Исследуя взаимовстречаемость втульчатых и черешковых трехлопастных и трехгранных наконечников стрел в археологических памятниках Средней Азии и Казахстана, она пришла к выводу, что втульчатые наконечники сосуществовали с черешковыми непродолжительное время, главным образом в VI в. до н. э. Хотя как исключение черешковые бронзовые наконечники встречаются и в V в. до н. э. [Медведская И. Н., 1972. С. 82, 83]. Но если наконечники из кургана Кииксу действительно правомернее датировать VI в. до н. э., то стрелы в кургане Канаттас все же должны быть отнесены к V в. до н. э. По всей вероятности, V в. до н. э. датируются и все остальные комплексы бронзовых наконечников стрел, обнаруженных в тасмолинских курганах.

К концу второго этапа тасмолинской культуры (V—III вв. до н. э.) относится комплекс стрел из кургана 1 могильника Карамурун II (табл. 52, *3—12*), состоящий из черешковых трехлопастных и четырехгранных костяных наконечников.

Другим видом вооружения, значительно менее распространенным, были кинжалы. Для первого этапа известен лишь один кинжал (длина 32 см), который был подвешен в ножнах к бронзовому наборному поясу (табл. 51, *12*). Форма его довольно своеобразна. Клинок обоюдоострый с рельефным валиком в центре, образованным двумя желобками. Рукоять массивная с волнистыми краями и грибовидным навершием, перекрестье широкое овальное. Рукоятка с навершием и перекрестье украшены рельефным орнаментом в виде стилизованных птичьих головок в сочетании с волнообразными линиями. В Центральном Казахстане аналогичные кинжалы известны и по случайным находкам (Павлодар, Кокчетав), а на Алтае — по материалам из кургана у Змеиногорска [Грязнов М. П., 1956б. С. 12. Рис. 3, *1. 2, 4*].

В погребениях второго этапа тасмолинской культуры из оружия этого вида обнаружены лишь обломки рукоятки железного меча с серповидным навершием (табл. 52, *2*). В близком тасмолинской культуре могильнике Айдабуль II найден почти целый железный кинжал с рожковидным навершием и бабочковидным перекрестьем (сохранившаяся длина 35 см). Широкая плоская рукоятка кинжала обрамлена валиками. Навершие в месте его присоединения к рукоятке перехвачено бронзовой обоймой (табл. 52, *1*) [Акишев К. А., 1959. С. 20].

Согласно канонам тасмолинского погребального обряда VII—VI вв. до н. э., в могилы клали взнузданные головы лошадей. Получена небольшая, но выразительная коллекция предметов конского снаряжения. В нее входят удила, псалии, многочисленные пронизи и бляшки оголовья и уздечки, подпружные пряжки.

Из погребений и случайных находок Центрального Казахстана известно 13 удил. Все они бронзовые литые двусоставные. За исключением одних удил, имевших кольчатые окончания, все остальные представляют различные варианты удил со стремевидным окончанием внешних колец. Выделяются четыре типа: I — со стремевидным окончанием и дополнительным отверстием (4 экз.); II — со стремевидным окончанием (6 экз.); III — со стремевидным окончанием и упором в верхней части «стремечка» (2 экз.); IV — кольчатые [Кадырбаев М. К., 1966. С. 383, 384]. Удила типа I были распространены в VII—VI вв. до н. э. в Южной Сибири, Туве, Приаралье, отдельные экземпляры найдены на Памире. Удила типа II характерны для всех скифо-сакских культур. Удила типа III специфичны для Казахстана, где, кроме Центрального Казахстана, найдены в раннесакских могильниках Приаралья. За пределами Казахстана подобные удила встречены только на Иссык-Куле [Бернштам А. Н., 1950. Табл. XCV, *37*]. Не ранее второй половины VI в. до н. э. вместе с изменением конструкции узды на всей территории распространения скифо-сакских культур удила ранних типов были сменены кольчатыми. Совместная находка кольчатых удил с удилами типов I и II в могильнике Тасмола V фиксирует тот же процесс на территории Центрального Казахстана (табл. 52, *62*, *63*, *74—76*).

Из раскопок и по случайным находкам в Центральном Казахстане известны псалии пяти типов: I — трехдырчатые роговые и костяные (табл. 52, *59*); II — двудырчато-крючковидные бронзовые; III — трехдырчатые бронзовые с центральным отверстием, расположенным в плоскости перпендикулярной боковым (табл. 52, *82*); IV — трехпетельчатые бронзовые; V — железные с золотой инкрустацией [Грязнов М. П., 1956б. С. 12, 13. Рис. 3, *9—11*; Кадырбаев М. К., 1966. С. 385]. Псалии типов I, III и V найдены в пяти погребениях могильника Тасмола в составе узды шести лошадей. Три псалия типа I обнаружены в сочетании с удилами типов I и II. Такое сочетание наиболее распространено. Этот же способ соединения удил и псалиев применен в узде, в состав которой входили удила типа I и железные псалии, реконструируемые скорее всего как трехдырчатые (Тасмола I, курган 6). Своеобразна конструкция еще одной узды, в которой псалии типа III центральным отверстием надеты на стремевидное окончание удил. Благодаря этому они скреплялись с рем-

нями оголовья ремнем, разрезанным надвое, а не натрое, как обычно (табл. 52, *82*). Единственной аналогией этому типу может служить узда из погребений могильников Тагискен и Уйгарак в Приаралье, где этот тип был одним из ведущих [Толстов С. П., Итина М. А., 1966. С. 161. Рис. 8, *3*, *4*; Вишневская О. А., 1973. Табл. XXVI, *9—11*].

В кургане 3 могильника Тасмола V удила типа III найдены вместе с железными, сильно коррозированными псалиями с золотой инкрустацией в виде волнообразных линий по краям и зигзага в центральной части. Псалии фрагментированы, и точная форма их не восстанавливается. Однако сохранившийся на одном конце удил железный фрагмент указывает на то, что соединение псалиев с удилами было таким же, как в упомянутой узде (табл. 52, *82*) [Кадырбаев М. К., 1966. С. 386]. В двух погребениях с непотревоженным инвентарем (Тасмола V, курганы 2 и 3) у двух конских черепов псалии отсутствовали. Очевидно, здесь применялся способ крепления удил непосредственно к ремням оголовья [Кадырбаев М. К., 1968. С. 29, 31. Рис. 2, *4*].

В местах перекрещивания ремней оголовья помещались обоймы с плоским, выпуклым или фигурным щитком и четырьмя боковыми прорезями (табл. 52, *69*, *71*, *79*, *81*, *91*, *92*). Для скрепления ремней оголовья и его украшения служили бляшки и подвески. На обороте бляшек для крепления их на ремне помещен невысокий стержень, заканчивающийся кольцом или дисковидным щитком (табл. 52, *72*, *80*, *87—89*). Такое крепление бляшек характерно для Казахстана и Алтая. Ворворки, служившие для закрепления узлов на конце ремня, найдены только в одном погребении (Тасмола V, курган 3). Одна из них вогнутоконическая, другая пирамидальная, остальные две — с ребристой поверхностью (табл. 52, *66—68*, *70*).

Кроме предметов, относящихся к узде, в погребениях найдены парные пряжки, которые принято считать подпружными. Они круглые или овальные. обычно желобчатые, с прямоугольной или трапециевидной рамкой для крепления ремня. На внешней стороне одной из них помещен крючок, завершающийся круглой шляпкой, или «копытцем» (табл. 52, *64*, *65*, *83*, *85*). Такие пряжки известны на всей территории распространения культур скифского типа, но чаще встречаются в Казахстане, на Алтае и в Южной Сибири.

Наиболее полный набор снаряжения верховой лошади найден в женском погребении кургана 19 могильника Тасмола I (табл. 51, *1*; 52, *78—93*). В зубах конского черепа, лежавшего слева от костяка, были зажаты удила с надетыми на них псалиями, украшенными с внешней стороны рядами желобков. В местах пересечения суголовного и намордного ремней с обеих сторон черепа лежали пронизи с рельефным спиралевидным орнаментом на щитке. Такие же пронизи найдены по обеим сторонам черепа лошади в местах пересечения суголовного и налобного ремней. Справа от черепа были остатки чумбура с нанизанными на него бочонковидными пронизями и бляшками, одна из которых отлита в виде головы лося. Поблизости находились подпружные пряжки, пуговицевидные пронизи и бляшка листовидной формы с петлей на обороте и прорезью на щитке. Бронзовые изделия тех же форм найдены в разных частях могилы. На правой тазовой кости скелета лежало зеркало, а слева у пояса — оселок, и на нем — небольшой железный нож (табл. 53, *18*, *28*).

Богатый набор конских уздечек, скульптурные фигурки горных козлов и массивные прорезные бронзовые колокольчики найдены в кургане 2 могильника Тасмола V, где в ногах погребенного было положено семь конских голов (табл. 52, *36—40*, *59*, *71—76*).

Керамика. При раскопках получена довольно значительная серия глиняной посуды (табл. 53, *1*). Все сосуды, за небольшим исключением, найдены под насыпями «малых» курганов комплекса курганов с каменными грядами. Изготовлены они из грубого слоистого теста с большим количеством отощителей — толченого гранита, кварцевого песка и слюды. Сосуды лепные, небрежно сформованные методом ленточной налепки, о чем свидетельствуют заметные на внутренней стороне линии стыковки лент и асимметричность формы, характерная для такой техники. Обжиг сосудов неравномерный, плохого качества.

Форма сосудов разнообразна. Они имеют прямые или чуть отогнутые наружу венчики и короткие шейки, плавно переходящие в округлые плечики и тулово, дно всегда плоское. Наибольший диаметр тулова приходится на его середину или верхнюю треть. У сосудов вытянутых пропорций диаметр дна часто равен диаметру горла, а иногда и больше его. У них же на внутренней стороне горла в ряде случаев помещен небольшой валик. Высота сосудов колеблется от 20 до 40 см. Такая громоздкая и хрупкая посуда была неудобна для употребления в быту кочевников. Ее изготавливали скорее всего специально для погребений.

Орудия труда. В инвентаре погребений больше всего ножей, широко применявшихся в быту. Их носили в ножнах, подвешенных к поясу, обычно слева. Сохранились остатки ножен в виде деревянной основы, обмотанной в одном случае ремнем, а в другом — полоской бересты (табл. 53, *9*). В одном из погребений от ножен осталась только ременная обмотка.

Все тасмолинские ножи относятся к формам без выделенной рукояти и различаются оформлением ее конца. По этому признаку выделено два типа: I — с кольцом на рукоятке; II — с закругленным верхним концом рукоятки. Длина ножей не превышает 23 см, спинка у них прямая или слабоизогнутая. В погребениях первого этапа ножи преимущественно бронзовые, встречаются они и в ранних погребениях второго этапа. Железные ножи, повторяющие формы бронзовых, характерны для второго этапа, но появляются они еще в погребениях VII—VI вв. до н. э. Наибольшее число ножей с кольцом на рукоятке происходит из погребений Центрального Казахстана. В остальных районах Казахстана находки их единичны. В качестве ближайших аналогий можно назвать нож из комплекса вещей VII—VI вв. до н. э., найденных у с. Чистый Яр в Восточном Казахстане [Арсланова Ф. Х., 1972а. Рис. 1, *22*] и из кургана того же времени могильника Уйгарак [Вишневская О. А., 1973. Табл. XXI, *11*]. Круг аналогий для ножей типа II значительно шире. Они распространены в скифское время на Алтае, Памире, в Семиречье и восточном Приаралье.

Оселки, служившие для заточки ножей и предметов вооружения, сделаны из песчаника и песчанико-вого сланца. Все они, за исключением одного, относятся к типу плоских с параллельными или слегка расширяющимися книзу гранями и скругленными концами. Около верхнего края просверлено обычно двусторонним сверлением круглое отверстие для подвешивания оселка к поясу (табл. 53, *10*, *11*, *19*, *21*). Оселки этого типа известны во всех скифо-сакских культурах. Единственной аналогией редкому по форме оселку из могильника Тасмола I (табл. 53, *20*) служит оселок из могильника Уйгарак [Вишневская О. А., 1973. Табл. XXI, *14*].

Предметы туалета, одежда, украшения. Все известные в Центральном Казахстане зеркала найдены в женских погребениях. Их подвешивали к поясу на ремне или в мешочке. Из погребений первого этапа тасмолинской культуры известно два зеркала. Оба экземпляра относятся к типу крупных дисковидных с вертикальным бортиком и петлевидной ручкой на обороте. Тыльная сторона тасмолинского зеркала (диаметр 19 см) орнаментирована замкнутой цепью полуовальных швов (табл. 53, *28*). Зеркало из кургана у Большого Чебачьего озера меньше (диаметр 15 см). Вместе с ним найдена аргиллитовая застежка [Грязнов М. П., 1956б. Рис. 2, *2*, *4*]. Многочисленные аналогии зеркалам этого типа есть на востоке и западе скифского мира. Наиболее близки зеркала из памятников майэмирского этапа Алтая [Грязнов М. П., 1947. Рис. 4, *10—12*] и из сакских могильников восточного Приаралья [Вишневская О. А., 1973. Табл. II, *9*; IV, *6*; XV, *14*; XVI, *13*].

В V в. до н. э. размеры дисковидных зеркал уменьшаются, исчезает бортик. Дисковидные зеркала с петелькой найдены в погребениях могильников Айдабуль II (табл. 53, *4*) и Жол-Кудук. В V—IV вв. до н. э. такие зеркала были распространены преимущественно в Сибири.

Ко второму этапу тасмолинской культуры относится небольшое зеркало с плоским диском и короткой прямоугольной ручкой, завершающейся геральдическим изображением козлиных голов. На обороте ручки помещена петелька (табл. 53, *13*). Вместе с зеркалом найдена бляшка со шпеньком на обороте. Щиток бляшки повторяет изображение на ручке. Зеркало своеобразно, но в какой-то мере сопоставимо с тагарскими зеркалами типа II [Членова Н. Л., 1967. Табл. 24, *28*, *29*].

В погребении могильника Жол-Кудук найдено зеркало с небольшим прямоугольным выступом-ручкой, имевшей небольшое круглое отверстие для подвешивания (табл. 53, *3*). Такие зеркала не типичны для Центрального Казахстана.

В нескольких женских погребениях обоих этапов найдены костяные шпильки, в том числе две (V—III вв. до н. э.) — с фигурными навершиями (табл. 53, *5*, *6*). Навершие одной из шпилек вырезано в виде сильно стилизованной головы хищной птицы, гравированные линии на ее щитке заполнены охрой. Вероятно, шпильками закалывали волосы.

Одежда погребенных не сохранилась. Но большой интерес представляют бронзовые наборные пояса, найденные в некоторых мужских погребениях. Два из них (Нурманбет IV, курганы 1 и 3) относятся к концу первого этапа. Пояс из кургана 1 (табл. 53, *14*) состоит из десяти массивных обойм прямоугольной формы. Пять из них на широкой тыльной стороне имели петли, в одной из которых сохранился кусок тонкого ремешка. На месте пряжки лежала самая крупная обойма с петлей. На поясе справа висели кинжал и нож (табл. 52, *77*; 53, *16*). Пояс из кургана 3 (табл. 53, *15*) меньше и более тонкой работы. Его прямоугольные обоймы украшены тремя поперечными углубленными полосами с тремя полукруглыми выступами на каждой полосе. Всего обойм десять, бóльшая часть плохой сохранности. Вместе с поясным набором найдены обломок прямоугольной бронзовой планки и пуговицевидная бляшка с уплощенным кольцом на невысокой стойке.

Ко второму этапу тасмолинской культуры относится пояс из кургана 1 могильника Тасмола II (табл. 53, *2*). Он состоит из фигурных обойм в виде римской цифры X с кружком посредине. В центральной части пояса находился бронзовый стержень, очевидно подвеска, конец которой сделан в виде звена стремевидных удил.

Аналогии ранним поясам неизвестны. Фигурные обоймы третьего пояса очень близки предметам того же назначения из кургана V—IV вв. до н. э. у с. Вавилонка [Киселев С. В., 1951. Табл. XXIX, *7*].

Из погребений VII—VI вв. до н. э. к предметам, скреплявшим или украшавшим одежду, следует отнести застежку из рога марала (табл. 54, *8*), костяные ажурные накладки, фигурные ворворки (табл. 53, *24—27*), золотые нашивные бляшки с барельефными фигурками кошачьих хищников (табл. 54, *3—6*). Большой интерес представляет и более поздняя (V—III вв. до н. э.) бронзовая пряжка со сценой терзания хищником верблюда (табл. 54, *1*).

Находки бус в составе непотревоженных ожерелий единичны. Одно из ожерелий обнаружено в женском погребении VII—VI вв. до н. э. (Большое Чебачье озеро). В состав его входили крупная бирюзовая бусина, белые аргиллитовые и одна из красного камня. Единственные для этого времени серьги — из золотой проволоки с надетой на нее изумрудной бусиной — найдены в том же погребении [Грязнов М. П., 1956б. Рис. 2, *1*, *3*].

Для V—IV вв. до н. э. непотревоженные ожерелья известны только в могильнике Жол-Кудук. Одно из них насчитывало 200 пастовых бусин, другое — 14, сделанных из пасты и зеленой стеклянной массы [Агеева Е. И., Максимова А. Г., 1959. С. 40].

Коллекция бус из погребений тасмолинской культуры насчитывает более 200 бусин (сюда не включены бусы из могильника Жол-Кудук). Подавляющее большинство их происходит из кургана 6 Тасмолы V [Кадырбаев М. К., 1966. С. 424. Рис. 69]. Основная масса бус сделана из стекловидной пасты с добавлением окиси меди и охристого состава (материал определен сотрудником Института геологии АН Казахской ССР петрографом Т. Б. Кравченко). Форма бусин преимущественно биконическая и шаровидная с сильно усеченными торцовыми поверхностями. Встречаются бусы цилиндрические и шаровидные. Наиболее крупные бусины сделаны из стенок крупных морских раковин, они плоские эллипсоидные. Каменные бусы представлены бирюзовыми голубого и голубовато-зеленого цвета и сердоликовыми. Основная масса бирюзовых бус — мелкий бисер, крупных цилиндри-

ческих мало. Сердоликовых бус 30. Все они, кроме двух цилиндрических, шаровидной формы. Малый диаметр отверстий (1 мм), ровные и длинные стенки каналов указывают на то, что сверление производилось штифтовым стержнем или закрепленным в трубочке алмазным осколком. Поверхность сердоликовых бус орнаментирована геометрическим рисунком, выполненным белой линией. Рисунок на гладкую поверхность бусины наносили концентрированным содовым раствором с последующим обжигом. Этот метод был широко распространен в Индии, куда и уводят аналогии тасмолинским бусам. Сердоликовые бусы с содовым орнаментом датируются VII—VI вв. до н. э.

К находкам неясного назначения относятся небольшие цилиндрические предметы из трубчатой кости, найденные в инвентаре двух мужских погребений первого и второго этапов. С одного конца они закупорены деревянной пробочкой (табл. 53, *12*, *23*). Один из предметов сделан в форме цилиндра, немного расширенного внизу. Внутренняя его поверхность отполирована и окрашена в голубой цвет, внешняя гофрирована круговой горизонтальной резьбой.

Предметы культа. Кроме бытового инвентаря, почти во всех женских и двух мужских погребениях северо-восточных районов Центрального Казахстана встречены каменные жертвенники. Они вытесаны из песчаника, часто с прожилками и разводами. Все жертвенники овальные с округлыми или, значительно реже, вертикальными бортиками, высота которых зависит от степени углубления центральной части. Округлые бортики плавно переходят в дно. У жертвенников с вертикальными бортиками дно плоское. Таков жертвенник из кургана 2 могильника Тасмола V (табл. 54, *16*). Его стенки снаружи украшены рельефными валиками. Такими же валиками по бокам и дну орнаментирован еще один жертвенник (табл, 54, *17*). Жертвенники невелики: длина самого маленького 10 см, ширина — 6 см, длина самого крупного 25 см, ширина — 10—15 см. Овальные жертвенники без ножек типичны для сакских культур Казахстана, в савроматских памятниках они единичны. Единственный тасмолинский жертвенник на ножках найден в могильнике Даныбай (табл. 54, *19*). Это овальное блюдо на четырех ножках круглого сечения. Ближайшая аналогия ему — жертвенник VI в. до н. э. из могильника Уйгарак [Вишневская О. А., 1973. Табл. IV, *1*].

Искусство. Прикладное искусство Центрального Казахстана нашло свое выражение в зооморфных изображениях на предметах конской сбруи и принадлежностях туалета. Изображения животных и птиц выполнены в зверином стиле, характерном для скифо-сако-сибирских культур. Об этом свидетельствуют изобразительные приемы, позы и круг изображаемых животных — кошачий хищник, копытные, хищная птица. Материалом для изображений служили бронза, золото, рог и кость.

Ранняя группа предметов звериного стиля тасмолинской культуры относится к VII—VI вв. до н. э. В нее входят скульптурные фигурки горных козлов, барельефные изображения кабанов, головка лося, фигурки кошачьих хищников и др. Все они настолько индивидуальны, что требуют отдельного описания.

В Центральном Казахстане встречены четыре бронзовые скульптурные фигуры горных козлов. Две из них, отлитые в одной форме, найдены в составе конского снаряжения из кургана 2 могильника Тасмола V (табл. 52, *36*; 54, *11*). Козлы изображены стоящими с опущенной головой, рога закинуты и касаются туловища за лопатками, ноги сгруппированы на двукольчатом основании. Остальные фигурки — случайные находки (Каракалинск, оз. Боровое). По мнению исследователей, все они местного производства и стилистически близки тагарским бронзовым скульптурам [Грязнов М. П., 1956б. Рис. 4, *1*, *5*; Кадырбаев М. К., 1966. С. 395].

Бронзовая подвеска в одном из уздечных наборов (Тасмола I) отлита в виде уплощенной головы лося (табл. 54, *9*).

У скульптурки характерный нос с горбинкой, нависающий надо лбом отросток рога и круглый глаз с обведенным зрачком. Под ухом сделано отверстие для подвешивания.

Исключительный интерес представляет застежка из рога марала (Тасмола V, курган 3), вырезанная в виде сильно стилизованной головы хищной птицы (табл. 54, *8*). На лицевой стороне застежки выгравирована многофигурная композиция, центральное место в которой занимает мчащийся кабан. Особенность композиции заключается в стремлении мастера заполнить фигурками всю плоскость, располагая их так, чтобы линия, ограничивающая одно изображение, являлась одновременно и началом другого. Кроме кабана, на пряжке изображены головы трех козлов, волка и, очевидно, оленя. Каждое изображение в отдельности реалистично, но вся композиция расшифровке не поддается. Сходный композиционный прием использован при создании многофигурного изображения на роговом гребне VII—VI вв. до н. э. из могильника Хемчик-Бом III в Туве. Композиция близка тасмолинской и по стилистической трактовке отдельных фигур [Грач А. Д., 1980. С. 78. Рис. 110, *1*].

Не менее выразительна среди предметов тасмолинского звериного стиля пронизь из рога марала в виде свернувшегося кабана (Нурманбет II, курган 3; табл. 54, *10*). Обращает на себя внимание реалистически выполненная крупная голова зверя в сочетании с небольшим, сильно изогнутым туловищем и поджатой к нижней челюсти левой задней ногой. В диспропорции между головой и туловищем видно стремление мастера подчеркнуть в животном главное — могучую голову с клыками. Выделение в ущерб другим характернейших частей животного или птицы — одна из особенностей скифо-сакского звериного стиля.

Кошачьи хищники представлены четырьмя золотыми тисненными фигурками. Одна из них служила налобником конского оголовья и имела на обороте петельки (Тасмола V, курган 3; табл. 54, *4*), остальные были украшениями одежды (Тасмола V, курганы 4 и 6; табл. 54, *3*, *5*, *6*). Хищники, по-видимому тигры, изображены стоящими с повернутой вправо головой. На фигурках четко проработаны глаза в виде двойных колец, когти и длинный хвост, загнутый на конце в спираль. У трех фигурок заметна некоторая небрежность в изготовлении. Очень близки тасмолинским фигуркам золотые бляшки из могильника

Тагискен [Толстов С. П., Итина М. А., 1966. Рис. 17, *3*].

Мотив хищной птицы мало распространен в искусстве Центрального Казахстана. Особый интерес вызывает бронзовая ажурная поясная накладка (Нурманбет I, курган 2; табл. 54, *7*). В центре ее помещена рельефная стилизованная фигурка птицы с закинутой назад головой на длинной шее. Клюв касается спины, круглый глаз с отверстием посредине выступает за пределы головы. По бокам накладки помещены парные птичьи головы, выполненные в той же манере.

Предметов звериного стиля, относящихся к V—III вв. до н. э., очень немного. Один из них — навершие костяной шпильки (Карамурун I, курган 4), представляющее собой сильно стилизованную голову хищной птицы, от которой оставлены только круглый глаз и загнутый клюв. На плоской стороне навершия врезной точкой обозначен зрачок, обведенный двумя также врезными линиями, которые продолжаются на клюве (табл. 53, *6*).

Очень интересны составлявшие гарнитур ручка зеркала и бляшка (Карамурун I, курган 10), на которых помещены повернутые в противоположные стороны головы двух козлов (табл. 53, *13*, *13а*). К сожалению, изображения нечеткие из-за плохого качества литья и стертости от употребления. Наибольшую рельефность сохранили закрученные книзу рога и одна из голов. Узкие морды животных с острыми ушами опущены вниз, глаз заметен только на одной из голов бляшки. Особого внимания заслуживает прямоугольная пряжка со скругленными углами (9× ×4 см) и двумя круглыми отверстиями для крепления на ремне (противоположная сторона обломана). На пряжке изображена сцена борьбы кошачьего хищника и верблюда (табл. 54, *1*). Хищник, очевидно, напал первым и схватил верблюда за передний горб, верблюд в свою очередь держит хищника за заднюю лапу. Прямых аналогий этой пряжке или бляхе нет. Наиболее близки к ней в композиционном отношении некоторые бляхи из Сибирской коллекции Петра I. Объединяет их и одна стилистическая деталь. У всех верблюдов Сибирской коллекции четко выражены подшейные гривки. На карамурунской пряжке эта деталь подчеркнута насечками, сделанными после отливки.

Особую категорию в изобразительном искусстве племен Центрального Казахстана периода раннего железа составляют петроглифы. Наскальные изображения открыты в окрестностях Улутауских гор, в горах Калымак-Крылган, на правобережье р. Сарысу, в горах Абралы, Шунак, Дегелен, в верховье Нуры и среднем течении Оленты, в Баянаульских горах, Прибалхашье и других районах северной Бетпак-Далы.

Большинство изображений выбито на гладких каменных обнажениях. Это разнообразные фигуры людей, домашних и диких животных. Иногда они образуют композиционно сложные сцены охоты, боя лучников, караваны верблюдов и т. д. [История Казахской ССР. Т. 1. С. 241; Кадырбаев М. К., Марьяшев А. Н., 1977].

Хозяйство. Основой хозяйственной деятельности населения обширных евразийских пространств в скифо-сакское время становится скотоводство в различных формах. Степи Центрального Казахстана в сочетании с пересеченным рельефом мелкосопочника, позволяющего укрывать в долинах скот от непогоды, хорошие источники воды и неглубокий снежный покров зимой — все это создавало благоприятные условия для развития кочевого скотоводства, базировавшегося на круглогодичном кочевании населения со своими стадами. Полученный при раскопках остеологический материал подкрепляет такое заключение. В многочисленных курганах найдены кости лошадей и баранов — сочетание, характерное для состава стада при кочевом скотоводстве. Изучение костей животных показало, что лошади, столь необходимые в жизни кочевников — воинов и скотоводов, были двух типов. Преобладали табунные лошади, низкорослые, толстоногие, с массивной головой. Они близки к степной казахской лошади типа джабе [Барминцев Ю. Н., 1958. С. 84]. В богатых тасмолинских погребениях встречен и высокорослый тип верхового коня [Кадырбаев М. К., 1966. С. 412, определение В. Ф. Матвиенко]. Хорошие верховые лошади высоко ценились кочевниками, были личной собственностью знатных воинов и сопровождали своего хозяина после смерти.

Основным направлением скотоводства было овцеводство. От овец получали не только мясо, но и молоко, шерсть, шкуры. Разводили курдючных овец, близких к современной казахской породе, обладавших хорошими мясо-сальными качествами, значительной молочностью и стойкостью к достаточно суровым климатическим условиям [Боголюбский С. Н., 1959. С. 150, 151]. В составе стада были, очевидно, и верблюды, о чем свидетельствуют многочисленные наскальные изображения этих животных.

Одним из подсобных промыслов населения Центрального Казахстана была охота. Из рогов оленя сделаны отдельные предметы конской сбруи и принадлежности одежды. Образы диких зверей — обитателей гор, степей и приречных зарослей — нашли отражение в искусстве.

Разнообразные изделия из бронзы, железа, золота, камня, кости и рога свидетельствуют о высоком уровне металлургического производства, ювелирного, камнерезного и косторезного искусств у центральноказахстанских племен периода раннего железа.

Литейное производство было унаследовано от предшествующей эпохи бронзы и достигло высокого уровня. Сырье для него поступало из дошедших до нас горных разработок меди в северном Прибалхашье и многочисленных месторождений джезказганской рудной зоны. Следы разработки меди засвидетельствованы также в верховьях Нуры, на р. Атасу, в баянаульских и каракаралинских степях, в горах Улутау и Имантау. Выработки олова найдены на р. Ишим, в горах Кокчетау и северных районах Бетпак-Далы. Данные спектрального анализа изделий из могильников Тасмола и Котанэмень показали, что медь в них происходит из Саякского меднорудного центра северного Прибалхашья, а олово, по-видимому, получено из калбинских месторождений. Для отливки бронзовых предметов использовались глиняные, металлические и, значительно реже, каменные формы. При изготовлении наконечников стрел, ножей, кинжалов и других несложных для

литья предметов применялись двух- и трехсоставные литейные формы. Сложные по устройству глиняные литейные формы использовались при отливке удил. После отливки их разбивали, и поэтому каждый экземпляр удил всегда индивидуален. В двустворчатых каменных формах в два приема отлиты скульптуры козлов (Тасмола V, курган 2). Колокольчики из того же кургана отлиты методом утраченной модели. Некоторые предметы звериного стиля, в частности, поясную пряжку из кургана 1 могильника Карамурун II (табл. 54, *1*), отливали в двустворчатых формах по готовому оригиналу. Изображение при этом получали путем оттискивания на матрице выпуклой, а на патрице — вогнутой стороны, после чего в соединенные створки заливали металл. После извлечения из формы почти все изделия подвергались дополнительной обработке — подправке, заточке.

Немногочисленные изделия из железа появляются уже в погребениях VII—VI вв. до н. э. Это ножи, псалии и уздечные бляшки. Позже, в V—III вв. до н. э., из железа стали делать кинжалы, мечи, в конской сбруе — удила. В конце второго этапа бронзовые наконечники стрел были вытеснены железными. В кургане 3 могильника Тасмола V (VII—VI вв. до н. э.) найдены железные псалии, пронизи для перекрещивающихся ремней конского оголовья и другие предметы уздечного набора, инкрустированные фигурными золотыми полосками толщиной до 1 мм [Кадырбаев М. К., 1966. С. 427. Рис. 66, *32*; 71; 72]. При их изготовлении на внешней поверхности предмета выбивали узор, в который вставляли фигурно вырезанные золотые полоски и затем вбивали их молоточком (табл. 54, *2*).

Золотых ювелирных изделий известно немного. Среди них четыре фигурки хищников. Для их изготовления использовались деревянные матрицы, вырезанные в виде барельефной фигурки животного. На матрицу накладывали золотой лист толщиной 0,1—0,3 мм и затем выдавливали изображение. Основными районами добычи золота были месторождения районов Степняка, Бестюбе, Майкалы, Жосалы.

Широкое распространение получило в рассматриваемое время камнерезное и косторезное искусство. Оселки и каменные жертвенники являются наиболее частыми предметами погребального инвентаря. Камнерезы хорошо владели техникой одно- и двустороннего сверления и шлифовки абразивных материалов. При подборке материала для изделия они обнаруживали несомненный вкус.

Изделия из рога и кости встречаются в погребениях значительно реже и не отражают полностью всего многообразия форм косторезного искусства. Тем не менее они позволяют судить о степени его развития. Материалом служили трубчатые кости лошадей, баранов и маралов, рога маралов и диких коз. Из рога и кости сделаны наконечники стрел, псалии, пронизи, проколки, пряжки и застежки. При изготовлении различных украшений использовались острорежущие металлические орудия, следы которых уничтожались тщательной шлифовкой. Тонкой работой отличается застежка (табл. 54, *8*), сделанная из наиболее широкой части рога марала. На его отшлифованной поверхности мастер вначале намечал контур животных, а затем с обеих сторон контурной линии вырезал рисунок до глубины 1—1,5 мм. О высоком мастерстве человека, создавшего пряжку, свидетельствуют система расположения фигур, точность и лаконизм в передаче образов животных. Образцом косторезного искусства может служить и роговая подвеска в виде свернувшегося кабана (табл. 54, *10*).

Общественный строй и религиозные представления. Переход к кочевому скотоводству повлек за собой изменения в социальных отношениях и социальной структуре общества. Прогрессивные сдвиги в экономике привели к быстрому росту прибавочного продукта, а вместе с ним к возникновению имущественного неравенства и накоплению больших ценностей в руках отдельных семей и семейных общин. Археологически этот процесс выразился в смене больших родовых кладбищ эпохи бронзы небольшими курганными группами — погребальными комплексами семейной общины. Почти обязательной принадлежностью могильников становятся комплексы курганов с каменными грядами, которые по трудности создания и богатству захоронений могли быть только погребениями общинной или племенной знати. В VII—VI вв. до н. э. появляются захоронения, которые по богатству инвентаря и размерам могил превосходят остальные погребения. Примером могут служить курганные группы в могильнике Тасмола, где с погребенными был положен богатый инвентарь, отрубленные головы взнузданных коней и головы баранов. Число конских голов доходило до семи, среди них были головы рослых высокопородных коней. О глубокой социальной и имущественной дифференциации внутри семейных общин свидетельствуют погребения в том же могильнике, сопровождаемые очень бедным инвентарем.

Концентрация на небольшой территории нескольких богатых могильников позволяет предположить, что в этот период некоторые племена стали превосходить остальные экономической и военной силой, и это позволило им занять ведущее положение среди центральноказахстанских кочевников.

Материалы раскопанных погребений дают возможность составить известное суждение о верованиях и культах скотоводов Центрального Казахстана. Характер исследованных памятников прежде всего выявляет следы культов, связанных с почитанием умерших и духов предков. В основе этих культов лежит вера в существование потустороннего мира, где умершие продолжают свою земную жизнь. Исходя из этого, покойников хоронили в тщательно перекрытом загробном жилище, оставляя с ними оружие, украшения, бытовой инвентарь, предметы культового назначения, иногда и пищу в виде части тушки барана. Полагая, что и после смерти они остаются скотоводами и всадниками, клали в могилу головы коней и баранов.

Имеются археологические свидетельства о распространении культа огня, который прослеживается здесь еще в эпоху бронзы и свойствен большинству скотоводческих племен Евразии в скифское время. С культом огня и домашнего очага, хранительницами и жрицами которого были женщины, связаны находки в их погребениях каменных жертвенников. В верованиях центральноказахстанских племен про

слеживается двойственное отношение к покойнику. Его почитали, но в то же время боялись возвращения души умершего. Огонь в последнем случае выполнял оградительные функции. С этой целью погребение окружали кострами (могильник Кара-оба), с очистительной силой огня связано сожжение перекрытий могил (Жол-Кудук) или разведение огня на каменном перекрытии (Тасмола V, курган 6).

В курганах с каменными грядами М. К. Кадырбаев видит отражение солярного культа. Исходя из сообщения Геродота о том, что массагеты из богов почитают только солнце, которому приносят в жертву лошадей, он находит в курганах с каменными грядами все атрибуты этого культа: коня под насыпью «малого» кургана как жертву солнцу и каменные гряды, обращенные «входом» на восток [Кадырбаев М. К., 1966. С. 431, 432].

Итак, многочисленные и разнообразные археологические материалы позволили выделить на территории Центрального Казахстана в период раннего железа своеобразную культуру сакского типа, близкую восточноказахстанским, алтайско-сибирским и восточноприаральским памятникам того же времени. Формирование ее происходило на основе андроновской культуры эпохи бронзы, создавшей предпосылки для экономического, социального и культурного развития. Антропологический материал подтверждает эти заключения. О. Исмагулов, исследовавший краниологическую серию из погребений Центрального Казахстана, пришел к выводу, что в основе антропологического типа племен тасмолинской культуры лежит тип, характерный для андроновского времени, подвергшийся грацилизации. Незначительная монголоидная примесь отмечена только на одном черепе (Тасмола I, курган 19). Таким образом, наблюдается и антропологическая преемственность между племенами тасмолинской культуры и андроновскими местными племенами. Важно также заключение о наибольшем морфологическом сходстве исследуемой серии с серией черепов из Восточного Казахстана и Алтая. И наконец, существен вывод, что погребенные в курганах с каменными грядами не отличаются какими-либо особыми антропологическими вариациями, составляя с остальным населением единую этническую группу.

Своеобразие тасмолинской культуры позволяет рассматривать ее носителей как одну из групп сакских племен, обитавших в Центральном Казахстане в VII—III вв. до н. э. Вопрос об отождествлении этнических групп, установленных по археологическим материалам, с племенами, названия которых приведены в античных письменных источниках, и об их локализации давно занимает внимание исследователей. М. К. Кадырбаев на основании сообщений античных авторов о расселении племен пришел к заключению, что с Центральным Казахстаном можно связывать три племенных названия: агриппеев — в северо-западной части, исседонов — в центральной и аримаспов — в восточной [Кадырбаев М. К., 1966. С. 408].

Ранние кочевники Восточного Казахстана

В физико-географическом отношении Восточный Казахстан (Восточно-Казахстанская обл. и часть Семипалатинской обл. Казахской ССР) состоит из трех частей: 1) степные районы долины Иртыша; 2) горные районы в верховьях Бухтармы, входящие в состав Алтайской ландшафтной области [1]; 3) долины хребтов Саур и Тарбагатай. Последний район принадлежит системе гор юго-востока и востока Средней Азии, связывающей Саяно-Алтай и Центральную Азию с Семиречьем и Средней Азией [Гвоздецкий Н. А., Михайлов Н. И., 1978].

Изучение этих регионов начинается с XVIII в. благодаря деятельности ученых-путешественников, исследовавших Сибирь (Д. Г. Мессершмидт, Г. Ф. Миллер, И. Г. Гмелин, позже П. К. Фролов и др.). Основная работа их была направлена на описание и собирание различных древностей. Первые археологические раскопки связаны с именем В. В. Радлова (Берель и др.), который по своим исследованиям в Саяно-Алтае попытался создать первую схематическую периодизацию древних памятников (были выделены памятники железного века).

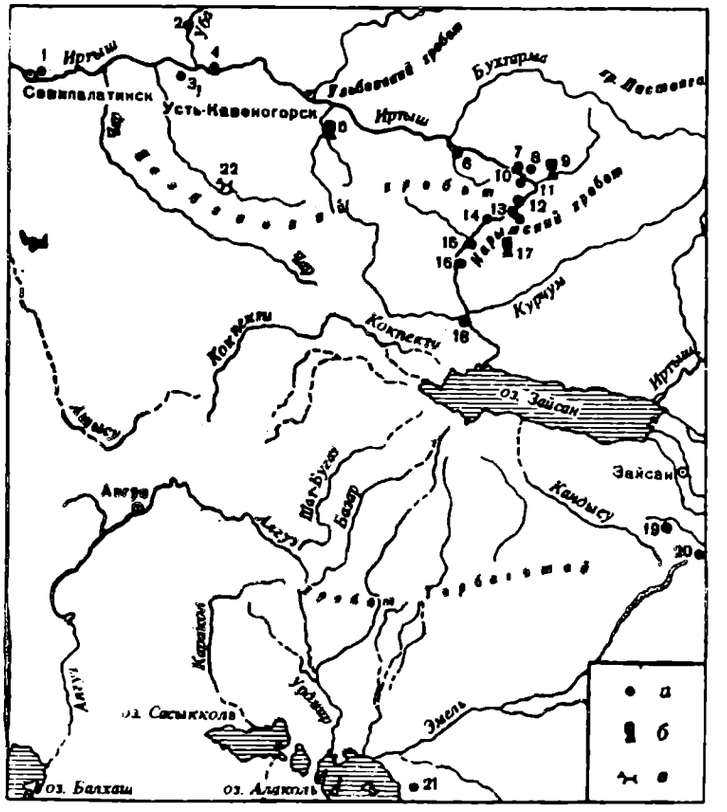
А. В. Адрианов в 1911 г. раскопал несколько курганов в верховьях Бухтармы (майэмирские памятники), что позволило наметить ранние этапы культуры ранних кочевников этого региона. Эпизодические раскопки проводили и другие ученые.

В советское время, с 1935 г. и в течение почти 40 лет, исследование различных археологических памятников долины Иртыша и Тарбагатая проводил С. С. Черников. Большое внимание он уделял и памятникам ранних кочевников. Всестороннее изучение материалов Восточноказахстанской экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР дало возможность выявить особенности кочевых обществ региона, наметить локальные и хронологические группы памятников. На основе этих работ была составлена археологическая карта Восточного Казахстана [Черников С. С., 1960б]. Несмотря на сотни исследованных могильников, многие долины и участки не изучены в достаточной степени и по сей день. В районе Тарбагатая раскопки проводились только в двух пунктах: Чиликтинской долине (могильники Чиликтинский и Чаган-Обо) и котловине оз. Ала-Куль (карта 6). Исследование Чиликтинской долины С. С. Черников начал в 1949 г. и проводил вплоть до 1971 г. Здесь он раскопал серию богатых захоронений кочевой знати, давших значительный материал по культуре и искусству скифского периода. В этом же районе работала Семиреченская экспедиция Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР под руководством Г. А. Кушаева. Исследовались погребальные памятники в долинах рек Лепса, Аягуз и в Алакульской впадине, однако по ранним кочевникам опубликова-

[1] Горные районы верховьев Бухтармы в географическом и историческом отношении входят в состав западного Алтая и, следовательно, рассматриваются вместе с другими районами Алтая.

на лишь небольшая часть материалов [Кушаев Г. А., 1968]. В долине Иртыша, интенсивное изучение которой также связано с именем С. С. Черникова, исследованы не только раннескифские могильники (Славянка, Юпитер), но и комплексы второй половины I тысячелетия до н. э. (Кызыл-Ту, Кула-Журга, Тускаин, Баты и т. д.), содержавшие разнообразный материал для характеристики культуры региона.

Свои многолетние исследования по ранним кочевникам С. С. Черников обобщил в рукописи «Ранние кочевники Восточного Казахстана», законченной в 1972 г. (хранится в архиве Ленинградского отделения Института археологии АН СССР). В работе собраны описания могильников и проанализированы вопросы хронологии и периодизации культуры кочевников I тысячелетия до н. э. Восточного Казахстана. С. С. Черников отметил неравномерность исследования региона, особенно памятников южной группы (район Тарбагатая), где практически выделены только курганы VII—V вв. до н. э., а остальные хронологические периоды пока не представлены. Напротив, широкий хронологический диапазон погребальных памятников северной группы (долина Иртыша) позволил С. С. Черникову разделить их на три хронологических этапа. Учитывая новые материалы других территорий, в частности кургана Аржан, С. С. Черников считал возможным отнести начало эпохи ранних кочевников к VIII в. до н. э. Предложенная им периодизация выглядит следующим образом: 1) VIII—VII вв. до н. э.— памятники майэмирского типа (Славянка, курган 19; Юпитер, курган 1; Канай, курган 7 и др.); 2) VI—IV вв. до н. э.— памятники пазырыкского типа (Мало-Красноярка; Кызыл-Ту, курганы 2, 4 и др.); 3) III—I вв. до н. э.— памятники кулажургинской культуры (Славянка; Баты; Кула-Журга; Тускаин и др.). Последнюю группу памятников он разделил, на наш взгляд, несколько преждевременно, еще на три этапа.

Карта 6. Памятники ранних кочевников Восточного Казахстана

1 — Семипалатинск; *2* — Камышинка; *3* — Измайловка; *4* — Зевакино; *5* — Ленинка; *6* — Тускаин; *7* — Мало-Красноярка (у парома); *8* — Мало-Красноярка (на андроновском поселении); *9* — Кок-Терек; *10* — Юпитер; *11* — Чистый яр; *12* — Канай; *13* — Кула-Журга; *14* — Баты; *15* — Славянка; *16* — Кызыл-Ту; *17* — Чердояк; *18* — Усть-Буконь; *19* — Чиликта; *20* — Чаган-Обо; *21* — Джар-Булак; *22* — Тамураши; *а* — курганы; *б* — находки котлов; *в* — петроглифы

Главные положения этой рукописи в уточненном виде вошли в последнюю печатную работу С. С. Черникова [1975б], посвященную проблемам хронологии и локальной специфики групп памятников. Здесь все исследованные погребальные комплексы он подразделил на два больших хронологических периода: VII—IV вв. до н. э. и III в. до н. э.— I в. н. э., т. е. объединил два первых периода, но убрал VIII век до н. э. и расширил последний период, кулажургинский. Территориальное разделение памятников на две группы было полностью подтверждено. Это группы северная — памятники долины Иртыша, тяготеющие в культурном отношении к алтайским, и южная — район оз. Зайсан и хребта Тарбагатай, археологические материалы которой наиболее близки среднеазиатским. Уровень археологической изученности не позволяет достоверно провести границу между этими территориальными группами, только предположительно можно наметить ее по линии Аягуз — оз. Зайсан (карта 6).

Археологические исследования С. С. Черникова в долине Иртыша были продолжены в 60—70-е годы экспедицией Усть-Каменогорского педагогического института, руководимой Ф. Х. Арслановой [Арсланова Ф. Х., 1962; 1969; 1972а; 1972б; 1974; 1975]. В 1977 г. развернулись работы археологической экспедиции Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР в зоне строительства Шульбинской ГЭС [Акишев А. К., Алпысбаев Х. А., Максимова А. Г., 1978; Трифонов Ю. И., 1981; 1985; Ахинжанов С. М., 1983; 1985; Ермолаева А. С., 1983; 1985; Самашев З. С., 1981; 1983; Самашев З. С., Боковенко Н. А., 1985], позволившие значительно увеличить источниковедческую базу по культуре ранних кочевников Восточного Казахстана, в частности по кулажургинской культуре [Арсланова Ф. Х., Самашев З. С., 1985]. Развернула работу по изучению края экспедиция Восточноказахстанского областного музея [Арсланова Ф. Х., 1981; 1983; 1986; Самашев З. С., Кущ Г. А., 1985], исследовавшая интересные погребальные памятники в долине Иртыша.

Последняя обобщающая работа по ранним кочевникам Восточного Казахстана — раздел в «Истории Казахской ССР» [1977] — принадлежит М. К. Кадырбаеву. Он также рассматривает восточную часть Казахстана как отдельную область, но отмечает при этом, что население северных горных районов испытывало воздействие соседних алтайских племен, а южных — тяготело к Семиречью. Несмотря на это, история развития культуры кочевников Восточного Казахстана излагается в целом. Особо выделяются

горные районы в верховьях Бухтармы, неразрывно связанные с Алтаем. К Восточному Казахстану М. К. Кадырбаев относит еще один, четвертый, район — Павлодарское Прииртышье, отмечая близкое сходство его с Западной Сибирью.

В написанном М. К. Кадырбаевым разделе «Истории Казахской ССР» использована алтайская периодизация, и первых два этапа — майэмирский VII—VI вв. до н. э. и берельский (или пазырыкский на Алтае) V—IV вв. до н. э.— охарактеризованы главным образом по алтайским материалам. С территории Восточного Казахстана для характеристики первого этапа привлечен Чиликтинский могильник, для второго — могильник Усть-Буконь, третий, кулажургинский, этап III—I вв. до н. э. выделен по памятникам Восточного Казахстана, изученным С. С. Черниковым. Работа М. К. Кадырбаева дает общее представление о главных этапах культуры ранних кочевников региона, хотя и не исчерпывает всех известных памятников. Периодизации, предложенные С. С. Черниковым и М. К. Кадырбаевым, в основном совпадают, отличаясь в незначительных деталях. В последней отмечается большая близость памятников Восточного Казахстана к Алтаю. В дальнейшем изложении мы анализируем только памятники Тарбагатая и долины Иртыша, поскольку горные районы и Павлодарское Прииртышье связаны с другими культурами.

Учитывая существующие периодизации, а также новый археологический материал, в том числе особенности погребального обряда, конструкции курганов и вещевой комплекс, наиболее реальным представляется выделение трех последовательных этапов.

Этап I — начальный (зевакинско-чиликтинский) — датируется VIII — началом VI в. до н. э. Возможно, его нижняя дата «удревнится» до IX в. до н. э., принимая во внимание синхронные раннекочевнические комплексы Алтая типа Курту II (IX—VIII вв. до н. э.) [Сорокин С. С., 1966а. С. 47]. Возможность отнесения ряда памятников скифского облика к столь раннему времени и обоснование этой даты уже обсуждались в литературе при анализе материала соседних территорий [Акишев К. А., Акишев А. К., 1978. С. 50; Грязнов М. П., 1983а. С. 3—18]. Не исключено, что при детальном исследовании зевакинских или измайловских комплексов VIII—VII вв. до н. э. часть из них на основе типологического анализа и методов дендрохронологического и радиоуглеродного датирования можно будет отнести и к более раннему времени. Но пока еще нет достаточно объективных данных для окончательного решения вопроса о столь ранней датировке раннекочевнических памятников Восточного Казахстана.

Этап II — средний (буконьский) — датируется концом VI—IV в. до н. э. на основе представительных аналогий с материалами пазырыкской эпохи Алтая.

Этап III — поздний (кулажургинский) — датируется III в. до н. э.— I в. н. э. Правда, и здесь хронология памятников может уточняться по мере накопления новых материалов.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД. Погребальный обряд ранних кочевников Восточного Казахстана, генетически связанный с культурами периода поздней бронзы, на этапе I претерпел существенные изменения и со временем приобрел локальную специфику. В основном это подкурганные захоронения различных размеров, расположенные в пределах могильников эпохи бронзы или формирующие собственные цепочки курганов, как правило, в центральной части долин.

Курганы южной группы памятников (Чиликтинские) характеризуются следующими чертами. Курганные насыпи (диаметр 20—100 м, высота 8—10 м) сложены из земли и мелкого щебня, внутри — из слоев битой глины и дерна. Поверхность облицована крупными гальками, часто светлого тона. В основании насыпи — ограда из крупных камней (табл. 55, *4*). Могильные квадратные ямы неглубоки (0,6—1,3 м), имеют с восточной стороны дромос (ширина до 2 м), выходящий на поверхность. Яма и дромос перекрыты деревянными бревнами и поверх них — камнями (табл. 55, *5*). В одном случае (Чиликта, курган 5) в могильной яме сооружены клеть и пол из толстых досок, но, видимо, чаще дно устилали войлоком или коврами. В некоторых курганах тот или иной из перечисленных признаков отсутствует, что, однако, не дает права относить их к иной культуре. Почти все могилы ограблены, поэтому ориентировка погребенных определяется предположительно — головой на запад. Усопших укладывали в одеждах на подстилки (войлок и т. д.). Одежды были украшены всевозможными бляшками, нашивными золотыми дисками, бисером. Мужчинам клали оружие (лук, колчан со стрелами, кинжал, нож). Захоронения лошадей и заупокойная пища в сосудах пока не выявлены, в единичных случаях найдены остатки мясной пищи (кости барана). Наиболее богатым, с пышным сопроводительным инвентарем, оказался в Чиликте курган 5, так называемый Золотой. Хотя могила ограблена, в ней сохранились остатки кожаного колчана с 13 бронзовыми наконечниками стрел и разнообразные нашивные золотые бляшки (более 500), украшавшие различные предметы и одежду. Датировка кургана установлена по ранним формам втульчатых ромбических наконечников стрел и характерным изделиям раннескифского звериного стиля. Дата, предложенная С. С. Черниковым,— VII—VI вв. до н. э.— пока не вызывает возражений. Аналогичные курганные насыпи, вымощенные сверху крупной галькой светлых тонов, прослежены и в могильнике Чаган-Обо (табл. 55, *1*), хотя подкурганные сооружения свидетельствуют в пользу ритуального характера этих памятников. Под одним из курганов, на уровне древнего горизонта, выявлены остатки сожжения (уголь, обугленные бревна, шлак, кости животных), а рядом с неглубокой ямой встречены наконечники стрел, каменный оселок, кремневый отщеп.

В долине Алакуль прослежены могилы, представляющие еще один вариант погребального обряда южной группы памятников,— это захоронения в подбоях (могильники Арасан I, II и Джарбулак). Погребенных в подбоях укладывали в вытянутом положении, головой на запад, а вход заставляли плитами (табл. 55, *6*). В могилу клали зеркало, нож, оселок, различные поделки из кости и украшения. Алакульские подбои — одни из наиболее ранних сооружений такого рода. Подобные захоронения сакского вре-

мени известны в соседнем Семиречье (Джамбульская обл.) [Максимова А. Г., 1969] и Центральном Казахстане [Кадырбаев М. К., 1966].

Исключительно большие размеры курганов Чиликтинской долины, в сооружении которых должно было участвовать большое количество людей, богатство сопровождающего инвентаря — все указывает на высокое социальное положение погребенных. Возможно, что в этих курганах были захоронены представители племенной верхушки, а быть может, и сами вожди племени.

Долины с монументальными погребальными сооружениями наиболее знатных представителей общества известны и на других территориях: Пазырыкская — на Алтае, Уюкская — в Туве, Салбыкская — в Хакасии и т. д. Курганы Чиликты более скромны, чем «царские» погребения Иссыка и Бесшатыра в Семиречье с их сложными деревянными постройками. Так же, как в курганах Семиречья, в Чиликте не обнаружены захоронения коней и нет гробов-колод. Погребенные южной группы, как правило, европеоиды, хотя у некоторых из них прослеживается монголоидная примесь [Гинзбург В. В., 1956; 1961]. Можно полагать, что кочевники Тарбагатая входили в состав сакских племен, так же как и племена соседнего Семиречья.

Погребальные сооружения начального этапа (VIII — начало VI в. до н. э.) в долине Иртыша имеют форму небольших округлых и прямоугольных оград, сложенных из различного камня (Зевакино; Когалы I; Юпитер, курган 1; Славянка, курган 19; Канай, курган 7 и др.). Захоронения совершались либо на уровне древнего горизонта (в Зевакинском могильнике — в основном дети), либо, в большинстве случаев,— в неглубоких (до 1,2 м) грунтовых ямах овальной или прямоугольной формы. В Зевакинском могильнике преобладают одиночные захоронения в скорченном положении, чаще на правом боку, реже — на левом, головой на юго-запад и юг. Иногда встречаются коллективные захоронения двух-трех человек (табл. 55, *2*). В некоторых могилах найдены остатки сопроводительной пищи — кости лошади и овцы. В большинстве могил погребальный инвентарь не обнаружен, хотя не исключено, что он был из органических материалов и просто не сохранился. В остальных случаях погребенным положены сосуды, ножи, единичные поделки из бронзы, кости и камня [Арсланова Ф. Х., 1974. С. 51—60]. Особенность зевакинских могил заключается в сохранении оградок ранних форм, типичных для периода поздней бронзы, скорченного положения погребенных и южной ориентировки, а также посуды андроновского облика. Однако сопровождающий инвентарь (ножи, аргиллитовые застежки, украшения) уже раннескифских форм. Аналогичная ситуация прослеживается и в могильнике Измайловка, где посуда позднеандроновского облика сочетается в одном комплексе с бронзовым набором раннекочевнической сбруи [Ермолаева А. С., 1983. С. 437, 438].

Погребальный обряд этих памятников предусматривал положение конской сбруи на горизонте, в пределах ограды, недалеко от могилы погребенного. Скорее всего к этому же типу обряда относится и «клад» бронзовых предметов, составляющих полный комплект конской сбруи (табл. 56, *22—30*), найденный у с. Камышинка [Арсланова Ф. Х., 1972б]. По-видимому, памятники типа Камышинки отражают особенности всаднического погребального обряда, генетически связанного с культурами Саяно-Алтая, где для VIII (возможно, и IX) в. до н. э. фиксируется обряд захоронения всадника и уложенного рядом коня (с уздой аржанского типа) на уровне древней дневной поверхности или в неглубокой (15 см) яме (Курту II; Баданка IV). Обряд, подобный обнаруженному в Измайловке, когда погребенному клали около могилы или в ограде только один-два комплекта сбруи, зафиксирован в археологических памятниках того же времени и на соседних территориях — например, в Туве (Алды-Бель, курган 21; Хемчик-Бом III, курган 2; Ортаа-Хем III, курган 11; Баданка IV, курган 15) [Грач А. Д., 1980; Боковенко Н. А., 1986. С. 46—48].

Для начального этапа характерны также захоронения в каменных ящиках (табл. 55, *3*), но с деревянным перекрытием, где умершие обращены головой уже на запад или северо-запад (Юпитер; Славянка; Канай). Мужчинам у левого бедра обычно клали колчан со стрелами, наконечники которых, как правило, разных типов. Сочетание их в одном комплексе позволяет определить дату сооружения курганов [Акишев К. А., 1963; Черников С. С., 1965. Рис. 6, *3—6*; Медведская И. Н., 1972. С. 84, след.].

Средний этап, буконьский (конец VI—IV в. до н. э.), представлен памятниками двух вариантов: пазырыкского типа и собственно буконьского. Для первых (например, Кызыл-Ту) характерны захоронения под каменно-земляными курганами. Погребенные находились в глубоких (до 2,5 м) ямах квадратной формы с округлыми углами. На дне могилы складывали сруб из бревен, вплотную примыкавший к южной стене. Покойники в срубе лежали на спине в вытянутом положении, головой на запад или северо-запад и север. Сопровождающий инвентарь состоял главным образом из предметов вооружения, конского снаряжения и посуды. Между срубом и северной стенкой ямы часто укладывались две лошади, головой на восток; одна из них, как правило, взнуздана и оседлана. Сохранились следы войлочного седла.

Погребальные памятники буконьского типа (могильник Усть-Буконь) представляют собой в основном небольшие (диаметр 8—12 м) курганы с земляной насыпью. Выделяется курган диаметром 80 м, монументальная насыпь которого может свидетельствовать о высоком статусе погребенного. Могильные ямы, как правило, перекрыты бревенчатым накатом из лиственничных бревен, которые держались в некоторых случаях на специальных уступах (табл. 55, *7*).

Погребенные лежат в прямоугольных ямах в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад и север (табл. 55, *8*). Мужчин укладывали с оружием, женщин — с украшениями и посудой.

Антропологические материалы свидетельствуют о разнообразии расового состава буконьских погребенных. Здесь представлены европеоидные переходные типы — от андроновского к типу Среднеазиатского междуречья. Хорошо заметна, особенно у женщин, монголоидная примесь, которая, как полагают антропологи, является результатом механического сме-

шения представителей разных расовых типов того периода.

На небольших материалах основано предположение о близости антропологического типа населения Усть-Букони и Чиликты [Гинзбург В. В., 1961; Гинзбург В. В., Трофимова Т. А., 1972].

Переходя к анализу памятников этапа III, прежде всего отметим, что, как и в других районах евразийских степей, в долине Иртыша на рубеже IV—III вв. до н. э. происходят резкие изменения: меняются формы погребальных сооружений, обряд погребений и облик культуры в целом. Так, в Прииртышье стали преобладать погребения в каменных ящиках. Подобные погребальные сооружения на этой территории существовали еще в конце эпохи бронзы (некоторые курганы Зевакинского могильника; Когалы I) и на этапе I (могильник Юпитер). Поэтому нельзя исключить возможность продолжения этой традиции и в скифское время (этап II), хотя материалов для такого утверждения пока нет. Если характеризуя археологические комплексы двух первых хронологических этапов, мы говорили лишь о памятниках определенного типа, то этап III, представленный значительным количеством погребальных памятников, можно с полным основанием квалифицировать как кулажургинскую археологическую культуру. В качестве культуры рассматривал эти памятники и С. С. Черников.

Все курганы кулажургинской культуры III в. до н. э.— I в. н. э. примерно одинаковы (Кула-Журга; Славянка; Баты; Тускаин и др.). Они невелики (диаметр 5—15 м), с насыпью высотой до 0,6 м и камнями в основании — видимо, остатками разрушившейся круглой оградки. Курганы диаметром около 30 м единичны (Баты; Пчела). Погребения совершены в каменных ящиках из гранита или сланца (табл. 55, *11—14*), такими же плитами перекрыты и грунтовые ямы. Иногда фиксируются небольшие расширения-подбои в головах парных захоронений (Баты, курган 42). Как правило, захоронения одиночные. Погребенных укладывали в вытянутом положении, головой на восток (более ранние) или запад (более поздние) [Черников С. С., 1975б. С. 135]. В некоторых курганах (с каменными ящиками) обнаружены захоронения всадников с конями, но кони уже не оседланы и не взнузданы, как в пазырыкское время (табл. 55, *9*, *10*). В шести случаях вместо целых убитых лошадей в могилу положена только шкура с головой и копытами — своеобразная «тайэлга». Мясо такой лошади скорее всего съедали тут же, на тризне по умершему [Черников С. С., 1972].

Погребальный инвентарь невелик и с течением времени делается все беднее. Чаще всего встречаются кувшинообразные сосуды ручной лепки. Большинство из них не орнаментировано, есть покрытые красной краской, а на плечиках бывает валик с насечками. Фиксируются также остатки деревянных лотков, чашек, каких-то деревянных предметов. Посуду помещали в головах, небольшие деревянные чашки — у пояса. Немногочисленные находки железных орудий труда, главным образом ножей, и оружия говорят о вытеснении бронзы из этих сфер деятельности и замене ее железом. Однако украшения и некоторые предметы туалета по-прежнему делались из бронзы. Мужчинам клали оружие, женщинам — предметы туалета (зеркало, ларчик с красками и т. д.), украшения (золотые серьги (одна — с грушевидной подвеской), восьмеркообразные серьги из тонкого листового золота, цилиндрические и круглые бусы из пасты и стекла). Во многих случаях у головы погребенного клали курдюк (хвостовая часть барана), в двух случаях в сосудах найдены остатки растительной пищи — чешуйки проса [Черников С. С., 1975б. С. 136].

Достаточно компактную группу погребений кулажургинской культуры образуют курганы могильников Кула-Журга, Тускаин и единичные насыпи в могильниках Кызыл-Ту, Юпитер, Мало-Краснояркa. Они занимают значительный (протяженность более 250 км) участок в долине Иртыша, от Букони до Шульбы. Всего в 10 могильниках раскопано более 80 курганов кулажургинской культуры, но ни один могильник не исследован полностью. Основную массу погребений составляют захоронения в каменных ящиках различной конструкции с обычным набором инвентаря и заупокойной пищей (курдюк барана). Для погребений в каменных ящиках характерны преимущественно одиночные и, реже, парные захоронения.

В небольшом количестве и главным образом в Кула-Журге встречены погребения в грунтовых могилах.

Ориентировка погребенных установлена в 40 могилах. Половина из них обращена головой на запад, четвертая часть — на восток, единичные костяки — на северо-запад, юго-восток, северо-восток и север. Изредка при погребении человека есть конское захоронение или вместо него положена шкура коня. Погребальный инвентарь беден и однообразен. Он включает единичные глиняные и деревянные сосуды, железный нож и небольшое количество украшений.

Необычный обряд захоронения выявлен в двух курганах могильника Славянка. Кости человека не лежали в анатомическом порядке, а были разложены кучками, очевидно, уже после того как истлели мягкие ткани. В одном из курганов предумышленно разложены кости двух умерших — например, берцовые положены рядом с бедренными, а локтевые — рядом с плечевыми. В первой могиле в головах стоял хорошо сохранившийся деревянный кувшин с петлевидной ручкой; во второй — два глиняных кувшина, железные ножи, золотые крестовидная бляшка, серьга и листки фольги. Необычное расположение костей умерших в могильнике Славянка находит полное соответствие в погребальной практике на сарагашенском этапе тагарской культуры (Новомихайловский могильник) и у таштыкских племен Енисея. Здесь также имеются примеры, когда кости кучками положены почти в анатомическом порядке, но с некоторыми нарушениями [Вадецкая Э. Б., 1975. С. 177]. На Енисее подобные захоронения обнаружены в грунтовых могилах в низких деревянных срубах, а в Прииртышье — в каменных ящиках. Причины, обусловившие сходство погребального обряда у населения двух областей, пока не выяснены.

В могильнике у с. Пчела на правом берегу Иртыша, к северу от Кула-Журги, из 15 раскопанных

курганов 10 относятся к рассматриваемой культуре. В них 10 захоронений совершены в каменных ящиках (табл. 55, *12—14*). В четырех из них внутри оказались остатки деревянного ящика, а в двух — вероятно, остатки деревянного гроба. Шестеро погребенных обращены головой на запад, четверо — на северо-запад. Погребальный инвентарь беден: один-два глиняных сосуда, курдюк (хвостовые позвонки) барана и железный нож. В одной могиле найдена серьга из серебряной проволоки. Особо отметим курган 15, под насыпью которого находилось два каменных ящика, расположенных рядом и перекрытых одними и теми же плитами.

К рассматриваемому периоду относится также группа курганов в Зевакинском могильнике. В грунтовых могилах умершие положены у южной стенки, а на приступке вдоль северной стенки — захоронение лошади. Ориентировка погребенных восточная.

В могилах найдены глиняные сосуды, курдючные части барана, отдельные предметы быта и украшения. Один из сосудов украшен росписью красной краской [Арсланова Ф. Х., 1969; 1972а]. Материалы эти не опубликованы, поэтому невозможно провести детальное сопоставление. Однако все основные особенности обряда позволяют считать эти памятники вариантом кулажургинской культуры. Курганы, сходные с кулажургинскими, имеются в могильниках Джартас III, Карашат III [Самашев З. С., 1981; Арсланова Ф. Х., Самашев З. С., 1985. С. 29]. В последнем случае отмечено также большое сходство с горноалтайскими памятниками.

Близость культуры кочевников Алтая и Прииртышья выступает особенно наглядно в глиняной посуде — в сходных ее формах и прежде всего в одинаковом способе орнаментации налепными валиками с насечками. На сходство керамики уже обращали внимание [Завитухина М. П., 1966б]. Правда, сосудов с налепными валиками в памятниках Алтая значительно больше и они разнообразнее, чем в Прииртышье. Нам представляется, что сходство кулажургинских памятников с синхронными комплексами соседнего Алтая выступает достаточно определенно и, весьма возможно, объясняется близостью и родством населения. С. С. Черников подчеркивал элементы сходства кулажургинского населения с усунями Семиречья, но в свете новых археологических материалов кажутся более реальными близкие связи населения, оставившего кулажургинскую культуру, с жителями соседнего Алтая.

Что касается происхождения кулажургинских памятников, то следует обратить внимание на сходство их обряда с погребальным обрядом одного из курганов Кызыл-Ту, относящегося к предшествующему этапу V—III вв. до н. э. В этом, более раннем, кургане погребение совершено в низком деревянном срубе, а в северной его части положен верховой конь. В некоторых курганах Кула-Журги совпадают устройство могилы и обряд, но костяк находится в каменном ящике. Весьма возможно, что именно к комплексам типа Кызыл-Ту, имеющим прямые аналогии в памятниках Алтая, и восходят кулажургинские. Кроме того, из общей массы кулажургинских памятников выделяется несколько курганов с захоронением коней. Они, вероятно, являются более ранними (IV—III вв. до н. э.). Большинство же курганов хронологически расчленить нельзя. Все сказанное разрешает, на наш взгляд, высказать предположение об известной генетической преемственности между населением буконьского и кулажургинского этапов.

Население Прииртышья III в. до н. э.— I в. н. э., как и соседних районов Алтая, а также Семиречья, в расовом отношении характеризуется разнородностью, смешением представителей разных антропологических типов. В основе оно было европеоидным.

Появление монголоидной примеси отмечено уже на буконьском этапе. Она несколько усиливается на черепах из погребений кулажургинской культуры. Исследователи отмечают более выраженную монголоидную примесь у женщин [Гинзбург В. В., 1956; Гинзбург В. В., Трофимова Т. А., 1972].

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА. Из-за отсутствия поселенческих комплексов ранних кочевников Восточного Казахстана их культура представлена только вещами из погребений и случайными находками, которые, несмотря на обилие и разнообразие, все же ограничивают возможность полной реконструкции традиционной культуры общества в целом. Мало археологических данных для характеристики жилищ, транспорта, различных ремесел.

Орудия труда. Представлены преимущественно ножами, оселками, шильями. Наиболее ранние (VIII—VI вв. до н. э.) ножи отливались только из бронзы. По форме наверший и очертанию лезвия они делятся на несколько типов. Для начального этапа характерны ножи с кольцевидным, грибовидным, валиковым навершиями, а также с навершием в виде «арки на кронштейне», как правило, с хорошо выделенной широкой и длинной, прямоугольной в сечении рукояткой и широким дугообразным лезвием, сужающимся к концу (табл. 56, *2—6*). Кончик лезвия у этих ножей слегка оттянут. Ножи с зооморфными навершиями, в частности в виде стилизованного кошачьего хищника (Славянка, курган 19), весьма редки и наиболее типичны для культур Саяно-Алтая. Ножи с кольцевидным навершием и прямым длинным лезвием — наиболее распространенный и повсеместно встречающийся тип VI—V вв. до н. э. В то же время начинают появляться и железные ножи, которые позже, в кулажургинской культуре, занимают ведущее место. Оселки для заточки орудий труда и оружия, как правило, вытянутопрямоугольных форм и в верхней части имеют отверстия для подвешивания к поясу (табл. 56, *57*). Известны костяные игольники из трубчатых костей (табл. 56, *43*). Из кости и рога изготовлены различные предметы быта: пряжки, гребни различных форм (табл. 56, *44*), застежки и т. д.

Предметы туалета. Раннескифские зеркала представляли собой круглые диски с высоким бортиком по краю и петлей в центре для подвешивания (табл. 56, *21*). Нерабочая поверхность их в некоторых случаях украшена рельефными изображениями животных, как это можно видеть на великолепном бронзовом зеркале из Усть-Бухтармы [Грязнов М. П., 1947. Рис. 4, *11*] или на измайловском зеркале

(табл. 57, *18*), у которого вместо петельки есть боковая ручка. В VI—IV вв. до н. э. зеркала становятся пластинчатыми, боковые ручки либо отливаются вместе с диском, либо вместо ручки в диске делается отверстие для руки (табл. 56, *40*, *41*). В конце I тысячелетия до н. э. употребляются пластинчатые зеркала овальнозаостренной формы с небольшой петелькой для подвешивания на одном конце (Кула-Журга; табл. 56, *58*).

Оружие и конское снаряжение. Оружие представлено мечами, кинжалами, луками и стрелами. Ранние мечи — длинные с грибовидным навершием и с прямым, четко выделенным перекрестьем (табл. 56, *1*). Типологически они продолжают линию развития кинжалов периода поздней бронзы. Удлинение клинка и обоюдоострость, а также защитное перекрестье обусловлены необходимостью сражаться в конном строю. Со временем этот тип оружия специализируется, клинок уменьшается в размерах, и во второй половине I тысячелетия до н. э. уже характерны акинаки двух типов: с прямым перекрестьем, прорезной ручкой и антенновидным навершием; с бабочковидным перекрестьем и прямым навершием (табл. 56, *31*, *32*, *49*). С этого времени оружие изготавливают уже из железа.

Наконечники стрел находят в колчанах, от которых в большинстве случаев остаются лишь небольшие фрагменты. Колчаны, как правило, кожаные, мехом наружу, укрепленные деревянной основой. Наиболее богатые украшены золотыми бляшками. Количество и состав стрел различны. Выделяется несколько типов наконечников стрел. Ранние бронзовые — двулопастные с листовидным, асимметрично-ромбическим или ромбическим пером и длинной втулкой, которая со временем уменьшается и становится «скрытой». Втулки у некоторых двуперых наконечников снабжены шипом (табл. 56, *15—19*). Происхождение втульчатых двуперых наконечников связывают с андроновской культурой [Оразбаев А. М. 1958]. На раннем этапе появляются также трехперые втульчатые наконечники с трехгранной боевой головкой. Использовались и костяные наконечники стрел — черешковые, ромбические в сечении, иногда со специальным шипом (табл. 56, *20*). С VI в. до н. э. в стрелковом вооружении доминируют железные и костяные трехперые и трехгранные (как втульчатые, так и черешковые) наконечники стрел, более устойчивые в полете (табл. 56, *34—39*). Основные формы всех типов наконечников стрел широко распространены у кочевников Евразии. Сочетание в одном колчане наконечников разных типов, часто из разного материала (металл и кость), вызвано, видимо, их функциональным назначением. Как известно, лук со стрелами использовался у кочевников не только для боевых действий, но и для различных состязаний и охоты.

От конского снаряжения в могилах сохраняются лишь металлические части узды и сбруи: удила, псалии, бляшки ремней, подпружные пряжки примитивного мягкого седла. Узда раннего типа принципиально отличается от узды второй половины I тысячелетия до н. э. системой крепления удил и псалиев. На начальном этапе трехдырчатые псалии крепились к стремевидным удилам наглухо внахлест ремешками [Грязнов М. П., 1983а. Рис. 7, *2*], а примерно с конца VI в. до н. э. двудырчатые псалии уже продевались в кольчатые удила (табл. 56, *8—10*, *22—24*, *59—61*). Правда, последний вариант псалиев зафиксирован в единичном случае и на раннем этапе. Так, в измайловском комплексе есть стремевидные удила с большим дополнительным отверстием, в которое продевались бронзовые двудырчатые псалии [Грязнов М. П., 1947. Рис. 3]. Для раннего времени характерны цилиндрические перекрестники ремней, двойники и раздвоители ремней, нащечные бляхи различных форм, парные подпружные пряжки (одна из них со шпеньком) овальносердцевидной формы (табл. 56, *11—14*, *25—30*). Поздние типы конского снаряжения представлены уздой рядовых кочевников, и поэтому по форме они просты и выполнены из кости (рога): это слегка изогнутые двудырчатые стержневидные псалии и подпружные прямоугольные и пластинчатые пряжки (табл. 56, *59—63*). Не исключено, что в богатых захоронениях узда была значительно наряднее и сложнее.

Керамика, бронзовая и деревянная посуда. В раннекочевнических погребениях (VIII—VI вв. до н. э.) Восточного Казахстана глиняной посуды практически нет. Редкие сосуды, как правило, бывают баночной и горшковидной формы позднеандроновского облика [Арсланова Ф. Х., 1974. С. 51, 57].

Для этого времени наиболее характерны бронзовые котлы, получившие широкое распространение по всем евразийским степям [Боковенко Н. А., 1981а]. В Восточном Казахстане эти большие (высота до 50 см) полусферические сосуды на полой ножке представлены тремя экземплярами, которые различаются формой ручек и орнаментом [Арсланова Ф. Х., Чариков А. А., 1980. С. 147—155]. Выделяются три варианта котлов: с дуговидными ручками (Кок-Терек) и противостоящим солярным орнаментом на тулове; с дуговидными ручками и тремя выступами на них (Чердояк); с кольцевидными ручками (Ленинка). Использовали котлы вместе с жертвенниками для приготовления специальной пищи при различных церемониях, празднествах и обрядах. В этом отношении наиболее показателен бронзовый котел из Кок-Терека. У дна этого котла есть рельефный орнамент в виде расходящихся лучей (табл. 56, *7*). Он аналогичен орнаменту на краснознаменской обойме из Ставрополья, который связан с культовой символикой переднеазиатского круга, в частности, с символикой богини войны и охоты Иштар [Петренко В. Г., 1980. С. 15—19].

Для буконьского этапа характерна посуда ручной лепки различных типов, но большинство составляют кринкообразные формы. Обжиг посуды слабый, поверхность темно-серая, глина в изломе серая. По форме выделяются кринкообразные сосуды с отогнутым наружу венчиком и разной степенью раздутости боков (в единичных случаях есть вертикальные небольшие ручки); небольшие шаровидные сосуды с отверстиями в венчике для подвешивания; плоскодонные сосуды с загнутым внутрь венчиком; котловидные сосуды на поддоне с вертикальными и горизонтальными ручками (табл. 56, *45—48*). Последний тип, несомненно, имитирует бронзовые котлы, которые, видимо, в это время заменяются керамическими. Котловидные сосуды,

как правило, больших размеров (высота до 36 см), почему их и клали в коллективные могилы (Кызыл-Ту, курган 4). Аналогичное явление прослеживается на сарагашенском (IV—III вв. до н. э.) и последующих этапах тагарской культуры в Минусинской котловине, где котловидные сосуды, но меньших размеров, также обнаружены в коллективных могилах. Этот факт может свидетельствовать о проникновении на Енисей культурного импульса из Средней Азии и Казахстана [Боковенко Н. А., Седых В. Н., Красниенко С. В., 1983. С. 81]. В начале I тысячелетия н. э. разнообразные котловидные сосуды широко распространены на тесинском этапе тагарской культуры, в таштыкской [Кызласов Л. Р., 1960] и кокэльской [Вайнштейн С. И., Дьяконова В. П., 1966] культурах Саяно-Алтая. Кулажургинская посуда преимущественно кувшинообразной формы, разной величины и с разной степенью округлости боков (табл. 56, *51—54*). Ее украшают налепные горизонтальные и вертикальные валики с вдавлениями на тулове и шейке сосудов (табл. 56, *53*, *54*). Встречаются шаровидные сосуды, но с вертикальной шейкой (табл. 56, *51*, *52*). Из-за плохого обжига поверхность посуды серая, хотя встречаются экземпляры красноватых оттенков. На некоторых сосудах зафиксированы следы орнамента красной краской (охрой?).

Деревянная посуда представлена кувшинообразными формами с небольшой ручкой на боку, а также низкими подносами прямоугольной формы (табл. 56, *55*, *56*), характерными из-за своей простоты и надежности для широкого круга кочевых культур. Видимо, на них довольно часто клали пищу для усопших, однако сами деревянные подносы в могилах сохраняются редко.

Одежда и украшения. Костюм погребенных мужчин, типичный для кочевников, состоял скорее всего из облегающих тело куртки и штанов. Куртка-кафтан, видимо, была короткой, запахивалась на левую сторону, о чем свидетельствуют трехжелобчатые и круглые застежки, находимые в могилах (табл. 57, *21—24*), а также изображения людей в одежде на бляхах из Сибирской коллекции Петра I и реконструкция иссыкского костюма. По аналогии с находками из алтайских курганов можно предполагать, что головной убор кочевников Восточного Казахстана имел вид остроконечной шапки, а обувь состояла из мягких войлочных чулок. Как и в Семиречье (Иссык), одежду наиболее знатных погребенных украшали многочисленные бляшки, выполненные из тонкого листового золота. Так, чиликтинский костюм был украшен разнообразным бисером, нашивными бляшками с пунсонным орнаментом в виде сегмента, треугольника, ромба или зооморфными (в виде птички, кошачьего хищника, орла, кабана) и полосками золотой фольги [Черников С. С., 1965]. Все эти вещи отличаются высоким художественным мастерством (табл. 57, *2—6*, *12*, *14*, *16*, *17*). Во многих случаях использована техника инкрустации и зерни. В глаза и уши зооморфных фигур, как правило, вставляли бирюзу. Блестящим примером ювелирного искусства служит объемное изображение хищной рыбы (длина 11,2 см), выполненное из золотого листа, инкрустированное бирюзой (глаза, плавники) и украшенное по тулову зернью (табл. 57, *6*). В рядовых курганах костюм погребенных значительно скромнее и лишь иногда украшен отдельными нашивными бляшками в виде животных. С III в. до н. э. зооморфные украшения вообще перестают употребляться в качестве отделки костюма. Их сменяют растительные узоры (например, золотая нашивная бляшка четырехцветкового лотоса из кургана 15 могильника Славянка; табл. 57, *37*).

Кроме украшений одежды, в мужских и женских могилах находят различные серьги, бусы, гривны, нагрудные бляхи. Серьги раннескифского времени сделаны в виде кольца или полукольца из бронзовой или золотой проволоки [Арсланова Ф. Х., 1974. Табл. III]. Скорее всего позже к ним приделывали подвески типа чиликтинских (биконической или пирамидальной формы, украшенные бирюзой; табл. 57, *7*, *8*). В конце I тысячелетия до н. э. появляются серьги восьмеркообразной формы или в виде колечка с небольшой овальной подвеской (табл. 57, *39*). Использовались самые разнообразные бусы — сердоликовые, бирюзовые, стеклянные, бронзовые, золотые, гофрированные и витые (табл. 57, *15*, *27—29*, *31*, *36*). Формы бус также варьируют: дисковидные, цилиндрические, биконические, шаровидные и т. д., что, видимо, свидетельствует о налаженном местном производстве.

Искусство. Произведения искусства ранних кочевников Восточного Казахстана весьма разнообразны. Вплоть до III в. до н. э., в соответствии со сложной системой идеологических представлений, многие вещи украшены изображениями в скифо-сибирском зверином стиле. Выполнялись они силуэтом в плоскостном варианте (аппликации из золотого листа или наскальные изображения), в барельефе и круглой скульптуре, как правило, из металла (бронза и золото). Правда, не исключено, что произведения искусства из органических материалов просто не сохранились. Состав зооморфных изображений обширен — это благородный олень, кабан, кошачий хищник (тигр, барс), птицы (орел) и рыбы (табл. 57, *1—6*, *16—19*, *33—35*). Преобладают изображения оленя и кошачьего хищника. Многочисленные варианты последнего образа (плоскостный, в барельефе и круглой скульптуре), используемого в различных целях (украшение одежды, зеркал, конской сбруи, бронзовых жертвенников), свидетельствуют о большой значимости его в изобразительном искусстве кочевников региона в VIII—IV вв. до н. э. В петроглифах, кроме зооморфных изображений встречаются антропоморфные, часто в составе более сложных сюжетов и композиций (сцены охоты, культовые действия, батальные события). Наиболее интересна динамичная сцена из Сагыр, где два воина дерутся между собой чеканами (табл. 57, *11*) — оружием, совершенно не характерным для этого региона, но типичным для синхронных культур Саяно-Алтая.

Древнее население Восточного Казахстана не было этнически однородным, о чем свидетельствует не только своеобразие археологических материалов северной и южной групп, но и неоднородность антропологических материалов [Кадырбаев М. К., 1977.

С. 255]. Воздействие алтайских племен испытывали, видимо, обитатели предгорной части долины Иртыша. Более южные племена в этнокультурном отношении тяготели к племенам Семиречья. В целом же население Восточного Казахстана, особенно в VIII—IV вв. до н. э., входило в сакский союз родственных племен в широком понимании этого понятия, хотя для более достоверной этнической атрибуции конкретных археологических памятников необходимы специальные исследования.

В письменных сообщениях о походе шаньюя Чжичжы (середина I в. до н. э.) упоминается о народе уге (угие), обитавшем к северу от усуней. Принято локализовать его в Тарбагатае или в долине Иртыша, однако достаточных оснований для этого в источниках нет. С. С. Черников сопоставил сообщение о народе уге с кулажургинскими памятниками [Черников С. С., 1951а; 1975 б; Кадырбаев М. К., 1977]. Но в литературе высказано также предположение, что эти памятники связаны с населением владения Северные Чаши, которое граничило с владениями усуней [Бернштам А. Н., 1951]. Какое из отождествлений справедливо, покажут дальнейшие исследования. Письменные сведения позволяют говорить, что население долины Иртыша и Тарбагатая на рубеже нашей эры было вовлечено в борьбу северных хунну с ханьским Китаем и что на этой территории происходили важные политические события одного из этапов великого переселения народов в степях Евразии.

Заключение

Кочевые и полуоседлые племена раннего железного века не имели своей письменности. Сведения античных, древнеперсидских авторов и китайских хроник достаточно отрывочны и противоречивы. Что касается населения, обитавшего на территории Западной Сибири, Алтая, Тувы, то письменные свидетельства о нем отсутствуют практически полностью. Поэтому археологические материалы становятся подчас единственным источником для реконструкции древней истории этих обществ.

В настоящем томе собраны воедино все археологические данные, касающиеся истории кочевых и полукочевых племен азиатской части степного пояса. Создание подобного труда оказалось возможным только благодаря систематическим и планомерным раскопкам на территории Средней Азии и Сибири, широко развернувшимся с начала 30-х годов, но ставшим особенно интенсивными в послевоенный период. Эти работы дали в руки археологов бесценную источниковедческую базу, послужившую основанием для всестороннего изучения древнего населения степей. Способствовали этому процессу и достижения сопредельных с археологией наук. Изучение этнографами форм хозяйственной деятельности человека и создание концепции хозяйственно-культурных типов явились теоретической основой для выделения общих форм ведения хозяйства (с некоторыми вариациями) всех кочевых и полукочевых племен евразийской степной зоны [Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н., 1955]. Их хозяйственно-культурный тип определяется как кочевое или полукочевое скотоводство, представленное в разных районах различными типами кочевания с круглогодичным или сезонным циклом перекочевок и в зависимости от этого с большей или меньшей оседлостью всего населения или части его.

Исследования антропологов позволили утверждать, что все кочевые и полукочевые племена раннего железного века Средней Азии и Южной Сибири (за исключением населения, оставившего культуру плиточных могил, и хуннов) были европеоидами, относящимися, правда, к разным типам этой расы,— андроновскому, средиземноморскому и типу Среднеазиатского междуречья. Но при этом и в Средней Азии, и в Сибири часть древнего кочевого населения имела определенные монголоидные признаки. Наличие их в сакских сериях Приаралья и Семиречья антропологи относят за счет смешанных браков, предполагая их центральноазиатское происхождение и проникновение со стороны Алтая [Гинзбург В. В., Трофимова Т. А., 1972. С. 118, 119].

Достижения в области лингвистики, палеогеографии и естественных наук, используемые археологами, создали все условия для создания работ обобщающего характера.

Однако и по сей день остается еще немало остродискуссионных проблем, решение которых — дело будущего. Так, отсутствие единства мнений в вопросах выделения и датировки предскифского и раннескифского пластов сказалось и на страницах настоящего тома. К сожалению, нет пока устоявшихся представлений о начале скифского периода, не установлены критерии, по которым различали бы предскифские и раннескифские памятники. Исследователи каждого из противоборствующих направлений считают свою интерпретацию периода IX—VIII вв. до н. э. наиболее аргументированной. Такая ситуация лишь подтверждает ограниченность наших источников и необходимость дальнейших исследований.

Нет согласия в вопросах локализации отдельных сакских племен — саков-тиграхауда, саков-хаумаварга [Литвинский Б. А., 1972б. С. 158—174] и других (дербики, апасиаки, сакараваки и т. д.), а также массагетов и дахов, идентифицируемых с различными археологическими культурами или группами памятников, хотя большинство исследователей признает существование сакской этнической или культурной (что предпочтительнее) общности [Литвинский Б. А., 1980. С. 83; Кадырбаев М. К., 1966. С. 401].

Из-за недостаточности археологического материала, представленного очень скудно, остается практически открытым вопрос о происхождении культур раннего железного века лесостепной зоны Зауралья и Западной Сибири. Периоды формирования качественно новых культур, значительно отличающихся от предшествующих и в материальной, и в духовной сферах, всегда были в истории древних народов наиболее трудно поддающимися изучению. Перемены в хозяйственном укладе и соответственно в образе жизни, нестабильность существования, изменения в идеологических представлениях, отразившиеся в погребальном обряде,— все это, видимо, не способствовало сохранению памятников начальных этапов как лесостепных, так и степных культур.

Однако, не взирая на все эти минусы, массовость археологических источников в сочетании с комплексным их исследованием дает возможность наметить общие и частные пути исторического развития кочевых и полукочевых племен азиатской степной и полупустынной зон. Так, теперешний уровень наших знаний позволяет говорить, что, помимо факта существования в единой экологической нише и рамках одного хозяйственно-культурного типа, близость всех азиатских кочевнических культур связана и с тем, что одним из основных компонентов в формировании каждой из них были племена андроновской культурно-исторической области на ее федоровском этапе. Это заключение в сочетании с этнонимами, известными для ранних кочевников Средней Азии (саки, массагеты, дахи), явилось аргументом для отнесения всего кочевого и полукочевого варварского мира азиатских степей к группе ираноязычных племен. Но если для среднеазиатских кочевников, а также близко связанного с ними населения

Алтая и Тувы подобное утверждение представляется реальным, то для кочевых и полукочевых племен Минусинской котловины его следует рассматривать лишь как одну из возможных рабочих гипотез. Жители лесостепной зоны Зауралья и Западной Сибири относятся, как считают исследователи, к группе угорских народов.

Участие в сложении культур ранних кочевников, кроме андроновского, и других компонентов, которые на разных территориях были различными и зависели от контактов и окружения, создавало специфичность каждого из археологических комплексов. Так, при всей близости культура приаральских кочевников отличается от раннекочевнических культур Семиречья, Тянь-Шаня, Памира, Тувы и Алтая, а также Минусинской котловины. Сходство и в то же время своеобразие всех этих культур особенно наглядно проявились в существовании вариантности «скифской триады» и, в частности, в выделении определенных провинций скифо-сибирского звериного стиля. Ценность и информативность археологических источников все более увеличивается по мере накопления и массового материала, и отдельных находок, а главное — благодаря широкому охвату ранее не изучавшихся территорий. Особенно интенсивными в этом направлении оказались работы в восточном Приаралье, левобережном Хорезме (Присарыкамышская впадина) и на Узбое.

Только исследование именно археологических памятников показало, что реальная картина состава и расселения кочевых скотоводческих племен, характер их хозяйства и взаимоотношений с оседлоземледельческим населением гораздо сложнее, чем это представлялось по письменным источникам. Мирному оседлому населению древние авторы противопоставляли воинственных кочевников-«варваров», все взаимоотношения с которыми сводились к непрерывной борьбе.

В действительности, это были два мира, очень тесно связанных друг с другом и экономически, а нередко и политически, и составлявших некое единство.

Скотоводы-кочевники не менее, чем оседлое население, были заинтересованы в сохранении экономического потенциала земледельцев, поскольку получали от них в обмен (обычно на скот) или в виде дани необходимые им ремесленные изделия. С другой стороны, сами скотоводы-кочевники не составляли однородную массу, а различались степенью подвижности, протяженностью и характером перекочевок, наконец, существованием или отсутствием постоянных мест поселений.

Если говорить о единой периодизации «восточного очага» культур скифо-сибирского мира, то наметить ее можно только в рамках общей периодизации раннего железного века, т. е. скифский период — конец VIII—VII—III вв. до н. э. и сарматский — II в. до н. э.— IV в. н. э. Однако в каждом из крупных регионов, которые здесь рассматривались, не говоря уже об отдельных культурах или группах памятников, эта периодизация получает свои уточнения и детализируется.

Итак, как мы видели, именно археологические исследования и появление массовых археологических источников дали возможность выделить на широких просторах азиатской степной зоны специфические культуры древних кочевников, и только они дают основание дифференцировать хозяйственную деятельность древних кочевников, материальную культуру, связи с окружающим миром и очень далекими областями.

Удалось открыть совершенно особый культурный ареал или, может быть, даже несколько ареалов (время покажет) кочевников на территории от Узбоя до северных границ Устюрта, включая Мангышлак. Со временем эти материалы послужат, очевидно, основой для изучения культуры массагетов, локализуемых большинством исследователей на этой территории. В Присарыкамышской впадине была выявлена новая скотоводческая культура — куюсайская [Вайнберг Б. И., 1979а], представленная поселениями и могильниками, начальная дата которых определяется временем не позднее начала VII в. до н. э. Как показали исследования [Яблонский Л. Т., 1986а], памятники этого типа, несомненно, входят в состав культур сакского круга, оставленных близкородственным населением, фигурирующим в персидских источниках под общим этнонимом саки. Однако происхождение каждой из этих культур и идентификация с более мелкими племенами или союзами племен в составе общего сакского массива отражают локальность каждой из них. Наиболее обоснованным представляется мнение, согласно которому своеобразие куюсайского комплекса связано с наложением на местную сакскую основу пришлых с юга (южная Туркмения и северный Иран) скотоводов-иранцев. Особое положение памятников Присарыкамышской дельты Амударьи связано также и с тем, что в раннем железном веке дельта заселялась вновь после длительного перерыва, а потому может рассматриваться в качестве определенной модели для этногенетических построений. Не менее интересна и топография распространения кочевнических памятников этой территории в непосредственной близости от поселений, крепостей, некрополей земледельческого населения Хорезмского оазиса, внутри этого оазиса. При этом куюсайские могильники соседствуют с поселениями этой же культуры. Памятники этих районов, оставленные более поздними кочевниками,— только могильники (подбойно-катакомбные погребения). Последние располагались, например, в восточной части дельты (могильники Ясыгыр 1—3), в 5—6 км от ближайших земледельческих поселений, в полосе пустыни между двумя одновременно функционировавшими оазисами. Такое местоположение предполагало, что передвижение скота на зимние пастбища, находившиеся в песках Заунгузских Каракумов, могло происходить только через земли оазиса. Все это возможно лишь при весьма добрососедских отношениях между скотоводами и земледельцами. Подобная ситуация дает основание предполагать, что скотоводческое население левобережной части Хорезма (западная граница Хорезма с IV в. до н. э. до конца античности довольно четко ограничена линией крепостей Кангакала, Бутентау I, II, ранний Дэв-Кескен [Толстов С. П., 1958б. С. 70, 81]) находилось в пределах древнехорезмийского государства, а со временем (очевидно, с первых веков нашей эры) могло быть включено в систему хорез-

мийской государственности. Теснейшие контакты кочевого и земледельческого населения этих областей проявляются и в захоронениях в курганах кочевников костей человека, очищенных от мягких тканей и помещенных в оссуарии, что свидетельствует об обрядовом и религиозном синкретизме.

Что касается этнической интерпретации скотоводов левобережного Хорезма, то при самых противоречивых суждениях по этому поводу наиболее обоснованной и поддержанной большинством исследователей представляется локализация на этой территории массагетов, отождествляемых с саками-тиграхауда [Литвинский Б. А., 1972б. С. 158—174].

Еще более значительный ареал скотоводческих культур скифо-сакского времени располагается в восточном Приаралье, в районе древней дельты Сырдарьи (культура ранних саков, чирикрабатская и джетыасарская). Исследование самых ранних памятников (могильники Тагискен, Уйгарак) позволили говорить о том, что субстратом в формировании сакских культур этой территории был местный андроновский пласт, включавший в себя, кроме того, южный и восточный (карасукский) компоненты.

Открытие произведений искусства в могильниках Уйгарак и Тагискен позволило говорить о новом варианте скифо-сако-сибирского звериного стиля, и это можно считать достижением именно археологических исследований.

Следует обратить внимание еще на одно явление, характерное главным образом для восточноприаральских и закаспийских памятников, в отличие от более восточных и южных сакских культур. Это — существование самых близких параллелей и в материальной культуре, и в погребальном обряде, т. е. в сфере уже идеологических представлений, с миром «савромато-сарматских» культур преимущественно Южного Приуралья. Объясняется это не только географическим расположением всех трех ареалов, но и определенными общими этногенетическими корнями, уходящими в андроновский пласт.

Археологические исследования памятников восточного Приаралья IV—II вв. до н. э. (чирикрабатская культура, генетически преемственная от раннесакских комплексов этой территории), представленных не только могильниками, но и поселениями, городищами и монументальными постройками, в частности «Большого дома» на городище Бабиш-Мулла 1, позволили уточнить еще один факт в древней истории этого региона. Раскопки «Большого дома» показали, что планировка этого незавершенного комплекса характерна для ахеменидской архитектуры парадного типа, а наиболее близкой параллелью представляется «дворец приемов» сокровищницы Персеполя. Очевидно, постройку «Большого дома» Бабиш-Муллы 1 следует рассматривать в ряду позднеахеменидских сатрапских резиденций (подобно также недостроенной резиденции сатрапа на городище Калалыгыр в Хорезме), строительство которых было предпринято, вероятно, по единому принципу и в самых северных ахеменидских сатрапиях незадолго до крушения державы. Таким образом, именно археологические материалы как будто позволяют локализовать одну из поздних сатрапий, расположенную на самых северо-восточных рубежах Ахеменидской державы, на землях полуоседлых скотоводов в древней дельте Сырдарьи.

Только археологические исследования способствуют и получению конкретных сведений, касающихся религиозно-идеологических представлений и социально-политических устоев сакских обществ. Реконструкция их особенно трудна, поскольку письменными свидетельствами, наиболее информативными по этим вопросам, мы почти не располагаем. Основным источником для воссоздания духовной жизни древних кочевых скотоводов остаются данные погребального обряда и анализ всего могильника как единого и многопланового комплекса. С ареалом культуры семиреченских саков (саков-хаумаварга — по А. Н. Бернштаму, или саков-тиграхауда — по К. А. Акишеву) связаны массовые раскопки рядовых сакских курганов и курганов царских в урочище Бесшатыр и на берегу р. Иссык. Исследование кургана Иссык [Акишев К. А., 1978] предоставило в распоряжение археологов уникальные материалы, связанные практически со всеми сферами жизни и деятельности семиреченских саков (V—IV или IV—III вв. до н. э.) и являющиеся неиссякаемым источником для разработки чрезвычайно сложной проблемы — изучения мировоззрения, духовной культуры и идеологии саков.

Исследование декора облачения сакского вождя, справедливо названного «Золотым человеком», послужило основанием для создания интереснейшего труда об искусстве и мифологии саков, основанного на изучении семантики образов искусства звериного стиля [Акишев А. К., 1984]. Опираясь на постулат об ираноязычности саков, А. К. Акишев обратился к индоевропейским космологиям и построил стройную космологическую концепцию мировоззрения саков. Она опирается на представления индоевропейцев о порядке в мире, о трех частях мира (низшая — вода, средняя — земля, верхняя — небо) и о мировом древе жизни. Все они нашли воплощение в одежде и головном уборе иссыкского вождя. Особенно ярко одеяние вождя воспроизводит троичную модель космоса и мировое древо жизни. В композицию декора введены даже наглядные символы древа жизни — золотые деревья, фигурки козлов, птиц. Таким образом, весь костюм подчеркивает космогоническую роль вождя-царя, приравнивая его к богу-правителю космоса и возводя тем самым в ранг правителя социума, т. е. бесспорно неся и социально-политическую нагрузку. Значит, облачение иссыкского вождя в сочетании с богатством сопровождавшего его инвентаря является выражением определенной теократической концепции сакского общества. А. К. Акишев [1984. С. 70] считает его раннегосударственным или раннеклассовым объединением, в котором власть верховного вождя еще ограничивалась родовыми учреждениями и не была абсолютной. Еще одним аргументом в пользу существования у семиреченских саков (в широком понимании, включая сюда и северную Киргизию) раннегосударственных образований служит находка серебряной чаши с надписью [Акишев К. А., 1978. С. 56, 57; Акишев А. К., 1984. С. 106]. Специалисты (И. М. Дьяконов, В. А. Лившиц, С. Г. Кляшторный) не могут пока расшифровать эту письменность, но предполагают,

что надпись сделана неизвестным ранее алфавитом, арамейское происхождение которого не исключено [Акишев К. А., 1978. С. 60].

Однако определение семиреченского сакского общества как раннегосударственного объединения представляется пока лишь рабочей гипотезой, обоснование которой требует дальнейших исследований. Но бесспорно можно говорить о широком развитии у саков культа предков, о существовании понятия сакральной страны, в которой локализовались могилы вождей и царей. По-видимому, в I тысячелетии до н. э. для восточного ареала сакских племен этой страной могло быть Семиречье. Помимо царских погребений (Бесшатыр, Иссык), здесь найдено наибольшее число так называемых сакских жертвенников, или жертвенных столов. Скульптурки крылатых тигров, украшающие некоторые из этих жертвенников, да и другие зооморфные изображения, встречающиеся на культовых предметах из других районов восточного региона расселения саков, находят аналогии в украшениях костюма и головного убора «Золотого человека». Все это подтверждает тот факт, что декор костюма иссыкского вождя лишь отражает определенные элементы в системе религиозно-идеологических представлений, которая господствовала в сакском обществе.

По всей вероятности, религию сакских племен (в самом широком понимании этого термина, включая и массагетов) можно рассматривать подобно скифской, как типичный образец древних родо-племенных культов дозороастрийского Ирана и относить к разряду «естественных», поскольку скифские (или сакские) боги олицетворяли силы природы (небо, земля) и социальные категории (война, очаг), в противоположность зороастризму, где божества отражали абстракции — «Добрая мысль», «Бессмертие», «Власть» и т. д. [Абаев В. И., 1962. С. 447]. Общие для всех сакских племен культы (предков, огня, солнца, погребальный) могли принимать самые разнообразные формы. Особенно ярко это проявляется в обрядах, связанных с культом огня,— угольки в насыпи, в могиле, сожжение перекрытия, кучки золы, наконец, трупосожжения. Значимость и разнообразие форм культа огня предполагает возможность существования этого культа как символа верховного божества (солярного содержания) и обожествленной стихии — солнца. Тем более что имеется прямое свидетельство Геродота относительно массагетов: «Из богов чтут только солнце, которому приносят в жертву лошадей. Смысл жертвы этой тот, что быстрейшему из всех богов подобает быстрейшее животное» [Геродот I, 216]. Почти тот же текст можно прочесть и у Страбона: «Богом они (массагеты.— *М. М.*) почитают одно только солнце, и ему приносят в жертву коней [Страбон XI, VIII, 6]. Открытие на Узбое, почти в центре могильника Дордуль, культового сооружения Ичанлыдепе (V—II вв. до н. э.) служит не только иллюстрацией к сведениям Геродота и Страбона, но во многом дополняет и уточняет их. Весь комплекс сооружений, куда входила открытая камера, окруженная с двух сторон коридорообразными помещениями, и две каменные выкладки типа алтарей, сохранили следы интенсивного горения, особенно мощного в камере. Тут же находились остатки костров, которые «захоранивались» или обкладывались камнями. Судя по всему, этот комплекс, расположенный, к тому же, на самой высокой части могильника, был связан с культом огня, в честь которого совершались какие-то церемонии и жертвоприношения (копыта и черепа лошадей — в юго-восточной части комплекса и кости барана — в одном из небольших помещений). По устройству и расположению культовое сооружение Ичанлыдепе может быть сопоставлено с персидскими святилищами огня, описанными Геродотом [I, 131] и Страбоном [XV, III, 13—16], где горел негасимый огонь в честь почитаемых божеств. Ичанлыдепе было святилищем огня и солнца.

Остатки культового памятника обнаружены Л. Л. Галкиным [1986. С. 440] в западной части плато Устюрт [1]. Он состоит из трех небольших курганных групп (по три-четыре кургана в каждой группе), расположенных в 2—5 км одна от другой в направлении северо-восток—юго-запад. Они тянутся по обе стороны от урочища с колодцами Байте и названы Байте I—III. В группах I и III находилось по одному большому (высота 3,5 м, диаметр около 50 м) кургану, насыпи которых сложены из каменных блоков. Остальные курганы не превышали 1 м и имели диаметр 15—20 м. Их насыпи состояли из земли и камня. В некотором расстоянии (75—100 м) к юго-западу от каждого из больших курганов (Байте I и III) находились скопления каменных изваяний, большинство которых было в фрагментарном состоянии. В группе Байте I насчитывается около 24 фигур, в группе III — около 45. Кроме того, у полы большого кургана (Байте I) и около курганов в других группах обнаружены каменные кольцевые выкладки диаметром 1—1,5 м, а на Байте III — каменные чаши для жертвенного огня. Знаменательно, что рядом с группой II, на дне сухого русла сая, были вырыты колодцы Байте и здесь же, в береговом обрыве, находился древний карьер, откуда брали известняк для скульптур и насыпей курганов. Изваяния представлены двумя типами — объемным и плоским. Для первых характерна массивность, округлость головы, естественные пропорции плеч и талии. Отличительной особенностью вторых являются широкие плечи и узкая талия. Первый тип, по мнению Л. Л. Галкина, представляется более архаичным. Открытие такого множества скульптур, которые до сего времени вообще не были известны на территории древних азиатских кочевников-скотоводов,— событие чрезвычайной важности. Изучение памятника только начинается.

Время культового комплекса Байте определяется двумя фактами: формой оружия, изображенного на скульптуре, и находкой в одном из раскопанных небольших курганов группы Байте I обломка каменного жертвенника клювовидной (?) формы. Мечи и кинжалы, изображенные на скульптурах, имеют прямое перекрестье и почти прямое или серповидное навершие. Тип этот характерен для сармат и части среднеазиатских кочевников с конца IV—III в. до н. э. Таким образом, время памятника в

[1] Памятник не опубликован. Описание дано согласно тексту, любезно предоставленному Л. Л. Галкиным, за что приношу ему глубокую благодарность *(Ред.)*.

самых широких границах определено — вторая половина I тысячелетия до н. э., однако, чтобы понять его сущность и содержание как культового места или даже святилища, требуются дальнейшие полевые и интерпретационные исследования.

Бурные события III в. до н. э.— отложение северных сатрапий державы Селевкидов — Бактрии, Согда и Парфии, кризис власти Селевкидов — отразили не только внутридинастийные распри в империи Селевкидов, но и определенные внутренние процессы, происходившие в среде северных кочевников. Эти процессы привели затем к массовым передвижениям кочевых объединений.

Вехи основных политических событий и крупных миграций кочевых племен засвидетельствованы письменными источниками. Однако эти отрывочные сведения могут быть проверены, уточнены и дополнены благодаря широким археологическим раскопкам памятников кочевников. Справедливо писал А. М. Мандельштам [1975а. С. 147], опираясь именно на археологические источники, что «кочевники выступают все более и более явственно как активная, ведущая политическая сила, причем являющаяся, видимо, организующим началом во многих поворотных моментах истории древних народов Средней Азии».

Так, источники сообщают, что в начале III в. до н. э. у границ Гиркании и Парфии появляется сильная группа дахских племен, переселившихся сюда откуда-то с северо-востока. А. М. Мандельштам полагает, что это движение было одним из проявлений общей реакции на греко-македонское завоевание Средней Азии. Б. И. Вайнберг, отождествляющая памятники чирикрабатской культуры с дахами, считает, что переселение их на юго-запад было вызвано изменениями гидрографического режима дельты Сырдарьи, поскольку со II в. до н. э. основной сток Сырдарьи в Арал проходил уже по системе более восточных и северных Пракувандарьинских русел. Именно в III в. до н. э. чирикрабатская культура заканчивает свое существование. Не исключено, что переселение дахов к границам Парфии произошло, как думает Б. И. Вайнберг, с согласия, а может быть, даже по приглашению Селевкидов, ибо дахи были союзниками еще Александра Македонского. Но это не помешало парнам — самой западной группе дахов — воспользоваться моментом, когда наместник Парфии Андрагор отделился от Селевкидов, напасть на него и захватить власть в Парфии. Возглавил это движение Аршак I. Последовавшее затем появление войск Селевка II, бегство Аршака к апасиакам, наконец, возвращение и победа его над Селевком II оказались этапами борьбы в деле создания независимого Парфянского государства. Ведущая роль в этой борьбе кочевых племен бесспорна. Аршак I, который вел свой род от дахов или парнов-дахов, считается основателем правящей парфянской династии. Дошедшие до нас версии о появлении и воцарении в Парфии Аршака I различны и противоречивы [Страбон, XI, 9, 2, 3; Юстин, XLI, 1, 4, 6; Арриан «История Парфии», фр. 1]. Поэтому даже самые минимальные данные археологии, самая первоначальная локализация дахов очень важны для воссоздания древней истории Средней Азии.

Одно из самых главных достижений среднеазиатской археологии — конкретизация юечжийско-кушанской проблемы. Особенно важное значение для ее решения имели раскопки курганных могильников на территории северной Бактрии [Мандельштам А. М., 1966а; 1975а]. Только в результате этих исследований (более 500 курганов) были получены массовые археологические материалы, которые бесспорно можно связать с кочевниками, положившими в середине II в. до н. э. конец существованию Греко-Бактрийского государства и ставшими затем создателями Кушанского государства.

Однако одной из главных проблем, связанных с историей образования этого государства, было сопоставление данных китайских и западных источников, перечисляющих племена кочевников, участвовавших в завоевании Греко-Бактрийского царства. Согласно достаточно убедительной археологической аргументации А. М. Мандельштама, юечжам китайских источников соответствуют асианы, пасианы и тохары античных авторов. Взаимоотношения между ними, предшествовавшие передвижению их на запад и разгрому Греко-Бактрии, нам неизвестны. Но несомненно, что все они входили в состав обширного воинственного племенного объединения, которое базировалось в восточной части степного пояса и ушло в Среднюю Азию только после нескольких поражений, которые нанесли ему хунну [Мандельштам А. М., 1979а. С. 140].

Анализ археологических материалов позволил уверенно связать с этими пришельцами все могильники северной Бактрии и бóльшую часть исследованных в Согдиане. Но, судя по данным археологии и западных источников, в событиях конца II в. до н. э. принимала участие и какая-то часть местных кочевников, которые были вовлечены в объединения, двигавшиеся с Востока и устремившиеся затем на юг, в процветающие земледельческие оазисы.

Значительный свет на все эти вопросы проливают раскопки последних лет в северном Афганистане, на Тиллятепе, где были вскрыты уникальные неразграбленные царские погребения, датируемые рубежом нашей эры и оставленные представителями какой-то кочевнической династии [Сарианиди В. И., 1983]. Глубокое исследование всего полученного там материала только начинается. Но уже сейчас можно говорить об интереснейших культурных традициях, которые связывают один из домов юечжийских правителей (не исключено, что именно они положили затем основание империи Великих Кушан) со всем кочевым миром Средней Азии и Сибири. Это выражается в некоторых элементах погребального обряда. Так, на краю одной из могильных ям Тиллятепе найдены череп и кости передних ног лошади. Обычай оставлять шкуру жертвенных животных (мясо их поедали во время похоронной тризны) в могиле или на ее краю был широко распространен у скотоводческих племен азиатских степей с эпохи бронзы и сохранялся до последних лет у ряда народов Сибири [Грязнов М. П., 1956а. С. 107, 108]. Знаменательны и параллели в изображениях и стилистике изделий звериного стиля из Тиллятепе и Пазырыкских курганов Алтая (сцены терзания; вывернутые задние части фигур животных; повернутые назад головы; бирюзовые вставки),

Эти связи становятся особенно понятными, если согласиться с мнением С. И. Руденко [1960. С. 339, след.], отождествлявшего население Алтая второй половины I тысячелетия до н. э. с юечжами. Согласуется с этим и прекращение пазырыкской культуры в конце III — первой половине II в. до н. э., когда горноалтайские племена были разбиты хунну.

Не меньшее значение имеют находки в Тиллятепе и для решения вопроса о происхождении сарматского звериного стиля, появившегося в I в. н. э. в степях Нижнего Подонья практически в готовом виде. Особое значение комплексу Тиллятепе придает синкретизм найденных там произведений искусства, в которых воедино слились и древние бактрийские мотивы, и стилистические особенности ахеменидского искусства, и элементы греческой эллинской школы, и черты, свойственные искусству кочевников, ярко выразившиеся в изделиях, выполненных в зверином стиле. Удивительным образцом этого стиля являются ножны и рукоять кинжала из погребения 4. Идентичный и по форме, и по украшению рукояти и ножен, и по исполнению (может быть, чуть более грубому) кинжал обнаружен на нижнем Дону в богатой сарматской могиле I в. н. э. (раскопки Е. И. Беспалого, 1986 г.). Значит, стиль ювелирных изделий Тиллятепе отвечал вкусам именно кочевой знати.

Совершенно необходимы археологические исследования для воссоздания древней истории сибирских народов, ибо в большинстве случаев эти материалы остаются единственным источником. Археология Сибири богата такими блистательными открытиями, как большие Пазырыкские курганы и курган Аржан, значение которых трудно переоценить.

Раскопки Пазырыкских, Башадарских, Шибинских, Туэктинских, Юстыдских и других курганов с захоронениями, совершенными в слое вечной мерзлоты, дали совершенно исключительный материал, который с небывалой в археологической практике полнотой осветил все стороны жизни кочевников скифского времени. Находки из этих курганов составили удивительное собрание изделий в зверином стиле, выполненных не только в металле (что мы видим повсюду), но и в дереве, коже, войлоке. Находки интереснейших изделий передневосточного искусства (шерстяные ткани с узором, ворсовый ковер) и Китая (зеркало, шелковые ткани), применение методов естественных наук (дендрохронология, радиоуглеродные даты) дали возможность довольно точного определения абсолютных дат этих памятников. Согласно последним исследованиям [Марсадолов Л. С., 1985. С. 10], время создания больших Пазырыкских курганов, отражающих один из этапов яркой и самобытной культуры кочевников-скотоводов Алтая, укладывается в рамки VI—IV вв. до н. э.

Деревянные, кожаные и войлочные изделия, дошедшие до нас почти в первозданном виде (что никогда не встречается при обычном состоянии захоронения) и являющиеся непревзойденными образцами скифо-сибирского звериного стиля, демонстрируют, с одной стороны, очень высокий уровень эстетического развития и мастерства алтайских племен, а с другой — представляют собой исключительный источник для изучения мифологического творчества и религиозных представлений населения Алтая. Бесспорным доказательством местного производства всех этих изделий служит татуировка, сохранившаяся на теле вождя из Пазырыкского II кургана. Она представляла собой сложное сюжетное изображение, выполненное в образах звериного стиля. Поскольку о существовании обычая татуировки, которая у большинства народов обозначала благородное происхождение и знатность, имеются неоднократные сообщения в письменных источниках (Помпоний Мела — об агафирсах; Аммиан Марцелин — о даках и сарматах), открытие ее на теле погребенного в Пазырыке особенно ценно. Это еще один пример, когда археологические данные подтверждают и раскрывают скудные сообщения древних авторов. Духовную культуру населения Алтая характеризуют и находки двух четырехструнных арф и двух тамбуринов в Пазырыкских курганах.

Одно из самых значительных археологических открытий Сибири — классические по методике раскопки М. П. Грязновым кургана Аржан — поразительного памятника скифской культуры VIII в. до н. э. Погребальный обряд и инвентарь кургана заставил исследователей вновь вернуться ко многим проблемам скифской археологии, особенно к проблемам периодизации и сложения скифского археологического комплекса. Анализ материалов памятника, предпринятый М. П. Грязновым [1980], исследование типологического характера всей конской узды Аржана, проведенное Н. А. Боковенко [1986], а также дендрохронологические исследования образцов дерева [Марсадолов Л. С., 1985] позволили датировать комплекс Аржана VIII в. до н. э., может быть, его второй половиной или концом, как представляется многим археологам (А. М. Мандельштам, А. И. Мелюкова, В. П. Петренко). Хронологически он поставлен в один ряд с памятниками новочеркасско-черногоровского типа. Но Аржан содержит уже полностью сложившуюся «скифскую триаду», которая в Северном Причерноморье не может быть датирована временем ранее середины VII в. до н. э. Очень важно также, что в зверином стиле Аржана представлены практически все образцы скифского искусства, выполненные различной техникой и на различных предметах: выбивка, резные изображения (оленные камни), мелкая пластика (головка коня), барельеф (нагрудная бляха), скульптура (бронзовые навершия), резьба по кости (кабан на клыке). Нет, правда, еще сцен терзания, которые появляются позже.

Достаточно развитой погребальный обряд также является признаком складывающегося культурного комплекса. В кургане представлена очень сложная погребальная конструкция: вокруг центрального захоронения «царя» и «царицы», совершенного в двойном срубе (под полом его были уложены конские хвосты), располагались радиально еще 70 срубов. Помимо людей (всего 12 человек), в кургане было похоронено около 160 верховых коней. Типологическое исследование различных категорий вещей (особенно узды и нахвостников), а также спектральный анализ предметов узды показали, что приношения «царю» были преподнесены от различных племенных коллективов большой этнокультур-

ной общности, обитавших в нескольких географических регионах. Это чрезвычайно важное и никогда до этого не фиксировавшееся явление придает особую значимость кургану Аржан, ибо перед нами как бы одномоментное захоронение, совершенное не в одном, а одновременно в нескольких регионах. Детальное исследование узды, проведенное Н. А. Боковенко, позволило ему конкретизировать эти области: собственно Тува, Алтай, Минусинская котловина, Казахстан и Монголия. В центре этой обширной территории и находился курган Аржан, который, образно говоря, представляет собой срез эпохи и демонстрирует неравномерность исторического развития отдельных регионов (находки в Аржане узды примитивной и вполне развитой форм). Споры вокруг кургана Аржан продолжаются, и только открытие подобных памятников или целой серии ранних комплексов в разных регионах евразийского пояса степей позволит в будущем уверенно ответить на вопрос где, когда и как сформировалась скифская культура, распространенная в VII в. до н. э. в Северном Причерноморье и известная по археологическим материалам и письменным источникам.

История населения раннего железного века лесостепного Зауралья и Западной Сибири, получившая освещение в томе, воссоздана только на основании археологических исследований, которые интенсивно развернулись лишь в 60—70-е годы. Но уже сейчас мы имеем представление о материальной и духовной культуре этих племен, об их хозяйстве, связях с окружающим миром, в том числе со степными кочевниками.

Наконец, только археология фиксирует серьезные изменения в хозяйственном и жизненном укладе этого населения, которые происходили в первые века нашей эры. Прослеживаемая динамика состава стада у этих племен указывает на возрастание элементов, свидетельствующих о переходе к номадизму. Процесс этот был вызван ростом населения, развитием торгового обмена и целым рядом других причин, что требовало в свою очередь увеличения численности скота как средства существования и как обменного эквивалента. Нехватка пастбищ вокруг поселений стала компенсироваться переходом к отгонному и кочевому скотоводству.

Заключая настоящий том, надо еще раз сказать, что кочевые и полукочевые скотоводческие племена евразийских степей, создавшие целую свиту ярких самобытных культур, сыграли огромную роль в формировании новых этнокультурных общностей, история которых начинается после эпохи великого переселения народов и связана уже с периодом раннего средневековья.

Литература

Источники

Аппиан. Митридатовы войны/Пер. С. П. Кондратьева // ВДИ. 1946. № 4.

Арриан. История Парфии // *Латышев В. В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб., 1896. Т. 1, вып. 2.

Арриан. Поход Александра/Пер. М. Е. Сергеенко. М.; Л., 1962.

Геродот. История в девяти книгах/Пер. Г. А. Стратановского. Л., 1972.

Квинт Курций Руф. История Александра Македонского/Пер. под ред. В. С. Соколова. М., 1963.

Оросий Павел. Истории против язычников // *Латышев В. В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб., 1906. Т. 2, вып. 2.

Плиний Секунд. Naturalis historia/Пер. В. В. Латышева // ВДИ. 1949. № 2.

Полибий. История/Пер. В. В. Латышева // ВДИ. 1949. № 3.

Помпоний Мела/Пер. В. В. Латышева // ВДИ. 1949. № 1.

Солин Гай Юлий. Сборник достопримечательностей/Пер. В. В. Латышева // ВДИ. 1947. № 3.

Страбон. География в 17 книгах/Пер. Г. А. Стратановского. Л., 1964.

Тацит Корнелий. Сочинения в двух томах. Л., 1969. Т. 1: Анналы. Малые произведения/Пер. А. С. Бобовича.

Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога/Пер. А. А. Деконского и М. И. Рижского // ВДИ. 1954. № 2—4; 1955. № 1.

[*Ptolemy*] *Ptolemaios.* Geographie: Ostiran und Zentralasien // Istituto Italiano ter il Medio et Estreme Oriente. Reports and memoirs. Rom, 1971. V. XV, 1. T. 1: Griechischer Text neu hrsgb. und ins Deutsche übertr. I. Ronga.

Исследования и публикации

Абаев В. И., 1949. Осетинский язык и фольклор. М.; Л. Т. 1.

Абаев В. И., 1956. Скифский быт и реформа Зороастра // Archiv Orientâlni. Praha. T. 24.

Абаев В. И., 1962. Культ семи богов у скифов // Древний мир. М.

Абаев В. И., 1979. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.; Л. Т. 3.

Абаев В. И., 1980. [Перевод надписи Дария на золотой табличке из Хамадана] // Хрестоматия по истории Древнего Востока. М. Т. 2.

Абетеков А. К., 1966. Расписная керамика в курганах ранних кочевников в долине р. Чу // КСИА. Вып. 107.

Абетеков А. К., 1967. Археологические памятники кочевых племен в западной части Чуйской долины: По материалам раскопок 1961 г. // Древняя и средневековая культура Киргизстана. Фрунзе.

Абетеков А. К., 1970. Новые археологические данные о хозяйстве древних усуней // КСИА. Вып. 122.

Абетеков А. К., 1975а. Ранние кочевники Тянь-Шаня и их культурные связи с Кушанской империей // ЦАКЭ. Т. 2.

Абетеков А. К., 1975б. О типах жилищ у древних усуней // Первобытная археология Сибири. Л.

Абетеков А. К., 1977. Могильник Джаныш-Булак // Кетмень-Тюбе. Фрунзе.

Абетеков А. К., Баруздин Ю. Д., 1963. Сако-усуньские памятники Таласской долины. Фрунзе.

Абрамова М. Б., Стефанов В. И., 1981. Памятники инберенского типа: О своеобразии перехода к железному веку в лесостепном Прииртышье // ВАУ. Вып. 15.

Абсалямов М. Б., 1976. Новые поселения скифо-сарматского времени в бассейне Чулыма // ИЛАИ. Вып. 7.

Абсалямов М. Б., Мартынов А. И., 1979. Поселения тагарского и переходного тагаро-таштыкского времени в Хакасско-Минусинской котловине и Ачинско-Мариинской лесостепи // Археология Южной Сибири. Кемерово.

Аванесова Н. А., 1975. К вопросу о бронзовых стрелах степных племен эпохи бронзы // Тр. САМГУ. Самарканд. Нов. сер. Вып. 270: Материалы по археологии Узбекистана.

Агапов П., Кадырбаев М. К., 1979. Сокровища древнего Казахстана. Алма-Ата.

Агеева Е. И., 1959. Курганные могильники ранних кочевников северо-восточной части Алма-Атинской обл. // ИАН КазССР. Сер. истории, археологии и этнографии. Вып. 3 (11).

Агеева Е. И., 1960. Некоторые новые данные по археологии Семиречья // КСИИМК. Вып. 80.

Агеева Е. И., 1961. К вопросу о типах древних погребений Алма-Атинской обл. // ТИИАЭ АН КазССР. Т. 12.

Агеева Е. И., Максимова А. Г., 1959. Отчет о работах Павлодарской экспедиции 1955 г. // ТИИАЭ АН КазССР. Т. 7.

Агзамходжаев Т., 1961. Раскопки погребальных курганов близ станции Вревской // ИМКУ. Вып. 2.

Агзамходжаев Т., 1966а. Погребальные сооружения Чирик-Ангренской долины I—VIII вв. н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент.

Агзамходжаев Т., 1966б. Подземные каменные наусы около г. Ангрен // ИМКУ. Вып. 7.

Адрианов А. В., 1886. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г. // ЗРГО по общей географии. Т. 2.

Адрианов А. В., 1902—1924. Выборки из дневников курганных раскопок в Минусинском крае. Минусинск.

Адрианов А. В., 1903. Оглахтинский могильник // Сибирская жизнь. 29-е ил. прилож. № 249, 254.

Адрианов А. В., 1906. Писаница Боярская // Изв. Русской комиссии для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. СПб. Вып. 4.

Адрианов А. В., 1908. Обследование писаниц в Минусинском крае летом 1907 г. // Изв. Русской комиссии для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. СПб. Вып. 7.

Адрианов А. В., 1916. К археологии западного Алтая // ИАК. Вып. 62.

Акимова М. С., 1972. Антропология населения лесостепной полосы Западной Сибири в эпоху раннего железа // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М. (МИА. № 153).

Акишев А. К., 1976. Поиски памятников в ущельях Каратау // АО 1975 г.

Акишев А. К., 1984. Искусство и мифология саков. Алма-Ата.

Акишев А. К., Алпысбаев Х. А., Максимова А. Г., 1978. Исследования в зоне Шульбинского водохранилища // АО 1977 г.

Акишев К. А., 1956. Отчет о работе Илийской археологической экспедиции 1954 г. // ТИИАЭ АН КазССР. Т. 1.

Акишев К. А., 1959а. Саки Семиречья: По материалам Илийской экспедиции 1954, 1957 гг. // ТИИАЭ АН КазССР. Т. 7.

Акишев К. А., 1959б. Памятники старины Северного Казахстана // ТИИАЭ АН КазССР. Т. 7.

Акишев К. А., 1963. Культура саков долины Или (VII—IV вв. до н. э.) // *Акишев К. А., Кушаев Г. А.* Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата.

Акишев К. А., 1967. Археология в Казахстане за советский период // СА. № 4.

Акишев К. А., 1969. Зимовки-поселения и жилища древних усуней // ИАН КазССР. Сер. обществ. наук. Вып. 1.

Акишев К. А., 1970. О возникновении оседлости и земледелия

у древних усуней Семиречья // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата.
Акишев К. А., 1972. К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне древнего Казахстана // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата.
Акишев К. А., 1973. Саки азиатские и скифы европейские: Общее и особенное в культуре // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата.
Акишев К. А., 1974. Курган Иссык // В глубь веков. Алма-Ата.
Акишев К. А., 1977. Семиречье и Южный Казахстан // История Казахской ССР. Алма-Ата. Т. 1.
Акишев К. А., 1978. Курган Иссык: Искусство саков Казахстана. М.
Акишев К. А., 1983. Древнее золото Казахстана. Алма-Ата.
Акишев К. А., *Акишев А. К.*, 1978. Проблема хронологии раннего этапа сакской культуры // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата.
Акишев К. А., *Кушаев Г. А.*, 1963. Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата.
Алексеев В. П., 1961. Палеоантропология Хакасии эпохи железа // Сб. МАЭ. М.; Л. Т. 20.
Алексеев В. П., 1974. Антропологическая характеристика скульптурного портрета из Шестаковского могильника // СА. № 4.
Алексеев В. П., 1975. Антропологические данные о локальных различиях населения тагарской культуры // ПАС.
Алексеев В. П., *Гохман И. И.*, 1984. Антропология азиатской части СССР. М.
Алексеев В. П., *Гохман И. И.*, *Тумэн Д.*, 1987. Краткий очерк палеоантропологии Центральной Азии: Каменный век — эпоха раннего железа // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск.
Алексеева Е. М., 1975. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1-12.
Алекшин В. А., 1975. К вопросу о методике реконструкции социальной структуры по данным погребального обряда // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Л.
Амброз А. К., 1971. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. № 3.
Амброз А. К., 1973. Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель // СА. № 4.
Амброз А. К., 1981. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V — первой половины VIII в. // Степи Евразии в эпоху средневековья. Сер. Археология СССР. М.
Аминов В., *Буряков Ю. Ф.*, *Ходжайов Т. К.*, 1978. Новые материалы к этнической истории долины Ахангарана // ИМКУ. Вып. 14.
Андрианов Б. В., 1951. К вопросу о географических изменениях в дельте Амударьи // Вопросы географии. Т.24: Физическая география.
Андрианов Б. В., 1962. Хозяйственно-культурные типы Средней Азии и Казахстана // Народы Средней Азии и Казахстана. М. Т. 1.
Андрианов Б. В., 1969. Древние оросительные системы Приаралья. М.
Андрианов Б. В., 1984. Опыт типологизации орошаемого земледелия и ирригации в Средней Азии и Казахстане (конец XIX — начало XX в.) // Типология основных элементов традиционной культуры. М.
Андрианов Б. В., 1985. Неоседлое население мира. М.
Андрианов Б. В., *Итина М. А.*, *Кесь А. С.*, 1974. Земли древнего орошения юго-восточного Приаралья: Их прошлое и перспективы освоения // СЭ. № 5.
Андрианов Б. В., *Кесь А. С.*, 1967. Развитие гидрографической сети и ирригации на равнинах Средней Азии // Проблемы преобразования природы. М.
Андрианов Б. В., *Левина Л. М.*, 1979. Некоторые вопросы исторической этнографии восточного Приаралья в I тысячелетии н. э. // Этнография и археология Средней Азии. М.
Арсланова Ф. Х., 1962. Могильник ранних кочевников на правобережье Иртыша // ИАН КазССР. Сер. истории, археологии и этнографии. Вып. 2 (19).
Арсланова Ф. Х., 1969. Погребения тюркского времени в Восточном Казахстане // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата.
Арсланова Ф. Х., 1972а. Работы в Восточном Казахстане // АО 1971 г.
Арсланова Ф. Х., 1972б. Новые материалы VII—VI вв. до н. э. из Восточного Казахстана // СА. № 1.
Арсланова Ф. Х., 1974. Погребальный комплекс VIII—VII вв. до н. э. из Восточного Казахстана // В глубь веков. Алма-Ата.
Арсланова Ф. Х., 1975. Курганы «с усами» Восточного Казахстана // Древности Казахстана. Алма-Ата.
Арсланова Ф. Х., 1981. Разведочные работы в Восточном Казахстане // АО 1980 г.
Арсланова Ф. Х., 1983. Работы в Восточном Казахстане // АО 1981 г.
Арсланова Ф. Х., 1986. Работы в Восточном Казахстане // АО 1984 г.
Арсланова Ф. Х., *Самашев З. С.*, 1985. Новые материалы по кулажургинской культуре Восточного Казахстана // Археологические исследования в зонах мелиорации: Итоги и перспективы их интенсификации: ТД. Л.
Арсланова Ф. Х., *Чариков А. А.*, 1980. Бронзовые котлы из музеев Восточно-Казахстанской обл. // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово.
Артамонов М. И., 1966. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Л.
Артамонов М. И., 1968. Происхождение скифского искусства // СА. № 4.
Артамонов М. И., 1971. Скифо-сибирское искусство звериного стиля: Основные этапы и направления // ПСА.
Артамонов М. И., 1973. Сокровища саков. М.
Артамонов М. И., 1974. Киммерийцы и скифы. Л.
Арутюнов С. А., *Чебоксаров Н. Н.*, 1972. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества // Расы и народы. Вып. 2.
Археологическая карта Казахстана: Реестр. Алма-Ата, 1960.
Асалханов И. А., 1975. Сельское хозяйство Сибири конца XIX — начала XX в. Новосибирск.
Аскаров А. А., 1977. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент.
Аскаров А. А., *Альбаум Л. И.*, 1979. Поселение Кучуктепа. Ташкент.
Ахинжанов С. М., 1983. Работы Новошульбинской экспедиции // АО 1981 г.
Ахинжанов С. М., 1985. Исследования Шульбинской археологической экспедиции // Археологические исследования в зонах мелиорации: Итоги и перспективы их интенсификации: ТД. Л.
Бабаев А. Г., *Фрейкин З. Г.*, 1977. Пустыни СССР. М.
Бабаев А. Д., 1965а. Крепости и погребальные сооружения древнего Вахана (Ишкашимский р-н ГБАО): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Душанбе.
Бабаев А. Д., 1965б. Уникальные находки из погребальных сооружений западного Памира // ИАН ТаджССР. ООН. Вып. 1.
Бабаев А. Д., 1968. Могильник Чильхона — памятник сакской культуры на западном Памире // ИАН ТаджССР. ООН. Вып. 3.
Бабаев А. Д., 1971. Керамика из погребений западного Памира // МК ТаджССР. Вып. 2.
Бабаев А. Д., 1973а. Крепости древнего Вахана. Душанбе.
Бабаев А. Д., 1973б. Раскопки курганов на территории западного Памира // Уч. зап. ИТаджГУ. Душанбе. Вып. 1.
Бабаев А. Д., 1975. Могильник Чильхона — памятник сакской культуры на западном Памире // ЦАКЭ. Т. 2.
Бабаев А. Д., 1976. Могильник Касвир — памятник кушанской культуры на западном Памире: ТД XIV Международ. конференции античников социалистических стран. Ереван.
Бабаев А. Д., 1978. К истории вооружения населения западного Памира // МКТадж. Вып. 3.
Бабанская Г. Г., 1956. Берккаринский могильник: К некоторым итогам изучения памятника // ТИИАЭ АН КазССР. Т. 1.
Бабанская Г. Г., *Заднепровский Ю. А.*, 1959. Археологические исследования А. Н. Бернштама на Памире в 1956 г. // ТАН ТаджССР. Т. 91.
Баранов Л. Н., 1975. Сооружения и сожжение таштыкского склепа // ПАС.
Баркова Л. Л., 1978. Курган Шибе и вопросы его датировки // АСГЭ. Вып. 19.
Баркова Л. Л., 1979. Погребение коней в кургане Шибе // АСГЭ. Вып. 20.
Баркова Л. Л., 1980. Курган Шибе: Предметы материальной культуры из погребальной камеры // АСГЭ. Вып. 21.
Баркова Л. Л., 1983. Изображения свернувшихся хищников на золотых пластинах из Майэмира // АСГЭ. Вып. 24.
Баркова Л. Л., 1984. Резные изображения животных на саркофаге из 2-го Башадарского кургана // АСГЭ. Вып. 25.

Барминцев Ю. Н., 1958. Эволюция конских пород в Казахстане. Алма-Ата.
Бартольд В. В., 1963. Очерки истории Семиречья // Соч. М. Т. 2, ч. 1.
Бартольд В. В., 1965. Соч. Т.3.
Баруздин Ю. Д., 1956. Карабулакский могильник: Раскопки 1954 г. // ТИИ АН КиргССР. Вып. 2.
Баруздин Ю. Д., 1957а. Карабулакский могильник: Раскопки 1955 г. // ТИИ АН КиргССР. Вып. 3.
Баруздин Ю. Д., 1957б. Карабулакский могильник // КСИЭ. Вып. 26.
Баруздин Ю. Д., 1961. Карабулакский могильник // ИАН КиргССР. СОН. Т. 3, вып. 3 (история).
Баруздин Ю. Д., Беленицкий А. М., 1961. Бронзовая пластинка из Карабулакского могильника // КСИА. Вып. 86.
Баруздин Ю. Д., Брыкина Г. А., 1962. Археологические памятники Баткена и Ляйляка. Фрунзе.
Баруздин Ю. Д., Подольский А. Г., 1961. Бронзовая женская статуэтка из Карабулакского могильника // КСИА. Вып. 85.
Баскаков А. Н., 1964. Этнолингвистическая классификация диалектных систем современных тюркских языков // VII МКАЭН.
Бельтикова Г. В., 1976. Гороховское городище (Чудаки) // АО 1975 г.
Бельтикова Г. В., 1977. Иткульские поселения // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск (ВАУ. Вып. 14).
Бельтикова Г. В., 1981. О зауральской металлургии VII—III вв. до н. э. // ВАУ. Вып. 15.
Бельтикова Г. В., 1982. Металлические наконечники стрел с иткульских памятников // Археологические исследования севера Евразии. Свердловск (ВАУ. Вып. 16).
Бельтикова Г. В., 1986. Иткульское I городище — место древнего металлургического производства // Проблемы урало-сибирской археологии. Свердловск (ВАУ. Вып. 18).
Бельтикова Г. В., Стоянов В. Е., 1984. Городище Думной горы — место специализированного металлургического производства // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск (ВАУ. Вып. 17).
Бернштам А. Н., 1935а. Изображение быка в находках Ноин-Улинских курганов // ПИДО. № 5/6.
Бернштам А. Н., 1935б. Историческая правда в легенде об Огуз-Кагане // СЭ. № 6.
Бернштам А. Н., 1935в. К вопросу о социальном строе восточных гуннов // ПИДО. № 9/10.
Бернштам А. Н., 1937. Гуннский могильник Ноин-Ула и его историко-археологическое значение // ИАН СССР. ООН. Т.4.
Бернштам А. Н., 1939. Археологические работы в Казахстане и Киргизии // ВДИ. № 4.
Бернштам А. Н., 1940а. Золотая диадема из шаманского погребения на р. Каргалинке // КСИИМК. Вып. 5.
Бернштам А. Н., 1940б. Кенкольский могильник. Л.
Бернштам А. Н., 1941а. Памятники старины Таласской долины: Историко-археологический очерк. Алма-Ата.
Бернштам А. Н., 1941б. Археологический очерк северной Киргизии. Фрунзе.
Бернштам А. Н., 1943. Историко-культурное прошлое северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала. Фрунзе.
Бернштам А. Н., 1945. Археологические контуры Тянь-Шаня и Алая. ИКирг. ФАН СССР. Вып. 2/3.
Бернштам А. Н., 1947. Берккаринская пряжка: О скифской традиции в сарматском искусстве // КСИИМК. Вып. 17.
Бернштам А. Н., 1948. Памятники старины Алма-Атинской обл.: По материалам экспедиции 1939 г. // ИАН КазССР. № 46. Сер. археологич. Вып. 1.
Бернштам А. Н., 1949а. Из итогов археологических работ на Тянь-Шане и Памиро-Алае // КСИИМК. Вып. 28.
Бернштам А. Н., 1949б. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня // СА. Т. 11.
Бернштам А. Н., 1949в (1950). Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана // ИАН КазССР. № 67. Сер. археологич. Вып. 2.
Бернштам А. Н., 1950. Опыт классификации археологических находок: Сако-усуньская культура ранних кочевников Чуйской долины // МИА. М.; Л. № 14.
Бернштам А. Н., 1951. Очерк истории гуннов. Л.
Бернштам А. Н., 1952. Историко-археологические очерки Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. № 26.
Бернштам А. Н., 1956. Саки Памира // ВДИ. № 1.
Бернштам А. Н., 1957. Спорные вопросы истории кочевых народов Средней Азии в древности // КСИЭ. Вып. 26.
Берс Е. М., 1951. Археологическая карта г. Свердловска и его окрестностей // МИА. № 21.
Берс Е. М., 1963. Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. Свердловск.
Бичурин Н. Я. (Иакинф), 1950а. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л. Т. 1.
Бичурин Н. Я. (Иакинф), 1950б. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л. Т. 2.
Бичурин Н. Я. (Иакинф), 1953. Собрание сведений о народах; обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л. Т. 3.
Богданова-Березовская И. В., 1963. Химический состав металлических предметов из Минусинской котловины // Новые методы в археологических исследованиях. М.; Л.
Боголюбский С. Н., 1959. Происхождение и преобразование домашних животных. М.
Боковенко Н. А., 1981а. Бронзовые котлы эпохи ранних кочевников в азиатских степях // Проблемы западносибирской археологии: Эпоха железа. Новосибирск.
Боковенко Н. А., 1981б. Исследование могильника Колок // АО 1980 г.
Боковенко Н. А., 1982. Исследование курганов в Хакасии // АО 1981 г.
Боковенко Н. А., 1985. Работы на юге Красноярского края // АО 1984 г.
Боковенко Н. А., 1986. Некоторые особенности формирования погребального обряда ранних кочевников Саяно-Алтая и Казахстана // Скифская эпоха Алтая: ТД. Барнаул.
Боковенко Н. А., Седых В. Н., Красниенко С. В., 1983. Некоторые итоги изучения памятников тагарской культуры на юге Хакасии // Древние культуры евразийских степей. Л.
Борисов А. Я., Луконин В. Г., 1963. Сасанидские геммы. Л.
Боровка Г. И., 1925. Культурно-историческое значение археологических находок экспедиции Академии наук: Краткие отчеты экспедиции по исследованию северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова. Л.
Боровка Г. И., 1927. Археологическое обследование среднего течения р. Толы // Северная Монголия. Л. Т. 2.
Бортвин Н. Н., 1949. Находка на горе Азов на Урале // КСИИМК. Вып. 25.
Бронзовый век Приангарья: Могильник Шумилиха. Иркутск, 1981.
Брыкина Г. А., 1981. Юго-западная Фергана в первой половине I тысячелетия н. э. М.
Брыкина Г. А., 1982. Могильник Кайрагач в южной Киргизии // КСИА. Вып. 170.
Брыкина Г. А., Горбунова Н. Г., 1984. Железные наконечники стрел из Ферганы // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.
Буряков Ю. Ф., 1982. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент.
Буряков Ю. Ф., Касымов М. Р., Ростовцев О. М., 1973. Археологические памятники Ташкентской обл. Ташкент.
Бутомо С. В., 1963. Применение радиоуглеродного метода в археологии // Новые методы в археологических исследованиях. М.; Л.
Бутомо С. В., 1966. Ароматические углеводороды в радиоуглеродном датировании: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
Вадецкая Э. Б., 1968. Раскопки на месте д. Новая Черновая // АО 1967 г.
Вадецкая Э. Б., 1973а. К истории археологического изучения Минусинских котловин // ИЛАИ. Вып. 6.
Вадецкая Э. Б., 1973б. Раскопки под горой Оглахты на р. Енисей // АО 1972 г.
Вадецкая Э. Б., 1975. Черты погребальной обрядности таштыкских племен по материалам грунтовых могильников на Енисее // ПАС.
Вадецкая Э. Б., 1979. Итоги и задачи в изучении тагарской культуры // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства: ТДВАК. Кемерово.
Вадецкая Э. Б., 1981а. Малый таштыкский склеп на речке Дальняя Чея // КСИА. Вып. 167.
Вадецкая Э. Б., 1981б. Археологические и этнографические аспекты исследования погребальных памятников // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск.

Вадецкая Э. Б., 1982. Интерпретация сосуществования двух обрядов в таштыкских грунтовых могильниках // Проблемы археологии и этнографии Сибири. Иркутск.
Вадецкая Э. Б., 1984. Участие хуннов в сложении таштыкской культуры // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск.
Вадецкая Э. Б., 1985. Таштыкские накосники и прически // КСИА. Вып. 184.
Вадецкая Э. Б., 1986а. Мумии и погребальные куклы таштыкской культуры // КСИА. Вып. 186.
Вадецкая Э. Б., 1986б. Археологические памятники в степях среднего Енисея. Л.
Вадецкая Э. Б., *Гультов С. Б.*, 1986. Исследования в Красноярском крае в 1982—1984 гг. // КСИА. Вып. 188.
Вайнберг Б. И., 1972. Некоторые вопросы истории Тохаристана в IV—V вв. (в связи с запустением Каратепе) // Буддийский культовый центр Каратепе в Старом Термезе. М.
Вайнберг Б. И., 1977. Монеты древнего Хорезма. М.
Вайнберг Б. И., 1979а. Памятники куюсайской культуры // Кочевники на границах Хорезма. М. (ТХЭ. Т. 11).
Вайнберг Б. И., 1979б. Курганные могильники северной Туркмении: Присарыкамышская дельта Амударьи // Кочевники на границах Хорезма. М. (ТХЭ. Т. 11).
Вайнберг Б. И., 1981а. Поселение Гяур 3 // АО 1980 г.
Вайнберг Б. И., 1981б. Скотоводческие племена в древнем Хорезме // Культура и искусство древнего Хорезма. М.
Вайнберг Б. И., 1983. Работы в южной части Присарыкамышской дельты // АО 1981 г.
Вайнберг Б. И., 1984. Разведочные работы в Присарыкамышской дельте Амударьи // АО 1982 г.
Вайнберг Б. И., *Левина Л. М.*, 1968. Поселение Актобе 2 // *Максимова А. Г.*, *Мерщиев М. С.*, *Вайнберг Б. И.*, *Левина Л. М.* Древности Чардары. Алма-Ата.
Вайнберг Б. И., *Юсупов Х.*, 1970. Археологические исследования в западной Туркмении // АО 1969 г.
Вайнберг Б. И., *Юсупов Х.*, 1985. Новые памятники в западной Туркмении // АО 1983 г.
Вайнберг Б. И., *Юсупов Х.*, 1990. Культовый комплекс древних скотоводов на Узбое.
Вайнштейн С. И., 1958. Некоторые итоги работ археологической экспедиции ТувНИИЯЛИ в 1956—1957 гг. // Уч. зап. ТувНИИЯЛИ. Кызыл. Т. 6.
Вайнштейн С. И., 1964. Тува в эпоху первобытнообщинного строя // История Тувы. М. Т. 1.
Вайнштейн С. И., 1966а. Памятники второй половины I тысячелетия н. э. в западной Туве // ТТКАЭЭ. Т. 2.
Вайнштейн С. И., 1966б. Памятники кызылганской культуры // ТТКАЭЭ. Т. 2.
Вайнштейн С. И., *Дьяконова В. П.*, 1966. Памятники в могильнике Кокэль конца I тысячелетия до н. э.— первых веков нашей эры // ТТКАЭЭ. Т. 2.
Вайнштейн С. И., *Крюков М. В.*, 1976. «Дворец Ли Лина» или конец одной легенды // СЭ. № 3.
Варенов А. В., 1981. О предназначении «моделей ярма» // Материалы XIX Всесоюзной научной студенческой конференции: Студент и научно-технический прогресс: История. Новосибирск.
Варущенко А. Н., *Варущенко С. И.*, *Клиге Р. К.*, 1980. Изменения уровня Каспийского моря в позднем плейстоцене—голоцене // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М.
Васильев В. И., 1979. Проблемы формирования северо-самодийских народностей. М.
Васильев К. В., 1959. Археологические исследования во Внутренней Монголии // ВДИ. № 3.
Васильев Л. С., 1955. Бань Чао в Западном крае // ВДИ. № 1.
Васильева Г. П., 1952. Итоги работ Туркменского отряда Хорезмской экспедиции за 1948 г. // Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции, 1945—1948 гг. М. (ТХЭ. Т. 1).
Викторова В. Д., 1969. Население эпохи железа лесной полосы Среднего Зауралья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск.
Викторова Л. Л., 1980. Монголы: Происхождение народа и истоки культуры. М.
Винник Д. Ф., 1967. Пятьдесят лет советской археологии в Киргизии // СА. № 4.
Винник Д. Ф., 1970. Работы в Узгенском оазисе // АО 1969 г.
Винник Д. Ф., 1975. Археологическая карта Тонской долины//Археологические памятники Прииссыккулья. Фрунзе.
Винник Д. Ф., *Кубатбеков М.*, 1977. Катакомбные могильники в местности Ничке // Кетмень-Тюбе. Фрунзе.
Винник Д. Ф., *Лесниченко Н. С.*, *Санаров А. В.*, 1977. Новый жертвенный комплекс Иссык-Куля // АО 1976 г.
Виноградов А. В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья // ТХЭ. Т. 13.
Виноградов А. В., *Лопатин С. В.*, *Мамедов Э. Д.*, 1965. Кызылкумская бирюза // СЭ. № 2.
Виноградов В. Б., 1961. К вопросу об изображении животных на сарматской керамике // Археологический сб. МГУ.
Витт В. О., 1937. Лошади Древнего Востока // Конские породы в Средней Азии. М.
Витт В. О., 1952. Лошади Пазырыкских курганов // СА. Т. 16.
Вишневская О. А., 1973. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э. по материалам Уйгарака // ТХЭ. Т. 8.
Вишневская О. А., *Итина М. А.*, 1971. Ранние саки Приаралья // ПСА.
Владимиров В. Н., *Глоба Г. Д.*, 1981. Раскопки у с. Белый Бом // АО 1980 г.
Владимиров В. Н., *Шульга П. И.*, 1984. Новые материалы по скифской эпохе Горного Алтая // Археология и этнография Южной Сибири. Барнаул.
Воеводский М. В., *Грязнов М. П.*, 1938. У-суньский могильник на территории Киргизской ССР: К истории у-суней // ВДИ. № 3.
Волков В. В., 1967. Бронзовый и ранний железный век северной Монголии. Улан-Батор.
Волков В. В., 1972. Раскопки в Монголии // АО 1971 г.
Волков В. В., 1976. Археологические исследования в Монголии // АО 1975 г.
Волков В. В., 1981. Оленные камни Монголии. Улан-Батор.
Волков В. В., 1983. Археологические исследования в МНР // АО 1981 г.
Волков В. В., *Новгородова Э. А.*, 1975. Оленные камни Ушкийн-Увэра (Монголия) // ПСА.
Воробьева М. Г., 1959. Керамика Хорезма античного периода // Керамика Хорезма. М. (ТХЭ. Т. 4).
Воробьева М. Г., 1967. Керамика // Кой-Крылганкала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э.— IV в. н. э. М. (ТХЭ. Т. 5).
Воронец М. Э., 1951. Отчет археологической экспедиции Музея истории АН УзССР о раскопках погребальных курганов первых веков нашей эры возле ст. Вревской в 1947 г.// ТМИН УзССР. Вып. 1.
Воронец М. Э., 1954. Археологические исследования Института истории и археологии и Музея истории АН УзССР на территории Ферганы в 1950—1951 гг. // ТМИН УзССР. Вып. 2.
Воскресенский А. А., *Кононов В. Н.*, 1932. Химико-технологический анализ большого ковра № 145 668 // ИГАИМК. Т. 11, вып. 7/9.
Вязьмитина М. И., 1954. Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка // Вопросы скифо-сарматской археологии. М.
Вяткина К. В., 1961. Наскальные изображения Минусинской котловины // Сб. МАЭ. Л. Т. 20.
Гаврилова А. А., 1957. Раскопки Второго Карагандинского могильника // СА. Т. 27.
Гаврилова А. А., 1965. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.
Гаврилова А. А., 1980. Узор иранской ткани 5-го Пазырыкского кургана (реконструкция) // СГЭ. Вып. 45.
Гайдукевич В. Ф., 1952. Могильник близ Ширинсая в Узбекистане // СА. Т. 16.
Галибин В. А., 1983. Состав стекла в памятниках Красноярского края (V в. до н. э.— I в. н. э.) // Древние культуры евразийских степей. Л.
Галкин Л. Л., 1983. Разведки и раскопки в северо-восточном Прикаспии // АО 1981 г.
Галкин Л. Л., 1984. Работы в северо-восточном Прикаспии // АО 1982 г.
Галкин Л. Л., 1985. Памятники северо-восточного Прикаспия // АО 1983 г.
Галкин Л. Л., 1986. Работы в северо-восточном Прикаспии // АО 1984 г.
Гамбург Б. З., *Горбунова Н. Г.*, 1957а. Новые данные о культуре эпохи бронзы Ферганской долины // СА. № 3.
Гамбург Б. З., *Горбунова Н. Г.*, 1957б. Актамский могильник // КСИИМК. Вып. 69.
Гапоненко В. М., 1963. Наскальные изображения Таласской

долины // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе.
Гаррутт В. Е., Юрьев К. Б., 1959. Палеофауна Иволгинского городища по данным археологических раскопок 1949—1956 гг. // Археологический сб. Улан-Удэ. Вып. 1.
Гафуров Б. Г., 1972. Таджики. М.
Гафуров Б. Г., Цибукидис Д. И., 1980. Александр Македонский и Восток. М.
Гвоздецкий Н. А., Михайлов Н. И., 1978. Физическая география СССР. М.
Генинг В. Ф., 1962. Курганы у г. Шадринска // ВАУ. Вып. 4.
Генинг В. Ф., 1972. Южное Приуралье III—VII вв. н. э.: Проблемы этноса и его происхождение // ПАДИУ.
Генинг В. Ф., 1977. Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племен // СА. № 4.
Генинг В. Ф., Голдина Р. Д., 1969. Курганы у оз. Фоминцево // ВАУ. Вып. 8.
Генинг В. Ф., Гусенцова Т. М., Кондратьев О. М., Стефанов В. И., Трофименко В. С., 1970. Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья // ПХКПАПЗС.
Генинг В. Ф., Евдокимов В. В., 1969. Старо-Маслянское поселение // ВАУ. Вып. 8.
Генинг В. Ф., Корякова Л. Н., 1984. Лихачевские и Черноозерские курганы раннего железного века Западной Сибири // СА. № 2.
Генинг В. Ф., Корякова Л. Н., 1985. Комплекс раннего железного века на Чупинском поселении // КСИА. Вып. 184.
Генинг В. Ф., Корякова Л. Н., Овчинникова Б. Б., Федорова Н. В., 1970. Памятники железного века в Омском Прииртышье // ПХКПАПЗС.
Генинг В. Ф., Позднякова М. К., 1964. Прыговское городище на р. Исети // ВАУ. Вып. 6.
Герасимов М. М., 1955. Восстановление лица по черепу. М.
Гинзбург В. В., 1952. Материалы к изучению древнего населения Восточного Казахстана // КСИЭ. Вып. 14.
Гинзбург В. В., 1956. Древнее население восточных и центральных районов Казахской ССР по антропологическим данным // ТИЭ. Т. 33.
Гинзбург В. В., 1960. Антропологическая характеристика саков южного Памира // КСИИМК. Вып. 80.
Гинзбург В. В., 1961. К антропологии ранних кочевников Восточного Казахстана // ТИЭ. Т. 71.
Гинзбург В. В., Трофимова Т. А., 1972. Палеоантропология Средней Азии. М.
Глазунова А. Д., Сергеева Н. Ф., 1976. О химическом составе Закаменского клада // Некоторые вопросы истории древней и современной Сибири. Новосибирск.
Глова Г. Д., 1983. Раскопки курганного могильника Белый Бом II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980—1982 гг. Горно-Алтайск.
Голдина Р. Д., 1969. Городище Кучум-Гора // ВАУ. Вып. 8.
Голодников К., 1879. Заслуживают ли и в какой мере заслуживают научного исследования сибирские курганы вообще и Тобольские в особенности. Тобольск.
Горбунова Н. Г., 1961. К вопросу о расписной керамике в Ферганской долине // СГЭ. Вып. 21.
Горбунова Н. Г., 1962. Культура Ферганы в эпоху раннего железа // АСГЭ. Вып. 5.
Горбунова Н. Г., 1966 [Рец.] // АСГЭ. Вып. 8.— Рец. на кн.: *Баруздин Ю. Д., Брыкина Г. А.* Археологические памятники Баткена и Ляйляка. Фрунзе, 1962.
Горбунова Н. Г., 1976. Фергана по сведениям античных авторов // История и культура народов Средней Азии: Древность и средние века. М.
Горбунова Н. Г., 1979. Керамика поселений Ферганы первых веков нашей эры // ТГЭ. Т. 20.
Горбунова Н. Г., 1981. О типах ферганских погребальных памятников первой половины I тысячелетия н. э. // АСГЭ. Вып. 22.
Горбунова Н. Г., 1983. Кугайско-карабулакская культура Ферганы // СА. № 3.
Горбунова Н. Г., Гамбург Б. З., 1957. Могильник Хангиз // ИООН АН ТаджССР. Вып. 14.
Гохман И. И., 1954. Материалы по антропологии древнего населения низовьев Селенги // КСИЭ. Вып. 20.
Гохман И. И., 1958. Антропологические материалы из плиточных могил Забайкалья // Сб. МАЭ. М.; Л. Т. 18.
Гохман И. И., 1960. Антропологическая характеристика черепов из Иволгинского городища // Тр. БКНИИК СО АН СССР. Улан-Удэ. Вып. 3.
Гохман И. И., 1967. К вопросу об антропологических особенностях древних скотоводов Забайкалья // СЭ. № 6.
Гохман И. И., 1980. Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов // Исследования палеоантропологии и краниологии СССР. Л. (Сб. МАЭ. Т. 36).
Граков Б. Н., 1928. Курганы в окрестностях пос. Нежинского Оренбургского уезда // ТСА РАНИОН. Т. 4.
Грач А. Д., 1971. Новые данные о древней истории Тувы // Уч. зап. ТувНИИЯЛИ. Кызыл. Вып. 15.
Грач А. Д., 1980. Древние кочевники в центре Азии. М.
Григорьев В. В., 1871. О скифском народе саках. СПб.
Григорьев Г. В., 1948. Келесская степь в археологическом отношении: К истории культуры древних саков // ИАН КазССР. № 46. Сер. археологич. Вып. 1.
Гришин Ю. С., 1960. Производство в тагарскую эпоху // МИА. № 90.
Гришин Ю. С., 1962. Древние памятники среднего течения р. Онона // МАС.
Гришин Ю. С., 1968. О плиточных могилах восточного Забайкалья // СА. № 1.
Гришин Ю. С., 1971. Об одной писанице на плите тагарского кургана из Минусинской котловины // КСИА. Вып. 128.
Гришин Ю. С., 1975а. О древней добыче металлов в юго-восточном Забайкалье // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск.
Гришин Ю. С., 1975б. Бронзовый и ранний железный век Восточного Забайкалья. М.
Гришин Ю. С., 1978. Раскопки гуннских погребений у горы Дархан // Археология и этнография Монголии. Новосибирск.
Гришин Ю. С., 1980. О фигурных плиточных могилах Забайкалья и Монголии // КСИА. Вып. 162.
Гришин Ю. С., 1981. Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. М.
Гришин Ю. С., 1983. О роли и месте забайкальского центра медно-бронзовой металлургии в эпоху бронзы и раннего железа // По следам древних культур Забайкалья. Новосибирск.
Громов Л. В., 1960. Исторические исследования — на службу поиску полезных ископаемых: Древняя металлургия Хакасско-Минусинской котловины // Уч. зап. ХакНИИЯЛИ. Абакан. Т. 8.
Грум-Гржимайло Г. Е., 1926. Западная Монголия и Урянхайский край. Л.
Грязнов М. П., 1930. Древние культуры Алтая // Материалы по изучению Сибири. Новосибирск. Вып. 2.
Грязнов М. П., 1933. Боярская писаница // ПИМК. № 7/8.
Грязнов М. П., 1939а. Ранние кочевники Западной Сибири и Казахстана // История СССР с древнейших времен до образования Древнерусского государства [макет]. М.; Л. Т. 2.
Грязнов М. П., 1939б. Массагеты и саки // История СССР с древнейших времен до образования Древнерусского государства [макет]. М.; Л. Т. 2.
Грязнов М. П., 1940. Раскопки на Алтае // СГЭ. Вып. 1.
Грязнов М. П., 1941. Древняя бронза Минусинских степей // ТОИПКГЭ. Т. 1.
Грязнов М. П., 1945. [Рец.] // КСИИМК. Вып. 11.— Рец. на кн.: *Бернштам А. Н.* Кенкольский могильник. Л., 1940.
Грязнов М. П., 1947. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // КСИИМК. Вып. 18.
Грязнов М. П., 1949. Раскопки Алтайской экспедиции на Ближних Елбанах // КСИИМК. Вып. 26.
Грязнов М. П., 1950а. Первый Пазырыкский курган. Л.
Грязнов М. П., 1950б. Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами // СА. Т. 12.
Грязнов М. П., 1952. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане // СА. Т. 16.
Грязнов М. П., 1956а. История древних племен верхней Оби // МИА. № 48.
Грязнов М. П., 1956б. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников // КСИИМК. Вып. 61.
Грязнов М. П., 1959. Связи кочевников Южной Сибири со Средней Азией и Ближним Востоком в I тысячелетии до н. э. // Материалы Второго совещания археологов и этнографов Средней Азии. М.; Л.
Грязнов М. П., 1961. Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири // АСГЭ. Вып. 3.
Грязнов М. П., 1965. Работы Красноярской экспедиции // КСИА. Вып. 100.

Грязнов М. П., 1966. Восточное Приаралье // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.; Л.
Грязнов М. П., 1968. Тагарская культура // История Сибири. Л. Т. 1.
Грязнов М. П., 1970. Пастушеские племена Средней Азии в эпоху развитой и поздней бронзы // КСИА. Вып. 122.
Грязнов М. П., 1971. Миниатюры таштыкской культуры: Из работ Красноярской экспедиции 1968 г. // АСГЭ. Вып. 13.
Грязнов М. П., 1977. Бык в обрядах и культах // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М.
Грязнов М. П., 1978. К вопросу о сложении культур скифо-сибирского типа в связи с открытием кургана Аржан // КСИА. Вып. 154.
Грязнов М. П., 1979а. Об едином процессе развития скифо-сибирских культур // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства: ТДВАК. Кемерово.
Грязнов М. П., 1979б. Таштыкская культура // *Грязнов М. П.* и др. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск.
Грязнов М. П., 1980. Аржан: Царский курган раннесакского времени. Л.
Грязнов М. П., 1983а. Начальная фаза развития скифо-сибирских культур // Археология Южной Сибири. Кемерово.
Грязнов М. П., 1983б. Раннесакские памятники Киргизии в свете событий VIII—VII вв. до н. э. в степях Евразии // Культура и искусство Киргизии: ТДВНК.
Грязнов М. П., Завитухина М. П., Комарова М. Н., Миняев С. С., Пшеницына М. Н., Худяков Ю. С., 1979. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск.
Грязнов М. П., Максименков Н. А., 1972. Обследование берегов Красноярского моря // АО 1971 г.
Грязнов М. П., Маннай-оол М. Х., 1973. Курган Аржан — могила «царя» раннескифского времени // Уч. зап. ТувНИИЯЛИ. Кызыл. Вып. 16.
Грязнов М. П., Маннай-оол М. Х., 1975. Курган Аржан по раскопкам 1973—1974 гг. // Уч. зап. ТувНИИЯЛИ. Кызыл. Вып. 17.
Грязнов М. П., Пшеницына М. Н., 1966. Курганы IV—III вв. до н. э. на оз. Сарагаш // КСИА. Вып. 107.
Гулямов Я. Г., 1951. Отчет о работе 3 отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала // ТИИА АН УзССР. Т. 4.
Гумилев Л. Н., 1960. Хунну. М.
Давидович Е. А., Литвинский Б. А., 1955. Археологический очерк Исфаринского р-на. Сталинабад.
Давыдова А. В., 1956. Иволгинское городище: К вопросу о гуннских поселениях в Забайкалье // СА. Т. 25.
Давыдова А. В., 1959. Гуннские памятники Забайкалья // Тр. БКНИИК СО АН СССР. Вып. 1.
Давыдова А. В., 1960. Новые данные об Иволгинском городище // Тр. БКНИИК СО АН СССР. Вып. 3.
Давыдова А. В., 1965. Иволгинское городище — памятник хунну в Забайкалье: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
Давыдова А. В., 1971а. К вопросу о хуннских художественных бронзах // СА. № 1.
Давыдова А. В., 1971б. Раскопки Иволгинского могильника // АО 1970 г.
Давыдова А. В., 1975. О классификации памятников хунну // Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана: Краткие ТД на конференции. Ноябрь. Л.
Давыдова А. В., 1978. К вопросу о роли оседлых поселений в кочевом обществе сюнну // КСИА. Вып. 154.
Давыдова А. В., 1980. Новые данные о поселении хунну у с. Дурены // АО 1979 г.
Давыдова А. В., 1982. О социальной характеристике населения Забайкалья по данным Иволгинского могильника // СА. № 2.
Давыдова А. В., 1983. Письменные и археологические источники о скотоводстве у сюнну // Историческая этнография, традиции и современность. Л.
Давыдова А. В., 1985. Иволгинский комплекс (городище и могильник) — памятник хунну в Забайкалье. Л.
Давыдова А. В., Миняев С. С., 1975. Раскопки хуннских поселений в Забайкалье // АО 1974 г.
Давыдова А. В., Миняев С. С., 1976. Раскопки поселения сюнну у с. Дурены // АО 1975 г.
Давыдова А. В., Шилов В. П., 1953. К вопросу о земледелии у гуннов // ВДИ. № 2.
Дальверзинтепе — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.
Дандамаев М. А., 1963а. Поход Дария против скифского племени тиграхауда // КСИА. Вып. 61.
Дандамаев М. А., 1963б. Иран при первых Ахеменидах. М.
Дебец Г. Ф., 1932. Расовые типы населения Минусинского края в эпоху родового строя // Антропологический журнал. № 2.
Дебец Г. Ф., 1948. Палеоантропология СССР // ТИЭ. Нов. сер. Т. 4.
Дебец Г. Ф., 1952. Череп человека из плиточной могилы в Херексурин-Ури (Забайкалье) // Зап. БМНИИК. Улан-Удэ. Т. 16.
Денисов Е. П., 1979. Раскопки могильника Ксиров // АО 1978 г.
Денисов Е. П., 1981. Продолжение исследования могильника на р. Ксиров // АО 1980 г.
Дёрфер Г., 1986. О языке гуннов/Пер. В. Г. Гузева // Зарубежная тюркология: Древнетюркские языки и литературы. М. Т. 1.
Диков Н. Н., 1958. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ.
Дмитриев П. А., 1928. Мысовские стоянки и курганы // ТСА РАНИОН. Т. 4.
Дмитриев П. А., 1948. Жертвенные камни Зауралья // КСИИМК. Вып. 19.
Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А., 1982. Народы нашей страны в «Истории» Геродота: Тексты, перевод, комментарии. М.
Доржсурэн Ц., 1961. Умард Хунну. Уланбаатар.
Доржсурэн Ц., 1962. Раскопки могил хунну в горах Ноин-Ула на р. Хуни-гол (1954—1957 гг.) // МАС.
Древности Туябугуза. Ташкент, 1978.
Древности Чарвака. Ташкент, 1976.
Древности Чардары. М., 1968.
Древняя и средневековая культура юго-восточного Устюрта. Ташкент, 1978.
Дремов В. А., 1973. Антропологические материалы из тагарских курганов Кемеровской обл. // Из истории Сибири. Томск. Вып. 7.
Дремов В. А., 1978. Антропологические данные о древнем населении Обь-Иртышского междуречья: Усть-Тартасский могильник // Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск.
Дуке Х., 1982. Туябугузские поселения бургулюкской культуры. Ташкент.
Дульзон А. П., 1968. О древней центральноазиатской языковой общности // ТТГУ. Т. 197.
Дьяконов М. М., Мандельштам А. М., 1958. Средняя Азия в III—IV вв. // Очерки истории СССР: Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. III—IX вв. н. э. М.
Дьяконова В. П., 1970а. Археологические раскопки на могильнике Кокэль в 1966 г. // ТТКАЭЭ. Т. 3.
Дьяконова В. П., 1970б. Большие курганы-кладбища на могильнике Кокэль: По результатам раскопок за 1963, 1965 гг. // ТТКАЭЭ. Т. 3.
Дэвлет М. А., 1958. Погребальные сооружения тагарской культуры // ВМГУ. Сер. ист.-филологич. № 4.
Дэвлет М. А., 1961. К вопросу о тагаро-таштыкских взаимоотношениях // СА. № 4.
Дэвлет М. А., 1964. Керамика позднетагарских курганов Красноярского р-на // СА. № 2.
Дэвлет М. А., 1965. Большая Боярская писаница // СА. № 3.
Дэвлет М. А., 1966. Племена бассейна среднего Енисея в раннем железном веке: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
Дэвлет М. А., 1968. Из истории освоения металлургии железа на среднем Енисее // СА. № 1.
Дэвлет М. А., 1975. Памятники «скифского» времени в северо-восточной Туве // ПАС.
Дэвлет М. А., 1976а. Боярская писаница. М.
Дэвлет М. А., 1976б. Петроглифы Улуг-Хема. М.
Дэвлет М. А., 1976в. К истории исследования памятников тагарской культуры // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. Кемерово.
Дэвлет М. А., 1976г. О происхождении минусинских ажурных поясных пластин // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.
Дэвлет М. А., 1976д. Большой Салбыкский курган — могила племенного вождя // Из истории Сибири. Томск. Вып. 21.
Дэвлет М. А., 1980а. Петроглифы Мугур-Саргола. М.
Дэвлет М. А., 1980б. Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н. э.— I в. н. э. // САИ. Вып. Д4-7.
Дэвлет М. А., 1982. Петроглифы на кочевой тропе. М.

Дэвлет М. А., 1985. К истории исследования петроглифов Енисея: Работы А. В. Адрианова // Археология Южной Сибири. Кемерово. Вып. 13.
Евтюхова Л. А., 1946. Древнекитайское здание на среднем Енисее // ВДИ. № 1.
Евтюхова Л. А., 1947. Развалины дворца в земле «Хягас» // КСИИМК. Вып. 21.
Евтюхова Л. А., *Киселев С. В.*, 1940. Чаатас у с. Копены // Тр. ГИМ. Вып. 11.
Евтюхова Л. А., *Левашева В. П.*, 1946. Раскопки китайского дома близ Абакана // КСИИМК. Вып. 12.
Евтюхова Л. А., *Терехова Н. Н.*, 1965. Плиточные могилы Кондуйской долины // Новое в советской археологии. М. (МИА. № 130).
Елин В. Н., *Васютин А. С.*, 1984. Новые материалы предтюркского времени из восточного Алтая // Проблемы археологии степей Евразии. Кемерово.
Елин В. Н., *Васютин А. С.*, 1986. Воинское погребение предкудыргинского времени на могильнике Кок-Паш из восточного Алтая // Материалы по археологии Горного Алтая. Горно-Алтайск.
Елькина М. В., 1977. Поселения раннего железного века в Сургутском Приобье // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири (ВАУ. Вып. 15). Свердловск.
Ермолаева А. С., 1983. Раскопки могильника у с. Измайловка // АО 1981 г.
Ермолаева А. С., 1985. Исследования на левом берегу Иртыша в Восточном Казахстане // АО 1983 г.
Ермолова Н. М., *Марков Ю. Н.*, 1983. Датирование археологических образцов из могильников эпохи бронзы Южной Сибири // Древние культуры евразийских степей. Л.
Ефимов В. Г., *Паульс Е. Д.*, 1987. К методике исследования позднетагарских склепов из работ Среднеенисейской экспедиции на Означенской оросительной системе // Исторические чтения памяти М. П. Грязнова: ТДОНК. Омск.
Жданко Т. А., 1968. Номадизм в Средней Азии и Казахстане // История, археология и этнография Средней Азии. М.
Жуков В. Д., 1951. Отчет о работе 2-го отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала // ТИИА АН УзССР. Т. 4.
Завитухина М. П., 1961. Могильник времени ранних кочевников близ г. Бийска // АСГЭ. Вып. 3.
Завитухина М. П., 1966а. Курганный могильник Сростки II на Алтае // СГЭ. Вып. 27.
Завитухина М. П., 1966б. Курганы у с. Быстрянского в Алтайском крае // АСГЭ. Вып. 8.
Завитухина М. П., 1968а. Ордынские курганы V—IV вв. до н. э. // АСГЭ. Вып. 10.
Завитухина М. П., 1968б. Раскопки тагарских курганов на Енисее // ТД научн. сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1967 г. Л.
Завитухина М. П., 1976. Таштыкская культура на Енисее (I в. до н. э.— V в. н. э.) // Древняя Сибирь: Путеводитель по выставке «Культура и искусство древнего населения Сибири». Л.
Заднепровский Ю. А., 1959. Археологические памятники юга Киргизии в связи с вопросом о происхождении киргизского народа // ТКАЭЭ. Т. 3.
Заднепровский Ю. А., 1960а. Археологические работы в южной Киргизии в 1957 г. // КСИИМК. Вып. 78.
Заднепровский Ю. А., 1960б. Археологические памятники южных районов Ошской обл. Фрунзе.
Заднепровский Ю. А., 1962. Древнеземледельческая культура Ферганы. М.; Л.
Заднепровский Ю. А., 1971. Об этнической принадлежности памятников кочевников Семиречья усуньского периода II в. до н. э.— V в. н. э. // СИНВ. Вып. 10.
Заднепровский Ю. А., 1975а. Опыт региональной классификации погребальных памятников кочевников Средней Азии древнего периода (II в. до н. э.— VI в. н. э.) // Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. Фрунзе.
Заднепровский Ю. А., 1975б. К истории кочевников Средней Азии кушанского периода // ЦАКЭ. Т. 2.
Заднепровский Ю. А., 1975в. Вопросы хронологии и периодизации памятников ранних кочевников Средней Азии // УСА. Вып. 3.
Заднепровский Ю. А., *Кожомбердиев И. К.*, 1984. Кочевники в VI в. до н. э.— середине VI в. н. э. // История Киргизской ССР. Фрунзе. Т. 1.
Зайцев М. А., *Свинин В. В.*, 1978. Могильник раннего железного века Хужир II (о-в Ольхон на Байкале). Иркутск.
Замоторин И. М., 1959. Относительная хронология Пазырыкских курганов // СА. № 1.
Замоторин И. М., 1963. О возможности установления относительных датировок территориально удаленных сооружений методом анализа древесных стволов в условиях Горного Алтая // СА. № 2.
Запорожская В. Д., *Конопацкий А. К.*, 1980. Древние изваяния Сибири: Путеводитель. Новосибирск.
Засецкая И. П., 1982. Погребение у с. Кызыл-Адыр Оренбургской обл.: К вопросу о гунно-хуннских связях // Древние памятники культуры на территории СССР. Л.
Захариева Е. И., 1974. Археологическое дерево как исторический источник: Дендрохронология Саяно-Алтайских курганов в VIII—III вв. до н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
Захариева Е. И., 1976. Дендрохронологические исследования кургана Аржан // СА. № 1.
Збруева А. В., 1952. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. № 30.
Зданович Г. Б., 1964. Находки из кургана на р. Куртамыш // ВАУ. Вып. 6.
Зданович Г. Б., 1967. Лихачевское городище на р. Ишим // V Уральское археологическое совещание: Тез. докл. и сообщений. Сыктывкар.
Зданович Г. Б., 1969. Покровский могильник на р. Ишим // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата.
Зданович С. Я., 1979. Саргаринская культура — заключительный этап бронзового века в Северном Казахстане: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
Зеймаль Е. В., 1968. Кушанская хронология: Материалы к проблеме. Душанбе.
Зеймаль Е. В., 1972. Тали-Барзинский клад монет с изображением лучника // СГЭ. Вып. 34.
Зелинский А. Н., 1960. Могильник Дарай-Абхарв в верховьях Пянджа // СА. № 3.
Зелинский А. Н., 1965. Древнее погребение на южном Памире // СИНВ. Вып. 4.
Зима Б. М., 1941. Иссыккульские жертвенники. Фрунзе.
Зима Б. М., 1982. Иссыккульские жертвенники // *Зима Б. М.* Избранные научные труды по истории компартии Киргизии и истории КиргССР. Фрунзе.
Зуев Ю. А., 1957. К вопросу о взаимоотношениях усуней и канцзюй с гуннами и Китаем во второй половине I в. до н. э. // ИАН КазССР. Сер. истории, экономики, философии и права. Вып. 2 (5).
Зуев Ю. А., 1974. Юечжи и кушаны в свете китайских источников // ЦАКЭ. Т. 1.
Зуев Ю. А., 1977. Политическая история хуннов, усуней и кангюев // История Казахской ССР. Алма-Ата. Т. 1.
Зырянов А. Н., 1863. Курганы у с. Замараевского Шадринского уезда // ИРАО. Т. 4.
Зырянов А. Н., 1881. Курганы и городища Шадринского уезда Пермской губернии и находки в них // ЗУОЛЕ. Т. 7, вып. 3.
Иванов В. В., *Топоров В. Н.*, 1980. Индоевропейская мифология // Мифы народов мира [Энцикл.]. М. Т. 1.
Иванова Л. А., 1982. Этнография и искусство Океании // ВАН СССР. № 1.
Иессен А. А., 1952. Ранние связи Приуралья с Ираном // СА. Т. 16.
Иессен А. А., 1953. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге европейской части СССР // СА. Т. 18.
Ильинская В. А., 1971. Образ кошачьего хищника в раннескифском искусстве // СА. № 2.
Ильинская В. А., *Тереножкин А. И.*, 1983. Скифия VII—VI вв. до н. э. Киев.
Иностранцев К. А., 1926. Хунну и гунны. Л.
Исмагулов О., 1962. Антропологическая характеристика усуней Семиречья // ТИИАЭ АН КазССР. Т. 16.
Исмагулов О., 1982. Этническая антропология Казахстана. Алма-Ата.
История Бурят-Монгольской АССР. Улан-Удэ, 1951. Т. 1.
История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Алма-Ата, 1977. Т. 1.
История Киргизской ССР с древнейших времен до середины XIX в. Фрунзе, 1984. Т. 1.
История таджикского народа с древнейших времен до V в. н. э. М., 1963. Т. 1.
История Туркменской ССР. Ашхабад, 1957. Т. 1, кн. 1.
Итина М. А., 1961. Раскопки могильника тазабагъябской

культуры Кокча 3 // Могильник бронзового века Кокча 3. М. (МХЭ. Вып. 5).
Итина М. А., 1977. История степных племен южного Приаралья, II — начало I тысячелетия до н. э. М. (ТХЭ. Т. 10).
Итина М. А., 1979. От редактора // Кочевники на границах Хорезма. М. (ТХЭ. Т. 11).
Итина М. А., 1981. Хорезмская экспедиция — основные итоги и перспективы исследований // Культура и искусство древнего Хорезма. М.
Итина М. А., 1984а. Загадочные ограды на курганных группах низовьев Сырдарьи и Южного Приуралья // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.
Итина М. А., 1984б. Охранные археологические работы в Хорезме: Итоги и перспективы // СЭ. № 1.
Кабанов С. К., 1969. Изучение стратиграфии городища Афрасиаб // СА. № 1.
Кабанов С. К., 1973. Стратиграфический раскоп в северной части городища Афрасиаб // Афрасиаб. Ташкент. Т. 2.
Кабанов С. К., 1981. Освоение западных районов города на ранних этапах его жизни // К исторической топографии древнего и средневекового Самарканда. Ташкент.
Кабо В. Р., 1972 [Рец.] // СЭ. № 2.— Рец. на кн.: *Lommel A.* Geschichte der Menschheit. Zürich, 1970.
Кадырбаев М. К., 1959. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана // ТИИАЭ АН КазССР. Т. 7.
Кадырбаев М. К., 1966. Памятники тасмолинской культуры // *Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М.* Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата.
Кадырбаев М. К., 1968. Некоторые итоги и перспективы изучения археологии раннежелезного века Казахстана // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата.
Кадырбаев М. К., 1977. Восточный Казахстан // История Казахской ССР. Алма-Ата. Т. 1.
Кадырбаев М. К., Марьяшев А. Н., 1977. Наскальные изображения хребта Каратау. Алма-Ата.
Кадыров Э., 1975а. Древние погребальные памятники Ферганы как исторический источник: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент.
Кадыров Э., 1975б. Новые материалы к изучению культуры древних скотоводов Ферганы: По материалам раскопок могильника Гурмирон в 1973 г. // УСА. Вып. 3.
Каменецкий И. С., Кропоткин В. В., 1962. Погребение гуннского времени близ Танаиса // СА. № 3.
Кармышева Б. Х., 1969. Типы скотоводства в южных районах Узбекистана и Таджикистана (конец XIX — начало XX в.) // СЭ. № 3.
Карцов В. Г., 1929. Материалы к археологии Красноярского р-на. Красноярск.
Кацурис К., Буряков Ю., 1963. Изучение ремесленного квартала античного Мерва у северных ворот Гяуркалы // ТЮТАКЭ. Т. 12.
Кибиров А. К., 1959а. Археологические памятники Чаткала // ТКАЭЭ. Т. 2.
Кибиров А. К., 1959б. Археологические работы в Центральном Тянь-Шане 1953—1955 гг. // ТКАЭЭ. Т. 2.
Кипарисова Н. П., 1960. О культурах лесного Зауралья // СА. № 2.
Кириллов И. И., 1979. Восточное Забайкалье в древности и в средневековье. Иркутск.
Кириллов И. И., Кириллов О. И., 1985. Новые данные о культурно-исторических контактах восточнозабайкальских племен в эпоху бронзы // Древнее Забайкалье и его культурные связи. Новосибирск.
Кирюшин Ю. Ф., 1979. Работы Алтайской экспедиции // АО 1978 г.
Кирюшин Ю. Ф., 1980. Работы Алтайской экспедиции // АО 1979 г.
Киселев С. В., 1928. Тагарская культура // ТСА РАНИОН. Т. 4.
Киселев С. В., 1929. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г. // Ежегодник Гос. музея им. Н. М. Мартьянова. Минусинск. Т. 6, вып. 2.
Киселев С. В., 1947. Алтай в скифское время // ВДИ. № 2.
Киселев С. В., 1949. Древняя история Южной Сибири. М.: Л. (МИА. № 9).
Киселев С. В., 1951. Древняя история Южной Сибири. М.
Киселев С. В., 1956. Исследование Большого Салбыкского кургана в 1954 и 1955 гг. // ТД на сессии Отд-ния исторических наук и пленуме ИИМК, посвященных итогам археологических исследований 1955 г. М.
Киселев С. В., 1957. Древние города Монголии // СА. № 2.
К исторической топографии древнего и средневекового Самарканда. Ташкент, 1981.
Кияткина Т. П., 1976. Материалы к палеоантропологии Таджикистана. Душанбе.
Кияткина Т. П., 1977. Антропологические работы в долине Кетмень-Тюбе // Кетмень-Тюбе. Фрунзе.
Клейн Л. С., 1979. Проблема X // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства: ТДВАК. Кемерово.
Клеменц Д. А., 1886. Древности Минусинского музея. Томск.
Кляшторный С. Г., 1964. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.
Ковалевская В. Б., 1979. Поясные наборы Евразии IV—IX вв. Пряжки // САИ. Вып. Е1-2.
Коваленко Т., 1972. Реставрация гипсовых погребальных масок // СГЭ. Вып. 35.
Кожанов С. Г., 1984. Колесный транспорт эпохи Хань // Новое в археологии Китая: Исследования и проблемы. Новосибирск.
Кожин П. М., 1972. Новые материалы сарматского времени на юге Тюменской обл. // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М.
Кожомбердиев И. К., 1960. Новые данные о Кенкольском могильнике // КСИИМК. Вып. 80.
Кожомбердиев И. К., 1963. Катакомбные памятники Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе.
Кожомбердиев И. К., 1972. Раскопки Токтогульского отряда // АО 1971 г.
Кожомбердиев И. К., 1975а. Саки Кетмень-Тюбе // Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. Фрунзе.
Кожомбердиев И. К., 1975б. Искусство саков Тянь-Шаня // Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. Фрунзе.
Кожомбердиев И. К., 1975в. Культура кочевников Тяньшано-Алая первой половины I тысячелетия н. э.: По материалам катакомбных курганов // ЦАКЭ. Т. 2.
Кожомбердиев И. К., 1976. Работы в Кум-Арыке // АО 1975 г.
Кожомбердиев И., 1977а. Основные этапы истории культуры Кетмень-Тюбе // Кетмень-Тюбе. Фрунзе.
Кожомбердиев И. К., 1977б. Материалы для археологической карты Кетмень-тюбинской котловины // Кетмень-Тюбе. Фрунзе.
Кожомбердиев И. К., 1979. Сакская культура долины Кетмень-Тюбе // Тез. докл. конференции «Античная культура Средней Азии и Казахстана». Ташкент.
Кожомбердиев И. К., 1980. Раскопки в ущелье Кара-Куль // АО 1979 г.
Кожомбердиев И. К., 1981. Работы Курпсайского отряда // АО 1980 г.
Кожомбердиев И., 1983а. Памятники ранних кочевников в Киргизии: Саки Тянь-Шаня и Алая // Культура и искусство Киргизии: ТДВНК.
Кожомбердиев И., 1983б. Кенкольская культура // Культура и искусство Киргизии: ТДВНК.
Кожомбердиев И. К., 1986. Культура ранних кочевников западного Тянь-Шаня: По материалам курганных могильников VI в. до н. э.— VII в. н. э. долины Кетмень-Тюбе: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
Козенкова В. И., 1964. Гайраттепе // СА. № 3.
Козинцев А. Г., 1971. Демография тагарских могильников // СЭ. № 6.
Козинцев А. Г., 1977. Антропологический состав и происхождение населения тагарской культуры. Л.
Козлов П. К., 1925. Ноин-Улинские памятники // Краткие отчеты экспедиции по исследованию северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова. Л.
Кой-Крылганкала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э.— IV в. н. э. М., 1967 (ТХЭ. Т. 5).
Коляков С. М., 1983. Раскопки на поселении Гяур 3 // АО 1982 г.
Коляков С. М., 1984. Раскопки на поселении Гяур 3 // АО 1983 г.
Комарова М. Н., 1952. Томский могильник — памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири // МИА. № 24.
Коновалов П. Б., 1970. По следам Ю. Д. Талько-Грынцевича // Материалы по истории, филологии Центральной Азии. Улан-Удэ. Т. 4.

Коновалов П. Б., 1973а. Новые данные по культуре хунну // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока: ТД Всесоюзной конференции. Новосибирск.
Коновалов П. Б., 1973б. Раскопки в Ильмовой пади // АО 1972 г.
Коновалов П. Б., 1974а. О погребальном обряде хунну // Этнографический сб. Улан-Удэ. Т. 6.
Коновалов П. Б., 1974б. Раскопки курганов хуннской знати // Этнографический сб. Улан-Удэ. Т. 6.
Коновалов П. Б., 1975а. Погребальные памятники хунну: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск.
Коновалов П. Б., 1975б. Погребальные сооружения хунну // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск. Т. 3.
Коновалов П. Б., 1976а. Окончание раскопок хуннского кургана в Ильмовой пади // АО 1975 г.
Коновалов П. Б., 1976б. Хунну в Забайкалье: Погребальные памятники. Улан-Удэ.
Коновалов П. Б., 1985. Некоторые итоги и задачи изучения хунну // Древние культуры Монголии. Новосибирск.
Коновалов П. Б., *Свинин В. В.*, *Зайцев М. А.*, 1983. Могильник Ацай II и некоторые вопросы изучения плиточных могил Прибайкалья // По следам древних культур Забайкалья. Новосибирск.
Копылов И. И., 1953. Сакские племена Сырдарьи и Семиречья по археологическим данным: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
Копылов И. И., 1957а. Находка скифского шлема в Семиречье // Уч. зап. ААГПИ. Сер. обществ.-политич. Алма-Ата. Т. 14.
Копылов И. И., 1957б. Из истории техники литейного дела в сакское время // Уч. зап. ААГПИ. Сер. обществ.-политич. Алма-Ата. Т. 14.
Копылов И. И., 1958. Пирамидальные курганы Новоалексеевского могильника Илийской долины // Уч. зап. КазГПИ. Алма-Ата. Т. 15, вып. 2.
Копытова Л. И., 1974. Раскопки у с. Старая Преображенка // ИИС. Вып. 15.
Корпусова В. Н., *Белозор В. П.*, 1980. Могила киммерийского воина у Джанкоя в Крыму // СА. № 3.
Корякова Л. Н., 1977. Ансамбль некрополя саргатской культуры // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск (ВАУ. Вып. 14).
Корякова Л. Н., 1979а. К вопросу об этносе саргатской культуры // Вопросы финно-угроведения. Сыктывкар.
Корякова Л. Н., 1979б. Могильник саргатской культуры у с. Красноярка // СА. № 2.
Корякова Л. Н., 1979в. Роль географического фактора в сложении саргатской культуры // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск.
Корякова Л. Н., 1981а. Саргатская культура раннего железного века западносибирской лесостепи: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
Корякова Л. Н., 1981б. Хронология погребений саргатской культуры // ВАУ. Вып. 15.
Корякова Л. Н., 1984. Поселения саргатской культуры // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск (ВАУ. Вып. 17).
Корякова Л. Н., *Сергеев А. С.*, 1986. Географический аспект хозяйственной деятельности саргатской культуры // Проблемы урало-сибирской археологии. Свердловск (ВАУ. Вып. 18).
Корякова Л. Н., *Стефанов В. И.*, 1981. Городище Инберень IV на Иртыше // СА. № 2.
Косарев М. Ф., 1981. Бронзовый век Западной Сибири. М.
Косинская Л., 1974. Обследование неолитических поселений по Ишиму и Иртышу // ИИС. Вып. 15.
Косинцев П. А., 1986. Особенности хозяйства восточного склона Урала в раннем железном веке // Проблемы урало-сибирской археологии. Свердловск (ВАУ. Вып. 18).
Кошеленко Г. А., 1968. Парфия // ВДИ. № 1.
Краснов Ю. А., 1971. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. М.
Краснов Ю. А., 1986. Пахотные орудия хунну // КСИА. Вып. 186.
Крашенинников И. М., 1927. Характеристика растительного покрова Центрального Казахстана. Л. Вып. 3.
Крашенинникова Н. И., 1966. К вопросу об изучении древних могильников Ташкентского оазиса // Тр. ТашГУ. Вып. 295.
Кривцова-Гракова О. А., 1948. Алексеевское поселение и могильник // Тр. ГИМ. Вып. 17.
Крис Х. И., 1981. Кизил-кобинская культура и тавры // САИ. Вып. Д1-7.
Крупнов Е. И., 1958. Киммерийцы на Северном Кавказе // МИА. № 68.
Крупнов Е. И., 1960. Древняя история Северного Кавказа М.
Кубарев В. Д., 1972. Новые находки эпохи ранних кочевников в Горном Алтае // Очерки социально-экономической и культурной жизни Сибири. Новосибирск. Ч. 1.
Кубарев В. Д., 1976. Работы в Горном Алтае // АО 1975 г.
Кубарев В. Д., 1977. Первые работы в долине р. Юстыд // АО 1976 г.
Кубарев В. Д., 1978. Курганы Юстыда // АО 1977 г.
Кубарев В. Д., 1979. Древние изваяния Алтая: Оленные камни. Новосибирск.
Кубарев В. Д., 1980а. Археологические памятники Кош-Агачского р-на // Археологический поиск: Северная Азия. Новосибирск.
Кубарев В. Д., 1980б. Разведки и раскопки на Алтае // АО 1979 г.
Кубарев В. Д., 1981. Работы на Алтае // АО 1980 г.
Кубарев В. Д., 1987. Курганы Уландрыка. Новосибирск.
Кубарев В. Д., *Гребенщиков А. В.*, 1979. Курганы Чуйской степи: По материалам работ Восточноалтайского отряда в полевой сезон 1975 г. // Сибирь в древности. Новосибирск.
Кубарев В. Д., *Журавлева А. Д.*, 1986. Керамическое производство хуннов Алтая // Палеоэкономика Сибири. Новосибирск.
Кузьмин Н. Ю., 1982. Возможности интерпретации некоторых черт погребального обряда народов Сибири в гунно-сарматское время // Проблемы археологии и этнографии Сибири: ТД. Иркутск.
Кузьмин Н. Ю., 1983. Новые памятники тесинского времени на юге Хакасии и изучение древнекочевнических обществ // Новые экспедиционные исследования археологов Ленинграда: ТД к Всесоюзному совещанию «Археология в XI пятилетке». Л.
Кузьмин Н. Ю., 1985а. К реконструкции погребального обряда населения Минусинской котловины в скифское время: По материалам Среднеенисейской экспедиции // Археологические исследования в зонах мелиорации: Итоги и перспективы их интенсификации: ТД. Л.
Кузьмин Н. Ю., 1985б. Раскопки тесинского погребального комплекса на юге Хакасии // АО 1983 г.
Кузьмин Н. Ю., 1986. Курган Большое Русло в Хакасии // АО 1984 г.
Кузьмин Н. Ю., 1987. К вопросу о формировании раннетесинских культурных традиций // Исторические чтения памяти М. П. Грязнова: ТДОНК. Омск.
Кузьмин Н. Ю., 1988. Тесинский могильник у д. Калы // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири по материалам раскопок 1980—1984 гг. Л.
Кузьмин Н. Ю., *Варламов О. Б.*, 1988. Особенности погребального обряда племен Минусинской котловины на рубеже эры: Опыт реконструкции // Методические проблемы археологии Сибири. Новосибирск.
Кузьмина Е. Е., 1966. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии // САИ. Вып. В4-9.
Кузьмина Е. Е., 1970. Семиреченский вариант культуры эпохи поздней бронзы // КСИА. Вып. 122.
Кузьмина Е. Е., 1974. Кубкообразные сосуды Казахстана эпохи поздней бронзы // В глубь веков. Алма-Ата.
Кузьмина Е. Е., 1975. [Рец.] // СА. № 2.— *Вишневская О. А.* Культура сакских племен низовий Сырдарьи в VII—V вв. до н. э. по материалам Уйгарака. М., 1973 (ТХЭ. Т. 8).
Кузьмина Е. Е., 1977а. Конь в религии и искусстве саков и скифов // Скифы и сарматы. Киев.
Кузьмина Е. Е., 1977б. В стране Кавата и Афрасиаба. М.
Кузьмина Е. Е., 1980. Проблема реконструкции идеологических представлений сако-скифов // Идеологические представления древних обществ: ТД. М.
Кузьмина Е. Е., *Сариниди В. И.*, 1982. Два головных убора из погребений Тиллятепе и их семантика // КСИА. Вып. 170.
Кузьминых С. В., 1983. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке. М.
Кузнецов-Красноярский И. П., 1908. Минусинские древности. Томск.
Куйбышев А. В., *Медникова Э. М.*, *Могильников В. А.*, *Неверов С. В.*, *Суразаков А. С.*, *Уманский А. П.*, 1977, Работы Алтайской экспедиции // АО 1976 г.

Кулемзин А. М., 1970. Работы Акташского отряда Алтайской экспедиции // АО 1969 г.
Кулемзин А. М., 1971. Работы Кузбасской археологической экспедиции // АО 1970 г.
Кулемзин А. М., 1982. Воины древнего тагарского общества // Археология Северной Азии. Новосибирск.
Кулькова Т. Ф., 1975. Химическое исследование глиняных «голов» из склепов и могил тесинского этапа // КСИА. Вып. 142.
Кунгуров А. Л., 1980. Разведки на востоке Алтайского края // АО 1979 г.
Кунгуров А. Л., 1981. Работы Бийского отряда // АО 1980 г.
Кушаев Г. А., 1956. Два типа курганных погребений правобережья р. Или: По материалам Илийской экспедиции 1954 г. // ТИИАЭ АН КазССР. Т. 1.
Кушаев Г. А., 1963. Культура усуней правобережья реки Или (III в. до н. э.— III в. н. э.) // *Акишев К. А.*, *Кушаев Г. А.* Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата.
Кушаев Г. А., 1968. Ранние погребения Алакульской впадины // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата.
Кушева-Грозевская А. Н., 1929. Один из типов сарматского меча // Изв. Нижневолжского ин-та краеведения. Саратов. Т. 3.
Кызласов И. Л., 1973. О происхождении стремян // СА. № 3.
Кызласов И. Л., 1985а. Гуннский напильник // КСИА. Вып. 184.
Кызласов И. Л., 1985б. Орудия таштыкских ювелиров: К истории ремесленного производства в Южной Сибири // СА. № 1.
Кызласов Л. Р., 1958. Этапы древней истории Тувы // ВМГУ. Сер. ист.-филологич. № 4.
Кызласов Л. Р., 1960. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М.
Кызласов Л. Р., 1963. Хакасская археологическая экспедиция 1959 г. // Уч. зап. ХакНИИЯЛИ. Абакан. Вып. 9.
Кызласов Л. Р., 1969а. История Тувы в средние века. М.
Кызласов Л. Р., 1969б. О памятниках ранних гуннов // Древности Восточной Европы. М.
Кызласов Л. Р., 1970. Раскопки в Оглах-тах // АО 1969 г.
Кызласов Л. Р., 1971. Хакасская археологическая экспедиция 1969 г. // Уч. зап. ХакНИИЯЛИ. Абакан. Вып. 16.
Кызласов Л. Р., 1972. Сакская коллекция с Иссык-Куля // Новое в археологии. М.
Кызласов Л. Р., 1977. Уюкский курган Аржан и вопрос происхождения сакской культуры // СА. № 2.
Кызласов Л. Р., 1978. К изучению оленных камней и менгиров // КСИА. Вып. 154.
Кызласов Л. Р., 1979. Древняя Тува (от палеолита до IX $в_{г}$). М.
Кызласов Л. Р., 1981. Древняя культура чаатас VI—IX вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. Сер. Археология СССР. М.
Кызласов Л. Р., *Маргулан А. Х.*, 1950. Плиточные оградки могильника Бегазы // КСИИМК. Вып. 32.
Кызласов Л. Р., *Мерперт Н. Я.*, 1952 [Рец.] // ВДИ. № 1.— Рец. на кн.: *Бернштам А. Н.* Очерк истории гуннов. Л., 1951. 256 с.
Кюнер Н. В., 1961. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.
Ларичев В. Е., 1959. О происхождении культуры плиточных могил Забайкалья // Археологический сб. Улан-Удэ. Т. 1.
Ларичев В. Е., 1961. Бронзовый век северо-восточного Китая // СЭ. № 1.
Латынин Б. А., *Оболдуева Т. Г.*, 1959. Исфаринские курганы: К вопросу о системе хозяйства древней Ферганы // КСИИМК. Вып. 76.
Лебедев А. И., 1984. Новые памятники раннего железного века на северо-востоке Башкирии // Источники и источниковедение истории и культуры Башкирии. Уфа.
Лебедев А. И., 1986. К вопросу о населении северо-восточной Башкирии в эпоху раннего железа // Источники по истории и культуре Башкирии: ТД. Уфа.
Левашева В. П., 1928. Предварительное сообщение об археологических исследованиях Западно-Сибирского музея за 1926—1927 гг. // Изв. Западно-Сибирского музея. Омск. Вып. 1.
Левашева В. П., 1939. Из далекого прошлого южной части Красноярского края. Красноярск.
Левашева В. П., 1948. Два сосуда из курганов Омской обл. // КСИИМК. Вып. 20.
Левашева В. П., 1949. Варианты таштыкских погребений в Минусинском р-не и Хакасской а. о. // КСИИМК. Вып. 24.
Левашева В. П., 1956. Сельское хозяйство // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. М. (Тр. ГИМ. Вып. 32).
Левашева В. П., 1958. К вопросу о местных особенностях в погребениях тагарской культуры // СА. № 1.
Левашева В. П., 1962. Афанасьевский могильник Красный Яр в Хакасии // Историко-археологический сб. М.
Левашева В. П., *Рыгдылон Э. Р.*, 1952. Шалаболинский клад бронзовых котлов, хранящийся в Минусинском музее // КСИИМК. Вып. 13.
Левин М. Г., *Чебоксаров Н. Н.*, 1955. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // СЭ. № 4.
Левина Л. М., 1966. Керамика и вопросы хронологии памятников Джетыасарской культуры // Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М.
Левина Л. М., 1967. Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тысячелетии н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
Левина Л. М., 1968. К вопросу об антропоморфных изображениях в джетыасарской культуре // История, археология и этнография Средней Азии. М.
Левина Л. М., 1971. Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тысячелетии н. э. М. (ТХЭ. Т. 7).
Левина Л. М., 1974. Работы в Джетыасарском урочище // АО 1973 г.
Левина Л. М., 1975. Новые исследования памятников джетыасарской культуры в восточном Приаралье // Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. Л.
Левина Л. М., 1977. Исследования в Джетыасарском урочище // АО 1976 г.
Левина Л. М., 1979а. Исследования в Джетыасарском урочище // АО 1978 г.
Левина Л. М., 1979б. Поселения VII—V вв. до н. э. и «шлаковые» курганы южных районов Сырдарьинской дельты // Кочевники на границах Хорезма. М. (ТХЭ. Т. 11).
Левина Л. М., 1980. Раскопки городищ Джетыасарского урочища // АО 1979 г.
Левина Л. М., 1981а. Исследования в Джетыасарском урочище // АО 1980 г.
Левина Л. М., 1981б. Среднеазиатские связи джетыасарской культуры в I тысячелетии н. э. // Культура и искусство древнего Хорезма. М.
Левина Л. М., 1983. Исследования в Джетыасарском урочище // АО 1981 г.
Левина Л. М., 1986. Раскопки памятников Джетыасарского урочища // АО 1984 г.
Лерх П. И., 1868. Археологические исследования в Туркестанском крае в 1867 г. // ОАК за 1867 г. СПб.
Либеров П. Д., 1960. К истории скотоводства и охоты на территории Северного Причерноморья в эпоху раннего железа // МИА. № 53.
Либеров П. Д., 1963. Памятники скифского времени на среднем Дону // САИ. М. Вып. Д1-31.
Лившиц В. А., 1980. О происхождении древнетюркской рунической письменности // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата.
Липский А. Н., 1957. Раскопки 1953 г. в Хакасии // КСИИМК. Вып. 70.
Липский А. Н., 1966. Погребения тагарских воинов на р. Бидже // СА. № 2.
Литвинский Б. А., 1960. «Саки, которые за Согдом» // ТАН ТаджССР. Т. 120.
Литвинский Б. А., 1961а. Раскопки могильников на восточном Памире в 1958 г. // ТИИ АН ТаджССР. Т. 27.
Литвинский Б. А., 1961б. Раскопки могильников на восточном Памире в 1959 г. // ТИИ АН ТаджССР. Т. 31.
Литвинский Б. А., 1962. Памятники эпохи бронзы и раннего железа Каракумов // *Литвинский Б. А.*, *Окладников А. П.*, *Ранов В. А.* Древности Каракумов. Душанбе.
Литвинский Б. А., 1965. Среднеазиатские железные наконечники стрел // СА. № 2.
Литвинский Б. А., 1967. Джунский могильник и некоторые аспекты кангюйской проблемы // СА. № 2.
Литвинский Б. А., 1968. Кангюйско-сарматский фарн: К историко-культурным связям племен Южной России и Средней Азии. Душанбе.
Литвинский Б. А., 1969. История и культура восточной части Средней Азии от поздней бронзы до раннего средневековья: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М.
Литвинский Б. А., 1972а. Курганы и курумы западной Ферганы. М.

Литвинский Б. А., 1972б. Древние кочевники «Крыши мира». М.
Литвинский Б. А., 1973а. Украшения из могильников западной Ферганы. М.
Литвинский Б. А., 1973б. Керамика из могильников западной Ферганы. М.
Литвинский Б. А., 1976. Проблемы этнической истории древней и раннесредневековой Ферганы // История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). М.
Литвинский Б. А., 1978. Орудия и утварь из могильников западной Ферганы. М.
Литвинский Б. А., 1980. Сакская проблема [Выступление при обсуждении дискуссионных проблем отечественной скифологии] // НАА. Вып. 6.
Литвинский Б. А., 1985. Ареал древнепамирской культуры // Памироведение. Душанбе. Вып. 2.
Литвинский Б. А., Бубнова М. А., 1962. Раскопки курганов на восточном Памире в 1960 г. // ТИИ АН ТаджССР. Т. 34.
Литвинский Б. А., Погребова М. Н., Раевский Д. С., 1985. К ранней истории саков Восточного Туркестана // НАА. Вып. 5.
Литвинский Б. А., Седов А. В., 1983. Тепаи-шах: Культура и связи кушанской Бактрии. М.
Литвинский Б. А., Седов А. В., 1984. Культы и ритуалы Кушанской Бактрии. М.
Лоховиц В. А., 1963. Раскопки квадратного погребального сооружения на городище Чирик-Рабат // МХЭ. Вып. 6, ч. 1.
Лоховиц В. А., 1968. Новые данные о подбойных погребениях в Туркмении // История, археология и этнография Средней Азии. М.
Лоховиц В. А., 1979. Подбойно-катакомбные и коллективные погребения могильника Тумек-кичиджик // Кочевники на границах Хорезма. М. (ТХЭ. Т. 11).
Лоховиц В. А., Хазанов А. М., 1979. Подбойные и катакомбные погребения могильника Тузгыр // Кочевники на границах Хорезма. М. (ТХЭ. Т. 11).
Лубо-Лесниченко Е. И., 1975. Привозные зеркала Минусинской котловины. М.
Мадар Д., 1970. Три карты городов и поселений Монголии. Улан-Батор.
Майский И., 1921. Современная Монголия. Иркутск.
Максименков Г. А., 1961. Новые данные по археологии района Красноярска // ВИСДВ.
Максименков Г. А., 1968. Раскопки Черновского отряда // АО 1967 г.
Максименков Г. А., 1975. О значении некоторых тагарских погребений // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск.
Максименков Г. А., 1979. О подходе к изучению памятников тагарской культуры // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства. ТДВАК. Кемерово.
Максимова А. Г., 1959. Усуньские курганы левобережья р. Или // ИАН КазССР. Сер. истории, археологии и этнографии. Вып. 1 (9).
Максимова А. Г., 1960. Курганы сакского времени могильника Джувантобе // КСИИМК. Вып. 80.
Максимова А. Г., 1962. Погребальные сооружения скотоводческих племен // ТИИАЭ АН КазССР. Т. 14.
Максимова А. Г., 1968. Курганные могильники // *Максимова А. Г., Мерщиев М. С., Вайнберг Б. И., Левина Л. М.* Древности Чардары. Алма-Ата.
Максимова А. Г., 1969. Подбойные захоронения сакского времени // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата.
Максимова А. Г., 1970. Цепочка курганов из могильника Караша I // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата.
Максимова А. Г., 1972. Курганный могильник в урочище Кызыл-Кайнар // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата.
Максимова А. Г., 1973. Курумы хребта Каратау // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата.
Максимова А. Г., 1975. Узун-Булак и Шошкала — могильники усуньского времени // Древности Казахстана. Алма-Ата.
Максимова А. Г., 1978. Еще один курган Иссыкского могильника // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата.
Максимова А. Г., 1980. Курганы близ Талгара // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата.
Макшеев А. И., 1856. Описание низовьев Сырдарьи // Морской сб. СПб. Т. 23, № 9 [Отд. оттиск].
Маловицкая Л. Я., 1949 (1950). Тамдинский курганный могильник III—I вв. до н. э. // ИАН КазССР. № 67. Сер. археологич. Вып. 2.
Мамадаков Ю. Т., 1983. Работы Онгудайского отряда // АО 1981 г.
Мамадаков Ю. Т., 1985. Новые материалы гунно-сарматского времени в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла: Межвузовский сб. Барнаул.
Мамонова Н. Н., 1974. К антропологии гуннов Забайкалья // Расо-генетические процессы в этнической истории. М.
Мамонова Н. Н., 1979. Древнее население Монголии по данным палеоантропологии // III конгресс монголоведов. Улан-Батор.
Мамонова Н. Н., Тугутов Р. Ф., 1959. Раскопки гуннского могильника в Черемуховой пади // Археологический сб. БМНИИК. Улан-Удэ. Т. 1.
Мандельштам А. М., 1957. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей с древнейших времен до X в. н. э. // ТИИАЭ АН ТаджССР. Т. 53.
Мандельштам А. М., 1958. К вопросу о кидаритах // КСИЭ. Вып. 30.
Мандельштам А. М., 1963. Некоторые новые данные о памятниках кочевого населения южного Туркменистана в античную эпоху // ИАН ТуркССР. Сер. обществ. наук. Вып. 2.
Мандельштам А. М., 1966а. Кочевники на пути в Индию // МИА. № 136.
Мандельштам А. М., 1966б. Погребения срубной культуры в южной Туркмении // КСИА. Вып. 108.
Мандельштам А. М., 1967. Исследование могильников Бай-Даг II и Часкал II // АО 1966 г.
Мандельштам А. М., 1971. Мешрепитахтинский могильник // КСИА. Вып. 128.
Мандельштам А. М., 1972. История скотоводческих племен и ранних кочевников на юге Средней Азии: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Л.
Мандельштам А. М., 1974. Происхождение и ранняя история кушан в свете археологических данных // ЦАКЭ. Т. 1.
Мандельштам А. М., 1975а. Памятники кочевников кушанского времени в северной Бактрии. Л.
Мандельштам А. М., 1975б. К гуннской проблеме // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск.
Мандельштам А. М., 1975в. О некоторых проблемах изучения истории ранних кочевников Средней Азии и Казахстана // УСА. Вып. 3.
Мандельштам А. М., 1976. К характеристике памятников ранних кочевников Закаспия // КСИА. Вып. 147.
Мандельштам А. М., 1978а. Об одном археологическом аспекте кушанской проблемы // Проблемы советской археологии. М.
Мандельштам А. М., 1978б. К восточным аспектам истории ранних кочевников Средней Азии и Казахстана // КСИА. Вып. 154.
Мандельштам А. М., 1981. Могильник Джанак I // КСИА. Вып. 167.
Мандельштам А. М., 1983а. Заметки об археологических памятниках усуней // Культура и искусство Киргизии: ТДВНК.
Мандельштам А. М., 1983б. Исследование на могильном поле Аймырлыг: Некоторые итоги и перспективы // Древние культуры евразийских степей. Л.
Мандельштам А. М., Стамбульник Э. У., 1977. Работы второго отряда Саяно-Тувинской экспедиции // АО 1976 г.
Мандельштам А. М., Стамбульник Э. У., 1980. О некоторых проблемах истории ранних кочевников Тувы // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл.
Маннай-оол М. Х., 1968. Оленные камни Тувы // Уч. зап. ТувНИИЯЛИ. Кызыл. Вып. 13.
Маннай-оол М. Х., 1970. Тува в скифское время: Уюкская культура. М.
Манылов Ю. П., 1975. Курганы VI—V вв. до н. э. в Хорезме // ОНУ. № 3.
Маргулан А. Х., 1948. Археологические разведки в Центральном Казахстане // ИАН КазССР. № 46. Сер. историч. Вып. 4.
Маргулан А. Х., 1950. Отчет о работах Центральноказахстан-

ской археологической экспедиции 1947 г. // ИАН КазССР. № 67. Сер. археологич. Вып. 2.
Маргулан А. Х., 1951. Третий сезон археологической работы в Центральном Казахстане // ИАН КазССР. № 108. Сер. археологич. Вып. 3.
Маргулан А. Х., 1979. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата.
Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М., 1966. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата.
Марков Г. Е., 1973. Некоторые проблемы возникновения и ранних этапов кочевничества в Азии // СЭ. № 1.
Марков Г. Е., 1976. Кочевники Азии. М.
Марков Г. Е., 1981. Скотоводческое хозяйство и кочевничество: Дефиниции и терминология // СЭ. № 4.
Марсадолов Л. С., 1981а. Памятники ранних кочевников в Усть-Куюме на Алтае: По раскопкам Г. П. Сосновского и Г. П. Сергеева // АСГЭ. Вып. 22.
Марсадолов Л. С., 1981б. Исследования в Онгудайском и Улаганском районах Горного Алтая // АО 1980 г.
Марсадолов Л. С., 1981в. О дендрохронологии памятников ранних кочевников Саяно-Алтая // Контакты и взаимодействие древних культур: Краткие ТД к научной конференции Отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа. Л.
Марсадолов Л. С., 1982. Зеркало из Алтайской коллекции П. К. Фролова // СГЭ. Вып. 47.
Марсадолов Л. С., 1984. О последовательности сооружения пяти больших курганов в Пазырыке на Алтае // АСГЭ. Вып. 25.
Марсадолов Л. С., 1985. Хронология курганов Алтая (VIII—IV вв. до н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
Мартынов А. И., 1972. Тусульские курганы тагарской культуры // ИЛАИ. Вып. 4.
Мартынов А. И., 1973а. Материалы раскопок тагарских курганов у с. Некрасово // ИЛАИ. Вып. 6.
Мартынов А. И., 1973б. Ягуня. Кемерово.
Мартынов А. И., 1974. Скульптурный портрет человека из Шестаковского могильника // СА. № 4.
Мартынов А. И.. 1979. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск.
Мартынов А. И., 1983. Историография археологии Сибири. Кемерово.
Мартынов А. И., 1987. Степи Евразии в истории человечества // Проблемы археологии степной Евразии: ТД. Кемерово. Ч. 1.
Мартынов А. И., Бобров В. В., 1971. Серебряковский могильник // ИЛАИ. Вып. 3.
Мартынов А. И., Мартынова Г. С., Кулемзин А. М., 1971. Шестаковские курганы. Кемерово.
Мартынов А. И., Мартынова Г. С., Кулемзин А. М., 1979. Конец скифской эпохи в Южной Сибири: Шестаковская культура // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства: ТДВАК. Кемерово.
Мартынов Г. С., 1955. Иссыкская находка // КСИИМК. Вып. 59.
Мартынова Г. С., 1971. Памятники ачинско-мариинской лесостепи в гунно-сарматское время (III в. до н. э.— V в. н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск.
Мартынова Г. С., 1976. Погребения с «кыргызскими вазами» в курганах Михайловского могильника // ИЛАИ. Вып. 7.
Мартынова Г. С., Покровская Н. Ф., 1979. Раскопки Третьего Тисульского могильника // Археология Южной Сибири. Кемерово.
Марущенко А. А., 1959а. Курганные погребения сарматского времени в подгорной полосе южного Туркменистана // ТИИАЭ АН ТуркССР. Т. 5.
Марущенко А. А., 1959б. Елькендепе // ТИИАЭ АН ТуркССР. Т. 5.
Маршак Б. И., 1971. К вопросу о восточных противниках Ирана в V в. // СИНВ. Вып. 10.
Массон В. М., 1959. Древнеземледельческая культура Маргианы // МИА. № 73.
Массон В. М., 1981. Алтындепе // ТЮТАКЭ. Л. Т. 18.
Массон В. М., Алекшин В. А., Боковенко Н. А., 1978. Всесоюзное совещание «Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана» // КСИА. Вып. 154.
Массон М. Е., 1940. Экспедиция археологического надзора на строительстве Большого Ферганского канала // КСИИМК. Вып. 4.
Матвеев А. В., 1985. Ирменские поселения лесостепного Приобья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск.
Матвеев А. В., 1986а. К проблеме этногеографии западносибирской лесостепи в скифскую эпоху // Скифская эпоха Алтая: ТД к конференции. Барнаул.
Матвеев А. В., 1986б. Работы Тюменской экспедиции // АО 1984 г.
Матвеев А. В., Матвеева Н. П., 1983. Разведки и раскопки на среднем Тоболе // АО 1981 г.
Матвеев А. В., Матвеева Н. П., 1985. Саргатский могильник у д. Тютрина: По раскопкам 1981 г. // КСИА. Вып. 184.
Матвеева Г. И., 1981. О происхождении именьковской культуры // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев.
Матвеева Н. П., 1985а. К вопросу о хронологии саргатских могильников Среднего Притоболья // Западная Сибирь в древности и средневековье. Тюмень.
Матвеева Н. П., 1985б. Работы Исетской экспедиции // АО 1983 г.
Матвеева Н. П., 1986а. О жертвенных камнях скифского времени из Зауралья // Скифская эпоха Алтая: ТД к конференции. Барнаул.
Матвеева Н. П., 1986б. Работы Лесостепной экспедиции // АО 1984 г.
Матвеева Н. П., 1987. О скотоводстве саргатских племен лесостепного Притоболья // Проблемы археологии степной Евразии: ТД. Кемерово. Ч. 2.
Материалы по истории сюнну: По китайским источникам/Предисловие, пер. и примеч. В. С. Таскина. Л., 1968. Т. 1.
Материалы по истории сюнну: По китайским источникам/Предисловие, пер. и примеч. В. С. Таскина. Л., 1973. Т. 2.
Матющенко В. И., 1974. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья: Неолит и бронзовый век. Томск. Ч. 4.
Матющенко В. И., 1983. Два пути решения проблем хронологии археологических памятников // Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири: ТД и сообщений к научной конференции (6—8 апреля 1986 г.). Барнаул.
Матющенко В. И., 1987. Новые материалы скифо-сибирского звериного стиля // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: ТД Всесоюзной конференции. Суздаль, 1987 г. М.
Матющенко В. И., 1988. Раскопки у д. Сидоровка в Прииртышье // АО 1986 г.
Медведская И. Н., 1972. Некоторые вопросы хронологии бронзовых наконечников стрел Средней Азии и Казахстана // СА. № 3.
Медведская И. Н., 1977. Работы Шаартузского отряда // АО 1976 г.
Медведская И. Н., 1980. Металлические наконечники стрел Переднего Востока и евразийских степей II — первой половины I тысячелетия до н. э. // СА. № 4.
Медникова Э. М., Могильников В. А., Уманский А. П., Шемякина А. С., Сергин В. Я., 1975. Работы Алейской экспедиции // АО 1974 г.
Мелюкова А. И., 1964. Вооружение скифов // САИ. Вып. Д1-4.
Мелюкова А. И., 1975. Поселение и могильник скифского времени у с. Николаевка. М.
Мерщиев М. С., 1962. Могильник у поселения Актобе // ТИИАЭ АН КазССР. Т. 14.
Мерщиев М. С., 1970. Поселение Кзыл-Кайнартобе I—IV вв. и захоронение на нем воина IV—V вв. // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата.
Миклашевская Н. Н., 1964. История распространения монголоидного типа на территории Киргизии // НТТашГУ. Вып. 235: Историч. науки. Кн. 49.
Миклухо-Маклай Н. Н., 1954. Собр. соч. М. Т. 5.
Минко М. К., 1907. Отчет о раскопках курганов в Челябинском уезде // ЗУОЛЕ. Т. 36.
Миняев С. С., 1975. К хронологии сюннуских памятников Забайкалья // Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана: Краткие ТД на конференции. Л.
Миняев С. С., 1976. Бактрийские латуни в сюннуских памятниках // Бактрийские древности. Л.
Миняев С. С., 1978. Результаты спектрального анализа Косогольского клада // Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск.
Миняев С. С., 1979а. Культуры скифского времени Центральной Азии и сложение племенного союза сюнну // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства: ТДВАК. Кемерово.

Миняев С. С., 1979б. Спектральный анализ бронз из погребений у горы Тепсей // *Грязнов М. П.* и др. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск.

Миняев С. С., 1980. Производство и распространение поясных пластин с зооморфными изображениями: По данным спектрального анализа // *Дэвлет М. А.* Сибирские поясные ажурные пластины, II в. до н. э.— I в. н. э. // САИ. Вып. Д4-7.

Миняев С. С., 1981. К проблеме выделения гуннских памятников Сибири // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск.

Миняев С. С., 1982. Бронзовые изделия хунну: Типология, производство, распространение: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.

Миняев С. С., 1983а. Хуннские бронзы на среднем Енисее // Древние культуры евразийских степей. Л.

Миняев С. С., 1983б. Производство бронзовых изделий у сюнну // Древние горняки и металлурги Сибири: Межвузовский сб. Барнаул.

Миняев С. С., 1985. К топографии курганных памятников сюнну // КСИА. Вып. 184.

Миняев С. С., 1987а. Дэрестуйский могильник и проблема периодизации сюннуских памятников // Исторические чтения памяти М. П. Грязнова: ТДОНК. Омск.

Миняев С. С., 1987б. Происхождение сюнну: Современное состояние проблемы // Проблемы археологии степной Евразии. Кемерово.

Миняев С. С., 1988. К проблеме «поздних» памятников сюнну // Древние памятники Северной Азии и их охранные раскопки. Новосибирск.

Михайлов Н. И., 1961. Горы Южной Сибири. М.

Могильников В. А., 1964. Население южной части лесной полосы Западной Сибири в конце I — начале II тысячелетия н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Могильников В. А., 1967. Исследования в лесостепном Прииртышье // АО 1966 г.

Могильников В. А., 1968а. Исследование курганной группы эпохи раннего железа Калачевка II // КСИА. Вып. 114.

Могильников В. А., 1968б. Исследования в Омском Прииртышье // АО 1967 г.

Могильников В. А., 1969а. Исследования в Среднем Прииртышье // АО 1968 г.

Могильников В. А., 1969б. Периодизация культур эпохи железа Среднего Прииртышья // Материалы конференции «Этногенез народов Северной Азии». Новосибирск.

Могильников В. А., 1970. К вопросу об этнокультурных ареалах Среднего Прииртышья и Приобья эпохи раннего железа // ПХКПАПЭС.

Могильников В. А., 1972а. Исследования в Омском Прииртышье // АО 1971 г.

Могильников В. А., 1972б. К вопросу о саргатской культуре // ПАДИУ.

Могильников В. А., 1972в. Кокоиовские и Саргатские курганы — памятники эпохи раннего железа западносибирской лесостепи // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М.

Могильников В. А., 1972г. Раскопки 1967 г. в Кокоиовке // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М.

Могильников В. А., 1972д. Работы Алейской экспедиции // АО 1971 г.

Могильников В. А., 1973. Калачевка — памятник позднего этапа саргатской культуры // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.

Могильников В. А., 1974. Работы в Омском Прииртышье // ИИС. Вып. 15.

Могильников В. А., 1976. Некоторые аспекты хозяйства племен лесостепи Западной Сибири эпохи раннего железа // ИИС. Вып. 21.

Могильников В. А., 1977. Основные линии развития Зауралья и Западной Сибири в эпоху железа // VI Уральское археологическое совещание: ТД. Нижний Тагил.

Могильников В. А., 1978. К вопросу о контактах населения Среднего Приобья и Прииртышья в раннем железном веке // Ранний железный век Западной Сибири. Томск.

Могильников В. А., 1979а. Исследования в Среднем Прииртышье // АО 1978 г.

Могильников В. А., 1979б. К вопросу о причинах и характере миграций в лесостепи Западной Сибири в раннем железном веке // Особенности естественногеографической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск.

Могильников В. А., 1980а. К вопросу о компонентах этногенеза алтайских тюрок // Барнаулу 250 лет: ТД и сообщений к научной конференции. Барнаул.

Могильников В. А., 1980б. О культурах западносибирской лесостепи раннего железного века: Итоги и проблемы изучения // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово.

Могильников В. А., 1980в. Исследования в Притоболье // АО 1979 г.

Могильников В. А., 1981а. Некоторые особенности генезиса культур лесостепи Западной Сибири в раннем железном веке // ВАУ. Вып. 15.

Могильников В. А., 1981б. Работы Алтайской экспедиции // АО 1980 г.

Могильников В. А., 1982а. О компонентах генезиса саргатской и гороховской культур // Проблемы археологии и перспективы изучения древних культур Сибири и Дальнего Востока: ТД. Якутск.

Могильников В. А., 1982б. Особенности этнокультурного развития населения лесостепи Западной Сибири в раннем железном веке // Проблемы археологии и этнографии Сибири: ТД региональной конференции (7—9 апреля 1982 г.). Иркутск.

Могильников В. А., 1983а. Об этническом составе культур Западной Сибири в эпоху железа // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск.

Могильников В. А., 1983б. [Рец.] // СА. № 4.— Рец. на кн.: *Васильев В. И.* Проблемы формирования северосамодийских народностей. М., 1979.

Могильников В. А., 1983а. Курганы Кара-Коба II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980—1982 гг. Горно-Алтайск.

Могильников В. А., 1983г. Курганы Кызыл-Джар I, VIII — памятник пазырыкской культуры Алтая // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск.

Могильников В. А., 1983д. Курганы Кызыл-Джар II и V и некоторые вопросы состава населения Алтая во второй половине I тысячелетия до н. э. // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск.

Могильников В. А., 1985. К характеристике культуры лесостепного Прииртышья в VII—VI вв. до н. э. // КСИА. Вып. 184.

Могильников В. А., 1986а. Некоторые аспекты этнокультурного развития Горного Алтая в раннем железном веке // Материалы по археологии Горного Алтая. Горно-Алтайск.

Могильников В. А., 1986б. О взаимоотношениях населения кулайской и саргатской культур // КСИА. Вып. 186.

Могильников В. А., 1988. Работы Алтайской экспедиции // АО 1986 г.

Могильников В. А., *Куйбышев А. В.*, 1978. Работы в Среднем Прииртышье // АО за 1977 г. М.

Могильников В. А., *Куйбышев А. В.*, *Суразаков А. С.*, 1978. Раскопки в Кызыл-Джаре // АО 1977 г.

Могильников В. А., *Суразаков А. С.*, 1980. Археологические исследования в долинах рек Боротал и Алагаил // СА. № 2.

Могильников В. А., *Уманский А. П.*, 1981. Курганы раннего железного века на Чумыше // КСИА. Вып. 167.

Могильников В. А., *Цепкин Е. А.*, 1968. Рыболовство у населения лесного Прииртышья в эпоху железа // СА. № 3.

Мокрынин В. П., 1977. Раннекочевнические курганы в урочище Теке-Таш // Кетмень-Тюбе. Фрунзе.

Мокрынин В. П., *Гаврюшенко П. П.*, 1975. Курганы сакского времени долины р. Тон // Археологические памятники Прииссыккулья. Фрунзе.

Мокрынин В. П., *Лубо-Лесниченко Е. И.*, *Шер Я. А.*, 1977. Работы Южнокиргизского отряда // АО 1976 г.

Молодин В. И., 1983. Бараба в древности: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск.

Молодин В. И., 1985. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск.

Молодин В. И., *Петрин В. Т.*, 1985. Разведки в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул.

Молодин В. И., *Полосьмак Н. В.*, 1979. Курган 58 Преображенского могильника // Сибирь в древности. Новосибирск.

Морозов В. И., *Суханова Т. И.*, 1987. Исследования Северного отряда // АО 1985 г.

Монгайт А. Л., 1974. Археология Западной Европы: Бронзовый и железный век. М.

Мошинская В. И., 1953а. Городище и курганы Потчеваш // МИА. № 35.

Мошинская В. И., 1953б. Материальная культура и хозяйство Усть-Полуя // МИА. № 35.
Мошинская В. И., 1957. Сузгун II — памятник эпохи бронзы лесной полосы Западной Сибири // МИА. № 58.
Мошинская В. И., 1965. Археологические памятники Северо-Западной Сибири // САИ. Вып. Д3-8.
Мошкова М. Г., 1963. Памятники прохоровской культуры // САИ. Вып. Д1-10.
Мошкова М. Г., 1969. Погребения VI—IV вв. до н. э. в Челябинской группе курганов // Древности Восточной Европы. М.
Мошкова М. Г., 1972. Савроматские памятники северо-восточного Оренбуржья // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М.
Мошкова М. Г., 1973. Сарматы и Средняя Азия: ТД сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР. Ташкент.
Мошкова М. Г., 1974. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М.
Мошкова М. Г., Генинг В. Ф., 1972. Абатские курганы и их место среди лесостепных культур Зауралья и Западной Сибири // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М.
Мурзаев Э. М., 1957. Средняя Азия: Физико-географический очерк. М.
Мягков И. М., 1927. Находки на горе Кулайке // ТТОКМ. Т. 1.
Мягков И. М., 1929. Древности Нарымского края в собрании Томского краеведческого музея // ТТКМ. Т. 2.
Наваан Д., 1974. Керамика из плиточных могил по р. Онон // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск.
Нащекин Н. В., 1967. Косогольский клад // АО 1966 г.
Нейхардт А. А., 1982. Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л.
Неразик Е. Е., 1963. Предки таджикского народа в IV—V вв. // История таджикского народа. М. Т. 1.
Неразик Е. Е., 1966. Сельские поселения афригидского Хорезма. М.
Неразик Е. Е., 1976. Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.) // ТХЭ. Т. 9.
Низовья Амударьи, Сарыкамыш, Узбой: История формирования и заселения. М., 1960 (МХЭ. Вып. 3).
Николаев Р. В., 1961. Есаульский клад // СА. № 3.
Николаев Р. В., 1963. Курганы тагарской эпохи у г. Красноярска // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск.
Николаев Р. В., 1980. Красноярский вариант тагарской культуры // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово.
Новгородова Э. А., 1975. Карасукские традиции в раннескифском монументальном искусстве Монголии // Древний Восток. М.
Нурмуханбетов Б. Н., 1974. Раскопки погребальных памятников в Южном Казахстане // АО 1973 г.
Нурмуханбетов Б. Н., 1975. Катакомбы Борижарского могильника // Древности Казахстана. Алма-Ата.
Нурмуханбетов Б. Н., 1976. Могильник Мардан — погребальный памятник ранних земледельцев Отрарского оазиса // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата.
Нурмуханбетов Б. Н., 1978. Могильник Мардан // КСИА. Вып. 154.
ОАК за 1894 г. СПб., 1896.
ОАК за 1895 г. СПб., 1897.
ОАК за 1896 г. СПб., 1898.
Обельченко О. В., 1956. Куюмазарский могильник // ТИИА АН УзССР. Т. 8.
Обельченко О. В., 1957. Курганные погребения первых веков нашей эры и кенотафы Куюмазарского могильника // ТСАГУ. Нов. сер. Вып. 111: Историч. науки. Кн. 25.
Обельченко О. В., 1961. Лявандакский могильник // ИМКУ. Вып. 2.
Обельченко О. В., 1962а. Могильник Акджартепе // ИМКУ. Вып. 3.
Обельченко О. В., 1962б. Бронзовые зеркала Лявандакского могильника // КСИА. Вып. 91.
Обельченко О. В., 1963. Курганы около сел. Хазара // ИМКУ. Вып. 4.
Обельченко О. В., 1964. Из истории изучения курганных погребений в Средней Азии // ИМКУ. Вып. 5.
Обельченко О. В., 1965. Из истории изучения курганных погребений в Средней Азии // ИМКУ. Вып. 6.
Обельченко О. В., 1966. Сазаганские курганы // ИМКУ. Вып. 7.
Обельченко О. В., 1967. Погребение сарматского типа под Самаркандом // СА. № 2.
Обельченко О. В., 1968. Лавандакская пряжка: К истории кушан // ОНУ. № 8.
Обельченко О. В., 1969. Миранкульские курганы // ИМКУ. Вып. 8.
Обельченко О. В., 1972. Агалыксайские курганы // ИМКУ. Вып. 9.
Обельченко О. В., 1973. Курганы в окрестностях Самарканда // Афрасиаб. Ташкент. Т. 2.
Обельченко О. В., 1974. Курганные могильники эпохи кушан в Бухарском оазисе // Центральная Азия в кушанскую эпоху. М. Т. 1.
Обельченко О. В., 1978. Мечи и кинжалы из курганов Согда // СА. № 4.
Оболдуева Т. Г., 1948. Курганы каунчинской и джунской культур в Ташкентской обл. // КСИИМК. Вып. 23.
Оболдуева Т. Г., 1951. Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала // ТИИА АН УзССР. Т. 4.
Оганесян К., 1961. Арин-Берд. Ереван.
Окладников А. П., 1937. Очерки из истории западных бурят-монголов Л.
Окладников А. П., 1950а. Неолит и бронзовый век Прибайкалья // МИА. № 18.
Окладников А. П., 1950б. О раскопках в долине р. Селенги // Зап. БМНИИК. Улан-Удэ. Т. 10.
Окладников А. П., 1950в. Археологические исследования в низовьях Селенги // КСИИМК. Вып. 35.
Окладников А. П., 1951. Археологические исследования в Бурят-Монголии // ИАН СССР. Сер. истории и философии. Т. 8, вып. 5.
Окладников А. П., 1952а. О датировке забайкальских писаниц // Зап. БМНИИК. Улан-Удэ. Вып. 14.
Окладников А. П., 1952б. Работа Бурят-Монгольской археологической экспедиции в 1947—1950 гг. // КСИИМК. Вып. 45.
Окладников А. П., 1954а. Образ птицы в искусстве бронзового века Забайкалья и его аналогии в народном искусстве бурят // СЭ. № 1.
Окладников А. П., 1954б. Оленный камень с р. Иволги // СА. Т. 19.
Окладников А. П., 1955а. История Якутской АССР. М.; Л.
Окладников А. П., 1955б. Неолит и бронзовый век Прибайкалья // МИА. № 43. Ч. 3.
Окладников А. П., 1959. Триподы за Байкалом // СА. № 3.
Окладников А. П., 1962. О начале земледелия за Байкалом и в Монголии // Древний мир: Сб. статей, посвященных акад. В. В. Струве. М.
Окладников А. П., 1971. Многослойное поселение Санный Мыс на р. Уде // Материалы полевых исследований Дальневосточной археологической экспедиции. Новосибирск. Вып. 2.
Окладников А. П., 1972. Ранняя история Забайкалья в свете новых исследований: Итоги и проблемы // 50 лет освобождения Забайкалья от белогвардейцев и иностранных интервентов. Чита.
Окладников А. П., 1975. Древнее Забайкалье: Культурно-исторический очерк // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Новосибирск. Ч. 2.
Окладников А. П., 1976. История и культура Бурятии. Улан-Удэ. Предисловие.
Окладников А. П., 1980. Археология Тувы: Итоги и проблемы // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл.
Окладников А. П., Запорожская В. Д., 1969. Петроглифы Забайкалья. Л. Ч. 1.
Окладников А. П., Запорожская В. Д., 1970. Петроглифы Забайкалья. Л. Ч. 2.
Окладников А. П., Кириллов И. И., 1980. Юго-восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. Новосибирск.
Оразбаев А. М., 1958. Северный Казахстан в эпоху бронзы // ТИИАЭ АН КазССР. Т. 5.
Оразов А., 1975. О типах скотоводства в Ахале в конце XIX — начале XX в. // Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. М.
Особенности сельского хозяйства Адаевского уезда. Л., 1929.
Павлов П. Г., 1987. Преемственность тагарских и тесинских памятников на юге Хакасии // Исторические чтения памяти М. П. Грязнова: ТДОНК. Омск.

Памятники культуры и искусства Киргизии: Древность и средневековье: Каталог выставки Гос. Эрмитажа. Л., 1983.
Паульс Е. Д., 1983. Переходные карасук-тагарские памятники в южной части Минусинской котловины // Древние культуры евразийских степей. Л.
Паульс Е. Д., Подольский М. Л., Кузьмин Н. Ю., 1981. Раскопки могильника у д. Калы // АО 1980 г.
Перевозчиков И. В., 1967. Антропологический тип «кенкольцев» // ВА. Вып. 25.
Перевозчиков И. В., 1970. К палеоантропологии населения Алая в сакское время // ВА. Вып. 34.
Першиц А. И., 1982. Этнос в раннеклассовых оседло-кочевнических общностях // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М.
Петренко В. Г., 1978. Украшения Скифии VII—III вв. до н. э. // САИ. Вып. Д4-5.
Петренко В. Г., 1980. Изображение богини Иштар из кургана в Ставрополье // КСИА. Вып. 162.
Петров К. И., 1981. Очерки социально-экономической истории Киргизии VI — начала XIII в. Фрунзе.
Пилипко В. Н., 1975. Парфянское сельское поселение Гарры-Кяриз. Ашхабад.
Пилипко В. Н., 1984. Поселение раннежелезного века Гарры-Кяриз // Туркменистан в эпоху раннежелезного века. Ашхабад.
Плахов А. П., 1899. О раскопках курганов в Тобольской губернии // Отчет о деятельности Западно-Сибирского отдела РГО за 1897 г. Омск.
Погожева А. П., 1978. Погребения ранних кочевников на западе Горного Алтая // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск.
Погожева А. П., 1981. Раскопки могильников ранней бронзы и ранних кочевников на Алтае // АО 1980 г.
Подольский М. Л., 1980. Местные и «инородные» элементы ранней тагарской культуры // Проблемы скифо-сибирского историко-культурного единства. Кемерово.
Подольский М. Л., Тетерин Ю. В., 1979. Раскопки раннетагарских курганов в зоне Знаменской оросительной системы // АО 1978 г.
Подольский М. Л., Кузьмин Н. Ю., 1980. Раскопки на территории Означенской оросительной системы // АО 1979 г.
Полосьмак Н. В., 1981. Саргатские курганы у г. Куйбышева (лесостепная Бараба) // Проблемы западносибирской археологии: Эпоха железа. Новосибирск.
Полосьмак Н. В., 1984. Глиняные блюда саргатской культуры // Скифо-сибирский мир: Искусство и идеология. ТД Второй археологической конференции. Кемерово.
Полосьмак Н. В., 1985. Культура населения западной Барабы в скифо-сарматское время: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
Полосьмак Н. В., 1986. Культурная принадлежность горохов-ской группы памятников // КСИА. Вып. 186.
Полосьмак Н. В., 1987. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск.
Полосьмак Н. В., Гребнев Е. И., 1986. Особенности естественногеографической среды и хозяйственная деятельность населения Барабы в раннем железном веке // Палеоэкономика Сибири. Новосибирск.
Полторацкая В. Н., 1961. Могильник Березовка I // АСГЭ. Вып. 5.
Полторацкая В. Н., 1962. Знаки на предметах из курганов эпохи ранних кочевников в Горном Алтае // АСГЭ. Вып. 5.
Полторацкая В. Н., 1966. Памятники эпохи ранних кочевников в Туве: По раскопкам С. А. Теплоухова // АСГЭ. Вып. 8.
Попов С. А., 1964. Археологические находки в Оренбургской обл. // АЭБ. Т. 2.
Потапов Л. П., 1936. Очерки по истории Шории. М.; Л.
Потапов Л. П., 1984. Географический фактор в традиционной культуре и быте тюркоязычных народов Саяно-Алтайского региона // Роль географического фактора в докапиталистических обществах. Л.
Потемкина Т. М., 1969. Раскопки у с. Раскатиха на р. Тобол // Из истории Южного Урала и Зауралья. Челябинск. Вып. 4.
Потемкина Т. М., 1985. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М.
Пугаченкова Г. А., 1976. К познанию античной и раннесредневековой архитектуры северного Афганистана // Древняя Бактрия. М.
Пугаченкова Г. А., 1978. Дальверзинтепе и некоторые общие вопросы истории и культуры северной Бактрии. Ташкент
Пуллиблэнк Э. Дж., 1986. Язык сюнну/Пер. К. Б. Кепинг // Зарубежная тюркология. М. Вып. 1: Древние тюркские языки и литературы.
Пшеницына М. Н., 1964. Новый тип памятников III—II вв. до н. э. на Енисее // КСИА. Вып. 102.
Пшеницына М. Н., 1968. Работы Позднетагарского отряда // АО 1967 г.
Пшеницына М. Н., 1973а. Тагарские могильники у пос. Разлив на Енисее // АО 1972 г.
Пшеницына М. Н., 1973б. Большой курган — склеп II—I вв. до н. э. у горы Барсучиха на Енисее: ТД на секциях, посвященных итогам археологических исследований 1971 г. М.
Пшеницына М. Н., 1974. Курганы и могилы на дне Красноярского водохранилища // АО 1973 г.
Пшеницына М. Н., 1975а. Третий тип памятников тесинского этапа // Первобытная археология Сибири. Л.
Пшеницына М. Н., 1975б. Глиняная «голова» — предшественник таштыкской гипсовой маски // КСИА. Вып. 142.
Пшеницына М. Н., 1979. Тесинский этап // *Грязнов М. П.* и др. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск.
Пшеницына М. Н., Завьялов В. А., Пяткин Б. Н., 1975. Раскопки на территории Красноярского водохранилища // АО 1974 г.
Пшеницына М. Н., Подольский М. Л., 1977. Работы Бейской экспедиции // АО 1976 г.
Пшеницына М. Н., Немировская Е. Л., Ефимов В. Г., 1978. Раскопки памятников тесинского этапа у горы Тепсей на Енисее // АО 1977 г.
Пшеницына М. Н., Поляков А. С., Подольский М. Л., Савинов Д. Г., Кузьмин Н. Ю., 1979. Работы Среднеенисейской экспедиции на юге Хакасии // АО 1978 г.
Пшеничнюк А. Х., 1968. Охлебининский могильник // АЭБ. Т. 3.
Пшеничнюк А. Х., 1973. Кара-абызская культура: Население центральной Башкирии на рубеже нашей эры // АЭБ. Т. 5.
Пьянков И. В., 1964. К вопросу о маршруте похода Кира II на массагетов // ВДИ. № 3.
Пьянков И. В., 1968. «Саки»: Содержание понятия // ИООН АН ТаджССР. Вып. 3 (53).
Пьянков И. В., 1975. Массагеты Геродота // ВДИ. № 2.
Пьянков И. В., 1985. К вопросу о саках на Памире // Памироведение. Вып. 2. Душанбе.
Перлээ Х., 1957а. К истории древних городов и поселений Монголии // СА. № 3.
Пэрлээ Х., 1957б. Хунн нарын гурван хэрмийн улдэц [Остатки трех городищ хунну] // ШУХХ. Улаанбаатар.
Пэрлээ Х., 1957в. Хэрлен Барс гэдэг эвдэрхий хотыг малтан шинжилсэн тухай [О раскопках развалин Хэрлэн Барсхот] // ШУХБ. Улаанбаатар.
Радлов В. В., 1884. Древние аборигены Сибири // Живописная Россия. СПб. Т. 11.
Радлов В. В., 1888. Сибирские древности. СПб. Т. 1, вып. 1 (МАР. № 3).
Радлов В. В., 1894. Сибирские древности // МАР. № 15.
Радлов В. В., 1895. Сибирские древности: Из путевых заметок по Сибири // ЗРАО. Нов. сер. Т. 7, вып. 3/4.
Раевский Д. С., 1977. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М.
Раевский Д. С., 1983. Антропоморфные и зооморфные мотивы в репертуаре раннескифского искусства: К анализу предпосылок сложения скифского звериного стиля // АСГЭ. Вып. 23.
Ранов В. А., 1960. Наскальные рисунки у кишлака Лянгар (западный Памир) // ИООН АН ТаджССР. Вып. 1.
Ранов В. А., 1976. Изучение наскальных изображений западного Памира в 1972 г. // АРТ. Вып. 12.
Ранов В. А., Гурский А. В., 1966. Краткий обзор наскальных рисунков Горно-Бадахшанской АО ТаджССР // СЭ. № 2.
Рапопорт Ю. А., 1971. Из истории религии древнего Хорезма // ТХЭ. Т. 6.
Рапопорт Ю. А., Лапиров-Скобло М. С., 1963. Раскопки дворцового здания на городище Калылыгыр I в 1958 г. // МХЭ. Вып. 6, ч. 1.
Рапопорт Ю. А., Трудновская С. А., 1979. Курганы на возвышенности Чашгепе // Кочевники на границах Хорезма. М. (ТХЭ. Т. 11).
Рибо К., Лубо-Лесниченко Е. И., 1973. Оглахты и Лоулань: Две группы древних художественных тканей // СИНВ. Вып. 15.

Рижский М. И., 1968. Бронзовый век Забайкалья // История Сибири. Л. Т. 1.
Руденко С. И., 1930. К палеоантропологии южного Алтая // Казаки. Л.
Руденко С. И., 1953. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.
Руденко С. И., 1960. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.
Руденко С. И., 1962а. Сибирская коллекция Петра I // САИ. Вып. Д3-9.
Руденко С. И., 1962б. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.; Л.
Руденко С. И., Глухов А., 1927. Могильник Кудыргэ на Алтае // Материалы по этнографии. Л. Т. 3, вып. 29.
Руднев Н., 1900. Следы древних городов по Сырдарье // ПТКЛА. Ташкент. Т. 5.
Румянцев Г. Н., 1953. К вопросу о происхождении бурят-монгольского народа // Зап. БМНИИК. Улан-Удэ. Вып. 17.
Рыков П. С., 1935. Работы в совхозе «Гигант» (Караганда) // Археологические работы Академии на новостройках. М.; Л. Т. 2.
Рыков П. С., 1936. Археологические раскопки курганов в урочище «Три брата» в Калмыцкой обл., произведенные в 1933—1934 гг. // СА. Т. 1.
Савельева Т. В., 1980. Из истории изучения древностей в районе г. Алма-Аты // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата.
Савинов Д. Г., 1969. Погребение с бронзовой бляхой в Центральной Туве // КСИА. Вып. 119.
Савинов Д. Г., 1972. Археологические памятники хребта Чихачева // АО 1971 г.
Савинов Д. Г., 1973. Работы в Горном Алтае // АО 1972 г.
Савинов Д. Г., 1974. Курганы позднескифского времени в долине Узунтал // АО 1973 г.
Савинов Д. Г., 1975. К выделению ранних и поздних элементов в культуре пазырыкского времени // Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. Л.
Савинов Д. Г., 1977. О культурной принадлежности северокавказских камней-обелисков // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М.
Савинов Д. Г., 1978. О завершающем этапе культуры ранних кочевников Горного Алтая // КСИА. Вып. 154.
Савинов Д. Г., 1984. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.
Савинов Д. Г., 1986. Могильник Черное озеро I // АО 1984 г.
Савинов Д. Г., Членова Н. Л., 1978. Западные пределы распространения оленных камней и вопросы их культурно-этнической принадлежности // Археология и этнография Монголии. Новосибирск.
Саганашвили М. Н., 1977. Стеклянные сосуды из Тбилиси // КСИА. Вып. 151.
Салтовская Е. Д., 1978. О погребениях ранних скотоводов в северо-западной Фергане // КСИА. Вып. 154.
Сальников К. В., 1940. Три года работы на городище Чудаки // КСИИМК. Вып. 5.
Сальников К. В., 1947. Городище Чудаки Челябинской обл. по раскопкам 1937 г. // СА. Т. 9.
Сальников К. В., 1948. Древнейшее население Челябинской обл. Челябинск.
Сальников К. В., 1951. Археологические исследования в Курганской и Челябинской областях // КСИИМК. Вып. 37.
Сальников К. В., 1956. Исетские древние поселения // СА. Т. 25.
Сальников К. В., 1961. Опыт классификации керамики лесостепного Зауралья // СА. № 2.
Сальников К. В., 1962а. Иткульская культура: К вопросу о Зауральском ананьине // Краеведческие зап. Челябинск. Вып. 1.
Сальников К. В., 1962б. Царев курган на р. Тобол // ВАУ. Вып. 2.
Сальников К. В., 1965. Кельты Зауралья и Южного Урала // Новое в советской археологии. М.
Сальников К. В., 1966. Об этнической принадлежности населения лесостепного Зауралья в сарматское время // СЭ. № 5.
Сальников К. В., 1967. Очерки древней истории Южного Урала. М.
Самашев З. С., 1981. Исследования в зоне затопления Шульбинской ГЭС // АО 1980 г.
Самашев З. С., 1983. Раскопки могильника Карашат // АО 1981 г.
Самашев З. С., Боковенко Н. А., 1985. Исследования в Семипалатинской обл. // АО 1983 г.
Самашев З. С., Кулик В. К., 1975. Обследование наскальных рисунков Восточного Казахстана // АО 1974 г.
Самашев З. С., Кущ Г. А., 1985. Раскопки могильника Желдузек // АО 1983 г.
Сарианиди В. И., 1977. Древние земледельцы Афганистана. М.
Сарианиди В. И., 1983. Афганистан: Сокровища безымянных царей. М.
Седов А. В., 1979. Раскопки курганов и поселений в Бешкентской долине // АО 1978 г.
Седых В. Н., 1983. Работы на юге Хакасии // АО 1981 г.
Семенов В. А., 1983. Многослойная стоянка Тоора-Даш на Енисее // Древние культуры евразийских степей. Л.
Семенов Л. Ф., 1930. Материал к характеристике памятников материальной культуры Акмолинского округа // Вестник Центрального музея Казахстана. № 1.
Семенов Ю. И., 1982. Кочевничество и некоторые общие проблемы теории хозяйства и общества // СЭ. № 2.
Семенцов А. А., Романова Е. Н., Долуханов П. М., 1969. Радиоуглеродные даты лаборатории ЛОИА // СА. № 1.
Сергеева Н. Ф., 1981. Древнейшая металлургия меди юга Восточной Сибири. Новосибирск.
Серебряный Л. Р., Пшенин Г. Н., Пунинг Я.-М. К., Халмухамедова Р. А., 1980. Новые данные о развитии ландшафтов Ферганы в позднечетвертичное время // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М.
Симонов А. И., 1900. Джеты-асар // Туркестанские ведомости. № 800—817.
Синицын И. В., 1936. Позднесарматские погребения Нижнего Поволжья // ИНВИК. Т. 7.
Синицын И. В., 1948. Памятники предскифской эпохи // СА. Т. 10.
Синицын И. В., 1952. Археологические исследования в Саратовской обл. и Западном Казахстане // КСИИМК. Вып. 14.
Скалон К. М., 1941. Изображения животных на керамике сарматского периода // ТОИПКГЭ. Т. 1.
Скрипкин А. С., 1984. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов.
Словцов И. Я., 1884. О находках предметов каменного периода близ Тюмени в 1883 г. // Зап. ЗСО РГО. Омск. Кн. 7, вып. 1.
Смирнов Е. Т., 1897. Древности на среднем и нижнем течении р. Сырдарьи // ПТКЛА. Ташкент. Т. 5.
Смирнов К. Ф., 1961. Вооружение савроматов // МИА. № 101.
Смирнов К. Ф., 1964. Савроматы. М.
Смирнов К. Ф., 1974. Сарматы-огнепоклонники // Археология Северной и Центральной Азии. М.
Смирнов К. Ф., 1976. Савромато-сарматский звериный стиль // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.
Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е., 1977. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М.
Смирнов К. Ф., Петренко В. Г., 1963. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья // САИ. Вып. Д1-9.
Смирнов Н. Г., 1975. Ландшафтная интерпретация новых данных по фауне андроновских памятников Зауралья // ВАУ. Вып. 13.
Соболев В. И., 1978. Вознесенское городище — памятник середины II тысячелетия н. э. // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск.
Соколова З. П., 1957. К истории жилища обских угров // СЭ. № 2.
Сокольский Н. И., 1971. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М.
Сорокин С. С., 1954. Некоторые вопросы происхождения керамики катакомбных могил Ферганы // СА. Т. 20.
Сорокин С. С., 1956а. Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения как памятники местной культуры // СА. Т. 26.
Сорокин С. С., 1956б. О датировке и толковании Кенкольского могильника // КСИИМК. Вып. 64.
Сорокин С. С., 1958. Культура древних скотоводов в предгорьях Ферганы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
Сорокин С. С., 1960. Хакасский клад // СГЭ. Вып. 19.
Сорокин С. С., 1961а. Железные изделия из Кенкольской коллекции // СГЭ. Вып. 20.
Сорокин С. С., 1961б. Боркорбазский могильник // ТГЭ. Т. 5.
Сорокин С. С., 1962. Доследование Большого Берельского кургана // СГЭ. Вып. 23.

Сорокин С. С., 1966а. Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтармы // АСГЭ. Вып. 8.
Сорокин С. С., 1966б. Археологические работы на южном Алтае в 1961—1964 гг. // СГЭ. Вып. 27.
Сорокин С. С., 1969а. Материалы к археологии Горного Алтая // Уч. зап. Горн.-Алт. НИИЯЛИ. Вып. 8.
Сорокин С. С., 1969б. Большой Берельский курган: Полное издание материалов раскопок 1865 и 1959 гг. // ТГЭ. Т. 10.
Сорокин С. С., 1969в. Новый памятник VII—VI вв. до н. э. на южном Алтае // СА. № 2.
Сорокин С. С., 1974. Цепочка курганов времени ранних кочевников на правом берегу Кок-Су (южный Алтай) // АСГЭ. Вып. 16.
Сорокин С. С., 1975. О хронологических формулах и значении термина «могильник» // УСА. Вып. 3.
Сорокин С. С., 1977. Погребения эпохи великого переселения народов в районе Пазырыка // АСГЭ. Вып. 18.
Сорокин С. С., 1981. К вопросу о толковании внекурганных памятников // АСГЭ. Вып. 22.
Сосновский Г. П., 1928. Краткий отчет о летней работе археологического отряда Бурят-Монгольской экспедиции АН СССР в 1928 г. // Бурятиеведение. Верхнеудинск. № 1/4.
Сосновский Г. П., 1933. О находках Оглахтинского могильника // ПИМК. № 7/8.
Сосновский Г. П., 1933а. К истории добычи олова на востоке СССР // ПИМК. № 9/10.
Сосновский Г. П., 1934. Нижне-Иволгинское городище // ПИДО. № 7/8.
Сосновский Г. П., 1935. Дэрестуйский могильник // ПИДО. № 1/2.
Сосновский Г. П., 1940. Ранние кочевники Забайкалья // КСИИМК. Вып. 8.
Сосновский Г. П., 1941а. Ойротская автономная область // Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг. М.; Л.
Сосновский Г. П., 1941б. Плиточные могилы Забайкалья // ТОИПКГЭ. Т. 1.
Сосновский Г. П., 1946. Раскопки Ильмовой пади // СА. Т. 8.
Сосновский Г. П., 1947. О поселении гуннской эпохи в долине р. Чикоя // КСИИМК. Вып. 14.
Спасская Е. Ю., 1956. Медные котлы ранних кочевников Казахстана и Киргизии // Уч. зап. ААГПИ. Сер. обществ.-политич. Т. 2.
Спасская Е. Ю., 1958. Находки медных котлов ранних кочевников в Казахстане и Киргизии // Уч. зап. КазГПИ. Т. 15, вып. 2.
Спицын А. А., 1906а. Сибирская коллекция кунсткамеры // ЗОРСАРАО. Т. 8, вып. 1.
Спицын А. А., 1906б. Зауральские древние городища // ЗОРСАРАО. Т. 8, вып. 1.
Спришевский В. И., 1956. Некоторые находки из мугхона в собрании Музея истории // ТМИ УзССР. Вып. 3.
Спришевский В. И., 1961. Раскопки Чустского поселения // ОНУ. № 1.
Ставиский Б. Я., 1955. Древнейшие бронзовые изделия Чача в Государственном Эрмитаже // КСИИМК. Вып. 60.
Ставиский Б. Я., 1977. Кушанская Бактрия // Проблемы истории и культуры. М.
Степанова Н. Ф., 1986. Куюмский тип памятников VIII—VI вв. до н. э. // Скифская эпоха Алтая. Барнаул.
Стефанов В. И., Корочкова О. Н., 1984. Поселения заключительного этапа бронзового века на р. Тобол // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск (ВАУ. Вып. 17).
Стоянов В. Е., 1969а. Зауральские лесостепные поселения раннего железного века // КСИА. Вып. 119.
Стоянов В. Е., 1969б. Ранний железный век западносибирской лесостепи: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
Стоянов В. Е., 1969в. Узловское поселение // ВАУ. Вып. 8.
Стоянов В. Е., 1970. Классификация и периодизация западносибирских лесостепных памятников раннего железного века // ПХКПАПЗС.
Стоянов В. Е., 1973. О могильниках зауральско-западносибирской лесостепи: ранний железный век // ВАУ. Вып. 12.
Стоянов В. Е., 1975. Носиловское II поселение: О зауральских памятниках начала железного века // ВАУ. Вып. 13.
Стоянов В. Е., 1977. Некоторые черты социально-экономической организации древнего населения зауральско-западносибирской лесостепи: Ранний железный век // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск (ВАУ. Вып. 14).
Стоянов В. Е., Фролов В. Н., 1962. Курганные могильники у д. Воробьево // ВАУ. 4.
Стоянов В. Е., Ширяев А. Г., 1964. Селище Речкино I // ВАУ. Вып. 6.
Стрелков А. С., 1934. Большой семиреченский алтарь // С. Ф. Ольденбургу к 50-летию научно-общественной деятельности. Л.
Струве В. В., 1968. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л.
Ступников Р. Н., 1974. Плиточные могилы у ст. Оловянной Читинской обл. // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск. Вып. 4.
Субботин А. В., 1983. Тесинский склеп в с. Береш // Древние культуры евразийских степей. Л.
Сунчугашев Я. И., 1969. Горное дело и выплавка металлов в древней Туве. М.
Сунчугашев Я. И., 1975. Древнейшие рудники и памятники ранней металлургии в Хакасско-Минусинской котловине. М.
Сунчугашев Я. И., 1979. Древняя металлургия Хакасии: Эпоха железа. Новосибирск.
Суразаков А. С., 1979. Раскопки в Горном Алтае // АО 1978 г.
Суразаков А. С., 1980. Раскопки могильников в Горном Алтае // АО 1979 г.
Суразаков А. С., 1981. Исследования у с. Куюс в Горном Алтае // АО 1980 г.
Суразаков А. С., 1983. Курганы эпохи раннего железа в могильнике Кызык-Телань I // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980—1982 гг. Горно-Алтайск.
Суразаков А. С., 1984. Образ фольклорного богатыря в древнем изобразительном искусстве Горного Алтая // Национальное наследие и современность: Сб. статей по алтайскому фольклору и литературе. Горно-Алтайск.
Суразаков А. С., 1985. Горный Алтай и его северные предгорья в конце VI — начале II в. до н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск.
Суразаков А. С., 1986. К вопросу о семантике некоторых образов пазырыкского искусства // Материалы по археологии Горного Алтая. Горно-Алтайск.
Сухэбатор Г., 1975. К вопросу об этнической связи между хунну и сяньби // История и культура востока Азии. Новосибирск. Т. 3.
Сухбаатар Г., 1976. К вопросу об этнической принадлежности хуннов (сюнну) // Проблемы Дальнего Востока. Новосибирск. № 1.
Сыркина И. А., 1980. Исследование Борковского городища // АО 1979 г.
Талицкая И. А., 1953. Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья // МИА. № 35.
Талько-Грынцевич Ю. Д., 1898а. Суджинское доисторическое кладбище в Ильмовой пади // Тр. ТКОПОРГО. Т. 1, вып. 2.
Талько-Грынцевич Ю. Д., 1898б. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья // Тр. ТКОПОРГО. Т. 1, вып. 3.
Талько-Грынцевич Ю. Д., 1899. Суджинское доисторическое кладбище в Ильмовой пади // Тр. ТКОПОРГО. Т. 1, вып. 2.
Талько-Грынцевич Ю. Д., 1900а. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья // Тр. ТКОПОРГО. Т. 3, вып. 1.
Талько-Грынцевич Ю. Д., 1900б. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья // Тр. ТКОПОРГО. Т. 3, вып. 2/3.
Талько-Грынцевич Ю. Д., 1901. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. // Тр. ТКОПОРГО. Т. 4, вып. 2.
Талько-Грынцевич Ю. Д., 1903. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья // Тр. ТКОПОРГО. Т. 6, вып. 2.
Талько-Грынцевич Ю. Д., 1905. Древние аборигены Забайкалья в сравнении с современными инородцами // Тр. ТКОПОРГО. Т. 8, вып. 1.
Талько-Грынцевич Ю. Д., 1928. Население древних могил и кладбищ забайкальских. Верхнеудинск.
Таскин В. С., 1968а. Материалы по истории сюнну. М. Вып. 1.
Таскин В. С., 1968б. Скотоводство у сюнну по китайским источникам // Вопросы истории и историографии Китая. М.
Таскин В. С., 1973. Материалы по истории сюнну. М. Вып. 2.
Ташбаева К. И., 1981. Раннекочевнический могильник Джаргата // КСИА. Вып. 167.
Ташбаева К. И., 1983. О работе Тяньшаньского отряда // АО 1981 г.
Теплоухов С. А., 1925. Раскопки курганов в горах Ноин-Ула // Краткие отчеты экспедиции по исследованию северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова. Л.

Теплоухов С. А., 1927. Древние погребения в Минусинском крае // МЭ. Т. 3, вып. 2.
Теплоухов С. А., 1929. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // МЭ. Т. 4. Вып. 2.
Тереножкин А. И., 1935. Археологические разведки по р. Чу в 1929 г. // ПИДО. № 5/6.
Тереножкин А. И., 1941. [Рец.] // ИУэФ АН СССР. Сер. обществ. наук. № 2.— Рец. на статью: *Воеводский В. М., Грязнов М. П.* У-суньский могильник на территории Киргизской ССР (ВДИ. 1938. № 3).
Тереножкин А. И., 1950. Согд и Чач // КСИИМК. Вып. 33.
Тереножкин А. И., 1971. Скифская культура // ПСА.
Тереножкин А. И., 1976. Киммерийцы. Киев.
Тирацян Г. А., 1964. Некоторые черты материальной культуры Армении и Закавказья V—IV вв. до н. э. // СА. № 3.
Тихонов Б. Г., 1960. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье // МИА. № 90.
Толмачев В. Я., 1913. Древности Восточного Урала // ЗУОЛЕ. Т. 33.
Толстов С. П., 1938. Тирания Абруя: Из истории классовой борьбы в Согдиане и Тюркском каганате во второй половине VI в. н. э. // ИЗ. Т. 3.
Толстов С. П., 1947. Города гузов // СЭ. № 3.
Толстов С. П., 1948а. Древний Хорезм. М.
Толстов С. П., 1948б. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.
Толстов С. П., 1949. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР 1948 г. // ИАН СССР. Сер. истории и философии. Т. 6, вып. 3.
Толстов С. П., 1950а. Огузы, печенеги, море Даукара // СЭ. № 4.
Толстов С. П., 1950б. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР в 1949 г. // ИАН СССР. Сер. истории и философии. Т. 7, вып. 6.
Толстов С. П., 1952. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР (1945—1948) // ТХЭ. Т. 1.
Толстов С. П., 1954. Археологические работы Хорезмской экспедиции 1951 г. // СА. Т. 19.
Толстов С. П., 1958а. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955—1956 гг. // СЭ. № 1.
Толстов С. П., 1958б. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг. // ТХЭ. Т. 2.
Толстов С. П., 1961. Приаральские скифы и Хорезм: К истории заселения и освоения древней дельты Сырдарьи // СЭ. № 4.
Толстов С. П., 1962а. Результаты историко-археологических исследований 1961 г. на древних руслах Сырдарьи // СА. № 4.
Толстов С. П., 1962б. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.
Толстов С. П., 1963. Среднеазиатские скифы в свете новейших археологических открытий // ВДИ. № 2.
Толстов С. П., 1970. Работы Хорезмской экспедиции // АО 1969 г.
Толстов С. П., Воробьева М. Г., Рапопорт Ю. А., 1960. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1957 г. // МХЭ. Вып. 4.
Толстов С. П., Жданко Т. А., Итина М. А., 1963. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1958—1961 гг. // МХЭ. Вып. 6, ч. 1.
Толстов С. П., Итина М. А., 1966. Саки низовьев Сырдарьи: По материалам Тагискена // СА. № 2.
Толстой И., Кондаков Н., 1890. Русские древности в памятниках искусства. СПб., Вып. 3.
Тончева Г., 1972. Два надгробных монументальных памятника. София.
Тревер К. В., 1931. Находки из раскопок в Монголии 1924—1925 гг. // СГАИМК. Л. Вып. 9/10.
Тревер К. В., 1940. Памятники греко-бактрийского искусства. М.; Л.
Трифонов Ю. И., 1973. Исследования в Минусинской котловине // АО 1972 г.
Трифонов Ю. И., 1981. Работы на могильнике Джартас // АО 1980 г.
Трифонов Ю. И., 1985. Исследования в Верхнем Прииртышье // АО 1983 г.
Троицкая Т. Н., 1968. Поселения VII—VI вв. до н. э. у с. Завьялово Новосибирской обл. // КСИА. Вып. 114.
Троицкая Т. Н., 1970. О культурных связях населения Новосибирского Приобья в VII—I вв. до н. э. // ПХКПАПЗС.
Троицкая Т. Н., 1972. Новосибирское Приобье в VII—IV вв. до н. э. // Вопросы археологии Сибири. Новосибирск (Уч. зап. Новосибирск. пед. ин-та. Вып. 38).
Троицкая Т. Н., 1981. Раскопки курганов у с. Быстровка // АО 1980 г.
Троицкая Т. Н., 1985. Культуры скифо-сибирского круга в лесостепном Приобье // Проблемы древних культур Сибири. Новосибирск.
Трофимова Т. А., 1968. Черепа из подбойных и катакомбных захоронений могильника Тузгыр на территории юго-западного Приаралья // Материалы сессии, посвященной итогам полевых исследований 1967 г. М.
Трофимова Т. А., 1974. Черепа из подбойных и катакомбных захоронений могильника Тузгыр (юго-западное Приаралье) // Расогенетические процессы в этнической истории. М.
Трудновская С. А., 1963. Круглое погребальное сооружение на городище Чирик-Рабат // МХЭ. Вып. 6, ч. 1.
Трудновская С. А., 1979а. Ранние погребения юго-западной курганной группы могильника Тузгыр // Кочевники на границах Хорезма. М. (ТХЭ. Т. 11).
Трудновская С. А., 1979б. Об одной редкой серии индийских бус в юго-восточном Приаралье // Этнография и археология Средней Азии. М.
Труфанов А. Я., 1984. Материалы к происхождению и развитию красноозерской культуры лесостепного Прииртышья // Проблемы этнической истории тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск.
Труфанов А. Я., 1986. К вопросу о происхождении саргатской культуры: История изучения проблемы // Археологические, этнографические и исторические источники по истории Сибири. Омск.
Тумэн Д., 1985. Антропологическая характеристика хунну Монголии // Древние культуры Монголии. Новосибирск.
Умняков И. И., 1940. Тохарская проблема // ВДИ. № 3/4.
Умняков И. И., 1946. Тохары и тохарский вопрос // ТУзГУ. Нов. сер. № 31.
Ураков Б., 1982. Культура Бухарского оазиса второй половины I тысячелетия до н. э. и первой половины I тысячелетия н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
Усманова З. И., 1963а. Раскопки мастерской ремесленника парфянского времени на городище Гяуркала // ТЮТАКЭ. Т. 12.
Усманова З. И., 1963б. Эркала // ТЮТАКЭ. Т. 12.
Федоров В. И., 1952. Древнее искусственное орошение в районе Минусинского понижения // МИА. М.; Л. № 24.
Фрейман А. А., 1952. Тохарский вопрос и его разрешение в отечественной науке // Уч. зап. ЛГУ. Сер. восточных наук. Л. Т. 128, вып. 3.
Хабдулина М. К., 1975. Поселение Борки I // Гуманитарные науки. Караганда. Вып. 2.
Хабдулина М. К., 1976. Курган раннего железного века у с. Кенес // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата.
Хабдулина М. К., 1981. Раскопки в Северном Казахстане // АО 1980 г.
Хазанов А. М., 1963. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. № 4.
Хазанов А. М., 1971. Очерки военного дела сарматов. М.
Хазанов А. М., 1973. О периодизации истории евразийских степей // Проблемы этнографии Востока. М.
Хазанов А. М., 1975. Социальная история скифов. М.
Хамзина Е. А., 1981. Клад бронзовых изделий из Закамны // Новое в археологии Забайкалья. Новосибирск.
Хамзина Е. А., 1982. Археологические памятники Бурятии. Новосибирск.
Хамзина Е. А., 1983. Плиточный могильник в Баргузинской долине // По следам древних культур Забайкалья. Новосибирск.
Хлобыстина М. Д., 1963. Бронзовые изделия Хакасско-Минусинской котловины и развитие карасукской культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
Хлопин И. Н., 1980. Изготовление ворсовых ковров в Средней Азии в эпоху бронзы // КСИА. Вып. 161.
Ходжайов Т. К., 1980. К палеоантропологии древнего Узбекистана. Ташкент.
Ходукин Я. Н., 1926. Первые раскопки в горах Ноин-Ула. Иркутск.
Худяков Ю. С., 1978. О вооружении таштыкского воина // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск.
Цалкин В. И., 1966. Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии. М.

Цэвэндорж Д., 1985. Новые данные по археологии хунну: По материалам раскопок 1972—1977 гг. // Древние культуры Монголии. Новосибирск.

Чариков А. А., 1971. Коллекция бронзовых котлов из Восточного Казахстана // Информ. бюллетень Министерства культуры КазССР. Алма-Ата.

Чежина Е. Ф., 1983. Художественные особенности звериного стиля Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху // АСГЭ. Вып. 23.

Чемякин Ю. П., 1981. Городища Барсов Городок I/13 и I/14 // Проблемы западносибирской археологии: Эпоха железа. Новосибирск.

Чернецов В. Н., 1947. Опыт типологии западносибирских кельтов // КСИИМК. Вып. 17.

Чернецов В. Н., 1953а. Бронза усть-полуйского времени // МИА. № 35.

Чернецов В. Н., 1953б. Усть-полуйское время в Приобье // МИА. № 35.

Чернецов В. Н., 1953в. Древняя история Нижнего Приобья // МИА. № 35.

Чернецов В. Н., 1957. Нижнее Приобье в I тысячелетии н. э. // МИА. № 58.

Черников С. С., 1947. Наскальные изображения верховий Иртыша // СА. Т. 9.

Черников С. С., 1951а. Восточно-Казахстанская экспедиция // КСИИМК. Вып. 37.

Черников С. С., 1951б. Отчет о работах Восточно-Казахстанской экспедиции 1948 г. // ИАН КазССР. № 108. Сер. археологич. № 3.

Черников С. С., 1954. Поселения эпохи бронзы в Северном Казахстане // КСИИМК. Вып. 53.

Черников С. С., 1956. О работах Восточно-Казахстанской экспедиции // КСИИМК. Вып. 64.

Черников С. С., 1957а. Роль андроновской культуры в истории Средней Азии и Казахстана // КСИЭ. Вып. 26.

Черников С. С., 1957б. К изучению древней истории Восточного Казахстана // КСИИМК. Вып. 69.

Черников С. С., 1959. Работы Восточно-Казахстанской археологической экспедиции в 1956 г. // КСИИМК. Вып. 73.

Черников С. С., 1960а. О термине «ранние кочевники» // КСИИМК. Вып. 80.

Черников С. С., 1960б. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. № 88.

Черников С. С., 1964. Золотой курган Чиликтинской долины // КСИА. Вып. 98.

Черников С. С., 1965. Загадка Золотого кургана: Где и когда зародилось скифское искусство? М.

Черников С. С., 1972. Раскопки большого кургана в Чиликтинской долине // ТД на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1971 г. М.

Черников С. С., 1975а. Некоторые закономерности исторического развития ранних кочевников // ЦАКЭ. Т. 2.

Черников С. С., 1975б. К вопросу о хронологических периодах в эпоху ранних кочевников // ПАС.

Чеченов Н. М., 1978. Некоторые проблемы истории Центрального Кавказа в свете новейших археологических исследований в Кабардино-Балкарии // VIII Крупновские чтения: ТД. Нальчик.

Чиндина Л. А., 1977. Могильник Релка на средней Оби. Томск.

Членова Н. Л., 1961а. Основные вопросы происхождения тагарской культуры // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск.

Членова Н. Л., 1961б. Место культуры Тувы скифского времени в ряду других «скифских» культур Евразии // Уч. зап. ТувНИИЯЛИ. Т. 9.

Членова Н. Л., 1962а. Об оленных камнях Монголии и Сибири // Монгольский археологический сб. М.

Членова Н. Л., 1962б. Скифский олень // МИА. № 115.

Членова Н. Л., 1963. Памятники переходного карасук-тагарского времени в Минусинской котловине // СА. № 3.

Членова Н. Л., 1964а. Тагарская культура на Енисее // Древняя Сибирь [макет т. 1 «Истории Сибири»]. Улан-Удэ.

Членова Н. Л., 1964б. Тагарский курган на р. Изыкчуль // КСИА. Вып. 102.

Членова Н. Л., 1966. Взаимоотношения степных и лесных культур эпохи бронзы на границах Минусинской котловины // Сибирский археологический сб. Новосибирск.

Членова Н. Л., 1967. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.

Членова Н. Л., 1970. Раскопки на северном Алтае // АО 1969 г.

Членова Н. Л., 1971а. К вопросу о первичных материалах предметов в зверином стиле // ПСА.

Членова Н. Л., 1971б. Литейные формы из с. Беклемишево // КСИА. Вып. 127.

Членова Н. Л., 1971в. Раскопки на северном Алтае // АО 1970 г.

Членова Н. Л., 1972а. Хронология памятников карасукской эпохи. М.

Членова Н. Л., 1972б. Золото в карасукскую эпоху // СА. № 4.

Членова Н. Л., 1973. Тагарская культура // Сов. энцикл. Т. 14.

Членова Н. Л., 1981. Тагарские лошади // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М.

Шавкунов Э. В., 1973. Обследование гуннских городищ в Монголии // АО 1972 г.

Шамсутдинов В. Х., 1963. Новые археологические памятники в Забайкалье // Зап. Забайкальского отдела Географического общества СССР. Чита. Вып. 20.

Шер Я. А., 1980. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.

Шер Я. А., Хлобыстин Л. П., 1966. Раскопки на среднем Енисее // АО 1965 г.

Шер Я. А., Григорьев Г. П., Подольский Н. Л., 1967. Находки на правобережье Енисея // АО 1966 г.

Шер Я. А., Савинов Д. Г., Подольский Н. Л., Кляшторный С. Г., 1968. Курганы и писаницы правобережья Енисея // АО 1967 г.

Шилов В. П., 1959. Калиновский курганный могильник // МИА. № 60.

Шилов В. П., 1970. Похождення кочового скотарства у Східній Європі // Український історичний журнал. № 7.

Шишкина Г. В., 1969. О местонахождении Мараканды // СА. № 1.

Шишкина Г. В., 1974. Керамика конца IV—II в. до н. э. (Афрасиаб II) // Афрасиаб. Ташкент. Вып. 2.

Шишкина Г. В., 1975. Эллинистическая керамика Афрасиаба // СА. № 2.

Шорин А. Ф., 1979. Курган раннего железного века на южном Урале // Сибирь в древности. Новосибирск.

Шренк Л., 1899. Об инородцах Амурского края. СПб., Т. 2.

Шульга П. И., 1986. К вопросу о культуре скотоводов Горного Алтая в VI—II вв. до н. э. // Скифская эпоха Алтая: ТД к конференции. Барнаул.

Шульц В. Л., 1945. Некоторые результаты экспедиции Энергетического ин-та АН УзССР в дельту Амударьи // Бюлл. АН УзССР. Ташкент. № 9/10.

Эдаков А. В., 1976. Новые надписи Ахеменидов // ВДИ. № 1.

Эрдели И., 1962. Раскопки в Ноин-Уле // ААН. Т. XIV, fasc. 3/4.

Эрдели И., 1978. Некоторые итоги работ Монгольско-Венгерской экспедиции // Археология и этнография Монголии. Новосибирск.

Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.). М., 1981.

Юсупов Х., 1972. Археологические работы в предгорьях северо-западного Копетдага и между Сарыкамышем и Кизил-Арватом // КД. Вып. 4.

Юсупов Х., 1977. Результаты археологических работ в северо-западной Туркмении весной 1971 г. // КД. Вып. 5.

Юсупов Х., 1978а. Результаты археологических работ в северо-западной Туркмении весной 1973 г. // КД. Вып. 7.

Юсупов Х., 1978б. Курганы Шахсенемкыра // История и археология Средней Азии. Ашхабад.

Юсупов Х., 1979а. Игдыкала — парфянская крепость на Узбое // Этнография и археология Средней Азии. М.

Юсупов Х., 1979б. Курганы могильников Тарым-кая II и III // Кочевники на границах Хорезма. М. (ТХЭ. Т. 11).

Юсупов Х., 1981. Памятники древних кочевников Заузбойского плато (Чолингыры) // Культура и искусство древнего Хорезма. М.

Юсупов Х., 1982. Новые сведения о древних кочевниках Узбоя // Новые археологические открытия в Туркменистане. Ашхабад.

Юсупов Х., 1984. Новые данные о курганах Шахсенемгыр // Проблемы археологии Туркменистана. Ашхабад.

Юсупов Х., 1986. Древности Узбоя. Ашхабад.

Яблонский Л. Т., 1981. Погребальный обряд могильника Сакар-чага 1 // Полевые исследования ИЭ за 1981 г. М.

Яблонский Л. Т., 1983а. Исследование могильника Алтынасар 3 // АО 1981 г.

Яблонский Л. Т., 1983б. Исследование могильника Сакар-чага 1 // АО 1981 г.

Яблонский Л. Т., 1984. Раскопки курганов в северной Туркмении // АО 1982 г.
Яблонский Л. Т., 1985. Раскопки курганов в северной Туркмении // АО 1983 г.
Яблонский Л. Т., 1986а. К этногенезу населения северной Туркмении: Могильник раннесакского времени Сакарчага 3 // СЭ. № 5.
Яблонский Л. Т., 1986б. Раскопки курганов в северной Туркмении // АО 1984 г.
Ягодин В. Н., 1982. Археологическое изучение курганных могильников Каскажол и Бернияз на Устюрте // Археология Приаралья. Ташкент. Вып. 1.
Ягодин В. Н., Ходжайов Т. К., 1970. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент.
Ядринцев Н. М., 1891. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. СПб.
Яковенко Э. В., 1973. «Скіпетр цариці» з Куль-Оби // Археологія. Київ. Т. 11.
Яценко И. В., 1959. Скифия VII—V вв. до н. э. М.

Altheim F., 1959. Geschichte der Hunnen. Berlin.
Andersson I. G., 1932. Hunting magic in the animal style // The Museum of the Far Eastern Antiquites. Stockholm. Bull. 4.
Appelgren-Kivalo H., 1931. Alt-Altaische Kunstdenkmäler. Helsinki.
Arne T. Y., 1932. Wästsibirisk kultur för 1000 'är Sedan. Stockholm, Norstedt.
Bailey H. W., 1958. Language of the Saka // Handbuch der Orientalistik. Leiden. 1. Abt., Bd 4.
Behr A., 1888. De Appolodori Artemiteni reliquiis atque aetate. Argontorati.
Bernard P., 1973. Fouilles d'Aï Khanoum // MDAFA. T. 21.
Boardman S., 1970. Cireek gems and finger rings Early Bronze Age to late Classical. London.
Borovka G., 1928. Scythian art. London.
Brentjes B., 1982. Der Tierstil in Eurasien. Leipzig.
Castren M. A., 1857. Ethnologische Vorlesungen über die altaischen Volker. SPb.
Dalton O. M., 1964. The Treasure of the Oxus. London.
Davydova A. V., 1968. The Ivolga Gorodishche: A monument of the Hsiung-nu culture in the Trans-Baikal region // AAH. T. 20, fasc. 1/4.
Deguignes J., 1756—1758. Histoire des Hunns, des Turks, des Mongols et des autres Tartars occidentaux avant et depuis I. C. jusqu'a present. Paris.
Doerfer G., 1973. Zur Sprache der Hunnen // Central Asiatic Journal. Wiesbaden. V. 17, N 1.
Dunker H., 1877. Geschichte des Alterthums. Leipzig. Bd 4.
Egami Namio, 1963. The economic activities of the Hsiung-nu [Доклад на XXV Международном конгрессе востоковедов] // Тр. XXV Международного конгресса вос[illegible]ов. M. T. 5.
Erdelyi I., Dorjusüren C., Navan D., 1967. Results of the Mongolian-Hungarian archaeological expeditions 1961—1964: A comprehensive report // AAH. T. 19, fasc. 3/4.
Francovich de Gera., 1966. Problems of Achaemenid architecture // East and West. Rome. New ser. V. 16, 3/4.
Gardin J. C., 1957. Céramiques de Bactre // MDAFA. T. 15.
Ghirshman R., 1963. Perse, Proto-iraniens, Medes, Achemenides. Paris.
Gorbunova N. G., 1986. The culture of ancient Ferghana (VI century B. C.— VI century A. D.) // BAR. International ser. 281.
Govern Mc., 1939. The Early Empire of Central Asia // The University of North Carolina Press.
Granö I. G., 1912. Archäologische Beobachtungen von meiner Reise in Südsibirien und der Nordwestmongolei im Jahre 1909 // JSTO. Helsingfors. Bd 28.
Griaznoz M. P., 1933. The Pazirik burial of Altai // AJA. V. 27, N 1.
Grjaznow M., 1970. Südsibirien. Genf.
Grjaznow M. P., 1984. Der Grosskurgan von Arzan in Tuva, Südsibirien. München.
Groot J. J. M., de, 1921. Die Hunnen der vorchristlichen Zeit. Berlin. Bd 1.
Gutschmid A., 1888. Geschichte Irans. Berlin.
Heikel A., 1894. Antiquités de la Sibirie Occidentale. Helsingfors.
Henning W. B., 1951. Zoroaster: Politician or Witschdoctor? London.
Herrmann A., 1914. Alte Geographie des unteren Oxusgebiets // Abhandlungen der königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Ph.-hist. Kl. Neue Folge. Bd 15, N 4.
Herrmann A., 1920. Sakai // PWRE. Bd 1.
Herzfeld E., 1926. Eine neue Darius Inschrift aus Hamadan // Deutsche Literaturzeitung. Berlin. H. 42.
Herzfeld E., 1938. Altpersische Inschriften. Berlin.
Herzfeld E., 1941. Iran in the Ancient East. London.
Hirth F., 1917. The story of Chang K'ien China's Pioneer in Western Asia // JAOS. V. 37, pt 2.
Hulsewé A. F. P., 1979. China in Central Asia: The early stage: 125 B. C.— 23 A. D. // Sinica Leidensia edidit Institutum sinologicum Lugduno batavum. Leiden. V. 14.
Itina M. A., 1978. The Ethnic History of the Steppe Tribes of Central Asia in the second millenium B. C.: In the Light of the Indo-Iranian Problem // X МКАЭН, Индия, Дели. М.
Jettmar K., 1953. Hunnen und Hsiung-nu — ein archäologisches Problem // Archiv für Völkerkunde. Wien. Bd 6/7.
Jettmar K., 1964. Die frühen Steppenvölker. Baden-Baden.
Jettmar K., 1967. Art of the Stepps. London.
Jetts W. P., 1926. A Chinese Scabbord-Jade // The Burlington Magazine. London. V. 49, N 43.
Junge J., 1939. Saka-Studien: Der ferne Nordosten im Weltbild der Antike. Leipzig.
Junge J., 1944. Dareios I. Leipzig.
Kahrstedt U., 1950. Artabanus III und seine Erben. Bern.
Kelm H., 1966. Kunst vom Sepik: Museum für Völkerkunde. Berlin.
Kent R. G., 1937. The Daiva-Inscription of Xerxes // Language. V. 13.
Kent R. G., 1943. Old Persian texts. IV: The lists of provinces // Journal of Near Eastern studies. Chicago. V. 2, N 4.
Kenyon K., 1956. The worlds oldest known Township: Excavating the Iericho of 700 years ago and earlier // The Illustrated London News. May 12.
Kenyon K., 1957. Digging up Jerico. N. Y.
Ligeti L., 1950. Mots de civilisation de Haute Asie en transcription chinoise // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest.
Maenchen-Helfen O., 1939. The Ting-ling // HJAS. V. 4, N 1.
Maenchen-Helfen O., 1944—1945. Huns and Hsiung-nu // BIJBS. American Ser. III. V. 17.
Maenchen-Helfen O., 1973. The world of the Huns // University of Carolina Press. Los-Angeles; London.
Merhart G., 1926. Bronzezeit am Jenissei. Wien.
Novgorodova E. A., Volkov V. V., Korenevskij S. N., Mamonova N. N., 1982. Ulangom: Ein skythenzeitiches Gräberfeld in der Mongolei. Wiesbaden.
Nyberg H. S., 1938. Die Religionen des alten Iran. Leipzig.
Parduez M., 1963. Ethnische probleme der Hunnenzeit // Studia Archaeologica. Budapest. V. 1.
Pulleyblank E. G., 1962. The Hsiung-nu Language // Asia Major. New Ser. V. 9, pt 2. London.
Pulleyblank E. G., 1966. Chinese and Indoeuropean // JRAS. Fasc. 1/2.
Radloff W., 1893. Aus Sibirien: Lose Blätter aus Tagebuch. Leipzig. Bd 1; 2.
Ramstedt M. G., 1937. Über der Ursprung der türkischen Sprache. Helsinki.
Rau P., 1927. Prähistorische Ausgraburgen auf der Steppenseite des deutschen Wolgagebiets im Jahre 1926. Pokrowsk.
Rice T., 1957. The Scythians. London.
Rieth A., 1974. Bestattungsmasken der Tagar- und Taschtykkultur in der Gräbersteppe von Minussinsk // Prahistorische Zeitschrift. Berlin; N. Y. N 49, H. 1.
Rolle R., 1979. Fotekult der Skythen. Berlin; N. Y. Bd 1; 2.
Rostovcev M., 1930. Le port-epée des iraniens et des chinois Recueil Th. Uspensky. Paris. Pt 2.
Rudenko S. J., 1952. Der zweite Kurgan von Pazyryk. Berlin.
Rudenko S. J., 1970. Frozen tombs of Siberia: The Pazyryk burials of Iron Age horsemen. Berkeley; Los-Angeles.
Salmony A., 1933. Sino-Siberian art. Paris.
Schlumberger D., Bernard P., 1965. Aï Khanoum // BCH. V. 89.
Schmidt E. F., 1939. The treasury of Persopolis and other discoveries in the homeland of the Achemenians. Chicago.
Schmidt E., 1953. Persepolis. Chicago. V. 1.
Shiratory K., 1902. Über die Sprache der Hiungnu und der Tunghustämme // Bulletin de l'Academie Imperiale des Sciencies de S.-Petersburg. V Ser. Bd 17, N 2.
Sulimirski T., 1970. The Sarmatians. London.
Tallgren A. M., 1921. Trouvailles tombales siberiennes en 1889; Le kourgane de Tes // SMYA. T. 29, fasc. 2.

Tarn W. W., 1951. The Greeks in Bactria and India. Cambridge.
Tchlenova N., 1962. L'art animalier de l'époque scythique en Sibérie et en Pontide // VI Congrès international des sciences préhistoriques et protohistoriques. Moscou.
Thompson E. A., 1948. A History of Attila und the Huns. Oxford.
Toth T., 1962. Paleoanthropological finds from the valley of Hundjurte (Noin-Ula, Mongolia) // AAH. T. 14, fasc. 3/4.
Toth T., 1967. Some problems in the paleoanthropology of Northern Mongolia // AAH. T. 19, fasc. 3/4.
Trever C., 1932. Excavation in Northern Mongolia (1924—1925). Leningrad.
Umehara S., 1960. Studies of Noin-Ula finds in Northern Mongolia. Tokyo.
Witsen N., 1785. Noord-en-oost Tartarye. Amsterdam.
Wolski J., 1950. L'historicité d'Arsake I-er // Historia. T. 8, N 2.
Zakharov A. A., 1928. Materials of the archaeology of Siberia: Dr. V. V. Radloff's excavations in Berel Steppe // ESA. T. 3.

Архивные материалы

Адрианов А. В., А-1903. Оглахтинский могильник. Оп. кол. 24 // Архив МАЭС. № 55. 1948.
Генинг В. Ф., А-1961. Отчет о работах Уральской археологической экспедиции // Архив ИА. Р-1. № 2362.
Генинг В. Ф., А-1962. Отчет об археологических исследованиях в Курганской обл. Уральской археологической экспедиции // Архив ИА. Р-1. № 2480, 2481.
Грязнов М. П., А-1941. Пазырык: Погребение племенного вождя на Алтае [дис. ... докт. ист. наук] // Архив ЛОИА. Ф. 35. Оп. 2. № 54.
Евтюхова Л. А., А-1938. Уйбат II, переходные могилы B, C. D, E, D/1 // Архив ЛОИА. Ф. 12. Д. 10.
Кириллов И. И., А-1976. Научный отчет о раскопках в Читинской обл. в 1975 г. // Архив ИА. Р-1. № 6434.
Корякова Л. Н., А-1980. Отчет об археологических исследованиях в зоне газопровода Уренгой—Сургут—Челябинск в 1979 г. // Архив ИА. Р-1. № 7545.
Потемкина Т. М., А-1968. Отчет Курганского пед. ин-та о раскопках на территории Курганской обл. в 1968 г. // Архив ИА. Р-1. № 3804.
Потемкина Т. М., А-1970. Отчет Курганского пед. ин-та об археологических исследованиях на территории Курганской обл. в 1970 г. // Архив ИА. Р-1. № 4189.
Стоянов В. Е., А-1961. Отчет об археологических исследованиях в Каменск-Уральском р-не Свердловской обл. // Архив ИА. Р-1. № 2360.
Стоянов В. Е., А-1962. Отчет об археологических исследованиях Исетского отряда археологической экспедиции УрГУ в 1962 г. // Архив ИА. Р-1. № 2465.

Список сокращений

ААГПИ	— Алма-Атинский Государственный педагогический институт
АО	— Археологические открытия. М.
АРТ	— Археологические работы в Таджикистане. Душанбе
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.
АЭБ	— Археология и этнография Башкирии Уфа
БКНИИК СО АН СССР	— Бурятский комплексный научно-исследовательский институт культуры. Сибирское отделение Академии наук СССР
БМНИИК	— Бурят-Монгольский научно-исследовательский институт культуры
ВА	— Вопросы антропологии. М.
ВАН СССР	— Вестник Академии наук СССР. М.
ВАУ	— Вопросы археологии Урала. Свердловск
ВДИ	— Вестник древней истории. М.
ВИСДВ	— Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск
ВМГУ	— Вестник Московского государственного университета
ГАИМК	— Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ	— Государственный Исторический музей
Горн.-Алт. НИИЯЛИ	— Горно-Алтайский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
ЗОРСАРАО	— Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. СПб.
ЗРАО	— Записки Русского археологического общества СПб.
ЗРГО	— Записки Русского географического общества СПб.
ЗСО РГО	— Западносибирское отделение Русского географического общества
ЗУОЛЕ	— Записки Уральского общества любителей естествознания. Екатеринбург
ИА	— Институт археологии Академии наук СССР
ИАК	— Известия Археологической комиссии. СПб.; Пг.
ИАН КазССР	— Известия Академии наук Казахской ССР. Алма-Ата
ИАН КиргССР	— Известия Академии наук Киргизской ССР. Фрунзе
ИАН КиргССР. СОН	— Известия Академии наук Киргизской ССР. Серия общественных наук
ИАН СССР ООН	— Известия Академии наук СССР. Отделение общественных наук. М.
ИАН ТаджССР	— Известия Академии наук Таджикской ССР. Душанбе
ИАН ТаджССР ООН	— Известия Академии наук Таджикской ССР. Отделение общественных наук. Душанбе (Сталинабад)
ИАН ТуркССР	— Известия Академии наук Туркменской ССР. Ашхабад
ИЗ	— Исторические записки. М.
ИИС	— Из истории Сибири. Томск
ИКирг ФАН СССР	— Известия Киргизского филиала Академии наук СССР. Фрунзе
ИЛАИ	— Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово
ИМКУ	— История материальной культуры Узбекистана. Ташкент
ИНВИК	— Известия Нижневолжского института краеведения. Саратов
ИООН АН ТаджССР	— Известия Отделения общественных наук Академии наук Таджикской ССР. Душанбе (Сталинабад)
ИРАО	— Известия Русского археологического общества. СПб.
ИТадж ГУ	— Исторический факультет Таджикского государственного университета
ИУз ФАН СССР	— Известия Узбекского филиала Академии наук СССР. Ташкент
ИЭ	— Институт этнографии Академии наук СССР
КазГПИ	— Казахский государственный педагогический институт
КД	— Каракумские древности. Ашхабад
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР. М.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР. М.
КСИЭ	— Краткие сообщения Института этнографии Академии наук СССР. М.
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет
ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
МАР	— Материалы по археологии России. СПб.
МАС	— Монгольский археологический сборник. М.
МАЭ	— Музей антропологии и этнографии
МИА	— Материалы по археологии СССР. М.; Л.
МКАЭН	— Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М.
МКТадж	— Материальная культура Таджикистана. Душанбе.
МХЭ	— Материалы Хорезмской экспедиции. М.
МЭ	— Материалы по этнографии. Л.
НТТашГУ	— Научные труды Ташкентского государственного университета. Ташкент
ОАК	— Отчет Археологической комиссии. СПб.
ОНУ	— Общественные науки в Узбекистане. Ташкент
ПАДИУ	— Проблемы археологии и древней истории угров. М.
ПАС	— Первобытная археология Сибири. Л.
ПИДО	— Проблемы истории докапиталистических обществ. М.; Л.
ПИМК	— Проблемы истории материальной культуры. М.; Л.
ПСА	— Проблемы скифской археологии. М.
ПТКЛА	— Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии. Ташкент
ПХКПАПЗС	— Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск
РАНИОН	— Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РГО	— Русское географическое общество
СА	— Советская археология. М.
САГУ	— Среднеазиатский государственный университет. Ташкент
САИ	— Свод археологических источников. М.
САМГУ	— Самаркандский государственный университет. Самарканд

СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа. Л.
СНВ — Страны и народы Востока. М.
СГАИМК — Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. Л.
СЭ — Советская этнография. М.
ТАН ТаджССР — Труды Академии наук Таджикской ССР. Душанбе (Сталинабад)
ТашГУ — Ташкентский государственный университет
ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа. Л.
ТД — Тезисы докладов
ТДВАК — Тез. докл. Всесоюзной археологической конференции. Кемерово
ТДВНК — Тез. докл. Всесоюзной научной конференции. Л.
ТДОНК — Тез. докл. обл. научн. конференции по разделам «Скифо-сибирская культурно-историческая общность», «Раннее и позднее средневековье». Омск
ТИИ АН ТаджССР — Труды Института истории Академии наук Таджикской ССР. Душанбе (Сталинабад)
ТИИА АН УзССР — Труды Института истории и археологии Академии наук Узбекской ССР. Ташкент
ТИИАЭ АН КазССР — Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР. Алма-Ата
ТИИАЭ АН ТаджССР — Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Таджикской ССР. Душанбе (Сталинабад)
ТИЭ — Труды Института этнографии Академии наук СССР. М.
ТКАЭЭ — Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. М.
ТКОПОРГО — Троицко-Кяхтинское отделение Приуральского отдела Русского географического общества
ТМИН Уз — Труды Музея народов Узбекистана. Ташкент
ТМИ УзССР — Труды Музея истории Узбекской ССР. Ташкент
ТОИПКГЭ — Труды отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. Л.
ТСАГУ — Труды Среднеазиатского государственного университета. Ташкент
ТСА РАНИОН — Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. М.; Л.
ТТашГУ — Труды Ташкентского государственного университета. Ташкент
ТТГУ — Труды Томского государственного университета. Томск
ТТКАЭЭ — Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Л.
ТТКМ — Труды Томского (областного) краеведческого музея. Томск
Тув. НИИЯЛИ — Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
ТХЭ — Труды Хорезмской экспедиции. М.
ТЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад
УЗЛГУ — Ученые записки Ленинградского государственного университета
УрГУ — Уральский государственный университет. Свердловск
УСА — Успехи среднеазиатской археологии. Л.
ХакНИИЯЛИ — Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
ХХШ — Хоуханьшу
ЦАКЭ — Центральная Азия в кушанскую эпоху. Л.
ЦХШ — Цяньханьшу
ШЦ — Шицзи
ШУХБ — Шинжлэх ухааны хүрээлэнгийн бүтээл. Улаанбаатар
ШУХХ — Шинжлэх ухааны хүрээлэнгийн хэвлэл. Улаанбаатар
AAH — Acta archaeologia Hungarica. Budapest
AJA — American journal of archaeology. N. Y.
BAR — British archaeological reports. Oxford
BCH — Bulletin de correspondence Hellenique. Paris
BIJBS — Byzantion International Journal of Byzantine studies. American ser. N. Y.
ESA — Eurasia Septentrionalis antiqua. Helsinki
HJAS — Harvard journal of asiatic studies. Cambridge Mass.
JAOS — Journal of the American Oriental Society. N. Y.; New-Haven
JRAS — Journal of the Royal Asiatic Societe of Great Britan and Ireland. London
JSFO — Journal de la Société Finno-Ougrienne. Helsingfors
MDAFA — Memoires de la Delegation archéologique Française en Afghanistan. Paris
PWRE — *Pauly-Wissowa-Kroll.* Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart
SMYA — Suomen Muinaismuistoyhdistyksen aikaukauskirja. Helsinki

Подписи к таблицам

Таблица 1. Могильники Северный и Южный Тагискен

1 — план; *2—5* — Северный Тагискен: *2* — мавзолей 6 после раскопок, *3* — мавзолей 4 после раскопок, *4* — мавзолей 5а и 7 после раскопок, *5* — мавзолей 5а после раскопок, вид с запада; *а* — курган; *б* — раскопанные курганы и мавзолеи; *в* — заросшие такыры; *г* — пески и такыры; *д* — песок; *е* — дорога

Таблица 2. Северный Тагискен

1, *2*, *7б*, *г*, *8*, *10*, *13—16* — комплекс мавзолея 4: *1*, *10* — ограда ж, *2* — ограда б, *7б*, *г*, *13—16* — мавзолей, *8* — ограда д; *3—5*, *17* — мавзолей 6; *6*, *11*, *24—31* — комплекс мавзолея 5а: *6*, *11* — ограда б, *24—31* — мавзолей; *7а*, *в*, *9*, *18—23* — комплекс мавзолея 7: *7а*, *в*, *18—23* — мавзолей, *9* — ограда а; *12* — мавзолей 15; *1—5*, *7* — бронза; *6*, *9* — серебро и золото; *8*, *10*; *11* — золото; *12* — кость

Таблица 3. Южный Тагискен (1—3) и Уйгарак (4, 5). Тип погребений

1, *2* — курган 61; *3* — курган 59; *4* — курган 66; *5* — курган 28

Таблица 4. Южный Тагискен и Уйгарак. Погребальный инвентарь

Уйгарак: *1*, *23*, *33* — курган 39; *2* — курган 43; *4* — курган 35; *5* — курган 30; *6*, *16* — курган 26; *8*, *18* — курган 33; *9* — курган 66; *10* — курган 50; *11* — курган 14; *14* — курган 21; *15*, *38* — курган 47; *17* — курган 51; *19* — курган 60; *20* — курган 76а; *21*, *28*, *30* — курган 74; *22* — курган 15; *25* — курган 66а; *26* — курган 34; *27* — курган 31; *29* — курган 49; *31* — курган 61; *32* — курган 79; *34* — курган 44а; *35* — курган 29; *38* — курган 47; Южный Тагискен: *3* — курган 44; *7* — курган 40; *12* — курган 45; *13* — курган 55; *36*, *37* — курган 66; *1—11*, *13*, *14*, *17—19*, *36* — бронза; *1а* — кость; *12* — бронза и кость; *15*, *16* — железо; *20—30*, *32*, *35* — лепная посуда; *31*, *33*, *34* — станковая посуда; *37*, *38* — камень

Таблица 5. Южный Тагискен и Уйгарак. Погребальный инвентарь

Южный Тагискен: *1*, *2* — курган 9; *5* — курган 36; *6*, *21*, *24* — курган 55; *7* — курган 23; *8* — курган 59; *9—11*, *25*, *28* — курган 53; *26*, *27*, *30*, *32* — курган 45; *31* — курган 66; Уйгарак: *3* — курган 31; *4*, *14* — курган 83; *12* — курган 69; *13* — курган 39; *15* — курган 47; *16* — курган 22; *17* — курган 49; *18* — курган 66; *19* — курган 41; *20*, *23* — курган 33; *22* — курган 27; *1*, *2* — камень; *3*, *4*, *10*, *11*, *17*, *25—28*, *31*, *32* — золото; *5—7*, *12—16*, *18—24*, *29*, *30* — бронза; *8*, *9* — железо

Таблица 6. Чирикрабатская культура. Планы и разрезы городищ и поселений

1—3 — Бабиш-Мулла: *1* — план ирригационной сети в окрестностях Бабиш-Муллы (*а* — каналы; *б*, *ж* — поселения; *в* — граница песков; *г* — старицы; *д* — крепость Бабиш-Мулла 1; *е* — скопления керамики; *з* — погребальное сооружение Бабиш-Мулла 2; *и* — такыры; *к* — кусты саксаула); *2* — план местности Бабиш-Мулла; *3* — «донжон» и цитадель городища Бабиш-Мулла 1; *4* — городище Чирик-Рабат; *5* — городище Кабулкала; *6* — Сенгиркала; *7* — урочище Баланды; *8* — окрестности Баланды 1 (*а* — крепость; *б* — россыпи керамики; *в* — развалины построек; *г* — русла; *д* — каналы; *е* — растительность); *9* — городище Баланды 1

Таблица 7. Чирикрабатская культура. Погребальные памятники, находки из дерева

1 — план культового комплекса Бабиш-Мулла 6; *2* — деревянные погребальные носилки из мавзолея Асар; *3* — Баланды 4; *4—6* — деревянные сосуды, корзина из мавзолея Асар: *7* — план заполнения мавзолея Асар

Таблица 8. Чирикрабатская культура. Погребальные сооружения, планы и разрезы

1 — круглый мавзолей на городище Чирик-Рабат; *2* — мавзолей Бабиш-Мулла 2; *3* — мавзолей Баланды 3; *4* — мавзолей Кзылтепе; *5* — мавзолей Тышкантепе; *6* — мавзолей Чирик 2, нижний горизонт; *7* — мавзолей Чирик 2, верхний горизонт; *8* — квадратный мавзолей на городище Чирик-Рабат; *9* — мавзолей Баланды 2; *10* — мавзолей Асар

Таблица 9. Чирикрабатская культура. Оружие

1 — Чирик-Рабат, курган; *2* — Чирик-Рабат, стратиграфический раскоп; *3—11*, *61*, *62* — Бабиш-Мулла 1; *12—43* — поселения в окрестностях Бабиш-Муллы 1; *44* — поселение в окрестностях городища Баланды 1; *45*, *46*, *59*, *60* — Чирик-Рабат, круглый мавзолей; *47—50* — Чирик-Рабат, квадратный мавзолей; *51*, *52* — мавзолей Баланды 2; *53*, *54* — погребение Баланды 4; *55* — мавзолей Чирик 2; *56—58* — мавзолей Асар; *1*, *11*, *47*, *48*, *59*, *60* — железо; *2—9*, *12—46*, *49—58* — бронза; *10*, *61*, *62* — кость

Таблица 10. Чирикрабатская культура. Керамика первой группы

1—17, *33*, *34*, *54*, *74*, *75*, *99* — погребальные сооружения; *18—32*, *35—53*, *55—73*, *76—98* — поселения, городища

Таблица 11. Чирикрабатская культура. Керамика второй группы (*1—30*)

Таблица 12. Чирикрабатская культура. Керамика второй группы (*1—80*)

Таблица 13. Чирикрабатская культура. Находки на поселениях и городищах

1 — Баланды 2; *2—13*, *34* — городище Баланды 1; *14—17*, *32*, *33* — городище Бабиш-Мулла 1; *18—31*; *36* — поселения; *35* — городище Чирик-Рабат; *1—8*, *11*, *15* — кость; *9*, *10*, *18—21*, *27*, *29—32* — стекло; *12* — серебро; *13*, *14* — бронза; *16*, *17* — железо; *22*, *26* — сердолик; *23* — стекло с позолотой; *24* — гагат; *25*, *33*, *34* — камень; *28* — пирит черный; *35*, *36* — глина

Таблица 14. Чирикрабатская культура. Украшения из погребальных сооружений

1—15 — квадратный мавзолей на городище Чирик-Рабат; *16—37* — мавзолей Бабиш-Мулла 2; *38*, *39*, *44*, *45*, *50* — мавзолей Чирик 2; *40—43*, *46*, *47* — мавзолей Асар; *48*, *49* — погребение Баланды 4; *51—76* — круглый мавзолей на Чирик-Рабате; *1—5*, *11*, *12*, *14*, *16*, *18—20*, *22*, *23*, *35*, *51—60*, *63—65*, *69* — золото; *6*, *7*, *44—46*, *68*, *75*— стекло; *8—10*, *27*, *28* — гагат; *13*, *21*, *29*, *30*, *33*, *34*, *36*, *37* — сердолик; *15*, *39*, *40*, *42*, *47*, *50* — кость; *17*, *38* — золото, жемчуг, коралл; *24* — жемчуг; *25*, *26* — коралл; *31*, *61* — мрамор; *32* — золото, жемчуг; *41*, *62* — камень; *43* — глина; *48*, *49*, *70* — бронза; *66*, *74* — лазурит; *67* — стекло с позолотой; *71*, *73* — агат; *72* — белый металл; *76* — халцедон

Таблица 15. Джетыасарская культура. Городища этапа Джеты-асар I. Планы и разрезы

1 — Джеты-асар 9; *2* — Джеты-асар 2; *3* — Джеты-асар 3 (Алтын-асар), «Большой дом»; *4* — Джеты-асар 6; *5* — Джеты-асар 5; *6* — Джеты-асар 3 (Алтын-асар), «Малый дом»; *7* — Джеты-асар 13; *8* — Джеты-асар 7; *9* — Джеты-асар 12; *10* — Джеты-асар 11; *11* — Джеты-асар 2, аксонометрия центральной площадки городища

Таблица 16. Джетыасарская культура. Городище Джеты-асар 12. Центральная площадка. Планы и разрезы различных строительных горизонтов (*1—8*)

Таблица 17. Джетыасарская культура. Городище Джеты-асар 12. Центральная площадка. Строительные горизонты периодов Джеты-асар Iб и Iв. Жилые секции

1 — вид с востока из центрального меридионального коридора; *2*, *3* — план и общий вид жилой секции в раскопе 4 (помещения 1, 7, 14); *4*, *5*—план и общий вид жилой секции

в раскопе 4 (помещения 18, 25); *6* — общий вид части помещений жилой секции в раскопе 1 (помещения 42, 43); на переднем плане — центральный напольный очаг и суфа вдоль восточной стены помещения 42; *7, 8* — жилая секция в раскопе 1 (помещения 3, 10); *9, 10* — жилая секция в раскопе 1 (помещения 33, 34); *11, 12* — жилая секция в раскопе 4 (помещения 12, 3); *13, 14* — жилая секция в раскопе 1 (помещения 8, 14, 14а); *15* — общий вид «общественного» помещения 24 в раскопе 4

Таблица 18. Джетыасарская культура. Погребальные сооружения некрополей близ городищ. Планы и разрезы

1, 6, 22—24 — Джеты-асар 2; *2, 5* — Джеты-асар 13; *3, 4* — Джеты-асар 3; *7—21* — Джеты-асар 12; *1—8* — кирпичные склепы (*1—4, 6—8* — подземные; *5* — наземный); *9—24* — грунтовые погребения

Таблица 19. Джетыасарская культура. Керамика первой группы (*1—59*)

Таблица 20. Джетыасарская культура. Керамика второй группы (*1—27*)

Таблица 21. Джетыасарская культура. Керамика второй группы (*1—37*)

Таблица 22. Джетыасарская культура. Керамика второй группы (*1—87*)

Таблица 23. Джетыасарская культура. Предметы вооружения и конской упряжи

1—13, 28, 30—32, 51 — городище Джеты-асар 2, раскопы II, IV, *14—27, 29, 33—35, 40—43* — могильник Джеты-асар 2; *36—39, 44—50, 53—57, 60—65* — могильник Джеты-асар 12; *52, 58, 59, 67* — городище Джеты-асар 3; *1—24, 37—50, 53—65, 67* — кость; *25, 26, 30—36* — железо; *27—29* — бронза; *51* — рог; *52* — глина; *66* — нефрит

Таблица 24. Джетыасарская культура. Украшения и предметы туалета из могильников

1—36, 42—44, 50, 54 — Джеты-асар 12; *37, 41, 45—48, 55—59* — Алтын-асар 4; *38—40, 49, 51—53, 60* — Джеты-асар 2; *1—7, 9—13, 15—17, 27, 35, 43, 52, 53* — стекло, сердолик, халцедон, гранаты, янтарь, коралл; *8, 18—23, 25, 26, 28—30, 36, 37, 45—47, 54—60* — бронза; *14, 48, 49* — раковина; *31, 41* — кость; *24, 33* — золото; *32, 34, 40, 44, 50, 51* — серебро; *38, 39* — позолоченная кожа; *42* — серебряные бляшки на ткани

Таблица 25. Джетыасарская культура. Зооморфные и антропоморфные изображения

1—37, 42, 43, 45—49, 51—55 — глина; *38, 39* — сердолик; *40* — альмандин; *41, 44* — дымчатый халцедон; *50* — дерево

Таблица 26. Саки Семиречья и Тянь-Шаня. Планы и разрезы курганов и погребений, могильный инвентарь, реконструкции

1 — Текели, случайная находка; *2, 3* — Биже; *4—11* — Тюпский клад; *12, 17* — Бесшатыр, курган 1; *13—16* — курган Иссык; *18—24* — Бесшатыр, курган 25; *25—34* — могильники долины Или; *35* — Караша 2; *36* — Джергетал; *37* — Туура-Суу; *38* — Аламышик; *1—11, 19—24* — бронза; *13* — золото; *16* — серебро; *25* — кость; *27—34* — глина

Таблица 27. Саки Семиречья и Тянь-Шаня. Оружие, конская сбруя, предметы туалета, украшения, предметы культа, котлы, вещи в зверином стиле

1, 3, 5, 35, 36, 38 — Иссык-Куль, случайные находки; *2* — Кетмень-Тюбе, случайная находка; *4, 9, 33, 41* — Чу, случайные находки; *6* — Караша; *7, 10, 11, 31, 45* — Иссыкский клад; *8, 14, 15* — Джамбульская обл., случайные находки; *12, 13, 17* — Каменка, клад; *16* — Джаркин-Булак; *18—21, 37, 40, 43, 44* — район Алма-Аты; *22—28* — Барскоон, случайные находки; *29, 30, 39* — Кырчин; *32* — курган Иссык; *34* — Нарын; *42* — Туура-Суу; *1—30, 32, 34—40, 43—50* — бронза; *31*—железо; *33*—камень; *41* — кость; *42* — золото;

Таблица 28. Кочевники Семиречья и Тянь-Шаня усуньского периода. Планы и разрезы курганов и погребений, керамика, орудия труда

1, 2, 23, 24, 30—33 — могильники долины р. Или; *3* — Акташ; *4* — Байталчи; *5* — Кызыл-Кайнар; *6, 21, 28, 29* — Шошкала; *7* — Соколовка; *8—16, 18—20, 22, 25—27* — Караша 1; *17* — Бурана; *8—16* — железо; *17—33* — глина

Таблица 29. Кочевники Семиречья и Тянь-Шаня усуньского периода. Материальная культура. Искусство

1, 4 — Курта; *2* — Бесшатыр; *3, 5* — Утеген; *6, 59—61* — Джарлу Каинда; *7, 9, 30, 31* — Каргалы; *8, 14, 15, 21, 25—27, 32, 35* — Бурана; *10, 12, 17, 20, 22—24, 46, 47* — Тенлик; *11, 44* — Чильпек; *13, 16, 18* — Талгар; *19* — Панфиловский; *28, 33, 34, 36—43, 45, 50—58, 62—65* — могильники долины р. Или; *29* — Караша; *48, 49* — Чу, случайные находки; *1* — железо; *2, 3, 6, 28, 36—45, 48—51* — бронза; *4, 5* — кость; *7—27, 30—32, 34, 35, 46, 47, 54* — золото; *29, 59—61* — глина; *33* — серебро; *52, 53* — бронза, камень; *55—58* — золото, камень; *62—65* — дерево

Таблица 30. Кенкольская культура. Тянь-Шань, Кетмень-Тюбе, Чаткал. Планы и разрезы курганов, погребений, могильный инвентарь

1, 5—13, 19, 21—24, 26, 37, 45—47 — Акчий-Карасу (Кетмень-Тюбе); *2, 3, 27* — Айгырджал (Тянь-Шань); *4, 14—18, 20, 25, 28—36, 38* — Кетмень-Тюбе; *39—44* — Чаткал; *4—9, 27* — железо; *10, 13* — серебро; *11, 12, 25* — бронза; *14—24, 26* — золото; *28* — тростник; *29—34* — дерево; *35, 36* — стекло; *37* — камень; *38—47* — глина

Таблица 31. Могильник Кенкол. Планы и разрезы курганов и погребений, могильный инвентарь, реконструкции

3, 4, 16, 24 — кость; *5—10, 20, 21* — железо; *11, 12, 26, 27* — бронза; *13, 14, 17—19, 23* — камень; *15* — золото; *25* — дерево, глина (веретено); *22, 28, 29* — реконструкция; *30—35* — дерево; *36—42* — глина

Таблица 32. Саки. Кетмень-Тюбе (по материалам И. Кожомбердиева)

1 — Джал-Арык II; *2—4, 10*—железо; *5—9, 11—14, 18, 21—24, 28* — бронза; *15, 16, 26, 27, 29, 31* — золото; *17* — раковина каури; *19* — железо и золото; *20, 30* — серебро; *25* — камень; *32—46* — глина

Таблица 33. Номады Ферганы. Планы и разрезы курганов и погребений

1, 2 — Карабулак; *3—5* — Кайрагач; *6* — Гурмирон (раскопки Э. Кадырова); *7, 8* — Гурмирон (раскопки А. Н. Бернштама, 1951 г.); *9* — Хангиз; *10* — Багджой; *11* — Чаркисар; *12* — Мугхона

Таблица 34. Могильник Карабулак. Погребальный инвентарь

1—14 — железо; *15* — реконструкция лука; *16—23, 28* — бронза; *24* — алебастр; *25, 26* — ткань; *27* — серебро; *29, 30, 32—39* — дерево; *31* — тростник; *40—56* — глина

Таблица 35. Кочевники первых веков нашей эры Ферганы и Алая. Могильный инвентарь

1—10, 12—20 — Гурмирон; *11* — Ворухский; *21—44* — Кайрагач; *45—59* — Хангиз; *60—68* — Мугхона; *69—81* — могильники Алая; *1—5, 21, 23—25, 29, 60, 61* — железо; *6, 22, 26—28, 32, 47, 48, 80* — бронза; *7, 8* — кость; *9* — египетский фаянс; *10, 12—20, 31, 33—44, 49—59, 63—68* — глина; *11* — алебастр; *30, 45, 46* — камень; *62* — бронза, стекло; *69—79* — золото; *81* — стекло

Таблица 36. Ранние кочевники Памира. Планы и разрезы курганов и погребений, могильный инвентарь

1, 2, 6, 10—16, 20—22, 36, 37, 46 — Тамдинский; *3, 5, 23—25, 33, 34, 39—43* — Акбеит; *4, 7—9, 32, 38* — Тегермансу I; *17—19* — Айдынкуль I; *26—30* — Жартыгумбез; *31* — Андемин; *35, 47, 48* — Харгуш II; *44* — Яшилькуль II; *45* — Истык; *49* — Аличур II

Таблица 37. Ранние кочевники Южного Казахстана и Ташкентского оазиса. Планы и разрезы курганов, могильный инвентарь

1—3, 20, 23—25, 28—30, 32—34, 36, 38—42, 53, 57—64 — Берккара; *4, 5, 9, 12—19, 26, 27* — Жаман-Тогай; *6, 7, 31, 54—56* — Кенсай; *8* — Чач; *10* — Ташкентский оазис, случайные находки; *11, 37, 52* — Кыр-Чебакты; *21, 22, 43, 51* — Бурчмулла; *35* — Баба-Ата; *44—50* — Тамды; *3, 6—8, 45, 46, 49, 50* — железо; *4, 11* — камень; *5* — железо, бронза; *9, 10, 12—19, 23, 26—28, 31, 32, 35, 36, 41—43* — бронза; *20* — кость; *21, 22* — серебро; *24, 25, 29, 30, 33, 34, 38, 40* —

золото; *37* — раковина каури; *39* — стеклянная паста; *47*, *48*, *51—64* — глина

Таблица 38. Кочевники первых веков нашей эры Южного Казахстана и Ташкентского оазиса. Погребальный обряд

1, *2*, *6*, *9*, *10*, *14* — Шаушукум; *3—5*, *15* — Жаман-Тогай; *7*, *8* — Актобе; *11*, *12* — Куль-Ата; *13* — Кенсай

Таблица 39. Кочевники первых веков нашей эры Южного Казахстана и Ташкентского оазиса. Материальная культура

1—13, *16—30* — Шаушукум (катакомбы типа I); *14*, *15* — Янгиюль; *31—36*, *39—43* — Шаушукум (катакомбы типа II); *37*, *38*, *65—68* — Жаман-Тогай; *44—47*, *52—54* — Шаушукум (подбои); *48—51* — Куль-Ата; *55—64* — Шаушукум (грунтовые могилы); *1—8*, *12*, *13*, *31—34*, *44—46*, *55—59* — железо; *9—11*, *19*, *35*, *67* — бронза; *14* — серебро; *15*, *17*, *18*, *38*, *39*, *65*, *66* — кость; *16*, *20—30*, *40—43*, *47—54*, *60—64*, *68* — глина; *36*, *37* — камень

Таблица 40. Кочевники Среднеазиатского междуречья. Планы погребений, керамика

1, *5*, *7—10*, *14*, *15*, *17*, *18—20*, *22—24* — Тулхар; *2—4*, *6*, *11—13*, *16*, *21*, *28* — Бабашовский: *25*, *34* — Сазаганский; *26*, *29* — Куюмазар; *27*, *30—32* — Лявандак; *33* — Акджартепе; *35*, *36* — Миранкуль

Таблица 41. Кочевники Среднеазиатского междуречья. Предметы вооружения

1 — Миранкуль; *2* — Куюмазар, поле 2; *3*, *4* — Лявандак; *5*, *12*, *13* — Агалыксай; *6*, *11*, *20* — Тулхар; *14*, *15* — Кызылтепе; *16* — Акджартепе; *17—19* — Бабашовский; *1—14*, *16—20* — железо; *15* — железо, бронза

Таблица 42. Кочевники Среднеазиатского междуречья. Орудия труда, пряжки, украшения

1, *2*, *4—10*, *12*, *13*, *16—18*, *22*, *24*, *28—31*, *34—37* — Тулхар; *3*, *11*, *14*, *15*, *19—21*, *23*, *25—27*, *32*, *33* — Бабашовский; *38*, *44*, *47—49*, *55*, *59* — Лявандак; *39—43*, *45*, *46*, *53*, *54*, *57*, *60—62* — Куюмазар; *50* — Агалыксай; *51* — Шахри-Вайрон; *52*, *56* — Хазара; *58* — Кызылтепе; *1* — железо, бронза; *2*, *5*, *10—13*, *16*, *20*, *22*, *24*, *26*, *28*, *32—34*, *38—50*, *53*, *55*, *58* — железо; *3*, *4*, *6—9*, *15*, *17—19*, *21*, *27* — латунь; *14* — латунь, стекло; *23*, *30*, *31*, *51*, *52*, *56* — бронза; *25*, *29*, *36* — золото; *35*, *61*, *62* — камень; *37* — янтарь, раковины каури; *54*, *57*, *60* — кость; *59* — кость, железо

Таблица 43. Кочевники Среднеазиатского междуречья. Предметы туалета, культа, украшения, ювелирные изделия

1—6, *8*, *9*, *11—13*, *17*, *18*, *20* — Тулхар; *7*, *10*, *14*, *15*, *19* — Бабашовский; *16* — Лявандак; *21* — Куюмазар; *22* — Хазара; *1*, *3* — стекло, камень; *2*, *18* — стекло; *4* — золото, бирюза, известняк; *5* — рог, серебро; *6* — золото, бронза, стекло; *7*, *9*, *17* — золото, стекло; *8* — золото, алебастр; *10* — рог; *11*, *12* — латунь; *13—15*, *19*, *20* — бронза; *16* — золото; *21* — кость; *22* — алебастр

Таблица 44. Куюсайская культура. Инвентарь поселения Куюсай 2 и могильников

I—VII — поселение Куюсай 2: *I*, *1—31* — бронзовые наконечники стрел; *II* — украшения из бирюзы, лазурита и белого камня; *III* — изделия из кости; *IV*, *1—6* — металлические изделия: *1* — золото, *2* — серебро, *3—6* — бронза; *V*, *VII* — лепная керамика; *VI* — импортная гончарная керамика; *VIII*, *1—32* — керамика из могильников: *1—12* — Тумек-кичиджик; *13—32* — Тарым-кая 1

Таблица 45. Куюсайская культура. Могильники и поселение

I, *V* — могильник Тумек-кичиджик; *II—VI* — могильник Тарым-кая 1; *VII—X* — поселение на юго-западном мысу Тарым-кая; *I*, *1* — курган 28; *I*, *2* — курган 29; *II*, *1* — курган 12; *II*, *2* — курган 2; *II*, *3* — курган 4; *III* — сосуды и оссуарии; *IV* — план могильника и поселение на юго-западном мысу; *V* — зернотерки и терочники из могильников Тумек-кичиджик и Тарым-кая 1; *VI*, *1* — керамические пряслица; *VI*, *2* — керамика; *VI*, *3*, *4* — кость; *VII* — план и разрез поселения; *VIII* — бронзовые наконечники стрел; *IX* — гончарная керамика; *X* — лепная керамика

Таблица 46. Присарыкамышская дельта Амударьи. Подбойно-катакомбные погребения

I, *VI*, *VII*, *X*, *XI* — Тузгыр, юго-западная группа: *I* — план (*а* — грунтовые погребения; *б* — нераскопанные курганы; *в* — курганы с подбоями; *г* — курганы с катакомбами); *VI*, *VII*, *X*, *XI* — инвентарь: *VI* — железо; *VII* — кость; *X* — камень; *XI*, *1*, *2* — железо; *XI*, *3* — раковина; *XI*, *4*, *6* — стекло; остальное — глина; *II*, *IX* — Тумек-кичиджик: *II* — курган 49; *IX* — инвентарь: *1* — стекло; *2*, *3*, *7*, *8*, *10*, *11* — бронза, *4* — кость, *5*, *9*, *12* — глина, *6* — раковина, *13* — алебастр; *III*, *V*, *VIII* — Тузгыр: *III* — курган 22; *V* — курганы 17, 21 (железо); *VIII* — курганы 8 и 23 (алебастр); *IV* —мечи из погребений: *IV*, *1*, *5*, *6*—Тумек-кичиджик: *1* — курган 63, *5*, *6* — курган 49; *IV*, *2*, *3* — Гяур 4: *2* — курган 6, *3* — курган 1; *IV*, *4* — курган на возвышенности Гяургыр

Таблица 47. Северо-западная Туркмения. Культовые и погребальные памятники, планы и разрезы

1 — общий вид и разрез сооружения 3 могильника Гары-язы; *2* — схематический план комплекса на возвышенности Дордуль (*а* — древнее русло Узбоя; *б* — средневековое русло Узбоя; *в* — святилище Ичянлыдепе; *г* — погребальные сооружения; *д* — средневековое кладбище); *3* — погребальное сооружение 10 на возвышенности Дордуль; *4* — святилище Ичянлыдепе; *5* — погребальное сооружение в 7 км к северу от средневекового караван-сарая Ак-яйла; *6* — погребальное сооружение 1 в урочище Игды; *7* — погребальное сооружение 4 в урочище Гичгельды

Таблица 48. Северо-западная Туркмения, первый этап культуры скотоводов (V—II вв. до н. э.) Керамика

1 — святилище Ичянлыдепе, лепная керамика; *2* — погребальные сооружения, лепная керамика; *3* — святилище Ичянлыдепе, импортная гончарная керамика; *4* — погребальные сооружения (Дордуль 10; Ак-яйла), импортная гончарная керамика

Таблица 49. Северо-западная Туркмения, второй этап культуры скотоводов (II в. до н. э.—IV в. н. э.). Инвентарь из погребальных сооружений

I, *II* — лепная керамика; *III—XI* — импортная гончарная керамика; *XII*, *XIII* — оссуарии из могильника Дордуль-*XIV* — статуэтки; *XV* — пряслица; *XVI*, *XVIII* — курильницы; *XVII* — сосудики из погребальных сооружений Дордуля; *XIII*, *XVII* — алебастр; *XIV* — гипс; остальное — глина

Таблица 50. Северо-западная Туркмения. Инвентарь из погребальных сооружений и святилища Ичянлыдепе

I — погребальное сооружение в 25 м к югу от Чарышлы; *II—IV*, *VI*, *VII* — Дордуль, сооружение 10; *V* — Назаркалы; *VIII* — Ялкым, сооружение 1; *IX* — Ичянлыдепе; *X*, *XII*, *XIII*, *XVIII* — Баланшем: *X* — сооружение 10, *XII*, *XVIII* — сооружение 3, *XIII* — сооружения 3, 4; *XI* — Бегиарслан, сооружение 2; *XIV—XVI* — Ханалы: *XIV*, *XV* — сооружение 10, *XVI* — сооружение 8; *XVII* — погребальные сооружения верхнего Узбоя; *XIX* — Ялкым, сооружение 5; *XX* — Гичгельды, погребальные сооружения; *I*, *1—3*, *II*, *IV*, *XIII—XV* — железо; *I*, *4* — камень; *III*, *VI—XII*, *XVII* (*а*), *XX* (*б*) — бронза; *V* — египетский фаянс; *XVI*, *XVII*, *XX* (*а*) — стекло; *XVIII* — кость; *XIX* — стеклянная паста

Таблица 51. Тасмолинская культура. Погребальные сооружения

1 — Тасмола I, курган 19; *2* — Карамурун I, курган 10; *3* — Карамурун I, группа 5; *4* — Карамурун I; *5* — основные типы курганов с каменными грядами (*а* — скелет или отдельные кости лошади; *б* — глиняный сосуд); *6* — Кара-Бие, курган 15; *7* — Тасмола V, курган 3; *8* — Айдабуль II, курган 1; *9* — Карамурун I, курган 5ж; *10* — Киик-Су, курган 5; *11* — Тасмола II, курган 1; *12* — Нурманбет IV, курган 1

Таблица 52. Тасмолинская культура. Предметы вооружения и конского снаряжения

1, *24—28* — Айдабуль II, курган 1; *2—12* — Карамурун II, курган 1; *13—17* — Карамурун II, курган 3; *18—20* — Тасмола III, курган 2; *21—23* — Карамурун I, курган 5а; *29—35* — Тасмола II, курган 1; *36—40*, *59*, *71—76* — Тасмола V, курган 2; *41—43*, *77* — Нурманбет IV, курган 1; *44—46* — Нурманбет I, курган 1; *47—49* — Ак-Булак I, курган 1; *50* — Тасмола V, курган 3; *51—58* — Карамурун I, курган 5л, с; *60—70* — Тасмола V, курган 3; *78—93* — Тасмола I, курган 19; *2—7* — железо; *9—12*, *35*, *59*, *60* — рог, кость; *29*, *30* — дерево; *69* — железо, золото; остальное — бронза

Таблица 53. Тасмолинская культура. Керамика, орудия труда, предметы туалета

1 — керамика из курганов с каменными грядами; *2, 8* — Тасмола II, курган 1; *3* — Жол-Кудук, курган 14; *4* — Айдабуль II, курган 2; *5* — Карамурун I, курган 9; *6* — Карамурун I, курган 4; *7, 10* — Бугулы, курган 2; *9* — Тасмола II, курган 2; *11* — Карамурун II, курган 3; *12* — Карамурун I, курган 5г; *13* — Карамурун I, курган 10; *14, 16* — Нурманбет IV, курган 1; *15* — Нурманбет IV, курган 3; *17, 19, 23* — Тасмола VI, курган а; *18, 28* — Тасмола I, курган 19; *20* — Тасмола I, курган 24; *21* — Тасмола VI, курган 1; *22, 24—27* — Тасмола V, курган 3; *5, 6, 12, 22—27* — рог, кость; *7, 8* — железо; *10, 11, 19—21* — камень; остальное — бронза

Таблица 54. Тасмолинская культура. Предметы звериного стиля и культа

1, 15 — Карамурун II, курган 1; *2, 4, 8* — Тасмола V, курган 3; *3, 6* — Тасмола V, курган 6; *5* — Тасмола V, курган 4; *7, 20* — Нурманбет I, курган 2; *9* — Тасмола I, курган 19; *10* — Нурманбет II, курган 3; *11, 16* — Тасмола V, курган 2; *12* — Карамурун I, курган 5г; *13* — Карамурун I, курган 5б; *14* — Тасмола I, курган 22; *17* — Карамурун I, курган 22; *18* — Тасмола VI, курган а; *19* — Даныбай, курган 3; *1, 7, 9, 11* — бронза; *2* — железо с золотой инкрустацией; *3—6* — золото; *8, 10* — рог; *12—20* — камень

Таблица 55. Погребальные сооружения ранних кочевников Восточного Казахстана. Планы и разрезы курганов и погребений, реконструкции

1—5 — этап I; *6—10* — этап II; *11—14* — этап III; *1* — Чаган-Оба; *2* — Зевакинский; *3, 9, 10* — Славянка; *4, 5* — Чиликта; *6* — Арасан; *7, 8* — Усть-Буконь; *11* — Тускаин; *12—14* — Пчела

Таблица 56. Материальная культура ранних кочевников Восточного Казахстана. Орудия труда, оружие, посуда

1—30 — этап I; *31—48* — этап II; *49—63* — этап III, *1, 2, 19, 33* — Семипалатинск; *2—5* — Зевакинский; *6, 15, 20* — Юпитер; *7* — Кок-Терек; *8—14* — Измайловка; *17* — Калбинские горы; *18, 49, 55* — Славянка; *21* — Джарбулак; *22—30* — Камышинка; *31, 40, 45, 47* — Кызыл-Ту; *32, 34—38, 48, 57* — Усть-Буконь; *39, 46* — Чиликта; *41, 42* — Бухтарма; *43, 44* — Малокрасноярка; *50, 53* — Пчела; *51, 52, 56, 58—63* — Кула-Журга; *54* — Тускаин; *34—36, 39, 43, 44, 60, 61* — кость; *45—48, 51—54* — глина; *49, 50, 59* — железо; *55, 56* — дерево; *57* — камень; остальное — бронза

Таблица 57. Материальная культура ранних кочевников Восточного Казахстана. Украшения, искусство

1—25 — этап I; *26—36* — этап II; *37—43* — этап III; *1, 29, 32, 34* — Усть-Буконь; *2—10, 12—17, 27, 28, 30, 31, 36* — Чиликта; *11* — Сагыр; *18* — Измайловка; *19, 20* — Чистый Яр; *21* — Семипалатинск; *22, 37—40* — Славянка; *23—25* — Зевакинский; *26, 35* — Вавилонка; *33* — Усть-Каменогорск; *41* — Кула-Журга; *42, 43* — Усть-Нарым; *1, 18—22, 25, 35* — бронза; *23, 32, 42, 43* — кость; *24, 29* — камень; *27* — бирюза, сердолик; *28* — сердолик; *30* — мрамор; остальное — золото

Таблица 58. Вид на археологические памятники с самолета

1 — Северный Тагискен, мавзолей 5а, 7 после раскопок; *2* — Бабиш-Мулла 1; *3* — Чирик-Рабат

Таблица 59. Мужчина тагарского времени (*1*), гунн (*2*), сак (*3*) и человек из плиточной могилы (*4*). Реконструкции М. М. Герасимова

1 — Усть-Ерба; *2* — Кенкол; *3* — Джал-Арык; *4* — Херексурин-Ури

Таблица 60. Ранние кочевники Алтая (VIII в. до н. э.—I в. н. э.). Погребальные сооружения

1—3 — Пазырык I; *4* — Большой Берельский курган (реконструкция С. С. Сорокина); *5, 6, 13* — Кок-су I; *7* — Шибе; *8—10, 12* — Усть-Куюм; *11* — Курту II

Таблица 61. Ранние кочевники Алтая (VIII—VI вв. до н. э.). Погребальный инвентарь и случайные находки

Случайные находки: *1* — у г. Змеиногорск, *2, 3, 9, 13, 14, 25* — Алтай, *8, 32* — из собрания М. П. Погодина, *23* — из коллекции П. К. Фролова; Могильники: *4, 17, 27* — Усть-Куюм, *5* — Семисарт I, *6, 7* — Курту II, *15, 19, 24* — Майэмирская степь, *16, 18, 20—22, 26, 28—31* — Солоначный Белок; *10—12* — типы соединения удил и псалиев (реконструкция М. П. Грязнова); *1—3, 8, 9, 13—16, 18, 20, 22, 24—27, 30—32* — бронза; *4—7, 21, 28* — рог, кость; *17, 23, 29* — камень; *19* — позолоченная бронза

Таблица 62. Ранние кочевники Алтая (VIII—VII вв. до н. э.). Предметы звериного стиля

1—7 — Майэмирская степь; *8, 10* — Елангаш; *9* — урочище Бураты; *11* — у с. Усть-Бухтарма, случайная находка (из коллекции П. К. Фролова); *12—15* — Юстыдский комплекс; *16* — чуйский оленный камень; *1—7* — золото; *8—10* — петроглифы; *11* — бронза; *12—16* — камень

Таблица 63. Ранние кочевники Алтая (V—III вв. до н. э.). Погребальный инвентарь

1 — Усть-Кан (случайная находка); *2, 3, 10, 11, 14, 17, 27* — Кызыл-Джар I; *4, 6, 8, 20, 25, 32, 40, 47* — Арагольские курганы; *5, 9, 12, 13, 18, 21—23, 26, 28, 35, 44, 46, 50, 52—55* — Кок-су I; *7, 30, 31, 39, 42, 51* — Пазырык II; *15, 16, 33, 41, 49* — курганы у д. Черновая; *19* — курган 11 у с. Туэкты; *24, 29, 36—38* — Уландрык I; *34* — Уландрык II; *43* — Пазырык IV; *45, 48* — Малые Катандинские курганы; *1, 4—6, 8, 9, 13, 15, 19, 23, 28, 40, 44, 45, 47* — бронза; *2, 3, 27* — бронза, дерево, кожа; *7, 26* — железо, золото; *10* — железо, бронза, дерево; *11, 12, 14, 16, 18, 20, 30, 31, 33, 41, 46, 48, 49* — рог, кость; *17, 21, 22* — железо; *24, 25, 34, 39* — золото; *29, 36—38, 42, 43* — дерево; *32* — медь, золото; *35* — серебро; *50, 52—55* — глина; *51* — глина, кожа

Таблица 64. Ранние кочевники Алтая (II в. до н. э.—I в. н. э.). Предметы материальной культуры

1—4, 6—12, 17—20, 32 — Шибе; *5, 16* — Шибе; реконструкции М. П. Грязнова — один из уборов коней (*5*) и Л. Л. Барковой — украшение пояса (*16*); *15, 21, 22* — Большой Берельский курган; *23, 24* — Яконур, курган 5; *25—27* — Каракольский курган; *13, 14, 28 — 31* — Большой Катандинский курган; *31* — реконструкция шубы (по С. И. Руденко); *33* — Малый Катандинский курган; *1, 2, 7, 23* — рог; *3, 4* — золото; *5* — кожа, золото, рог, дерево; *6, 10, 12, 16—19, 26* — дерево, золото; *9, 13, 14, 22, 28 — 30* — дерево; *11* — железо; золото; *15, 25, 27* — бронза; *20* — железо; *21* — береста; *24* — кожа, золото; *31* — мех; *32, 33* — глина

Таблица 65. Ранние кочевники Алтая. Импортные изделия

1, 4, 6, 8, 10 — Пазырык V; *3, 9* — Пазырык V; реконструкции А. А. Гавриловой (*3*) и М. П. Грязнова (*9*); *2, 5* — Пазырык II; *7* — Пазырык VI; *1* — шелк; *2* — дерево; *3* — шерсть; *4* — рог; *5* — дерево, кожа, сухожильные струны; *6, 8—10* — войлок; *7* — белый металл

Таблица 66. Ранние кочевники Алтая. Средства передвижения

1—6 — Пазырык I, реконструкции М. П. Грязнова (*2—6*); *7, 8* — Пазырык V; *1* — дерево, кожа; *7, 8* — дерево

Таблица 67. Ранние кочевники Алтая. Изобразительное искусство, скифо-сибирский звериный стиль

1, 4, 7, 16, 19 — Пазырык II; *2, 13* — Пазырык IV; *3, 5, 10—12, 15, 17* — Пазырык I; *6, 8* — Пазырык III; *14, 18* — Пазырык V; *9* — курган 1 у с. Туэкты; *1* — медь, золото; *2, 4, 5, 8—13, 18* — дерево; *3, 16* — кожа; *6* — кость; *7, 14, 17* — дерево, кожа; *15* — мех; *19* — серебро

Таблица 68. Скифо-сибирское золото. Сибирская коллекция Петра I (*1—23*)

Таблица 69. Большереченская культура (VII—VI вв. до н. э.). Вещи и глиняная посуда из погребений и поселений большереченского этапа

Могильники: *1—5, 6—9, 11, 15, 21, 27—30, 34—36, 38, 41, 49—53, 59* — Ближние Елбаны VII; *10, 44* — Березовка I; *13, 16—18, 25, 40* — Ближние Елбаны XII; *22—24, 33, 45—47* — Большой мыс; *31, 39, 43, 56* — Ближние Елбаны XIV; Поселения: *12, 14, 19, 20, 26, 37, 48, 54, 55, 57, 58, 60—65* — Ближние Елбаны I; *32, 42* — с. Штабка, случайные находки: *6* — мрамор; *7, 8, 11, 12, 22—24, 27, 30, 32, 33, 37, 38, 40—47* — бронза; *9* — бронза, камень, кость; *10, 13, 16—19, 26, 31, 34—36, 39* — рог, кость; *14, 48—65* — глина; *15, 20, 21* — камень; *25* — бронза, кость; *28, 29* — бронза, дерево

Таблица 70. Большереченская культура. Вещи и глиняная посуда из погребений и поселений бийского (V—III вв. до н. э.) и березовского (II—I вв. до н. э.) этапов

1—21, 27, 46—52, 55—60 — березовский этап; *22—26, 28—45, 53, 54* — бийский этап; Могильники: *1, 16, 17, 48, 52* — Ближние Елбаны XII; *2—15, 18—21, 46, 47, 55—57* — Бийск I; *22—25, 28—30, 34, 37—39, 41, 44, 45* — у с. Быстрянское; *26, 31, 33, 35—36* — Березовка I; *49, 50* — Ближние Елбаны III; *51* — Ближние Елбаны VII; Поселения: *58—60* — Ближние Елбаны I; Сборы: *27, 32, 42, 43, 54* — Ближние Елбаны XII: *32, 42, 43* — обломки литейных форм и реконструкции М. П. Грязнова отливавшихся по ним предметов; *40* — Ближние Елбаны XV; *53* — Ближние Елбаны V; *2, 4, 5, 15, 25, 28, 29, 31, 33, 34, 38—41* — бронза; *3, 6—8, 12—14, 18—20, 26, 27, 30, 35—37* — рог, кость; *9* — рог, бронза; *10, 11, 21, 44, 45* — железо; *16, 32, 42, 43, 46—60* — глина; *17* — камень; *22—24* — золото

Таблица 71. Ранние кочевники Тувы. Оленные камни, курган Аржан

1 — курган Аржан (разворот); *2, 3* — оз. Белое близ Аржана; *4* — Сосновка; *5* — Самагалатай; *6* — второй Туранский камень; *7* — план-схема кургана Аржан (реконструкция Л. Н. Баранова; фигурой коня помечены камеры с конскими захоронениями); *8* — Аржан, камера 1; *9* — Аржан, колоды и срубы из камеры 1

Таблица 72. Ранние кочевники Тувы. Вещи раннего этапа скифского времени

1—15, 28—31, 33—36, 38—42, 47—49, 51, 61—64, 66 — Аржан; *16—27* — Аймырлыг; *32, 37, 50, 52—56, 58, 60* — Алды-Бель I; *43, 45, 57* — случайные находки; *44* — Зубовка; *46, 59* — Хемчик-Бом III; *65* — Шанчиг; *67* — реконструкция Н. А. Боковенко по материалам Аржана; *1—3, 5, 6, 9, 10, 15—27, 32, 37, 40—48, 50, 52—60, 62—66* — бронза; *4, 7, 8, 11, 12, 14* — кость; *13* — дерево; *28, 29, 35, 61* — рог; *30, 33, 34* — клык кабана; *31* — камень; *36* — золото, камень; *38, 39* — клык лошади; *49, 51* — бронза, кожа (реконструкция)

Таблица 73. Ранние кочевники Тувы. Погребальный обряд скифского времени

1 — курган у г. Кызыл; *2* — Шурмак-Тей; *3, 4* — Шараш; *5* — Эрзин I; *6—12* — Аймырлыг; *13* — Аргалыкты

Таблица 74. Ранние кочевники Тувы. Оружие скифского времени

1, 3—5, 7—16, 19—27 — Аймырлыг; *2* — Бош-Даг; *6* — случайная находка на р. Сушь; *17* — случайная находка в урочище Аргалыкты; *18* — курган у горы Кызылган; *1—3, 6—13, 16—18, 20, 27* — бронза; *4, 15, 24* — железо; *5, 19, 21, 26* — бронза, дерево, кожа; *14* — бронза, кожа; *22* — кость; *23, 25* — кожа, дерево

Таблица 75. Ранние кочевники Тувы. Предметы вооружения, конского снаряжения V—III вв. до н. э.

1—66, 76—80, 84 — Аймырлыг; *67—74, 81—83* — курган у с. Туран; *75* — реконструкция Н. А. Боковенко по материалам могильника Аймырлыг; *1—11, 43, 71, 74* — бронза; *12—40, 46—53, 55—63, 72, 73, 82, 83* — кость; *41, 42, 44, 45, 54, 64—66, 80* — дерево; *67—70* — бронза, кожа; *76—79* — кожа, дерево; *81* — железо; *84* — рог, бронза, кожа

Таблица 76. Ранние кочевники Тувы. Предметы бытового назначения из могильника Аймырлыг

1, 34 — бронза, дерево, кожа; *2, 3, 6—8, 12—16, 19, 20, 22—26, 28, 30, 31, 39* — бронза; *4, 5* — бронза, кость; *9, 10, 17, 18* — камень; *11* — дерево; *21, 27, 36—38, 40, 44* — кожа, бронза; *29* — бронза, железо; *32, 33* — железо; *35, 41—43* — кожа

Таблица 77. Ранние кочевники Тувы. Предметы бытового назначения из могильника Аймырлыг

1, 2, 36 — бронза, золото; *3, 6* — железо, золото; *4, 8, 14—18, 26, 37, 41* — золото; *5, 20, 21, 27, 28, 31, 32, 34, 43—48 52—54, 58—63, 74, 80—83* — кость; *7* — золото, бирюза; *9* — золото, сердолик; *10, 11, 23, 35, 50, 75, 77* — бронза, кожа; *12* — стекло; *13* — сердолик (круглые), бирюза (плоские); *19, 22, 24, 25, 29, 30, 38—40, 42, 51, 55—57, 64—73, 76, 78, 79* — бронза; *33, 49* — железо

Таблица 78. Ранние кочевники Тувы. Искусство

1—14 — гунно-сарматское время; *15—46* — скифское время; *1, 2, 4, 5, 7, 8, 11, 13* — Аймырлыг, группа XXXI; *3, 9, 10* — Даштык-Шёль; *6* — Кара-Даг; *12* — Урбюн; *14* — Кокэль; *15—24, 26, 27, 30, 34—36, 42, 44—46* — Аймырлыг; *25, 29* — у с. Турак; *28* — курган у горы Кызылган; *31, 43* — Куйлуг-Хем I; *32, 33, 38* — Хемчик-Бом III; *37* — у с. Малиновка; *39, 40* — Аймырлыг, группа XXVII; *41* — Бош-Даг; *1, 6, 15—19, 21, 32, 33, 39, 40* — кость; *2, 22—24, 29, 30* — золото; *3* — серебро; *4, 11* — золоченая бронза; *5* — дерево, золото; *7, 8, 13, 44—46* — береста; *9, 10, 20, 26—28, 31, 34—38, 41—43* — бронза; *12* — бронза, дерево; *14* — дерево; *25* — бронза, золото

Таблица 79. Ранние кочевники Тувы. Посуда V в. до н. э.— IV в. н. э.

1—17 — гунно-сарматское время; *18—32* — скифское время; *1—4, 6, 7, 10, 11, 14, 15* — Аймырлыг, группа XXXI; *5* — Кокэль; *8, 9, 18—32* — Аймырлыг; *12—13, 16, 17* — Бай-Даг II; *1—15, 19—32* — керамика; *16—18* — бронза

Таблица 80. Ранние кочевники Тувы. Погребальный обряд гунно-сарматского времени

1—4, 7—9 — Аймырлыг, группа XXXI; *5* — Кокэль; *6* — Бай-Даг II

Таблица 81. Ранние кочевники Тувы. Предметы бытового назначения

1—12, 14—28, 31—33, 35—44, 46—69 — Аймырлыг, группа XXXI; *13, 30* — Даштык-Шёль; *29* — Бай-Даг II; *34* — Часкал; *45* — Кокэль; *1* — береста; *1а—в, 2—4, 14—16, 25—28, 33—44, 48, 50—52, 55—57, 65—68* — железо; *1г, 12* — белый металл; *5* — янтарь; *6, 7* — белый камень; *8, 9, 13* — бронза; *10, 11, 21, 45, 69* — дерево; *17, 22—24, 30, 31* — кость; *18* — керамика; *19, 32* — камень; *20* — дерево, камень; *29* — серебро; *45—47, 53, 54* — железо, дерево; *58—62* — золоченая бронза; *49, 63, 64* — рог, железо

Таблица 82. Ранние кочевники Тувы. Предметы вооружения

1—12, 21, 78 — Аймырлыг, группа XXXI; *13—17* — Бай-Даг II; *18, 19* — Аргалыкты I; *20, 22, 77* — Алды-Бель; *23, 24* — Даштык-Шёль; *25—76* — Кокэль; *1—7, 9—11, 13—20, 22—24, 35—52, 54—64, 66, 70, 74—77* — железо; *8, 12, 21, 31—34, 65* — кость; *25—30* — дерево, железо; *53* — железо; кость; *67—69, 71—73* — дерево; *78* — дерево, кость

Таблица 83. Ранние кочевники Тувы. Деревянная и берестяная утварь

1—8 — Кокэль; *9—21* — Аймырлыг, группа XXXI; *1—8, 21* — дерево; *9—11* — береста

Таблица 84. Тагарская культура. Оружие VII—VI (*22—43*) и V—III (*1—21*) вв. до н. э.

1—12 — наконечники стрел: *1* — Саянская, *2* — Ключи, *3* — Анаш, *4* — Думная гора, *5, 9, 12* — Минусинский край, *6* — р. Тез, *7* — Ладейское, *8* — Усть-Сыда, *10* — Означенное (Саяногорск); *11* — Беллык; *13* — колчанный крючок (Шошина); *14* — наперсток для стрельбы из лука (б. Енисейская губ.); *15—18* — кинжалы: *15* — Кривая, *16* — Каменка, *17* — Минусинский край, *18* — Анаш; *19* — миниатюрный чекан (Минусинский округ); *20* — проушной топор (Иудина); *21* — секира (Колмакова); *22—33* — наконечники стрел: *22* — Минусинский край, *23* — Сарагаш, *24* — гора Изых, *25* — Игрыш, *26* — Иудина, *27* — Горькое озеро, могила 8 (раскопки С. А. Теплоухова), *28* — Уты, *29* — Ключи, *30, 31* — Кочергино, курган 1 (раскопки С. В. Киселева), *32* — Тагарский остров, курган 33 (раскопки А. В. Адрианова), *33* — Райков улус (раскопки А. Н. Липского); *34* — колчанный крючок (Минусинский край, Никольское); *35* — наперсток для стрельбы из лука (Колмакова); *36—40* — кинжалы: *36* — «из курганов в окрестностях Абакана» (раскопки В. В. Радлова), *37* — Белоярское, *38* — Калы, *39* — Тагарское озеро, курган 32, *39а* — шило-вкладыш в ручку кинжала *39*; *40* — Тесинское; *41, 42* — чеканы: *41* — Минусинский край, *42* — Большой Хабык; *43* — секира (Тесь); *1—43* — бронза

Таблица 85. Тагарская культура. Конский убор

1—8 — удила: *1* — Субботина, *2* — Новоселово, *3* — Кавказское, *4* — Аешка, *5* — Каптерева, *6* — Очуры, *7* — Шошина, *8* — Саянская; *9—12, 16, 17* — псалии: *9* — Потехина, *10* — Малая Иня, *11* — Батени, *12* — Минусинский край, *16* — б. Енисейская губ., *17* — Означенное (Саяногорск); *13, 18, 20—22* — сбруйные подвески: *13* — Минусин-

ский край, *18* — Тетерина б. Красноярского округа, *20* — Бейское, *21* — Корелка, *22* — Каптерева; *14*, *15* — конские налобники: *14* — Минусинский край, *15* — Усть-Сыда; *19* — трензель (Минусинский край); *23*, *27*, *28* — бляхи для перекрестья ремней: *23* — Иудина, *27* — Малая Идра, *28* — Казанцева; *24*, *25* — подпружные пряжки; *24* — Малая Иня, *25* — Иудина; *26*, *29*, *30* — ворворки: *26* — Никольское, *29* — Большая Иня, *30* — Янова; *1—30* — бронза

Таблица 86. Тагарская культура. Орудия труда, ножи

1—3 — оселки: *1*, *3* — Малая Иня, *2* — Гришкин Лог I; *4* — мотыжка (Кривая); *5—7*, *13*, *14* — кельты: *5* — Новая Идра, *6* — Идра, *7* — б. Частоостровская волость, *13*, *14* — Брагина; *8*, *9* — серпы: *8* — Быстрая, *9* — Брагина; *10*, *11* — пилы (Брагина); *12* — инструмент для тавренния скота (Анаш); *15—24*, *26—28*, *30*, *31* — ножи V—III вв. до н. э.: *15* — Абаканское, *16*, *18*, *24* — Минусинский край; *17* — Бея, *19* — Минусинск, *20* — Троицкая, *21* — Худоногова, *22* — Черемушка, *23* — Лугавское, *26* — Шуперы, *27* — Монок, *28* — Колмакова, *30* — Мальцева, *31* — Большой Хабык; *33—37*, *39*, *40*, *42*, *44*, *45* — ножи VII—VI вв. до н. э.: *33*, *34*, *39*, *42*, *44*, *45* — Минусинский край, *35* — Кныши, *36* — Ничка, *37* — Батени, *40* — Шушенское; *25*, *29* — шилья V—IV вв. до н. э.: *25* — Малая Иня, *29* — Кочергино; *32*, *38*, *41*, *43* — шилья VII—VI вв. до н. э.: *32* — Самохвал, *38* — Откнин улус, *41* — Минусинский край, *43* — Саянская; *1—3* — камень; остальное — бронза

Таблица 87. Тагарская культура. Украшения и предметы туалета

1, *4*, *13*, *14* — гребни: *1* — Кара-кургэн, *4* — Самохвал, *13* — Сыда, *14* — станция Минусинск; *2*, *5*, *9—12* — бусы: *2*, *11* — Кочергино; *5*, *9*, *10*, *12* — Откнин улус; *3*, *7*, *8* — пронизки: *3* — Откнин улус, *7*, *8* — Кочергино; *6* — серьга; *15—18* — бляшки-украшения головного убора: *6*, *15*, *17* — Откнин улус, *16* — Тагарский остров, *18* — станция Минусинск; *19*, *20*, *22* — туалетные ножи: *19* — Кызыл-Куль, *20* — Усть-Тесь, *22* — Сыда; *21* — привеска из клыка кабарги (Откнин улус); *23—25* — зеркала: *23* — гора Изых, *24* — Откнин улус, *25* — Бедра; *1*, *4*, *13*, *14*, *19*, *20*, *22* — кость; *2* — аргиллит; *5*, *9* — сердолик; *6* — бронза и золото; *21* — клык кабарги; остальное — бронза

Таблица 88. Тагарская культура. Искусство. Наскальные рисунки (*1—4*), звериный стиль (*5—21*)

1 — Малая Боярская писаница (по М. П. Грязнову); *2* — часть Большой Боярской писаницы (по М. А. Дэвлет); *3а—в* — фрагменты Апкашевской писаницы (по эстампажам Н. Л. Членовой); *4* — Оглахтинская писаница (по эстампажу А. Н. Липского); *5—12* — «алтайский» звериный стиль: *5* — с. Субботино, *6*, *8—10* — Минусинский край, *7* — б. Ачинский округ, *11* — б. Минусинский уезд, *12* — Ключи; *13—21* — «минусинский» звериный стиль: *13* — Потрошилова, *14* — то же (увеличено), *15* — Метихова, *16* — Корякова, *17* — Кавказское, *18* — Восточное, *19* — Минусинский край, *20* — Бейское, *21* — Тигрицкое; *1—4* — рисунки, выбитые на скалах; *5—21* — бронза

Таблица 89. Тагарская культура. Керамика (*1—14*), бронзовые котлы (*15—18*)

1—5 — керамика V—III вв. до н. э.: *1* — Коньева, *2*, *3* — Сарагаш, *4* — Усть-Тесь, *5* — Малая Иня; *6—14* — керамика VII—VI вв. до н. э.: *6* — оз. Шира, *7*, *8* — Страшный Лог, *9* — Откнин улус, *10* — Батени, *11* — Усть-Тесь, *12—14* — Тесь; *15—18* — Минусинский край

Таблица 90. Тагарская культура. Погребальный обряд

1 — вид на могильник Кулун II; *2* — вид на могильник Изыкчуль; *3* — вид Большого Салбыкского кургана в процессе раскопок; *4—9* — могильник Барсучиха V: *4*, *5* — план и разрез ограды, *6—8* — план и разрез могил; *10*, *11* — могильник Тепсей IX, курган 2; *12—17* — могильник Туран II; курган 5: *12—15* — план, разрез, стены оградки, *16*, *17* — план и разрез могилы 2; *18*, *19* — могильник Туран II, план и разрез могилы 4 кургана 4

Таблица 91. Тагарская культура. Погребальные сооружения Большого кургана могильника Салбык

1 — северная стена ограды Большого кургана; *2* — план ограды Большого кургана; *3—5*, *7* — разрезы бревенчатого склепа и дромоса в Большом Кургане; *6* — план бревенчатого склепа в Большом кургане; *а* — бревна; *б* — береста; *в* — камни; *г* — погребенная почва; *д* — материк; *е* — темная почва; *ж* — красная глина; *з* — выброс из могильной ямы

Таблица 92. Средний Енисей. Тесинский этап (II в. до н. э.— начало I в. н. э.). Погребальные сооружения

1, *3*, *11*, *12* — Барсучиха I, склеп; *2*, *14*, *15* — Тепсей XVI, склеп; *4*, *8* — Каменка III; *5*, *7* — Карасук V; *6* — Разлив II, раскоп 1; *9*, *10* — Тепсей VII; *13*, *21*, *22* — реконструкции В. Г. Ефимова: Барсучиха I (*13*); Разлив III (*21*, *22*); *16—18*, *20* — Разлив III; *19*, *23* — Новосарагашенский курган

Таблица 93. Средний Енисей. Тесинский этап (II в. до н. э.— начало I в. н. э.). Предметы материальной культуры

1—31 — посуда тесинских склепов и могильников; *32—62*, *64*, *65* — инвентарь склепов с бронзовыми миниатюрами; *1*, *5*, *15*, *21* — Барсучиха I, впускные захоронения; *2* — Барсучиха I, склеп; *3*, *6*, *7*, *10*, *16—19*, *22—24*, *28* — Каменка III; *4*, *8* — Разлив II, раскоп 2; *9*, *12*, *13* — Тепсей XVI, склеп; *11* — Красный Яр III; *14*, *26*, *27*, *29* — Тепсей VII; *20* — Тепсей XVII; *25*, *30* — Каменка V; *31* — Тепсей III; *32*, *34—37*, *39—41*, *43*, *44*, *46—49*, *52*, *53*, *57—62*, *64*, *65* — Разлив I, курган 3; *33*, *38*, *42*, *45*, *50*, *51*, *54—56* — Разлив III; *63* — Большая Боярская писаница, фрагмент (прорисовка М. А. Дэвлет); *1* — береста; *2*, *32—42*, *55—60* — бронза; *3—31*, *46—49*, *53*, *54*, *61*, *62*, *64*, *65* — глина; *43—45*, *50—52* — железо; *63* — камень

Таблица 94. Средний Енисей. Тесинский этап (II в. до н. э.— в[illegible]о I в. н. э.). Погребальный инвентарь склепов и могильников, клады, случайные находки

Могильники, склепы: *1*, *14*, *23*, *25*, *31*, *34*, *38*, *40*, *44*, *67*, *79* — Тепсей VII; *3*, *45*, *80* — Каменка V; *4*, *5*, *13*, *35—37*, *39*, *42*, *43*, *47*, *55*, *56*, *58*, *61*, *64—66*, *68* — Каменка III; *6* — Разлив II, раскоп 1; *7* — Тепсей I; *8* — Тепсей VIII; *9—12*, *15*, *16*, *18*, *41*, *50*, *62* — Барсучиха I, впускные захоронения; *17* — Мохов улус; *19*, *22*, *51*, *53* — Барсучиха I, склеп; *24* — Большой Уйбатский курган; *28*, *29*, *48*, *71* — Калы; *52*, *54* — Большой Тесинский курган; *57*, *63* — Тепсей XVII; *59* — Красный Яр III; *60* — Есинская МТС; *69* — Тепсей XVI; Клады: *2*, *20*, *21* — Аскыровский; *26*, *27*, *30*, *32*, *33*, *46* — Знаменский; *75*, *77* — Косогольский; Случайные находки: *49*, *74*, *81* — Минусинский музей; *70*, *72*, *76* (Государственный Эрмитаж); *73*, *78* (Государственный Исторический музей); *72* — верховья Теси; *73* — Кокорева; *74* — гора Изых; *76* — Означенная; *49*, *70*, *78*, *81* — местонахождение неизвестно; *1*, *2*, *8—14*, *16*, *17*, *20*, *29*, *31*, *50*, *55—59*, *61*, *62* — железо; *3—7*, *15*, *18*, *28*, *34—43*, *45*, *63—67* — кость, рог; *19*, *80* — камень; *21—23*, *25*, *44*, *47—49*, *51—53*, *60*, *68*, *70—79*, *81* — бронза; *24*, *26*, *27*, *32*, *33*, *46* — золото; *30* — серебро; *54*, *69* — глина

Таблица 95. Таштыкская культура. План могильника, планы и разрезы погребальных сооружений из грунтовых могильников

1, *7* — Мысок; *2*, *5*, *6*, *9—11* — Комаркова-Песчаная; *3*, *4* — Барсучиха IV; *8* — Новая Черная V

Таблица 96. Таштыкская культура. Планы могильника, склепов, «поминальника», реконструкции

1, *3* — Тепсей III; *2* — внешний вид могильника: *1* — склеп; *2* — детские могилы; *3* — «помины» (реконструкция М. П. Грязнова, Л. Н. Баранова); *4* — Тепсей III, склеп (реконструкция Л. Н. Баранова); *5* — Дальняя Чея; *6* — Тесь

Таблица 97. Таштыкская культура. Вещи из грунтовых могил

1, *16*, *17* — Мысок; *2*, *4*, *7—9*, *11*, *18*, *19*, *21*, *22*, *28*, *29*, *39*, *42*, *49*, *53*, *61* — Комаркова-Песчаная; *3*, *20*, *41*, *52*, *63* — Горькое Озеро; *5*, *6*, *12*, *13*, *23*, *37*, *38* — Новая Черная V; *10*, *24*, *27*, *32*, *43*, *57*, *58* — Оглахты; *14*, *15*, *33*, *48*, *59* — Новая Черная IV; *30*, *35*, *50*, *56*, *60* — Абаканская переправа; *31* — Таштык; *34* — Окунев; *36*, *44*, *45*, *54* — Салбык; *40* — Кутужеково; *46*, *47*, *51*, *62* — Быстрая; *1*, *2*, *5*, *6*, *8*, *11*, *22*, *23*, *29—41* — бронза; *3* — золото; *4* — серебро; *7*, *12*, *13* — железо; *9* — слюда; *10*, *14—21*, *28* — кость; *24—27*, *43* — дерево; *42* — стекло; *44*, *45* — дерево с золотом; *46—63* — глина

Таблица 98. Таштыкская культура. Вещи из склепов

1, *4*, *14*, *16*, *20*, *25*, *31*, *32*, *38*, *41*, *45*, *53* — Тепсей III; *2*, *3*, *18*, *29*, *33*, *36*, *39*, *42—44*, *47*, *52*, *57* — Уйбат I; *5* — Усть-

Тесь; *6*, *10*, *13*, *17*, *26—28*, *30*, *54*, *61* — Изых; *7*, *8*, *11*, *12*, *15*, *22—24*, *40*, *46* — Сыры; *9* — Джесос; *19*, *34* — Уйбат II; *21* — Тагарский остров; *35* — Джесос; *37*, *48—50*, *58* — Дальная Чея; *51* — Тепсей III, «помин»; *55* — Думная гора; *56* — Изых, «помин»; *59* — Минусинск; *60* — Мысок; *1*, *6*, *9*, *17*, *26*, *37*, *38* — железо; *2—5*, *7*, *8*, *10*, *13*, *14*, *16*, *18*, *25*, *28*, *30—36*, *39*, *41—45* — бронза; *11*, *12*, *15*, *22—24*, *40*, *46* — дерево; *19—21* — кость; *27* — белый сплав; *29* — камень; *47* — береста; *48—61* — глина

Таблица 99. Таштыкская культура. Одежда, утварь, реконструкция причесок

1—4, *6—18*, *23—25* — Оглахты; *5*, *21*, *22* — Тепсей III; *19* — Сыры; *20* — Уйбат I; *1*, *2* — береста и шелк; *3* — волосы и кожа; *4* — кожа; *5—14*, *16—22* — дерево; *15* — береста; *23* — мех барана; *24* — мех барана, собаки и волка; *25* — трава, кожа, шелк

Таблица 100. Таштыкская культура. Предметы искусства

1—3 — Оглахты; *4* — Абакан; *5* — Усть-Тесь; *6*, *8*, *10*, *11* — Уйбат I; *7* — Барсучиха IV; *9* — Сыры; *12* — Ошколь; *13—15* — Тепсей III

Таблица 101. Культура плиточных могил. Ранний этап, инвентарь

1, *4*, *5*, *7*, *10* — гора Тапхар; *2*, *18* — долина р. Хилок; *3* — Усть-Куэнга; *6* — Забайкалье; *8*, *15*, *19* — восточное Забайкалье; *9*, *14*, *21—23*, *26*, *27* — Дарасун; *11* — Агинская степь; *12* — могила близ г. Нерчинск; *13*, *17* — Усть-Тулутай, р. Онон; *16*, *24*, *25* — Дворцы; *20* — могильник Александровский; *28—44* — часть Закаменского клада с р. Джида; *1—3*, *12*, *13*, *17*, *18*, *30—38* — ножи; *4*, *14* — наконечники стрел; *5* — накладка; *6* — удила; *7*, *8* — псалии; *9*, *22*, *24*, *25* — бляшки; *10*, *11*, *43* — котел, обломки котлов; *15* — бляшка в зверином стиле; *16* — поясная бляха; *19—21* — ложечковидные подвески; *23* — бусы; *26* — подвеска; *27*, *29* — проволочные кольца; *28* — пряжка; *39—42* — кельты; *44* — зеркало; *1—6*, *8—13*, *15—22*, *24—44* — бронза; *7* — рог; *14* — кость; *23* — камень

Таблица 102. Культура плиточных могил. Керамика (27, 28), инвентарь среднего (*7—26*) и позднего (*1—6*) этапов

1, *5*, *6* — Барун-Кондуй; *2—4* — Ихерик; *7* — Усть-Тулутай; *8*, *10*, *22*, *25* — Саянтуй; *9* — долина р. Хилок; *11* — Забайкалье; *12*, *26* — Шулун-Шэнэгальжин; *13* — р. Иволга; *14—21*, *24* — станция Оловянная; *23* — Ононск; *1* — пуговицы; *2* — псалий; *3*, *4* — удила; *5* — пластина; *6* — бусы; *7*, *8*, *13* — кинжалы; *9* — нож; *10*, *11* — кельты; *12* — шило; *14—17*, *19*, *20* — украшения; *18* — нагрудник с бронзовыми украшениями; *21*, *22* — трубочки-рукоятки плети (?); *23* — бляшка в зверином стиле; *24* — зеркало, бусы, пряжка; *25* — зеркало; *26* — пряжка; *27* — керамика дворцового типа; *28* — фрагменты керамики, тripод; *1*, *7—26* — бронза; *2—5* — железо; *6* — пирофиллит; *27*, *28* — глина

Таблица 103. Культура плиточных могил. Погребальный обряд

1 — план могильника Саянтуй; *2* — вид могилы 10 могильника Саянтуй; *3* — положение костяка в могильнике Убур-Билютай; *4* — план плиточной могилы 63 у горы Тапхар; *5*, *6* — план и разрез плиточной могилы 10 могильника Саянтуй; *7* — план «фигурной» плиточной могилы 113 могильника Сосновая падь; *8—10* — положение костяков в плиточных могилах у станции Оловянная; *11—13* — планы и разрез могилы 10 могильника Дарасун 3

Таблица 104. Оленные камни Забайкалья

1 — р. Иволга; *2* — Ульба II; *3* — р. Джида, гора Сельгир; *4* — Ульба I; *5* — Читинская обл., Агинский Бурятский автономный округ

Таблица 105. Хунну. Вооружение и конское снаряжение

1—40 — I в. до н. э. — I в. н. э.; *41—75* — конец III—I в. до н. э.; *1—3*, *7—9*, *11—14*, *18—22*, *24—27*, *29*, *30*, *32*, *35—37*, *39* — Ильмовая падь; *4*, *5*, *15—17*, *23*, *28*, *31*, *38*, *40* — Черемуховая падь; *6*, *10*, *33*, *34* — Суджинский могильник; *41*, *42* — Иволгинский могильник; *43*, *47*, *49—54*, *58*, *60—74* — Иволгинское городище; *44—46*, *48*, *55—57*, *59*, *75* — Дэрестуйский могильник; *1—5*, *12—17*, *19—23*, *25—28*, *31*, *39*, *41—43*, *47*, *48*, *59*, *75* — железо; *6—8*, *11*, *18*, *24*, *30*, *32—37*, *40*, *44*, *49—53*, *58*, *60—65*, *74* — кость; *9*, *38*, *54*, *55*, *66—73* — бронза (*66*, *68* — черешки железные); *10*, *45*, *46*, *56*, *57* — бронза, кожа: *29* — железо, кожа

Таблица 106. Хунну. Детали поясных наборов, поясные и сбруйные застежки, пряжки, подвески, накладки

1—41 — I в. до н. э. — I в. н. э.; *42—81* — конец III—I в. до н. э. *1—6*, *8*, *12—14*, *18—23*, *26*, *28—31*, *34*, *35*, *39*, *40* — Ильмовая падь; *7*, *9*, *10*; *15—17*, *24*, *25*, *27*, *33*, *36*, *41* — Черемуховая падь; *11*, *32*, *37*, *38* — Суджинский могильник; *42*, *44*, *48*, *49*, *51*, *52*, *54—57*, *59—62*, *64*, *66*, *68*, *69*, *71*, *73—75*, *77—80* — Иволгинское городище; *43*, *47*, *58*, *63*, *70*, *76*, *81* — Дэрестуйский могильник; *45*, *46*, *50*, *53*, *65*, *67*, *72* — Ивонлгиский могильник; *1—5*, *8*, *12—15*, *19—24*, *26*, *27*, *33—35*, *39*, *47*, *57*, *60*, *64* — железо; *6*, *7*; *16—18*, *25*, *28—32*, *36—38*, *41*, *42*, *48*, *52*, *59*, *61*, *68*, *71*, *73—75*, *77—79*, *80* — кость, рог; *9* — перламутр (раковина); *10*, *40*, *63* — камень: *10* — зеленоватая яшма, *40* — зеленоватый камень, *63* — липаритовая лава; *11*, *43*, *44*, *46*, *49—51*, *53—56*, *58*, *62*, *65—67*, *69*, *70*, *72*, *76*, *81* — бронза; *45* — бронза, железо (язычок)

Таблица 107. Хунну. Орудия труда и предметы быта

1—11 — I в. до н. э. — I в. н. э.; *12—50* — конец III—I в. до н. э. *1*, *2*, *6—9* — Черемуховая падь; *3—5*, *11* — Ильмовая падь; *10* — Ноин-Ула; *12—31*, *35—48* — Иволгинское городище; *32* — р. Кирон (Монголия); *33* — выдувы у с. Дурены; *34*, *50* — Иволгинский могильник; *49* — Дэрестуйский могильник; *1* — железо, дерево; *2*, *3*, *12*, *22—24*, *29*, *30*, *33—35*, *43*, *44*, *46—49* — железо; *4—8*, *11*, *13*, *15*, *16*, *18—21*, *26*, *27*, *31*, *36—40* — кость; *9* — дерево; *10*, *17*, *25*, *32*, *50* — бронза; *14* — глина; *28* — камень, сланец; *41*, *42* — чугун; *45* — железо, кость

Таблица 108. Хунну. Украшения и предметы туалета, бляхи, подвески, бусы, зеркала

1—19 — I в. до н. э. — I в. н. э.; *20—76* — II—I вв. до н. э.: *1*, *5*, *7*, *8*, *11*, *13*, *15* — Ильмовая падь; *2*, *3*, *6*, *9*, *10*, *12*, *14*, *16—19* — Черемуховая падь; *4*, *20—23*, *26*, *27*, *29—33*, *39*, *41—48*, *52*, *54—56*, *58*, *61—64*, *66*, *68*, *70*, *71* — Иволгинское городище; *24*, *25*, *28*, *34—38*, *40*, *49—51*, *53*, *57*, *59*, *60*, *65*, *67*, *72*, *74—76* — Иволгинский могильник; *69*, *73* — Дэрестуйский могильник; *1* — позолоченная бронза; *2* — золото с гнездами для вставок из зеленоватых камней; *3* — медь с вставками камня; *4—6*, *8*, *32—34*, *46*, *47*, *59*, *60*, *69* — бронза; *7* — серебро; *9*, *13*, *14*, *16—18*, *20—24*, *26*, *27*, *35—41*, *43—54*, *56*, *57*, *62—65*, *67*, *68*, *70—75* — поделочный и полудрагоценный камень различных пород: *9* — «черный камень», *13*, *14* — бирюза, *16* — зеленоватая яшма, *17* — янтарь, *18* — «бледно-желтый» камень, *20—24* — сердолик, *26* — малахит, *27*, *28*, *39*, *41*, *52*, *56*, *65*, *70*, *72* — породы неизвестны, *35*, *36*, *53*, *57* — глинистый известняк, *37*, *38*, *74* — серпентин, *40* — халцедон, *48* — белый меловой камень, *49—51*, *57* — флюорит, *54* — глинистый сланец, *62—64*, *68*, *71* — гешир, *73* — красная яшма, кварцитовые породы, *75* — агат; *10*, *19*, *30*, *31*, *42—45*, *55*, *76* — кость; *11*, *15* — раковина ужовка; *12* — стекло с позолотой; *25*, *29* — многоцветное стекло: *58*, *66* — железо; *61* — раковина каури

Таблица 109. Хунну. Поселения, жилые и производственные сооружения

1—4 — Иволгинское городище; *1* — реконструкция жилища 42 (*А* — внешний вид; *Б* — конструкция кровли; *В* — внутреннее устройство), *2* — план и разрез остатков сыродутного горна, *3* — план и разрез жилища 42, *4* — план городища; *а* — вал; *б* — жилища; *в* — дерево; *г* — местоположение сыродутного горна; *д* — камни; *е* — хозяйственные ямы; *ж* — дерн; *з* — раскопы Г. П. Сосновского; *и* — материк; *к* — горелая солома; *л* — глиняная обмазка; *м* — пойма р. Селенга

Таблица 110. Хунну. Погребальный ритуал

1—5 — Ильмовая падь: *1* — план могильника, *2—5* — планы и разрезы намогильных сооружений суджинского типа; *а*, *б* — курганы хунну: *а* — нераскопанные, *б* — раскопанные; *в*, *г* — средневековые курганы

Таблица 111. Хунну. Погребальный обряд. Внутримогильные сооружения

1, *3*, *5* — Ильмовая падь: *а* — перекрытие, *б* — погребение, *в* — разрез могильной ямы; *2* — Дэрестуйский могильник: *2* — перекрытие, *2а* — погребение; *4* — Черемуховая падь; *6* — Иволгинский могильник

Таблица 112. Хунну. Сосуды

1, *2*, *5* — Черемуховая падь; *3*, *4*, *15*, *16* — Эдуй; *6*, *7* — Суджинский могильник; *8—11*, *17—20*, *22*, *23*, *25—30* — Иволгинское городище; *12*, *14*, *21*, *24* — Иволгинский могильник;

13 — Дэрестуйский могильник; *1—9, 11—30* — глина (*7* — крышка сосуда); *10* — камень

Таблица 113. Хунну. Предметы искусства, пряжки, бляхи

1, 4, 10 — Иволгинский могильник; *2, 11* — Иволгинское городище; *3, 5, 6, 8, 9* — Дэрестуйский могильник; *7* — Суджинский могильник; *1, 4, 8—11* — бронза; *2, 7* — кость; *3* — дерево, золото с гнездами для вставок; *5, 6* — листовое тисненое золото

Таблица 114. Хунну. Предметы искусства, пряжки, накладки, бляхи, деталь ковра

1, 11, 17 — Дэрестуйский могильник; *2, 5—7* — Иволгинское городище; *3, 14* — поселение Дурены; *4, 8, 12, 13, 15, 16, 18, 19* — Ордос, случайные находки; *9* — Ильмовая падь; *10* — Иволгинский могильник; *20* — Ноин-Ула; *1, 3, 4, 7—19* — бронза; *2, 5, 6* — кость; *20* — деталь вышивки на войлочном ковре

Таблица 115. Лесостепное Зауралье. Памятники носиловского типа

1 — планы жилищ 1, 2 (*а* — очертания остатков сооружений; *б* — предполагаемые очертания; *в* — уголь; *г* — прокаленный и спекшийся с золой песок; *д* — заполнение поздней ямы; *е* — ямки от столбов); *2* — план поселения (валы от памятника воробьевского типа); *3—31* — инвентарь; *1, 2, 5, 6, 9—11, 13—15, 18, 19, 22, 23, 27* — Носилово II; *3, 4* — Воробьевское; *7, 28* — Увал V; *8, 12, 16, 17, 20, 21, 31* — Прыговское; *24—26, 29, 30* — Увал IV; *3, 5* — бронза; *4* — камень; *6—31* — глина

Таблица 116. Лесостепное Притоболье и Приишимье. Памятники баитовского типа

1 — план городища; *2—13, 15—27* — инвентарь; *14* — план жилища 1 (*а* — вал и ров; *б* — жилищная впадина; *в* — дорога; *г* — контуры жилища на уровне материка; *д* — то же на глубине 0,1 м от уровня материка; *е* — контуры ям и очажных углублений на глубине 0,2 м от уровня материка; *з* — уголь; *и* — зола; *к* — столбовая яма; *л* — прокаленный грунт; *м* — кости животного; *н* — слой остатков очага-кострища; *о* — место находки булавки; *п* — траншея); *1, 5* — Баитово; *2, 4, 12, 13* — Курганская обл.; *3, 7—9, 17* — Юдино; *6, 14, 15, 27* — Увал V; *10* — Боровая; *11* — Увал IV; *16* — Речкино I; *18, 22—24* — Рафайлово; *19, 26* — Лихачево; *20, 21, 25, 28* — Ботники Ia; *2, 4, 5, 10, 12, 13* — случайные находки; *2—5, 13* — бронза; *6—8, 11, 16—28* — глина; *9* — кость; *10* — железо, бронза; *12, 15* — железо

Таблица 117. Лесостепное Притоболье. Памятники воробьевского типа

1, 5 — планы жилищ; *2* — план городища; *3, 4, 6—23* — инвентарь; *1, 6—9, 17, 19, 21* — Речкино I; *2, 11* — Воробьевское; *3* — Речкино II; *4, 10, 16, 23* — Шадринский; *5* — Боровое; *12—14* — Носиловское II; *15* — б. Шадринский уезд; *18, 20* — Язево I; *22* — Камышное II; *3, 4, 10, 15* — бронза; *6—9, 12—14, 17—23* — глина; *11* — железо; *16* — тальк

Таблица 118. Гороховская культура. Поселения, жилища, погребальный обряд

1—4 — планы городищ (*а* — вал и ров; *б* — жилищная впадина; *в* — раскоп; *г* — дорога; *д* — неопределенные углубления; *е* — лес); *5, 7* — планы жилищ (*а* — очаг; *б* — углистые полосы; *в* — столбовые ямы; *г* — земля с размокшим углем; *д* — яма; *е* — следы досок; *ж* — фрагменты керамики; *з* — скопление костей; *и* — зола; *к* — обгорелые бревна; *л* — глина); *6, 8, 9, 11—14* — планы погребений; *10, 15* — планы курганов (*а* — дерн; *б* — заполнение грабительского прокопа; *в* — береста и органические остатки; *г* — камни; *д* — чернозем насыпи; *е* — погребенная почва; *ж*—материк); *1* — Коровяково; *2* — Большое Казахбаевское; *3* — Ильтяково; *4, 7*—Горохово (Чудаки); *5*—Лужки; *6* — Раскатиха; *8—11, 13, 14* — Воробьево I; *12* — Березки VБ; *15* — Кенес

Таблица 119. Гороховская культура. Орудия труда, вооружение, конское снаряжение, украшения и предметы культа

1—4, 9, 10, 17—19, 26—28, 38, 60, 61 — Воробьево I; *5, 15* — Исток; *6, 34, 37, 41, 42* — Шикаевка; *7, 12, 25* — Шмаково; *8, 33, 35, 51* — Прыгово; *11* — Ключевское; *13, 14, 29, 30, 39, 40, 45, 48, 49, 55, 56* — Горохово; *16, 21—24, 32, 36* — Раскатиха; *20, 63—65* — Царев курган; *31, 43, 54, 57* — Березки VБ; *44* — Разбегаевка; *46, 47* — Куртамыш; *50* — Кенес; *52* — курган на 11-й версте Миасского тракта; *53* — Лужки I; *58* — Усть-Караболка; *59* — Синеглазово; *62* — Барсуки, б. Шадринский уезд, урочище Татарский бор; *66* — Максимова Далматовского р-на; *1—5* — стекло; *6, 34, 37, 41, 42* — золото; *7, 16, 26—28, 43, 46, 48, 49* — кость; *8, 9, 11, 12, 15, 17—24, 32, 33, 35, 36, 54, 62* — бронза; *10* — серебро; *13, 29—31, 38—40, 52, 55, 56* — глина; *14, 45* — тальк; *25, 47, 51, 58—61* — железо; *44, 50, 53, 57, 66* — камень; *63—65* — дерево

Таблица 120. Гороховская культура. Сосуды из глины, меди и кости

1, 2 — Язево I; *3* — Царев курган; *4, 10, 14* — Шмаково; *5* — Исаково; *6, 12, 22* — Воробьево I, могильник; *7* — Боборыкино IV; *8* — Камышное II; *9* — Исток; *11* — окрестности г. Шадринск, р. Исеть; *13* — Сухомесово; *15* — Березки Vб; *16, 21, 30* — Лужки I; *17* — Раскатиха; *18* — Синеглазово; *19, 20* — Соколовка I; *23, 25, 31* — Горохово; *24* — Ильтяково; *26* — Воробьево, городище; *27* — Елесина Яма; *28* — Замараево; *29* — Ключевское; *1—26, 30, 31* — глина; *27* — кость, череп человека; *28, 29* — медь

Таблица 121. Саргатская культура. Поселения, жилища

1—9 — планы поселений и жилищ саргатской культуры; (*а* — вал и ров; *б* — канавка; *в* — жилищная впадина; *г* — край обрыва; *д* — раскоп; *е* — дорога; *ж* — границы объектов на материке; *з, и* — то же на глубине 0,1 и 0,2 м от уровня материка; *к* — столбовая яма; *л* — очаг; *м* — ямы; *н* — прокал; *о* — зола; *п* — уголь; *р* — кости; *с* — песок; *т* — заполнение углубления пола жилища; *у* — дерн; *ф* — темно-серая супесь; *х* — позднейший прокоп; *ц* — пестроцвет; *ч* — обожженная глина); *10—33* — инвентарь памятников лесостепного Прииртышья VII—VI вв. до н. э.: *1, 5* — Инберень IV; *2* — Розановка; *3, 4* — Чупино; *6, 7* — Речкино 2; *8* — Коконовское; *9* — Узлово; *10, 12, 16* — Новотроицкое I; *11* — Калачевка II; *13* — Чича I; *14* — б. Тюкалинский уезд; *15, 17, 19, 20, 22, 29, 32* — Туруновка IV; *18, 21, 27* — Битые Горки; *23* — Омск, близ б. завода Юргенсона; *24, 31* — берег Иртыша близ Омска; *25* — б. Ивановский монастырь; *26, 28* — окрестности Омска; *30* — Михайловка; *33* — Окунево I; *10, 11, 14, 15, 23, 25, 26, 28, 30, 31* — бронза; *12, 13, 27, 29* — кость, рог; *16—22, 32, 33* — глина; *24* — камень

Таблица 122. Саргатская культура. Вооружение

1—15 — II—IV вв. н. э.; *16—30* — II в. до н. э.—II в. н. э.; *31—57* — III—II вв. до н. э.; *58—80* — V—III вв. до н. э.; *1—4, 9—13, 15* — Покровка; *5—8, 14* — Калачевка I; *16, 20, 29, 30, 46—48, 53, 54, 56* — Богданово I; *17* — Саргатка; *18, 19, 25, 26, 31, 32, 35, 42, 49, 50* — Абатское; *21—24, 27, 28, 76* — Фоминцево; *33, 34, 36—41, 43, 45, 51, 52, 55, 57* — Краснoярка; *44* — Томилово; *58—63, 65, 66, 69—71, 77, 79, 80* — Коконовка; *64, 74* — Инберень IV; *67, 78* — Горная Бития; *68, 72* — Перейминский II; *73* — Потчеваш; *75* — Артын; *1—4, 6—13, 15, 17, 21—28, 35—41, 43, 45, 46, 50—55, 57, 69, 70, 77, 80* — кость; *5, 14, 16, 18—20, 29, 30, 32—34, 42, 44, 56, 58, 59, 65—67, 76, 79* — железо; *31, 47—49, 60—64, 68, 71—75, 78* — бронза

Таблица 123. Саргатская культура. Орудия труда, конское снаряжение

1—21 — II в. до н. э.—II в. н. э.; *27—35* — III—II вв. до н. э.; *42—62* — V—III вв. до н. э.; *1—3, 7, 25—28, 40* — Богданово I; *4, 10, 11, 15* — Фоминцево; *5, 20* — Саргатка; *6* — Савина; *8, 9, 14, 18, 33* — Абатское; *12, 17, 32, 38, 39* — Богданово, городище; *13, 19, 23, 53—56* — Богданово II; *16, 37, 58* — Тютрино; *21, 30, 34* — Абрамово 4; *22* — Потчеваш; *24* — Лихачево; *29, 35, 36, 41* — Краснoярка; *31* — Вознесенское; *42, 50* — Усть-Тартас; *43, 44* — Артын; *45, 46, 57* — Перейминский II; *47, 52, 59, 60, 62* — Коконовка, поселение; *48, 51* — Коконовка, могильник; *49* — городище Инберень IV; *61* — Розановка, городище; *1—6, 8, 9, 12—15, 22, 23, 25—27, 36, 37, 42, 43, 45, 46, 57* — железо; *7, 16, 17, 30, 31, 38, 40, 41, 44, 47, 48, 59, 60* — кость; *10, 11, 18—21, 32—35, 49—52, 61, 62* — глина; *24* — железо, кость; *28, 53—56, 58* — бронза; *29, 39* — камень

Таблица 124. Саргатская культура. Пряжки, бляшки, пронизки, детали одежды, украшения

1, 2, 4—8 — II—IV вв.; *3, 9—31, 37, 39* — II в. до н. э.—II в.

н. э.; *32—36*, *38*, *40—51* — III—II вв. до н. э.; *52—72*—V — III вв. до н. э.; *1* — Стрижово; *2* — Старый Сад; *3* — Мраково; *4*, *6* — Покровка; *5*, *7*, *8* — Калачевка I; *9*, *11*, *26* — Фоминцево; *10*, *17*, *18*, *24*, *29*, *34—36*, *38—41*, *43*, *49*, *50*, *65*— Богдановo I; *12* — Абатское; *13*, *14*, *19*, *23*, *25*, *27*, *28*, *42*, *48* — Богдановo II; *15* — Абрамово 4; *16*, *21* — Саргатка; *20*, *22*, *55*, *57—59*, *64*, *70*, *71* — Усть-Тартас; *30*, *31*, *37* — Тюково; *32*, *33*, *51* — Красноярка; *44—46* — Саратово; *47* — Потчеваш; *52—54*, *60—62* — Перейминский II; *56*, *63*, *68*, *69* — Кокoновка, курганы; *66*, *67* — Кокoновка, поселение; *72* — Инберень IV; *1*, *34—36*, *40*, *70* — золото; *2*, *4—7*, *13—15*, *18—25*, *29—31*, *37—39*, *41*, *42*, *47—51*, *54—56*, *58*, *61—63*, *71*, *72* — бронза; *3*, *8*, *17*, *26*, *32*, *33*, *44—46*, *59*, *64—69*— кость; *9—11*, *27*, *28*, *43*, *60* — железо; *12* — медь, железо; *16* — серебро, береста (окантовка сосуда); *52*, *53*, *57* — железо, бронза

Таблица 125. Саргатская культура. Погребальный обряд

1, *2* — Покровка; *3*, *4* — Абатское; *5* — Тютрино; *6* — Лихачево; *7* — Фоминцево; *8—12* — Красноярка; *13—15* — Кокoновка (*а* — дерн; *б* — чернозем насыпи и погребенной почвы; *в* — суглинок выкида; *г* — грабительский прокоп; *д* — дерево; *е* — материк; *ж* — очаг; *з* — древесный тлен; *и* — уголь)

Таблица 126. Саргатская культура. Украшения, предметы туалета и культа

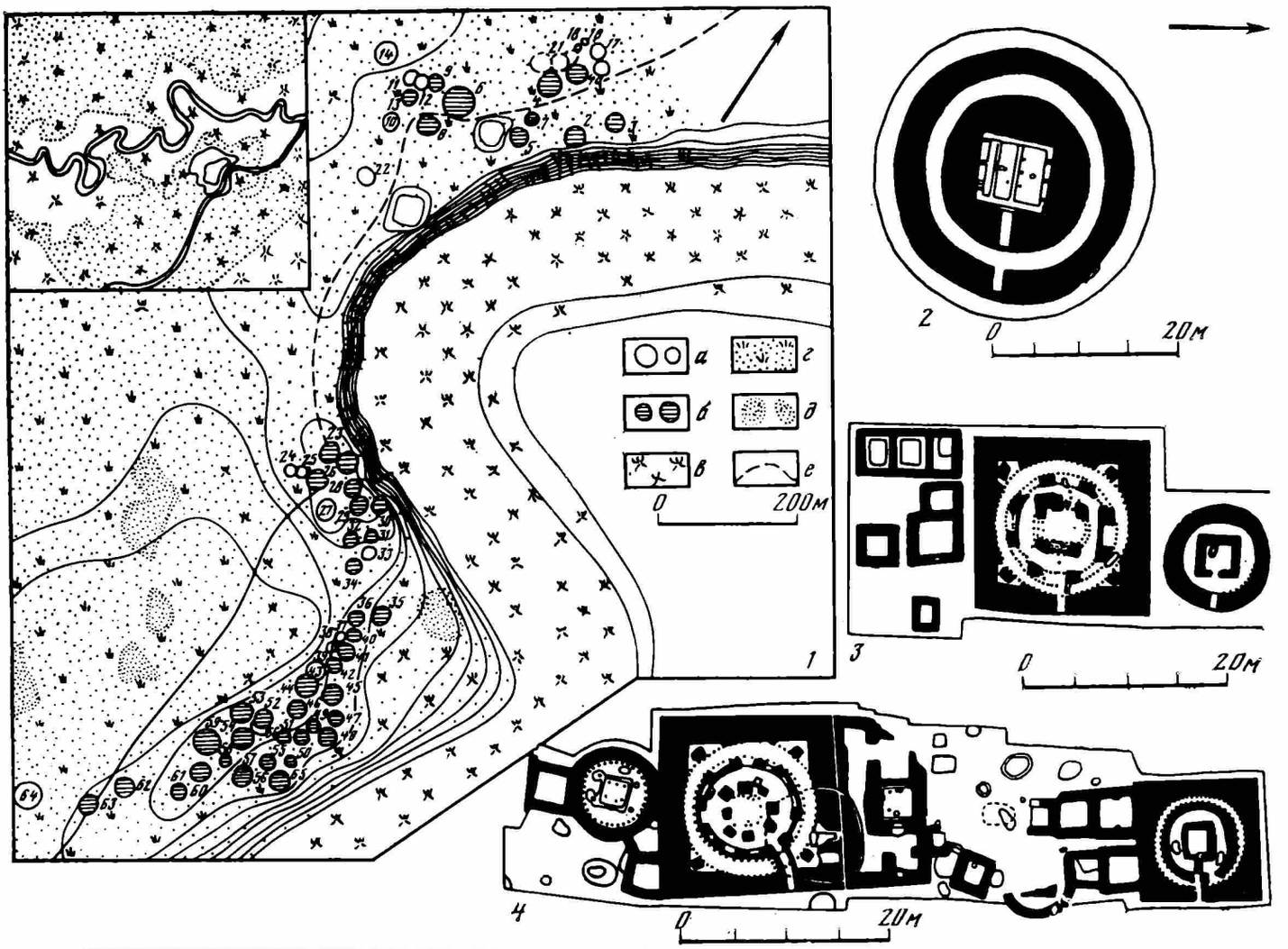
1—35 — II в. до н. э.—II в. н. э.; *36—46* — III—II вв. до н. э ; *47—63* — V—III вв. до н. э.; *1*, *3*, *17*, *21*, *24*, *30*, *34* — Абатское; *2*, *4*, *5*, *8*, *10*, *11* — Фоминцево; *6*, *7*, *16*, *27* — Саргатка; *9*, *14*, *22*, *23*, *25*, *32*, *39*, *42*, *44*, *52*, *54* — Богдановка I; *12*, *13*, *18*, *61* — Усть-Тартас; *15*, *19*, *43*, *45*, *55*, *56* — Тютрино; *20*, *28*, *29*, *47*, *48* — Богдановo II; *26* — Калачевка I; *31* — Тюково; *33* — Савино; *35* — Стрижево; *36* — Карташово I; *37*, *40*, *41* — Красноярка; *38* — Горная Бития; *46* — Саратово; *49—51*, *58*, *59* — Богдановo III; *53*, *60* — Кокoновка; *57* — Узлово; *62* — Карташово II; *63* — Розановка; *1—8*, *9а*, *10—14*, *17*, *36*, *38*, *41*, *45*, *52*, *60* — стекло; *9б* — гетит; *15* — аргиллит (?); *16*, *20*, *21*, *25*, *27—34*, *37*, *42*, *56*, *61*— бронза; *18*, *23* — сердолик; *19*, *47—50*, *54*, *58*, *59* — золото; *24*, *26*, *40*, *43*, *46*, *57*, *63* — глина; *25* — бронза, дерево; *35* — глина с галькой; *39* — золото, сердолик; *44а* — сердолик; *44б* — *д* — стекло; *44е* — паста, обернутая золотым листком; *51* — серебро; *53* — паста, обтянутая медным листком; *55* — мел, известняк; *62* — камень

Таблица 127. Саргатская культура. Керамика

1—16 — III—II вв. до н. э.; *17—29* — V—III вв. до н. э.; *1* — Абатское; *2*, *5*, *7*, *11*, *12*, *16* — Красноярка; *3*, *13* — Томилово; *4*, *9* — Потчеваш; *6*, *10* — Вознесенское; *8* — Тюково; *14* — Богдановo, городище; *15* — Тютрино; *17*, *18*, *20* — Узлово; *19* — Инберень IV; *21* — Черноозерье; *22* — Усть-Тартас; *23*, *27*, *28* — Кокoновка; *24*, *25*, *29* — Кокoновка, поселение; *26* — Богдановo II

Таблица 128. Саргатская культура. Керамика

1—11 — II—IV вв.; *12—36* — II в. до н. э.—II в. н. э.; *1—5*, *7*, *9*, *10* — Калачевка I; *6*, *8* — Покровка; *11* — Стрижево; *12*, *13*, *16*, *19*, *21—24*, *28*, *35* — Саргатка; *14*, *15* — Савино: *17* — Тютрино; *18*, *26* — Абатское; *20*, *29* — Прыгово, городище; *25* — Фоминцево; *27*, *36* — Увал I, городище; *30*, *31*, *33*, *34* — Чупино; *32* — Богдановo, городище; *1—14*, *16—36* — глина; *15* — бронза

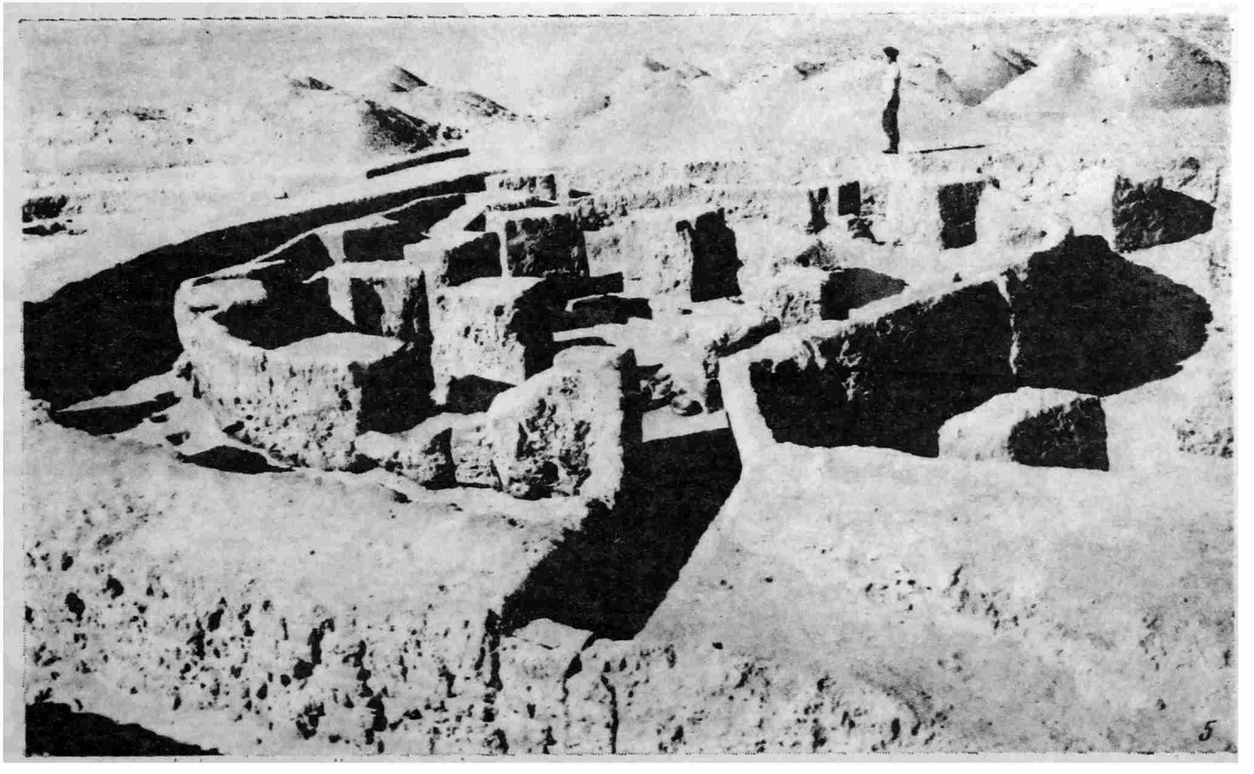

Таблица I. Могильники Северный и Южный Тагискен

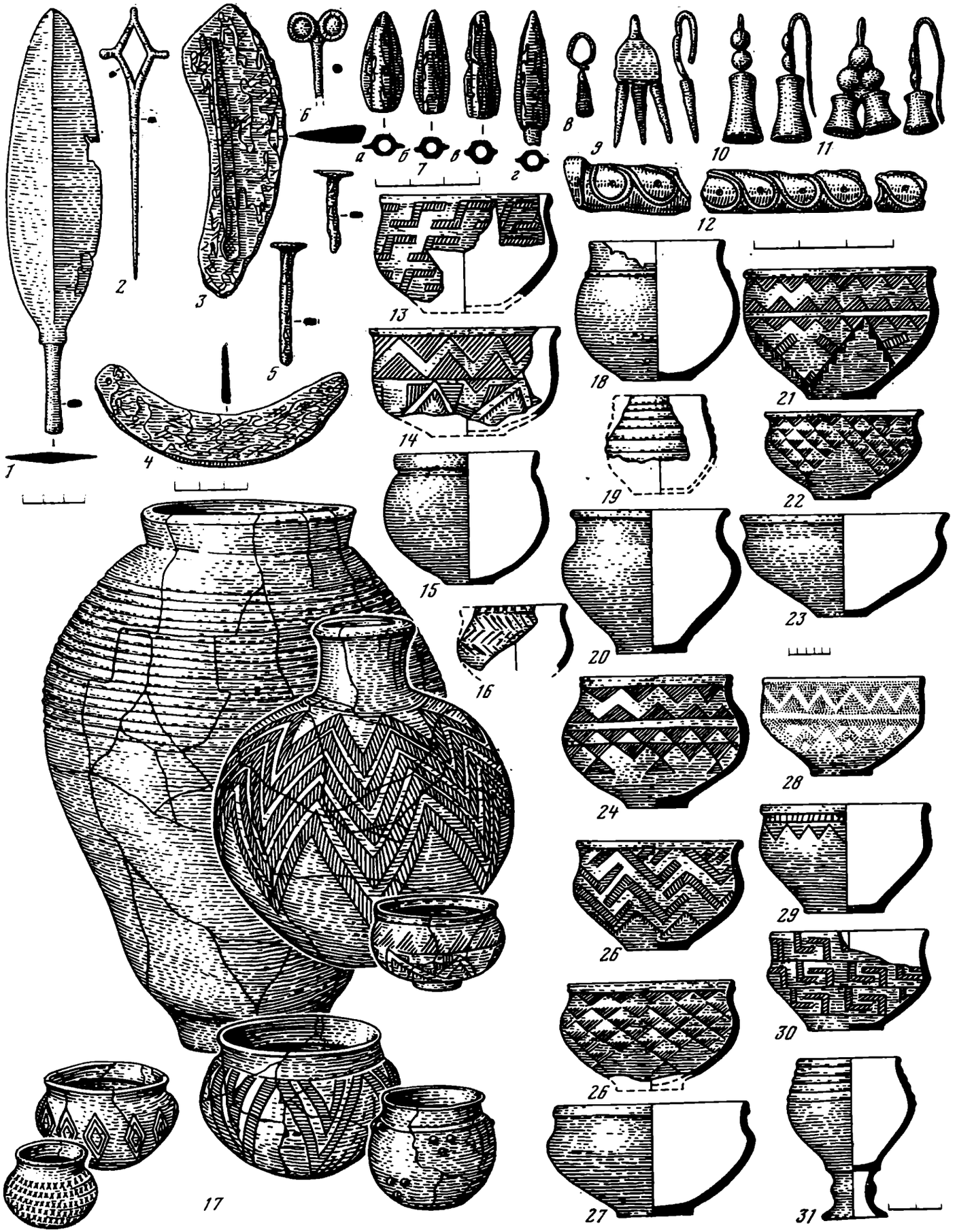
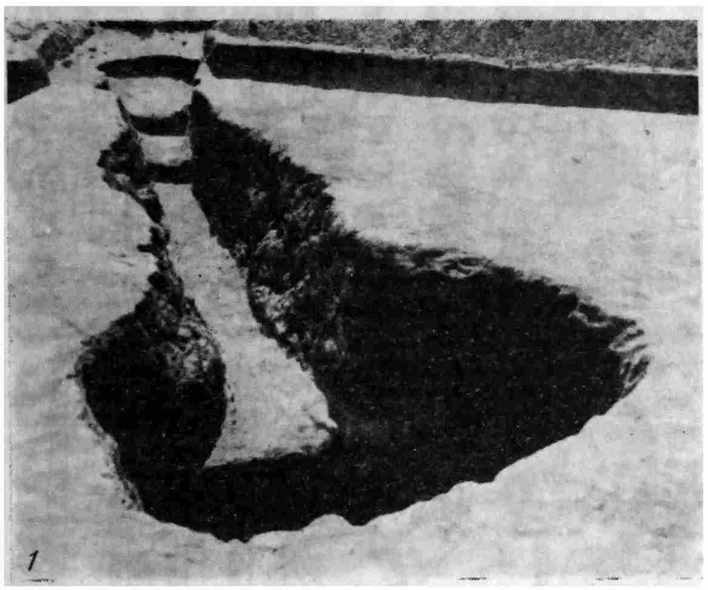
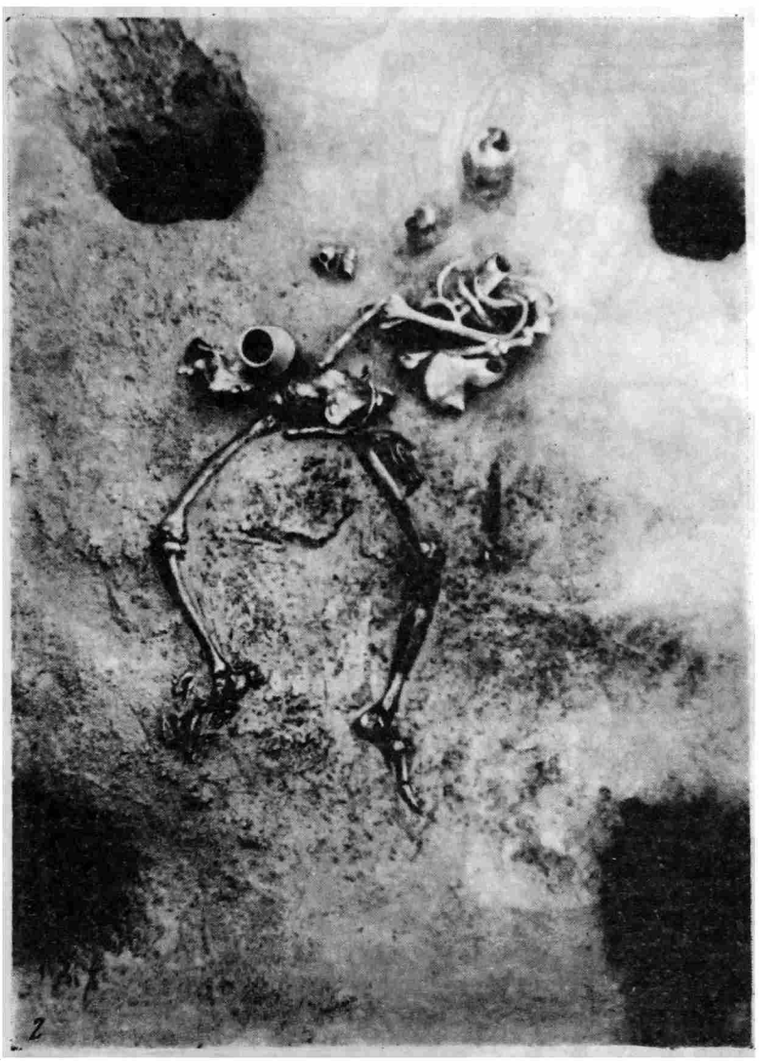
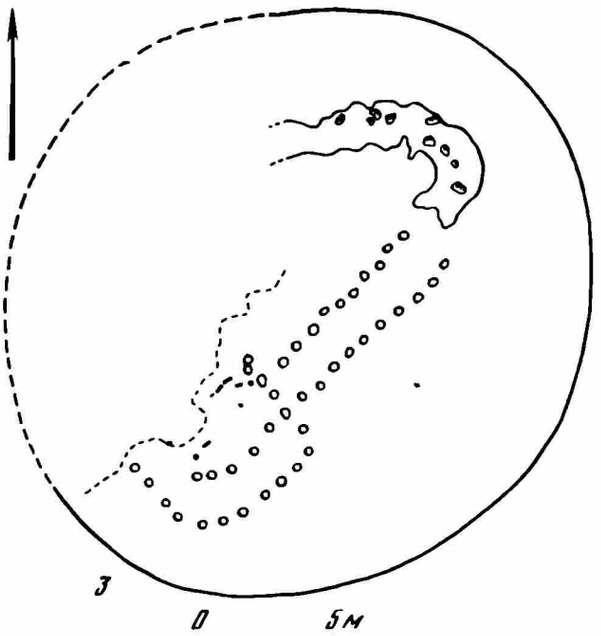
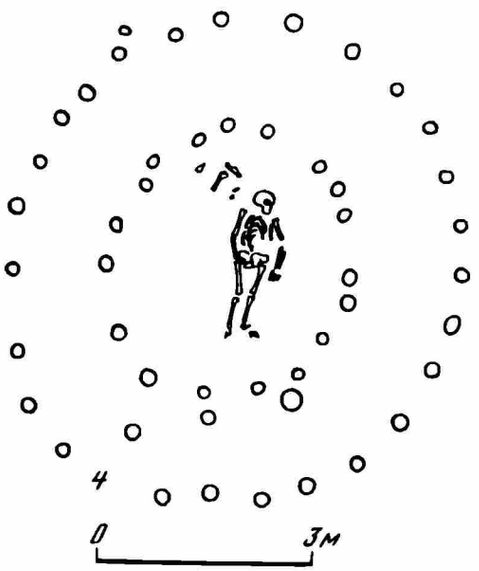

Таблица 2. Северный Тагискен

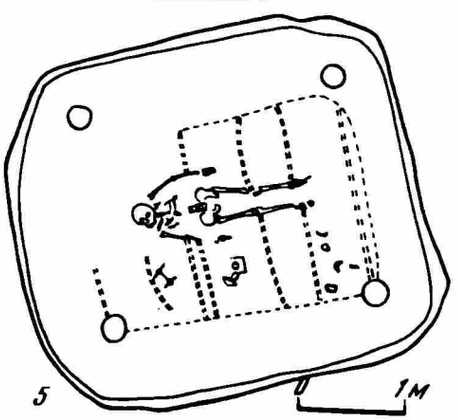

Таблица 3. Южный Тагискен (*1 — 3*) и Уйгарак (*4*, *5*). Типы погребений

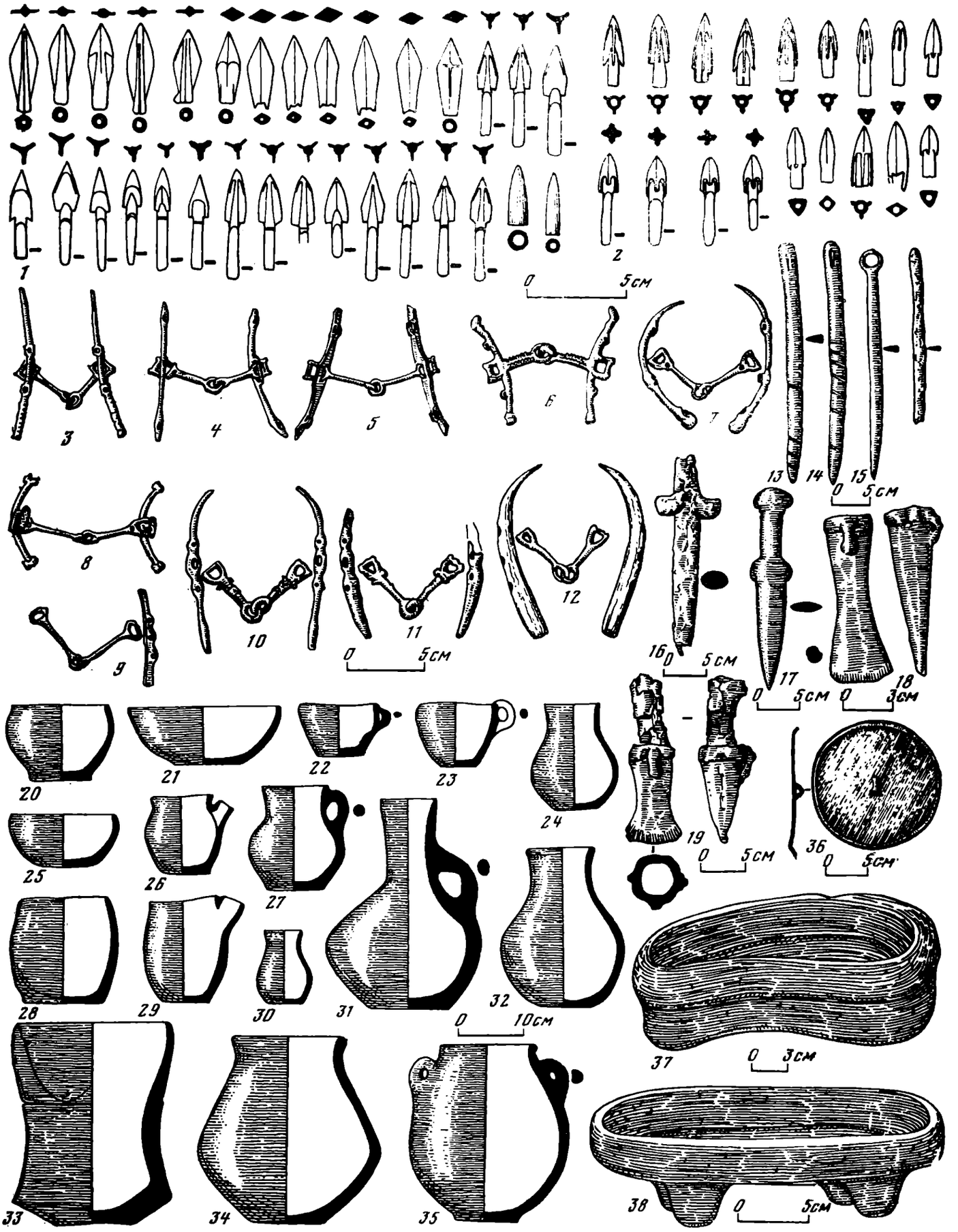

Таблица 4. Южный Тагискен и Уйгарак. Погребальный инвентарь

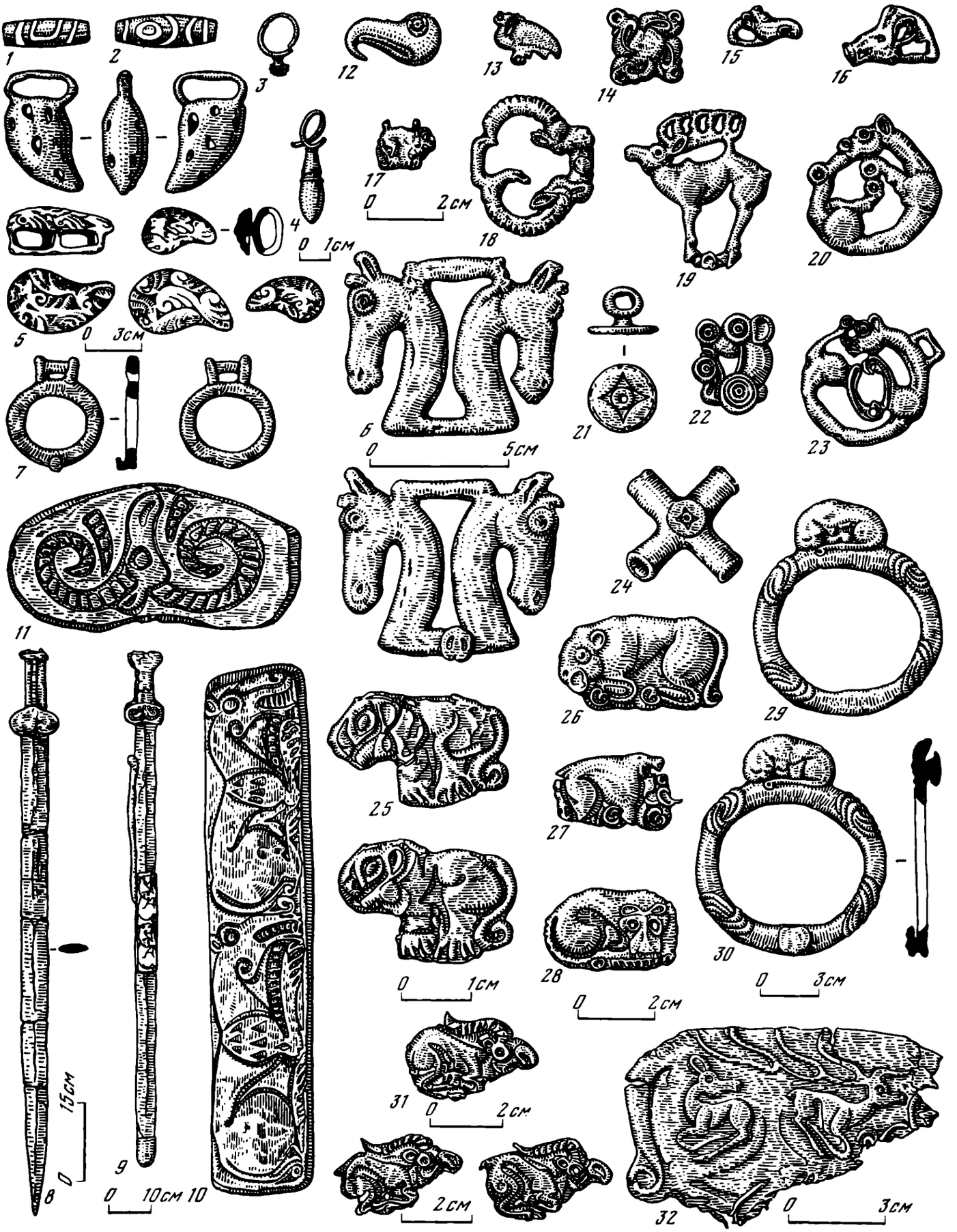

Таблица 5. Южный Тагискен и Уйгарак. Погребальный инвентарь

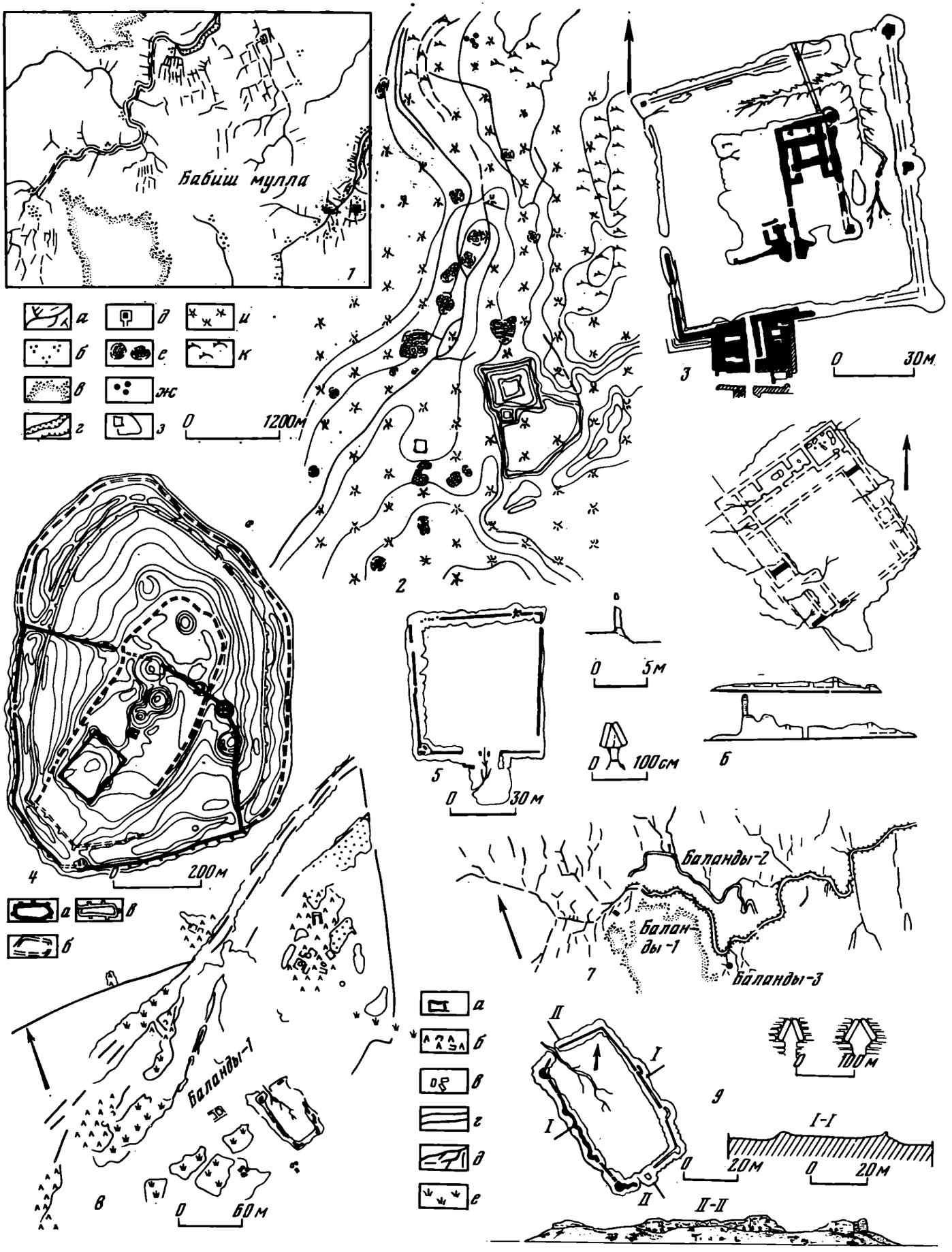

Таблица 6. Чирикрабатская культура. Планы и разрезы городищ и поселений

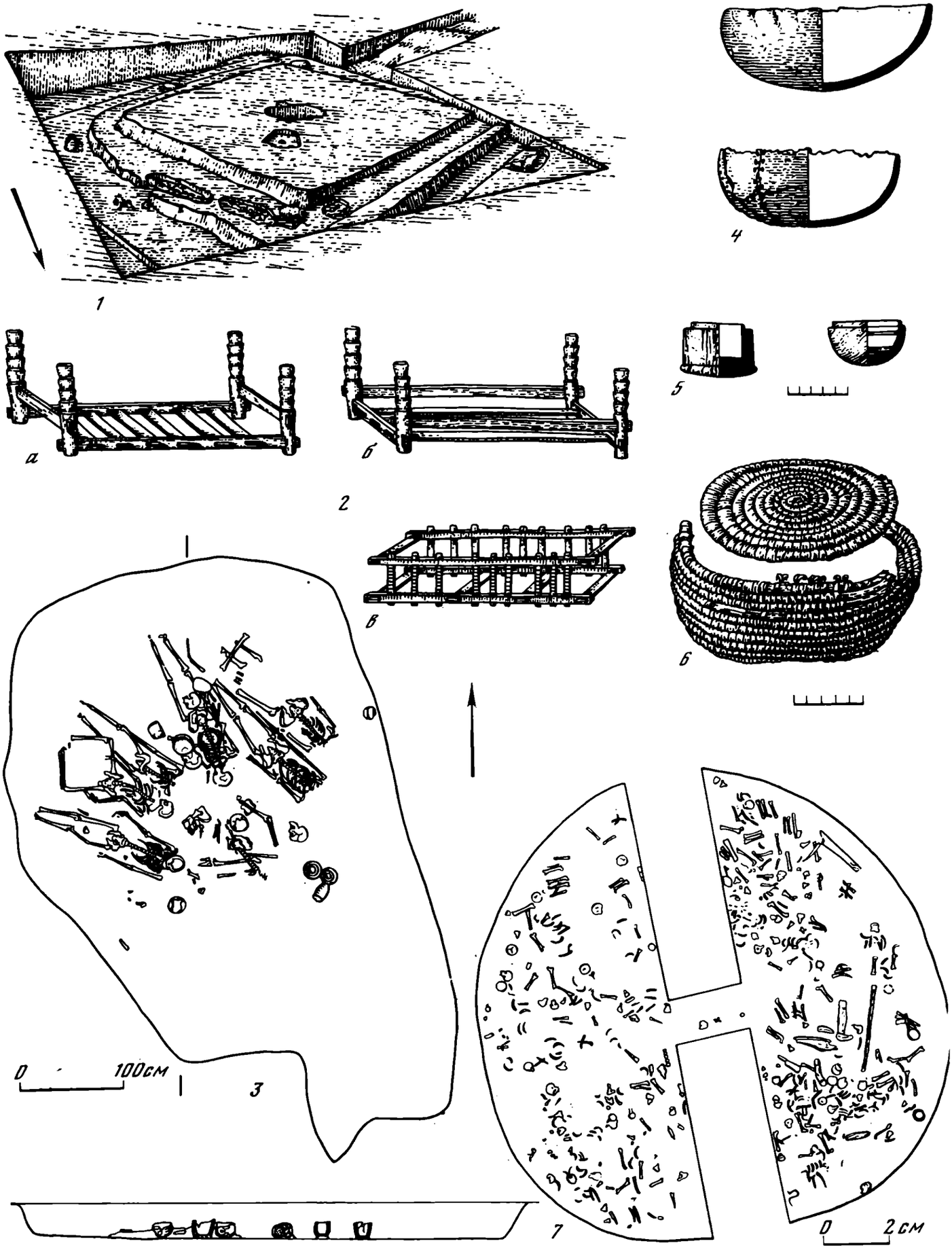

Таблица 7. Чирикрабатская культура. Погребальные памятники, находки из дерева

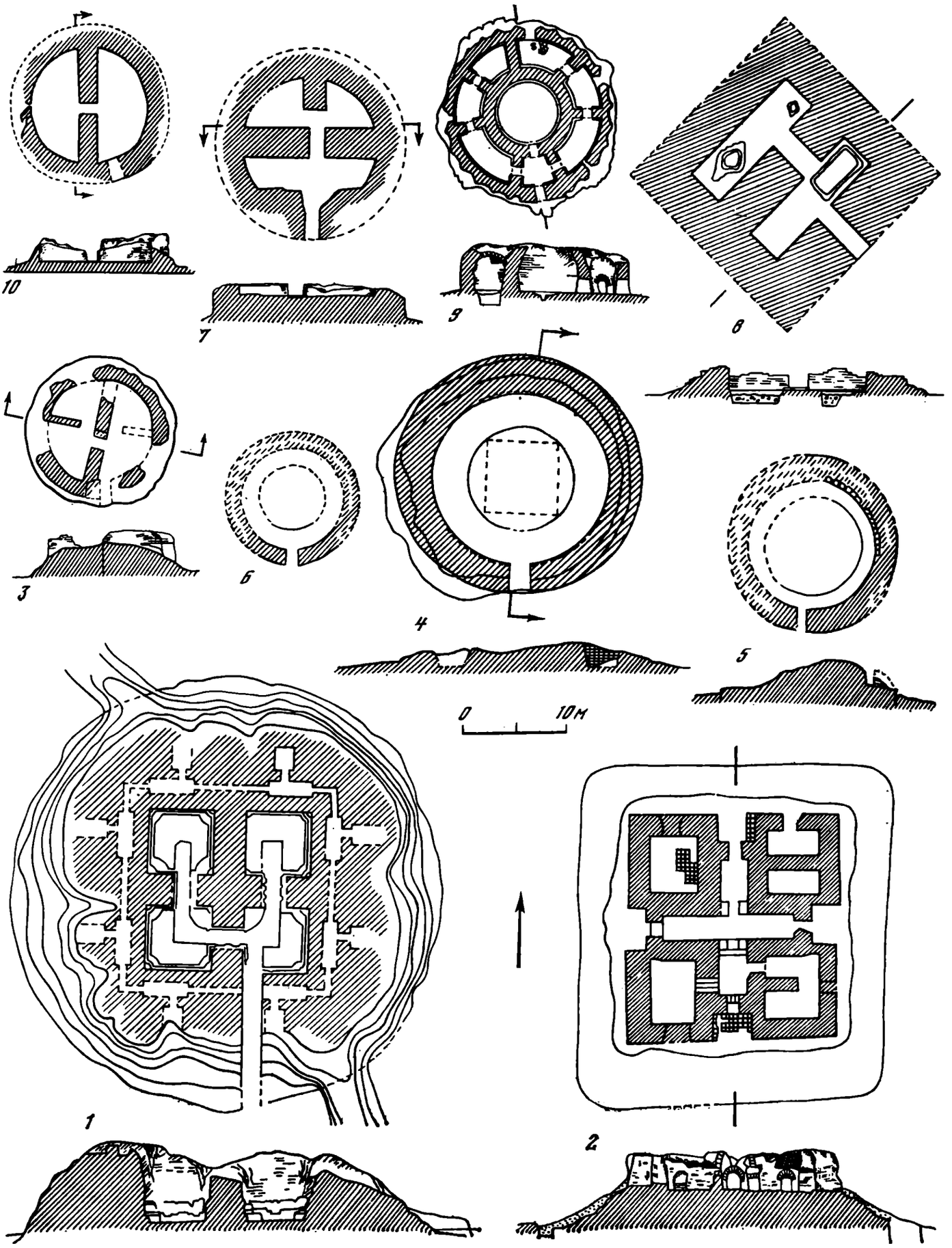

Таблица 8. Чирикрабатская культура. Погребальные сооружения, планы и разрезы

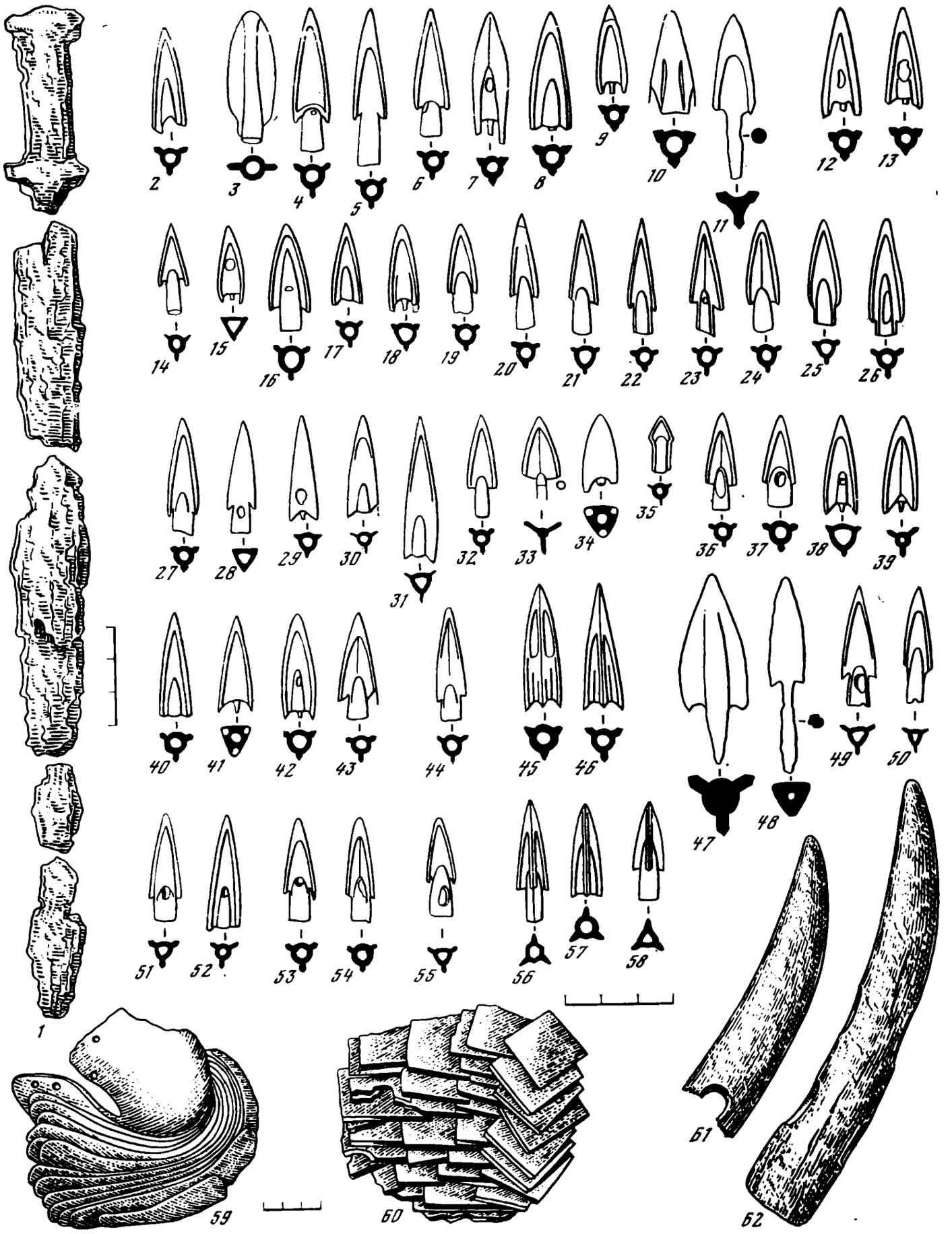

Таблица 9. Чирикрабатская культура. Оружие

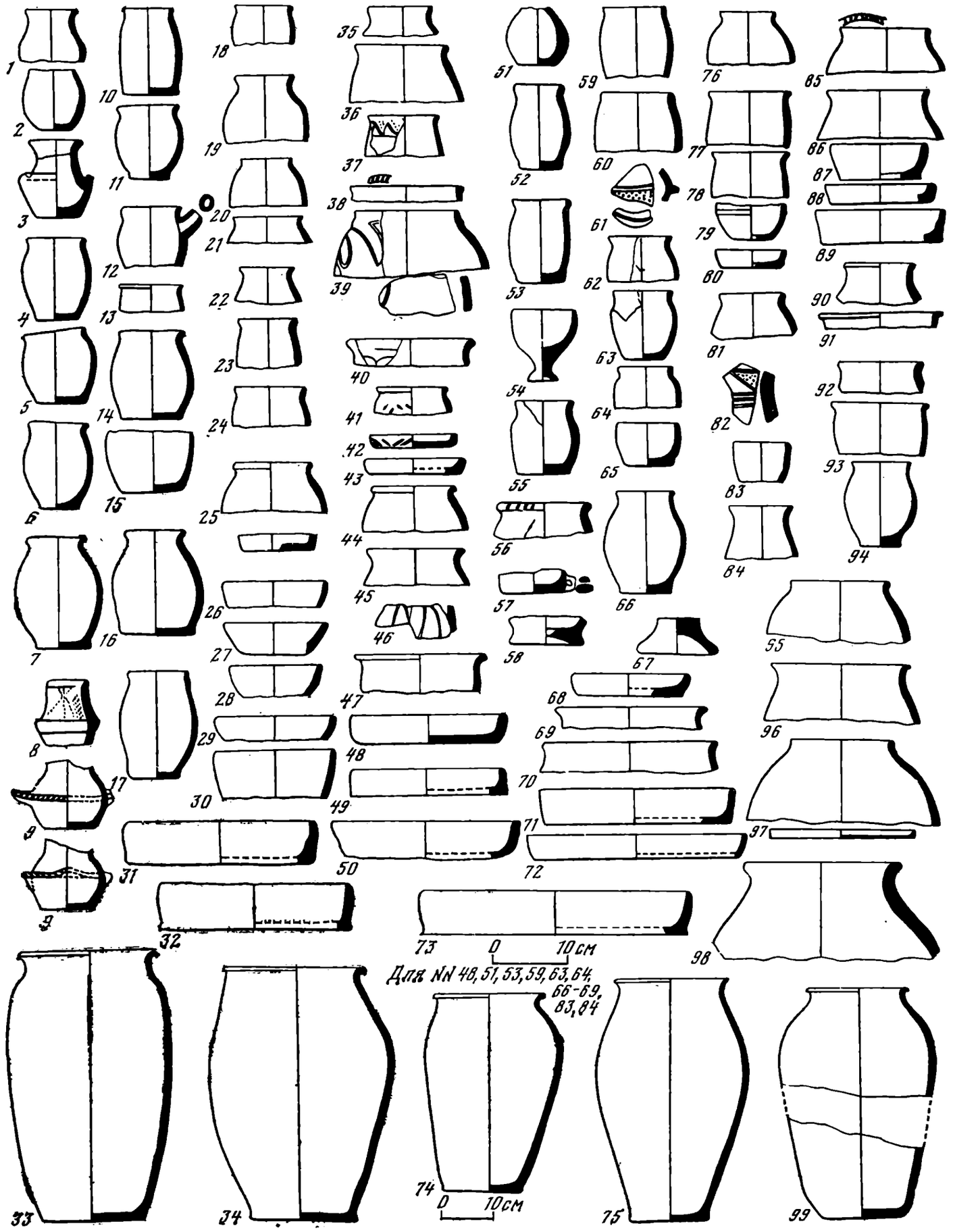

Таблица 10. Чирикрабатская культура. Керамика первой группы

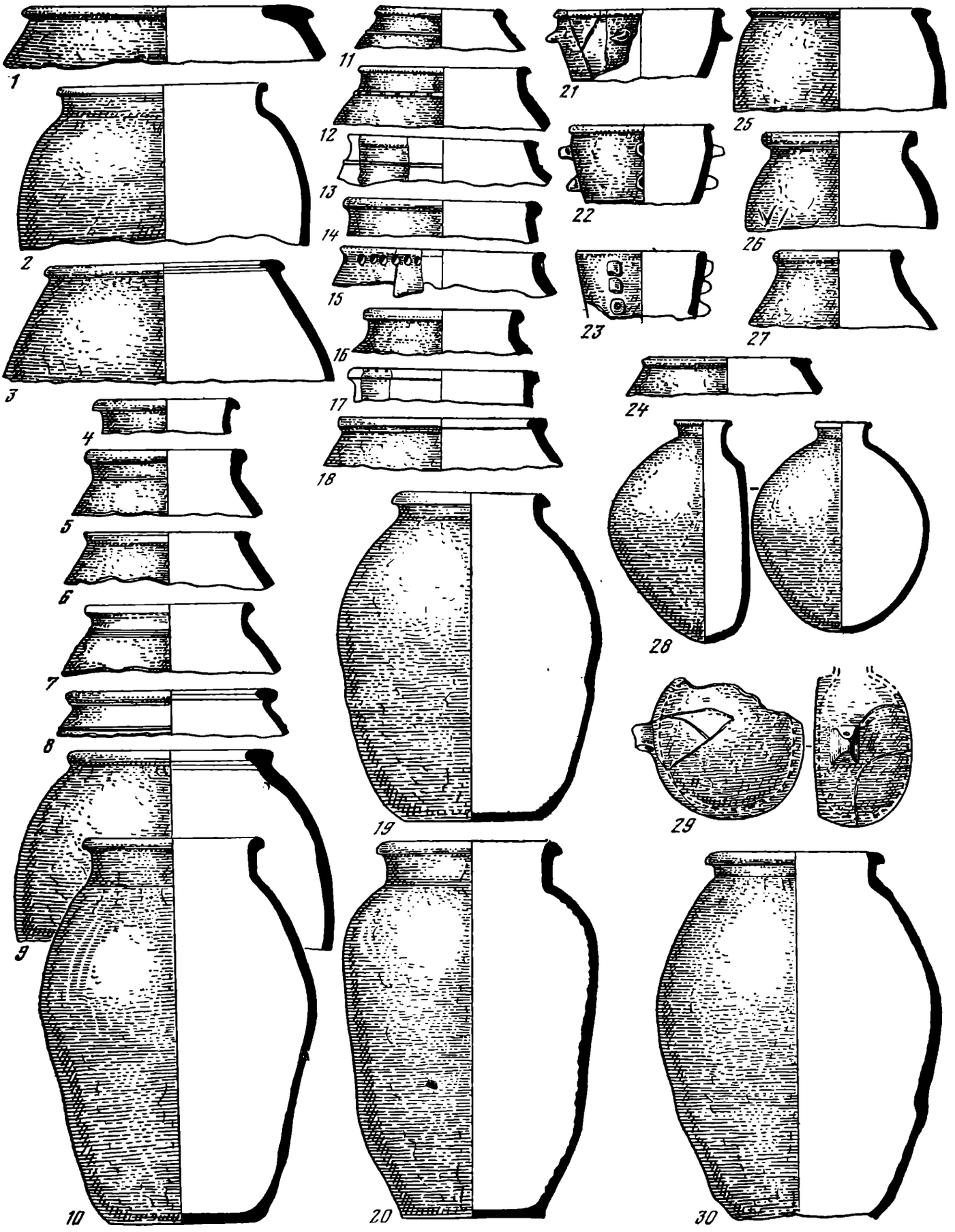

Таблица 11. Чирикрабатская культура. Керамика второй группы (*1 — 30*)

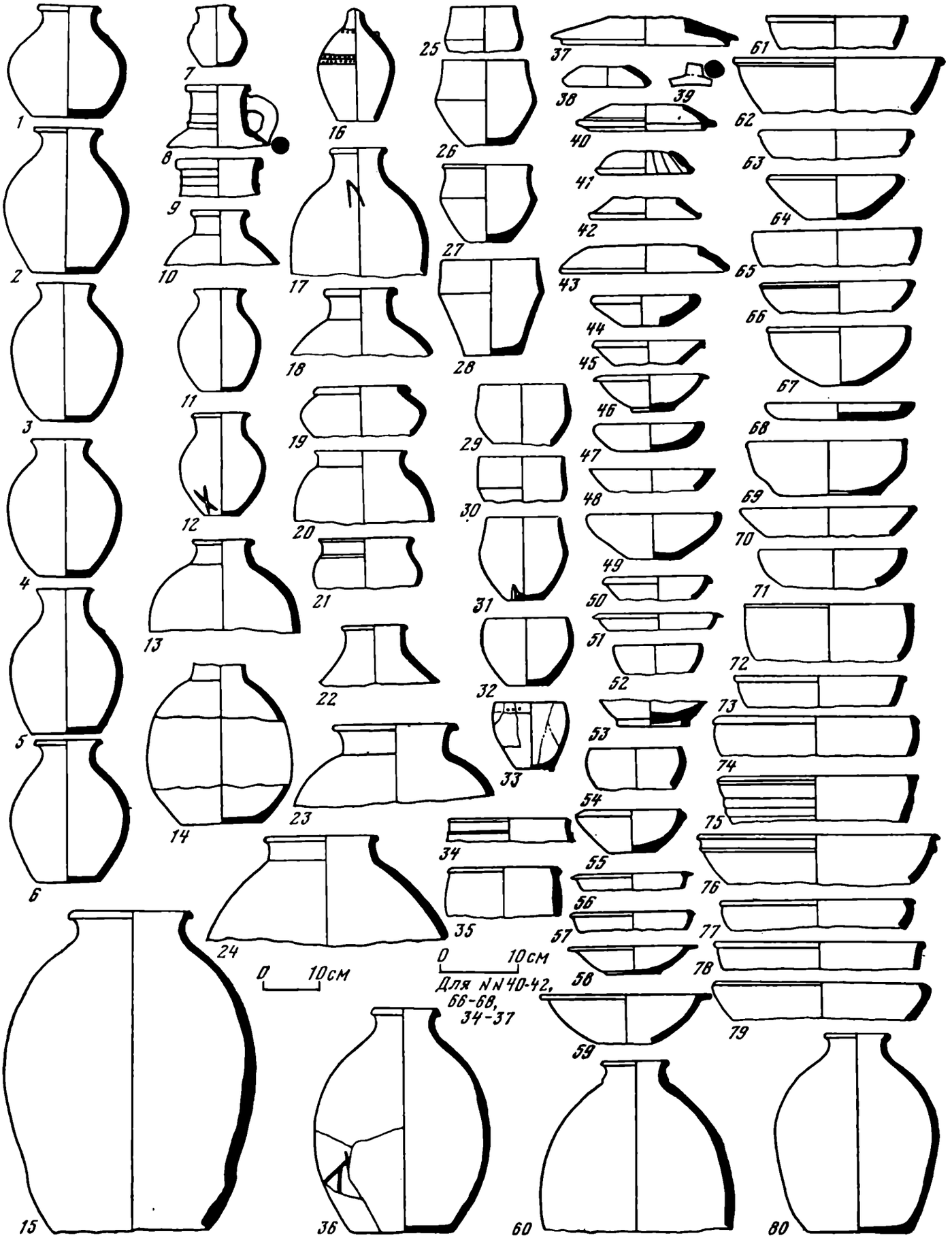

Таблица 12. Чирикрабатская культура. Керамика второй группы (*1 — 80*)

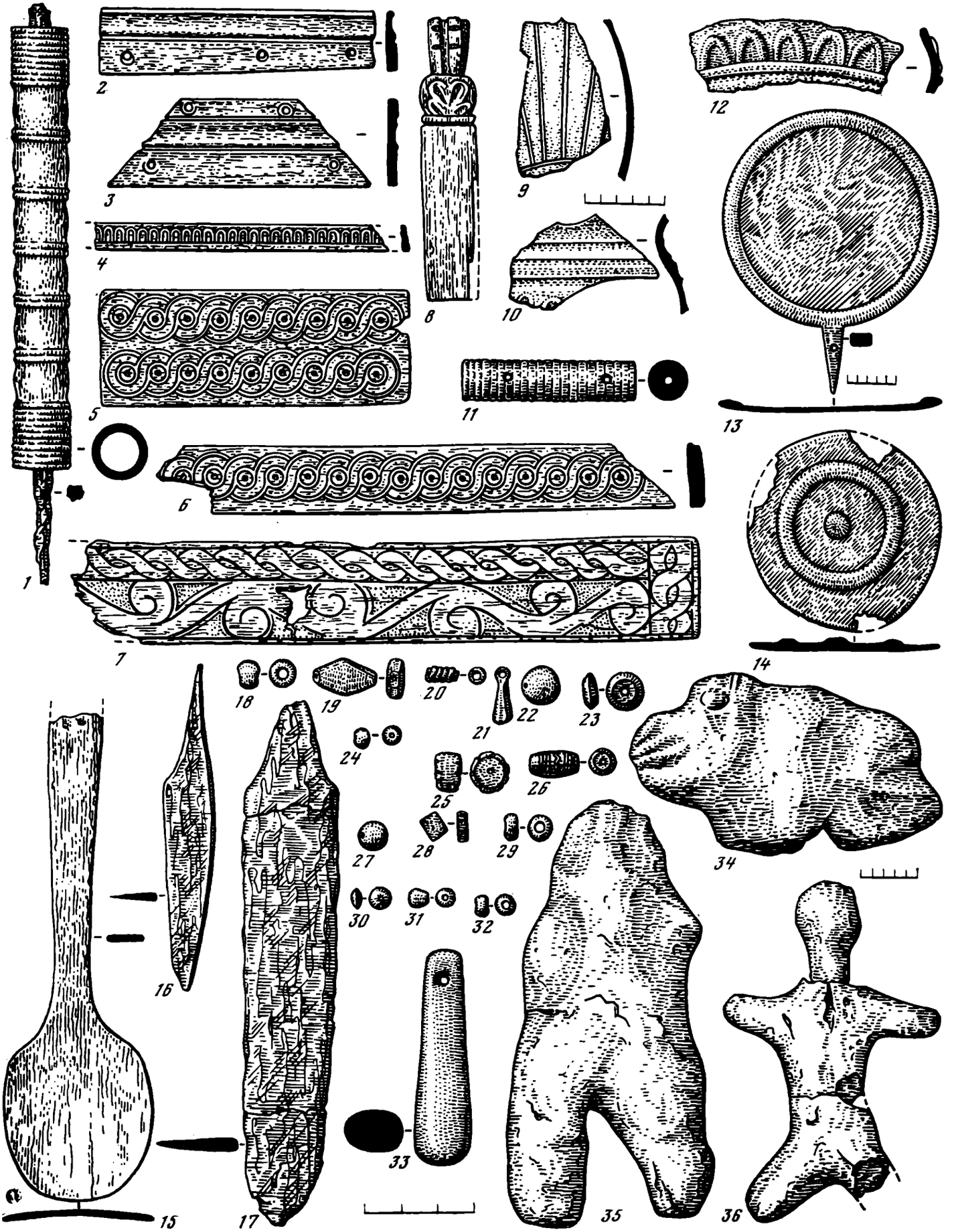

Таблица 13. Чирикрабатская культура. Находки на поселениях и городищах

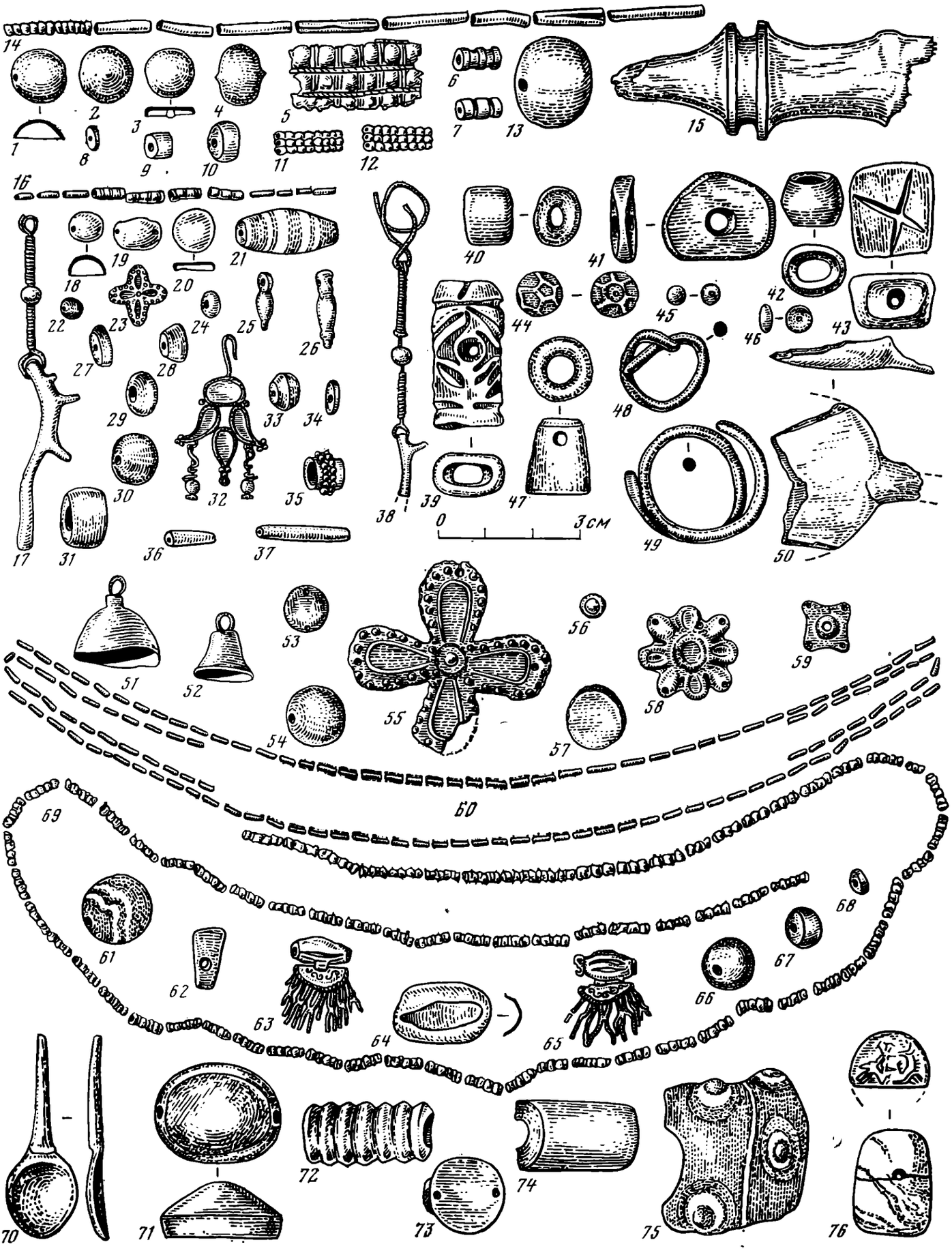

Таблица 14. Чирикрабатская культура. Украшения из погребальных сооружений

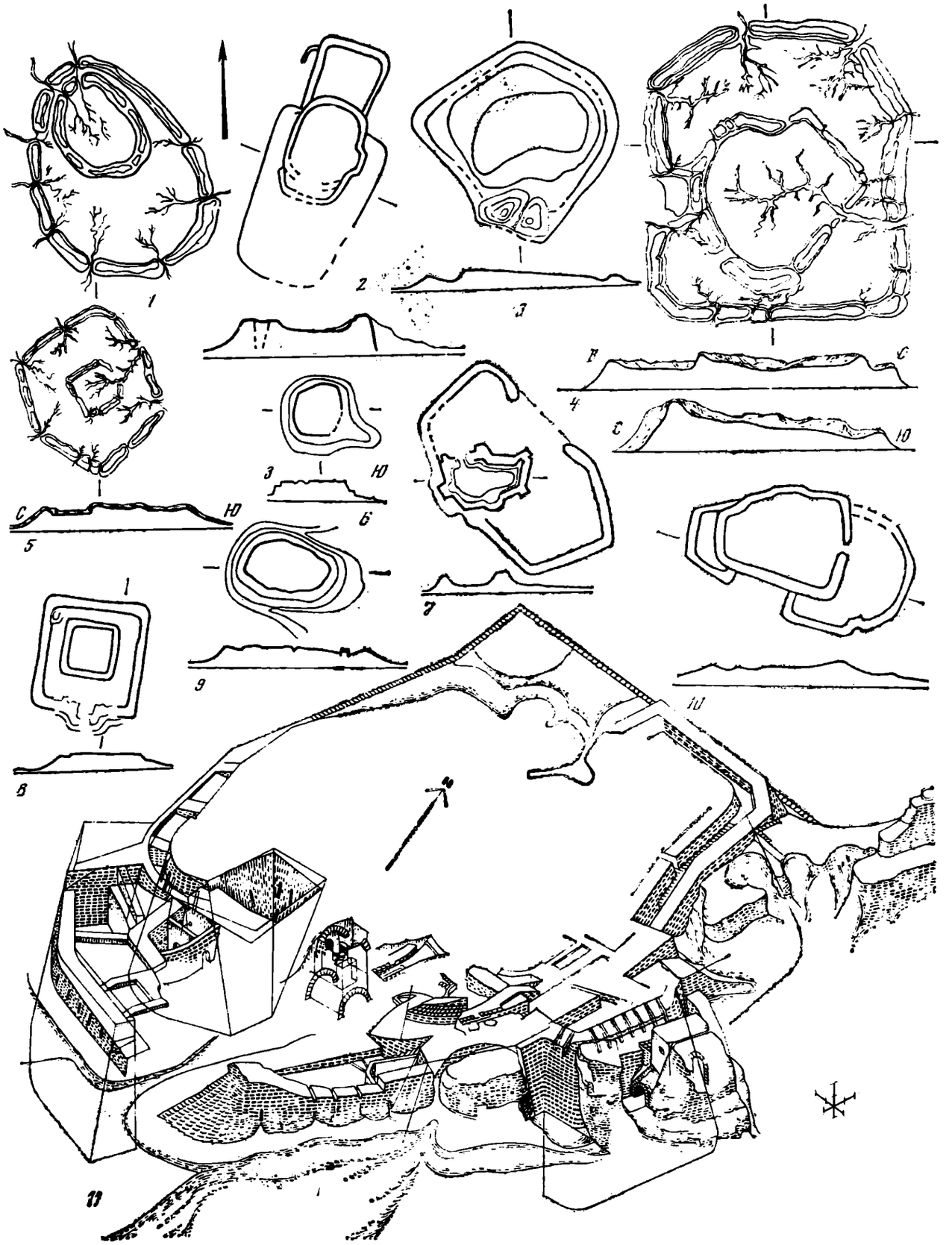

Таблица 15. Джетыасарская культура. Городища этапа Джеты-асар I. Планы и разрезы

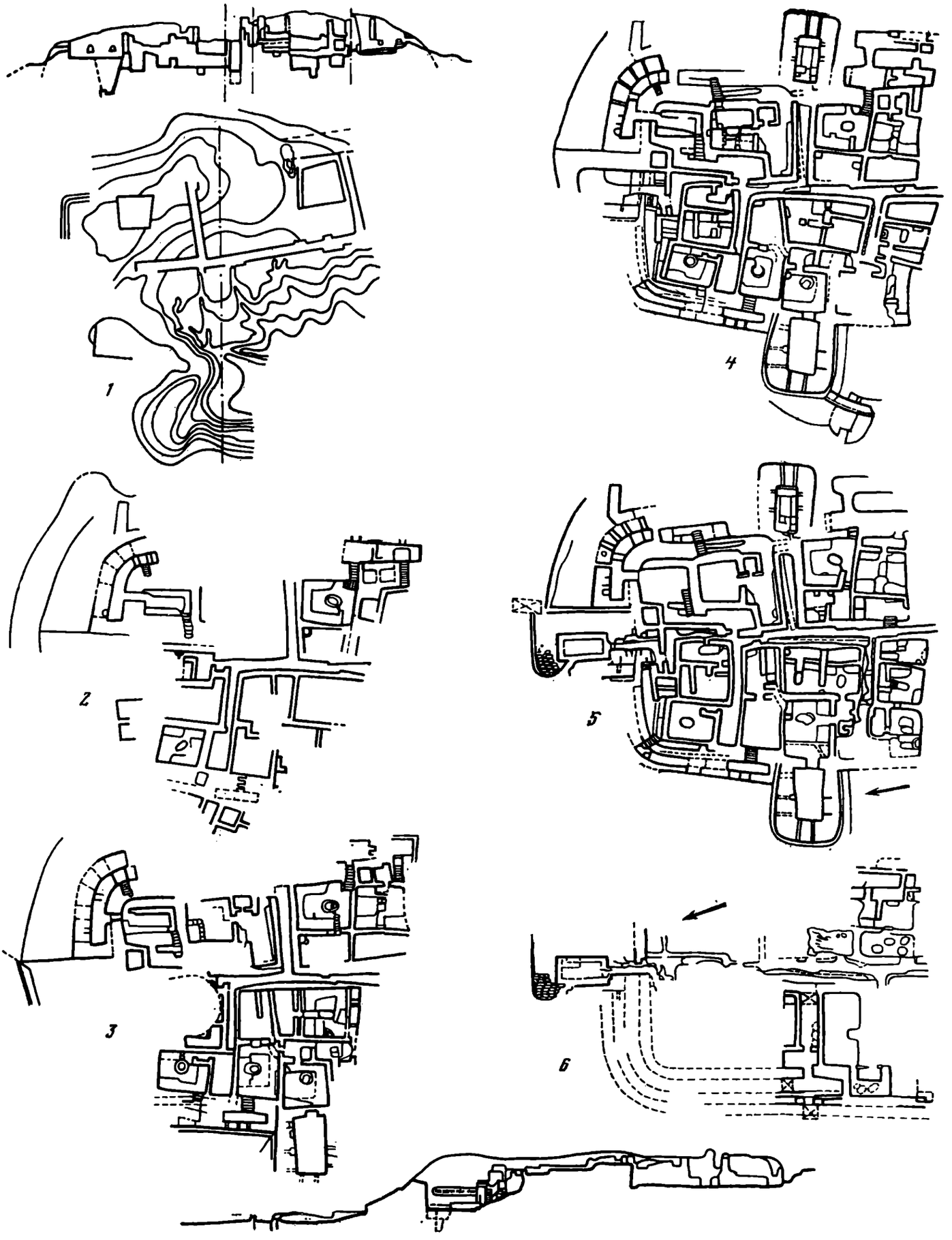
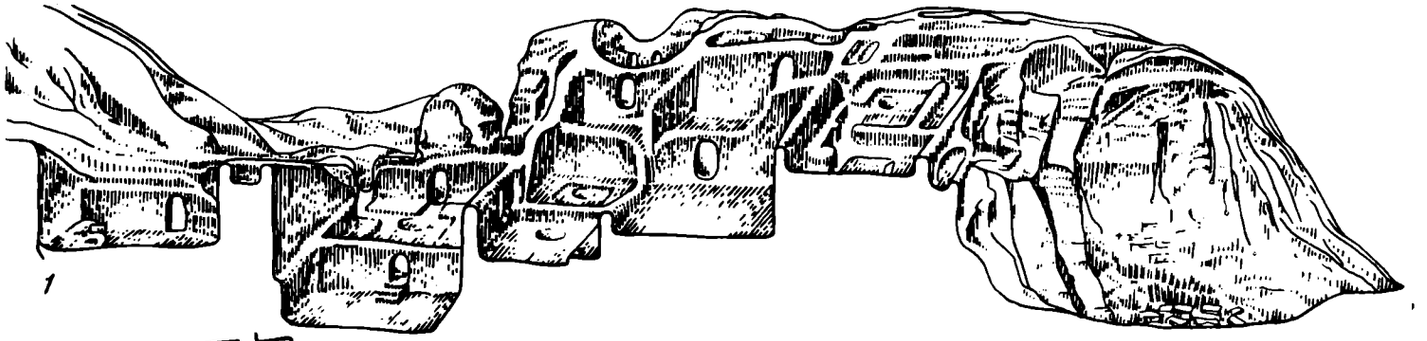
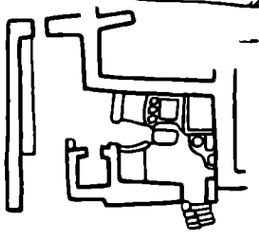
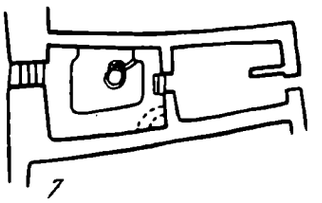
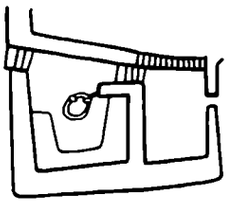

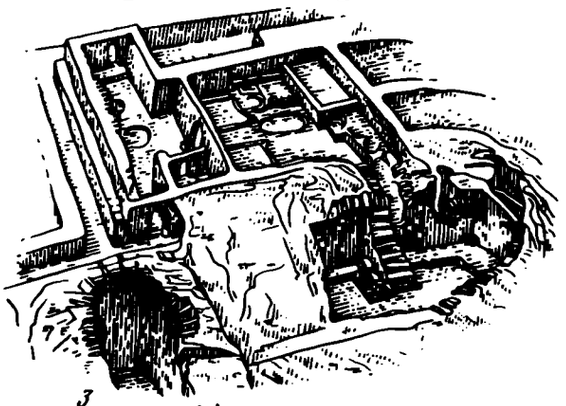
Таблица 16. Джетыасарская культура. Городище Джеты-асар 12. Центральная площадка. Планы и разрезы различных строительных горизонтов (*1 — 8*)

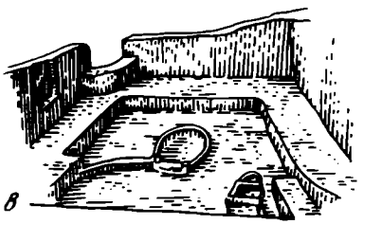

1

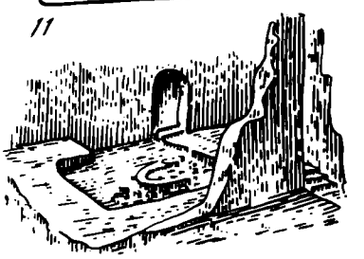

2

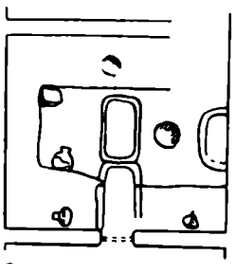

7

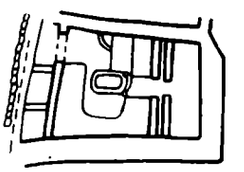

11

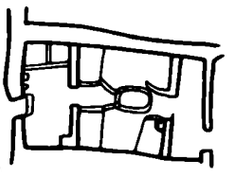

3

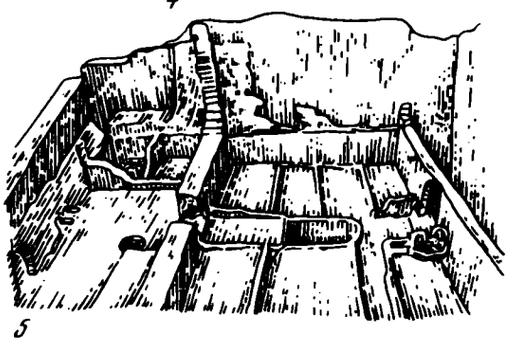

8

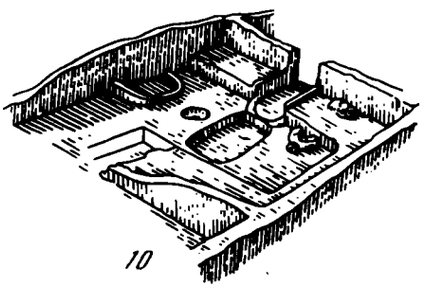

12

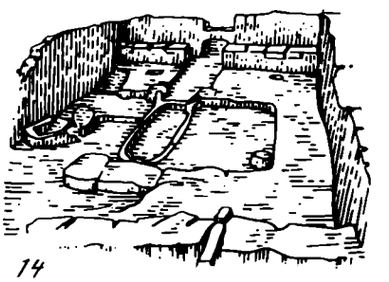

9

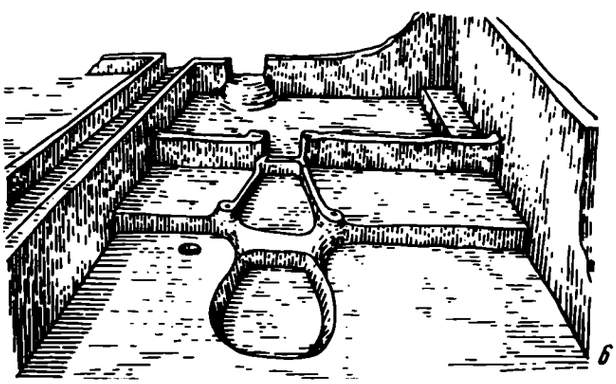

13

4

5

10

14

6

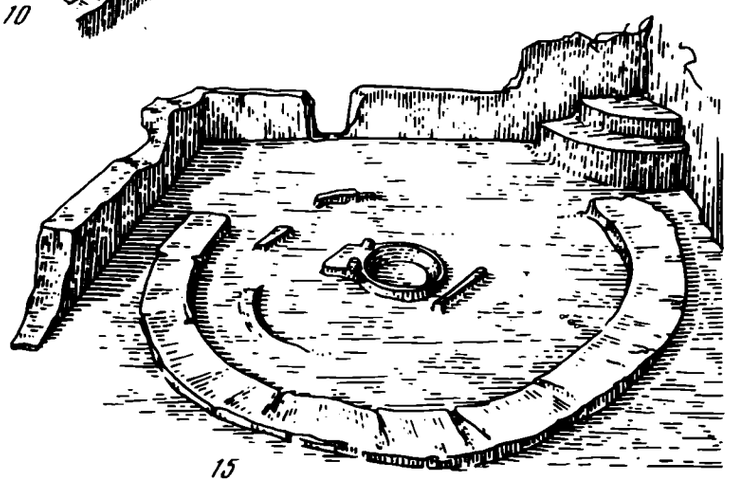

15

Таблица 17. Джетыасарская культура. Городище Джеты-асар 12. Центральная площадка. Строительные горизонты периодов Джеты-асар Iб и Iв. Жилые секции

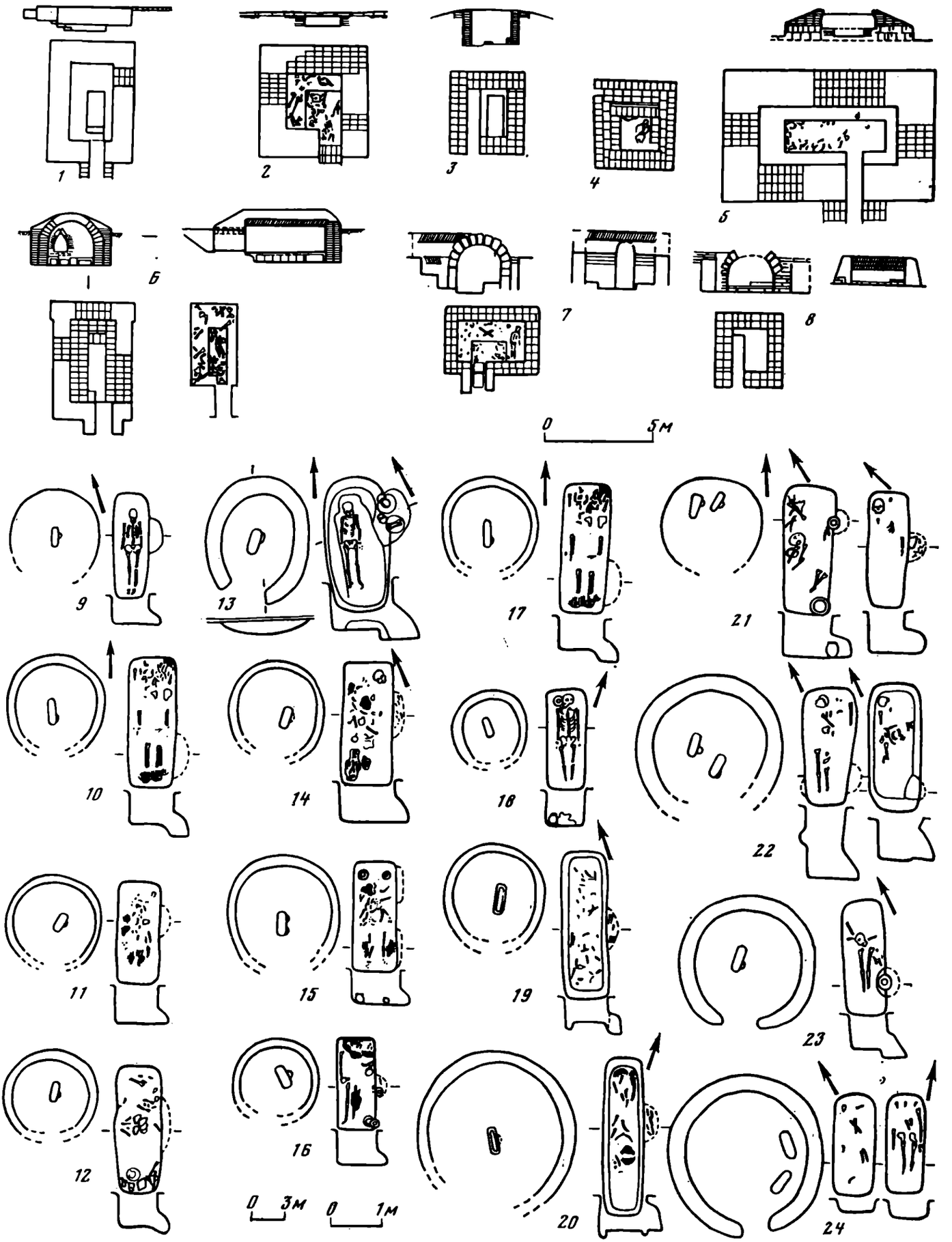

Таблица 18. Джетыасарская культура. Погребальные сооружения некрополей близ городищ. Планы и разрезы

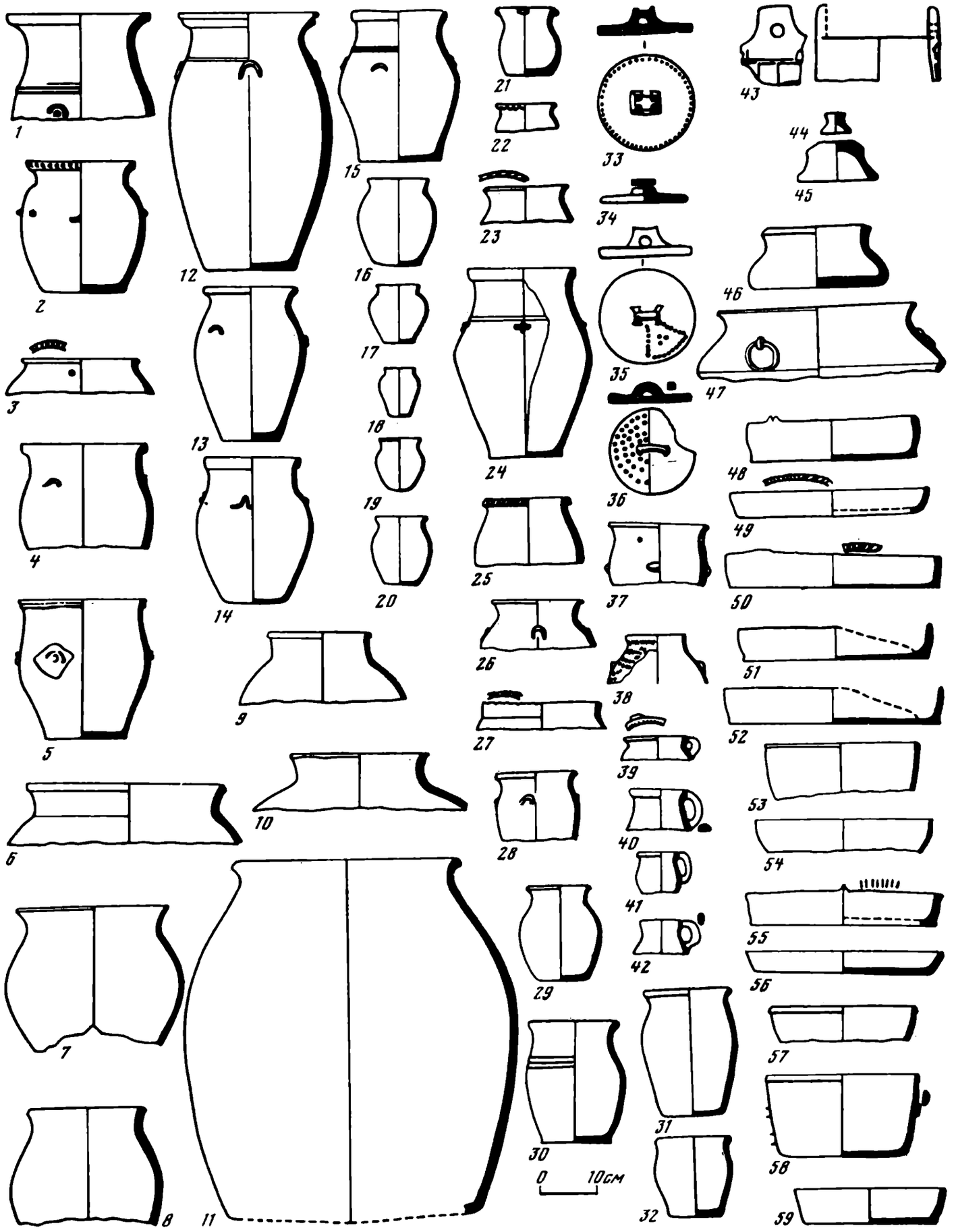

Таблица 19. Джетыасарская культура. Керамика первой группы (*1—59*)

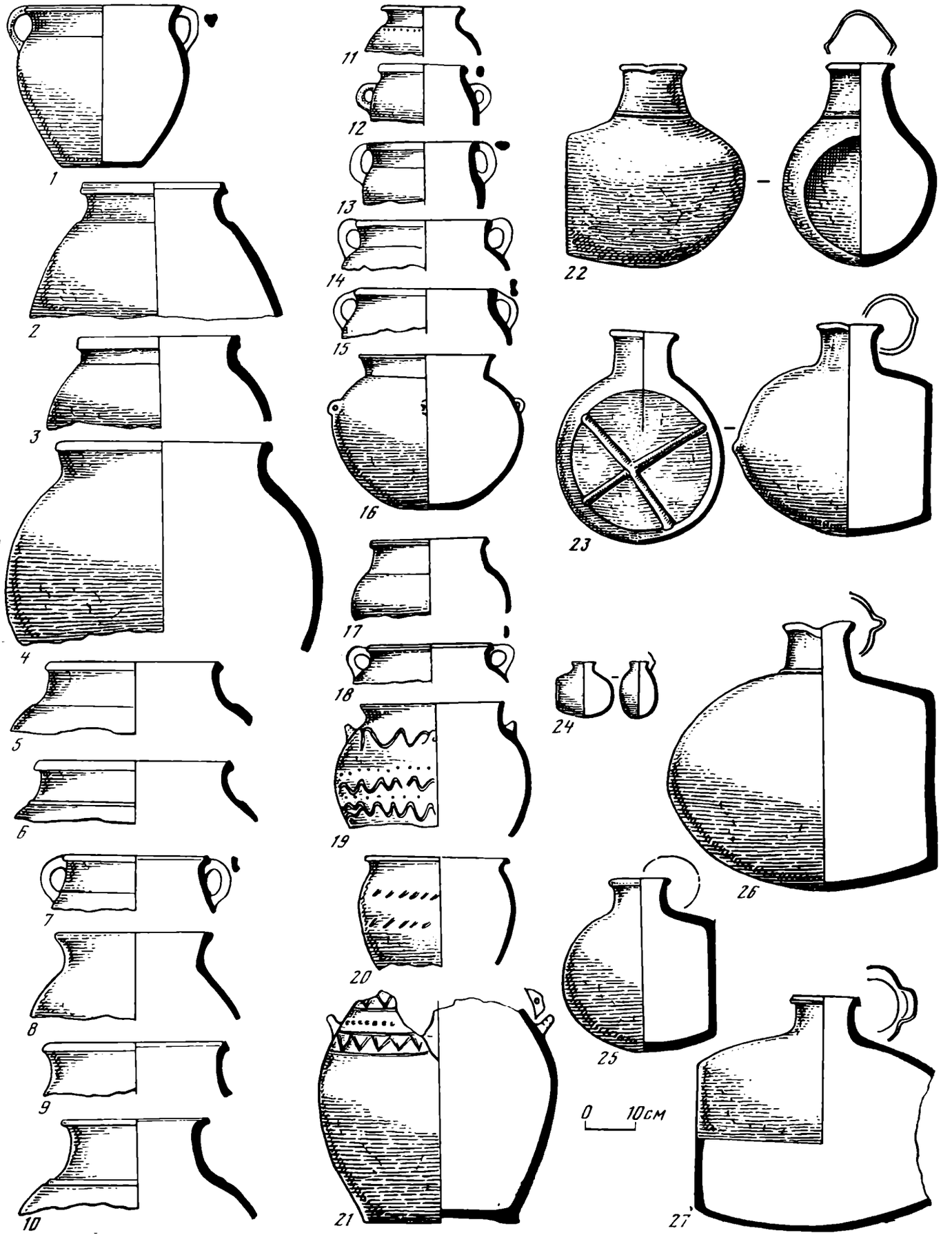

Таблица 20. Джетыасарская культура. Керамика второй группы (*1 — 27*)

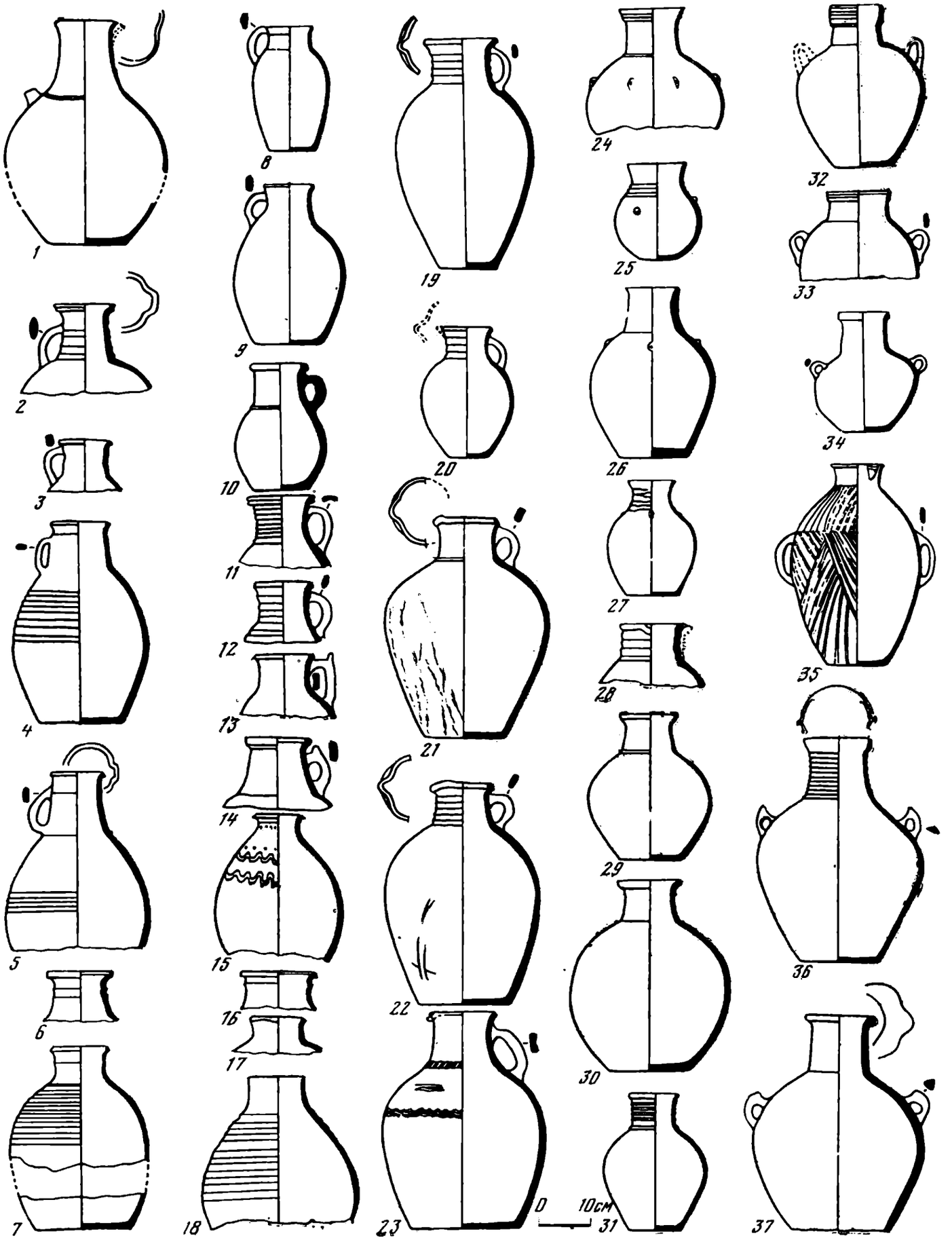

Таблица 21. Джетыасарская культура. Керамика второй группы (*1 — 37*)

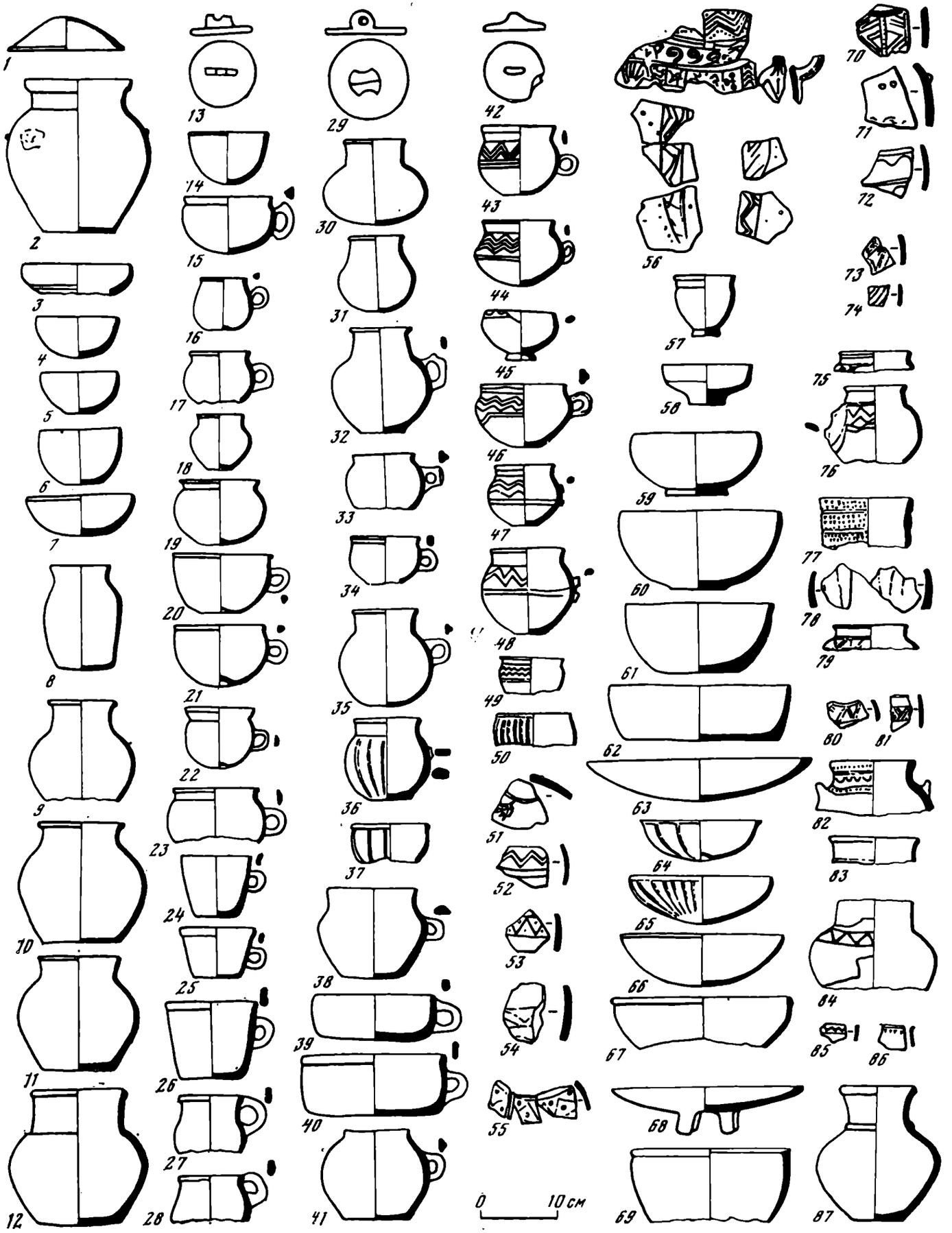

Таблица 22. Джетыасарская культура. Керамика второй группы (*1 — 87*)

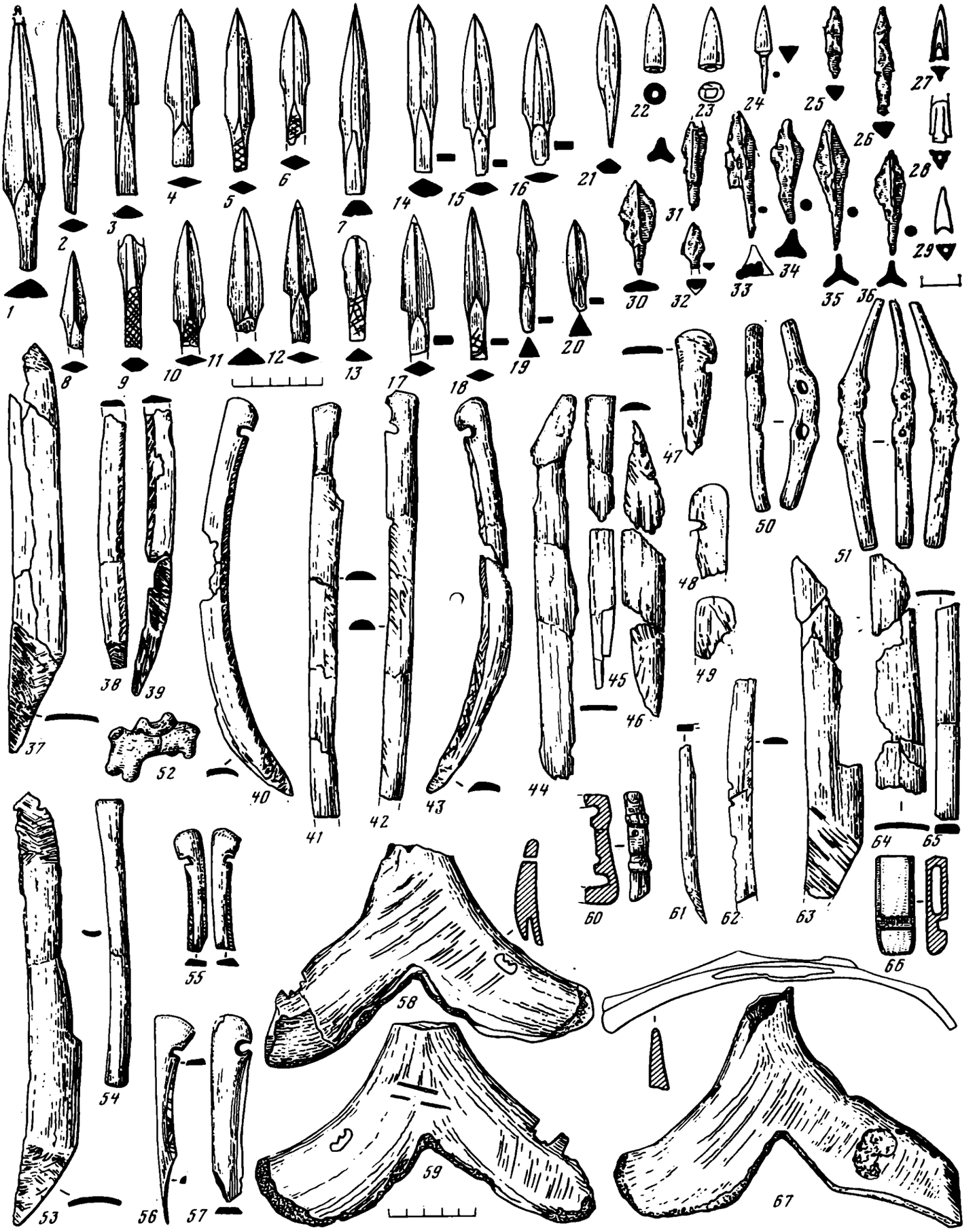

Таблица 23. Джетыасарская культура. Предметы вооружения и конской упряжи

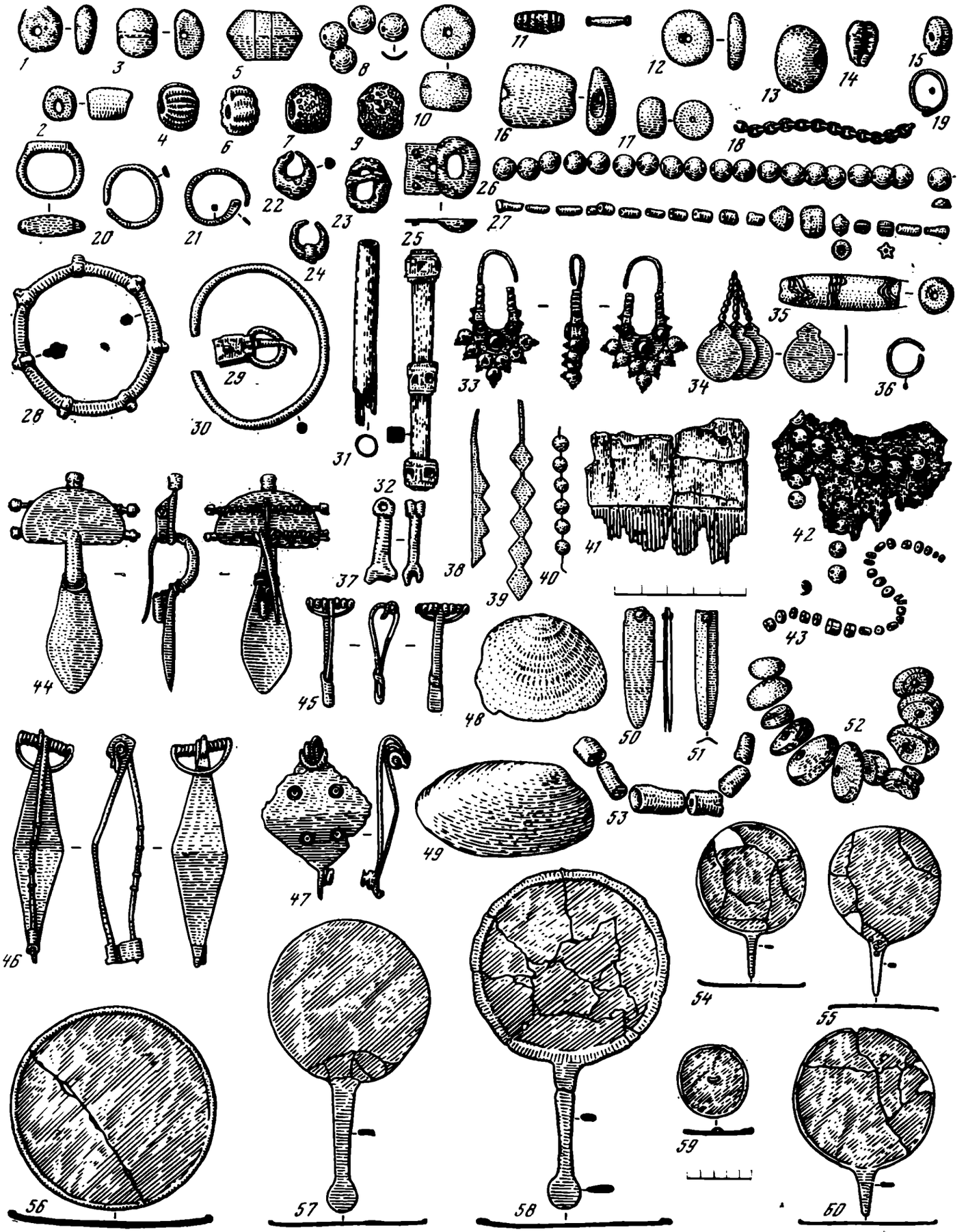

Таблица 24. Джетыасарская культура. Украшения и предметы туалета из могильников

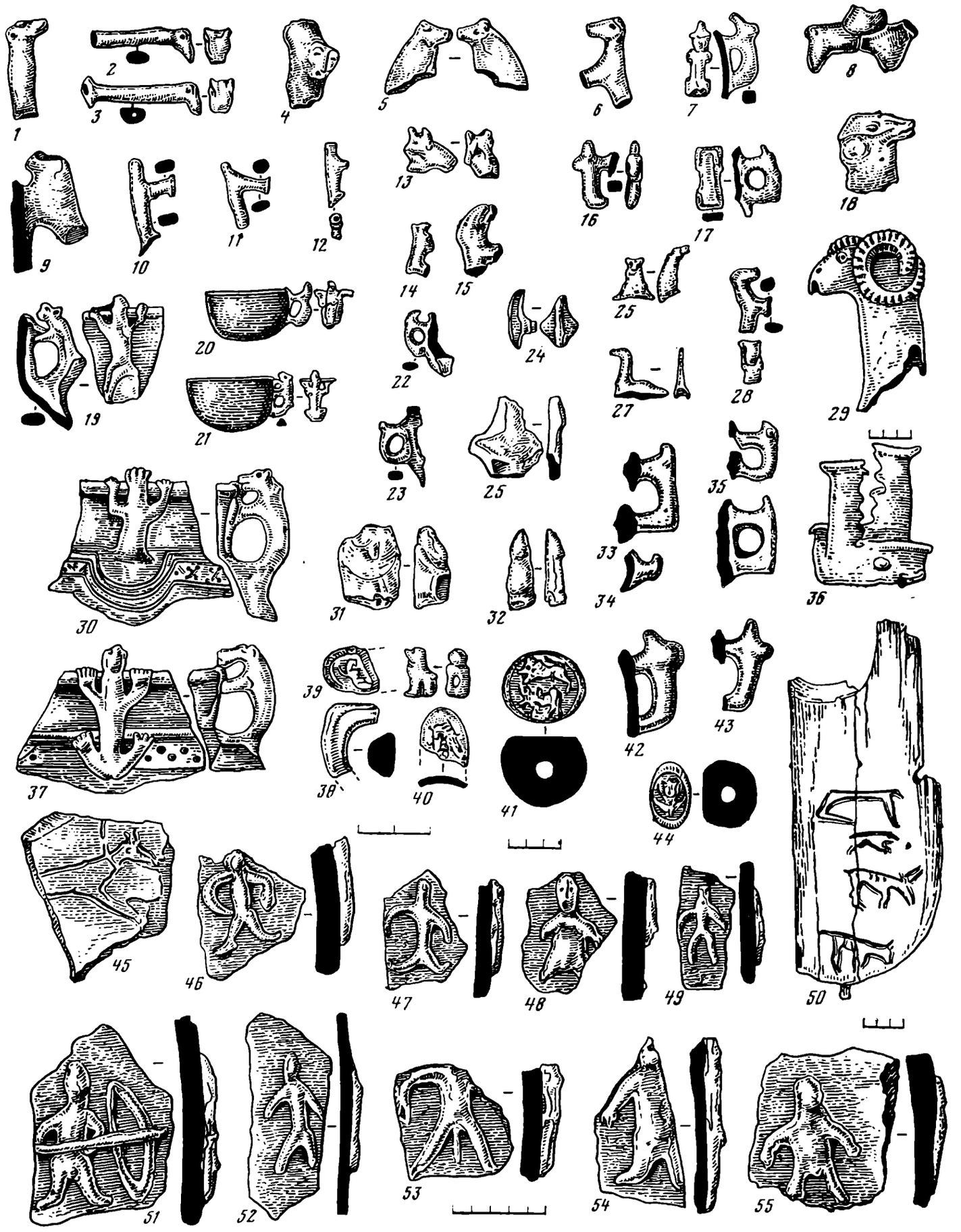

Таблица 25. Джетыасарская культура. Зооморфные и антропоморфные изображения

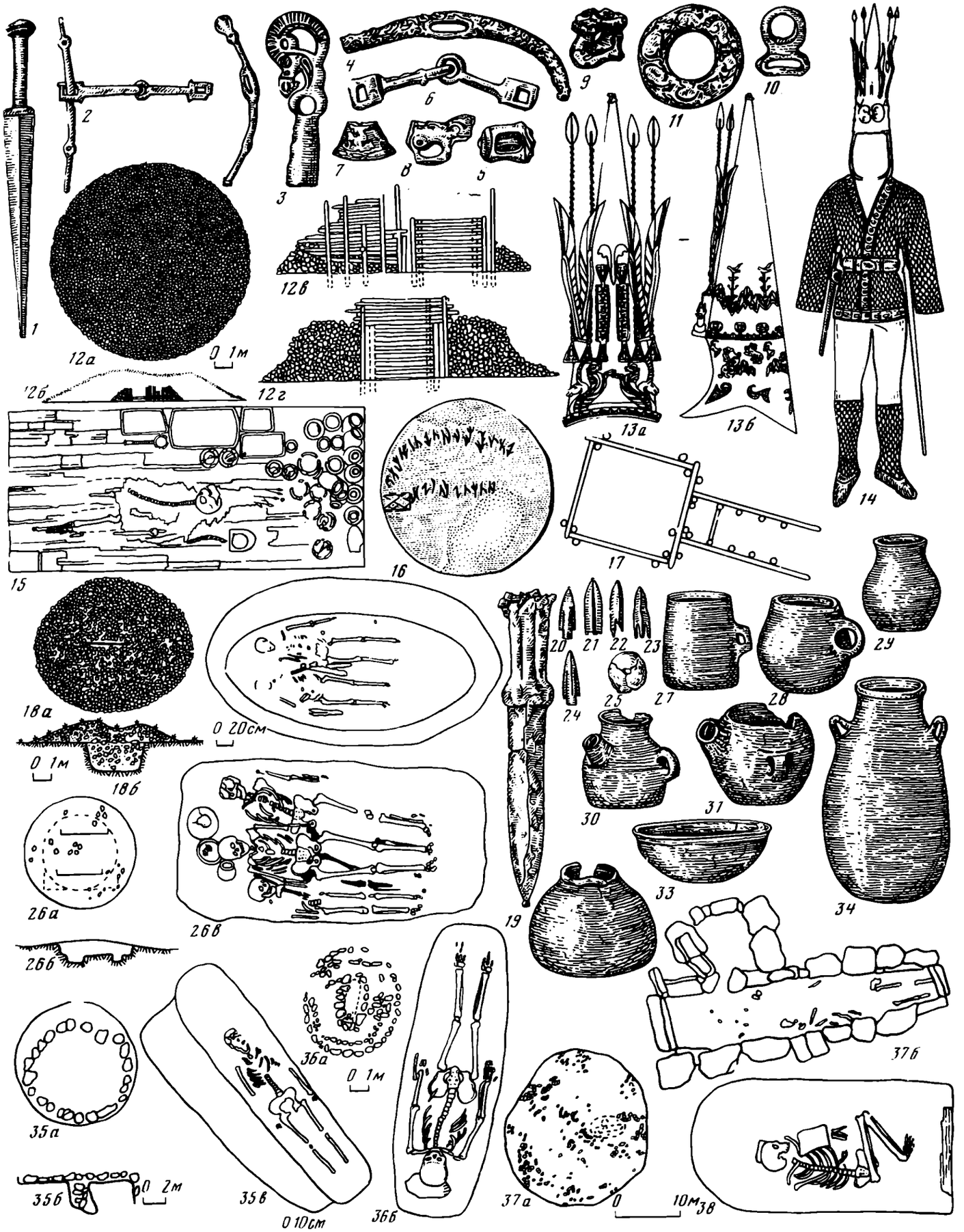

Таблица 26. Саки Семиречья и Тянь-Шаня. Планы и разрезы курганов и погребений, могильный инвентарь, реконструкции

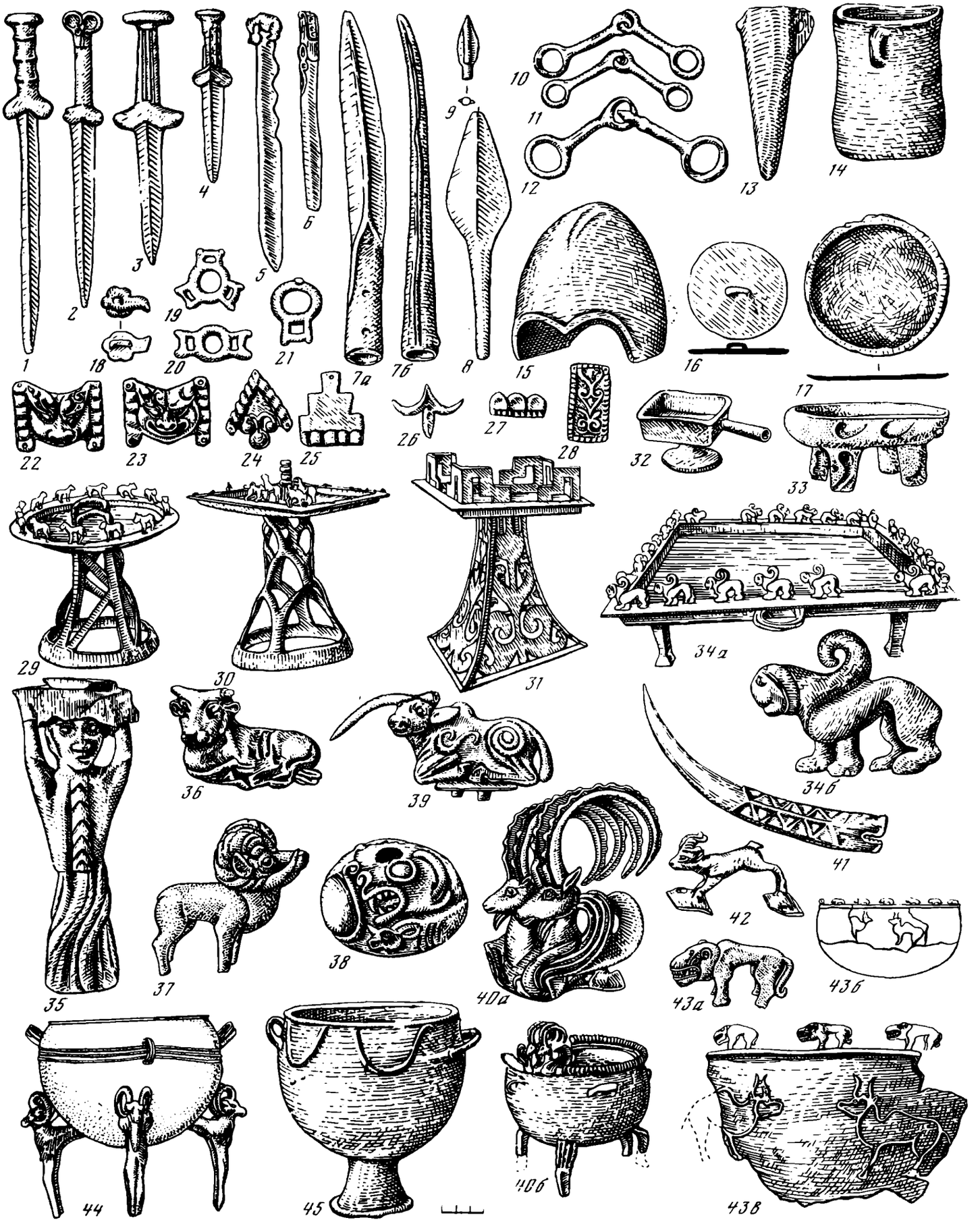

Таблица 27. Саки Семиречья и Тянь-Шаня. Оружие, конская сбруя, предметы туалета, украшения, предметы культа, котлы, вещи в зверином стиле

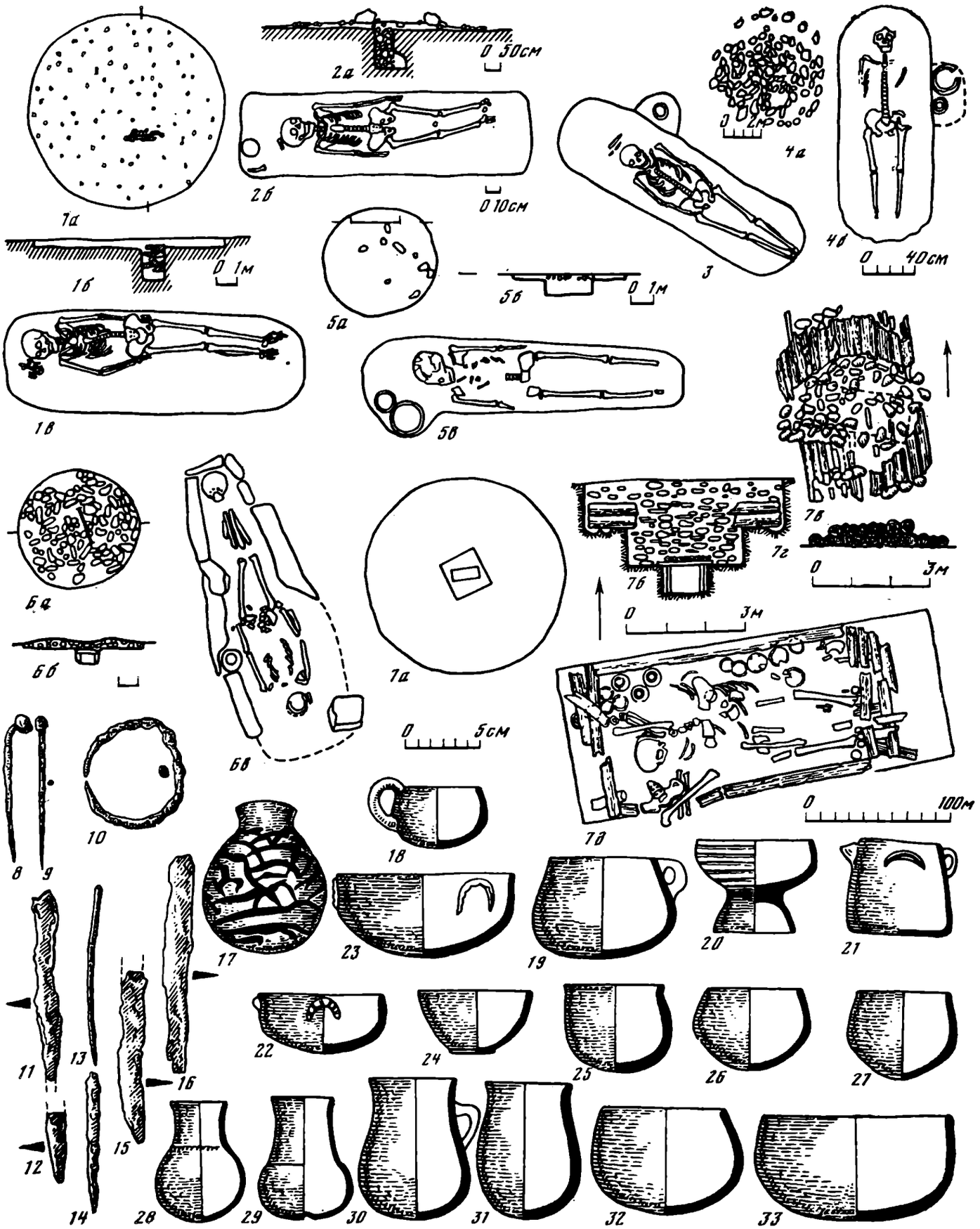

Таблица 28. Кочевники Семиречья и Тянь-Шаня усуньского периода. Планы и разрезы курганов и погребений, керамика, орудия труда

Таблица 29. Кочевники Семиречья и Тянь-Шаня усуньского периода. Материальная культура. Искусство

Таблица 30. Кенкольская культура. Тянь-Шань, Кетмень-Тюбе, Чаткал. Планы и разрезы курганов, погребений, могильный инвентарь

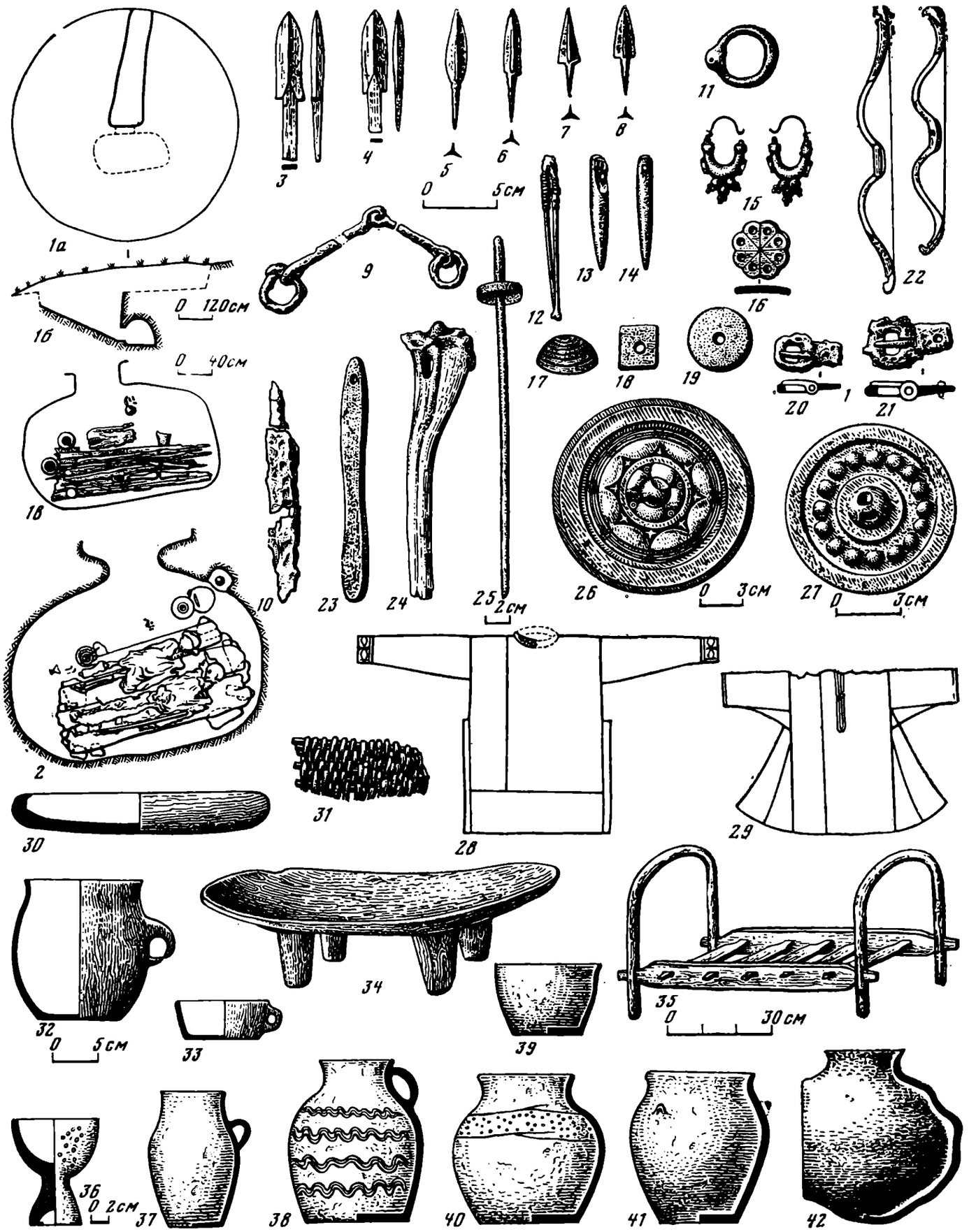

Таблица 31. Могильник Кенкол. Планы и разрезы курганов и погребений, могильный инвентарь, реконструкции

Таблица 32 Саки. Кетмень-Тюбе (по материалам И. Кожомбердиева)

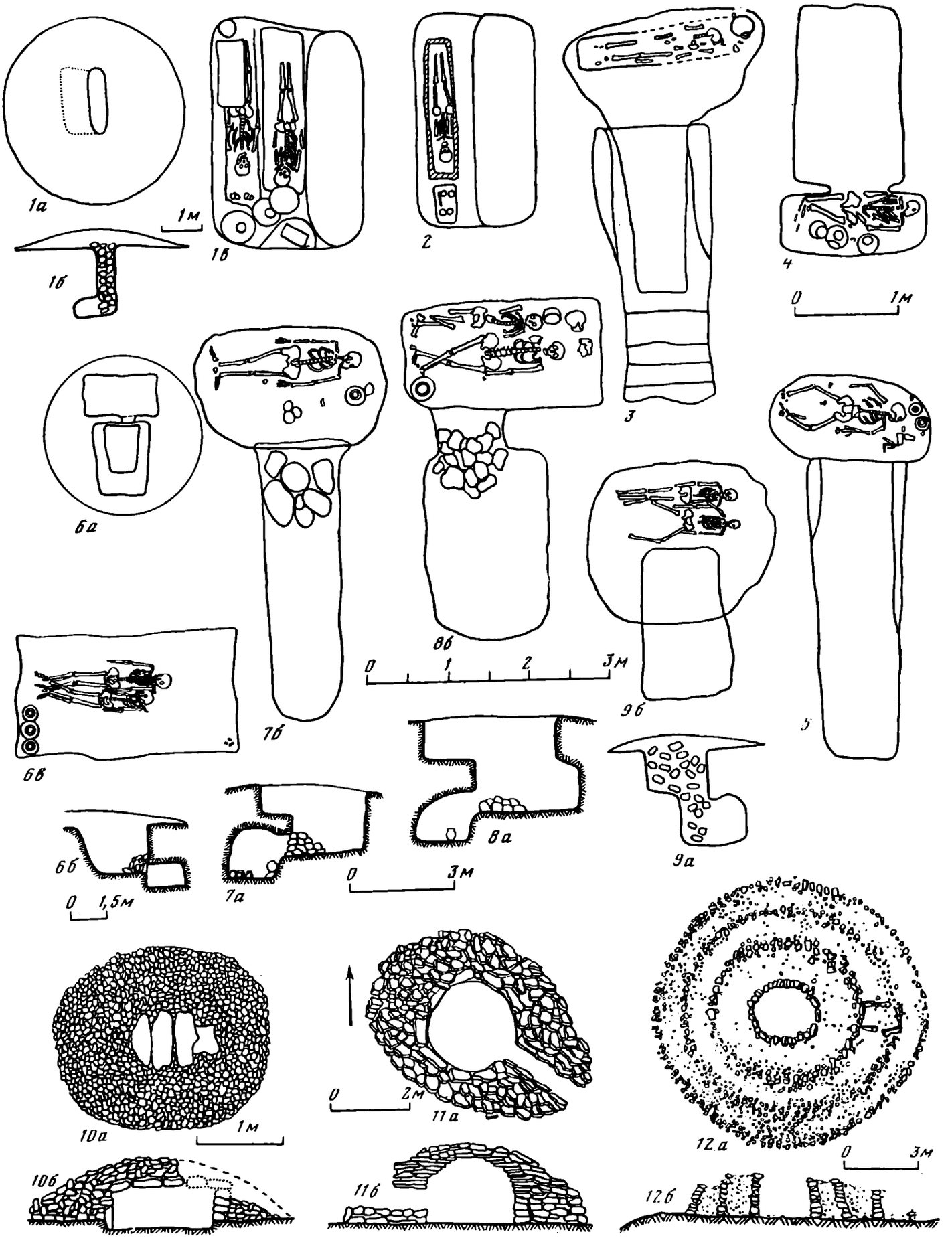

Таблица 33. Номады Ферганы. Планы и разрезы курганов и погребений

Таблица 34. Могильник Карабулак. Погребальный инвентарь

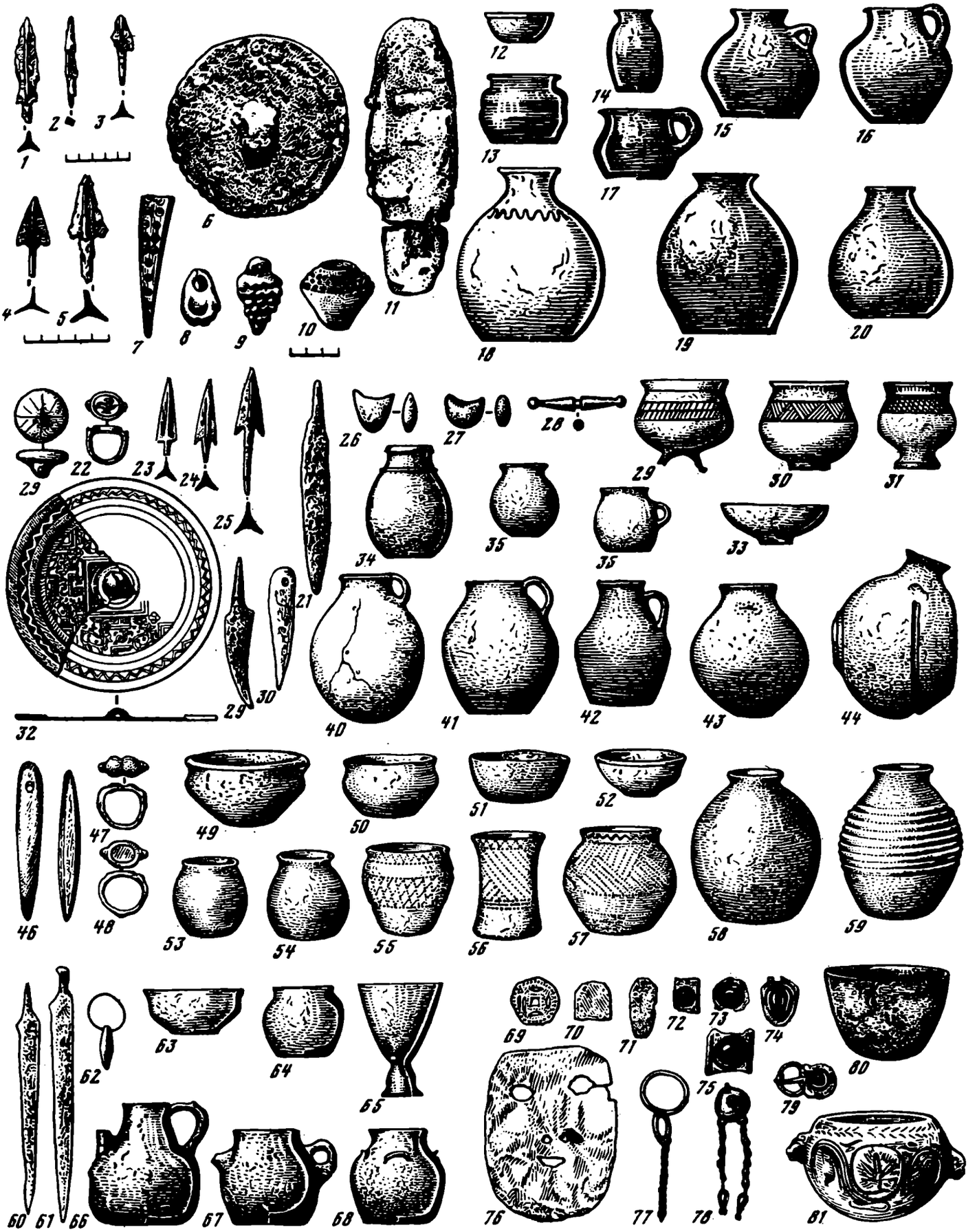

Таблица 35. Кочевники первых веков нашей эры Ферганы и Алая. Могильный инвентарь

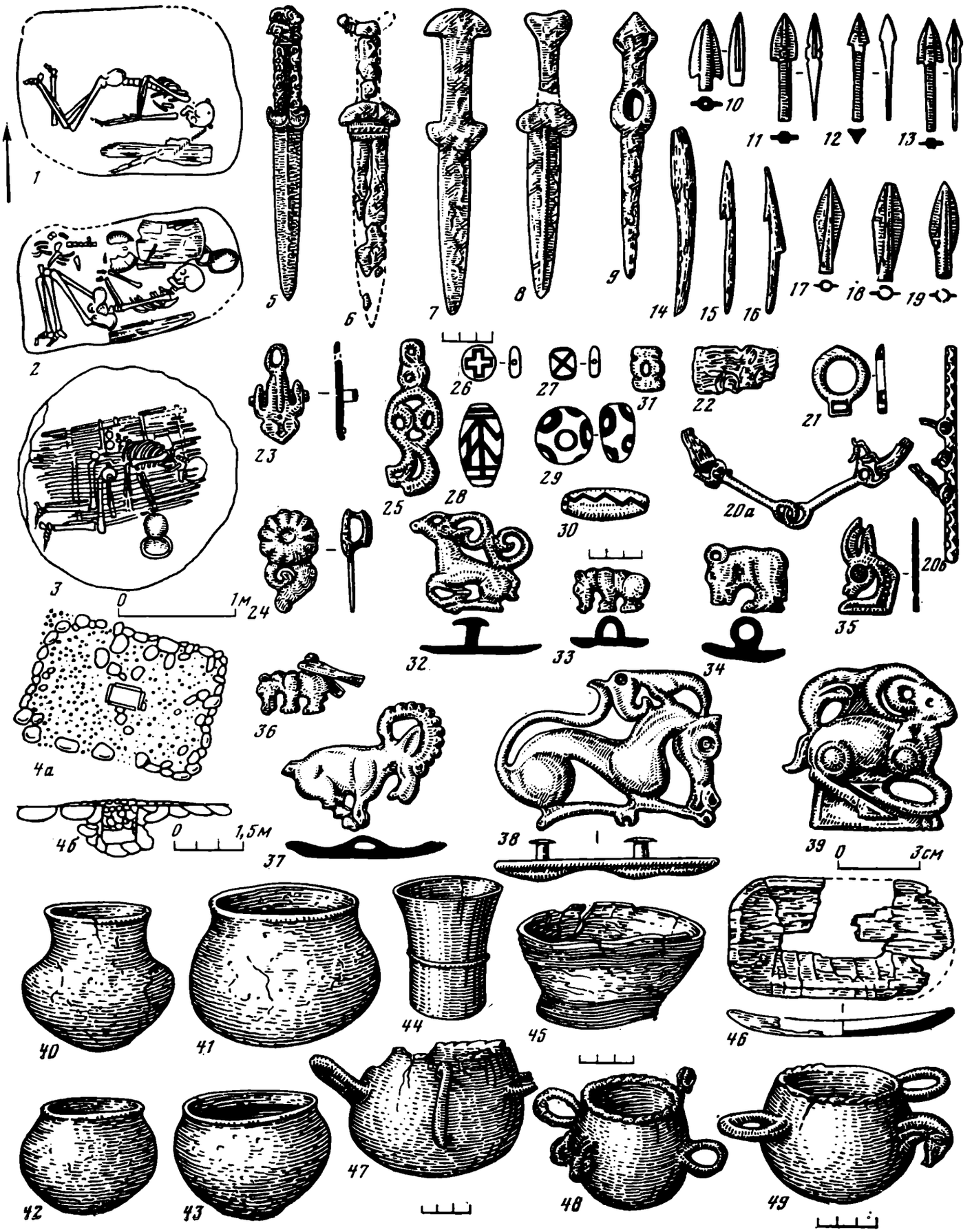

Таблица 36. Ранние кочевники Памира. Планы и разрезы курганов и погребений, могильный инвентарь

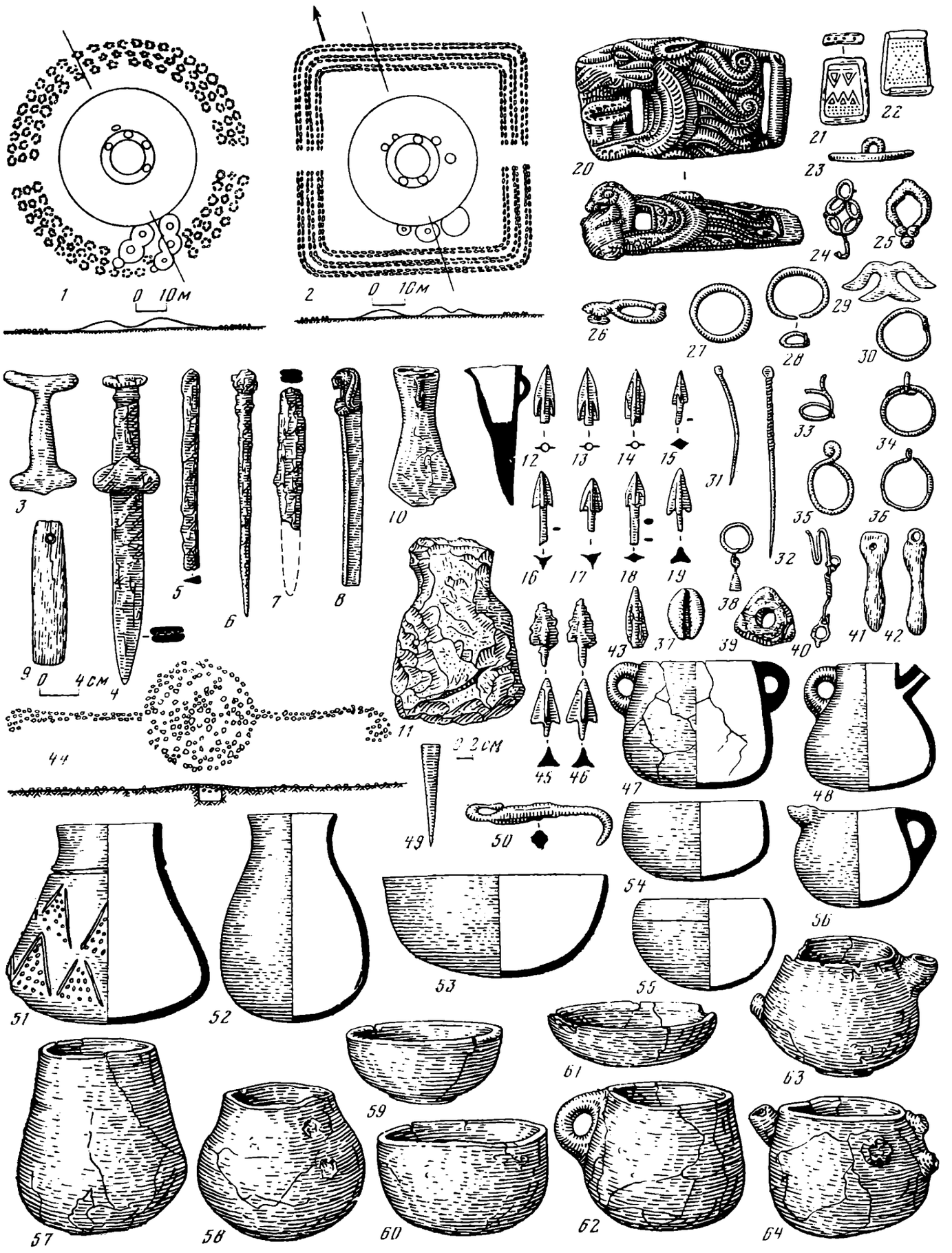

Таблица 37. Ранние кочевники Южного Казахстана и Ташкентского оазиса. Планы и разрезы курганов, могильный инвентарь

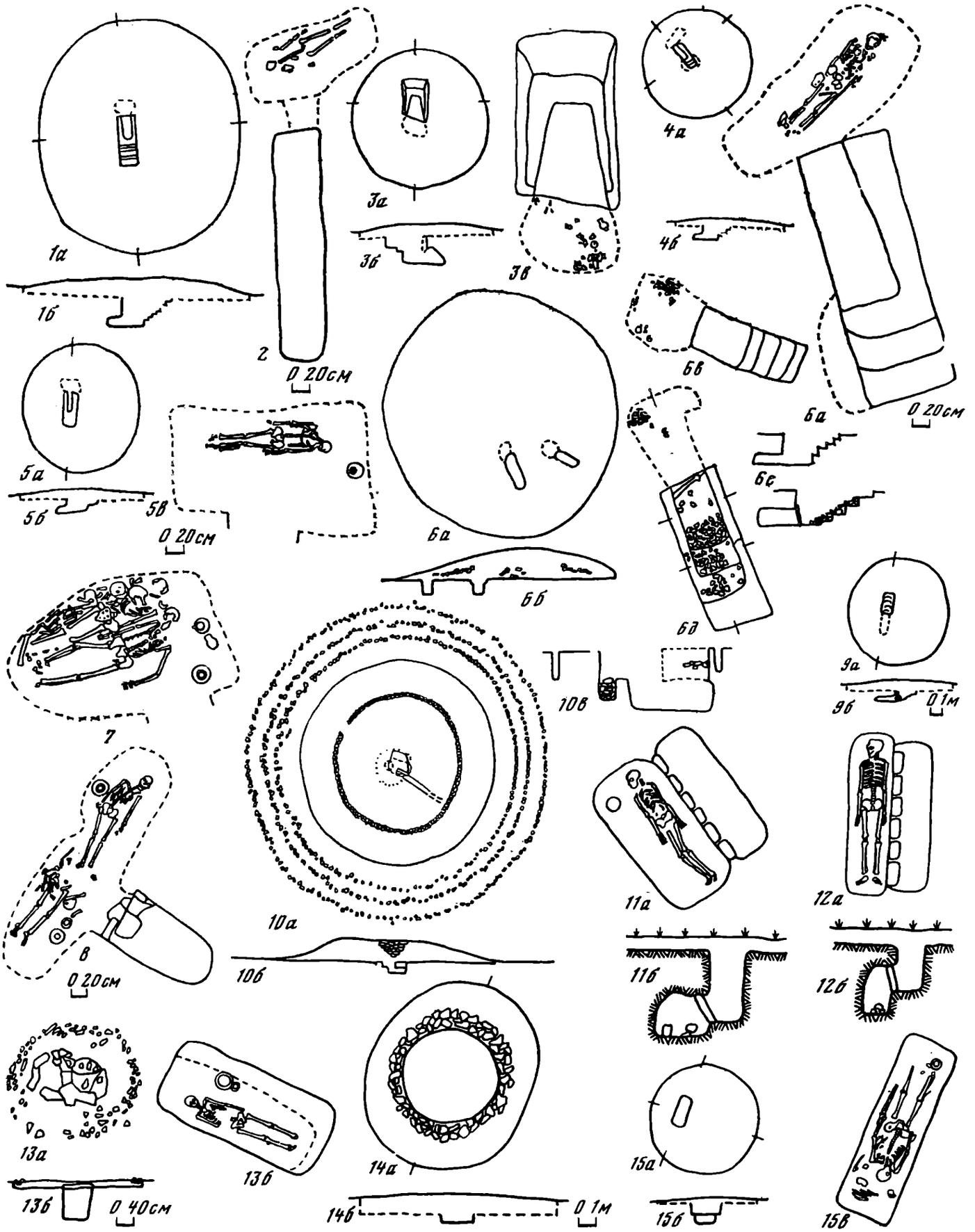

Таблица 38. Кочевники первых веков нашей эры Южного Казахстана и Ташкентского оазиса. Погребальный обряд

Таблица 39. Кочевники первых веков нашей эры Южного Казахстана и Ташкентского оазиса. Материальная культура

Таблица 40. Кочевники Среднеазиатского междуречья. Планы погребений, керамика

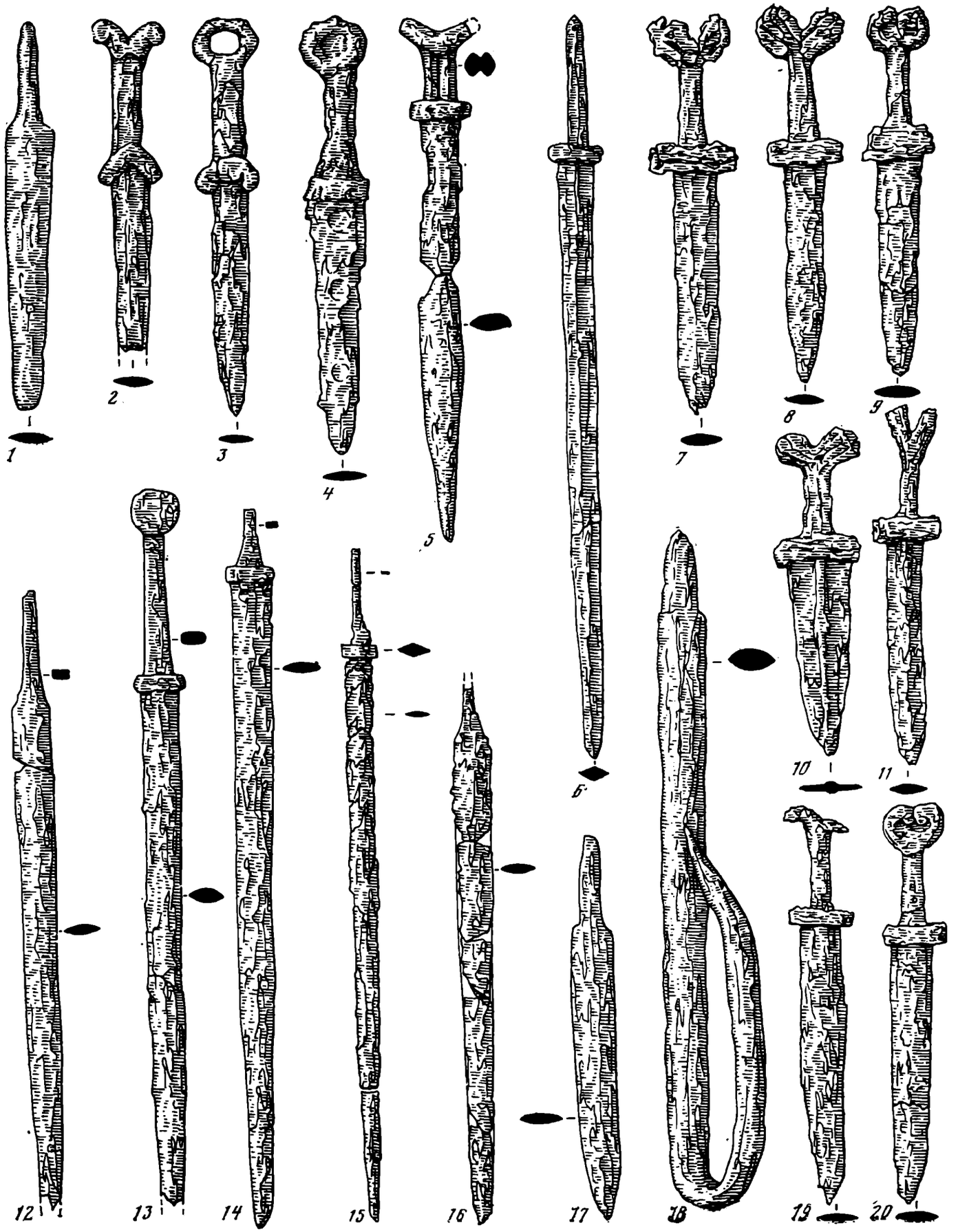

Таблица 41. Кочевники Среднеазиатского междуречья. Предметы вооружения

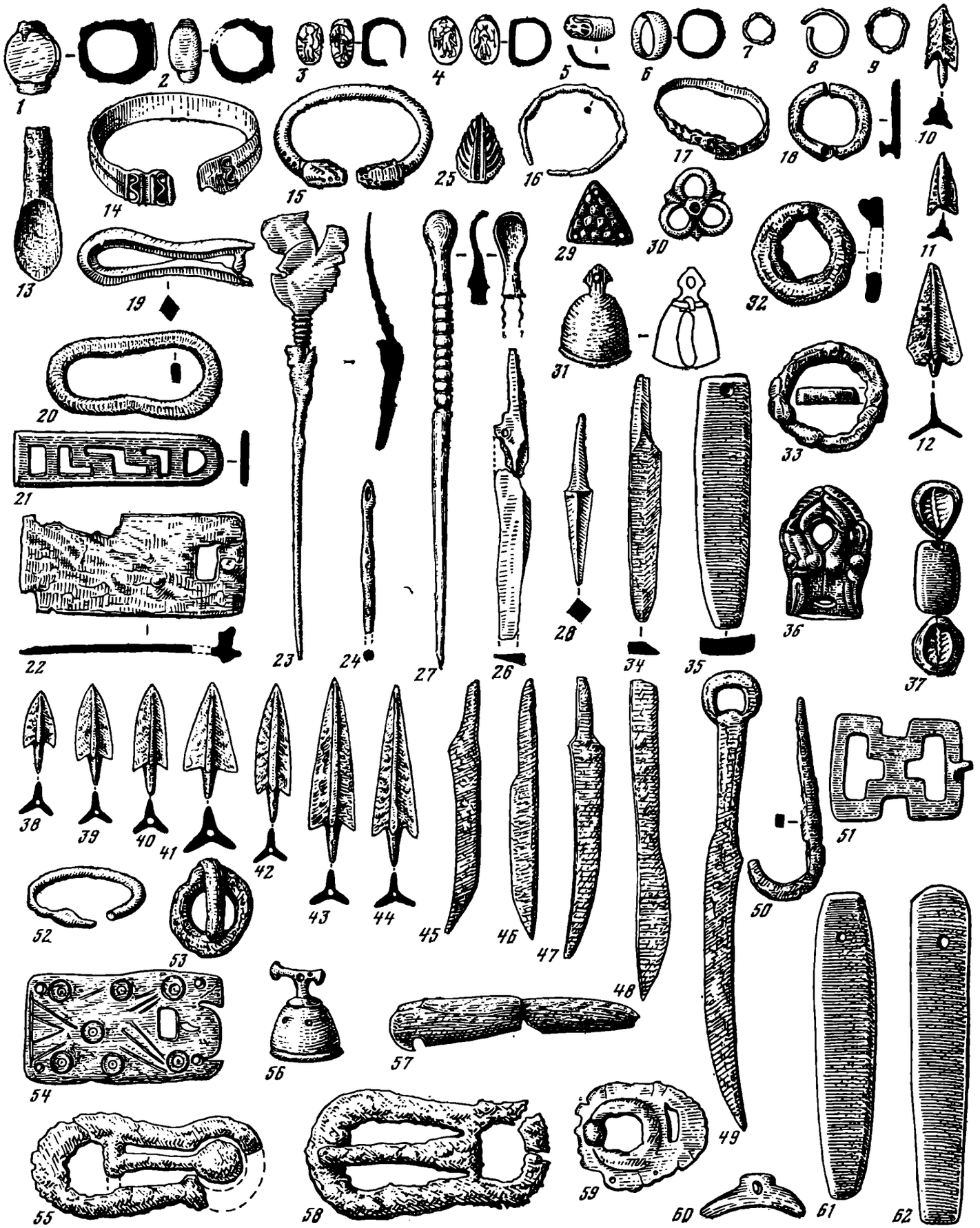

Таблица 42. Кочевники Среднеазиатского междуречья. Орудия труда, пряжки, украшения

Таблица 43. Кочевники Среднеазиатского междуречья. Предметы туалета, культа, украшения, ювелирные изделия

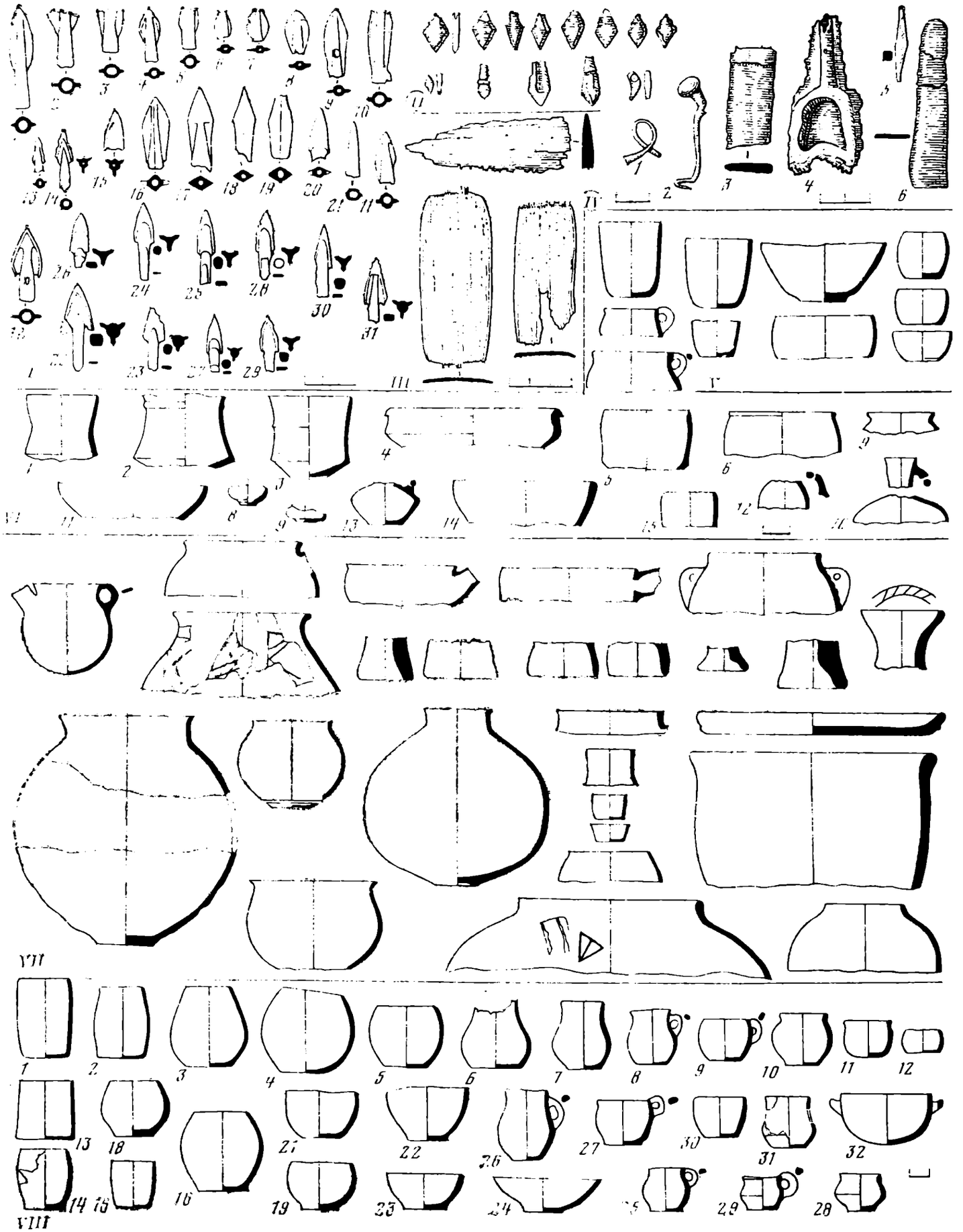

Таблица 44. Кюсайская культура. Инвентарь поселения Кюсай 2 и могильников

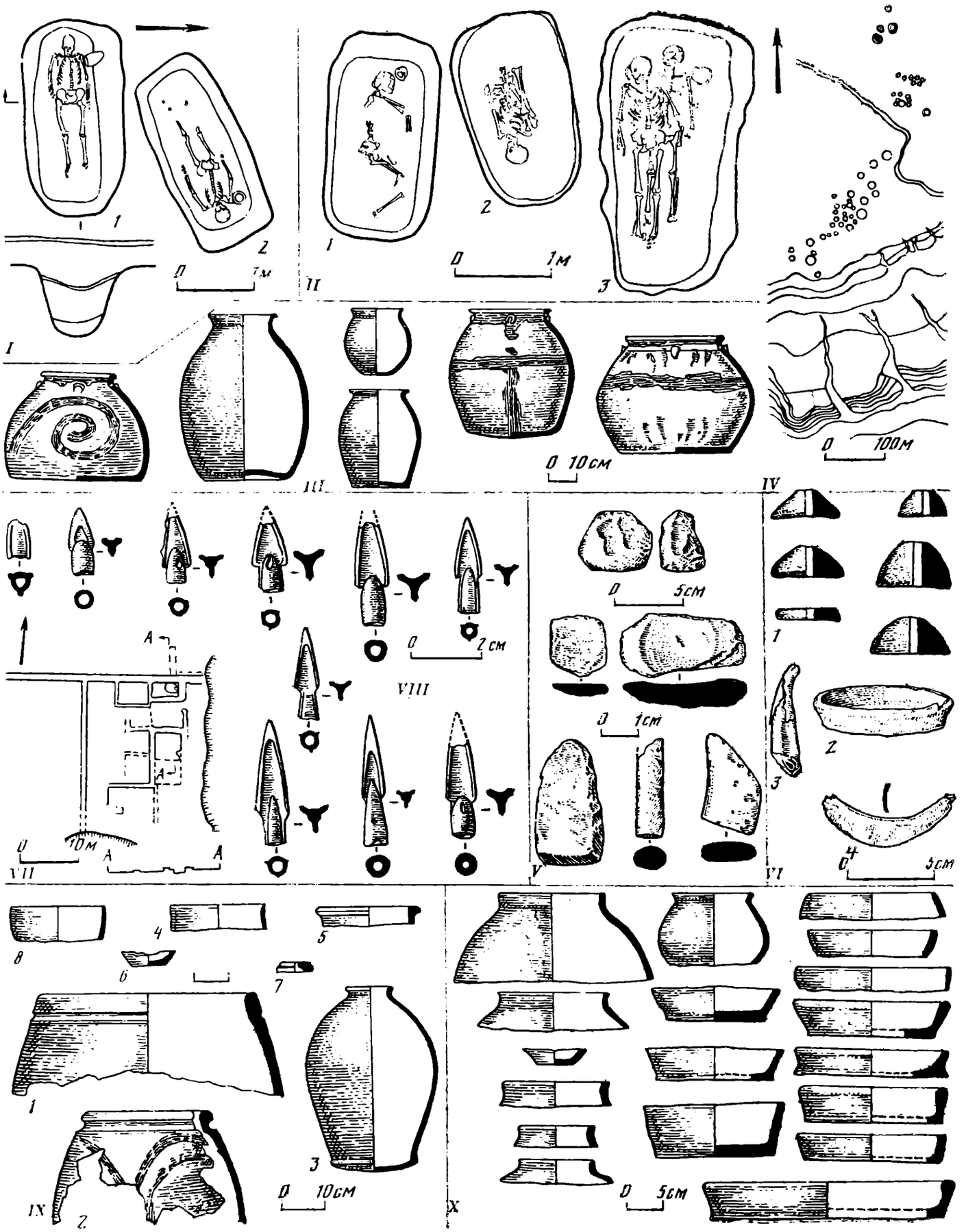

Таблица 45. Кюсайская культура. Могильники и поселение

Таблица 46. Присарыкамышская дельта Амударьи. Подбойно-катакомбные погребения

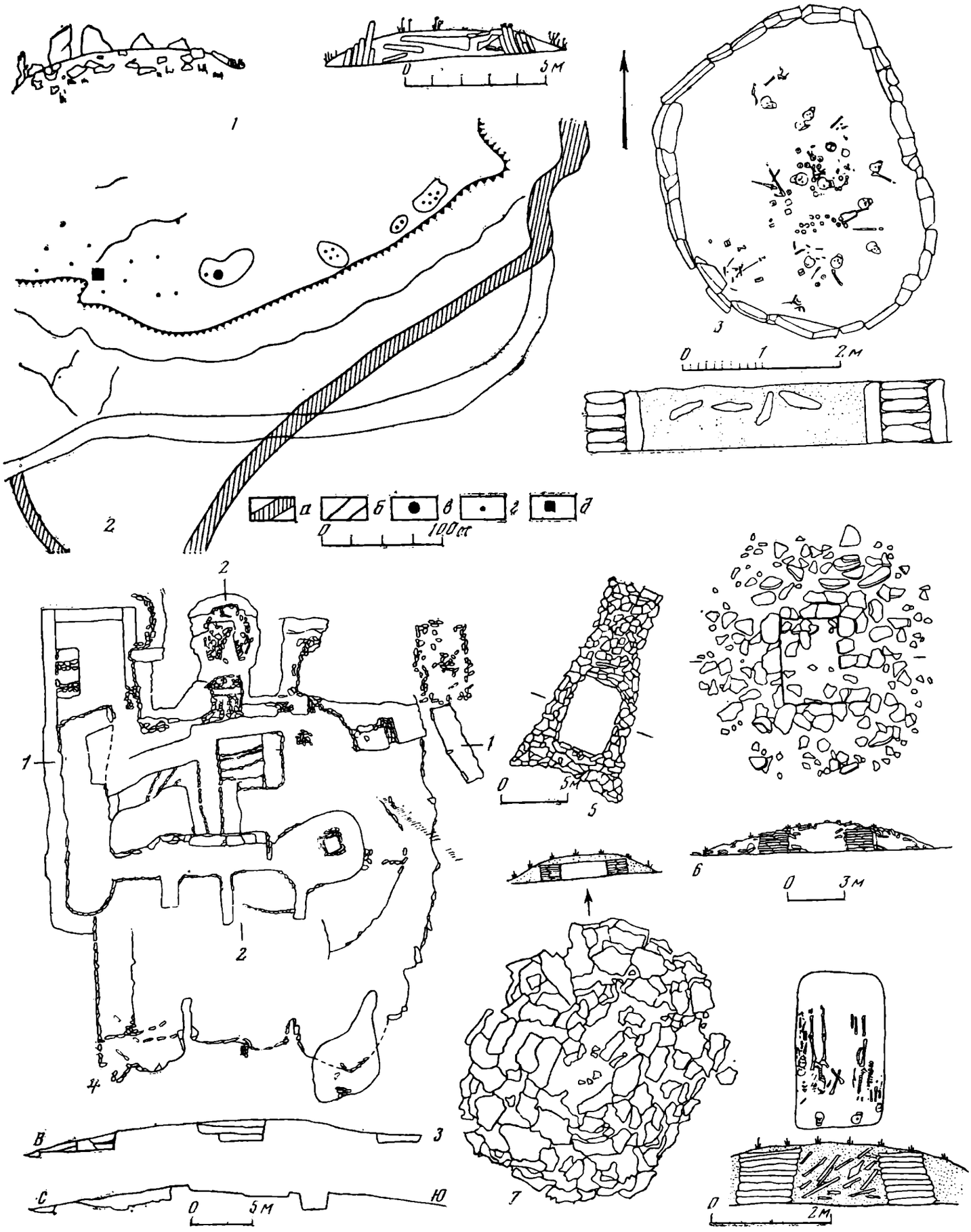

Таблица 47. Северо-западная Туркмения. Культовые и погребальные памятники, планы и разрезы

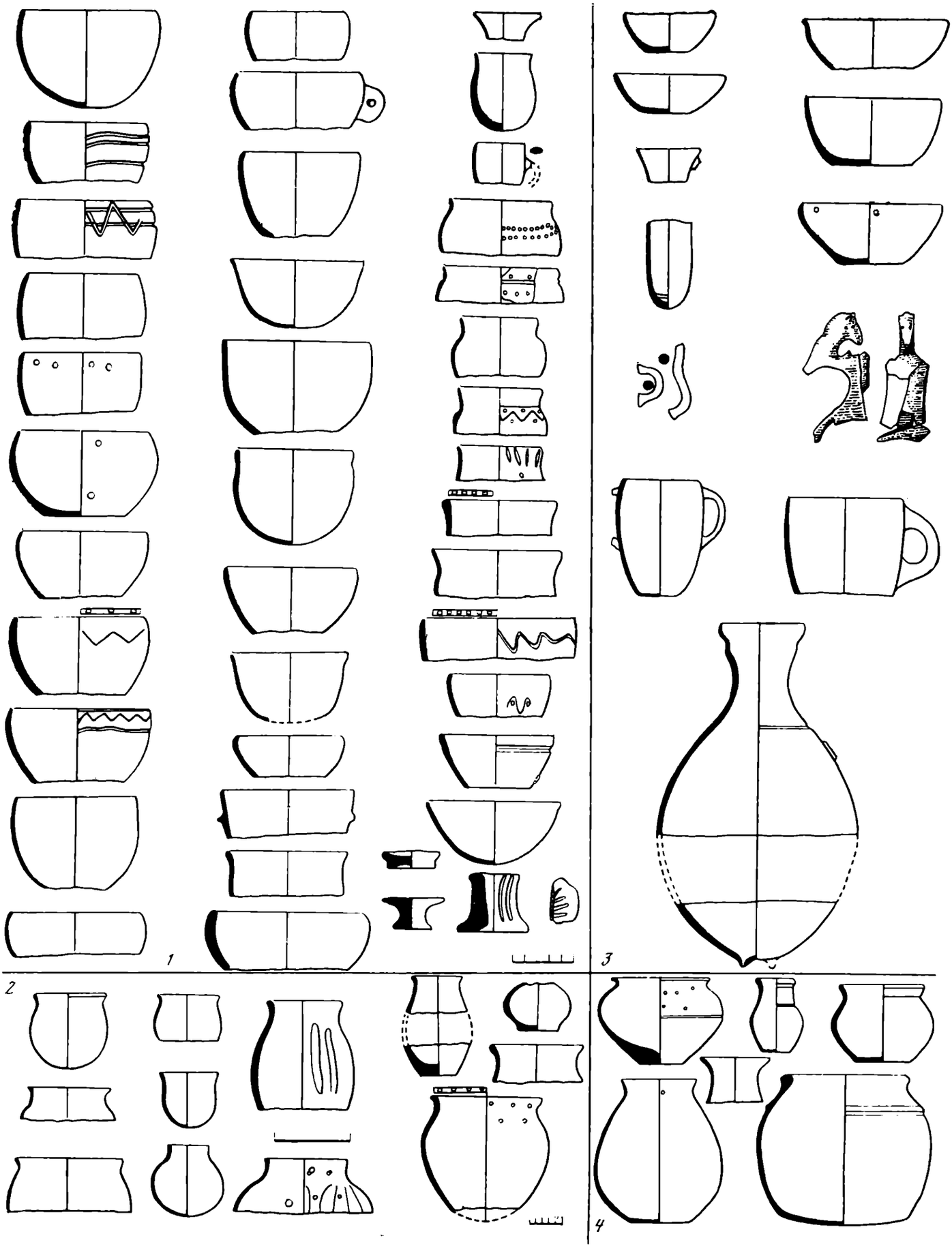

Таблица 48. Северо-западная Туркмения, первый этап культуры скотоводов (V—II вв. до н. э.). Керамика

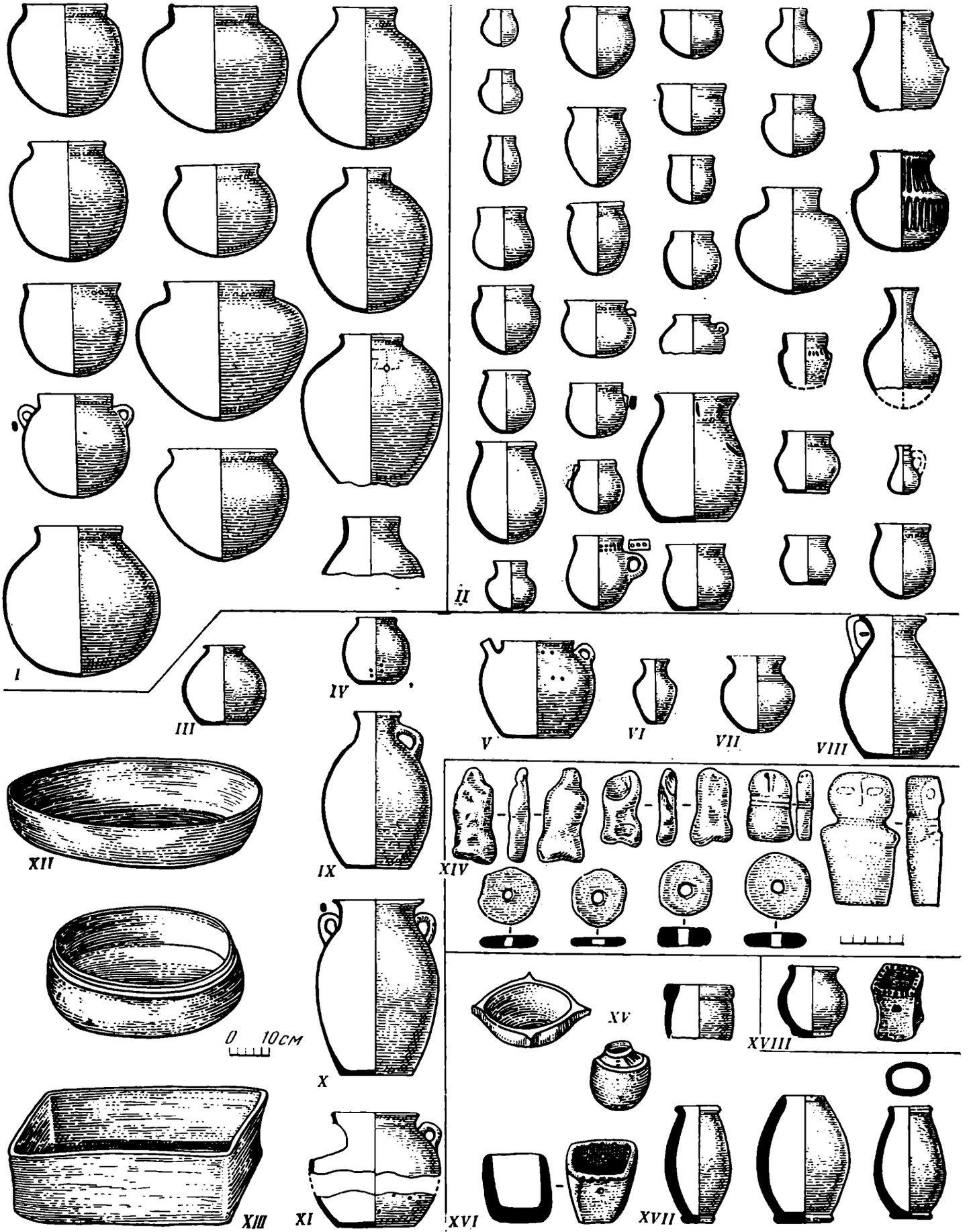

Таблица 49. Северо-западная Туркмения, второй этап культуры скотоводов (II в. до н. э. — IV в. н. э.). Инвентарь из погребальных сооружений

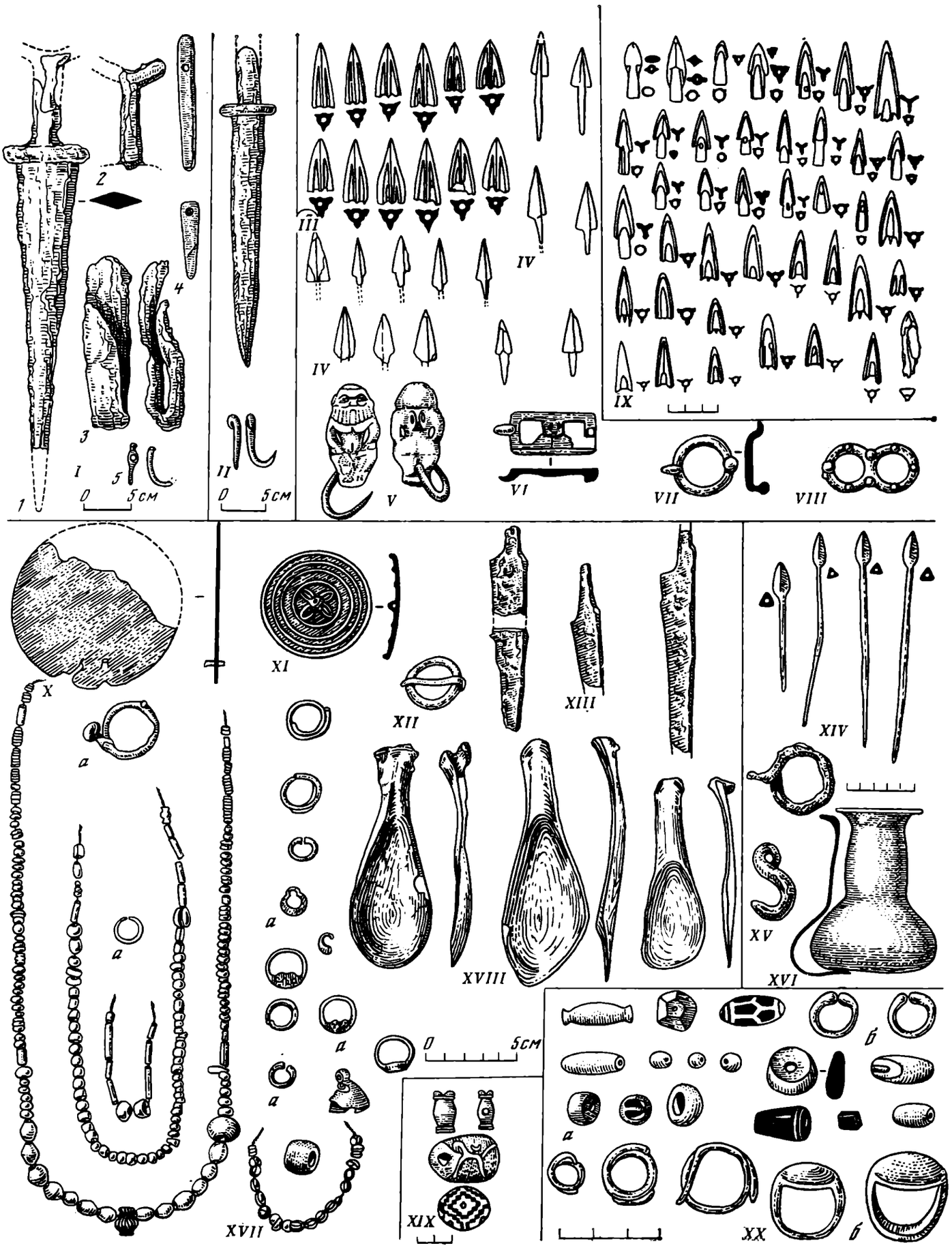

Таблица 50. Северо-западная Туркмения. Инвентарь из погребальных сооружений и святилища Ичяпыдепе

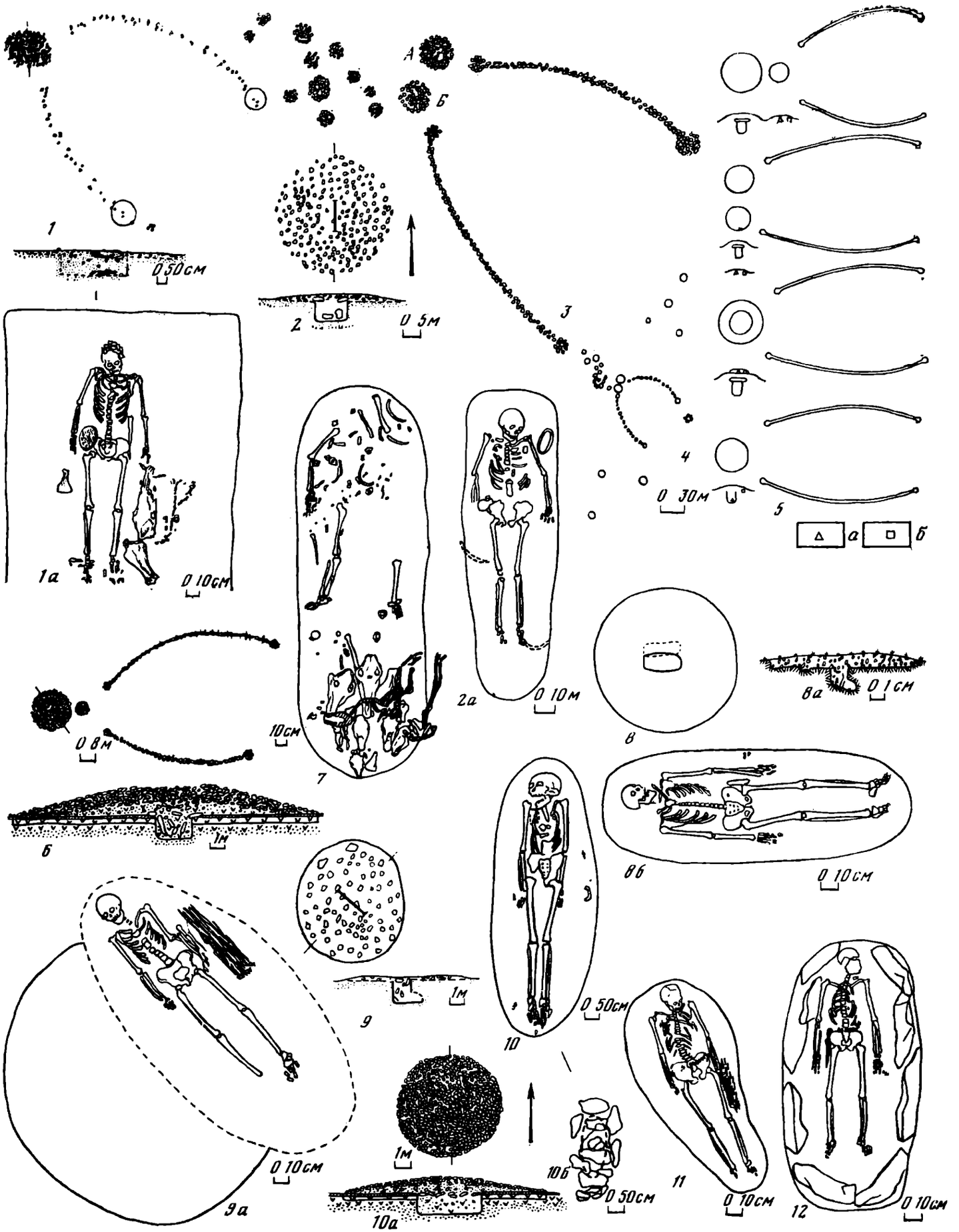

Таблица 51. Тасмолинская культура. Погребальные сооружения

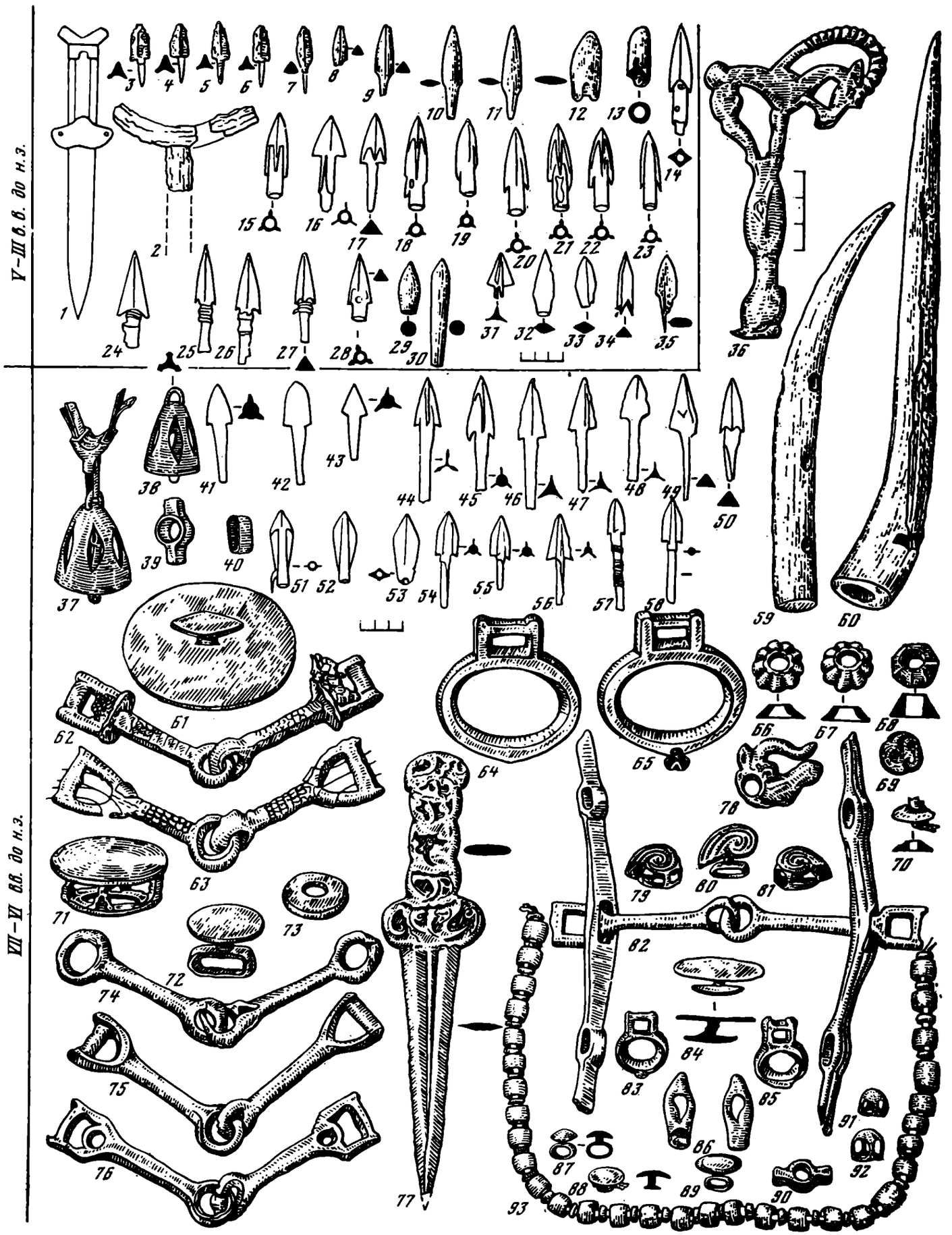

Таблица 52. Тасмолинская культура. Предметы вооружения и конского снаряжения

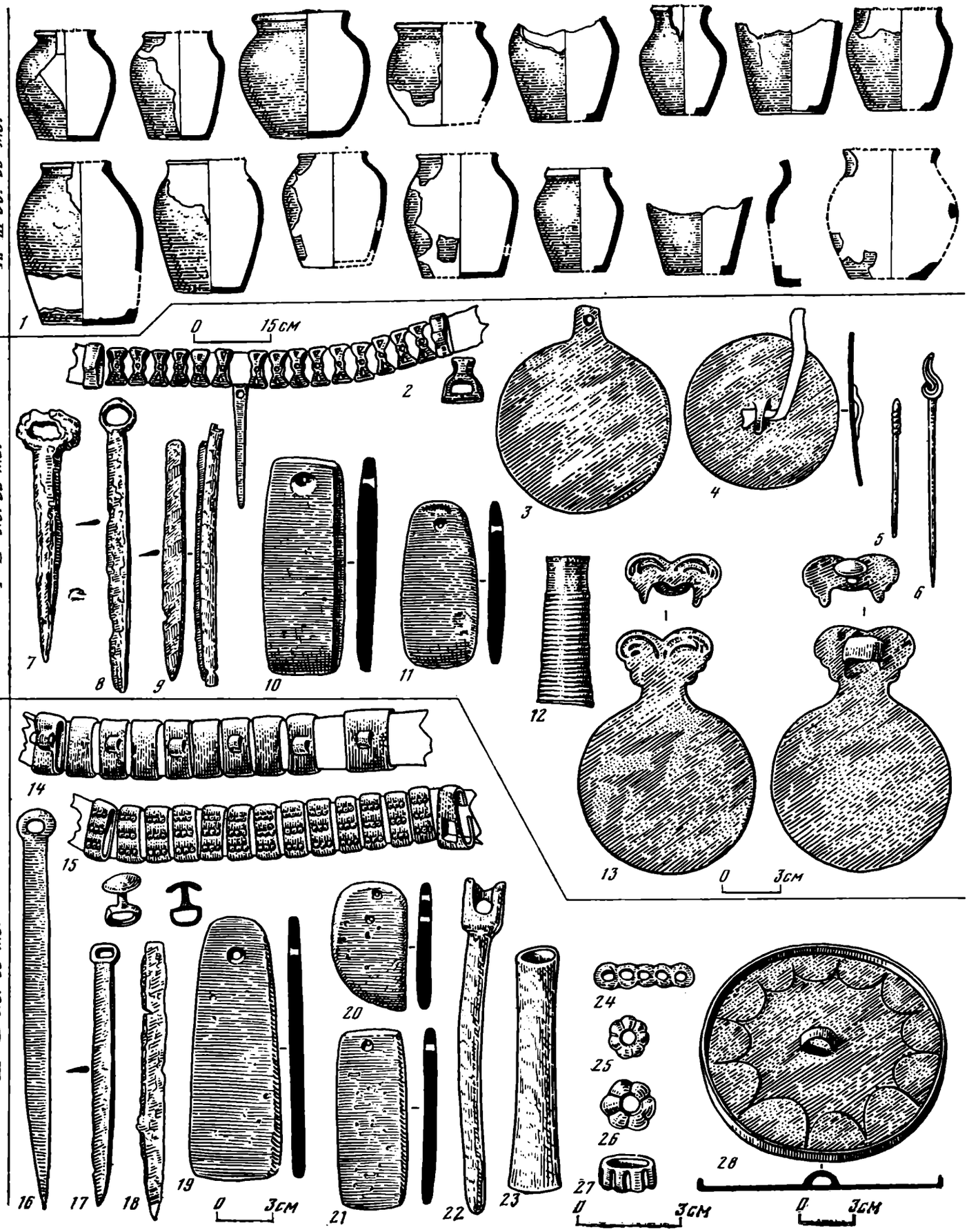

Таблица 53. Тасмолинская культура. Керамика, орудия труда, предметы туалета

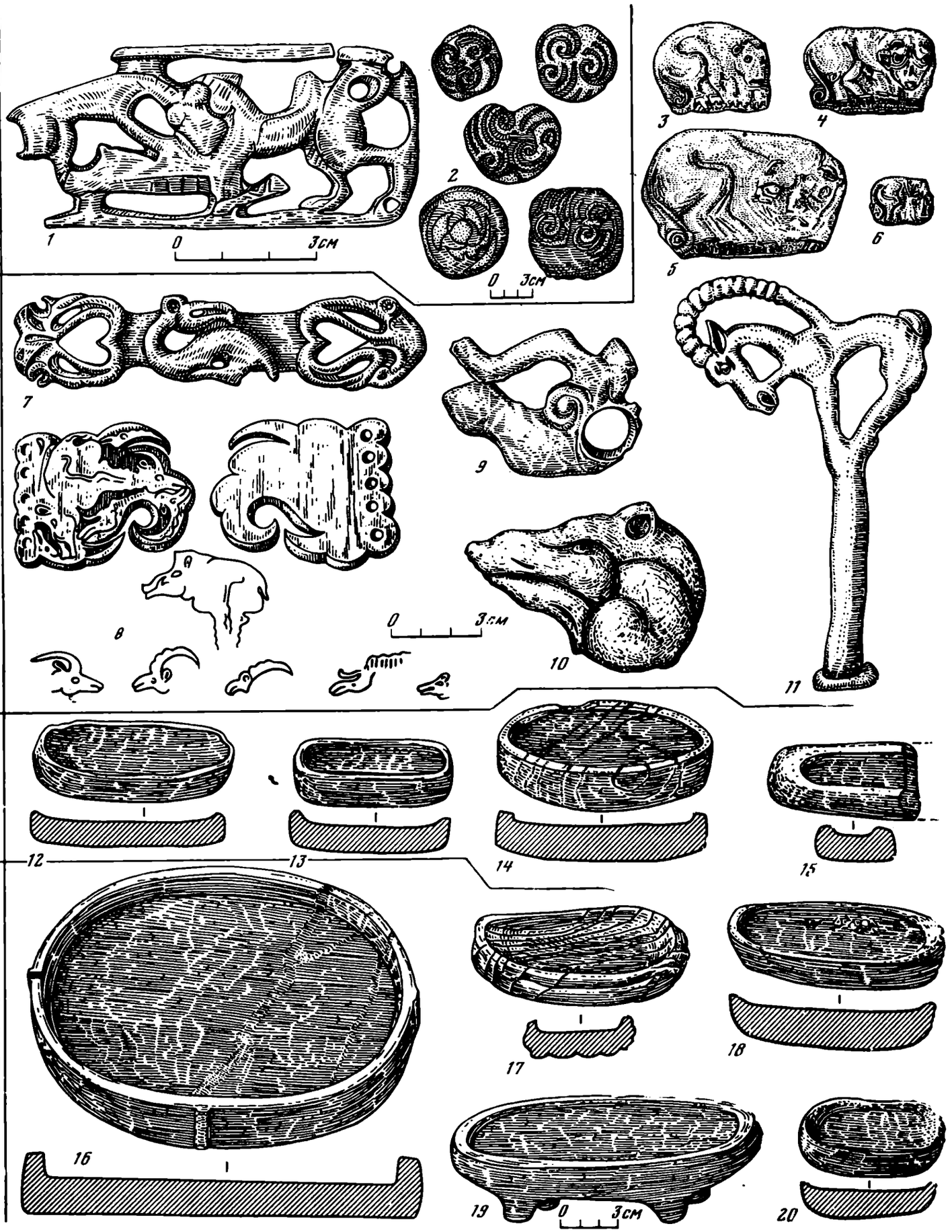

Таблица 54. Тасмолинская культура. Предметы звериного стиля и культа

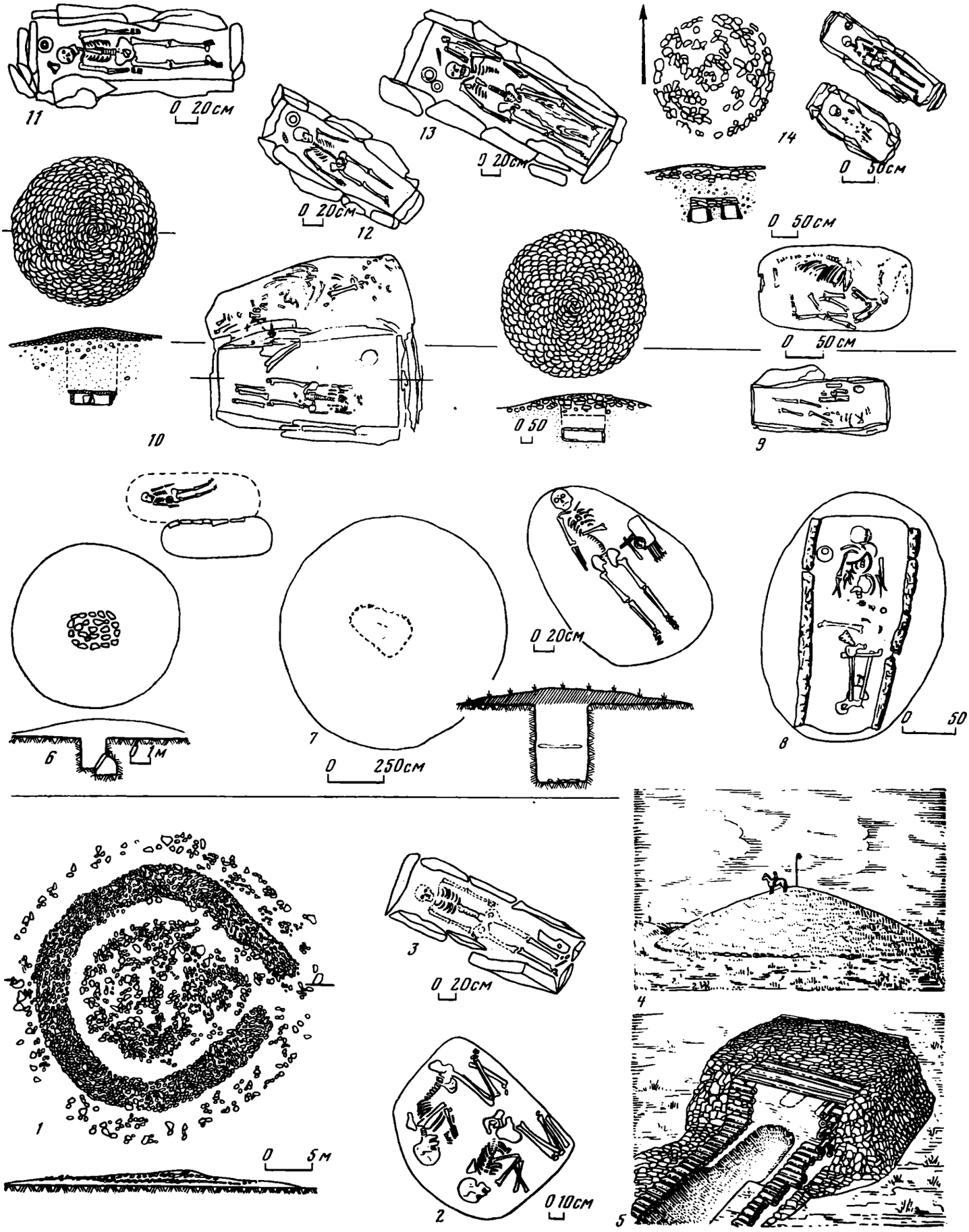

Таблица 55. Погребальные сооружения ранних кочевников Восточного Казахстана. Планы и разрезы курганов и погребений, реконструкции

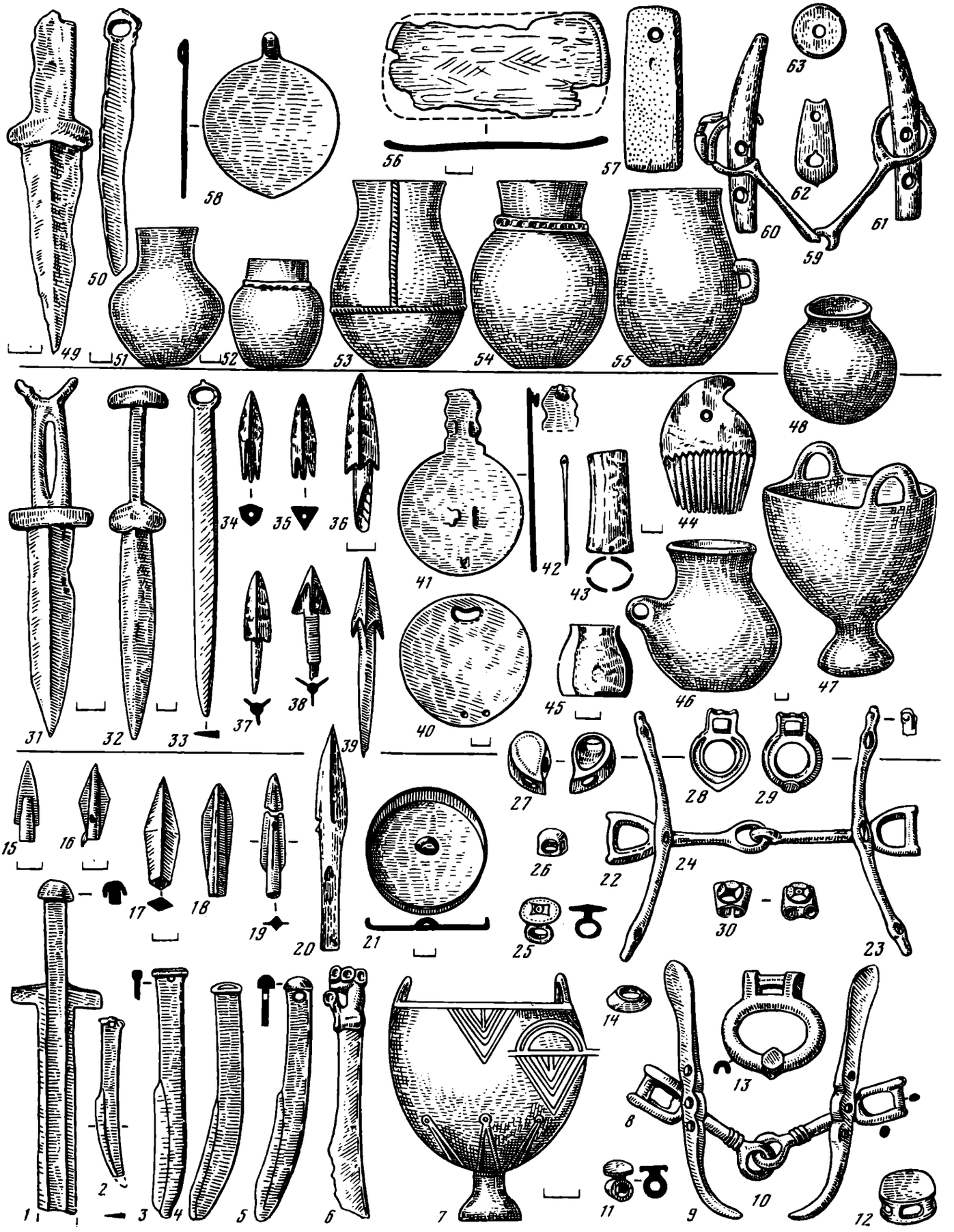

Таблица 56. Материальная культура ранних кочевников Восточного Казахстана. Орудия труда, оружие, посуда

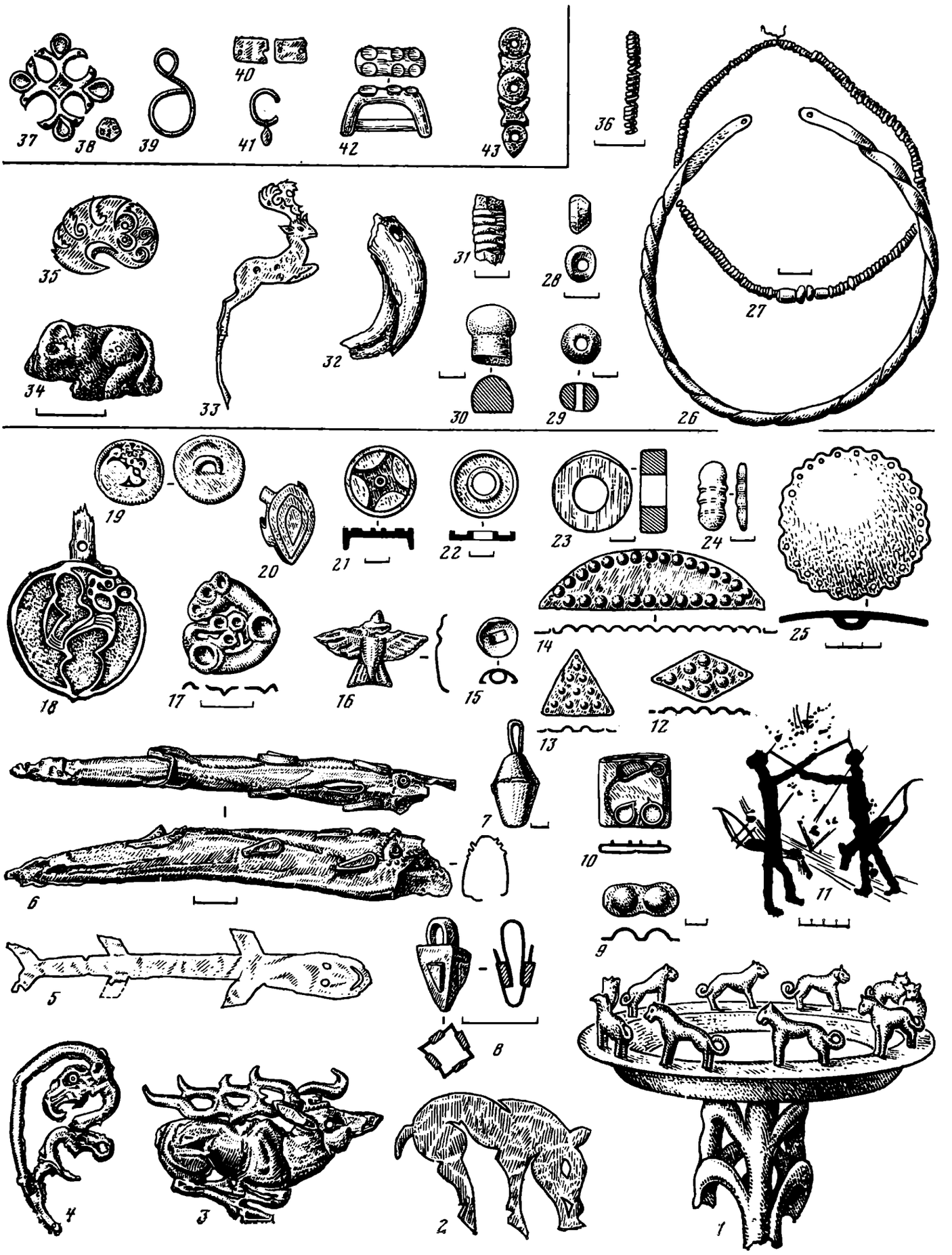

Таблица 57. Материальная культура ранних кочевников Восточного Казахстана. Украшения, искусство

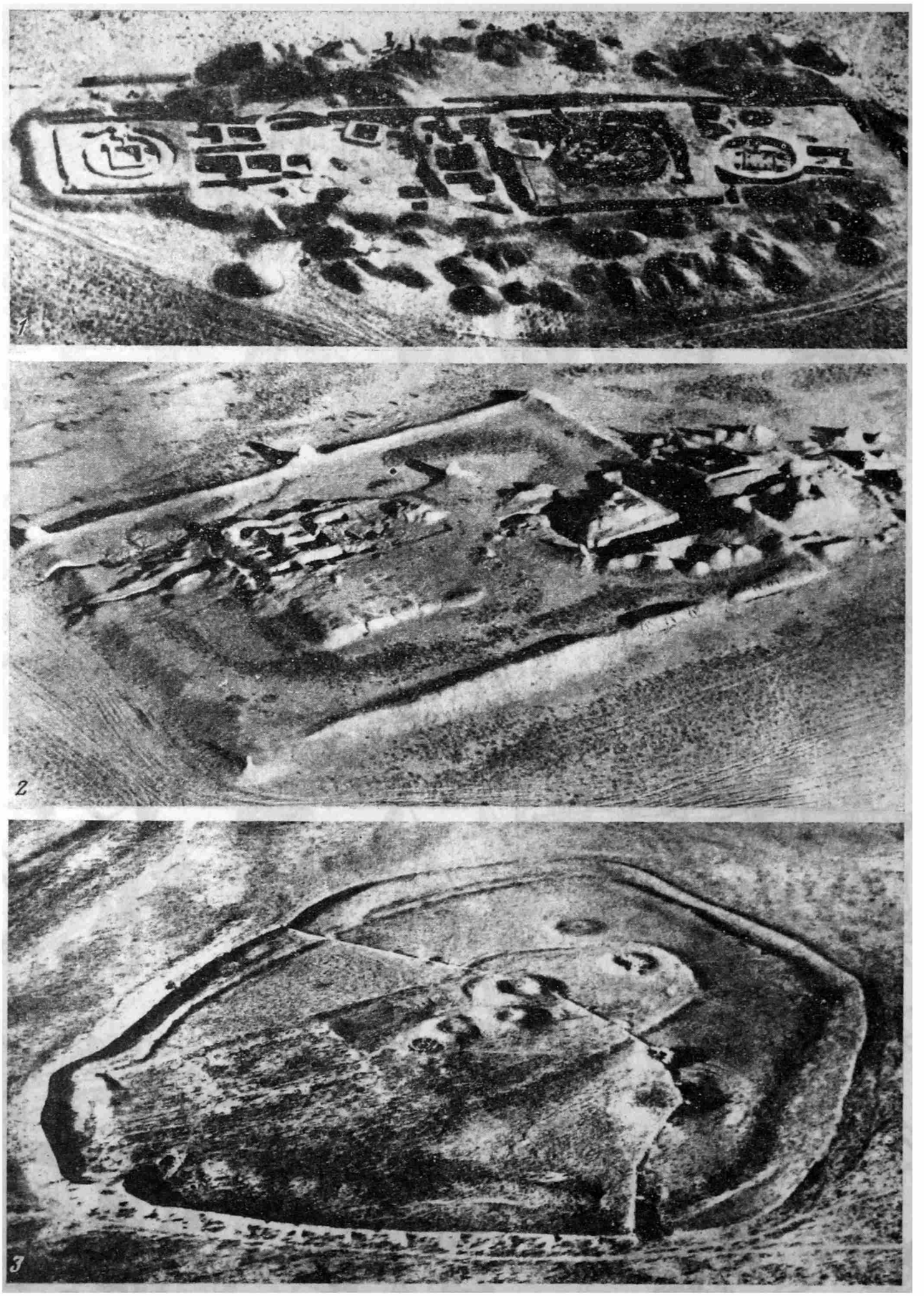

Таблица 58. Вид на археологические памятники с самолета

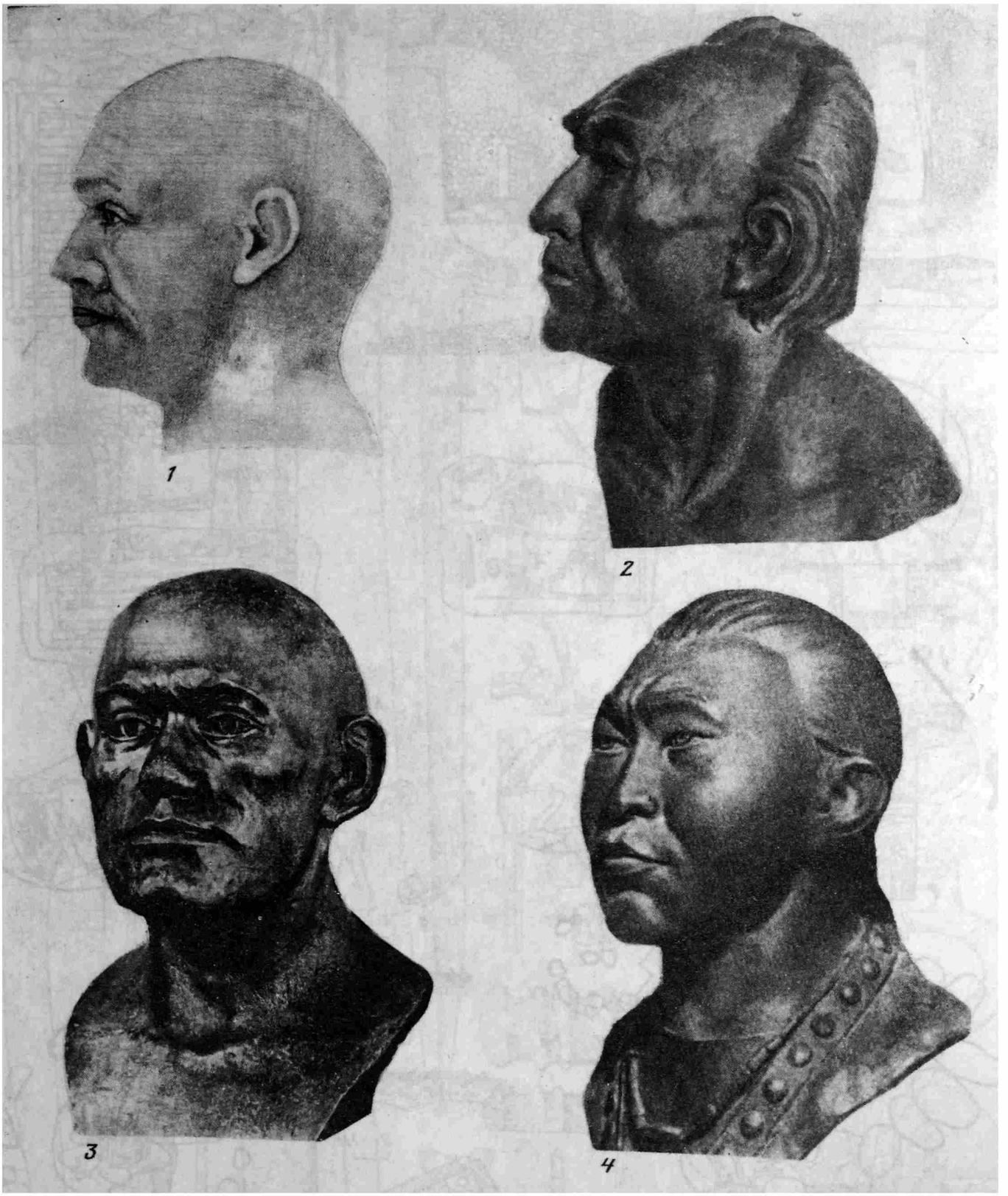

Таблица 59. Мужчины тагарского времени (*1*), гунн (*2*), сак (*3*) и человек из плиточной могилы (*4*). Реконструкции М. М. Герасимова

Оглавление

Предисловие
(© М. Г. Мошкова) 5

Часть первая
Кочевые племена Средней Азии и Казахстана в скифо-сарматское время 9

Введение 10

Природные условия и хозяйственные зоны *(© Б. В. Андрианов)* 10

Общие сведения о ранних кочевниках Средней Азии и их группировках *(© А. М. Мандельштам, Н. Г. Горбунова)* 13

Основные проблемы в изучении памятников древних скотоводов Средней Азии и Казахстана *(© Б. В. Вайнберг, Н. Г. Горбунова, М. Г. Мошкова)* 21

Глава первая. Саки Приаралья 31

Ранние саки Приаралья *(© М. А. Итина)* 31

Чирикрабатская культура в низовьях Сырдарьи *(© Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина)* 47

Памятники джетыасарской культуры середины I тысячелетия до н. э.— середины I тысячелетия н. э. *(© Л. М. Левина)* 61

Глава вторая. Семиречье, Тянь-Шань, Фергана и Памир 73

Ранние кочевники Семиречья и Тянь-Шаня *(© Ю. А. Заднепровский)* 73

Ранние кочевники Кетмень-Тюбе, Ферганы и Алая *(© Ю. А. Заднепровский)* 87

Ранние кочевники Памира *(© Ю. А. Заднепровский)* 95

Глава третья. Ташкентский оазис, средняя Сырдарья и Среднеазиатское междуречье 101

Ранние кочевники Южного Казахстана и Ташкентского оазиса *(© Ю. А. Заднепровский)* 101

Кочевое население Среднеазиатского междуречья в последние века до нашей эры и первые века нашей эры *(© А. М. Мандельштам)* 107

Глава четвертая. Левобережный Хорезм и северо-западная Туркмения 116

Памятники скотоводческих племен в левобережном Хорезме *(© Б. И. Вайнберг)* 116

Кочевники северо-западной Туркмении *(© Б. И. Вайнберг, Х. Ю. Юсупов)* 122

Глава пятая. Центральный и Восточный Казахстан 130

Центральный Казахстан *(© О. А. Вишневская)* 130

Ранние кочевники Восточного Казахстана *(© Н. А. Боковенко, Ю. А. Заднепровский)* 140

Часть вторая
Население Западной Сибири и Забайкалья в скифо-сарматское время 149

Введение 150

Природные условия и хозяйственные зоны Западной и Южной Сибири *(© Н. А. Боковенко, М. Г. Мошкова)* 150

Основные проблемы в изучении памятников древних скотоводов Западной и Южной Сибири и Забайкалья *(© Н. А. Боковенко, М. Г. Мошкова, В. А. Могильников)* 151

Глава первая. Алтай и Тува 161

Алтай и приалтайская степь *(© М. П. Грязнов)* 161

Ранние кочевники скифского периода на территории Тувы *(© А. М. Мандельштам)* 178

Гунно-сарматский период на территории Тувы *(© А. М. Мандельштам, Э. У. Стамбульник)* 196

Глава вторая. Минусинская котловина 206

Тагарская культура *(© Н. Л. Членова)* 206

Тесинский этап *(© М. Н. Пшеницына)* 224

Таштыкская культура *(© Э. Б. Вадецкая)* 236

Глава третья. Забайкалье в скифскую эпоху и ранние гунны 247

Культура плиточных могил *(© Н. Л. Членова)* 247

Хунну Забайкалья *(© В. А. Могильников)* 254

Глава четвертая. Лесостепь Зауралья и Западной Сибири 274

Ранний железный век лесостепи Западной Сибири *(© В. А. Могильников)* 274

Гороховская культура *(© В. А. Могильников)* 283

Лесостепное Прииртышье в VII—VI вв. до н. э. *(© В. А. Могильников)* 291

Саргатская культура *(© В. А. Могильников)* 292

Заключение
(© М. Г. Мошкова) 312

Литература 319

Список сокращений 340

Подписи к таблицам 342

Указатели 479